СЕРП

6.B983

Сборникъ второй

М. Б. Ратнеръ. Эволюція національно-политической мысли в русскомъ еврействѣ.
Х. Житловскій. Эмпиріокритическій матеріализмъ и національный вопросъ.
Н. Іонинъ. Національныя черты народнаго хозяйства.
Бенъ-Адэръ. Наши Критики: а) О національной эксплуатаціи евреевъ. б) О національно-политической автономіи.
Базинъ. Требованія момента и задачи еврейскаго пролетаріата.
С. Лозинскій. К парламентскимъ выборамъ въ Австріи.
П. Казимировъ. „Демократическія начала" въ проэктѣ польской автономіи.
А. Жеми. Профессіональное движеніе и національный вопросъ въ Австріи.
Н. Гайдаровъ. Штутгартскій Конгрессъ.
М. Борисовъ. Изъ жизни и литературы. а) Конференція россійскихъ національно-соціалистическихъ партій. б) Штутгардтъ. в) Конгрессъ сіонистовъ. г) Кто мы?
Критика и Библіографія:
а) „Духовный" національнымъ с. Дубнова. б) Marx-studien. Die Nationalitätenfrage und socialdemokratie von Otto Bauer. в) Статистическія упражненія г. Лещинскаго. г) В. Косовскій. Вопросы національности. д) Людвигъ Кульчицкій. Автономія и федерація. е) Фр. Герцъ. — Соціализмъ и національный вопросъ. — ж) Der judischer arbeiter in London Я. Лещинскій. з) Г. М. Маркумисъ. Такъ называемый еврейскій вопросъ.
Матеріалы. К исторіи еврейскаго рабочаго движенія.

Типографія „Грамотность Невскій„ пр., д. № 82.

53217

Оглавленіе.

СТР.

1. **М. Б. Ратнеръ.** Эволюція національно-политической мысли въ русскомъ еврействѣ 5
2. **Х. Житловскій.** Экономическій матеріализмъ и національный вопросъ 63
3. **К. Іонинъ.** Національныя черты народнаго хозяйства . . . 86
4. **Бен-Адéръ.** Наши критики:
   - I. О національной эксплуатаціи евреевъ 115
   - II. О національно-политической автономіи 129
5. **Базинъ.** Требованія момента и задачи евр. пролетаріата . . 149
6. **С. Лозинскій.** Къ парламентскимъ выборамъ въ Австріи . . 167
7. **И. Казимировъ.** „Демократическія начала“ въ проектѣ польской автономіи 179
8. **А. Неми.** Профессіональное движеніе и національный вопросъ въ Австріи 197
9. **Н. Гайдаровъ.** Штутгартскій конгрессъ 227
10. **М. Борисовъ.** Изъ жизни и литературы:
    - I. Конференція россійскихъ національно-соціалистическихъ партій 267
    - II. Штутгартъ 275
    - III. Конгрессъ сіонистовъ 278
    - IV. Кто мы? 283

11. **Критика и библіографія**:

I. „Духовный“ націонализмъ г-на Дубнова. (Критическая замѣтка). *Х. Житловскаго* 292

II. Marx-Studien. Die Nationalitätenfrage und Socialdemocratie. Yon Otto Bauer. *М. Самуилова* 310

III. Статистическія упражненія Г. Я. Лещинскаго. (Критическая замѣтка). *Н. Іонина* 325

IV. В. Косовскій. Вопросы національности *А. Р—на.* 367

V. Гр. Гертцъ. Соціализмъ и національный вопросъ *М. Эра* 372

VI. Л. Кульчицкій. Автономія и федерація въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ. *М. Эра* 374

VII. Я. Лещинскій Der judischer Arbeiter in London. *Н. Іонина* 376

VIII. М. Г. Моргулисъ. Вопросъ, именуемый еврейскимъ. *А. Ф....овича* 378

12. **Матеріалы къ исторіи еврейскаго рабочаго движенія**:

I. Отчетъ Центральнаго Комитета Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи, представленный Интернаціональному конгрессу въ Штутгартѣ. 381

II. Отчетъ представленный Центральному Комитету Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи делегаціей на Интернаціональномъ Соціалистическомъ конгрессѣ въ Штутгартѣ 395

Эволюція національно-политической мысли въ русскомъ еврействѣ.

I.

То сложное соціально-психическое явленіе, которое мы обыкновенно называемъ общественною или политическою мыслью народа, оказывается, при ближайшемъ разсмотрѣніи, совокупностью очень многихъ и разнообразныхъ моментовъ, суммою, составляющейся изъ нѣсколькихъ слагаемыхъ.

При этомъ тотъ или другой моментъ, та или другая сторона даннаго явленія пріобрѣтаетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ большее или меньшее значеніе по соображеніямъ чисто методологическаго свойства: съ точки зрѣнія, спеціально интересующей даннаго изслѣдователя.

Приступая къ изслѣдованію эволюціи общественно-политической мысли въ еврействѣ, я считаю наиболѣе цѣлесообразнымъ взять за исходную точку зрѣнія, за основную нить анализа эволюцію той стороны еврейскихъ идеологій, которая является наиболѣе характерной, наиболѣе специфической для данной области вообще. Опредѣляетъ-ли бытіе сознаніе, какъ утверждаютъ матеріалисты, или наоборотъ—сознаніе формируетъ основы бытія, какъ предполагаютъ идеалисты, но несомнѣненъ тотъ фактъ, что между сознаніемъ и бытіемъ какого либо народа, опредѣленнаго класса или даже отдѣльнаго индивидуума существуетъ неизбѣжная, неотвратимая взаимозависимость. Съ этой ясной до элементарности точки зрѣнія, необходимо вытекаетъ, что условія реальной жизни, конкретнаго историческаго существованія народа налагаютъ неизгладимую печать на содержаніе, способы и формы его мышленія. Въ каждой средѣ, соотвѣтственно особымъ ея условіямъ, возникаютъ свои особыя проблемы, назрѣ-

ваютъ спеціальныя нужды, и пытливая человѣческая мысль ревностно стремится къ ихъ посильному разрѣшенію. И въ результатѣ всѣхъ этихъ условій и вліяній создается тотъ специфическій феноменъ, который мы и называемъ общественной или политической мыслью даннаго народа, класса или индивидуума.

Судьбы еврейскаго народа, растянувшаго свою многострадальную исторію на цѣлыя тысячелѣтія, весьма многообразны. Но если мы пожелаемъ прослѣдить эволюцію политической мысли въ еврействѣ, мы поступимъ наиболѣе правильно, если возьмемъ за исходную точку анализа изслѣдованіе способовъ разрѣшенія еврействомъ той проблемы, которая является наиболѣе характерной для еврейства, какъ такового, для еврейства—какъ народа, какъ націи. Много тысячъ лѣтъ тому назадъ евреи потеряли политическую самостоятельность и съ той поры, вѣчно вкрапляемые въ среду другихъ народовъ, чужихъ національностей, они живутъ чуждой жизнью народовъ, къ которымъ они еще не вполнѣ приспособились, радуются чужими радостями и болѣютъ чужими горестями. Послѣдовательно, на пространствѣ всей длинной исторіи человѣчества еврейскій народъ, можно сказать, переживалъ всѣ политическія проблемы, когда либо волновавшія отдѣльные народы. Но на ряду съ этимъ, въ страстномъ стремленіи найти для себя свое собственное содержаніе, ощутить себя какъ еврейство, какъ нѣчто самостоятельное, злосчастный народъ этотъ всегда былъ занятъ выработкой своего особаго опредѣленнаго отношенія къ тѣмъ народностямъ, среди которыхъ онъ жилъ, къ тому строю чужой жизни, который невольно на него давилъ, увлекалъ и поглощалъ его. Въ результатѣ такихъ процессовъ мысли среди еврейства возникаетъ мучительная проблема, которой не зналъ (по крайней мѣрѣ въ такой степени) ни одинъ народъ въ мірѣ. Я разумѣю ту проблему ассимиляціи, способы разрѣшенія которой во всѣ времена составляли такую характеристическую черту еврейскаго міровоззрѣнія. Гдѣ и чѣмъ бы ни жилъ еврей, какой атмосферой ни дышалъ бы, въ условіяхъ какой политической обстановки ни работалъ бы и боролся вмѣстѣ съ другими, всегда и повсюду еврей, оставаясь евреемъ, на ряду съ этимъ пытался опредѣлить свое подлинное отношеніе къ этой чужой, желѣзными клещами притягивавшей его жизни; всегда и всюду онъ пытался отвѣтить на вопросъ:

долженъ ли онъ всецѣло, безъ остатка отдаться этому всепоглощающему потоку чужой жизни, или же, наоборотъ, возможно и необходимо при всемъ томъ сохранить свою самостоятельность, отстоять свою національность. Въ результатѣ, подъ перекрестнымъ огнемъ этихъ противоположныхъ и разнородныхъ тенденцій, вырабатывалась особо сложная психика, складывалась интенсивная, кипучая внутренняя жизнь, и мучительно бьется до сихъ поръ еврейская мысль въ трепетномъ исканіи того, что по силѣ современныхъ условій является столь трудно разрѣшимымъ.

Вотъ почему нѣтъ лучшаго средства для распознанія и оцѣнки современнаго состоянія политической мысли еврейства, какъ классификація различныхъ ея теченій вокругъ того или иного способа разрѣшенія ассимиляціонной проблемы. Такимъ путемъ анализа я и рѣшаюсь пойти въ настоящей работѣ.

Споры объ ассимиляціи, то или иное пониманіе послѣдней проходятъ черезъ всю исторію еврейскаго народа. И это главнымъ образомъ потому, что исторія еврейскаго народа складывалась при такихъ условіяхъ, которыя создавали для него постоянную опасность ассимиляціи, сліянія съ другими народами. „Наблюдая всю еврейскую исторію не только діаспорическаго но и государственнаго періода“,—говоритъ г. Дубновъ,—„мы замѣчаемъ, что ассимиляція не является исключительно печальной привилегіей нашего времени. Отливъ національнаго чувства или ослабленіе культурной самобытности въ тѣхъ или другихъ частяхъ еврейства—явленіе, многократно повторявшееся въ нашей исторической жизни. Достаточно вспомнить объ увлеченіи израильтянъ финикійской или ассиро-вавилонской культурой (въ связи съ религіознымъ культомъ) въ эпоху царей и пророковъ, объ ассимиляціонномъ направленіи эллинистовъ въ Іудеѣ временъ Хасмонеевъ, о поклонникахъ греко-римской культуры и противникахъ зелотовъ въ эпоху паденія Іудеи, объ эпидеміяхъ ренегатства въ эпохи возникновенія христіанства и ислама, о слѣдахъ ассимиляціи во время арабско-испанскаго ренесанса“ *). О томъ же говоритъ и авторъ „Мыслей объ историческихъ судьбахъ еврейства Х. Житловскій. „Еврейскій народъ, по его словамъ, одинъ

*) С. М. Дубновъ. Письма о старомъ и новомъ еврействѣ. Спб. 1907г., стр. 154.

изъ способнѣйшихъ къ ассимиляціи; болѣе близкое знакомство съ его исторіей убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ этой способностью пользовался весьма часто... Даже правовѣрнѣйшій юдаизмъ часто дѣлался доступнымъ вліянію иноземной культуры, иноземнаго міросозерцанія и перерабатывалъ тѣ элементы изъ нихъ, которые могли такъ или иначе мириться съ его осново-положеніями". *)

Авторъ приводитъ въ доказательство своей мысли нѣсколько историческихъ фактовъ. Такъ, народный характеръ, народное міросозерцаніе евреевъ сильно измѣнилось подъ вліяніемъ семидесяти-лѣтняго пребыванія въ вавилонскомъ плѣну. Далѣе почти двухъ-вѣковое сношеніе съ греко-римскимъ міромъ также не оказалось безвреднымъ для евреевъ. И дѣйствительно, новѣйшими изслѣдователями доказано, что „греческая премудрость" не совсѣмъ была чужда фарисеямъ и имѣла значительное вліяніе на развитіе ихъ мысли; съ другой стороны, римское законодательство оказало свое опредѣленное вліяніе на развитіе талмудическаго права. Въ томъ же смыслѣ должно быть истолковано тѣсное сближеніе евреевъ съ арабами. Необходимъ былъ талмудъ—эта прочная ограждающая стѣна, чтобы арабскіе евреи сохранили свою національность... Но спустя какой-нибудь вѣкъ послѣ сліянія съ „талмудическимъ еврействомъ" начинается тѣсное сближеніе съ арабской культурой. „Если еще прибавить, что при всякомъ тѣсномъ сожительствѣ съ какимъ-нибудь народомъ евреи прежде всего принимаютъ его языкъ, что древне-еврейскій уступилъ свое мѣсто халдейскому, греческому, аравійскому, испанскому, французскому, нѣмецкому, голландскому, такъ что ужъ одна эта особенность характеризуетъ ихъ, какъ наиболѣе космополитическую расу въ мірѣ, то съ нихъ надо будетъ снять упрекъ въ незнакомствѣ съ тѣми, надъ которыми они почему-то считали себя выше" **).

И тѣмъ не менѣе, на ряду съ наличностью такой яркой ассимиляціонной тенденціи, „вся еврейская исторія отъ паденія Іудеи до Мендельсона", по словамъ того же автора, „представляетъ одну почти непрерывную эпоху подчиненія личности

*) Х. Житловскій. Мысли объ историческихъ судьбахъ еврейства. Москва. 1887 г., стр. 8.

**) Тамъ-же, стр. 8—11.

въ пользу націи и является естественнымъ развитіемъ тѣхъ стремленій, которыя въ свою очередь вытекали изъ рѣшенія принятаго націей въ годину величайшей для нея опасности". А каковы были эти стремленія, видно изъ слѣдующихъ словъ: „идеалъ справедливой жизни считался присущимъ только еврейскому народу, которому угрожало сліяніе, исчезновеніе среди гораздо ниже его стоящихъ народовъ; надо было сохранить, запечатлѣть на вѣки національный умственный и нравственный типъ, для чего возникаютъ Талмудъ и раввинизмъ, поддерживаемые вѣрой въ мессію, вѣрой въ скорое избавленіе отъ рабства, въ скорое достиженіе цѣли, послѣ чего не будутъ нуждаться въ такихъ гнетущихъ средствахъ. Вотъ суть всей еврейской исторіи, дѣйствительно безпримѣрной по той степени сознанія, которой народъ отличался въ началѣ своей борьбы за индивидуальность, и по тѣмъ ужаснымъ результатамъ, къ которымъ привела эта борьба" *).

Кажущееся противорѣчіе между двумя отмѣченными стремленіями еврейскаго народа: съ одной стороны—къ ассимиляціи съ другими народностями, а съ другой—къ огражденію своей національной самобытности находитъ свое простое объясненіе въ наличности двоякаго оттѣнка понятія ассимиляціи. Подъ ассимиляціей мы разумѣемъ то склонность народа къ усвоенію началъ чужой культуры, культуры тѣхъ народовъ, съ которыми, по условіямъ историческаго существованія, ему приходится соприкасаться; то стремленіе подчиниться цѣликомъ вліянію другого народа, желаніе слиться съ нимъ, покончивъ со своимъ собственнымъ я. Это несомнѣнно два оттѣнка одного и того же понятія, часто трудно даже указать границу между ними. Тѣмъ не менѣе, оба эти оттѣнка необходимо строго различать, такъ какъ здѣсь получаются практическіе результаты, по существу разноцѣнные. Ассимиляція въ первомъ смыслѣ должна быть признана вполнѣ здоровымъ и нормальнымъ явленіемъ въ соціальной борьбѣ. Она означаетъ не что иное, какъ стремленіе народа, въ уровень съ потребностями реальной исторической жизни, порвать оковы національной замкнутости и, войдя въ духовное общеніе съ естественными сосѣдями, позаимствовать изъ ихъ культуры все,

*) Тамъ же, стр. 70, 100.

что тамъ есть здороваго, нормальнаго, положительнаго. Такая ассимиляція, въ соединеніи съ способностью ассимилирующагося народа не только усваивать основы чужой культуры, но и перерабатывать ихъ въ горнилѣ своего собственнаго духовнаго развитія, представляетъ собою прогрессивное явленіе, призванное обогатить общую сокровищницу всечеловѣческой цивилизаціи. Совсѣмъ иначе должна быть оцѣниваема ассимиляція во второмъ смыслѣ. Стремленіе освободиться отъ своего національнаго я, растворивъ его безъ остатка въ средѣ чужой національности, должно быть разсматриваемо какъ явленіе регресивнаго порядка. Являясь результатомъ духовной немощи данной національности, сопровождаемое обыкновенно неблагопріятными условіями исторической обстановки, а подчасъ и прямымъ давленіемъ со стороны государства,—такая ассимиляція въ конечномъ счетѣ ведетъ къ исчезновенію національной индивидуальности, что должно быть разсматриваемо какъ прямой ущербъ общечеловѣческой культурѣ. Какъ я уже имѣлъ случай доказывать въ другомъ мѣстѣ, „національность—это необходимый аттрибутъ нормальной человѣческой личности, это—альфа и омега правильнаго человѣческаго существованія, залогъ ея неустаннаго физическаго роста и духовнаго совершенствованія. Въ національности, какъ въ призмѣ, преломляются всѣ индивидуальныя особенности, культурные задатки и моральные блестки живой человѣческой личности. Національность—это духовная форма, въ которую отливается вся матерія соціально-исторической жизни народа,—форма, сообщающая этой жизни прелесть своеобразной культурной красоты“ *).

Но справедливость требуетъ отмѣтить, что ассимиляція въ этомъ второмъ худшемъ смыслѣ даннаго понятія в ъ о б щ е м ъ была чужда еврейскому народу, хотя и появлялась въ отдѣльные моменты общественнаго развитія. Такого рода ассимиляція и не могла быть свойственна народу, предъ изумительной способностью котораго сохранить свою индивидуальность, вопреки всѣмъ тяжелымъ и неблагопріятнымъ условіямъ, преклоняются всѣ историки. „Евреи—народность совершенно исключительная“,—говоритъ по этому поводу извѣстный историкъ Украйны г-жа А. Ефи-

*) См. Сбор. „Наканунѣ пробужденія“. Спб. 1906 г., ст. М. Б. Ратнера. Современная постановка еврейскаго вопроса въ Россіи, стр. 144.

менко,—„будущая соціологія, конечно, много почерпнетъ для своихъ положеній изъ ближайшаго знакомства съ ихъ исторіей и строемъ. Если бы мы попытались дать опредѣленіе понятію національности, то, по всей вѣроятности, свели-бы содержаніе этого понятія къ двумъ элементамъ: языку и территоріальной связи. Но евреи сумѣли сохранить народность, помимо единства языка и совсѣмъ независимо отъ территоріальной связи. Мало того, что сохранили ее,—есть-ли національность болѣе устойчивая, чѣмъ еврейская?“ *). И эта сохранившаяся, несмотря на тысячелѣтнее скитаніе, цѣлостная индивидуальность еврейскаго народа отразилась даже на физическихъ свойствахъ еврея, какъ антропологическаго типа. По мнѣнію Д. Хвольсона. „евреи представляютъ собою одинъ изъ наиболѣе характерныхъ и обособленныхъ антропологическихъ типовъ, удерживающій вѣками свои особенности, несмотря на различіе географическихъ и другихъ условій, при которыхъ ему приходилось и приходится существовать въ разныхъ частяхъ свѣта. Составляя одно изъ подраздѣленій типа семитическаго, еврейскій типъ выдѣлился, однако, уже въ глубокой древности, какъ то доказываютъ изображенія евреевъ на египетскихъ и ассирійскихъ монументахъ, легко отличаемыя отъ изображеній другихъ азіатскихъ и африканскихъ племенъ. Упроченію типа евреевъ содѣйствовало ихъ обособленіе, избѣганіе кровнаго смѣшенія съ сосѣдними народами и слабое проявленіе духа прозелитизма“ **).

Такъ, ассимилируясь съ другими народами въ смыслѣ позаимствованій изъ ихъ развивавшихся при болѣе благопріятныхъ условіяхъ культуръ всего здороваго и цѣннаго, но въ то же время, ни съ кѣмъ въ своей массѣ не сливаясь и сохраняя полную свою національную самостоятельность, еврейство дожило до нашихъ дней, когда въ бурномъ морѣ гигантской политической борьбы вплотную охватившей всю Россію, въ томъ числѣ и русскихъ евреевъ, послѣдніе, наканунѣ своего политическаго возрожденія, обнаруживаютъ попытку намѣтить и свою цѣльную національную программу.

---

*) А. Ефименко. „Южная Русь“, Очерки, изслѣдованія и замѣтки, т. 2. Спб. 1905 г., стр. 1.

**) Д. Хвольсонъ. Ст. „Евреи“. Энц. слов. Брокгауза и Эфрона.

Какъ же это случилось? Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, необходимо набросить хотя нѣсколько штриховъ изъ пестрой, но въ тоже время послѣдовательной, исторіи развитія національно-политической мысли еврейства за послѣднія десятилѣтія въ Россіи.

II.

Исторія еврейскаго разселенія и еврейскихъ мытарствъ въ Россіи болѣе или менѣе изслѣдована и достаточно извѣстна. Переживъ полосу безпощадныхъ гоненій, одухотворенныхъ тою уродливой мыслью, которая получила классическое выраженіе въ циничномъ афоризмѣ Елизаветы Петровны: „отъ враговъ христовыхъ не желаю интересной прибыли"; еле передохнувъ, но не получивъ ничего реальнаго ни отъ Екатерины II, которой приверженность Дидро и Вольтеру не помѣшало въ первый же годъ ея царствованія отклонить предложеніе государственнаго совѣта о допущеніи евреевъ въ Россію; ни отъ Александра I, несмотря на всѣ либеральныя начинанія и чаянія первой половины его царствованія,—евреи не безъ страха и смущенія встрѣтили вступленіе на престолъ Императора Николая, непреклонная воля и желѣзная рѣшимость котораго не предвѣщали ничего добраго. Здѣсь не мѣсто пускаться въ описанія тѣхъ безчеловѣчныхъ ужасовъ, жертвами которыхъ, хотя бы на одной военной службѣ, сдѣлались русскіе евреи; интересующихся этой областью можно отослать къ сохранившимъ историческую цѣнность бытописаніямъ Богрова и другимъ нашимъ писателямъ. Мнѣ же здѣсь необходимо подчеркнуть совсѣмъ другое. Тутъ важно отмѣтить, что на долю именно Николая I выпало по отношенію къ евреямъ та же историческая миссія, которая составляетъ неувядаемую заслугу Петра Великаго по отношенію ко всей Россіи. Петръ европеизировалъ Россію, причемъ по условіямъ того времени ему приходилось прибѣгать къ внѣшнимъ пріемамъ насилія, кажущимся намъ теперь смѣшными, но для того времени носившимъ, очевидно, элементъ необходимости. Николай I приступилъ къ обрусительной политикѣ по отношенію къ евреямъ и ему приходилось дѣйствовать тѣмъ же насильственнымъ путемъ.

Окладистыя бороды истыхъ московскихъ купцовъ при Петрѣ Великомъ постигла та же горькая участь, что и курчавые пейсы и накладные парики истыхъ евреевъ и евреекъ. И та, и другая политика принесла свои результаты. Европеизація Россіи и обрусеніе евреевъ стали совершившимся фактомъ, хотя процессъ этотъ въ той и другой области протекалъ не съ одинаковою быстротой, не съ одинаковой степенью интенсивности. Верхи русскаго общества очень скоро оказались страдающими гипертрофіей „европейскаго“ чувства; этому способствовали особыя условія развитія русскаго дворянства, лишь очень поздно ощутившаго нѣкоторую, и то совершенно недостаточную, связь съ массами своего народа. Въ иномъ положеніи находились евреи. Давно потерявшіе свою ерархію должностей и сословій, лишь въ очень малой степени затронутые дифференціаціей по классамъ и занятіямъ, русскіе евреи Николаевской эпохи представляли собой сплошную массу, съ большимъ трудомъ подававшуюся той насильственной политикѣ, которая подъ формою благожелательнаго для нихъ обрусенія естественно представлялась какъ одно изъ новыхъ звеньевъ въ длинной цѣпи еврейскихъ гоненій и преслѣдованій. Тѣмъ не менѣе работа обрусенія, очевидно, имѣвшая подъ собою почву въ условіяхъ жизни самихъ евреевъ, мало по малу, едва замѣтно, исподволь, но все же совершалась. И такъ, съ теченіемъ времени изученіе русскаго языка, позаимствованіе русской одежды и другихъ предметовъ обихода и вообще сближеніе съ русскими вызвали въ еврейской средѣ приливъ ассимиляціонной волны. Эта волна, получившая начало отъ искусственнаго сотрясенія Николая I, затѣмъ стала разливаться все шире и шире и, черезъ сороковые и пятидесятые годы, докатилась до памятной эпохи шестидесятыхъ годовъ. Эпоха великихъ реформъ, потрясшая до самыхъ основъ устои русской общественной жизни, лишь окрылила новыми надеждами несчастное русское еврейство. Подъ лучами весенняго русскаго солнца, казалось тогда, должны были зажить всѣ ноющія язвы горькой еврейской дѣйствительности. Измученный умъ тысячелѣтняго скитальца-еврея, невольно поддаваясь общему увлеченію страны, рисовалъ себѣ заманчивую картину того, какъ въ обновленной общей родинѣ восторжествуетъ, наконецъ, требованіе святого принципа: „нѣсть ни эллина, ни іудея“, и подъ покровомъ громко возвѣщенныхъ незыблемыхъ

судебныхъ уставовъ надъ испещренной произволомъ землею взовьется знамя правового порядка съ начертанной на немъ надписью: „равенство всѣхъ передъ закономъ“. Однимъ словомъ, вся обстановка, окружавшая евреевъ, вся ломка исторически развивавшихся событій способствовали тому, что ассимиляціонныя стремленія, охватившія лучшую часть еврейской интеллигенціи, становились все крѣпче, разгорались все ярче. Нѣсколько позже, одинъ изъ умѣренныхъ представителей этого ассимиляціоннаго настроенія и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ немногихъ серьезныхъ изслѣдователей русско-еврейскаго права и быта И. Г. Оршанскій писалъ по этому поводу: „Евреи въ эти 15 лѣтъ ушли очень далеко по пути гражданственности и вмѣстѣ съ тѣмъ обрусенія. Тогда какъ прежде ни въ средѣ русскаго общества, ни среди самихъ евреевъ не было и мысли считаться русскими гражданами, теперь есть уже довольно многочисленный классъ евреевъ, упорно отстаивающихъ честь и право считаться русскими людьми и гражданами Россіи... Главная заслуга въ дѣлѣ цивилизованія евреевъ и сліянія ихъ съ господствующимъ населеніемъ принадлежитъ тому движенію въ дѣятельности русскаго государства и общества, которое по справедливости должно быть названо не узко-національнымъ, а общечеловѣческимъ“. *) Въ другомъ мѣстѣ тотъ же просвѣщенный и образованный еврейскій эмансипаторъ защищаетъ „дозволеніе смѣшанныхъ браковъ“, которое, „для образованнаго меньшинства“ „было бы весьма желательно“, и прибавляетъ при этомъ, что „сліяніе евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, столь желательное во всѣхъ отношеніяхъ, нашло бы въ такомъ законѣ сильнаго союзника“. **) И наконецъ, еще въ одномъ мѣстѣ тотъ же Оршанскій, желая снять съ евреевъ упрекъ въ противодѣйствіи сліянію, аргументируетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: „Вѣдь сліяніе двухъ народностей или поглощеніе одной изъ нихъ другой, по самому свойству своему, есть актъ двусторонній... Русское общество только въ такомъ случаѣ можно признать правымъ въ упрекахъ, дѣлаемыхъ имъ евреямъ за обособленность, если оно можетъ вполнѣ увѣренно сказать, что оно сдѣлало все отъ него зависящее

*) И. Г. Оршанскій. „Евреи въ Россіи“. Спб. 1877 г. (Посмертное изданіе). Стр. 179—180.

**) И. Г. Оршанскій. Русское законодательство о евреяхъ. Спб. 1877 г. стр. 102.

для привлеченія къ себѣ евреевъ и натолкнулось на упорное съ ихъ стороны сопротивленіе. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ?“ *)

Оршанскому тогда искренне казалось, что это „не такъ“. Читатель видитъ, однако, изъ приведенныхъ цитатъ, что по вопросу объ ассимиляціи, ея сущности, цѣли и содержаніи въ умѣ Оршанскаго, какъ и большинства еврейской интеллигенціи того времени, царила изрядная путанница понятій. „Обособленность“ противопоставлялась сліянію, ассимиляція въ первомъ изъ указанныхъ нами выше смысловъ вполнѣ отождествлялась съ ассимиляціей во второмъ смыслѣ; достаточно ясной, логически проведенной границы между ними проведено не было. Но вотъ образчикъ разсужденія одного изъ еврейскихъ писателей шестидесятыхъ годовъ на тему о той же необходимости еврейской эмансипаціи путемъ ассимиляціи съ русскими: „Русскому народу надо поглотить русскихъ евреевъ (это пишетъ еврей! М. Р.), а евреямъ необходимо сбросить съ себя эту квази-національную шелуху, этотъ наростъ, привитый вѣками приниженія и рабства. Русскимъ евреямъ необходимо переродиться въ русскихъ еврейскаго вѣроисповѣданія—въ этомъ вся задача. Въ этомъ и только въ этомъ смыслѣ еврейскій вопросъ есть вопросъ національности“. **) Дубновъ совершено правъ, замѣчая, что „здѣсь идея сліянія выступаетъ во всей своей безобразной наготѣ“.

Въ безобразной или болѣе приличной формѣ, идея ассимиляціи наполнила собою и эпоху семидесятыхъ годовъ, получивъ въ это время особенно блестящее развитіе и весьма сильное распространеніе на страницахъ популярныхъ русско-еврейскихъ органовъ, какъ „Русскій Еврей“, „Разсвѣтъ“ перваго періода и др. Но исторія роста и развитія ассимиляціонной идеи въ семидесятые и непосредственно слѣдовавшіе за ними восьмидесятые годы представляетъ особый интересъ; здѣсь потребуются для насъ нѣкоторыя подробности.

Семидесятые годы знаменуютъ собою поворотный пунктъ въ исторіи самосознанія и самодѣятельности русскаго народа. По вѣрному опредѣленію Лаврова, еще на русскую интеллигенцію 30-хъ годовъ оказывали сильное вліяніе „всѣ фантастическія

*) Его-же. „Евреи въ Россіи“, стр. 137—138.

**) Напечатано въ V от. „Еврейской Библіотеки“, 1875 г.; цитир. у Дубнова „Письма о старомъ и новомъ евр.“, стр. 114—115.

созданія религіозной фантазіи и всѣ метафизическія увлеченія". Но уже интеллигенція 40-хъ годовъ занялась „проповѣдью гуманныхъ идей", а ея преемники 50-хъ и 60-хъ годовъ „проповѣдью научно-философскаго міросозерцанія въ его самыхъ передовыхъ формахъ" все это мало по малу создало въ Россіи ту „умственную атмосферу"—которая „дала возможность послѣдующему поколѣнію, оставаясь по необходимымъ условіямъ русскаго политическаго строя на почвѣ идейнаго соціализма, тѣмъ не менѣе оказаться воспріимчивымъ къ этому соціализму въ его научныхъ формахъ". Но лишь къ 70-мъ годамъ созрѣваетъ серьезное и опредѣленное соціалистическое теченіе среди русской интеллигенціи. „Передъ поколѣніемъ конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ была уже вполнѣ прочная и ясно сознанная почва принциповъ рабочаго соціализма, выработанная въ серединѣ 80-хъ годовъ". Мало того, къ этому именно времени русская интеллигенція „оказалась способною, съ одной стороны, вызвать то массовое движеніе на помощь народу, которое охватило 37 губерній, съ другой—выработать такую организацію и такую энергичную дѣятельность, которая могла идти въ параллель съ самыми крупными политическими проявленіями протестующаго меньшинства въ исторіи какого угодно народа". *)

Еврейскую интеллигенцію семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, мужественно вступившую въ ряды народниковъ—пропогандистовъ, а затѣмъ и народовольцевъ, и беззавѣтно понесшую всѣ свои силы на безкорыстное служеніе трудовому народу, на пути ихъ геройской борьбы поджидала глубокая, страшная трагедія. Трагедія, которой вовсе не знала связанная съ нею общностью идеаловъ, единствомъ цѣли и стремленій русская интеллигенція. Когда послѣдняя говорила о „народѣ", о томъ народѣ, который клался въ основу соціальнаго міровоззрѣнія, и за благо котораго готовы были принести всѣ возможныя и даже невозможныя жертвы, она знала о чемъ конкретно она говоритъ. „Народъ"—это было для семидесятника то трудовое русское крестьянство, которое въ его представленіи носило опредѣленный соціальный характеръ и могло служить опорой для достиженія

*) П. Лавровъ. Народники—пропагандисты 1873—78 годовъ. Спб. 1908, стр 7—8, 311 и др.

опредѣленной соціальной цѣли. По словамъ Туна, „соціалисты явились при эмансипаціи представителями исключительно крестьянскихъ интересовъ и добивались осуществленія главнымъ образомъ трехъ требованій: личной свободы крестьянъ, обязательнаго надѣленія ихъ даромъ или за умѣренное вознагражденіе, всею землею, какой они пользовались до освобожденія, и, наконецъ, сохраненія общиннаго землевладѣнія, въ которомъ соціалисты видѣли зерно будущаго соціалистическаго устройства". *) И этотъ исключительно аграрный характеръ первоначальнаго русскаго соціализма сохранился, силою естественныхъ условій, на довольно предолжительное время.

Въ концѣ семидесятыхъ и въ восьмидесятые годы подъ „народомъ" разумѣлось въ соціалистическихъ сферахъ уже не одно крестьянство, но и нарождавшійся классъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, на которыхъ народовольцы уже смотрѣли какъ на авангардъ революціоннаго движенія. Въ № 1-омъ „Земли и Воли", вышедшемъ 25 октября 1878 года, еще писалось: „нашей программой мы выдвигаемъ на первый планъ вопросъ аграрный. Вопросъ же фабричный мы оставляемъ въ тѣни, и не потому, чтобы не считали экспропріацію фабрикъ необходимою, а потому, что исторія, поставившая на первый планъ въ Западной Европѣ вопросъ фабричный, у насъ его не выдвинула вовсе, замѣнивъ его вопросомъ аграрнымъ". *) Но уже въ №№ 3-ьемъ и 4-омъ „Земли и Воли", вышедшихъ въ январѣ и февралѣ 1879 года, по этому же поводу писалось: „Вопросъ о городскомъ рабочемъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые, можно сказать, самою жизнью самостоятельно выдвигаются на подобающее мѣсто, вопреки апріорнымъ теоретическимъ рѣшеніямъ революціонныхъ дѣятелей. Въ прошломъ, не безъ нѣкотораго основанія, мы обращали всѣ свои надежды, употребляли всѣ свои усилія—на деревенскую массу. Городской рабочій занималъ второстепенное мѣсто; въ разсчетахъ революціонеровъ ему посвящалось, можно сказать, только сверхштатная часть силъ... Справедливъ ли этотъ взглядъ? Дѣйствительно ли городскій рабочій остается безъ крупной роли въ будущемъ соціальномъ переворотѣ? Намъ кажется, что это мнѣніе

*) А. Тунъ. Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи. Изд. О. Рутенбергъ. Стр. 83.

*) Революціонная журналистика 70-хъ годовъ. Стр. 71.

совершенно ошибочно". *) А въ „программѣ рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли" уже писалось: „поглядите: въ деревняхъ крестьянская земля постепенно переходитъ въ руки кулаковъ и спекуляторовъ; въ городахъ фабричные и заводскіе рабочіе попадаютъ все въ большую кабалу къ фабриканту... „Всѣ станутъ равны и свободны, добьются справедливыхъ порядковъ только тогда, когда дѣлами страны будетъ заправлять рабочее сословіе, т. е. крестьянство и городскіе рабочіе". **) Здѣсь уже крестьяне и рабочіе фигурируютъ какъ вполнѣ равноправные элементы формулы „народъ", надъ которой такъ энергично оперировали русскіе соціалисты того времени.

Въ какое-же отношеніе къ этому „народу" и ко всѣмъ этимъ народническимъ построеніямъ могъ стать еврейскій пропагандистъ, еврейскій народникъ, еврейскій народоволецъ? Тутъ-то и начинается та трагедія, о которой упомянуто выше... Какъ сторонникъ опредѣленнаго политическаго міровоззрѣнія, какъ поборникъ соціалистическаго ученія, получившаго сообразно условіямъ времени, историческаго момента извѣстныя очертанія, онъ связывалъ всѣ свои стремленія и ожиданія съ трудовымъ крестьянствомъ и классомъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. Въ этомъ отношеніи еврей-народникъ или еврей-народоволецъ ничѣмъ не отличался отъ своихъ товарищей—русскихъ народниковъ или народовольцевъ. Но еврей все-же былъ евреемъ, сыномъ еврейскаго народа, жившаго въ специфическихъ сплетенныхъ исторіей условіяхъ. А на эти условія тогда реагировали всѣ окружающіе и больше всего сами евреи. И бросая мучительный взглядъ въ среду своего роднаго народа, еврейскій интеллигентъ сталкивался тамъ съ безотрадной картиной, воплощавшей зіяющія противорѣчія лучшимъ его стремленіямъ и самымъ дорогимъ его идеаламъ. Крестьянства давно оторванный отъ земли еврейскій народъ вовсе не имѣлъ, а классъ фабрично-заводскихъ рабочихъ представлялъ собою элементъ еще тоже не нарождавшійся въ еврейской средѣ. Въ этомъ была трагедія, раздиравшая душу еврейскаго интеллигента семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Всѣми фибрами

*) Тамъ же, стр. 194—5. Какъ извѣстно, цитируемая статья принадлежитъ перу тогдашняго землевольца Плеханова. См. объ этомъ О. В. Аптекманъ „Земля и Воля" 70-хъ годовъ (по личнымъ воспоминаніямъ), стр. 178—9.

**) Литература Партіи Народной Воли, вып. II, стр. 290—1.

души ощущая, какъ еврей, императивную необходимость нести свои силы на служеніе еврейскому народу, онъ, съ другой стороны, какъ соціалистъ, въ этой родной и близкой ему стихіи не находилъ элементовъ населенія, необходимыхъ ему для опоры въ той революціонной дѣятельности, съ которой единственно связывалось представленіе о возможномъ перерожденіи Россіи со всѣми населяющими ее народами, включая и евреевъ. И это противорѣчіе между элементами соціальнаго міровоззрѣнія, съ одной стороны, и условіями реальной еврейской дѣйствительности, съ другой стороны, явилось естественной причиной, надолго предопредѣлившей ассимиляціонный характеръ еврейской соціалистической интеллигенціи. Выходъ изъ этого гнетущаго противорѣчія, которое невольно терзало совѣсть и парализовало дѣятельность, могъ быть найденъ и дѣйствительно былъ найденъ въ совершенномъ игнорированіи національнаго момента жизни и въ сосредоточеніи всего вниманія исключительно на соціальной сторонѣ послѣдней. Мало по малу создалась оторванность еврейской интеллигенціи отъ массъ еврейскаго народа, не дававшаго тогда матеріала для соціалистической работы, и въ то же время выросла тѣсная связь той же еврейской интеллигенціи съ трудящимися элементами всѣхъ безъ различія народностей, населяющихъ Россію. Такова реальная сущность и истинная историческая подкладка той новой ассимиляціонной идеологіи, которая охватила—и еврейскихъ, и русскихъ соціалистовъ—революціонеровъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. По психологической своей природѣ и соціологическому своему содержанію эта ассимиляціонная идеологія сложнѣе и глубже поверхностнаго ассимиляторства предыдущихъ десятилѣтій, циркулировавшаго въ буржуазныхъ еврейскихъ сферахъ и носившаго гораздо болѣе поверхностный характеръ. Но и въ той, и въ другой формѣ ассимиляціонная тенденція всѣхъ указанныхъ историческихъ эпохъ носила явно унизительный для еврейскаго самосознанія характеръ и вела къ самымъ пагубнымъ для еврейскихъ интересовъ послѣдствіямъ.

Здѣсь въ связи съ вопросомъ объ ассимиляціи, пустившей корни и въ соціалистической средѣ, мы невольно подходимъ къ одному больному мѣсту въ исторіи русскаго революціоннаго движенія, которое, однако, нельзя обойти молчаніемъ.

Я разумѣю отношеніе партіи „Народной Воли“ къ антиеврейскимъ безпорядкамъ восьмидесятыхъ годовъ. Вопросъ этотъ толковался въ литературѣ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, толковался зачастую вкривь и вкось. Теперь, на разстояніи почти трехъ десятковъ лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ того момента, можно отнестись къ вопросу болѣе объективно sine ira et studio. Вникнувъ въ это дѣло глубже, мы въ этомъ пунктѣ найдемъ лишь подтвержденіе нашего взгляда на отношеніе народовольцевъ къ еврейскому вопросу.

Въ руководящей статьѣ номера перваго „Листка Народной Воли“ отъ 22 іюля 1881 года мы находимъ слѣдующее, относящееся къ данному вопросу, разсужденіе.

„Побѣда перваго марта повышаетъ активность народнаго характера, поднимаетъ духъ протеста. Народъ начинаетъ сознавать фикцію идеи царизма и замѣняетъ ее то смутнымъ пока представленіемъ о какой-то другой силѣ, дѣйствующей въ его интересахъ, то прямымъ признаніемъ своей солидарности съ соціалистами. Антиеврейское движеніе, не нами вызванное и оформленное, тѣмъ не менѣе является и по сущности, и по времени отголоскомъ нашей дѣятельности. Этотъ погромъ, распространившись на цѣлый край, во многихъ мѣстахъ показалъ въ народѣ неожиданную выработку революціонныхъ пріемовъ въ борьбѣ. И конечно, ни уменьшеніе выкупныхъ платежей, ни гадательное сокращеніе государственныхъ расходовъ, ни даже кодификація чрезвычайныхъ временныхъ мѣръ, съ цѣлью сдѣлать ихъ постоянными,—не въ силахъ будутъ устранить или отсрочить неизбѣжную развязку. Наша обязанность—стать въ уровень съ предъявляемыми требованіями жизни“. *)

Въ этихъ старыхъ строкахъ, при чтеніи которыхъ лишь горькая усмѣшка исказитъ лицо каждаго современнаго соціалиста, отчетливо намѣчается основная ошибка народовольческихъ воззрѣній въ вопросѣ о погромахъ. Зачатки такъ называемаго „черносотеннаго“ движенія, движенія явно контръ-революціоннаго трактуются какъ нѣчто, способствующее „выработкѣ революціонныхъ пріемовъ въ борьбѣ“ и какъ что-то такое, о чемъ народовольцы съ гордостью замѣчаютъ, „что это является отголоскомъ ихъ дѣятельности“.

Цитированное мѣсто не единичное и не наиболѣе характерное въ народовольческой литературѣ. Во внутреннемъ обозрѣніи 6-го номера „Народной Воли“ отъ 26 октября 1881 года вновь обсуждается вопросъ о еврейскихъ погромахъ и здѣсь проводится

*) Литература Партіи Народной Воли. В. I, стр. 241.

та мысль, что „заблуждаются тѣ, кто думаетъ, что погромы грозятъ только евреямъ и только на югѣ.“ Въ подтвержденіе этого взгляда внутреннимъ обозрѣвателемъ устанавливается то положеніе, что основной причиной погромовъ является ненормальныя экономическія отношенія, существующія между еврейскимъ и христіанскимъ населеніемъ. Положеніе это иллюстрируется нѣкоторыми фактами, обильно заимствуемыми и изъ „Кіевлянина“ и изъ „Московскихъ Вѣдомостей“. „Откровенный, подчасъ насмѣшливый цинизмъ евреевъ въ дѣлѣ обиранія—не поддается описанію. Фигаро прошлаго вѣка навѣрно былъ и менѣе смышленъ и болѣе совѣстливъ...“ *) самоувѣренно рапортуетъ внутренній обозрѣватель „Народной Воли“ и въ подтвержденіе приводитъ глубокомысленное разсужденіе нѣжинскаго корреспондента „Кіевлянина“. Со словъ того же „Кіевлянина“ и антисемитской „Недѣли“ доводится до свѣдѣнія русскаго общества о весьма враждебномъ отношеніи толпы къ полиціи, яко бы относившейся слишкомъ благодушно къ евреямъ... и весь этотъ вздоръ преподносится читателю въ качествѣ утѣшительныхъ доказательствъ разгорающейся россійской революціи. Намъ теперь, послѣ раскрытія всѣхъ тайныхъ пружинъ антиеврейскаго погромнаго движенія, не приходится, конечно, тратить много времени на разрушеніе подобнаго рода освѣщенія еврейскихъ погромовъ. Намъ слишкомъ хорошо извѣстно, съ какой великой осторожностью необходимо пользоваться при анализѣ этого рода явленій фактическимъ матеріаломъ, заимствованнымъ изъ „Кіевлянина“, „Московскихъ Вѣдомостей“, „Недѣли“. Намъ смѣшными представляются разсказни о сочувствіи полиціи избиваемымъ евреямъ. Современныя поколѣнія сдѣлались, наконецъ, свидѣтелями страшныхъ антиеврейскихъ боенъ, возникшихъ далеко не на почвѣ экономическихъ отношеній, существующихъ между еврейскимъ и русскимъ населеніемъ. Но любопытенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и ужасенъ, тотъ общій выводъ, къ которымъ приходитъ внутренній обозрѣватель на основаніи приведенныхъ выше указаній.

„По поводу еврейскихъ погромовъ, говорится тамъ, многіе интересовались ролью, которую мы соціалисты-революціонеры, оставляемъ за собою при подобныхъ расправахъ. Во имя гуманности тяжело отвѣчать на это, но отвѣтъ самъ по себѣ ясенъ.—Помните у Тэна одну сцену изъ французской

*) Тамъ же, стр. 167—173.

революціи? Къ трупу женщины, только что задушенной разъяренной толпою, бросается одинъ изъ убійцъ, распарываетъ ей грудь, вырываетъ сердце и въ изступленіи впивается въ него зубами. Потрясающая сцена.—Но неужели Робеспьеръ, Дантонъ, С. Жюстъ и Демуленъ, въ виду крайности разъяреннаго притѣсненіями народа, должны были отказаться отъ своей роли и своей обязанности въ исторіи Франціи?

Проявленіе революціоннаго движенія зависитъ отъ міросозерцанія извѣстнаго класса или извѣстнаго общества, но результаты его обусловливаются степенью его сознательности, при чемъ направляющей силой является передовая, болѣе энергичная и болѣе сознательная революціонная группа. Во Франціи во время революціи такой группой долго были якобинцы; въ Россіи является Исполнительный Комитетъ. Относиться не только отрицательно, но даже индифферентно къ чисто-народному движенію мы не въ правѣ; мы обязаны выразить общую формулу всѣхъ силъ, справедливо недовольныхъ и активно протестующихъ, и сознательно направлять эти силы, удерживая при этомъ ихъ исходный пунктъ" *).

Итакъ, народовольцы рѣшили отнестись сочувственно (не „отрицательно" и не „индифферентно") къ погромному движенію, какъ къ „чисто-народному"; погромщики рисовались воображенію народовольцевъ, какъ элементы „справедливо-недовольные" и „активно-протестующіе". Политическая мысль того времени, затуманенная мѣрами бюрократіи, предпринятыми для сокрытія истины, еще не понимала того, что тутъ рѣчь идетъ объ элементахъ, активно-протестующихъ именно противъ справедливости и угрожающихъ всему дѣлу прогресса Россіи. Это во-первыхъ. Съ другой стороны, любопытно замѣчаніе насчетъ „крайностей разъяреннаго притѣсненіями народа". „Притѣснители—это, по мнѣнію народовольцевъ, евреи, „народъ"—погромщики. Терминологія вполнѣ современная и весьма распространенная въ устахъ тѣхъ, чьи грязныя имена я не хотѣлъ-бы называть изъ уваженія къ свѣтлой памяти „Народной Воли". Но самая мысль о „разъяренномъ притѣсненіями народѣ" очень интересна и, получивъ дальнѣйшее развитіе въ народовольческой литературѣ, она вноситъ нѣкоторую новую деталь, необходимую для разъясненія взгляда „Народной Воли" по этому вопросу. Уже въ 1883 году въ № 1-омъ „Приложенія къ листку Народной Воли" помѣщена спеціальная статья, озаглавленная: „По поводу еврейскихъ безпорядковъ". Въ ней изображаются факты екатеринославскаго погрома, при чемъ указывается на то, что

*) Тамъ-же, стр. 274—275.

нападенія громилъ совершались и на христіанскіе дома, что среди громилъ проявилось рѣзко-враждебное отношеніе къ губернатору и властямъ и тому подобное. По этому поводу авторъ статьи замѣчаетъ:

„Мы радуемся воспитательному значенію подобнаго рода фактовъ, наглядности, съ какою выступаютъ истинныя отношенія власти къ народу и его врагамъ, и той опредѣленности характера, какую начинаютъ принимать еврейскіе погромы, переходя на экономическую и политическую почву и становясь все менѣе и менѣе еврейскими, т. е. племенными и религіозными". *)

И далѣе: „Народъ громитъ евреевъ вовсе не какъ евреевъ, а какъ „жидовъ", т. е. народныхъ эксплуататоровъ... Рабочая фракція Народной Воли, выпустивъ по поводу екатеринославскихъ погромовъ прокламацію, разумѣла въ ней, конечно, не евреевъ, а жидовъ. Противъ первыхъ она, какъ и весь русскій народъ, ничего не имѣетъ, противъ вторыхъ—имѣетъ много со своей рабочей точки зрѣнія".

Мысли, какъ видитъ читатель, болѣе благопріятныя по отношенію къ евреямъ, хотя, конечно, послѣднимъ мало утѣшенія отъ того, что ихъ громили, по мнѣнію народовольцевъ, не какъ евреевъ, а какъ „жидовъ". Ибо эта деталь, быть можетъ, весьма удобная для развитія народовольческой діалектики, но совершенно безразличная съ точки зрѣнія еврейскихъ страданій. Однако, подобнаго рода утѣшительными сентенціями,—на этотъ разъ историческаго характера, занята и заключительная часть статьи.

„О томъ, что будетъ дальше (говорится тамъ), мы своевременно сообщимъ, а теперь напомнимъ только читателямъ, что и великая французская революція начиналась съ избіенія евреевъ (Тэнъ). Это какой-то печальный фатумъ, котораго, повидимому, не избѣжишь. Евреи, какъ это прекрасно объяснялъ когда-то К. Марксъ, будучи народомъ исторически несчастнымъ и долго гонимымъ, сдѣлались народомъ въ высшей степени нервнымъ и воспріимчивымъ; они воспроизводятъ въ себѣ, какъ зеркало, (и даже не въ обыкновенномъ, а въ увеличенномъ видѣ), всѣ пороки окружающей среды, всѣ язвы извѣстнаго общественнаго строя, такъ что когда начинаются антиврейскія движенія, то можно быть увѣреннымъ, что въ нихъ таится протестъ противъ цѣлаго порядка и начинается движеніе гораздо болѣе глубокое". **)

Историческое утѣшеніе для евреевъ должно, очевидно, заключаться въ томъ, что съ надругательствомъ надъ ними начинается великое историческое движеніе. Уже эта мысль отли-

*) Литература Партіи Народной Воли. В. II, стр. 109—10.

**) Тамъ-же, стр. 110.

чается нѣкоторою неточностью: на нашихъ глазахъ россійская революція 1905 года сопровождалась антиеврейскимъ погромнымъ ураганомъ, но этотъ послѣдній носилъ несомнѣнно контръ-революціонный характеръ. Еще меньше дѣйствительной правды таится въ цитированныхъ словахъ Маркса, въ его пресловутомъ этюдѣ о евреяхъ, написанномъ по типу пустѣйшаго упражненія на діалектическія темы. Народовольцамъ, критически относившимся къ излюбленнымъ обобщеніямъ Маркса, по меньшей мѣрѣ не слѣдовало увлекаться взглядомъ этого ученаго на евреевъ, построеннымъ именно путемъ такихъ необоснованныхъ обобщеній.

Но самая цѣнная мысль цитированнаго отрывка заключается въ словахъ о томъ, что „когда начинается антиеврейское движеніе, то можно быть увѣреннымъ, что въ нихъ таится протестъ противъ цѣлаго порядка и начинается движеніе болѣе глубокое". Этихъ словъ, этой мысли не слѣдуетъ забывать тому, кто желаетъ разобраться въ истинномъ смыслѣ всѣхъ приведенныхъ отзывовъ народовольцевъ о погромахъ. Какъ ни мало привлекателенъ общій тонъ этихъ разсужденій, какъ ни задѣваютъ они ухо и какъ ни терзаютъ душу современнаго еврея, положившаго столько силъ для торжества россійской революціи и пережившаго столько страданій отъ „протестовъ" со стороны „народа",—все же объективное отношеніе къ предмету необходимо. По этому поводу не разъ въ литературѣ, особенно еврейской, раздавались энергичные упреки по адресу піонеровъ русскаго соціалистическаго революціоннаго движенія, упреки ихъ въ антисемитизмѣ. Я лично никогда не склоненъ былъ отрицать факта наличности въ старомъ русскомъ соціализмѣ, въ томъ числѣ у народовольцевъ, вполнѣ опредѣленной антисемитской струи. Затруднительно было бы на страницахъ этой статьи пускаться въ анализъ причинъ, создавшихъ такое явленіе. Справедливость требуетъ, оонако, отмѣтить, что обрисованное выше отношеніе народовольцевъ къ еврейскимъ погромамъ выросло далеко не на почвѣ антисемитизма. Начать съ того, что въ созданіи этого взгляда на погромы, его развитіи и распространеніи принимали несомнѣнное участіе и евреи—народовольцы. *)

*) Извѣстенъ фактъ непосредственнаго участія въ кіевскомъ погромѣ 1881 года одного народовольца—еврея, расхаживавшаго передъ толпою громилъ, переодѣтый въ красную рубаху. Мнѣ привелось слышать, что этотъ еврей-

Уже при чтеніи приведенныхъ цитатъ, читатель, вѣроятно, обратилъ вниманіе на рядъ оговорокъ, сопровождавшихъ народовольческія разсужденія о погромахъ. Народовольцы радуются избіенію евреевъ не какъ евреевъ, а какъ „жидовъ“, эксплуататоровъ; за разгромомъ евреевъ начнутся дальнѣйшія, уже прямо революціонныя дѣйствія. Такъ думали народовольцы, и въ этомъ глубокомъ непониманіи истинной сущности даннаго явленія заключается все объясненіе ошибочныхъ и подчасъ нелѣпыхъ народовольческихъ взглядовъ. Незрѣлая политическая мысль того времени не въ силахъ была раскрыть механизма начинавшихся провокаціонныхъ дѣйствій. Преклоненіе же предъ свѣтлымъ разумомъ народа естественно и невольно приводило къ заключенію о цѣлесообразности и прогрессивности массовыхъ народныхъ движеній. Подъ давленіемъ цѣлаго ряда условій и обстоятельствъ, трудно было въ то время въ бурлящемъ морѣ народныхъ страстей и движеній отличить то, что носитъ прогрессивный характеръ, возникая на почвѣ протеста противъ существующаго гнета, отъ тѣхъ явленій, которыя, будучи создаваемы съ контръреволюціонными цѣлями, мало-по-малу сложились въ наше время въ широкое „черносотенное“ движеніе. Психологія антиеврейскихъ погромовъ и ихъ истинныя причины съ большимъ трудомъ раскрыты лишь нашимъ поколѣніемъ, и мы не вправѣ посылать упрековъ народовольцамъ, жившихъ въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, и носившихъ тяжелый крестъ создателей революціоннаго движенія. Былъ, конечно, въ погромной эпопеѣ одинъ моментъ, который рѣзко бросался въ глаза и долженъ былъ быть понятенъ всякому соціалисту: это—горе еврейскаго народа, широкой, кровавой рѣкой разливавшейся по всему лицу земли русской. Народовольцы и къ этому отнеслись индифферентно и въ этомъ едва-ли не наибольшій грѣхъ ихъ міровоззрѣнія и ихъ политической тактики. Но для объясненія этого печальнаго явленія необходимо принять во вниманіе другую черту народовольческаго міровоззрѣнія, ихъ ассимиляціонные взгляды. То обстоятельство,

---

народоволецъ-громила чуть не поплатился психическимъ разстройствомъ, когда убѣдился, что кіевскій погромъ, обошедшійся въ массу тяжелыхъ жертвъ бѣднѣйшему еврейскому населенію, не обнаружилъ никакой тенденціи превращенія въ нападеніе на буржуазію вообще и на правительство.

что отъ погромовъ страдаетъ лишь одна національность—еврейская, что здѣсь мы наталкиваемся на проявленіе національнаго гнета, противъ котораго соціалистъ обязанъ бороться, оставалось для нихъ незамѣтнымъ. Экономическій и политическій взоръ народовольцевъ билъ мимо національныхъ дѣленій, и въ еврействѣ народовольческой фантазіи чудилась только буржуазія, только эксплуатація. Такъ мыслила и ослѣпленная народовольческой концепціей часть еврейской интеллигенціи, радовавшаяся походу противъ буржуазіи, когда на окровавленныхъ мостовыхъ рыдали голодныя еврейскія дѣти.

Но нѣтъ худа безъ добра, могли бы и мы сказать себѣ въ слабое свое утѣшеніе. Жестокое жизненное противорѣчіе, сказавшееся въ обрисованномъ отношеніи русскихъ соціалистовъ, этихъ передовыхъ борцовъ за правду и справедливость, къ безчеловѣчнымъ истязаніямъ и безъ того угнетенныхъ евреевъ, разбудило мысль и всколыхнуло совѣсть еврейскихъ соціалистовъ. Національный вопросъ, прорвавшись черезъ космополитическую шелуху, встаетъ во весь свой грозный ростъ передъ соціалистами-евреями, и крахъ ассимиляціонной идеи становится совершающимся фактомъ.

III.

Погромы 1881 г., страшнымъ ураганомъ пронесшіеся по всей юго-западной и южной Россіи, естественно вызвали глубокое сотрясеніе въ самосознаніи еврейскаго народа и еврейской интеллигенціи. Силою внѣшняго удара еврейская мысль заколыхалась и направилась въ ту сторону, куда неумолимо звалъ ее голосъ неприглядной еврейской дѣйствительности.

Событія 81 г., какъ ихъ ни толковать и чѣмъ ни объяснять, силою вещей создали нѣкоторый расколъ между русскимъ и еврейскимъ обществомъ. И если въ буржуазномъ мірѣ этотъ расколъ вызвалъ явленіе ни чѣмъ не прикрытой враждебности, то въ сознаніи соціалистической Россіи была проведена глубокая борозда, отдѣлившая отнынѣ еврейскую общественную мысль отъ русской. Трудно, конечно, уловить эмпирически, конкретно, такъ сказать, ощутить связь, существующую между такими явленіями, какъ еврейскіе погромы, съ одной стороны, и эволюція обществен-

наго сознанія—съ другой. Но для всякаго опускавшагося въ глубь пониманія этихъ двухъ порядковъ явленій того времени, эта внутренняя связь чувствуется, а хронологическое соотвѣтствіе фактовъ въ той и другой области служитъ основательнымъ къ тому подтвержденіемъ.

Движеніе среди еврейской интеллигенціи въ сторону обращенія большаго вниманія на нужды своего же народа, своего родного пролетаріата началось еще въ 70-хъ годахъ и выразилось прежде всего въ изданіи органовъ на древне-еврейскомъ языкѣ. Такъ, усиліями извѣстнаго народовольца Зунделевича и др. появился древне-еврейскій журналъ „Haemeth“ („Правда“), въ которомъ новое для соціалистовъ національное дѣло начинается со всѣми оговорками и предосторожностями. „Не національная любовь“,—говорится тамъ,—„побуждаетъ насъ издавать эту газету; мы не предпочитаемъ нашъ народъ другимъ, одной націи не должно отдавать предпочтеніе предъ другой, какъ одному человѣку передъ другимъ. Лишь общечеловѣческая любовь и угнетеніе народа заставляетъ насъ сказать ему на понятномъ ему языкѣ „правду“.*)

Мы видимъ, что журналъ затѣянъ исключительно съ цѣлью пропагандировать среди еврейскаго народа общія идеи соціализма. О какихъ либо спеціально національныхъ задачахъ нѣтъ и помину. Считается даже необходимымъ подчеркнуть отсутствіе національныхъ побужденій у иниціаторовъ предпріятія. И это вполнѣ понятно: въ то время „націонализмъ“ мыслился, какъ явная противоположность соціализму: о возможномъ ихъ синтезѣ, о пролетарскомъ націонализмѣ, осуществляющемъ безъ всякихъ шовинистическихъ примѣсей то же общечеловѣческое дѣло, не было еще рѣчи. Одно должно было быть ясно и тогда для еврейскихъ соціалистовъ: абсолютная невозможность говорить „правду“ передъ широкими еврейскими массами, пользуясь для этого мертвымъ древне-еврейскимъ языкомъ. И дѣйствительно, уже 15 іюня 1880 г. выходитъ въ Женевѣ прокламація „отъ группы соціалистовъ—евреевъ“ за подписью Родина, заканчивающаяся рѣшеніемъ о томъ, что, такъ какъ „до сихъ поръ еврейское рабочее населеніе восточной Европы оставалось совсѣмъ въ сторонѣ отъ соціалистическаго движенія“, основывается въ Женевѣ Вольная Еврей-

*) См. Матеріалы къ исторіи еврейскаго рабочаго движенія. Вып. I, издат. „Трибуна“. Спб. 1906 г., стр. 11—12.

ская Типографія, „съ цѣлью сдѣлать возможной организацію соціалистической литературы для проведенія въ среду евреевъ Россіи и Галиціи на ихъ разговорныхъ (жаргонныхъ) языкахъ основъ соціализма, какими онѣ выработаны въ Западной Европѣ и Америкѣ“. Здѣсь, такимъ образомъ, уже дѣлается дальнѣйшій шагъ къ евреизаціи движенія. Мало того. Въ прокламаціи содержится опредѣленная жалоба на то, что „до сихъ поръ евреи соціалисты считали лишнимъ заниматься своимъ народомъ“, что „самыя передовыя и лучшія силы отрывались отъ своего народа, оставляя его даже въ невѣдѣніи относительно самаго существованія соціальнаго вопроса“. И далѣе говорится: „мы соціалисты-революціонеры изъ евреевъ, во имя интересовъ самого соціализма, протестуемъ противъ такого поголовнаго удаленія евреевъ отъ своихъ массъ. Мы никому, конечно, не указываемъ какой надо выбирать народъ для своей дѣятельности,—мы утверждаемъ только, что пора привлечь къ дѣлу соціальной революціи и массу рабочихъ евреевъ“. Подчеркнутыя выше слова: „во имя интересовъ самого соціализма“ характеризуетъ нѣкоторый страхъ и автора этой прокламаціи передъ возможными упреками въ націонализмѣ; могло, впрочемъ, случиться, что эта фраза была приведена въ качествѣ простого агитаціоннаго пріема съ цѣлью болѣе легкаго преодолѣнія стоявшихъ на пути препятствій въ видѣ старыхъ соціалистическихъ предразсудковъ. Во всякомъ случаѣ, націонализмъ и въ этой прокламаціи оказался не особенно высокой пробы. Правда, въ прокламаціи намѣченъ рядъ брошюръ и книжекъ, между прочимъ по вопросамъ о „положеніи еврейскихъ рабочихъ и еврейскихъ капиталистовъ“, объ „отношеніи пролетаріевъ-евреевъ къ бѣдному классу изъ христіанъ“,—въ чемъ проявилось нѣкоторое стремленіе къ изученію исторіи еврейскаго быта. Но на ряду съ этимъ въ той же прокламаціи рѣшительно отрицаются „какіе-то спеціально—еврейскіе вопросы, которые для насъ соціалистовъ никогда не существовали да и существовать не могутъ. Для насъ (горделиво заявляетъ авторъ прокламаціи) всякіе частные вопросы заглушаются однимъ общимъ вопросомъ—вопросомъ о соціальной революціи, которая одна, уничтоживъ политическое и экономическое рабство людей, тѣмъ самымъ разрѣшитъ всѣ сравнительно мелкіе вопросы *).

*) Матеріалы, стр. 16—22.

Соціальная революція все измѣнитъ въ Россіи. Съ лица земли сотретъ она всѣ различія между людьми, въ томъ числѣ и національныя. Всѣ „частные“ и „мелкіе“ вопросы,—въ томъ числѣ и еврейскій,—тогда сами собой сойдутъ со сцены,—такъ думали еврейскіе утописты 70-хъ годовъ.

Но злая россійская дѣйствительность горько насмѣялась надъ всѣми этими утопіями. Соціальная революція оказалась не столь ужъ близкою, и, наоборотъ, грознымъ призракомъ надвинулось неслыханное бѣдствіе въ области одного изъ частныхъ и мелкихъ вопросовъ, вопроса еврейскаго.

Погромы 81-го г., послѣ нѣкоторыхъ мучительныхъ колебаній, подвинули мысль еврейскихъ народовольцевъ все больше и больше въ сторону естественнаго и неизбѣжнаго „національнзма“. Въ предѣлахъ партіи возникаютъ опредѣленные планы относительно образованія спеціально еврейскихъ организацій для веденія работы среди еврейской бѣдноты. *) Въ 1885 г. въ г. Витебскѣ возникаетъ организація „Тшуосъ Израиль“. Отсюда въ маѣ 1885 г. однимъ изъ видныхъ дѣятелей посылается на югъ въ центральныя учрежденія проектъ спеціально еврейской организаціи. Но въ концѣ іюня того же года проектъ возвращается неодобреннымъ по мотивамъ боязни „сепаратизма“ во вновь возникающей еврейской организаціи. Фактъ тѣмъ болѣе достойный быть отмѣченнымъ, что въ центрѣ тогда засѣдали евреи.

Глухой протестъ противъ космополитизма въ партіи, однако, не изсякаетъ. Въ 1887 г. появляется въ легальной печати книжка тов. Житловскаго: „Мысли объ историческихъ судьбахъ еврейства“, съ отдѣльными положеніями котораго можно соглашаться или не соглашаться, но которая вся проникнута рѣдкимъ для того времени, теплымъ національнымъ чувствомъ и заканчивается призывомъ „примирить принципы національности и принципы прогресса въ частности для евреевъ“ и „доказать, что сохраненіе еврейской національности желательно съ точки зрѣнія умственнаго и нравственнаго прогресса евреевъ и возможно средствами, не противорѣчащими этому прогрессу“. Книжка эта вызвала

*) Дальнѣйшіе факты излагаются мною въ томъ видѣ, въ какомъ они стали извѣстны мнѣ по личнымъ сообщеніямъ участниковъ событій. Оговариваю это въ виду возможныхъ въ такихъ случаяхъ невольныхъ неточностей.

нѣкоторое движеніе въ еврейской литературѣ, но не могла, конечно, оказать вліянія на партію. Тамъ, однако, работа продолжается. Въ 1892 г. появляется воззваніе „Еврей къ евреямъ“, въ которомъ проводится мысль о необходимости самостоятельнаго еврейскаго движенія для осуществленія конечнаго идеала—„возрожденіе“ еврейскаго народа. Дѣятельная устная агитація въ томъ же направленіи ведется по чисто внѣшнимъ условіямъ заграницей въ періодъ времени 1888—1892 г.г. Въ 1887 году возникаетъ Варшавскій кружокъ „Chewereheh jidischer Arbeiter Proletariat“. Въ 1888 г. въ Цюрихѣ появляется первая еврейская брошюра „Тунъ восъ“—переработка Дикштейна, сдѣланная сыномъ С. П. Рабиновича. Въ 1888 году Варшавскій рабочій кружокъ „Пролетаріатъ“ постигъ полнѣйшій разгромъ, возникаетъ болѣе скромное „Общество наукъ и искусствъ еврейскаго народа“. Но организаціонныя попытки, направленныя къ созданію самостоятельнаго еврейскаго движенія, разбившись о желѣзную преграду космополитическихъ предразсудковъ дѣятелей центральныхъ учрежденій, замираютъ. Въ 1895 г. былъ приготовленъ „Манифестъ“ подъ редакціей Гайдарова, но онъ, какъ передаютъ, дождался появленія на свѣтъ гораздо позже въ изданіи совсѣмъ другой еврейской организаціи—Бунда.

Такъ, широко организованная и мужественно ведшая борьбу съ россійскимъ безправіемъ во всѣхъ его направленіяхъ, партія не создала серьезнаго теченія внутри еврейства, несмотря на то, что внутри этой организаціи нѣкоторые евреи играли весьма видную роль. Мало того. Попытки самостоятельнаго возникновенія подобныхъ еврейскихъ организацій не только не вызывали сочувствія центра, но были безжалостно отталкиваемы, съ явнымъ вредомъ для соціалистическаго движенія, и по соображеніямъ, почерпаемымъ изъ области космополитическихъ предразсудковъ. Партія Народной Воли безсмертна по своимъ историческимъ заслугамъ, а заслуги вызываютъ обыкновенно традиціи, обладающія тенденціей переживать самихъ себя. И въ числѣ дефектовъ народовольческой мысли, какъ одинъ изъ старыхъ предразсудковъ, потерявшихъ всякую почву подъ собой, космополитическая тенденція еще не замерла въ программѣ дѣятельности современныхъ адептовъ этого міровоззрѣнія — партіи соціалистовъ - революціонеровъ. И эта партія, на долю которой выпала счастливая

работа столь удачнаго конкретизированія старыхъ лозунговъ Земли и Воли, эта партія, чуждая въ программѣ своей космополитизма и начертавшая на своемъ знамени жизненный и возвышенный принципъ—„проведеніе федеративнаго начала въ отношеніяхъ между національностями“, все же не осуществила такой федераціи стоящихъ подъ ея вліяніемъ національныхъ элементовъ, и въ частности не создала самостоятельнаго революціоннаго движенія въ еврействѣ. Масса еврейскаго народа—еврейскій пролетаріатъ оказался совершенно подъ другимъ вліяніемъ...

Я забѣжалъ, однако, нѣсколько впередъ и невольно придется возобновить прерванную нить разсужденія.

Въ предыдущемъ были обрисованы попытки созданія въ народовольческихъ сферахъ спеціально еврейскихъ организацій,—попытки, явившіяся результатомъ ослабленій, подъ вліяніемъ извѣстныхъ событій, вѣры въ чудодѣйственныя силы ассимиляціоннаго начала, смѣнившейся подъемомъ еврейскаго національнаго самосознанія.

Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что аналогичныя явленія стали развиваться и въ еврейскихъ буржуазныхъ сферахъ. Знакомыя намъ блестки буржуазной ассимиляторской идеологіи очень скоро перестали прельщать взоры еврейскаго народа, или вѣрнѣе, еврейскаго „общества“ по причинамъ весьма реальнаго свойства. Ассимиляція, дѣйствительно, актъ „двусторонній“, какъ писалъ когда-то Оршанскій. Но „другая“ сторона не обнаруживала никакого аппетита къ благамъ такой ассимиляціи. Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ, еврейскій народъ, его масса, та несчастная, забитая еврейская нищета, которая, поруганная и раззоренная, была выброшена на улицы черты осѣдлости въ памятные погромные дни 80-хъ г.г., ей и дѣла не было до всей этой ассимиляціи, на которую она органически не была способна, несмотря на всю заманчивую проповѣдь оторвавшейся отъ народа интеллигенціи. Ассимиляція была интеллигентской идеей, а жизнь народа раскрывалась въ ужасающихъ формахъ, требуя немедленной, неотложной помощи. И подъ давленіемъ этихъ страшныхъ фактовъ еврейской дѣйствительности, свинцовой гирей легшей на душу каждаго мыслящаго еврея, національное чувство еврейской интеллигенціи проснулось. Проснулось и приняло совершенно своеобразныя формы. При всемъ искреннемъ желаніи придти на помощь мас-

самъ изстрадавшагося еврейскаго народа, во тьмѣ суровой россійской дѣйствительности просвѣта не видно было. И мысль, искавшая выхода, нашла его... внѣ Россіи. Пробужденіе національнаго самосознанія принимаетъ форму палестинофильства. Въ 1881 г. появляется Ліиліенблюмъ. съ своей брошюрой о возрожденіи еврейскаго народа, гдѣ во имя блага еврейской массы, доведенной старыми и новыми ограниченіями до погромовъ и до ужасающей нищеты, онъ требуетъ колонизаціи Палестины, которая одна можетъ спасти голодающія массы отъ неминуемой гибели. Годомъ позже появляется знаменитая брошюра д-ра Пинскера „Автоэмансипація“, гдѣ тотъ же проектъ палестинской колонизаціи ставится шире и обосновывается принципіальнѣе.

Въ чемъ заключается сущность „вѣковой проблемы“, именуемой „еврейскимъ вопросомъ“? По мнѣнію д-ра Пинскера—въ слѣдующемъ. „Евреи,—говоритъ онъ,—среди народовъ, съ которыми они живутъ, фактически составляютъ чуждый элементъ, который не можетъ ассимилироваться ни съ одной націей, вслѣдствіе чего ни одной націей не можетъ быть терпимъ. Такимъ образомъ задача заключается въ томъ, чтобы найти средство, помощью котораго возможно было бы такъ приноровить этотъ обособленный моментъ къ семьѣ другихъ народовъ, чтобы еврейскій вопросъ пересталъ существовать“. Какимъ же образомъ этого достигнуть? Фактъ „юдофобіи“, неустанно преслѣдующей евреевъ, несомнѣненъ. Поэтому: „одно изъ двухъ, либо надо обладать такимъ могуществомъ, чтобы имѣть возможность сдерживать эти темныя силы, какъ всякую слѣпую силу природы, либо же просто уйти отъ нихъ“. Но первое невозможно, остается послѣднее. Евреевъ часто обдаютъ презрѣніемъ за отсутствіе у нихъ національнаго самосознанія. Но „національное самосознаніе! Гдѣ же его взять? Въ томъ то и заключается великое несчастье нашего племени, что мы не составляемъ націи, что мы только евреи. Мы—стадо, разсѣянное по всему лицу земли, лишенное своего пастуха... Разсѣянные мы сохранили нашу индивидуальную жизнь, доказали нашу способность къ сопротивленію, но утратили связующее звено національнаго самосознанія... На необозримомъ пространствѣ земного шара не нашлось для насъ угла. Чтобы имѣть, гдѣ преклонить свою усталую голову, мы вымаливали только крошечное мѣсто; суживая, такимъ образомъ, наши тре-

бованія, мы тѣмъ самымъ умаляли наши достоинства, которыя и въ нашихъ, и въ чужихъ глазахъ свелись на нѣтъ". „Какую жалкую фигуру мы изображаемъ изъ себя! Мы не числимся въ рядахъ другихъ націй и не имѣемъ никакого голоса въ совѣтѣ народовъ, даже въ вопросахъ, касающихся насъ лично. Наше отечество—чужбина, наше единство—разсѣяніе, наша солидарность—всеобщая вражда, наше оружіе—приниженность, наша защита—бѣгство, наша самобытность—умѣніе приспособляться, наше будущее—завтрашній день. Какая унизительная роль для народа, нѣкогда имѣвшаго своихъ Маккавеевъ!" „Дайте намъ только счастье познать самостоятельность! Предоставьте намъ самимъ распоряжаться своей судьбой! Удѣлите намъ кусокъ земли, какъ сербамъ и румынамъ!" „Народное самосознаніе, глухо таившееся прежде въ безплодномъ мученичествѣ, на нашихъ глазахъ свободно обнаружилось въ массѣ русскихъ и румынскихъ евреевъ въ видѣ неудержимаго влеченія въ Палестину. И какъ это увлеченіе ни неудачно по своимъ результатамъ, оно все же обнаружило правильный инстинктъ народа, которому стало ясно, что ему необходимо имѣть свою родину". Но „мы не должны мечтать о возстановленіи старой Іудеи. Мы не должны поселиться именно тамъ, гдѣ наша государственная жизнь была нѣкогда разбита и уничтожена. Наша задача должна быть скромной, если мы хотимъ, чтобы она была разрѣшимой. Она и безъ того довольно трудна. Не Святая, а собственная земля должна быть предметомъ нашего стремленія". „Мы видимъ, какъ націи, раньше не мечтавшія дерзать о своемъ возрожденіи, въ теченіе какихъ-нибудь десятилѣтій воскресли къ новой жизни". „Мы должны мужественно взяться за работу, чтобы совершить великое дѣло самоосвобожденія, должны употребить всѣ средства, добытыя человѣческимъ умомъ и опытомъ, лишь бы святое дѣло національнаго возрожденія не было предоставлено слѣпому случаю. *)

Таково несложное содержаніе этой брошюры, поражающей насъ теперь простотою основной мысли, но въ свое время снискавшей автору громкую извѣстность и великій почетъ въ средѣ еврейскаго народа. И причина этого, на первый взглядъ страннаго, явленія понятна всякому, кто сколько-нибудь знакомъ

*) Д-ръ Л. С. Пинскеръ. Авто-эмансипація (Призывъ русскаго еврея къ своимъ соплеменникамъ). С.-Петербургъ. 1905 г.

съ исторіей еврейской общественности. И до того извѣстный общественный дѣятель, популярный врачъ, эмансипированный въ полномъ смыслѣ этого слова, д-ръ Пинскеръ выступилъ съ „призывомъ русскаго еврея къ своимъ соплеменникамъ“ въ тотъ моментъ, когда чаша еврейскаго горя была переполнена, и когда ободряющій голосъ всѣми уважаемаго еврея вселялъ надежду въ измученныя сердца, звалъ въ невѣдомую, но заманчивую даль. Мысль объ исходѣ изъ Россіи, страстное стремленіе порвать заржавѣвшія оковы, подъ тяжестью которыхъ ломалась жизнь и гибло человѣческое достоинство евреевъ,—эта мысль носилась въ воздухѣ, ею была насыщена атмосфера подневольной еврейской жизни. Вотъ почему крикъ сердца д-ра Пинскера нашелъ могучій и живой откликъ въ широкихъ массахъ еврейскаго народа, и маленькая брошюра „Авто-эмансипація“, впервые съ нескрываемой энергіей выкинувшая лозунгъ возрожденія еврейскаго народа, оказала серьезное вліяніе на дальнѣйшее формированіе еврейской національно-политической мысли.

Изъ приведенныхъ выше цитатъ читатель могъ убѣдиться, что д-ра Пинскера по современной терминологіи, можно назвать „территоріалистомъ“, но никоимъ образомъ не палестинофиломъ или сіонистомъ. Тѣмъ не менѣе ссылка на движеніе въ Палестину, упоминаніе объ Іудеѣ и былой государственной самостоятельности, горячій призывъ къ національной независимости,—все это, въ связи съ создававшимся въ еврейской средѣ настроеніемъ, привело на дѣлѣ къ тому, что „Авто-эмансипація“, помимо воли автора, послужила однимъ изъ звеньевъ въ цѣпи выковывавшихся явленій такъ называемаго палестинскаго движенія.

Палестинское дѣло разростается. Въ 1885 г. происходитъ Катовицкій съѣздъ сторонниковъ палестинской колонизаціи, вырабатывающій общіе принципы этого дѣла; но теперь не можетъ уже подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что десятокъ-другой колоній, возникшихъ результатомъ всей этой дѣятельности въ Палестинѣ, явился слишкомъ ничтожнымъ результатомъ столь грандіозныхъ замысловъ, и что о спасеніи этимъ путемъ еврейскаго народа должны перестать говорить даже прежніе адепты ученія.

Но идея возрожденія еврейскаго народа не умираетъ. Вѣра въ цѣлебныя силы Палестины не угасаетъ, хотя принимаетъ

другія формы. Возникаетъ духовный сіонизмъ Ахадъ-Гаама, обращающій главное вниманіе на моральную сторону созданія духовнаго центра въ Палестинѣ, и развивается, наконецъ, государственный или „политическій“ сіонизмъ, выставляющій требованіе „правоохраненнаго убѣжища“ для евреевъ на родинѣ ихъ предковъ. Этому политическому сіонизму приходитъ скоро на помощь неожиданная поддержка съ запада. Талантливый и блестящій вѣнскій журналистъ Герцль всей силой своей отзывчивой души отдается идеямъ сіонизма, изложеннымъ имъ впервые въ брошюрѣ „Iudenstaat“ („Еврейское Государство“), вышедшей въ 1896 году.

Въ этой брошюрѣ авторъ, исходя изъ основного взгляда о необходимости обоснованія самостоятельнаго государства на отдѣльной территоріи, вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ вопросъ: „чему отдать предпочтеніе: Палестинѣ или Аргентинѣ?“ *) Всѣмъ извѣстенъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, данный Герцлемъ и вызваннымъ имъ движеніемъ и съ этихъ поръ палестинофильство, въ формѣ сіонизма, становится реальнымъ и опредѣленно-обосновываемымъ движеніемъ.

Благодаря такой поддержкѣ, въ 1897 г. удается созвать въ Базелѣ первый сіонистскій конгрессъ, знаменующій собой оффиціальное начало дѣятельности сіонистской организаціи въ Россіи.

Читатель, внимательно слѣдящій за нашимъ изложеніемъ, вѣроятно замѣтилъ, что мы здѣсь подошли къ тому самому 1897 году, у порога котораго мы остановились при изложеніи эволюціи національной идеи среди еврейскихъ соціалистовъ. И дѣйствительно, по какому-то хронологическому капризу на долю 97-го г. выпадаютъ два крупныхъ событія въ эволюціи соціальнаго самосознанія еврейскаго народа. Такими событіями были: образованіе первой самостоятельной организаціи еврейскаго пролетаріата - Бунда и начало дѣятельности сіонистской организаціи, первой серьезной національной организаціи среди буржуазнаго еврейства. О двухъ этихъ явленіяхъ необходимо поговорить подробнѣе.

---

*) Д-ръ Теодоръ Герцль. Еврейское Государство. Одесса. 1905 г.

IV.

Изъ всѣхъ политическихъ теченій, которыми такъ богатъ 16-й вѣкъ, еврейское пролетарское движеніе является, можетъ быть, наиболѣе замѣчательнымъ. Оно представляетъ собой поучительную страничку изъ исторіи возникновенія и развитія идей иллюстрируя на каждомъ шагу, какимъ образомъ абстрактная идея углубляется и развертывается, какъ только она облекается въ плоть и кровь реальнаго общественнаго движенія. Мы видѣли, что заря еврейскаго рабочаго движенія восходитъ къ туманной космополитической идеологіи. Первыя ласточки этого движенія приносятъ съ собою въ еврейскую рабочую среду абстрактную идею соціализма внѣ конкректнаго примѣненія этой идеи къ той національно-бытовой обстановкѣ, въ которой развивается и растетъ еврейскій пролетаріатъ. Полагалось, что у послѣдняго не можетъ и не должно быть никакихъ національныхъ задачъ, что еврейское пролетарское движеніе должно безъ остатка раствориться въ великомъ морѣ движенія всероссійскаго. Съ этой цѣлью и предпринималась нивеллировка еврейскаго рабочаго, стремленіе выварить его въ ассимиляціонномъ котлѣ, и окружающая его атмосфера тщательно дезинфецировалась отъ всякихъ національныхъ примѣсей, которыя-де являются лишнимъ баластомъ въ общей соціалистической борьбѣ. Характерно то, что вся агитація и пропаганда велась исключительно на русскомъ и польскомъ языкахъ, которые преподавались еврейскимъ рабочимъ въ видѣ „введенія къ изученію соціализма“. Такая постановка пропаганды и агитаціи, уже вслѣдствіе своей технической непригодности, поглощавшей массу непроизводительной энергіи, должна была обнаруживать на каждомъ шагу, что ассимиляціонная идея стоитъ въ рѣзкомъ и непримиримомъ противорѣчіи съ жизнью и интересами еврейскаго пролетаріата. Это обстоятельство не могло не ускользнуть отъ вниманія тогдашнихъ соціалистовъ, и вотъ,

послѣ ряда неудачныхъ попытокъ, обрисованныхъ выше,—въ 1895 году раздается голосъ еврейскаго соціализма: „еврейское пролетарское движеніе должно быть не только интернаціональнымъ, но и національнымъ“, а въ 1897 году еврейскія организаціи, отдѣлившись отъ П. П. С. и отъ обще-русскаго движенія, образуютъ Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ въ Россіи и Польшѣ—„Бундъ“. Организація была заложена именно въ сентябрѣ 1897 г. на состоявшемся 1-мъ еврейскомъ съѣздѣ. Необходимость такой отдѣльной еврейской рабочей организаціи обосновывалась на съѣздѣ наличностью у еврейскаго рабочаго пролетаріата спеціальныхъ интересовъ въ видѣ необходимости уничтоженія безправія евреевъ въ Россіи и потребностью спеціальной литературы на еврейскомъ языкѣ. Когда же въ 1898 г. образовалась Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія, Бундъ вступилъ въ партію, какъ автономная организація *). Предѣлы этой автономіи Бунда были слѣдующимъ образомъ очерчены въ статьѣ, помѣщенной въ центральномъ органѣ Бунда сейчасъ же послѣ съѣзда: „Положеніе евреевъ въ Россіи,—говорится тамъ,—политика правительства по отношенію къ нимъ и другія особенности (какъ, напр., отдѣльный языкъ) создали у еврейскаго пролетаріата спеціальные интересы, требующіе спеціальной защиты. Защита-то этихъ спеціальныхъ еврейскихъ интересовъ сможетъ взять на себя отдѣльная еврейская организація, имѣющая полное право защищать ихъ такъ, какъ она находитъ нужнымъ, причемъ партія не вмѣшивается въ дѣятельность этого союза. Въ дѣлахъ же, касающихся всего русскаго пролетаріата безъ различія національности и религіи—еврейскій союзъ обязанъ, какъ часть партіи, подчиняться Центральному Комитету. Понятно, что еврейскій союзъ не имѣетъ особой привиллегіи въ партіи. Партія относится къ еврейскому союзу такъ же, какъ она относится ко всякой рабочей организаціи, защищающей интересы рабочихъ какой-либо націи“. **)

Въ виду такого своего отношенія къ россійской соціалдемократіи Бундъ не вырабатывалъ особой программы, которою не обладаетъ и по настоящій день. Та же партія (Р. С. Д. Р. П.),

*) Матеріалы къ исторіи еврейскаго рабочаго движенія, стр. 61—66.

**) Arbeiterstimme, № 9—10, іюль 1898 г. Цит. у М. Лядова: Исторія Р. С. Д. Р. П., ч. 2, Спб., 1906, стр. 74.

программой которой удовольствовался Бундъ, въ моментъ своего образованія издала манифестъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что „партія признаетъ за каждой націей право самоопредѣленія“. Историкъ партіи М. Лядовъ такъ понимаетъ этотъ пунктъ о національномъ самоопредѣленіи. Онъ полагаетъ, что по „національному вопросу“ съѣздомъ была установлена слѣдующая точка зрѣнія: „Исходя изъ интересовъ всего пролетаріата Россіи, желательно бороться подъ однимъ общимъ партійнымъ знаменемъ съ общимъ для всѣхъ врагомъ; но въ то же время пролетаріатъ каждой національности вправѣ выставлять свои національные интересы, которые могутъ не совпадать съ интересами пролетаріата всей остальной Россіи. Партія должна допустить возможность стремленія у пролетаріата той или иной національности отдѣлиться отъ Россійской Имперіи, бороться за государственную независимость или автономію своей національности и тѣмъ пріобрѣсти право на отдѣльное существованіе своей національной соціалдемократической партіи. Всѣ остальныя національныя организаціи, не считающія своей задачей добиться отдѣленія своей націи отъ Россіи, входя въ Россійскую партію, должны, подобно Бунду, пользоваться автономіей, чтобы въ рамкахъ единой партіи бороться противъ спеціальнаго угнетенія своей національности при помощи своей національной литературы и языка“. *)

Въ этихъ словахъ сквозитъ весьма широкое пониманіе пункта о національномъ самоопредѣленіи и автономности въ области національнаго вопроса. Я не думаю, чтобы нынѣ Р. С. Д. Р. П. стояла на высотѣ такого пониманія вопроса. Но уже совершенно ясно, что самимъ организаторамъ Бунда была вовсе чужда такая точка зрѣнія. На самомъ дѣлѣ Бундъ въ моментъ своей организаціи не выработалъ никакой національной программы, ограничившись требованіемъ гражданскаго равноправія евреевъ. Предложеніе нѣкоторыхъ о внесеніи скромнаго пункта о національномъ равноправіи вызвалъ на съѣздѣ возраженіе со стороны многихъ, усматривавшихъ здѣсь опасность отвлечь вниманіе пролетаріата отъ его классовыхъ интересовъ въ сторону національныхъ задачъ, и, въ концѣ концовъ, Бундъ принялъ требованіе только гражданскаго, но не національнаго равноправія. Но это

*) М. Лядовъ. Исторія Р. С. Д. Р. П. ч. II. Спб. 1907, стр. 70.

была послѣдняя, Пиррова побѣда старой ассимиляціонной идеи, которая все-таки не выдержала дальнѣйшаго напора неумолимой еврейской дѣйствительности. Зафиксированный національный индифферентизмъ со стороны самостоятельной „національной“ организаціи вызвалъ мало по малу горячіе протесты, которые возрастали по мѣрѣ того, какъ бундовцы, ведя пропаганду и агитацію на еврейскомъ языкѣ, сближались съ подлинными еврейскими массами и знакомились съ дѣйствительными требованіями послѣднихъ.

Въ апрѣлѣ 1901-го года состоялся 4 съѣздъ Бунда, на которомъ національный вопросъ былъ подвергнутъ особенно тщательному обсужденію. Въ рѣчахъ ораторовъ, членовъ съѣзда, подчеркивалась вся чрезмѣрная краткость, общность и недостаточность соціалдемократической формулы о національномъ самоопредѣленіи, указывалось на важность разрѣшенія національнаго вопроса въ такой многоплеменной странѣ, какъ Россія; говорилось о необходимости для Бунда выработки особой національной программы, но въ то же время указывалось на нѣкоторыя опасности отъ того, что „масса даже слишкомъ націоналистически настроена“. Въ результатѣ такого обмѣна мнѣній была принята слѣдующая резолюція по національному вопросу:

„Съѣздъ признаетъ, что по смыслу соціалдемократической программы, недопустимо никакого гнета не только одного класса надъ другимъ, не только правительствъ надъ гражданами, но и одной національности надъ другой, господство одного языка надъ другимъ.

„Съѣздъ признаетъ, что государство, подобно Россіи, состоящее изъ множества разнородныхъ національностей, должно въ будущемъ преобразоваться въ федерацію національностей съ полной національной автономіей каждой изъ нихъ, независимо отъ территоріи, ими обитаемой.

„Съѣздъ признаетъ, что понятіе національность примѣнимо и къ еврейскому народу.

„Считая, однако, преждевременнымъ выставленіе при нынѣшнихъ условіяхъ требованія національной автономіи для евреевъ, съѣздъ, находитъ въ настоящее время достаточнымъ бороться за отмѣну всѣхъ исключительныхъ законовъ противъ евреевъ, отмѣчать и протестовать противъ проявленій угнетеній еврейской національности, избѣгая раздуванія національнаго чувства, могущаго лишь затуманить классовое сознаніе пролетаріата и ведущаго къ шовинизму“.

На этой резолюціи стóитъ нѣсколько остановиться. Итакъ, устами соціалдемократической организаціи гнетъ національный

сопоставленъ съ гнетомъ экономическимъ и политическимъ. Будущій строй національныхъ отношеній рисуется не въ видѣ космополитической амальгамы, а какъ „федерація національностей съ полной національной автономіей“. Самое понятіе національной автономіи точно отдѣлено отъ автономіи территоріальной или областной; рѣчь идетъ о свободномъ „союзѣ или федераціи автономныхъ національностей, „независимо отъ территоріи, ими обитаемой“. При этомъ понятіе національности примѣнено и къ еврейскому народу. Правда, и въ этой общей части резолюціи, довольно смѣлой по формѣ, невольно усматриваются серьезные изъяны въ отношеніи содержанія. Будущее за федерацію національностей. Но о какомъ будущемъ идетъ здѣсь рѣчь? Есть ли федерація необходимый спутникъ соціалистическаго строя? или это—мѣра, осуществимая въ предѣлахъ буржуазнаго режима и потому могущая быть отстаиваемой въ числѣ пунктовъ программы сегодняшняго дня? Каковъ переходъ, каковы промежуточныя ступени, ведущія отъ современной анархіи въ области національныхъ отношеній къ будущему федеративному строю? Наконецъ, что такое эта „національная автономія“? каковы ея предѣлы? какова организація? каковы предметы вѣдѣнія? На всѣ эти вопросы мы напрасно стали бы искать отвѣта въ резолюціяхъ и дебатахъ бундовскаго съѣзда. Помимо неосвѣдомленности бундовскихъ дѣятелей въ этихъ вопросахъ, тутъ сыграло роль еще одно обстоятельство. Бундовцы говорили о національномъ вопросѣ вообще. Но ихъ интересовалъ этотъ вопросъ, главнымъ образомъ, въ примѣненіи къ еврейскому народу, и, хотя на этотъ злосчастный народъ Бундъ благосклонно рѣшилъ, наконецъ, распространить понятіе національности, но нельзя при этомъ забывать послѣдней части резолюціи съѣзда. Оказывается, что „при нынѣшнихъ условіяхъ“ требованіе національной автономіи для евреевъ признано Бундомъ „преждевременнымъ“. Очевидно, по „преждевременности“ пунктъ о федераціи національностей и національной автономіи и остался неразработаннымъ. Какъ уступка духу времени, какъ отвѣтъ неотступнымъ требованіямъ еврейскаго пролетаріата, какъ посильная дань со стороны „національной“ организаціи, обязанной говорить по національному вопросу, брошенъ въ воздухъ возвышенный лозунгъ о національной автономіи. Но зачѣмъ заботиться о конкретномъ содер-

жаніи, о подробностяхъ, о деталяхъ, когда все это въ концѣ концовъ признано „преждевременнымъ“.

Жизнь, реальная жизнь съ ея жгучими потребностями и неотступными требованіями, заставила Бундъ очень скоро признать вполнѣ своевременнымъ то, что казалось преждевременнымъ. И вотъ, въ октябрѣ 1905 года въ моментъ небывалаго подъема революціоннаго настроенія и пышнаго расцвѣта активной дѣятельности соціалистическихъ организацій собирается VI съѣздъ Бунда, вырабатывающій новую резолюцію по національному вопросу. Въ этой резолюціи категорически подчеркивается, что „національное угнетеніе во всѣхъ его формахъ самымъ вреднымъ образомъ отражается на интересахъ освободительной борьбы всего пролетаріата даннаго государства, затемняя его классовое сознаніе, а на рабочій классъ угнетаемой націи падаетъ всей тяжестью, задерживая развитіе его силъ во всѣхъ областяхъ его жизни и искажая его классовую борьбу“.

Уже изъ этихъ словъ выясняется цѣлая пропасть, отдѣляющая новый взглядъ Бунда по національному вопросу отъ того, который былъ проведенъ на IV съѣздѣ. Тамъ, на IV съѣздѣ главнымъ образомъ заботились о томъ, чтобы не раздувать національнаго чувства и не затуманивать такимъ образомъ классоваго сознанія пролетаріата. Теперь, въ 1905 году признается, какъ фактъ, что національное угнетеніе само по себѣ затемняетъ классовое сознаніе, и что именно для устраненія этого крайне вреднаго для интересовъ пролетарской борьбы явленія, необходимо стремиться къ возможному разрѣшенію національнаго вопроса или, какъ говорится въ резолюціи, „къ завоеванію въ буржуазномъ обществѣ максимума гарантій противъ національныхъ конфликтовъ. Исходя изъ этой новой, несомнѣнно болѣе правильной общей точки зрѣнія, Бундъ и въ своихъ практическихъ выводахъ, и требованіяхъ мало по-малу добирается до совершенно новой постановки вопроса. Если прежде, на IV съѣздѣ выставленіе требованія національной автономіи для евреевъ, было признано преждевременнымъ впредь до той блаженной минуты, когда будутъ отмѣнены „всѣ исключительные законы противъ евреевъ“, то теперь, на VI съѣздѣ наоборотъ, при всей силѣ упомянутыхъ исключительныхъ законовъ, признано необхо-

димымъ выставленіе опредѣленныхъ національныхъ требованій, изложенныхъ въ слѣдующихъ резолюціяхъ съѣзда:

1) Полное гражданское и политическое равноправіе евреевъ.

2) Обезпеченная закономъ возможность для еврейскаго населенія употребленія родного языка въ сношеніяхъ съ судомъ, государственными учрежденіями и органами мѣстнаго и областнаго самоуправленія.

3) Національно-культурная автономія: изъятіе изъ вѣдѣнія государства и органовъ мѣстнаго и областнаго самоуправленія функцій, связанныхъ съ вопросами культуры (народное образованіе и пр.), и передача ихъ націи въ лицѣ особыхъ учрежденій: мѣстныхъ и центральныхъ, избираемыхъ всѣми ея членами на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

Примѣчаніе. Національно-культурная автономія не исключаетъ сохраненія за центральной законодательной властью права устанавливать нѣкоторыя обязательныя нормы по вопросамъ, общимъ всѣмъ населяющимъ Россію національностямъ, какъ-то: обязательность начальнаго образованія, свѣтскій характеръ обученія и пр., и права контроля за соблюденіемъ этихъ нормъ.

Таковы національныя требованія Бунда, выставленныя на шестомъ съѣздѣ его. Такова та пресловутая национально-культурная автономія, требованія которой составляютъ, какъ извѣстно, національную программу Бунда. Я сейчасъ займусь краткой характеристикой и оцѣнкой этой программы. Но предварительно необходимо отмѣтить любопытныя черты возникновенія этой программы, характеризующія ту громадную эволюцію, которую въ сравнительно короткое время продѣлалъ Бундъ въ своихъ взглядахъ по національному вопросу.

Въ предыдущей главѣ была отмѣчена та глубокая трагедія, которая встрѣтила первыхъ соціалистовъ—народниковъ и народовольцевъ—на пути примѣненія идей соціализма къ условіямъ еврейской дѣйствительности. Конфликтъ между долгомъ соціалиста и чувствомъ еврея заключался въ томъ, что въ средѣ еврейскаго народа отсутствовали въ то время элементы, необходимые для соціалистической программы: не было вовсе трудового крестьянства и почти не было фабрично-заводскихъ рабочихъ. Другая, въ иной формѣ, но не менѣе гнетущая трагедія ожидала Бундъ при появленіи его на еврейской улицѣ. Еврейскій пролетаріатъ,—правда, не фабрично-заводской, а нѣсколько своеобразный,—уже появился въ еврейской средѣ. Но, когда въ эту среду бундовцы понесли первыя сѣмена международнаго соціализма, они неожиданно столкнулись съ колоссальнымъ фак-

томъ очевидной важности,—фактомъ, поразившимъ слухъ и зрѣніе, и потребовавшимъ серьезной модификаціи абстрактныхъ соціалистическихъ построеній. Тамъ, въ этой средѣ сугубо забитаго и безпощадно угнетаемаго еврейскаго пролетаріата были исторически наросшія специфическія язвы, давившія умъ, мутившія совѣсть и требовавшія прежде всего опредѣленнаго практическаго къ себѣ отношенія. Тамъ, въ этой еврейской средѣ милліоны народа бились въ желѣзныхъ тискахъ правовой неволи, и на этой почвѣ выросла колоссальная проблема гражданскаго безправія, которой не зналъ ни одинъ изъ пролетаріатовъ россійской національности. Невольная скученность въ городахъ и мѣстечкахъ черты осѣдлости, отсутствіе занятій ввиду крайняго затрудненія выбора ихъ, весьма слабый процентъ лицъ, занятыхъ производительнымъ трудомъ, и соотвѣтственно съ этимъ чрезвычайный ростъ Lumpenproletariat'a, отсутствіе серьезной литературы на еврейскомъ языкѣ на ряду съ чрезвычайной интенсивностью культурныхъ потребностей въ еврейскихъ массахъ, неизбѣжная борьба демократизирующейся еврейской молодежи съ пережитками застарѣлыхъ формъ и окаменѣлыхъ обрядностей,— все это выдѣляло затерянное среди другихъ народностей еврейство въ особую ярко очерченную національную группу, имѣющую свои спеціально-національныя нужды, болѣющую своими специфическими національными болями и, вообще, интенсивно проявляющую свои національныя чувства, свое стремленіе къ опредѣленному національному типу жизни. Но этотъ національный элементъ жизни, если и не стоялъ въ логическомъ противорѣчіи съ требованіями и выводами соціализма, то психологически представлялся совершенно новымъ и непонятнымъ для русско-еврейскихъ соціалистовъ того времени. Въ огромномъ своемъ большинствѣ космополиты и ассимиляторы— они не понимали природы и существа этихъ національныхъ стремленій, они боялись ихъ, они усматривали здѣсь серьезную опасность для безпрепятственнаго проявленія классовой борьбы. Съ другой стороны, какъ люди жизни, ввергнутые въ самую гущу этой національной среды реальной потребностью политической борьбы и соціалистическаго движенія, они не могли не реагировать на эти живущіе въ массахъ національные инстинкты и по мѣрѣ силъ приспособлялись къ нимъ. Отсюда эти без-

престанныя колебанія Бунда въ степени удѣленія вниманія національному вопросу, отсюда эта длинная эволюція взглядовъ, проходящая красною нитью черезъ всю бундовскую литературу, черезъ всѣ бундовскіе съѣзды.

Эти колебанія имѣли и свою внѣшнюю причину. Прислушиваясь, съ одной стороны, къ живому голосу еврейскихъ массъ, Бундъ, съ другой сторны, всегда былъ связанъ мыслями и настроеніемъ той партіи, съ которой онъ исторически сплелъ свою судьбу. А эта партія,—Россійская Соціалъ Демократическая Рабочія Партія,—по основному характеру своего міровоззрѣнія, менѣе всего удѣляла вниманія національному фактору жизни и отличается наибольшей неподвижностью и даже реакціонностью въ пониманіи національной проблемы. На этой почвѣ между Бундомъ и Россійской Партіей не разъ возникали горячіе конфликты, побудившіе даже Бундъ въ 1904 году выйти изъ состава партіи. Это былъ моментъ, когда Бундъ обнаружилъ значительную силу въ защитѣ правъ самостоятельной національной организаціи. Но другія потребности успѣшной политической борьбы побудили Бундъ вновь объединиться съ Партіей. Это произошло въ 1906 году, т. е. въ тотъ моментъ, когда національныя требованія Бунда особенно окрѣпли, и между нимъ и Партіей образовалась казалось, наибольшая пропасть.

Бундъ вошелъ, однако, въ Партію съ правомъ отстаиванія своей программы національно-культурной автономіи. Это требованіе автономіи составляетъ нынѣшнюю программу Бунда, и это одно уже служитъ доказательствомъ того, что сила жизни одержала верхъ надъ предразсудками теоріи. Создавъ, по выраженію одного изъ критиковъ Бунда, „жаргонную организацію“, поставившую себѣ цѣлью вести, по чисто техническимъ соображеніямъ, пропаганду и агитацію на еврейскомъ языкѣ, Бундъ оказался вынужденнымъ, повинуясь неумолимому голосу еврейской дѣйствительности, дополнить принятую имъ соціалдемократическую программу опредѣленными требованіями въ области національнаго вопроса.

Какова, однако, по существу эта національная программа Бунда?

Ясность и опредѣленность практическихъ требованій въ области національнаго вопроса требуетъ отчетливаго представле-

нія о сущности самого вопроса, о томъ, что такое національность, нація, каково мѣсто этого фактора въ соціальной жизни, и каково, слѣдовательно, законное отношеніе къ этому фактору со стороны соціалполитика? Но на эти вопросы Бундъ никогда не давалъ опредѣленныхъ отвѣтовъ, въ этой области у Бунда никогда не существовало опредѣленныхъ взглядовъ. Взамѣнъ этого, бундовское міровоззрѣніе всегда отличала какая-то чисто механическая смѣсь различныхъ болѣе или менѣе случайныхъ точекъ зрѣнія, являвшихъ въ общемъ картину самаго безнадежнаго оппортунизма въ національномъ вопросѣ. И, что всего интереснѣе, въ послѣднее время нѣкоторыми теоретиками Бунда сдѣлана даже попытка возведенія этого оппортунизма въ особый принципъ, якобы дающій своего рода разрѣшеніе національной проблемы. „Каковы задачи и цѣли націи? Въ какую сторону направить національное развитіе?“—спрашиваетъ В. Медемъ и отвѣчаетъ: „этихъ вопросовъ для насъ прямо таки не существуетъ“. „Мы не націоналисты..., мы не ассимиляторы... мы нейтральны“. *) Увы! Этотъ горделивый „нейтралитетъ“ по отношенію къ самому существу проблемы, подлежащей разрѣшенію давно внесъ въ бундовскіе умы изрядную путаницу понятій, самымъ вреднымъ образомъ отразившейся на всемъ построеніи идеала національно культурной автономіи. Почему въ самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ, о національно-культурной, а не просто о національной автономіи? Бундъ полагаетъ, что для всѣхъ угнетенныхъ національностей вообще и для евреевъ въ частности національная автономія нужна исключительно въ области культуры. „Лишь тамъ,—говоритъ Медемъ,—лишь въ тѣхъ сферахъ политической жизни еврей будетъ уязвимъ, гдѣ онъ будетъ выступать, какъ таковой, именно, какъ еврей; а роль этой ахиллесовой пяты могутъ сыграть лишь вопросы культурной жизни“. „Здѣсь-то, въ той области культурныхъ функцій—народной школы, и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій, вѣдающихъ дѣло языка, науки и искусства—и сконцентрируется вся накопившаяся энергія воинствующаго націонализма; и эта область должна будетъ стать центральной площадью національныхъ треній“. *) Въ этомъ

*) В. Медемъ. Соціалдемократія и поміональный вопросъ. Спб. 1906, стр. 19—27.

**) В. Медемъ, цит. брош., стр. 50.

отождествленіи національности съ національной культурой и заключается корень всего бундовскаго пониманія національной проблемы. Прежде всего, ясное соціологическое пониманіе культурныхъ основъ соціальной жизни приводитъ къ убѣжденію, что не существуетъ культуры, какъ чего-то отдѣльнаго, изолированнаго. Область языка и просвѣщенія—такой-же элементъ культурной жизни, какъ и техника, экономическая дѣятельность, юридическія учрежденія, политическій соціальный строй; и если роль „ахиллесовой пяты“ въ области національныхъ отношеній играютъ вопросы культурной жизни въ смыслѣ народной школы, просвѣщенія, языка, науки и искусства, то не можетъ быть, чтобы между этими отраслями культурной жизни и всѣмъ прочимъ строемъ послѣдней не существовало рѣшительно никакой связи. Бундъ никогда не понималъ, что національность представляетъ собою своеобразную психологическую форму, въ которую отливается все матеріальное содержаніе соціальной жизни народовъ. Національныя различія, дѣленіе по національностямъ проходятъ черезъ всю линію соціальныхъ дѣленій человѣчества. Вопросы языка и культуры, система нравственныхъ воззрѣній, строй внутренней общинно - бытовой жизни, развитіе способовъ производства и формъ хозяйственной организаціи, весь вообще экономическій строй жизни, формы соціальныхъ отношеній и классовой борьбы,—все это у каждаго народа въ отдѣльности носитъ тѣ своеобразные оттѣнки, выливаются въ тѣ безконечно пестрыя модуляціи, которыя въ общей своей совокупности образуютъ то, что мы называемъ національной жизнью. Вотъ почему осуществленіе бундовской національно—культурной автономіи, которую нужно понимать въ смыслѣ передачи вопросовъ культуры (народнаго образованія и проч.) въ вѣдѣніе націи въ лицѣ особыхъ національныхъ учрежденій, врядъ ли можетъ служитъ не только кардинальнымъ, но и какимъ бы то ни было удовлетворительнымъ рѣшеніемъ національнаго вопроса вообще и еврейскаго въ частности. По отношенію именно къ евреямъ наше утвержденіе о негодности бундовскаго рѣшенія національного вопроса представляется яснымъ до очевидности. Процессомъ стихійно складывавшихся историческихъ условій создалось такое положеніе, что формы національнаго гнета, испытываемаго отдѣльными народностями Россіи, оказались весьма разнообразными. И если для

Польши или Финляндіи національный гнетъ сказывался, главнымъ образомъ, въ области политической жизни, въ направленіи дѣятельности государственныхъ учрежденій, а для Украйны тотъ же гнетъ чувствовался преимущественно въ области языка, культуры, то для евреевъ существовалъ совершенно особый типъ національнаго угнетенія. Менѣе всего подвергались преслѣдованію еврейскій языкъ и еврейская культура, но за то желѣзнымъ кольцомъ охватившая все подневольное еврейское существованіе цѣлая сѣть безчеловѣчныхъ ограниченій и стѣсненій, парализовала внутреннюю иниціативу народа, извратила весь строй его бытовыхъ и общинныхъ отношеній и довела до полнаго экономическаго разложенія трудовыя силы народныхъ массъ. При такомъ реальномъ положеніи вещей національная автономія желательна и безусловно необходима еврейскому народу не только для урегулированія вопросовъ науки и искусства, но и для посильнаго разрѣшенія кровныхъ нуждъ еврейской народной жизни, жгучихъ интересовъ еврейскаго пролетаріата. Таковы: вопросы еврейской эммиграціи и еврейскаго разселенія; организація народнаго образованія; устройство научно-вспомогательныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, способствующихъ развитію національной культуры (устройство библіотекъ, театровъ, музеевъ, художественныхъ галлерей и т. д.); организація профессіональнаго образованія, общественнаго призрѣнія и народнаго здравія, взаимной и трудовой помощи и т. д., и т. д.

И если когда нибудь осуществится завѣтная задача организаціи автономныхъ еврейскихъ учрежденій, то послѣднія несомнѣнно займутся всѣмъ цикломъ указанныхъ вопросовъ, составляющихъ въ своей совокупности „ахиллесову пяту“ „еврея, какъ такового“...

Самый строй національно-культурной автономіи представляется для Бунда въ весьма смутномъ видѣ.

Въ третьемъ пунктѣ резолюціи VI съѣзда говорится о передачѣ вопросовъ національности въ руки „націи, въ лицѣ особыхъ учрежденій мѣстныхъ и центральныхъ, избираемыхъ всѣми ея членами на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія“. Но каковы эти мѣстныя центральныя учрежденія въ предѣлахъ національности? Каково отношеніе ихъ къ учрежденіямъ государственнымъ, центральнымъ и областнымъ? Каковы

основы ихъ матеріальнаго существованія? Каково внутреннее взаимоотношеніе между національными мѣстными и центральными учрежденіями? Обо всемъ этомъ мы или ничего не знаемъ, или знаемъ очень мало изъ резолюцій съѣзда и бундовской литературы. Но зато мы прекрасно знаемъ, что, когда другими еврейскими партіями былъ выдвинутъ въ системѣ автономныхъ національныхъ еврейскихъ учрежденій опредѣленный идеалъ центральнаго органа—с е й м ъ, то въ бундовской литературѣ посыпался цѣлый рядъ ни на чемъ неосновательныхъ издѣвательствъ.

Нужно отмѣтить въ заключеніи еще одну особенность въ бундовскомъ построеніи національной автономіи. Особой резолюціей VI съѣзда Бундъ призналъ „лозунгъ отдѣльныхъ (національныхъ) учредительныхъ собраній, неотвѣчающимъ интересамъ пролетаріата и революціи“. Это еще почему? Развѣ нужды національнаго организма могутъ быть познаны иначе, какъ путемъ проявленія воли самой націи въ національномъ учредительномъ собраніи? Блаженъ—кто вѣруетъ, блаженны бундовцы, искренно убѣжденные, повидимому, въ томъ, что послушный волѣ бундовскаго центральнаго комитета, еврейскій народъ, автономно организуясь, не перешагнетъ за предѣлы отмежеванной ему Бундомъ просвѣтительной дѣятельности. Мы же думаемъ какъ разъ наоборотъ!

Мы даже искренне и глубоко убѣждены, что предоставленный самому себѣ, еврейскій народъ рѣшитъ этотъ вопросъ въ обратномъ направленіи. И мы считаемъ вполнѣ логичнымъ для Бунда отрицаніе имъ еврейскаго учредительнаго собранія. Такое собраніе, вѣроятно, начало бы свою дѣятельность съ того, что опрокинуло бы все зданіе „національно-культурной автономіи“ Бунда...

Такова исторія Бунда. Она характерна и поучительна, обнаруживая силу стихійнаго національнаго теченія, пробивающагося сквозь всѣ поры еврейской жизни, наперекоръ всѣмъ встрѣчающимся на пути препятствіямъ. Бундъ невольно усвоилъ національную окраску и именно этотъ „невольный“ характеръ бундовскаго націонализма, создалъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ этого направленія мысли—его компромиссность. Бунду—этой старѣйшей еврейской организаціи, не удалось и по настоящій день уложить въ общіе контуры соціалдемократическаго

міровоззрѣнія какое-либо положительное разрѣшеніе національнаго вопроса. Вотъ почему, какъ это ни странно, у Бунда до сихъ поръ нѣтъ своей партійной программы. Вотъ почему Бундъ даже и теперь, послѣ объединенія съ Р. С. Д. Р. П., избѣгаетъ постановки на партійныхъ съѣздахъ національнаго вопроса. Вотъ почему, наконецъ, такъ бѣдна бундовская литература, почти ничего не внесшая въ дѣло разработки еврейскаго вопроса и изслѣдованія нуждъ еврейскаго пролетаріата.

Всѣ эти слабыя стороны бундовскаго міровоззрѣнія и бундовской программы, естественно, давали поводъ къ недовольству и разочарованію. И нынѣ, къ моменту активнаго выступленія широкихъ еврейскихъ массъ на арену политической жизни, Бундъ оказался лишь одной изъ многихъ и притомъ одной изъ наименѣе вліятельныхъ фракцій на еврейской улицѣ... Но объ этомъ послѣ. Пока-же вернемся къ тому же 1897-му году, который подарилъ еврейскому народу еще одно національное теченіе—сіонизмъ.

V.

Содержаніе, общее направленіе и цѣли сіонистическаго движенія общеизвѣстны. Съ какой точки зрѣнія ни разсматривать сіонизмъ, какую оцѣнку ему ни придавать, въ одномъ отказать ему нельзя: въ самой широкой популярности. И это не мудрено: Въ пору глухой политической реакціи, когда все, что было въ странѣ здороваго и оппозиціоннаго, невольно укрывалось внутрь искусственно создаваемой скорлупы, уходило въ подполье, сіонизмъ былъ почти единственнымъ движеніемъ, которому удалось добыть себѣ право болѣе или менѣе открытаго существованія.

Какъ извѣстно, согласно резолюціи Базельскаго конгресса, сіонизмъ стремится создать для еврейскаго народа право-охраненное убѣжище въ Палестинѣ. Для этой цѣли должны служить такія средства, какъ планомѣрная и систематическая колонизація Палестины еврейскими земледѣльцами, ремесленниками и промышленниками; организація и объединеніе всего еврейства посредствомъ учрежденій, основываемыхъ на почвѣ законовъ каждой страны; развитіе въ еврейскомъ народѣ національнаго самосо-

знанія и, наконецъ, рядъ подготовительныхъ мѣръ, направленныхъ къ полученію согласія правительствъ, необходимаго для осуществленія конечной цѣли сіонизма.

„Чего хотятъ сіонисты?"—развивалъ эту мысль самъ Герцль въ рѣчи, произнесенной въ Лондонѣ въ 93 году.—„Вамъ это извѣстно; мы хотимъ гарантированнаго публичнымъ правомъ убѣжища для еврейскаго народа. Тогда насъ не будутъ безпокоить никакіе билли объ иностранцахъ, тогда не будетъ ни гоненій, ни вражды въ антисемитскихъ странахъ, тогда у насъ будетъ почва, на которой еврей будетъ признанъ, какъ человѣческое существо, желающее работать и свободно жить". *)

Таковы цѣли. Но каковыми оказались результаты? Я всегда держался того мнѣнія, что заслуги сіонизма передъ еврейскимъ народомъ—велики. Въ моментъ жесточайшаго гнета, испытываемаго еврейской національностью, главнымъ образомъ, въ Россіи, выросла организація, сразу охватившая широкія, аморфныя масссы еврейскаго народа и много послужившая дѣлу поднятія ихъ національнаго самосознанія.

Въ этомъ отношеніи роль сіонизма въ дѣлѣ укрѣпленія чувства человѣческаго достоинства и поднятія національнаго престижа еврейскаго народа, была ничуть не меньше, чѣмъ роль работы Бунда среди еврейскаго пролетаріата. Вмѣстѣ съ тѣмъ на систематически устраиваемыхъ сіонистскихъ конгрессахъ еврейскій вопросъ во весь его великій ростъ открыто ставился предъ лицомъ всего человѣчества, какъ міровая задача, затрагивающая интересы всѣхъ странъ и государствъ.

Таковъ несомнѣнный активъ сіонизма, сопровождающійся, однако, и пассивомъ весьма внушительныхъ размѣровъ. Выступивъ подъ флагомъ „Allgemein"—сіонизма, призваннаго освѣтить всѣ углы и закоулки еврейской жизни, безъ различія классовъ и состоянія еврейскаго населенія, онъ скоро силою вещей превратился въ сіонизмъ буржуазный, въ худшемъ смыслѣ этого понятія.

Какъ мы видѣли изъ вышеприведенной резолюціи Базельскаго конгресса и рѣчи Герцля, въ задачи сіонизма входило, какъ объединеніе еврейства, такъ и усиленіе въ немъ чувства національнаго самосознанія. Это, такъ сказать, внутренняя работа среди самого еврейства, направленная къ достиженію конечной

*) Теодоръ Герцль. Сіонистскія сочиненія, т. I. Москва, 1905, стр. 65.

цѣли сіонизма. Но наряду съ этимъ, послѣдній намѣчалъ и такія средства, какъ отысканіе право-охраненнаго убѣжища и исходатайствованіе согласія правительствъ на это дѣло. Вотъ тутъ-то, въ этой послѣдней области для буржуазнаго сіонизма разверзалась пропасть, мало-по-малу поглотившая и извратившая даже здоровые элементы въ средѣ сіонизма. Убѣжище! Территорія! Съ согласія правительствъ! Какая заманчивая программа для недальновидныхъ буржуазныхъ политиковъ. И мы, дѣйствительно, видимъ, что всѣ силы сіонизма были направлены въ эту сторону, а о внутренней работѣ въ предѣлахъ и въ цѣляхъ того же сіонизма мало-по-малу и совсѣмъ позабыли.

На какія въ самомъ дѣлѣ реальныя историческія силы разсчитывалъ опереться оффиціальный сіонизмъ для реализаціи своей конечной цѣли? Какими средствами онъ думалъ воспользоваться? Помимо пресловутой вѣры въ мистическое стремленіе еврейскаго народа къ возвращенію назадъ въ обѣтованную землю, въ священную страну предковъ, здѣсь фигурируютъ лишь указанія на спасительную силу еврейскаго колоніальнаго банка и всеисцѣляющаго чартера. „Насъ считали мечтателями!—восклицаетъ Герцль,—пусть, оставимъ лунное сіяніе! Долой мечты! Сдѣлаемъ банкъ, о которомъ мы приняли рѣшеніе на конгрессѣ“, *) и изъ котораго, какъ это нынѣ всѣмъ извѣстно, ровно ничего не вышло,—прибавлю я отъ себя. Но еще съ бо̀льшимъ энтузіазмомъ покойный талантливый вождь сіонизма любилъ высказываться о чартерѣ, мысль о которомъ, очевидно, возноситъ и до сихъ поръ сіонистовъ на высоту государственно-строительныхъ плановъ. „Чартеръ! Наши усилія направлены на то, чтобы получить отъ турецкаго правительства чартеръ, чартеръ подъ суверенитетомъ Его Величества Султана!“—торжественно провозглашалъ Герцль въ 1899-омъ году при открытіи 3-го конгресса въ Базелѣ. *) При разговорахъ о царственныхъ особахъ покойный Герцль обыкновенно достигалъ особаго одушевленія: въ этой области для него, очевидно, лежалъ серьезный факторъ руководимаго имъ движенія. Приведу два-три примѣра. О турецкомъ султанѣ и его возможной роли въ дѣлѣ осуществленія сіонистскаго идеала Герцль говорилъ безпрестанно. Еще въ рѣчи къ открытію пер-

*) Тамъ же, стр. 93.

ваго базельскаго конгресса,—рѣчи, составившей своего рода эпоху въ движеніи сіонистской мысли,—Герцль между прочимъ сказалъ:

„Его Величеству Султану не приходилось никогда разочаровываться въ своихъ подданныхъ, точно такъ же, какъ и онъ является для нихъ добрымъ Государемъ. Имѣются, слѣдовательно, условія, которыя при умной и удачной постановкѣ всего дѣла, могутъ привести къ цѣли". *)

Итакъ, доброе настроеніе здѣсь выводится какъ факторъ реализаціи движенія. Доброта чувствъ свойственна, однако, не только турецкому султану. Въ рѣчи къ открытію третьяго Базельскаго конгресса Герцль въ томъ же торжественномъ тонѣ докладывалъ и о благожелательномъ къ евреямъ отношеніи и другой царственной особы.

„Этотъ годъ (1899) не былъ плохимъ для нашего движенія",—сказалъ Герцль. „Это былъ хорошій годъ. Мы кой-чего достигли, мы прошли еще одну часть нашего пути. Значительнымъ событіемъ, которое наши противники, какъ всегда, отчасти замалчивали, отчасти опубликовали въ искаженномъ видѣ, явился пріемъ сіонистской депутаціи Его Величествомъ, германскимъ императоромъ въ Іерусалимѣ. Ужъ одинъ фактъ, что геніальный король обратилъ свое вниманіе на нашу народную идею, былъ бы достаточенъ для того, чтобы внушить намъ нѣкоторую увѣренность. Маловажныя движенія не замѣтны съ такой высоты. Но это было нѣчто большее, чѣмъ простое принятіе къ свѣдѣнію. Не какая бы то ни было еврейская депутація, не члены какого бы то ни было „практическаго колонизаціоннаго общества" были приняты въ аудіенціи, но депутація сіонистскаго Исполнительнаго Комитета. Причины и цѣли нашего движенія были заранѣе въ точности извѣстны, и Его Величество германскій императоръ послѣ этого, въ достопамятный для всего еврейства день увѣрилъ насъ въ своемъ благосклонномъ интересѣ. За это ему всѣ истинные евреи обязаны благодарностью"... ..."Полная легальность и лойяльность нашего движенія, послѣ того, какъ оно удостоилось такой высокой чести, стоитъ отнынѣ и навсегда внѣ всякаго сомнѣнія". **)

Наконецъ даже въ Россіи, не далѣе какъ въ 1903 году, по увѣренію того же Герцля, еврейское дѣло обстояло довольно благополучно и внушало самыя радостныя надежды. По этому поводу на шестомъ конгрессѣ Герцль докладывалъ:

„Хорошо извѣстныя событія сдѣлали необходимымъ, что-бы я, въ интересахъ еврейскаго народа, поѣхалъ въ Россію. У меня была благопріятная возможность войти въ сношенія съ тамошнимъ правительствомъ, и я могу сказать, что я встрѣтилъ извѣстное пониманіе нашихъ сіонистскихъ стремленій, и что я слышалъ изъявленіе желанія сдѣлать для насъ что-нибудь

*) Тамъ же, стр. 24.

**) Тамъ же стр. 90—91.

рѣшительное. Я признаю, впрочемъ, что я въ этомъ случаѣ былъ не только человѣкомъ партіи—вы меня за это не станете упрекать. Я говорилъ не только въ пользу сіонизма, но за всѣхъ евреевъ въ Россіи. Я старался заговорить слово въ пользу улучшенія ихъ печальной участи и получилъ увѣреніе въ томъ, что такія облегченія будутъ имѣться въ виду.

Болѣе значительны тѣ увѣренія, которыя были мнѣ сдѣланы касательно сіонистскаго движенія. Я могу заявить, что русское правительство не намѣрено ставить сіонизму какихъ-либо препятствій, если онъ, какъ и до сихъ поръ, будетъ носить спокойный и законный характеръ". *)

Я позволилъ себѣ привести нѣсколько длинныя цитаты, излагающія мысль, въ сущности давно извѣстную читателю. Но мнѣ хотѣлось подчеркнуть, быть можетъ не всѣмъ знакомый тонъ, которымъ излагается эта мысль. Когда вы вслушиваетесь въ тонъ этихъ рѣчей, предъ вами невольно вырисовывается образъ человѣка, ихъ произносившаго; предъ вами, очевидно,—человѣкъ, которому совершенно не подъ силу взятыя имъ на себя задачи. Руководитель огромнаго политическаго движенія, равнаго которому по величію и сложности замысла еще не знала исторія человѣчества, наивно убаюкиваетъ себя и свою многочисленную аудиторію прекрасно-душными баснями объ Ихъ Величествахъ, всѣми силами готовыхъ будто-бы послужить еврейскому народу. И вождь сіонизма не постѣснялся распространить этотъ оптимистическій выводъ даже на Россію 1903 года, когда несчастное еврейство буквально задыхалось въ плѣну бюрократическаго произвола. „Лишь бы движеніе было лойяльное!"—монотонно повторяетъ свой неизмѣнный призывъ Герцль. И въ этомъ, надо ему отдать справедливость, Герцль въ значительной мѣрѣ успѣлъ. Сіонисты оставались „лойяльными", т. е. бездѣятельными, индифферентными ко всему бурному калейдоскопу окружающихъ политическихъ явленій, въ то время, какъ все остальное еврейство, не довѣряя правительствамъ Ихъ Величествъ, не щадя жизни, боролось за освобожденіе Россіи. Все это въ самомъ скоромъ времени принесло свои горькіе плоды. Сіонизмъ на ряду съ утопическимъ характеромъ движенія, основаннаго на вѣрѣ въ чудодѣйственную силу царственныхъ особъ,—сіонизмъ повернулся спиной къ бурлящему морю политической борьбы и принялъ мало-по малу явно реакціонный характеръ Такое направленіе движенія привлекло къ нему массу негодныхъ, въ политическомъ отношеніи реакці-

*) Тамъ же, стр. 259—260.

онныхъ элементовъ, что еще болѣе принизило престижъ сіонизма. Этимъ самымъ было достигнуто крайне нежелательное и вредное, съ точки зрѣнія самого сіонизма, приниженіе идеи національзма, такъ какъ съ тѣхъ поръ въ сознаніи широкихъ общественныхъ круговъ національзмъ былъ отождествленъ съ обскурантизмомъ, съ реакціонностью. Сіонисты не могли понять, что такое широкое, по основнымъ своимъ тенденціямъ, движеніе, какимъ въ идеѣ представлялъ собою политическій сіонизмъ, требуетъ высокаго подъема самосознанія и активности, освобожденія личности отъ всѣхъ политическихъ путъ, открытой пропаганды идей, хотя и неугодныхъ существующему режиму,—а все это въ условіяхъ русской дѣйствительности неразрывно связано съ непосредственнымъ участіемъ въ разгорающейся политической борьбѣ. Правъ былъ Бернаръ Лазаръ, заявившій, что политическаго сіонизма не существуетъ, есть только сіонизмъ дипломатическій. Къ чему привела эта дипломатія, это нынѣ и сіонистамъ хорошо извѣстно.

Крайнее недовольство преобладающимъ теченіемъ въ сіонизмѣ мало-по-малу привело къ расколу послѣдняго. Возникли отдѣльныя фракціи внутри сіонизма. Одна изъ нихъ, такъ называемая „молодая“ фракція сіонистовъ, оставаясь на почвѣ базельскихъ резолюцій, выпустила свою отдѣльную программу, объяснивъ вмѣстѣ съ тѣмъ причину своего сепаратизма. По мнѣнію фракціи, сіонизмъ становится „реакціоннѣе“. „Во многихъ мѣстахъ, особенно въ Западной Европѣ, сіонизмъ сознательно выставляется, какъ благотворительное предпріятіе и денежное дѣло“. Далѣе подчеркивается нарушеніе „демократическихъ принциповъ“ и „оппортунизмъ по отношенію къ религіознымъ предразсудкамъ, къ личностямъ и общественнымъ властямъ“. Потому фракція ставитъ себѣ задачею: „поддержать въ сіонизмѣ принципы демократіи, культуры и будущее равенство всѣхъ евреевъ“. *)

Еще большій расколъ по всей линіи сіонизма вызвалъ такъ называемый угандскій вопросъ, поставленный на VI конгрессѣ. Послѣ всѣхъ торжественныхъ обѣщаній и публичныхъ клятвъ именемъ Величествъ, былъ выдвинутъ, наряду съ палестинской

*) См. Программа молодой фракци сіонистовъ. С.-Петербургъ, 1903 г.

идеей, и угандскій проектъ, заключавшій въ себѣ очевидное отступленіе отъ основной идеи сіонизма.

„Мыслимъ-ли сіонизмъ безъ Сіона? VI конгрессъ обнаружилъ, что участники его разно рѣшали этотъ вопросъ, а многіе не имѣли вовсе отвѣта на него. Жизнь выдвинула съ неумолимой силой роковой вопросъ на поверхность, поставила его ребромъ, раскрывъ новую комбинацію, которая манила и притягивала обаятельной формой и чудными аксессуарами. Нѣкоторые поддались, другіе поколебались, и лишь меньшинство устояло твердо и нерушимо. И весь міръ еврейскій переживаетъ теперь то, что мы испытали въ памятные базельскіе дни. Шатаются основы, колеблются устои, и слабые переживаютъ муки невѣдѣнія и сомнѣній. Они хотятъ служить народу: но неувѣрены болѣе въ пути, по которому лежитъ счастье его. *)

Пути къ народному счастью, конечно, многообразны. Но важно то, что съ момента угандскаго предложенія внутри самого сіонизма намѣчены два пути, ведущіе къ означенной цѣли. «Сіонизмъ безъ Сіона»—конечно безсмыслица, и сіонистами слѣдуетъ считать лишь тѣхъ, кто мечтаетъ объ основаніи еврейскаго государства на территоріи Сіона. Такъ оно и случилось. Огромное количество сіонистовъ, усмотрѣвшихъ въ угандскомъ проектѣ реальное средство къ поднятію соціально-экономическаго быта еврейскихъ народныхъ массъ, вынуждено было выйти въ концѣ концовъ изъ рядовъ сіонистской организаціи и образовали свою особую организацію—территоріалистскую, въ основѣ которой лежитъ идея объ осуществленіи еврейской національной самостоятельности на какой-бы то ни было территоріи, разъ только она по географическимъ, экономическимъ и прочимъ условіямъ, удовлетворяетъ требуемой цѣли.

Указанный расколъ оказалъ въ свою очередь опредѣленное вліяніе на дальнѣйшее направленіе оффиціальнаго сіонизма. „Почему выбрали мы Палестину?“—спрашиваетъ д-ръ Членовъ и отвѣчаетъ: „не сіонисты выдумали Сіонъ, а Сіонъ, влеченіе къ нему создали сіонистовъ“. Авторъ сравниваетъ: „ничтожную по количеству эмиграцію въ Палестину, съ колоссальными размѣрами въ Америку“ и замѣчаетъ по этому поводу:

„Переѣздъ въ Америку есть чисто-экономическое явленіе... Не то палестинская эмиграція; съ ней связана, при томъ живой, жизненной, ясно-чувствуемой связью, необходимость перестраивать

*) Д-ръ Е. В. Членовъ—Сіонъ и Африка на шестомъ конгрессѣ. Москва 1905 г., стр. 6.

все міровоззрѣніе, всѣ прежніе устои и привычныя сужденія... Создается переселеніе по внутреннему влеченію (курсивъ автора), безъ давленія экономическихъ стимуловъ, котораго мы за рѣдкимъ исключеніемъ совершенно не видѣли въ эмиграціи другихъ странъ". *)

Въ этихъ характерныхъ словахъ одного изъ видныхъ представителей русскаго сіонизма отразилась основная сущность міровоззрѣнія послѣдняго и вѣрно указаны дѣйствительныя причины отклоненія угандскаго проэкта. Мы видѣли, что не историческія основанія послужили основаніемъ этого отклоненія, наоборотъ, эмиграція въ Палестину, внѣ связи съ экономическимъ положеніемъ еврейскаго народа, выставляется какъ особая заслуга оффиціальнаго сіонизма. Ясно, что въ основѣ оцѣнки того или иного направленія движенія кладется чисто — мистическій факторъ, на которомъ и базируютъ всѣ разсчеты уцѣлѣвшихъ ортодоксальныхъ сіонистовъ.

Не мудрено, что при такомъ положеніи дѣла расколъ внутри сіонизма все углублялся и принималъ все болѣе рѣзкія формы. Расколъ начался давно. Утопизмъ, реакціонность и, наконецъ, мистицизмъ сіонистскаго движенія отталкивалъ отъ него активно-политическіе элементы, рвавшіеся къ борьбѣ, потребность въ которой интенсивно возростала подъ давленіемъ вновь обагрившаго черту осѣдлости еврейскою кровью погромнаго движенія. Замѣчательная черта. Вновь погромы являются факторомъ, вызывающимъ новый подъемъ національнаго самосознанія еврейскаго народа. Активно настроенные политическіе элементы на почвѣ стремленія къ общему національному дѣлу, сходятся между собою съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, разочарованные молодые сіонисты, члены образовавшихся сіонистскихъ фракцій: „молодой фракціи сіонистовъ", „Пойалей-Ціонъ" „рабочіе сіонисты" и др.— съ другой стороны,—евреи—члены обще-русскихъ соціалистическихъ партій. Первые задыхались подъ гнетомъ обрисованнаго выше строя утопическихъ, буржуазныхъ, реакціонныхъ и мистическихъ элементовъ сіонистскаго движенія. Вторые не находили примѣненія своей все возраставшей національной энергіи и не въ состояніи были притомъ вступить даже въ существовавшую пролетарскую партію „Бундъ", ввиду очерченнаго въ настоящей

*) Тамъ же, стр. 116—117.

статьѣ компромисснаго характера воззрѣній и программы этой партіи.

И вотъ, при такихъ обстоятельствахъ въ сентябрѣ 1903 года въ одномъ изъ городовъ Юго-Заподнаго края *) состоялось совѣщаніе представителей различныхъ еврейскихъ общественныхъ теченій, ставшее извѣстнымъ подъ именемъ конференціи „Возрожденія“. Эта конференція несомнѣнно представляетъ собою важный поворотный моментъ въ исторіи развитія національно-политической мысли пролетарскихъ слоевъ еврейства и ихъ идеологовъ. На конференціи была констатирована возросшая за послѣдніе годы сила національнаго самосознанія еврейскаго пролетаріата и наряду съ этимъ полная невозможность найти исходъ и примѣненіе этимъ національнымъ стремленіямъ въ рядахъ существующихъ еврейскихъ партій. Были приняты особо резолюціи о сіонизмѣ и о Бундѣ, въ которыхъ подчеркивалась, съ одной стороны, научная необоснованность, мелкобуржуазность и другіе дефекты сіонистскаго движенія, съ другой стороны—ассимиляціонный характеръ бундовскихъ воззрѣній, отсутствіе у Бунда сколько-нибудь серьезнаго анализа экономическаго положенія еврейскихъ массъ и т. п. Но что-же было дѣлать? Совѣщаніе, выслушавъ цѣлый рядъ докладовъ и дебатовъ по нимъ, въ результатѣ пришло къ единодушному заключенію о невозможности въ настоящій моментъ образованія новой еврейской соціалистической партіи, которая обнимала-бы сколько-нибудь значительныя массы еврейскаго пролетаріата и вмѣстѣ съ тѣмъ обладала-бы единой и стройной національно-политической концепціей. Слишкомъ разнообразными оказались пути, пройденные въ прошломъ явившимися на конференцію, слишкомъ различнаго типа были школы ихъ національно-политическаго воспитанія. По этимъ соображеніямъ конференція постановила пока ограничиться изданіемъ спеціальнаго органа „Возрожденіе“, въ которомъ должна была быть начата энергичная дискуссія по всѣмъ затронутымъ вопросамъ, и по завершеніи дискуссіи, приступить къ обсужденію вопроса объ образованіи новой партіи. **)

*) Намъ извѣстно, что это происходило въ Кіевѣ. *Ред.*

**) Эта любопытная страница изъ исторіи движенія еврейской соціалистической національно-политической мысли изложена въ брошюрѣ „Отчетъ конференціи „Возрожденія“, изд. въ Лондонѣ въ 1904 г. Подробное извлеченіе изъ этой брошюры сдѣлано въ сборникѣ „СЕРП“ выпускъ I, стр.248—250. Москва, 1907 г.

Таковы были рѣшенія конференціи. Въ результатѣ были изданы заграницей нѣсколько нумеровъ „Возрожденія“, но новой единой еврейской соціалистической партіи не получилось. Дальнѣйшая судьба направленій, представленныхъ на конференціи сложилась въ слѣдующемъ видѣ. Соціалистическіе элементы сіонизма продолжали работу въ массахъ и весною 1905 г. была организована Сіонистско-Соціалистическая Рабочая Партія. Пойалей-Ціонисты (рабочіе сіонисты) продолжали свое изолированное существованіе. Столь же изолированное существованіе нѣкоторое время вели лица, непосредственно занятые въ органѣ „Возрожденіе“ и получившіе кличку „возрожденцевъ“. И лишь въ апрѣлѣ 1906 года возрожденцы, работавшіе уже нѣкоторое время въ еврейской массѣ, пополнивъ свои кадры евреями-соціалистами, вышедшими изъ русскихъ партій и соединившись съ частью пойалей-ціонистовъ, образовали новую Еврейскую Соціалистическую Рабочую Партію, выработавшую свою особую программу національно-политической дѣятельности.

Такимъ образомъ, къ періоду времени 1905—6 гг., т. е. къ моменту начавшагося въ Россіи открытаго политическаго движенія, еврейская народная масса представляла собою организмъ вдоль и поперекъ испещренный партіями, фракціями и группами. Часть еврейскаго пролетаріата находилась подъ вліяніемъ общерусскихъ партій: соціалдемократической и соціалъ-революціонной, а также національныхъ партій другихъ народностей: польскихъ, украинскихъ и т. п., другая-же часть еврейскаго пролетаріата входила въ ряды еврейскихъ національно-политическихъ партій: Бунда, Сіонистовъ-Соціалистовъ, Пойалей-Ціонъ, Еврейской Соціалистическій Рабочей Партіи. Вліяніе національно-политическихъ организацій, особенно вновь образовавшихся, все возростало въ еврейской средѣ. И это не мудрено. Всѣмъ извѣстно, что ростъ освободительнаго движенія въ Россіи сопровождался кристаллизаціей и все болѣе энергичной формулировкой національныхъ требованій различныхъ народностей, населяющихъ Россію. И еврейскій народъ въ этомъ отношеніи не составилъ исключенія. Ростъ національнаго самосознанія, разработка національно-политическихъ нуждъ народа, формулировка національнхъ требованій,—все это явленія вполнѣ естественныя для народа, вопіющее безправное положеніе котораго невольно оголяло передъ народ-

нымъ сознаніемъ національную почву переживаемыхъ страданій. И еврейскій пролетаріатъ въ этотъ моментъ политическаго развитія страны буквально горѣлъ въ огнѣ національныхъ переживаній, страстно стремясь къ выходу изъ безправнаго положенія, изъ ярма національнаго гнета.

Это зачинавшееся національное возрожденіе еврейскаго народа, достигнувъ особой силы среди еврейскаго пролетаріата, мало-по-малу сообщилось и еврейской буржуазіи. Сіонизмъ долженъ былъ пересмотрѣть свою программу—по крайней мѣрѣ, программу своей дѣятельности въ Россіи; и вотъ въ 1906 году русская сіонистская организація на съѣздѣ въ Гельсингфорсѣ вырабатываетъ рядъ новыхъ положеній, опредѣляющихъ отношеніе партій къ переживаемымъ еврейскимъ народомъ національно-политическимъ проблемамъ. По поводу этихъ Гельсингфорскихъ резолюцій раздавалось и раздается до сихъ поръ не мало упрековъ по адресу русскихъ сіонистовъ со стороны другихъ еврейскихъ буржуазныхъ партій. Но злые партійные критики забываютъ, что на этомъ же Гельсингфорскомъ съѣздѣ сіонизмъ сдѣлалъ въ высшей степени цѣнный и вѣрный шагъ впередъ по пути своего движенія. Въ Гельсингфорсѣ сіонизмъ,—по крайней мѣрѣ, русскій,—сбросилъ съ себя крайне-компрометировавшее его индифферентное отношеніе къ мучащимъ и раздирающимъ всю Россію, въ томъ числѣ и русскихъ евреевъ, политическимъ запросамъ и проблемамъ. Въ Гельсингфорсѣ членамъ сіонистской организаціи было вмѣнено въ обязанность заняться, въ союзѣ со всѣми прогрессивными элементами, строгимъ дѣломъ національно-политическаго строительства здѣсь, на мѣстѣ, независимо отъ присущихъ сіонизму стремленій къ Сіону. Можно и должно отъ всей души пожелать сіонизму успѣха въ этой новой фазѣ его развитія, хотя самимъ сіонистамъ необходимо помнить, что для успѣха въ ихъ новой и полезной Gegenwartsarbeit имъ предстоитъ освободить свою партію отъ несомнѣнно присущихъ ей реакціонныхъ элементовъ, собранныхъ подъ знамя сіонизма въ эпоху игнорированія имъ очередныхъ политическихъ задачъ современности и индифферентнаго отношенія къ задачамъ политической борьбы...

Національное движеніе захватывало все большіе и большіе круги еврейскаго народа. Въ 1905 году возникъ „Союзъ для

достиженія полноправія евреевъ въ Россіи", выставившій, какъ извѣстно, весьма скромную политическую платформу и еще менѣе скромныя и достаточно неопредѣленныя національныя требованія. На съѣздѣ, собравшемъ подъ свой стягъ весьма разношерстные въ политическомъ отношеніи элементы, все время кипѣла борьба теченій. И помимо того, что изъ него, въ концѣ концовъ, вышли болѣе лѣвые представители, уже на чисто національной почвѣ возгорѣлась борьба между сіонистами и болѣе ассимиляціонными членами союза. Въ результатѣ этой внутренней борьбы союзъ, если не формально, то фактически распался, и такъ какъ для сіонистовъ все же оставалась ихъ сіонистская организація, то ассимиляторскіе элементы союза почувствовали потребность образовать свою „партію". Возникаетъ „Еврейская Народная Группа", включившая въ свои ряды несомнѣнно большое количество ассимиляторовъ. Но даже эта группа, ощущая на себѣ дыханіе момента, выпустила платформу, въ которой національныя требованія занимаютъ свое опредѣленное мѣсто. Надо еще замѣтить, что недовольные скромностью этихъ національныхъ требованій народной группы образовали свою отдѣльную „Еврейскую Народную Партію", въ программѣ которой національному моменту придается большее значеніе и національнымъ требованіямъ отводится больше мѣста. Эта партія, впрочемъ, не объединила сколько-нибудь значительное количество членовъ и до сихъ поръ ничѣмъ не заявила о своей практической дѣятельности.

Такова сложная и спутанная сѣть національно-политическихъ теченій, пересѣкающихъ и разсѣкающихъ на части шестимилліонную массу еврейскаго народа. Если прибавить къ этому фактъ несомнѣннаго участія евреевъ во всѣхъ обще-политическихъ партіяхъ, то станетъ яснымъ необыкновенная политическая чувствительность и интенсивная политическая дѣятельность, отличающія жизнь еврейскаго народа въ Россіи. И въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго. Угнетенные и обездоленные, день и ночь думающіе о счастливомъ днѣ своего освобожденія, евреи съ малыхъ лѣтъ впитываютъ въ себя интересъ къ политическому движенію, окрыляются надеждою на политическія преобразованія. Но наряду съ этимъ, въ мечтахъ о своемъ политическомъ освобожденіи, еврейскій народъ не забываетъ и не можетъ забыть задачъ своей внутренней жизни и вырастаю-

щихъ на этой почвѣ національныхъ проблемъ. Обиліе запросовъ, разнообразіе нуждъ, сложность проблемъ, создаютъ пеструю, но въ тоже время глубокую среду еврейской жизни, т. е. то именно явленіе, при столкновеніи съ которымъ обыкновенно такъ поражаются представители другихъ народностей, не видящіе ничего подобнаго въ своей родной средѣ.

Для меня, въ заключеніе настоящей работы, важно отмѣтить, что возникшій открытый характеръ политическаго движенія въ Россіи и ростъ политическаго сознанія народныхъ массъ, въ томъ числѣ и еврейскихъ, не привелъ еврейскій народъ къ забвенію стоящихъ на очереди политическихъ задачъ. Можно было думать, что непосредственное участіе въ общемъ политическомъ движеніи страны приведетъ евреевъ, хотя бы на время, къ затемненію ихъ національныхъ потребностей. Случилось нѣчто діаметрально противоположное; мы видѣли, что самые страстные споры въ средѣ еврейскихъ политическихъ партій происходили именно на почвѣ обсужденія національныхъ программъ; мы видѣли, что теперь нѣтъ ни одной еврейской партіи ни буржуазной, ни соціалистической, которая бы не начертала на своемъ знамени такъ или иначе понимаемыхъ національныхъ требованій. Вотъ почему всю настоящую работу, характеризующую эволюцію еврейской мысли отъ первыхъ шаговъ русско-еврейской общественности до нашихъ дней, я смѣло могъ бы назвать: „Отъ ассимиляціи—къ политическому націонализму“, и этимъ именемъ дана была бы вѣрная характеристика движенія еврейской общественной мысли и живущихъ въ ней нынѣ тенденцій.

Такое явленіе весьма знаменательно. Если оказывается, что въ моментъ высочайшаго подъема и напряженія политическихъ силъ національная идея въ еврейскомъ народѣ не ослабла, а наоборотъ возросла и обострилась, то отсюда необходимо придти къ одному несомнѣнному выводу. Очевидно, психологія и логика эволюціи національно-политической еврейской мысли служитъ подтвержденіемъ того, что національныя потребности, національный интересъ, національныя нужды и стремленія представляютъ собою реальный элементъ въ еврейской жизни, который въ минуту борьбы за политическое и соціальное раскрѣпощеніе яркимъ заревомъ освѣщаетъ заглохшее самосознаніе народа, зовя его на

геройскую борьбу одновременно за политическое, экономическое и національное освобожденіе.

Важны, конечно, пути этого національнаго освобожденія, его формы, его содержаніе, его конечныя цѣли. И обо всемъ этомъ кипятъ теперь страстные споры на еврейской улицѣ, между еврейскими партіями. Важно оцѣнить эти споры, дать оцѣнку самимъ партіямъ и ихъ ученіямъ, выработать опредѣленный національный идеалъ, который нужно осуществить и за который стоитъ бороться.

Все это послужитъ предметомъ особой работы.

М. Б. Ратнеръ.

Экономическій матеріализмъ и національный вопросъ.

I.

Почти всѣ теоретическія построенія современнаго еврейскаго марксизма страдаютъ тѣмъ же первороднымъ грѣхомъ, отъ котораго не былъ свободенъ марксизмъ вообще. Первородный грѣхъ этотъ заключается въ поверхностной оцѣнкѣ и недостаточномъ пониманіи той роли, которую „національный факторъ“ игралъ, играетъ и будетъ играть въ исторической жизни человѣчества.

Въ своемъ стремленіи свести все къ „экономикѣ“ и къ вытекающей изъ нея классовой борьбѣ, марксизмъ вынужденъ былъ попытаться вывести и національныя движенія, столь пышно распустившіяся въ послѣдней трети прошлаго вѣка, изъ тѣхъ же экономическихъ основъ классовой борьбы.

На первый взглядъ казалось, что это удалось ему блестяще. Но чѣмъ больше вдумываешься въ результаты, полученные отъ его анализа, и въ самый методъ изслѣдованія, тѣмъ больше приходишь къ убѣжденію, что и методъ, и результаты страдаютъ чрезвычайной односторонностью. Имъ не удалось свести національный элементъ движеній къ экономическому элементу, потому что національный элементъ вытекаетъ изъ того факта, что человѣчество раздѣлено на народы, въ то время какъ экономическій элементъ національныхъ движеній въ большинствѣ случаевъ являлся слѣдствіемъ того обстоятелъства, что человѣчество, въ настоящемъ своемъ состояніи, раздѣлено на классы.

Нѣсколько примѣровъ уяснитъ намъ, въ чемъ дѣло. Въ Богеміи ведется страстная и упорная національная борьба между нѣмцами и чехами. Съ той и другой стороны раздаются боевые кличи о германскомъ и чешскомъ народномъ духѣ, о германской и чешской культурѣ, о германской и чешской поэзіи, наукѣ,

искусствѣ, и люди готовы другъ другу горло перегрызть изъ за того вопроса, на какомъ языкѣ должна быть вывѣшена парикмахерская вывѣска: столь безкорыстной и отдаленной отъ всякихъ грубо-матеріальныхъ потребностей и интересовъ представляется эта борьба за родимые звуки. Экономическій матеріализмъ разсѣкалъ своимъ анатомическимъ ножомъ всѣ эти внѣшнія идеологическія оболочки и увѣрялъ насъ, что борьба двухъ національныхъ группъ за торжество той или другой культуры является въ послѣднемъ счетѣ и по основной сущности своей ничѣмъ инымъ, какъ борьбою двухъ капиталистическихъ группъ за тѣ или иныя экономическія выгоды.

Казалось бы, лучшаго доказательства того, что „національное“ зависитъ отъ „экономическаго“ и придумать нельзя. И не только зависитъ или даже находится въ полномъ подчиненіи: подчиненный и зависимый элементъ—все-таки самъ по себѣ элементъ, не совпадающій съ другимъ; онъ только очень слабъ и не можетъ выйти изъ подъ зависимости отъ другого, болѣе сильнаго, но, все таки, *отличнаго* отъ него элемента. По смыслу цѣли и методовъ старо-марксистскаго изслѣдованія націонализма, этотъ послѣдній не является элементомъ, хотя бы и слабымъ и подчиненнымъ другому, болѣе сильному элементу. Нѣтъ, онъ лишь *отраженіе* другого элемента, не имѣющій никакого самостоятельнаго существованія, слѣдующій за своимъ первообразомъ, какъ *тѣнь* за очертаніями дѣйствительнаго предмета.

И въ самомъ дѣлѣ. Если борьба двухъ національныхъ группъ за національную культуру есть въ сущности борьба двухъ капиталистическихъ группъ за экономическія выгоды, тогда націонализмъ является только *переводомъ на языкъ идеологіи* тѣхъ потребностей и интересовъ, которые выросли исключительно на почвѣ экономіи. „Das in's Ideelle eingesetzte Materielle“, какъ выражается Марксъ.

Но всмотримся нѣсколько ближе въ дѣло. Допустимъ, для упрощенія задачи, что вся экономическая сторона марксистскаго анализа сдѣлана совершенно безупречно. Допустимъ далѣе, въ цѣляхъ того же облегченія провѣрки анализа, что главными дѣятелями этой національной борьбы дѣйствительно являются двѣ капиталистическія группы, яростно борющіяся за свои экономическіе интересы, и спросимъ себя: была ли бы *мыслима*

эта борьба, было ли бы мыслимо это національное движеніе, если бы національный элементъ въ самомъ дѣлѣ съ самаго начала былъ совершенно устраненъ?

Скинемъ мысленно со счетовъ тотъ фактъ, что нѣмцы и чехи принадлежатъ къ двумъ различнымъ національнымъ группамъ,—въ чемъ состояла бы тогда сущность ихъ борьбы?

Если обѣ капиталистическія группы стоятъ на одинаковой высотѣ экономическаго развитія, если онѣ стремятся завладѣть однимъ и тѣмъ же рынкомъ сбыта и хозяйство у нихъ стоитъ на одинаковой ступени развитія производительныхъ силъ—въ обѣихъ группахъ, допустимъ, преобладаютъ въ одинаковой мѣрѣ крупные фабриканты, работающіе для внѣшняго рынка,—тогда ихъ борьба, взятая въ ея чисто экономическомъ видѣ, есть не больше, какъ экономическая внутри-классовая конкурренція производителей. Но внутри-классовая конкурренція производителей есть борьба индивидуумовъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ вести къ расчлененію класса на двѣ національныя группы, не можетъ даже вести къ чисто классовой борьбѣ этихъ группъ. Какъ лица, связанныя общностью той роли, которую они играютъ въ процессѣ общественнаго производства, они образуютъ одинъ и тотъ же классъ и во всѣхъ своихъ политическихъ и общественныхъ выступленіяхъ они останутся вѣрны тѣмъ велѣніямъ, которыя диктуются экономическимъ положеніемъ ихъ класса. Внутри класса они могутъ яростно вцѣпиться другъ въ друга и вырывать другъ у друга кусокъ изо рта, но такая борьба никогда не будетъ въ состояніи выйти изъ чисто экономическихъ формъ и чисто экономическихъ средствъ. Во всякомъ случаѣ, никому изъ нихъ не придетъ въ голову, чтобы одна часть изъ класса имѣла больше правъ на данныя экономическія выгоды, чѣмъ другая, и что они должны организоваться для того, чтобы перетащить экономическія выгоды отъ одной экономической группы къ другой. Всѣ крупные фабриканты суть крупные фабриканты, и если какая-либо группа ихъ устраиваетъ, на почвѣ той или другой экономической конъюнктуры, тѣ или другіе подвохи противъ другой группы, то въ этомъ царствѣ организованныхъ, временныхъ групповыхъ подвиговъ, какъ въ самомъ царствѣ Божьемъ, „нѣсть ни эллиновъ, ни іудеевъ“. Экономическая борьба, въ формѣ на-

ціональнаго движенія, выросшая на подобной почвѣ, теряетъ всякій смыслъ; онъ соціологически-полнѣйшій nonsens, безсмысленнѣйшій абсурдъ. Смыслъ и значеніе получаетъ сама же экономическая борьба, выступающая въ видѣ національнаго движенія, лишь тогда, когда мы снова вводимъ въ разсчетъ скинутый было со счетовъ національный элементъ. Тогда все дѣло сразу становится естественнымъ и понятнымъ. Не двѣ группы, экономически равныя другъ другу, облекаются въ національно-различныя матеріи, чтобы перебить другъ у друга экономическую выгоду, а двѣ экономически равныя, но національно-различныя группы ведутъ яростную борьбу во имя экономическихъ интересовъ этихъ національно-различныхъ группъ. Здѣсь не національность является внѣшней формой, въ которую драпируется экономическая борьба, а наоборотъ, экономическая борьба является внѣшней формой, въ которую вылилась національная рознь данныхъ національныхъ группъ. Одна національная группа стремится перетащить къ себѣ ту экономическую выгоду, которою пользуется другая національная группа.

Стало быть, смыслъ и значеніе этой борьбы лежитъ въ томъ факторѣ, который не растворяется безъ остатка въ экономической атмосферѣ: въ факторѣ національномъ. Или что тоже: національныя движенія управляются и объясняются фактомъ дѣленія человѣчества на народы и не могутъ никоимъ образомъ быть приведены всецѣло къ чистой игрѣ экономическихъ силъ.

Дѣло не приметъ иного оборота, если мы, вмѣсто борьбы двухъ равныхъ экономическихъ классовъ, сведемъ національное движеніе къ борьбѣ двухъ разныхъ экономическихъ классовъ.

Пусть мелкая буржуазія одной національности борется противъ крупной буржуазіи другой. Или пусть крестьянство одной національности борется противъ „шляхты“, „боронства“, „дворянства“ или даже просто крупнаго помѣщичьяго класса—другой. Здѣсь еще заманчивѣе сообразнъ видѣть суть національнаго движенія въ той классовой розни, которая въ этомъ случаѣ дѣйствительно существуетъ у борющихся сторонъ. Но попробуйте опять мысленно скинуть со счетовъ чисто національный элементъ; попробуйте „силою абстракціи“, которая, по драгоцѣнному методологическому совѣту Маркса, „должна замѣнять намъ хими-

ческія реагенціи и микроскопъ", поставить это національное движеніе въ рамки исключительно экономическихъ интересовъ и національное движеніе опять превращается въ безсмысленный абсурдъ. Какова можетъ быть тогда ея цѣль? Уничтоженіе крупной буржуазіи, шляхетства, помѣщичьяго класса? Въ такомъ случаѣ движеніе это должно было бы требовать такихъ юридическихъ и экономическихъ реформъ, при которыхъ было бы немыслимо существованіе крупной буржуазіи и помѣщичества, безразлично, къ какой національности ни принадлежали бы эти ненавистные классы. На самомъ же дѣлѣ это движеніе не ограничивается подобными чисто экономическими требованіями, а иногда эти чисто экономическія требованія отодвигаются на задній планъ или совершенно стушевываются. На первомъ планѣ фигурируетъ нѣчто совсѣмъ другое, стремленіе побить не крупнаго буржуа или помѣщика, а члена другой національности. И дѣлается это не для того, чтобы уничтожить помѣщичій классъ и крупную буржуазію, а чтобы свои люди могли занять мѣста чужихъ помѣщиковъ и крупныхъ буржуа. Стало быть, и здѣсь суть борьбы не экономическая, а національная, и раскрытая „классовая" подоплека показываетъ лишь то, что въ данномъ случаѣ данная національная борьба ведется на экономической почвѣ, ведется съ той цѣлью, чтобы перетащить экономическія выгоды отъ одной національной группы къ другой.

Къ тому же порядку явленій и на основаніи тѣхъ же самыхъ принциповъ должны быть отнесены тѣ конфликты, которые иногда разыгрываются на экономической почвѣ между пролетарскими группами различныхъ національностей. Когда подобнаго рода конфликты возникаютъ между итальянскими рабочими, ищущими заработка въ Швейцаріи, и швейцарскимъ пролетаріатомъ, то передъ нами здѣсь не просто экономическая борьба одной группы рабочихъ, лишенной заработка, съ другой, завладѣвшей даннымъ рынкомъ труда. „Резервная армія" имѣется и въ самой Швейцаріи, и изъ факта ея конкурренціи съ рабочими, имѣющими заработокъ, никакими хитросплетеніями не можетъ быть выведенъ моментъ національнаго конфликта. Оставаясь на чисто экономической почвѣ, одна экономическая группа (швейцарскіе рабочіе) могутъ принять мѣры различнаго характера, чтобы сохранить свою экономическую позицію отъ напора другой экономи-

ческой группы (швейцарской „резервной арміи“). Обязательная принадлежность къ рабочимъ союзамъ, страхованіе отъ безработицы, сокращеніе рабочаго дня и тому подобныя мѣры, чисто соціально-политическаго свойства,—вотъ въ какія формы неминуемо выливается чисто экономическій элементъ межь-пролетарской борьбы. Тамъ же, гдѣ она принципіально оспариваетъ право другой національной группы пролетаріата на трудъ въ данной мѣстности, безразлично, въ какой формѣ она это дѣлаетъ, учеными ли трактатами, или эмиграціонными законами, или попросту кулачной расправой,—тамъ мы уже имѣемъ дѣло со стремленіемъ одной національной группы отмежеваться отъ другой, и движеніе, вызванное этимъ стремленіемъ, должно быть уже отнесено къ рубрикѣ національныхъ конфликтовъ, разыгрывающихся на экономической почвѣ.

II.

Національный элементъ не растворяется въ экономическомъ. Въ настоящемъ своемъ состояніи человѣчество раздѣлено не только поперечными разрѣзами на классы, но и продольными разрѣзами на народы. Каждый классъ охватываетъ рядъ „продольныхъ“ клѣтокъ, образуемыхъ дѣленіемъ человѣчества на народы. Каждый народъ охватываетъ рядъ „поперечныхъ“ клѣтокъ, образуемыхъ дѣленіемъ человѣчества на классы. Каждая клѣтка, образуемая поперечными (классовыми) и продольными (національными) линіями, составляетъ въ одно и тоже время экономическую группу даннаго народа и національную группу даннаго класса.

Экономическій матеріализмъ долгое время считался только съ поперечными разрѣзами человѣчества на классы и почти совершенно игнорировалъ его продольные разрѣзы на народы. Отсюда его главная ошибка при анализѣ національныхъ движеній и національныхъ проблемъ классовой борьбы. Національнизмъ долгое время считался только съ продольными разрѣзами человѣчества на народы, почти совершенно игнорируя поперечные разрѣзы человѣчества на классы, и отсюда его главныя ошибки при анализѣ соціальныхъ движеній на національной почвѣ и соціаль-

ныхъ проблемъ національной борьбы. И тотъ, и другой закрывалъ глаза на одну сторону дѣйствительности; и тотъ, и другой вынужденъ былъ путаться въ софизмахъ и односторонностяхъ.

Возьмемъ проблему, которая свинцовой гирей легла на грудь нашего народа: явленіе антисемитизма. Экономическій матеріализмъ видитъ въ немъ исключительно экономическое явленіе. Антисемитизмъ, по выраженію Бебеля, есть „соціализмъ дураковъ“. Сіонизмъ видитъ въ немъ исключительно національное явленіе. Онъ—продуктъ „вѣчной ненависти къ вѣчному народу“. И тотъ, и другой не правъ. И тотъ, и другой правъ.

Очистимъ мысленно какой-нибудь случай антисемитизма отъ всякихъ стороннихъ примѣсей, затемняющихъ суть дѣла, и поставимъ его въ условія, наиболѣе удобныя для мысленнаго експеримента. Пусть въ какомъ-нибудь городѣ среди мелкихъ нееврейскихъ ремесленниковъ (сапожниковъ, портныхъ и т. д.) разгорѣлся антисемитизмъ, благодаря открытію нѣкоторыхъ еврейскихъ „Waarenhäuser“—„товарныхъ домовъ“,—торгующихъ плохой дешевкой, сбивающихъ цѣны на продукты ремесленнаго труда и разоряющихъ мелкаго самостоятельнаго хозяина.

Матеріалисту очень легко въ данномъ случаѣ ткнуть пальцемъ въ экономическую основу даннаго антисемитизма.

Мелкій ремесленникъ, скажетъ онъ, страдаетъ здѣсь не отъ того, что хозяинъ крупнаго магазина—еврей, а отъ того, что этотъ хозяинъ капиталистъ. Его еврейство тутъ совершенно не причемъ. Христіанинъ на его мѣстѣ поступилъ бы не иначе. Мелкій ремесленникъ долженъ былъ бы понять, что его врагъ не еврейская нація, а капиталистическій строй. Болѣе развитой умственно „антисемитъ“ понялъ бы, послѣ ряда соціологическихъ соображеній, что помочь ему можетъ не изгнаніе евреевъ изъ страны, а изгнаніе изъ общественной жизни капиталистическаго способа производства. Логическимъ завершеніемъ его борьбы долженъ былъ бы быть соціализмъ, но мелкій ремесленникъ-глупъ, т. е. невѣжественъ въ политической экономіи, а потому онъ принимаетъ случайную еврейскую окраску капитала за самую его сущность.

Все это вѣрно. Но въ то же время вѣрно и то, что еслибы эти крупные магазины были открыты не евреями, а людьми его національности, мелкому ремесленнику и въ голову не прихо-

дило бы оспаривать ихъ право (кодифицированное или „естественное“) на открытіе подобныхъ заведеній, и борьба противъ своихъ крупныхъ торговцевъ ни въ какомъ случаѣ не могла бы окраситься въ какой-бы то ни было національный цвѣтъ потому, что и мелкій ремесленникъ, и крупный торговецъ въ данномъ случаѣ находились бы въ одномъ и томъ же „продольномъ“ разрѣзѣ человѣчества. Національная окраска получилась именно оттого, что мелкій ремесленникъ, скажемъ, нѣмецъ и крупный торговецъ (еврей) очутились не только въ различныхъ поперечныхъ разрѣзахъ человѣчества, но и въ различныхъ „продольныхъ“ разрѣзахъ его. Стало быть, правъ и сіонизмъ, который говоритъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ проявленіемъ „вѣчной ненависти къ вѣчному народу“, т. е. попросту съ нежеланіемъ одной національной группы терпѣть убытокъ отъ другой или дѣлиться какими либо выгодами съ ней. Но съ другой стороны, правъ и матеріалистъ, когда онъ утверждаетъ, что такой вѣчной ненависти одного народа къ другому нѣтъ, что ея огонь поджигается и поддерживается жизненной конкурренціей, борьбою за жизненные интересы.

Съ этой точки зрѣнія, антисемитизмъ дѣйствительно долженъ имѣть видъ вѣчной и повсемѣстной ненависти къ евреямъ уже по одному тому, что, помимо многихъ другихъ причинъ, евреи повсюду являются конкуррирующими группами, которые пріобрѣли въ продолженіи вѣковъ всемірную извѣстность по этой части и которые вызвали поэтому соотвѣтствующую національную антипатію у всѣхъ народовъ, среди которыхъ имъ приходилось и приходится жить.

Націонализмъ и экономизмъ — два крупнѣйшихъ фактора общественной жизни и исторіи, и только тогда, когда мы считаемся съ обоими, мы не рискуемъ попасть въ противорѣчіе съ самой дѣйствительностью. Вотъ почему такъ важно для еврейскаго пролетаріата, чтобы онъ, наконецъ, убѣдился въ томъ, что на одномъ „экономизмѣ“ онъ далеко не уѣдетъ ни въ теоріи, ни на практикѣ. Онъ долженъ имѣть постоянно передъ глазами и продольные разрѣзы человѣчества на народы, и его поперечные разрѣзы на классы, чтобы глубже понять и то, что дѣлается у другихъ народовъ, и то, къ чему ему „волей неволей“ придется стремиться.

Эти соціологическія соображенія о независимости „національнаго“ отъ экономическаго ежедневно потверждаются обыденной психологіей конкуррирующихъ между собою національныхъ группъ.

Въ одномъ городѣ живутъ русскіе торговцы: все Титы Титовичи. Является еще нѣсколько Сидоровъ Сидоровичей и тутъ же открываютъ такія же торговли. Скрежещутъ зубами Титы Титовичи, потому что Сидоры у нихъ добычу перехватываютъ, но въ глубинѣ души они признаютъ ихъ право на это: „дѣло торговое!“ Никакого „анти-сидоризма“ здѣсь не можетъ выйти потому, что и Титы, и Сидоры принадлежатъ къ одной и той же общественной клѣткѣ, очерченной тѣми же поперечными и продольными линіями ихъ класса и ихъ народа. Но пусть вмѣсто Сидоровъ, пришельцами будутъ Хаимы и Тодресы, и сейчасъ же, „съ желѣзной необходимостью закона природы“ появится „анти-хаимизмъ“. „Вамъ-то, Хаимамъ, что тутъ надо! Ступайте себѣ въ свой Бердичевъ!“—будутъ кричать Титы, потому что, хотя и Титы, и Хаимы принадлежатъ къ одному и тому же „поперечному“ разрѣзу человѣчества, они находятся въ двухъ различныхъ „продольныхъ“ разрѣзахъ, взаимно другъ друга исключающихъ всякій разъ, когда судьба заставляетъ ихъ сидѣть за одной скудной трапезой.

Каждый классъ-есть классъ опредѣленной національности, и въ своихъ поступкахъ онъ руководится и долженъ руководиться не только своимъ классовымъ положеніемъ, но и національнымъ положеніемъ своего народа.

Отступленіе отъ этого правила въ теоріи ведетъ къ ложному пониманію своего положенія, своихъ потребностей и задачъ, а, стало быть, и къ гибельнымъ ошибкамъ на практикѣ.

Что станется, въ самомъ дѣлѣ, съ тѣмъ чисто-экономическимъ обоснованіемъ еврейскаго пролетарскаго движенія, которое покоится на томъ фактѣ, что въ странахъ изгнанія евреи не могутъ пролетаризироваться, если изъ этого факта дѣйствительно и радикально выскоблить все, что касается національной стороны дѣла?

„Нѣкоторая часть пролетаріата, живущаго въ предѣлахъ россійской имперіи, лишена возможности попасть, въ качествѣ работниковъ, на крупные фабрики и заводы“. Вотъ главная сущность того, что намъ говоритъ экономическая сторона этого факта·

Но этотъ фактъ не новъ и не чреватъ никакими „народообразовательными“ тенденціями. Въ Россіи имѣется громадная резервная армія, многомилліонная масса кочующаго люмпэн-пролетаріата, образовавшагося изъ обезземеленія крестьянства. Онъ кочуетъ съ сѣвера на югъ, съ юга на сѣверъ, съ запада на востокъ и съ востока на западъ, въ тщетныхъ поискахъ за какимъ-либо заработкомъ. Ужъ мы не говоримъ о постоянномъ, обезпеченномъ заработкѣ на крупныхъ фабрикахъ и заводахъ; объ этомъ люмпэн-пролетаріатъ врядъ ли даже можетъ мечтать изъ за переполненности соотвѣтствующихъ рынковъ труда и изъ-за его малой культурной подготовленности къ высшимъ сферамъ фабрично-заводскаго труда. Онъ не можетъ „пролетаризироваться“ въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ это констатируется еврейскими теоретиками для еврейскаго пролетаріата. И если Россіи предстоитъ крупное развитіе промышленности, сопряженное съ раззореніемъ крестьянина, съ постояннымъ увеличеніемъ количества „свободныхъ рукъ“, ищущихъ заработка, тогда общество сможетъ быть совершенно довольнымъ, если ему удастся держать эту все растущую армію въ извѣстныхъ границахъ, если оно сможетъ хоть часть ея помѣстить куда либо въ низшихъ, мало оплачивающихся сферахъ черно-рабочаго вольно-наемничества. Не мало, можетъ быть, потрудилась бы и россійская соціалдемократическая рабочая партія въ томъ отношеніи, чтобы держать эту армію подальше отъ фабрично-заводскаго труда, не давать ей проникнуть въ ту сферу, гдѣ она, энергичными усиліями профессіональныхъ организацій, добилась бы хотя бы какого либо упроченнаго положенія, хотя бы какого либо сноснаго заработка и болѣе или менѣе сносныхъ условій труда. Что дѣлать! — борьба пролетаріата противъ люмпэн-пролетаріата есть фактъ современнаго рабочаго движенія, фактъ начинающій уже мозолить глаза. И чѣмъ больше развитіе общества пошло бы въ духѣ ортодоксальнаго марксизма, тѣмъ шире разросталась бы армія безработныхъ или работающихъ въ невыгодныхъ условіяхъ, тѣмъ труднѣе было бы пролетаріату „аристократическихъ“ заработковъ охранять тотъ барьеръ, который отдѣляетъ его отъ низшихъ слоевъ его же класса.

Какая же бѣда въ томъ, что въ число этихъ низшихъ слоевъ пролетаріата входитъ или вошло бы съ полмилліона людей,

когда-то числившихся за еврейскимъ народомъ? Стоитъ ли изъ за этого подымать шумъ, искать для этого полумилліона особой страны и создавать отдѣльную національность? И почему искать новаго отечества только для непролетаризирующихся пролетаріевъ еврейскаго происхожденія? Откуда такой „атобохартонизмъ“? Отчего не начать движенія въ пользу того, чтобы вся непролетаризирующаяся часть россійскаго пролетаріата, безразлично какого національнаго происхожденія, взялась за поиски новой страны на автономныхъ началахъ, куда она пригласитъ капиталистическихъ Рюриковъ, Синеусовъ и Труворовъ (опять таки безъ различія національностей) для водворенія въ ней капиталистическихъ порядковъ и для совершеннѣйшаго ея пролетаризированія.

Стоитъ внимательно вдуматься въ эти вопросы, чтобы сейчасъ же замѣтить, что все дѣло здѣсь въ теоретическомъ опущеніи одного изъ главныхъ составныхъ элементовъ еврейскаго пролетарскаго движенія: элемента сознательно-національнаго. Еврейскій пролетаріатъ есть пролетаріатъ еврейскаго народа, который, какъ бы онъ ни былъ малочисленъ, представляетъ собою самостоятельную единицу по отношенію къ пролетаріату русскому или польскому. Русской и польской части непролетаризирующагося пролетаріата не можетъ и въ голову придти искать новаго мѣста на земномъ шарѣ для образованія новаго политическаго тѣла, новаго „продольнаго“ разрѣза человѣчества. Они не только часть пролетаріата, но и часть опредѣленнаго продольнаго разрѣза, уже имѣющаго свою страну, свое отечество, и ихъ задача состоитъ лишь въ томъ, чтобы устроить лучшіе порядки въ самой этой странѣ, чтобы побѣдить силу тѣхъ „поперечныхъ“ клѣточекъ, которыя надавливаютъ на нихъ въ предѣлахъ того же продольнаго разрѣза.

Другое дѣло—еврейскій пролетаріатъ. Если сорвать всю мистическую, псевдо-марксистскую оболочку о „непролетаризаціи“ и представить этотъ фактъ въ его простомъ, житейскомъ значеніи, то онъ означаетъ, что еврею, даже рабочему, трудно конкуррировать съ неевреемъ въ области фабрично-заводскаго труда, и, стало быть, надежды на этотъ источникъ пропитанія для большихъ еврейскихъ массъ оказываются весьма проблематичными. Ловкій конкуррентъ въ областяхъ мелкой и крупной торговли и либеральныхъ профессій, еврей оказывается мало-

сильнымъ (изъ за тысячи и тысячи причинъ) въ соревнованіи съ нееврейскими пролетаріями. И даже тамъ, гдѣ онъ является болѣе ловкимъ конкуррентомъ, онъ не можетъ не чувствовать, что своимъ существованіемъ онъ вытѣсняетъ другого, который считаетъ себя болѣе вправѣ занять мѣсто, захваченное евреемъ. Мы, соціалисты, можемъ, сколько угодно, протестовать противъ дурного міра, въ которомъ человѣчество раздѣлено на народы. Мы можемъ сколько угодно доказывать право человѣка на всѣ существующія профессіи безъ различія расъ и національностей. Мы можемъ тысячу разъ быть убѣжденными, что въ будущемъ свѣтломъ царствѣ соціализма продуктовъ хватитъ на всѣхъ, и людямъ не надобно будетъ драться изъ за источниковъ пропитанія, которые въ изобиліи дадутъ каждому, сколько ему нужно, гдѣ на лишній ротъ не будутъ жаловаться, ибо этотъ „лишній“ ротъ связанъ съ далеко не лишними руками, источающими драгоцѣнную человѣческую рабочую силу, главный источникъ всѣхъ земныхъ благъ. Да, мы вѣримъ въ наступленіе этого свѣтлаго будущаго. Но пока оно не наступило и пока происходитъ только вербовка и муштровка арміи для борьбы за него, мы не имѣемъ права закрывать глаза на тотъ фактъ, что евреи живутъ въ чужой землѣ, среди чужого народа, что каждымъ дыханіемъ въ современной спертой капиталистической атмосферѣ они отнимаютъ немного воздуха у другого, у хозяина страны, что каковы бы ни были ихъ „человѣческія“ права, онъ, хозяинъ, психологически не можетъ ихъ признать, потому что его психологія диктуется условіями жизни человѣка живущаго въ своемъ собственномъ „продольномъ“ разрѣзѣ, куда евреи залѣзли, какъ непрошенные гости. Раньше или позже всѣмъ классамъ еврейскаго народа должно сдѣлаться очевиднымъ, что изо дня въ день жить, конкуррируя съ хозяиномъ страны или (что еще хуже) въ иныхъ случаяхъ даже эксплуатируя его, это значитъ изо дня въ день выращивать экономическій антисемитизмъ; это значитъ къ накопленному запасу еврея-ненавистничества ежедневно прибавлять еще новый запасъ, покуда малѣйшій поводъ приведетъ къ ужаснымъ погромнымъ вспышкамъ, къ вулканическимъ изверженіямъ народнаго антисемитизма. Вотъ чѣмъ объясняется то чудо, что время безсильно надъ антисемитизмомъ, что въ XX-мъ вѣкѣ онъ губительнѣе бушуетъ, чѣмъ въ XIX-мъ, а въ XXI-мъ

будетъ по существу еще острѣе проявляться, чѣмъ въ XX-мъ. Развѣ, что формы его проявленія сдѣлаются болѣе цивилизованными... Но вѣдь къ тому времени и наша чуткость повысится, и если теперь необходимы разорванныя пополамъ дѣти да гвозди, вбитые въ глаза, чтобы мы, наконецъ, задумались надъ вопросомъ, „на какомъ мы бѣломъ свѣтѣ“, то тогда, быть можетъ, косо брошенный взглядъ вызоветъ въ насъ тотъ же неотступный рой печальныхъ думъ, который мучитъ насъ сегодня. *)

Раньше или позже, инстинктъ народнаго самосохраненія и народной чести долженъ былъ вырваться наружу, долженъ былъ поставить передъ еврейскимъ народомъ задачу—созидать болѣе нормальныя условія для своей національной жизни, избавившись разъ на всегда отъ роли либо конкуррента, либо прямого эксплуататора среди чужихъ.

Покуда массы вѣрили въ неизбѣжность „голуса“ до пришествія „Мессіи“, приходилось терпѣть молча и переносить, съ упованіемъ на сверхъ-естественное чудо, всѣ вулканическія изверженія постоянно растущаго антисемитизма. Покуда интеллигенція, оставившая народъ на произволъ судьбы, почти рукой доставала будущій строй международной любви и солидарности, до тѣхъ поръ задачи еврейскаго возрожденія могли возникать въ умахъ и сердцахъ лишь отдѣльныхъ благородныхъ индивидуумовъ, въ которыхъ, подобно Гессу и Смоленскину, какимъ-то чудомъ разгорались въ яркое пламя почти потухшія искорки еврейской національной чести. Но когда вѣра въ Мессію стала исчезать изъ широкихъ рабочихъ и мелкобуржуазныхъ слоевъ, когда блаженное „рукой подать“ еврейской интеллигенціи оказалось дистанціей довольно внушительныхъ размѣровъ, отдѣляющей насъ отъ царства соціализма, тогда электрическая искра неминуемо должна была пробѣжать по всѣмъ частямъ еврейскаго народнаго организма и встряхнуть его къ новой національной жизни. Появился еврейскій пролетаріатъ, самый пе-

*) Товарищъ изъ Лемберской Еврейской (ассимиляторской Секціи Польской) Соціалдемократической Партіи передалъ намъ характеристическую жалобу одного польскаго товарища на „неразвитость“, „отсутствіе интернаціональной солидарности“ и даже „шовинизмъ“ у еврейскихъ рабочихъ. Они, изволите ли видѣть, готовы цѣлый скандалъ поднять изъ за того, что ихъ благодушно называешь „цыбиками“ и „пархами“...

редовой и радикальный классъ всякой націи, а стало быть и еврейской, и онъ примкнулъ или все больше и больше примыкаетъ къ самому радикальному рѣшенію еврейскаго вопроса— національному возрожденію еврейскаго народа, стремящагося къ самостоятельному обоснованію на собственной территоріи.

Уничтожьте національный элементъ во всемъ этомъ движеніи, держитесь только его экономическихъ основъ, и тогда задача еврейскаго народа, а стало быть, и еврейскаго пролетаріата, сведется лишь къ тому, чтобы представить пяти или сколько тамъ, милліонамъ евреевъ, возможность, въ погонѣ за лучшимъ экономическимъ существованіемъ, разсѣяться по всему земному шару такъ, чтобы приходилось по одному еврею на миріаду, по одному на сотню-тысячъ. Только въ такой пропорціи они будутъ незамѣтны. Только въ этой пропорціи они смогутъ вполнѣ подладиться подъ внѣшность той среды, въ какую они попадутъ. Только въ этой пропорціи они будутъ вынуждены вступить въ смѣшанные браки съ другими народами, такъ что черезъ нѣсколько поколѣній и памяти не останется отъ еврейскаго племени, еврейскаго вопроса и его вѣчнаго спутника антисемитизма.

Такова и была программа еврейской ассимиляторской буржуазіи. Такова и есть программа „настоящихъ“ еврейскихъ марксистовъ, знающихъ, куда должна вести чисто классовая, экономическая точка зрѣнія на предметъ. Но эта программа разбилась и разбивается о живой еврейскій народный организмъ, который не можетъ разсыпаться въ прахъ и проникнуть незамѣтно тончайшими занозами въ тончайшія поры человѣчества, потому что слишкомъ жива и кипуча въ немъ сила еврейскаго національнаго сцѣпленія.

А если это такъ, то зачѣмъ же обманывать и себя и другихъ, будто еврейскій пролетаріатъ ни о чемъ національномъ не думаетъ? Зачѣмъ говорить про него ту неправду, что онъ — единственный экономическій классъ въ мірѣ, дѣйствія и мысли котораго управляются лишь фактомъ принадлежности къ „поперечному“, классовому разрѣзу человѣчества и что его положеніе въ „продольномъ“, національномъ разрѣзѣ не оказываетъ на него никакого вліянія?

Я очень хорошо сознаю, что полное оправданіе еврейскаго

соціалистическаго націонализма, (если онъ вообще нуждается въ оправданіяхъ), можетъ быть научно обосновано только на почвѣ идеалистической философіи культуры и исторіи. Но эта проблема не входитъ въ задачи настоящей статьи, посвященной взаимоотношеніямъ экономическаго матеріализма и націонализма. Эти взаимоотношенія могутъ быть выяснены помимо введенія основныхъ теоремъ культурно-философскаго идеализма въ изслѣдованіе предмета. Для нашей настоящей цѣли намъ достаточно показать, что самъ экономическій матеріализмъ вынужденъ по отношенію къ націонализму отступать отъ своихъ старыхъ позицій и стать на точку зрѣнія, почти вполнѣ совпадающую съ той, которую мы отстаиваемъ въ этой статьѣ.

III.

Есть въ Германіи одинъ критикъ марксизма, который вотъ уже нѣсколько лѣтъ медленно, осторожно—даже слишкомъ осторожно—но за то глубоко и со знаніемъ дѣла подкапываетъ многіе подгнившіе устои историческаго матеріализма. Имя ему — Карлъ Каутскій. Карлъ Каутскій не Бернштейнъ. Онъ знаетъ своихъ „пашенгеймеровъ“. Онъ не станетъ съ задоромъ указывать пальцемъ на сгнившее мѣсто, громко требуя чтобы оно немедленно было устранено. Наоборотъ. Прежде всего онъ набросится на противниковъ марксизма, якобы ничего не смыслящихъ въ немъ или якобы по злобѣ къ пролетаріату не желающихъ видѣть его истинныя свойства, затѣмъ онъ подъ шумокъ полемики выброситъ мѣсто, ставшее негоднымъ, и замѣнитъ его мѣстомъ изъ болѣе здороваго матеріала, и только тогда уже начнетъ торжествующе указывать пальцемъ на это подмѣненное мѣсто для вящшаго посрамленія критиковъ... Въ чемъ они видѣли теоретическую несостоятельность? Гдѣ они замѣтили хотя бы тѣнь гнили?

Такъ онъ поступилъ съ теоріей обнищанія массъ и со многими другими вопросами теоріи капиталистическаго хозяйства. Въ своей послѣдней работѣ: „Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи“ онъ по тому же методу берется за „починку“ самихъ основъ историческаго матеріализма, выбросивъ подъ шу-

мокъ полемики всю моральную философію Маркса и замѣнивъ ее болѣе раціональными и болѣе научными воззрѣніями.

Для Маркса временъ „Коммунистическаго Манифеста“ „мораль“, какъ и всякая идеологія, была лишь плодомъ классовой борьбы. Не только тѣ или другія нравственныя воззрѣнія и ученія, мѣнявшіяся въ историческомъ развитіи, но и сама нравственность, т. е. то общее, что остается неизмѣннымъ во всѣ историческія эпохи и дѣлаетъ многоразличныя нравственныя воззрѣнія именно нравственностью, въ отличіе, скажемъ, отъ науки или искусства, — даже это общее выводилось „Манифестомъ“ изъ того обстоятельства, что различныя эпохи имѣли одну общую черту: фактъ классовой борьбы. Съ исчезновеніемъ классовой борьбы должна была, по теоріи Манифеста исчезнуть, за ненадобностью, и сама нравственность, какъ должна исчезнуть религія, какъ должно исчезнуть государство.

Въ „Манифестѣ“ же укаывалось, что пролетаріатъ свободенъ отъ какихъ бы то ни было нравственныхъ идеаловъ, какъ онъ свободенъ отъ идеологіи вообще. „Пролетаріату не предстоитъ осуществленіе какихъ либо идеаловъ“—таковъ былъ лозунгъ, выставленный Энгельсомъ, который часто повторялся въ марксистской литературѣ. Особенно усердствовалъ въ этомъ отношеніи самъ Каутскій. Въ примѣненіи къ буржуазіи онъ говорилъ объ ея идеалахъ, въ примѣненіи къ пролетаріату—лишь о „цѣляхъ“.

Но уже въ своей полемикѣ противъ Дюринга Энгельсъ вынужденъ былъ отступить отъ той позиціи, которую занималъ „Манифестъ“ по вопросу о „морали“. Нравственность существуетъ не только для буржуазіи, но и для пролетаріата. Есть, стало быть, нѣчто общечеловѣческое въ основѣ нравственности. Но эта общечеловѣческое „нѣчто“ получаетъ различное содержаніе, смотря по тому, какой классъ исповѣдуетъ его. Нравственность пролетаріата представляетъ собою нравственность будущаго человѣчества, потому что онъ носитель будущаго общества, тогда какъ нравственность господствующихъ классовъ представляетъ собою прошлое человѣчества и осуждена на гибель вмѣстѣ со всѣмъ старымъ обществомъ.

Каутскій въ своей послѣдней работѣ дѣлаетъ еще болѣе крупные шаги по направленію къ признанію „идеологій“. Не только

сама та форма культуры, которая называется нравственностью, „дана“ вмѣстѣ съ человѣчествомъ (даже вмѣстѣ съ обществомъ животныхъ), и стало быть, возникла независимо отъ классовой борьбы, но и значительная часть содержанія нравственности, опредѣленныя нравственныя добродѣтели и пороки имѣютъ общечеловѣческое значеніе и тоже возникли независимо отъ классовой борьбы въ зоологическій періодъ жизни на землѣ.

Всѣ соціальныя добродѣтели, какъ самоотверженность (Seldslosigkeit), храбрость, вѣрность и преданность (Treue) подчиненіе волѣ большинства, правдивость, и честолюбіе, т. е воспріимчивость къ похваламъ и порицаніямъ общества, выводятся Каутскимъ, вмѣстѣ съ дарвинистами, изъ условій соціальной жизни животныхъ. Тѣмъ же путемъ возстановляетъ онъ то глубокое и важное значеніе для человѣческаго общества, которое имѣютъ совѣсть и чувства долга. *) Указывая, какимъ образомъ эти первоначальныя добродѣтели модифицируются, благодаря классовой борьбѣ, какъ онѣ должны все болѣе и болѣе ослабѣвать у господствующихъ классовъ, и все болѣе и болѣе усиливаться, выдвигая новыя модификаціи ихъ, у классовъ угнетенныхъ и въ особенности у пролетаріата, онъ, въ концѣ концовъ, приходитъ къ выводу, чрезвычайно любопытному и знаменательному въ устахъ у „ортодоксальнаго“ марксиста. „Тотъ же самый процессъ развитія“, говоритъ онъ, „который производитъ въ консервативныхъ или гибнущихъ классахъ растущую безнравственность, создаетъ въ подымающихся классахъ во все возрастающемъ размѣрѣ сумму явленій, которую мы охватываемъ именемъ этическаго идеализма, каковой идеализмъ не долженъ быть смѣшиваемъ съ философскимъ. Именно эти подымающіеся классы часто склоняются къ философскому матеріализму, которому противоборствуютъ осужденные на гибель классы съ того момента, когда они приходятъ къ сознанію, что дѣйствительность выноситъ надъ ними смертный приговоръ, что они могутъ ожидать себѣ спасенія лишь отъ сверхъестественныхъ, божественныхъ или нравственныхъ силъ.“ *)

Оно, конечно, немножко несообразно выходитъ, что классы,

*) K. Kautsky. Ethik und Geschichtsauffassung. Ein Versuch. Stuttgart, Dietz, 1906. Стр. 62 и слѣд.

*) Тамъ же, стр. 135.

все болѣе и болѣе теряющіе нравственность, ждутъ спасенія отъ нравственныхъ силъ. И такихъ несообразностей масса въ этой первой серьезной работѣ реформирующагося марксизма. Но въ данномъ случаѣ не это насъ интересуетъ. Намъ важно отмѣтить, что принципіально уже данъ палецъ культурно-философскому идеализму, этому анти-марксистскому чорту, который, чего добраго, когда нибудь и всю руку притянетъ.

Мы завели рѣчь о книжкѣ Каутскаго не изъ за тѣхъ уступокъ, которыя онъ вынужденъ сдѣлать культурно-философскому идеализму, хотя и эти уступки чрезвычайно важны для нашего спора съ ортодоксальными марксистами о націонализмѣ: національныя различія наиболѣе сильно высказываются, наиболѣе оправдываемы и наиболѣе драгоцѣнны для человѣчества какъ разъ въ высшихъ, „идеологическихъ“ областяхъ культуры. *) Но дѣло теперь не въ этомъ, а въ томъ въ высшей степени поучительномъ обстоятельствѣ, что Каутскій вноситъ поправку въ самую основу историческаго матеріализма, кладетъ заплату на тотъ фундаментальный принципъ, по которому все въ исторіи сводится къ способу производства и обмѣна.

Въ самомъ дѣлѣ. Вся марксистская литература полна попытокъ доказать справедливость основной теоремы Энгельса, гласящей, что „все въ исторіи совершается въ послѣднемъ счетѣ сообразно тому, какъ и что производится и какъ продукты обмѣниваются между собою“. Все!... Слѣдовательно, и національныя различія, и борьба національностей, и борьба единоплеменныхъ группъ за національность, и сознательное развитіе своихъ національныхъ различій, все это—должно въ послѣднемъ счетѣ быть выведено изъ способа производства и обмѣна. Способы же производства и роды обмѣна въ свою очередь непосредственно вытекаютъ изъ состоянія производительныхъ силъ, т. е. изъ степени и рода техническаго господства человѣка надъ природой. Производительныя силы, черезъ посредство способа производства, создаютъ общественныя отношенія труда, раздѣленіе общества на классы, классовую борьбу и всѣ вытекающія изъ нея „идеологическія“ надстройки. Камешка нельзя было затронуть въ этой стройной схемѣ, чтобы сейчасъ же не вызвать

*) См. объ этомъ нашу брошюру: „Соціализмъ и національный вопросъ“, Изд. „Серп“. 1906.

встревоженнаго оклика: „марксизмъ, а стало быть, и весь соціализмъ въ опасности!“

Вотъ противъ одного изъ главныхъ тезисовъ этой схемы, непосредственной зависимости способа производства исключительно отъ состоянія производительныхъ силъ, даннаго техникой, и направлена критика Каутскаго.

Напрасно Марксъ училъ и настаивалъ, что орудія производства являются главнымъ рѣшающимъ моментомъ во всемъ развитіи общества; что можно по орудіямъ труда какого либо общества возстановить все это общество такъ, какъ по найденному зубу какого либо ископаемаго животнаго палеонтологи возстанавливаютъ цѣлый животный организмъ. *)

Каутскій, игнорируя всѣ эти соображенія Маркса и марксистовъ, показываетъ, что способъ производства опредѣляется „данными матеріальными условіями“, среди которыхъ техника играетъ важнѣйшую, но не единственную роль. Для выясненія вопроса, какія же другія матеріальныя условія, кромѣ техники, вліяютъ на способъ производства, Каутскій беретъ примѣръ первобытнаго крестьянскаго хозяйства и, указывая на различныя условія, при которыхъ присущая ему техника должна проявляться во внѣ, приходитъ къ слѣдующему выводу. „Смотря по природѣ страны, смотря по сущности его сосѣдей (je nach dem Wesen seiner Nachbarn), крестьянское хозяйство при той же самой техникѣ сдѣлается основой очень различныхъ общественныхъ формъ. Эти особыя общественныя формы образуютъ потомъ, рядомъ съ естественными, дальнѣйшія основы, которыя придаютъ выростающему на нихъ дальнѣйшему развитію своеобразный видъ“. **)

Такимъ образомъ, къ числу „матеріальныхъ условій“, налагающихъ отпечатокъ на способъ производства, его дальнѣйшее развитіе и дальнѣйшее развитіе общества вообще, относятся Каутскимъ, рядомъ съ техникой и географической средой (что уже сдѣлано было самимъ Марксомъ въ позднѣйшій періодъ

*) См. извѣстное мѣсто въ „Капиталѣ“, затѣмъ брошюру „Lohnarbeit und Kapital“ и, совершенно согласные съ духомъ ортодоксальнаго маркисизма, комментаріи къ этому основному тезису, сдѣланные г. Бельтовымъ въ его книгѣ „Монистическій взглядъ на исторію“. Изд. второе. СПБ. 1905, ст. 110 и слѣд.

**) Тамъ-же, стр. 116.

развитія, а за нимъ г. Бельтовымъ) — національный факторъ, межьплеменныя отношенія, фактъ продольныхъ разрѣзовъ человѣчества на народы, скромно выступающій подъ стыдливымъ именемъ: „сущность сосѣдей“.

Въ этой формулировкѣ національный факторъ еще не громко заявляетъ свои права на роль фактора историческаго развитія. Онъ какъ будто сваливаетъ съ себя всякую отвѣтственность за то, что долженъ принять такую роль, и киваетъ на „сосѣдей“, по милости которыхъ ему приходится нарушить первоначальную стройность марксистской схемы. Но черезъ нѣсколько страницъ онъ уже вполнѣ осваивается со своей новой ролью самостоятельнаго фактора историческаго развитія и беретъ уже отвѣтственность прямо на себя. „Новое общественное состояніе“, говоритъ Каутскій, „зависитъ не отъ образа нравственнаго идеала, но отъ данныхъ матеріальныхъ условій *), техники, естественной среды, свойствъ сосѣдей и предковъ существующаго общества и т. д. **) „Свойства сосѣдей и предковъ!“ Что же это такое, какъ не болѣе „научное“ выраженіе для національнаго фактора? Что же другое можетъ означать эта цитата изъ Каутскаго, какъ не то, что, при объясненіи всякихъ историческихъ явленій, а явленій національныхъ движеній и подавно,—мы должны считаться не только съ географической средой и, выростающимъ на почвѣ соотвѣтствующей ей техникѣ, поперечнымъ раздѣленіемъ человѣчества на классы, но также и съ продольнымъ разрѣзомъ человѣчества на народы и племена? И въ полномъ соотвѣтствіи съ этими нео-марксистскими взглядами Каутскаго на роль „свойствъ сосѣдей и предковъ даннаго общества“ находится и та радикальная перемѣна въ его взглядахъ на національную проблему, которая замѣтна въ его новѣйшихъ трудахъ по этому предмету.

Но если это такъ, если національный факторъ является одной изъ первобытныхъ, не сводимыхъ къ „матеріальнымъ условіямъ производства“ силъ и занимаетъ особое самостоятель-

---

*) Здѣсь характерно, что Каутскій не употребляетъ и, сообразно своимъ взглядамъ, не можетъ употреблять—самаго обычнаго выраженія: „матеріальныя условія производства“.

**) Тамъ же, стр 139: „der Art der Nachbarn und Worfahren der bestehenden Geselëschaft“.

ное мѣсто въ числѣ вообще „матеріальныхъ условій“, къ которымъ въ конечномъ счетѣ должно быть сведено матеріалистическое объясненіе исторіи, то тогда старая формула Маркса и Энгельса уже отжила свой вѣкъ и должна быть замѣнена новой.

Теперь уже нельзя говорить: „все въ исторіи совершается въ послѣднемъ счетѣ сообразно тому, что и какъ производится и какъ продукты обмѣниваются между собою“. Нужно, принимая во вниманіе коррективы, внесенные въ него Каутскимъ, формулировать коренное положеніе историческаго матеріализма слѣдующимъ образомъ:

„Все въ исторіи совершается сообразно тому, какими свойствами обладаютъ народы, въ какой они живутъ естественной средѣ, что и какъ они производятъ, какъ обмѣниваются продуктами и въ какихъ отношеніяхъ они находятся къ другимъ народамъ“.

Можно ли признать и эту формулу новѣйшаго историческаго матеріализма совершенно достаточной для того, чтобы на ней построить научную теорію историческаго развитія, объ этомъ судить приходится не теперь, не въ предѣлахъ этой статьи. Во всякомъ случаѣ она гораздо шире первоначальный марксистской, включая въ себя и теорію географической среды („боклизмъ“) и и теорію расовыхъ вліяній (Гессъ, Гобино). Во всякомъ случаѣ она не сводитъ націонализмъ къ экономикѣ и научаетъ смотрѣть на этотъ факторъ болѣе трезвыми глазами, чѣмъ это возможно было раньше, на основаніи устарѣвшей формулы ортодоксальнаго марксизма. *)

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что націонализмъ уже не нуждается больше ни въ какихъ hether'ахъ со стороны историческаго матеріализма, что ему не нужно больше приносить „разрѣшительныя жертвы“ и совершать „очистительныя омовенія“ съ того момента, когда самъ историческій

*) Объясненіе исторіи еврейскаго народа экономической борьбою классовъ въ древней Іудеѣ, стремленіемъ еврейскаго народа къ національному самосохраненію запросами еврейской личности и своеобразной идеологіей, которая неминуемо должна была вырости на почвѣ этихъ основныхъ факторовъ, пишущій эти строки пытался дать въ соч. „Мысли объ историческихъ судьбахъ еврейства“, Москва. 1887.

матеріализмъ братски включилъ его въ число „матеріальныхъ условій“, управляющихъ общественнымъ развитіемъ.

Послѣдовательное проведеніе того взгляда, что общественное и историческое развитіе управляется не только игрою экономическихъ силъ, но и фактомъ раздѣленія человѣчества на народы и принадлежности каждаго класса къ опредѣленному народу, неминуемо должно будетъ отразиться и на теоріи классовой пролетарской борьбы, какъ принципа сознательной исторической дѣятельности пролетаріата.

Къ какой національности ни принадлежалъ бы пролетаріатъ, каковы бы ни были условія его вліянія на ходъ общечеловѣческой исторіи, онъ всегда долженъ руководствоваться своей дѣятельностью и сознаніемъ, что онъ одновременно принадлежитъ къ всемірному интернаціональному классу наемныхъ работниковъ, и къ опредѣленной, исторически выработавшейся національности, судьба которой въ значительной степени зависитъ отъ „свойствъ ея предковъ.“

Фактически всемірный пролетаріатъ, какъ бы онъ ни казался космополитичнымъ по своимъ воззрѣніямъ, повсюду находится подъ вліяніемъ своего двойного—классоваго и національнаго—положенія и повсюду его классовая борьба носитъ на себѣ этотъ двойной отпечатокъ.

Теорія не замедлитъ включить этотъ фактъ, продиктованный самой жизнью, въ свое построеніе и этимъ превратитъ стихійные и инстинктивные національные импульсы пролетаріата въ сознательныя, „этическимъ идеализмомъ“ освѣщенныя цѣли.

Превращеніе стихійнаго и импульсивнаго національнаго въ національнизмъ, сознательно пролетарскій, необходимо какъ для пролетаріата господствующихъ національностей, такъ и для пролетаріата національностей угнетенныхъ. Для перваго потому, что его стихійный и импульсивный національнизмъ сказывается на практикѣ, несмотря на космополитическую внѣшность, самымъ непростительнымъ и вреднымъ для пролетаріата угнетеніемъ чужой національности. Для второго же сознательное отношеніе къ своимъ національнымъ задачамъ. въ смыслѣ признанія законности и необходимости самостоятельной національной жизни, является первой предпосылкой для правильной постановки всей его классовой борьбы.

Этимъ взаимосоотношеніямъ націонализма и пролетарской классовой борьбы мы посвятили отдѣльное изслѣдованіе въ первой книжкѣ сборника „Серп“ („Націонализмъ и классовая политика пролетаріата“). Намъ остается теперь примѣнить найденные тамъ выводы къ постановкѣ нашего еврейскаго національно-пролетарскаго дѣла.

Х. Житловскій.

Національныя черты народнаго хозяйства.

I.

Двѣ характерныя черты отличаютъ теоретическую мысль, освѣщающую путь еврейскому рабочему движенію, идущему подъ флагомъ Е. С. Р. П, отъ другихъ теченій въ еврейскомъ пролетаріатѣ. Это—1) мѣсто національной проблемы въ общей концепціи классовой борьбы еврейскаго пролетаріата, 2) изслѣдованіе проблемъ и тенденцій развитія еврейскаго рабочаго движенія при свѣтѣ соціально-экономическихъ процессовъ, протекающихъ внутри еврейства, взятаго, какъ соціально-экономическое цѣлое.

Справедливость требуетъ сказать, что до сихъ поръ въ рядахъ Е. С. съ особой тщательностью и любовью изучались только проблемы перваго цикла. Здѣсь уже достигнуто многое. При свѣтѣ научной критики безпощадно разрушено до тла ветхое зданіе консервативно догматическихъ традицій, господствовавшихъ въ этой области въ рядахъ соціалдемократіи, проложенъ новый путь, выдвинутъ новый методъ изслѣдованія, давшій уже цѣнные результаты и обѣщающій еще большаго въ будущемъ. Мѣсто непродуманнаго, некритическаго отношенія къ національной проблемѣ, какъ къ чему-то чуждому „чистой“ классовой борьбѣ пролетаріата, какъ къ потусторонней ея области,—правда, очень безпокойной и назойливой, заставляющей уважать себя и требующей „уступокъ“, „компромиссовъ“,—но все-таки чуждой, это мѣсто заняло твердое, научно-провѣренное убѣжденіе въ томъ, что „національное“ неотдѣлимо отъ „соціальнаго“, какъ тѣнь отъ предмета, какъ поверхность отъ объема, что оно, слѣдовательно сопутствуетъ, сопровождаетъ всѣ проявленія классовой борьбы пролетаріата, накладывая на нее свою неизгладимую печать.

Этимъ самымъ рушились всѣ буржуазные предразсудки,

связывающіе во-едино такіе антиподы, какъ Дубновъ и „Бундъ“, искавшіе какой-то національной „сущности“, метафизической субстанціи, влагавшейся то въ языкъ, въ „культуру“. Одновременно потеряли кредитъ связанныя съ этими суевѣрными представленіями наивныя попытки исчерпывать все многогранное, богатое содержаніе національной жизни абстрактной, самодовлѣющей „культурой“, примирить враждующія, національныя силы пальмовой вѣтвью „культурнаго самоопредѣленія“.

Вмѣсто этого былъ выдвинутъ взглядъ на „культуру“ не какъ на первоисточникъ національной жизни, а какъ на производное отъ нея, какъ на одну изъ слагаемыхъ многограннаго соціальнаго бытія извѣстной національной группы. Здѣсь, въ этомъ соціальномъ бытіи, кроется причина всѣхъ золъ, связанныхъ съ національнымъ гнетомъ. Здѣсь же ключъ отъ всѣхъ загадокъ національной борьбы и источникъ плодотворныхъ попытокъ, если не устраненія ея, то, во всякомъ случаѣ, локализаціи, введенія въ нормальное русло соціальнаго прогресса.

Соціалистическая мысль въ національномъ вопросѣ оплодотворилась новымъ содержаніемъ, получила прочную, твердую опору для прогноза общественныхъ отношеній, связанныхъ съ національной борьбой, для постановки задачъ вытекающихъ отсюда для пролетаріата и руководящую нить во всѣхъ злободневныхъ вопросахъ національной политики.

Иначе обстоитъ дѣло съ проблемами второго цикла.

Вопросъ о судьбахъ соціально-экономическаго развитія еврейскихъ массъ въ странахъ діаспоры, если и былъ поставленъ, то, во всякомъ случаѣ, не былъ достаточно изученъ. Много условій общественной и политической среды, при которыхъ сложилась Е. С. Р. П., способствовали такому оттѣсненію мало-изученнаго, запутаннаго и болѣе „академическаго“ вопроса на второй планъ. Логика революціонной стихіи, въ которой сразу очутилась и окунулась молодая неокрѣпшая еще партія, неумолимо откладывала „теорію“ передъ вопросами революціонной дѣйствительности и практической политики. Пролетаріату некогда ждать.

А между тѣмъ, эта область изобилуетъ наибольшимъ количествомъ туманностей, среди которыхъ мирно почиваетъ наивно-безпечная обывательская мысль „Бунда“ и ткетъ свои фантастическіе узоры специфически-полусонная логика с-с. Созда-

лась неимовѣрная путаница понятій. Еврейскому рабочему (на этотъ счетъ особенно постарались с-с.) внушали такіе взгляды, которые, не имѣя ничего общаго съ научнымъ изслѣдованіемъ, меньше всего способны поддерживать его въ его классовой и революціонной борьбѣ и больше всего призваны парализовать революціонный и политическій размахъ еврейскаго пролетаріата, суживая, низводя часто до нуля результаты его побѣдъ.

Необходимо пролить свѣтъ и въ этотъ темный уголъ, чтобы очистить путь для непредубѣжденной научной мысли и разсѣять призраки, заботливо поставленные по пути, все усложняющейся и открывающей все болѣе широкіе горизонты, революціонной борьбы еврейскаго пролетаріата.

Основной вопросъ, логически и формально предшествующій всѣмъ остальнымъ, который мы должны себѣ поставить, это вопросъ объ объектѣ нашего изслѣдованія. Нужно показать, въ какомъ смыслѣ еврейская народно-хозяйственная жизнь можетъ стать объектомъ научнаго излѣдованія, т. е. по какимъ внутреннимъ, иманентнымъ признакамъ мы выдѣляемъ ее изъ всего комплекса хозяйственныхъ феноменовъ, разсматриваемыхъ въ общемъ ходѣ экономическаго развитія страны (въ данномъ случаѣ, Россіи) и изучаемъ, какъ особую закономѣрность? Безъ твердой, прочной увѣренности въ наличности такой закономѣрности, присущей опредѣленной группѣ хозяйственныхъ явленій, никакое научное, т. е. казуальное, стремящееся раскрыть законы и тенденціи развитія, изслѣдованіе этой области невозможно. Индукція отдѣльныхъ явленій изъ этой группы, эмпирически разсматриваемыхъ въ ихъ конкретной обстановкѣ, *) безъ общей связи со всей группой, безъ общихъ методологическихъ и дедуктивныхъ предпосылокъ, въ лучшемъ случаѣ можетъ дать полезныя указанія, годныя для житейскаго опыта, т. е. для недальновидной практической политики дня, или необходимый матеріалъ для будущей обобщающей системы, но сама она лишена всякой творческой силы и не можетъ лечь въ основаніе боевой программы еврейскаго пролетаріата.

Но этотъ вопросъ есть только частная формулировка об-

*) Такъ напр., положенія еврейскаго ремесла, будущее еврейскаго труда въ крупной промышленности и т. д.

щаго вопроса о сущности „національнаго хозяйства“, вообще. Въ нашей постановкѣ послѣдній сводится къ слѣдующему: можно ли, и по какимъ формальнымъ признакамъ выдѣлить, въ интересахъ методологическаго изслѣдованія, изъ общей системы капиталистическаго хозяйства, охватывающаго тѣснымъ кольцомъ все цивилизованное общество, наряду съ общепринятой хозяйственной единицей, государственно - территоріальнымъ хозяйствомъ *), также и „національное хозяйство“, т. е. народно-хозяйственную дѣятельность одной какой-нибудь національной группы въ Nationalitätenstaat'ѣ, какъ хозяйственный комплексъ въ своемъ развитіи, раскрывающій свою особую закономѣрность?

Отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ въ значительной степени предрѣшаетъ судьбу перваго. Къ нему мы должны обратиться сейчасъ.

Извѣстно, что въ экономической литературѣ этотъ вопросъ до сихъ поръ не трактовался вовсе. По какому-то молчаливому соглашенію, подъ національнымъ или народнымъ хозяйствомъ понимали всегда хозяйство данной страны, выводились единообразные, тождественные законы развитія для всего населенія разсматриваемой территоріи, безъ различія національныхъ группировокъ.

Игнорировались различія въ классовой дифференціаціи, въ стадіяхъ экономическаго развитія, въ исторической обстановкѣ, среди которой развивалась хозяйственная жизнь той или иной національной группы въ Nationalitätenstaat'ѣ.

Игнорировала эту своеобразную экономическую дифференцировку и соціалдемократія, особенно русская, вооруженная „научнымъ“ методомъ экономическаго матеріализма. На всѣхъ разсужденіяхъ „Искры“, затрагивающихъ косвенно (прямо къ нему никогда не подходили) этотъ вопросъ, лежитъ печать шаблона безкровной, абстрактной схемы, менѣе всего способной изу-

*) Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ (политически-таможеннаго единства) обыкновенно употребляютъ терминъ „національное хозяйство“ (Nationalöekonomie) въ политической экономіи. Во избѣжаніе путаницы, условимся не прибѣгать въ этомъ случаѣ къ общепринятой терминологіи и будемъ различать „національное хозяйство“, т. е. хозяйственную дѣятельность данной національной группы въ Nationalitätenstaat'ѣ, и „государственно-территоріальное хозяйство“, т. е. хозяйственную дѣятельность населенія данной страны.

чать, больше всего готовой декретировать. Въ лучшемъ случаѣ, гдѣ, напр. въ еврейской средѣ, факты специфическихъ соціально-экономическихъ отношеній слишкомъ били въ глаза, и не хватало никакого „героизма“ для ихъ упраздненія, причину „всѣхъ золъ“ видѣли исключительно въ политическомъ режимѣ, ликвидація котораго дастъ сигналъ къ устраненію всѣхъ экономическихъ перегородокъ, раздѣляющихъ націи, къ нивеллированію всякаго экономическаго своеобразія, связаннаго со сложными національными отношеніями, и сліянію всѣхъ націй въ однородно-дифференцированное экономическое цѣлое. Такимъ образомъ, изслѣдованіе прерывали на томъ мѣстѣ, откуда его слѣдовало начать. *)

Не въ лучшемъ положеніи оказался и „Бундъ“ въ этомъ вопросѣ.

Его программа по національному вопросу насквозь пропитана духомъ оппортюнизма; противорѣчиво и двойственно также его отношеніе къ проблемѣ „національнаго хозяйства“.

Спасаясь отъ преслѣдованій и насмѣшекъ искровскихъ „евреевъ“, онъ въ своей аргументаціи необходимости самостоятельной организаціи еврейскаго пролетаріата, отчасти въ оправданіе своихъ національныхъ „увлеченій“, аппелируетъ къ „не-

*) Такое „научное“ отношеніе къ проблемѣ „національнаго хозяйства“ преломляясь въ призмѣ специфическаго „искровскаго“ способа полемики, отразилось самымъ пагубнымъ образомъ на всей постановкѣ національнаго вопроса русской соціалдемократіи. Печать филистерства и интеллигентски-кружковой схоластики, пытающейся разрѣшить все aus der Tiefe ihres Gemüths, лежитъ на всѣхъ разсужденіяхъ „Искры“ по національному вопросу. Трудно вспомнить безъ отвращенія знаменитую полемику „Искры“ съ „Бундомъ“, въ которой денаціонализированные искровскіе „евреи“, отождествляя еврейство съ синагогой и національную культуру съ ритуаломъ, торжественно похоронили культурную индивидуальность еврейства, упразднили еврейскую націю и отрицали за еврейскимъ пролетаріатомъ право на самостоятельную организацію.

Жизнь жестоко посмѣялась надъ этими „теоретиками“ „Искры“, но они мало чему научились. Послѣдняя полемика по національному вопросу Р. С. Д. съ С. Д У. (по вопросу объ автономіи Украйны) оперируетъ тѣми же аргументами изъ „культурнаго“ лексикона, только вскользь затрагивая, и то только вынужденно парируя удары противниковъ, проблему „національнаго хозяйства“, (къ вопросу о децентрализаціи промышленности и растущей экономической независимости Украйны) не останавливаясь на ней и роняя по пути общія фразы. Интересующихся отсылаемъ къ статьямъ Лукашевича („Вѣстникъ Жизни“ №№ 1, 2, 9) и статьѣ М. И.-Ш. Автономія Украіны въ свѣтлі „С.-Д. крітики“.

одинаковымъ историческимъ условіямъ, въ которыхъ протекала и развилась народо-хозяйственная жизнь различныхъ національностей, входящихъ въ составъ одного и того же государства, своеобразной ихъ соціальной структурѣ, неодинаковому, неравномѣрному дифференцированію ихъ въ классовомъ отношеніи", *) т. е. вызываетъ передъ собой блѣдную тѣнь, „національнаго хозяйства".

Но, идя въ этомъ направленіи, онъ натыкается на „суевѣрныя" представленія о націи, о соціально-экономическомъ цѣломъ, представленія, окрыляющія „счастливыхъ возрожденцевъ", укрѣпляющія ихъ въ жизненности и осуществимости требованій, выдвинутыхъ ими для еврейскаго пролетаріата, и «Бундъ», испугавшись призрака, облекшагося вдругъ въ плоть и кровь, въ отчаяніи бросается въ объятія... искровскихъ „евреевъ". И тогда оказывается, что „въ капиталистическомъ мірѣ нѣтъ національнаго хозяйства, а есть только государственно-территоріальное хозяйство". **)

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, „Бундъ" дальше общихъ избитыхъ мѣстъ не идетъ, оставаясь въ плоскости безцвѣтнаго приличія и „разумной" осторожности. Серьезная, пытливыя мысль, не находящая интереса къ полемическимъ перламъ „Бунда", преодолѣвъ мудрость бундовскихъ „писаній" на эту тему, стоитъ передъ проблемой, „національнаго хозяйства", какъ и до этого, представленная самой себѣ.

Нація въ ея современномъ состояніи, со свойственными ей классовыми противорѣчіями, какъ выраженіемъ внутренней развитой экономической дифференціаціи, политическими притязаніями, культурными стремленіями, со всѣмъ многообразіемъ ея стремленій и переживаній,—есть продуктъ капиталистическаго развитія. Капитализмъ, его эволюція, его будущее, вотъ отправная точка для всякаго изслѣдованія, затрагивающаго такъ или иначе судьбы современной націи. Отсюда мы должны исходить и при анализѣ „національнаго хозяйства".

Раздѣленіе труда и болѣе или менѣе развитой обмѣнъ—та-

*) „Мелкобуржуазный соціализмъ на еврейской почвѣ" (на жаргонѣ) стр. 6 См. русск. перев.

**) „Къ вопрссу о единственномъ представительствѣ". Надеждинъ „Наше Слово". № 6 стр. 16.

ковы двѣ основныя предпосылки капиталистическаго способа производства. Это два тарана, которые онъ направляетъ въ крѣпостныя стѣны неподвижнаго царства изолированно-клѣточнаго натуральнаго хозяйства, разрушая его и воздвигая на его развалинахъ новое грандіозное зданіе товарно-денежнаго хозяйства. Капиталъ стремится довести общественное раздѣленіе труда до его крайнихъ логическихъ предѣловъ, до международнаго раздѣленія труда. Это вытекаетъ изъ внутренней природы капитала. Послѣдній разсматриваетъ весь процессъ производства не съ точки зрѣнія удовлетворенія потребленія, а исключительно, какъ процессъ воспроизводства и накопленія капитала же. Его союзниками и помощниками въ этомъ стремленіи является: техническое и общественное раздѣленіе труда. Первое интенсифицируетъ производительность общественнаго труда, революціонизируетъ технику производства вплоть до замѣны живого человѣческаго труда работой машины, съ переспективой удешевленія производства и безграничнаго его расширенія, и создаетъ привилегированное положеніе для крупнаго капитала, благодаря растущему повышенію органическаго строенія капитала. Общественное же и его логическое завершеніе, международное раздѣленіе труда, облегчаетъ капиталу возможность быстраго и безболѣзненнаго перемѣщенія по стрѣлкѣ высоты нормы прибыли.

Исчезаетъ и становится все больше и больше достояніемъ или пережитками прошлаго не только изолированный производитель—потребитель или ремесленникъ, работающій на заказъ, но и цѣлыя области и даже страны, какъ самодовлющее хозяйственное цѣлое, абсолютно независимое отъ другихъ. Создается естественное раздѣленіе странъ на Agrikulturstand и Manufacturstand, въ зависимости отъ превалирующей роли добывающей или обрабатывающей промышленности въ той или другой странѣ. *)

*) Классическій примѣръ: Англія съ атрофіей добывающей и гипертрофіей обрабатывающей промышленности, всемірная фабрика, и дореформенная Россія, съ обратнымъ отношеніемъ этихъ отраслей.

„Создается новое раздѣленіе международнаго труда, соотвѣтственно требованію главныхъ центровъ машиннаго производства, обращающее одну часть земного шара преимущественно въ поле производства земледѣльческихъ продуктовъ, снабжающую ими другую часть, которая остается преимущественно промышленной". (Марксъ, Капиталъ, т. I стр. 396. Спб. 1898 г. III изд.).

„Страны того и другого типа образуютъ одно экономическое цѣлое, при чемъ отрасли промышленности, составляющія комплексы другъ для друга, размѣщены въ различныхъ странахъ". *) Правда, капиталъ стремится эмансипироваться отъ гнетущей сковывающей зависимости, отъ естественныхъ природныхъ условій данной страны. „Великая революціонная особенность капитализма та, что онъ экономически разрушаетъ всѣ мѣстныя природныя и техническія ограниченія производства". **) Страны перваго типа стремятся освободиться отъ гнетущей зависимости, дѣлающей ихъ колоніальными данницами Manufacturstand'a, обзаводятся собственной индустріей, переходя такимъ образомъ въ состояніе Agrikulturmanufacturstand. Этому содѣйствуетъ и эмиграція капиталовъ, ищущихъ болѣе выгоднаго приложенія: 1) у источниковъ сырья, сберегающихъ имъ расходы по транспорту, 2) у подножія (колоніальнаго) товарнаго рынка, огражденнаго высокимъ таможеннымъ заборомъ, гарантирующаго болѣе высокую норму прибыли, часто при болѣе низкомъ уровнѣ техники и меньшихъ затратахъ капитала. Эта тенденція къ децентрализаціи, создающая относительную независимость отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, не имѣетъ однако ничего общаго съ разрывомъ общекапиталистической цѣпи, сковывающей все товарное общество. Не только между различными районами и окраинами одной и той же страны, но и между раздѣленными политическими барьерами и таможенными заборами различными странами протягиваются живыя прочныя нити взаимнаго обмѣна, точно нервы, приводящіе въ движеніе гигантскій организмъ капиталистическаго производства и получающіе свои импульсы отъ вновь-созданнаго, стоящаго надъ логикой отдѣльныхъ странъ, центральнаго нервнаго аппарата, мірового хозяйства. Каждая страна становится по отношенію къ другой въ позу—то производителя, то потребителя ея продуктовъ. Паровой транспортъ, одержавъ побѣду надъ пространствомъ, сближаетъ, сродняетъ

---

*) С. Булгаковъ. О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ, стр. 193, 194. Москва, 1897.

**) Парвусъ. Міровой рынокъ и сельско-хозяйственный кризисъ, стр. 2. Спб. 1898.

Вся хлопчато-бумажная промышленность Европы зиждется на переработкѣ сырья, производимаго внѣ ея предѣлсвъ.

между собою страны, самые отдаленные уголки земного шара, ссудный капиталъ и кредитъ благословляютъ эту связь золотымъ дождемъ.

Въ результатѣ, „національныя производства вступаютъ во взаимную связь, но только для того, чтобы потерять свой національный характеръ. На мѣсто международныхъ отношеній вступаетъ космополитизмъ. Національныя хозяйства теряютъ свою самостоятельность. Они обращаются въ подчиненныя, связанныя, взаимно-обусловленныя части одного цѣлаго, не заключеннаго ни въ какой странѣ, и это именно и есть міровой рынокъ". *)

Особенно ярко выступаетъ экономическая связь различныхъ странъ въ циклическихъ и періодическихъ колебаніяхъ капиталистическаго способа производства, выраженныхъ въ закономѣрномъ чередованіи фазъ промышленнаго процвѣтанія и застоя. Зависимость же отъ мірового рынка становится особенно-наглядной въ періоды промышленныхъ репрессій и кризисовъ. **) Перепроизводство товаровъ въ одной странѣ, даже частичное, желѣзнодорожная горячка, земельныя или биржевыя спекуляціи, парализуетъ ея живой товарный оборотъ и дѣйствуетъ заразительнымъ образомъ на міровой рынокъ.

Космополотическому процессу производства должна соотвѣтствовать космополитическая же классовая группировка общества. Духъ разрушенія капитализма обрушивается съ бѣшенной яростью на всѣ пережитки изолированности и сепаратизма окраиннаго, племеннаго, опрокидываетъ всѣ барьеры, пограничные столбы, раздѣляющіе историческія провинціи, націи, таможненыя клѣтки и т. д. Одновременно онъ сплачиваетъ, спаиваетъ этотъ конгломератъ въ единное, однородно-классовое дифференцированное человѣческое общество.

Такимъ образомъ, по отношенію къ объектированному процесу производства выступаетъ общество, какъ цѣлое, раздѣленное, въ процессѣ распредѣленія, полярно на 2 круп-

*) Парвусъ. Міровой рынокъ, стр. 2.

**) „Послѣ сороковыхъ годовъ вся Европа въ большей или меньшей мѣрѣ, смотря по зрѣлости капиталистическаго строя въ отдѣльныхъ странахъ, начинаетъ принимать участіе въ періодическихъ приливахъ и отливахъ капиталистической промышленности" (Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы; 2-ое изд. стр. 110). „Промышленный кризисъ. 1857 г. былъ первымъ міровымъ кризисомъ" (Ibid. 109).

ныхъ класса, рѣзко враждебные и тѣсно-связанные въ матеріальномъ процессѣ производства. Никакія другія группировки здѣсь очевидно, невозможны.

Здѣсь проблема національнаго хозяйства исчезаетъ съ исчезновеніемъ ея носителя.

Но исчезая здѣсь, она вновь возрождается и получаетъ реальный смыслъ при другихъ обстоятельствахъ.

II.

Товарное хозяйство знаетъ рядомъ съ процессомъ производства также и процессъ обращенія товаровъ, реализаціи капиталистически-произведенныхъ продуктовъ, части общественнаго продукта подъ видомъ предпринимательской прибыли, и подчиняетъ первый послѣднему.

Первоначально „не рынокъ создалъ капиталистическое раздѣленіе труда, наоборотъ, разложеніе прежняго общественнаго строя и проистекающее отсюда раздѣленіе труда создало рынокъ“. Но по мѣрѣ развитія основныхъ противорѣчій капиталистической организаціи производства, послѣднее перенесло метаморфозу, и въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ уже, „рынокъ управляетъ производствомъ, а не производство управляетъ рынкомъ“. *)

Но здѣсь, на товарномъ рынкѣ, отношенія уже гораздо сложнѣе и соотвѣтствующія группировки многобразнѣе, разнорѣчивѣе.

Основной законъ капиталистическаго производства—это прогрессивное расширеніе производства, совершаемое насчетъ капитализаціи большей части прибыли и накачиванія капитала при помощи двухъ насосовъ: 1) экстенсивнаго расширенія производства, втягиванія въ товарный обмѣнъ продуктовъ труда некапиталистическихъ производителей, мелкихъ собственниковъ-крестьянъ и ремесленниковъ, т. е. организаціи и за-

*) Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы. стр. 3; 2-ое изд. 1900 г. Спб. „Введеніе денегъ, какъ посредника при обмѣнѣ, радикально преобразуетъ рынокъ. Рынокъ пріобрѣтаетъ доминирующее положеніе по отношенію къ производству“. (Ibid. стр. 9).

хвата рынка сбыта, 2) интенсивнаго его расширенія, т. е. увеличенія производительности труда, введенія усовершенствованныхъ машинъ. Расширеніе производства—таковъ „категорическій императивъ“, предъявляемый товарнымъ фетишемъ его творцу, капиталисту, попавшему въ рабство къ дѣлу своихъ же рукъ и принимающій для каждаго капиталиста форму неумолимаго закона конкурренціи. Для товаро-производителя условіемъ дальнѣйшаго производства является, естественно, реализація продукта, необходимость сбыта на рынкѣ. Но прогрессивное возрастаніе количества продуктовъ, выбрасываемыхъ на рынокъ, „стремленіе капиталистическаго производства развивать производительныя силы такимъ образомъ, какъ будто предѣлъ ему ставится абсолютной потребительной способностью общества“ сталкивается въ конечномъ счетѣ съ узкимъ базисомъ, на которомъ покоятся отношенія потребленія. Возникаетъ антагонизмъ производства и потребленія, эта характерная трещина, проходящая черезъ все зданіе капиталистическаго производства.

Расширеніе производства наталкивается на стѣну, имъ же созданную.

Отсюда ожесточенная борьба за рынокъ, страстная погоня за полемъ сбыта рыцарей капиталистической наживы.

Солидарности класса капиталистовъ въ производствѣ, въ процессѣ разрушенія старыхъ производственныхъ формъ и производственныхъ отношеній и созданія новыхъ, здѣсь, на товарномъ рынкѣ, противопоставляется глубокій антагонизмъ товаро-продавцевъ, надъ которыми виситъ дамокловъ мечъ конкурренціи-жадность взаимнаго пожиранія. Міровая буржуазія, противостоящая, какъ цѣлое, въ качествѣ присвоительницы и прибавочной цѣнности, классу трудящихся, начинаетъ раскалываться при дѣлежѣ буржуазной добычи.

Здѣсь раньше всего выступаютъ антогонизмы между аграріями и промышленниками, между производителями полу-фабрикатовъ и производителями законченнаго продукта, между промышленной буржуазіей и торговой и т. д.

Но этимъ расщепленіе буржуазіи далеко не закончено. Ожесточенная конкурренція на міровомъ рынкѣ стимулируетъ новое раздѣленіе буржуазіи, новую группировку.

Тамъ, гдѣ наступательная тактика захвата рынковъ и вы-

тѣсненія конкуррентовъ не имѣетъ достаточной опоры въ бронированномъ кулакѣ, или встрѣчаетъ отпоръ со стороны осѣвшаго уже и ощетинившагося хищника, гдѣ, слѣдовательно, имперіализмъ безсиленъ удовлетворить ненасытный голодъ накопленія, тамъ буржуазія окапывается въ предѣлахъ своего экономическаго и политическаго господства, монополизуетъ свой внутренній рынокъ, пуская для этого въ ходъ весь таможенно-политическій аппаратъ страны, находящійся на службѣ у капитала. Первоначальный Drang nach Aussen, погоня за внѣшнимъ рынкомъ, смѣняется возвратомъ къ внутреннему полю сбыта.

Протекціонизмъ, родной братъ имперіализма, это характерная тенденція послѣдняго фазиса экономическаго развитія большинства капиталистическихъ странъ.

Буржуазія забрасываетъ капище космополитизма, гдѣ еще дымится отъ воскуреннаго ѳиміама, и мечтательно-сладко поетъ про Vaterland, бряцая оружіемъ... народа. Она становится національной. Раздираемая внутри противорѣчіями разныхъ ступеней капиталистической зрѣлости отдѣльныхъ промышленныхъ районовъ или отраслей производства, антагонизмами интересовъ разныхъ группъ параллельныхъ дѣленій, буржуазія страны трубитъ объединеніе, чтобы оттѣсненіемъ „внѣшняго врага“ оградить свою капиталистическую добычу отъ покушеній „извнѣ“.

Тамъ, гдѣ это оказывается необходимымъ, привлекаютъ къ охранѣ этого легализованнаго грабежа народа почетный караулъ изъ того же народа напѣвами о народномъ величіи, пасторалями о гражданскомъ долгѣ, заманчивыми сказками о народномъ благосостояніи, на которое нагло подмѣниваютъ „національное богатство“ буржуазіи.

Процессъ раскалыванія буржуазіи по воюющимъ лагерямъ, однако, на этомъ не останавливается. Онъ идетъ гораздо глубже, совершая часто скрытую, незамѣтную для невооруженнаго глаза, работу до тѣхъ поръ, пока онъ снова не появится на поверхности въ кристализованныхъ, оголившихся формахъ.

Въ Nationalitätenstaat'ѣ, съ его національными противорѣчіями и фактомъ господства одной какой-либо націи насчетъ другихъ, создается возможность для извѣстныхъ группъ буржуазіи провести глубже борозду, отдѣляющую „своего“ отъ „чужого“, патентованнаго по рожденію эксплуататора отъ „самозваннаго“ пре-

тендента, распространяя понятіе „чужого“ на большее количество элементовъ, включая туда элементы буржуазіи другого національнаго происхожденія. Создается господствующая нація, т. е. господствующая буржуазія, разгорается національная борьба, т. е. борьба за полноту захвата внутренняго рынка.

Буржуазія каждой изъ національныхъ группъ заинтересована въ томъ, чтобы оградить свой національный рынокъ сбыта и по возможности упрочить свои позиціи на внутреннемъ рынкѣ страны насчетъ всѣхъ остальныхъ. Тамъ, гдѣ одна изъ нихъ оказывается достаточно сильной и, въ силу цѣлаго ряда условій историческаго происхожденія, господствующей, тамъ она достигаетъ этой цѣли самыми разнообразными путями.

И она, пользуясь своимъ политическимъ превосходствомъ и организованностью, прямо объявляетъ „священную войну“ производству окраинъ или другихъ національныхъ группъ: такъ, напримѣръ, „Ирландская шерстяная мануфактура была уничтожена Англіей парламентскими указами“; *) русская буржуазія борется во имя идеи „центра“ и „кореннаго населенія“ противъ „чужеядной“ промышленности Польши, подъ видомъ похода противъ иностраннаго капитала, дифференціальными тарифами и другими скорпіонами, **) противъ Финляндіи, ставя ее въ положеніе „иноземной державы“ въ смыслѣ вкушенія отъ пирога казенныхъ заказовъ, ***) развиваясь сама насчетъ этихъ заказовъ, поставокъ, премій, субсидій и т. д. ****)

---

*) „Капиталъ“ т. I., стр. 668, 3-е изд. Спб. 1898.

**) Этотъ историческій споръ между Москвой и Лодзью породилъ огромную книжную и особенно журнально-газетную литературу. Интересующихся отсылаемъ къ брошюрѣ г-жи Р. Люксембургъ: „Промышленное развитіе Польши“, Спб. 1899. Оригинальную позицію занимаетъ въ этомъ вопросѣ г-жа Люксембургъ. Занятая своей Idée fixe, борьбой противъ національныхъ „иллюзій“ Р. Р. S. (въ требованіи независимости Польши), она не устаетъ доказывать своего тезиса ссылкой на промышленное развитіе Польши и Россіи, ставящее якобы непреодолимыя преграды такому требованію.

***) Отголоски этой борьбы и успѣхи въ ней русской буржуазіи въ послѣднее время читатель найдетъ въ преніяхъ „особаго совѣщанія“ по поводу просьбы финляндскихъ заводчиковъ и контръ-агитаціи русскихъ. (См. объ этомъ „Товарищъ“ № 104 (3/XI) 1906 г.).

****) „Протекціонная система была искусственнымъ средствомъ фабриковать фабрикантовъ... Европейскія государства спорили между собой, кому принадлежитъ право на изобрѣтеніе покровительственной системы... косвенно—въ видѣ

Еще болѣе часты и обычны методы к о с в е н н а г о угнетенія и подавленія промышленности буржуазіи „инородческой“.

Политическая деградація, дезорганизація слабыхъ національныхъ группъ, лишеніе ихъ законодательнымъ путемъ или организованнымъ общественнымъ бойкотомъ гражданскихъ правъ, и яростное ожесточенное сопротивленіе всякимъ попыткамъ къ огражденію ихъ національныхъ правъ,—таково могучее орудіе въ рукахъ буржуазіи господствующей націи къ дезорганизаціи производительныхъ силъ угнетенной націи, къ экономической и культурной деградаціи этой послѣдней и подчиненію ее себѣ, какъ потребителей ея товаровъ. Сломить упорство внутренней организаціи слабыхъ національныхъ меньшинствъ, стремящихся къ гражданской, политической и культурной эмансипаціи, это значитъ преодолѣть вмѣстѣ съ тѣмъ экономическое молекулярное сцѣпленіе элементовъ, составляющихъ націю, сложившихся подъ вліяніемъ цѣлаго ряда историческихъ условій въ соціально-экономическую общность, завоевать ихъ внутренній рынокъ не превосходствомъ своей промышленной организаціи, а принудительными силами своего политическаго господства.*) Это—новый источникъ грабежей, обогащенія и накопленія, подобно тому какъ внѣ предѣловъ государства эта цѣль достигалась колоніальными войнами и фактическимъ закрѣпощеніемъ туземцевъ, явными или скрытыми протекторатами (политики на ближнемъ и даль-

---

охранительныхъ пошлинъ, и непосредственно—въ видѣ премій за вывозимый товаръ, монополій на внутреннемъ рынкѣ и т. п.“ (Капиталъ т. I., стр. 668. III-е изд. Спб. 1898). Поучительную исторію такой казенной фабрикаціи россійскихъ и, особенно, русскихъ фабрикантовъ читатель найдетъ у Туганъ-Барановскаго „Русская фабрика“ стр. 5—13, 297—298 и т. д., т. I. 1898. Спб.

*) „Тамъ, гдѣ внутри одного государства совмѣстно живутъ различныя національности,—тамъ границы языка нѣкоторымъ образомъ замѣняютъ таможенныя границы; вѣдь языкъ является важнѣйшимъ средствомъ сношеній. Ограниченіе и расширеніе области языка и исключеніе изъ нея говорящихъ на другомъ языкѣ конкуррентовъ могутъ служить столь-же важными средствами для обезпеченія внутренняго рынка, какъ въ иномъ мѣстѣ независимость и величина національнаго государства“. (Каутскій. Борьба національностей и государственное право въ Австріи, стр. 5. Кіевъ. 1906 г.).

„Нѣмецкая буржуазія всѣ свои силы направляла на уничтоженіе чешскаго національнаго движенія, самаго опаснаго для нея и важнаго. Это объясняется тѣмъ, что Богемія была самой богатой страной монархіи, а нѣмецкая буржуазія была ея привиллегированнымъ эксплуататоромъ“. (Ibid. стр. 15).

немъ Востокѣ), таможенной блокадой (Австро-сербскія отношенія) и т. д.

Здѣсь объектомъ угнетенія и эксплуатаціи дѣлается уже не исключительно буржуазія, а вся угнетенная нація, взятая въ цѣломъ. Борьба противъ „чужой“ торговли, промышленности, ремесла, по логикѣ буржуазной морали и въ полномъ соотвѣтствіи съ политической ролью буржуазіи, раздувается въ расовый или національный турниръ; на нее наклеивается пышный государственный или національный ярлыкъ. Этимъ достигаются двѣ цѣли: 1) облегчается задача „управленія“, организованное насиліе надъ слабой націей кучки эксплуататоровъ освящается авторитетомъ „народнаго блага“ и выдвигается, какъ задача „націи“, 2) буржуазія раздвигаетъ рамки своего политическаго вліянія среди народныхъ массъ и бюрократическими лапами ея же дѣтища—государства, претворяетъ это вліяніе въ цѣли, въ новое орудіе эксплуатаціи „своихъ“-же, „коренныхъ“ трудящихся массъ.

Если, какъ это имѣетъ мѣсто въ Россіи, общественныя отношенія и національная борьба усложняются присутствіемъ на политической аренѣ пережитковъ абсолютистски-крѣпостническаго режима, борющагося за свое существованіе, то задачи господствующей буржуазіи облегчаются специфической ролью такого правительства по отношенію къ „инородцамъ“, ролью завоеванія, денаціонализаціи, ассимиляціи и связанныхъ съ ними специфическихъ репрессій, натравливанія черни, искусственной прививки имъ инородофобіи. И это достигается тѣмъ легче, что нити исполнительной политики находятся въ рукахъ буржуазно-дворянскаго комплота господствующей націи.

Гнусный союзъ династической реакціи и сословно-классовыхъ привиллегій создаютъ специфическую атмосферу, особенно благопріятную для дезорганизаціи экономическихъ, политическихъ и культурныхъ силъ націй-парій.

Классическій примѣръ такого порабощенія и открытаго, обнаженнаго до цинизма грабежа, представляетъ собой историческій мартирологъ, носящій названіе „Евреи въ Россіи“.

Борьба различныхъ національныхъ группъ буржуазіи за преобладаніе на внутреннемъ рынкѣ усиливается и ослабляется

между прочимъ въ связи съ приближеніемъ или отдаленіемъ тѣхъ или иныхъ слоевъ ея по отношенію къ потребителю.

Болѣе тѣсной дружной фалангой выступаютъ представители крупной буржуазіи разныхъ націй въ Nationalitätenstaat'ѣ. Работающіе преимущественно на производительное потребленіе, на обширный государственно-территоріальный и внѣшній рынокъ, они больше заинтересованы въ „регулированіи“ „отечественной“ промышленности, въ нормировкахъ, преміяхъ, субсидіяхъ, казенныхъ заказахъ, въ таможенной, колоніальной политикѣ, въ арміи и флотѣ, въ совмѣстной борьбѣ противъ поземельной ренты, дорогого хлѣба, противъ мелкаго производства. Ихъ товары, обслуживаемые спеціальной организаціей сбыта изъ промежуточныхъ классовъ, ставшихъ между ними и потребителемъ, на внутреннемъ рынкѣ въ значительной степени обезличиваются отъ ихъ „національнаго“ происхожденія, *) и въ значительной мѣрѣ защищены отъ убійственной конкурренціи. **)

Въ иномъ положеніи находится мелкая буржуазія. Сдавленная въ своемъ дальнѣйшемъ ростѣ и развитіи узкой сферой приложенія ея микроскопическаго капитала и отсталой техники, чувствуя надъ собой давленіе и эксплуатацію крупнаго капитала, отнимающаго у нея позицію за позиціей, обращающаго ее въ своего вассала и заставляющаго служить своимъ цѣлямъ, она острѣе и болѣзненнѣе испытываетъ гнетъ конкурренціи, ожесточеннѣе и настойчивѣе реагируетъ на него, хватаясь часто за наивныя средства помощи и „избавленія“. Мелкій предприниматель, лавочникъ, ремесленникъ, имѣющій ограниченный районъ сбыта, *) растущій очень медленно, терпитъ больше отъ всевозрастающей конкурренціи, чѣмъ крупный капиталистъ: онъ страдаетъ отъ всѣхъ ея капризовъ, не раздѣляя ея преимуществъ. Его борьба противъ конкуррента ожесточеннѣе, площадь размежевываній больше.

---

*) Этому не мало содѣйствуетъ также акціонерная форма крупныхъ предпріятій.

**) Этимъ объясняется трогательная солидарность „истинно-русскихъ“, еврейскихъ и польскихъ сахарныхъ королей, сдѣлавшихъ изъ этой солидарности опорную базу для хищническаго набѣга на потребительныя силы населенія, цитадель для грандіознаго ограбленія народа и накопленія.

**) Главнымъ образомъ, предметовъ потребленія народныхъ массъ.

Она—то, эта мелкая буржуазія, доводитъ свою „національную“ борьбу до ея крайнихъ логическихъ предѣловъ. Среди нея пышнымъ цвѣтомъ произрастаетъ организованный общественный бойкотъ, антисемитизмъ и т. д., движенія, преслѣдующія главную цѣль, замыканіе своего рынка.

Законъ конкурренціи приводитъ къ неумолимой изоляціи буржуазіи болѣе слабой національной группы, къ оттѣсненію ея отъ болѣе выгодныхъ отраслей производства (въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ, болѣе прогрессивныхъ), гдѣ интенсивное расширеніе капитализма съ его головокружительной техникой сдѣлало уже замѣтные успѣхи, къ болѣе отсталымъ формамъ, захваченнымъ, главнымъ образомъ, экстенсивнымъ завоеваніемъ капитала съ его примитивной техникой и его низкимъ органическимъ строеніемъ, къ вытѣсненію ея изъ многихъ рынковъ сбыта, къ парализованію ея промышленнаго развитія и накопленія. Поневолѣ она начинаетъ идеализировать свой національный рынокъ, съ которымъ она выросла вмѣстѣ въ процессѣ перехода отъ старыхъ цехово-ремесленныхъ формъ къ капиталистическимъ, который ее въ извѣстной мѣрѣ произвелъ на свѣтъ и на которомъ она естественно доминируетъ. Этотъ рынокъ она стремится теперь монополизировать, какъ убѣжище отъ ожесточенной конкурренціи и изоляціи, пользуясь для этого специфическими политическими и культурными формами, въ которыхъ живетъ и развивается вся національная группа. Рождается націонализмъ буржуазіи. Буржуазія становится заинтересованной въ политическомъ и культурномъ подъемѣ націи, какъ потребительницѣ ея товаровъ, въ улучшеніи условій своего внутренняго рынка, который не только поглощаетъ ея товары, но одновременно является для нея поставщикомъ живого человѣческаго матеріала. Изоляціи извнѣ она противопоставляетъ солидарность внутри. Создается новая имманентная связь, новый узелъ, связывающій буржуазію съ народными массами на основѣ ихъ внутренняго товарнаго рынка.

III.

Конкурренціи разныхъ слоевъ и группъ буржуазіи на товарномъ рынкѣ соотвѣтствуетъ конкурренція пролетаріевъ на рабочемъ рынкѣ. „Степень интенсивности конкурренціи между ними... зависитъ отъ давленія избытка населенія“. *) „Относительное перенаселеніе представляетъ фонъ, на которомъ совершаетъ свои движенія законъ спроса и предложенія труда. **) Тѣ же условія, которыя порождаютъ перепроизводство товаровъ, имѣютъ своимъ слѣдствіемъ перепроизводство пролетаріата, относительное перенаселеніе. „Возрастаніе производительности труда проявляется въ уменьшеніи количества труда въ сравненіи съ количествомъ средствъ производства, приводимыхъ имъ въ дѣйствіе, или въ уменьшеніи субъективнаго фактора рабочаго процесса въ сравненіи съ объективными его факторами“. ***) „Относительный запросъ на трудъ со стороны капитала, т. е., соотношеніе между его собственной величиной и количествомъ поглощаемаго имъ труда, опредѣляется относительной величиной его перемѣнной части. Мы показали, что накопленіе, увеличивающее общественный капиталъ, уменьшаетъ въ то же время относительную величину его перемѣнной части, уменьшая такимъ образомъ относительно запросъ на трудъ“. ****)

„Такимъ образомъ, рабочее населеніе, производя накопленіе капитала, производитъ въ то же время относительный избытокъ самого себя“. *****) Относительное перенаселеніе становится закономъ народонаселенія капиталистическаго строя, conditio sine

---

*) Капиталъ т. I, стр. 566, III изд. Спб. 1898 г.

**) Ibid. стр. 565.

***) Ibid. стр. 547.

****) Ibid. стр. 553.

Само собой, что такое параллельное паденіе доли перемѣннаго капитала въ общей суммѣ общественнаго капитала и соотвѣтствующаго ему запроса на трудъ можетъ совершиться; и въ капиталистическомъ обществѣ такъ и совершается черезъ абсолютный ростъ обѣихъ величинъ.

*****) Ibid. стр. 556.

qua non для капиталистическаго способа производства. |„Если избытокъ рабочаго населенія есть необходимый продуктъ накопленія или развитія богатства на капиталистической почвѣ, то этотъ избытокъ населенія, въ свою очередь, становится сильнѣйшимъ рычагомъ капиталистическаго накопленія, даже условіемъ существованія капиталистическаго способа производства. Онъ образуетъ запасную промышленную армію, столь же безусловно принадлежащую капиталу, какъ еслибъ онъ вырастилъ это населеніе на собственный счетъ. Для вѣчно измѣняющихся потребностей самовозрастанія капитала онъ создаетъ всегда готовый для эксплуатаціи человѣческій матеріалъ, независимый отъ дѣйствительнаго прироста населенія". *)

Эта промышленная резервная армія то убываетъ, то возрастаетъ, въ зависимости отъ смѣны фазъ промышленнаго подъема или застоя, но никогда не опускается до нуля. Давленіе, оказываемое ею на цѣну рабочей силы т. е. на Standart of life рабочаго класса, представляетъ собою серьезную угрозу для всѣхъ его завоеваній, часто даже подкапывается подъ самую возможность солидарной, сознательной классовой борьбы пролетаріата. Безработица все острѣе и острѣе даетъ себя чувствовать, разростаясь въ годы кризисовъ до размѣровъ народнаго бѣдствія.

Чѣмъ дальше развиваются капиталистическія отношенія собственности, чѣмъ больше всевозрастающее предложеніе труда, какъ слѣдствіе разрушительной работы капитализма, сталкивается съ всеуменьшающимся относительно спросомъ на него, какъ результатъ творческой работы капитализма, тѣмъ кризисы надвигаются все чаще, тѣмъ ихъ слѣдствія—безработица и обнищаніе народныхъ массъ становятся все разрушительнѣе, тѣмъ все ощутительнѣе давленіе товарнаго рынка на рабочій рынокъ. **)

---

*) Капиталъ, т. I стр. 558.

**) Иллюстрація къ этой зависимости. Сокращеніе производства хлопчатобумажныхъ издѣлій, вызванное хлопковымъ голодомъ 1861—64 г., имѣло своимъ послѣдствіемъ колоссальную безработицу. Изъ 530,000 рабочихъ, занятыхъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ, безъ работы очутились:

Годъ.	Колич. рабоч.
1862	250,000
1863	200,000
1864	130,000
1865	100,000

(см. статью Діонео „Два промышленныхъ міра". „Русское Богатство" 1901. 3. стр. 55). На еще большія цифры безработныхъ, связанныя съ „хлопковымъ голодомъ", указываетъ Туганъ-Барановскій въ своей книгѣ „Промышлен-

Резервная армія, безработица и связанная съ ней конкурренція на рабочемъ рынкѣ становятся закономъ развитія пролетаріата, какъ конкурренція и перепроизводство—закономъ развитія буржуазнаго хозяйства.

Только верхи рабочей лѣстницы, рабочая аристократія въ крупномъ производствѣ, въ извѣстной степени застрахованы отъ разрушительнаго дѣйствія этой конкурренціи, но и то не всегда. Освобождаясь относительно отъ капризовъ сезонной безработицы, посѣщающей съ аккуратностью временъ года хижины рабочихъ въ строительной, домашней, особенно конфекціонной промышленности, они подвергаются еще ожесточеннѣе всѣмъ ужасамъ циклическихъ колебаній рабочаго рынка, совпадающихъ съ аналогичными колебаніями промышленности. Техническій прогрессъ, упрощающій прогрессъ труда, изгоняющій всякую смѣтливость, иниціативу рабочаго, дѣлающій его простымъ придаткомъ машины и заставляющій совершать монотонныя ритмическія движенія, замѣняетъ рабочихъ мужчинъ—женщинами, взрослыхъ—малолѣтними, европейца—нетребовательнымъ китайскимъ кули, негромъ. Техническое и профессіональное образованіе замѣняетъ навыкъ и традиціи, выработанныя поколѣніями.

Конкурренціи, навязываемой трудящимся массамъ буржуазіей, стремящейся къ приниженію жизненнаго уровня этихъ массъ, къ ихъ деградаціи и обращенію въ безотвѣтную армію илотовъ,рабочій классъ противопоставляетъ двѣ силы,дѣйствующія въ разныхъ направленіяхъ; эмиграцію и организацію.

Эмиграція въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, начиная отъ отхожихъ промысловъ и кончая переселеніемъ за океанъ, представляетъ собою настоящій запасной клапанъ капиталистической системы. Зарождаясь въ нѣдрахъ „первоначальнаго накопленія“, составляя какъ бы его оборотную сторону, эмиграція въ періоды промышленныхъ революцій охватываетъ, подобно эпидеміи, огромныя

ные кризисы“ II-ое изд. Спб. 1901, стр. 279, 280, 291. Эта безработица вызвала у заинтересованныхъ рабочихъ стремленіе къ эмиграціи и требованіе къ государству организовать ее (Ibid.).

Сокращеніе производства въ послѣдній годъ въ Россіи, благодаря переживаемому политическому кризису, выбросило за бортъ изъ одномъ только Петербургѣ около 50,000 рабочихъ, что вмѣстѣ съ семьями составляетъ около 150,000 душъ.

массы, мобилизуя ихъ для вѣчно-измѣняющихся потребностей подвижного капитала. Продолжая дѣйствовать съ неослабѣвающей энергіей въ отсталыхъ странахъ съ начинающейся и неоперившейся еще обрабатывающей промышленностью (Италіи, Австріи, Россіи), она не прекращается и въ странахъ, и въ районахъ съ относительно высокимъ промышленнымъ потенціаломъ. Неурожай, промышленный кризисъ, разница въ давленіяхъ на различныхъ рабочихъ рынкахъ образуетъ ту тягу, которая отрываетъ массу рабочихъ отъ насиженныхъ мѣстъ и перебрасываетъ ихъ за сотни и тысячи верстъ, гдѣ вновь-развивающаяся промышлѣнность, или внезапное расширеніе производства увеличиваютъ емкость рабочаго рынка, отдаляютъ предѣлъ насыщенія.

Современныя средства передвиженія и подъемъ культурности массъ облегчили подвижность и эмиграцію массъ во много разъ, точно придали ей крылья.

Но эмиграція, особенно за-океанская, по мѣрѣ своего роста и развитія наталкивается на все большія и большія препятствія.

Страны иммиграціи подъ вліяніемъ капитализма все больше и больше теряютъ свой дѣвственный характеръ и все меньше становятся доступными для земледѣльческой колонизаціи.

Измѣнились значительно и составъ, и стремленія эмиграціи. Все больше сталъ въ ней преобладать носитель неквалифицированнаго труда, ищущаго своего приложенія въ промышленности. Центромъ притяженія для него является организующая, сплачивающая сила развивающагося индустріальнаго капитализма, съ его городской культурой, съ его повышеннымъ уровнемъ и темпомъ жизни, совершенно заслоняя отступающее земледѣліе. Огромный потокъ этой эмиграціи съ всевозрастающей энергіей продолжаетъ изливаться на рабочій рынокъ, частично расходясь по отводнымъ каналамъ вновь-созданныхъ или расширенныхъ отраслей промышленности, частью осѣдая на днѣ его въ видѣ промышленнаго резерва, въ общемъ увеличивая конкурренцію на наиболѣе угнетенномъ, на наименѣе-защищенномъ отъ всѣхъ превратностей судьбы товарнаго обмѣна, рынкѣ неквалифицированнаго труда. Въ итогѣ-пониженіе уровня жизни рабочаго класса, голодная армія рабовъ, готовыхъ подъ давленіемъ капитала подкапываться подъ всѣ завоеванія и боевыя позиціи рабочаго класса,

регрессъ промышленнаго развитія, опирающагося не на повышеніе техники, а на дешевую рабочую силу.

Эмиграція попадаетъ въ кругъ противорѣчій. Изъ стимула новыхъ побѣдъ капитализма надъ отживающими формами производства, прогресса техники, она обращается въ орудіе гальванизаціи этихъ отсталыхъ формъ (возрожденіе домашней промышленности, Sweating System и т. д.). *) Изъ средства разрѣженія давленія на рабочемъ рынкѣ, она обращается въ орудіе его угнетенія въ рукахъ капиталистовъ, въ источникъ столкновеній и разъединенія между иммигрирующими и туземными группами одного и того же рабочаго класса.

Эмиграція становится безсильной передъ задачей, вызвавшей ее къ жизни. Изъ слѣдствія старой конкурренціи она становится причиной новой.**) Совершенно иныя задачи ставитъ себѣ другое дѣйствительно-могучее орудіе въ рукахъ пролетаріата—организація. Здѣсь массы, живущія на счетъ продажи своей рабочей силы, ставятъ себѣ задачу борьбы съ конкурренціей на рабочемъ рынкѣ не путемъ расширенія внѣшняго его поля, а методомъ укрѣпленія и защиты внутреннихъ уже занятыхъ позицій.

Въ первую очередь, борьба эта направлена противъ современнаго антипода рабочаго класса, противъ буржуазіи и ея политическаго выразителя,—современнаго классоваго государства.

Профессіональная и политическая организація рабочаго класса борются противъ конкурренціи на рабочемъ рынкѣ всей той системой мѣръ, которыя, съ одной стороны, направлены къ объ-

*) Вотъ что говоритъ, напримѣръ, Гибсонъ о конкурренціи евр. эмигрантовъ въ Англіи: „Обширная экспортная торговля дешевымъ платьемъ, можетъ быть, обязана ихъ дешевому труду, но и тутъ еще подлежитъ сомнѣнію, не могла ли бы эта работа быть въ противномъ случаѣ сдѣлана машинами при болѣе здоровыхъ условіяхъ и доставить такимъ образомъ работу и заработокъ англійскимъ рабочимъ". Постоянное проникновеніе дешеваго труда иммигрантовъ является въ значительной степени причиной существованія „потогонныхъ мастерскихъ" и переживанія низшихъ формъ промышленнаго развитія, составляющихъ одинъ изъ факторовъ „проблемы бѣдности" (Гибсонъ. Проблемы бѣдности и безработицы. Стр. 57. Спб. 1900 г.)

**) Сказанное справедливо по отношенію къ той хаотической индивидуальной эмиграціи въ капиталистическія страны, какую мы наблюдаемъ теперь. При другихъ условіяхъ, именно, при планомѣрной колонизаціи новыхъ странъ, созданіи новыхъ рабочихъ рынковъ, она становится источникомъ соціальнаго и экономическаго прогресса. Таковъ, напримѣръ, еврейскій территоріализмъ.

единенію трудящихся массъ, работающихъ и временно-безработныхъ, къ росту ихъ классовой сознательности и солидарности, а съ другой,—имѣютъ своей цѣлью еще въ капиталистическомъ обществѣ поднять ихъ матеріальный и моральный уровень неустанной экономической борьбой непосредственно противъ капиталистовъ за улучшеніе условій труда и своимъ политическимъ давленіемъ во имя демократизаціи государства, вообще, и законодательной охраны труда, въ частности.

Сознавая, что конкурренція можетъ быть устранена только съ исчезновеніемъ ея истиннаго виновника, буржуазно-классоваго общества, обратившаго рабочую силу въ товаръ, рабочій классъ, однако, борется за смягченіе ея всѣми палліативами, начиная отъ профессіональной самопомощи и кончая требованіемъ общественныхъ работъ и „національной пенсіи“ въ тяжелые годы кризисовъ и массовой безработицы.

Но, идя въ этомъ направленіи, рабочій классъ наталкивается на необходимость цѣлаго ряда другихъ мѣропріятій, которыя на первый взглядъ являются какъ будто противорѣчіемъ его классовой солидарности, на самомъ же дѣлѣ онѣ олицетворяютъ въ себѣ противорѣчіе буржуазнаго строя, подъ который подкапывается пролетаріатъ.

Одна изъ формъ борьбы буржуазіи противъ организацій, завоеваній и дальнѣйшихъ притязаній рабочаго класса — это искусственное переполненіе рабочаго рынка дешевымъ неорганизованнымъ трудомъ пришлыхъ рабочихъ. Пришлый рабочій означаетъ: 1) крайнюю ступень экономической обездоленности и безпомощности, 2) полную забитость и растерянность, проистекающую изъ незнакомства съ бытомъ, часто даже съ языкомъ окружающей среды, 3) болѣе низкій уровень жизни и потребностей, 4) отсутствіе организованности, часто и элементарнаго классоваго сознанія. Это какъ разъ тѣ условія, которыя дѣлаютъ его наиболѣе податливымъ, наименѣе способнымъ къ сопротивленію самой вопіющей эксплуатаціи, къ активной поддержкѣ классовой солидарности рабочаго класса въ его цѣломъ.

Пришлый рабочій—это тотъ бичъ, который буржуазія всегда держитъ наготовѣ противъ „зазнавшихся“ мѣстныхъ рабочихъ; поэтому она благосклонно смотритъ на эмиграцію, часто даже поощряетъ ее привиллегіями и заманчивыми обѣщаніями.

Конкурренція пришлыхъ рабочихъ подкапывается подъ благосостояніе рабочаго класса, разрушаетъ его завоеванія, становится временами серьезной угрозой его организованности и классовой солидарности. *)

Даже тамъ, гдѣ конкурренція пришлаго элемента не влечетъ за собой непосредственно паденія заработной платы въ ея денежной формѣ, гдѣ, какъ напр. еврей Въ Лондонѣ, онъ замкнутъ въ „непроницаемыхъ камерахъ“ **), т. е., сосредоточенъ въ спеціальныхъ, имъ же вызванныхъ къ жизни, отрасляхъ производства (какъ напр., конфекціонная, въ Англіи), даже тамъ онъ, хотя и косвенно, все таки ухудшаетъ положеніе мѣстныхъ рабочихъ, обостряя жилищный вопросъ, ***) вытѣсняя дешевый неквалифицированный трудъ женщинъ и подростковъ, создавая новые очаги Sweating-System, содѣйствуя этимъ въ значительной степени переживанію болѣе отсталыхъ формъ производства и наиболѣе вопіющаго произвола ничѣмъ не стѣсняемой и неограниченной эксплуатаціи.

Рабочимъ (такова уже судьба въ буржуазномъ обществѣ)!

---

*) Именно потому, говоритъ Гибсонъ, что иностранный еврей согласенъ и способенъ столь неустанно работать за такую ничтожную плату, согласенъ взяться за всякую работу, которой онъ можетъ снискать себѣ пропитаніе, что онъ можетъ превзойти лондонскаго уроженца въ искусствѣ, прилежаніи и умѣніи приспособляться, именно поэтому иностранный еврей является такимъ страшнымъ конкуррентомъ. Онъ ближе всего къ идеальному „экономическому“ человѣку, онъ лицо наиболѣе„приспособленное“ къ переживанію въ промышленной конкурренціи. Замѣчательно-нравственный въ семейной жизни, порядочный гражданинъ, онъ почти лишенъ соціальной нравственности. Ни угрызеніе совѣсти, ни уваженіе къ своему товарищу-рабочему не удержитъ его отъ того, что бы отбить у него работу или продать свой труда дешевле“ (Проблеммы бѣдности и безработицы стр. 54, Спб. 1900 г.)

Если отбросить нѣкоторое филистерство, резонерство и обывательскій языкъ, то этотъ портретъ окажется довольно характернымъ для пришлаго рабочаго, в о о б щ е. Общность этихъ чертъ эмиграціи, вообще, признаетъ отчасти и Гибсонъ. „У иностраннаго еврея, говоритъ онъ дальше, есть одно качество, общее со всей массой бѣдныхъ иностранцевъ, конкуррирующихъ на лондонскомъ рабочемъ рынкѣ: онъ можетъ жить на меньшія средства, чѣмъ англичанинъ“. (Ibid.).

**) См. объ этомъ у Гибсона стр. 56—57.

***) Къ этому въ значительной степени сводится обострившійся вопросъ еврейской иммиграціи въ Лондонѣ, вытѣснившій тамъ изъ цѣлыхъ кварталовъ англійскихъ рабочихъ. См. Georg Halpern Die lüdischen Arbeiter in London. Stuttgart. 1903. s. s. 25—37.

приходится защищать свои позиціи не только противъ своихъ явныхъ враговъ, класса капиталистовъ и его приспѣшниковъ, но и противъ своихъ безсознательныхъ и малосознательныхъ братьевъ, играющихъ въ руку общему врагу. Стремленіе защищать свой рабочій рынокъ отъ вторженія извнѣ есть реальный фактъ, проходящій черезъ всю исторію борьбы рабочаго класса за свое освобожденіе, исторію, писанную кровью. Оно не оставляетъ ихъ и на высшихъ стадіяхъ его развитія. Только тамъ, на извѣстной высотѣ организованности, моральнаго и матеріальнаго развитія, мѣсто эксцессовъ занимаетъ организованное стремленіе законодательнымъ путемъ предотвратить такое массовое вторженіе и переполненіе рынка, столь гибельное для обѣихъ сторонъ.

Это стремленіе руководило рабочими Соединенныхъ Штатовъ въ ихъ борьбѣ противъ ввоза китайскихъ кули, обратившагося въ торговлю желтыми невольниками; рабочими Австралійскихъ колоній—противъ эмиграціи; оно же лежитъ въ основаніи современнаго антиаліенизма рабочихъ Англіи и Америки. *)

Необходимость ограниченія иммиграціи, огражденія себя противъ дешеваго пришлаго труда, диктуется рабочему классу и его болѣе сознательному авангарду не только для защиты экономическихъ позицій тѣхъ или иныхъ слоевъ рабочихъ, но и въ интересахъ успѣшнаго развитія классоваго самосознанія, а съ нимъ и сознательной классовой борьбы рабочаго класса въ его цѣломъ. Для малосознательнаго, не втянутаго еще въ классовую организацію, рабочаго (а таковыми являются большей частью представители неквалифицированнаго труда, больше другихъ страдающихъ отъ конкурренціи эмиграціи), появленіе иностраннаго или инонаціональнаго рабочаго, въ качествѣ конкуррента, означаетъ пробужденіе въ немъ самыхъ темныхъ сторонъ его

*) Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не даетъ намъ возможности остановиться подробнѣе на иллюстраціи этого положенія примѣрами изъ борьбы англійскихъ и американскихъ рабочихъ противъ наплыва эмиграціи. Любопытна въ этомъ отношеніи послѣдняя анкета, организованная Королевской Комиссіей, засѣдавшей въ Лондонѣ въ 1902—1903 г. Передъ ней продефилировалъ цѣлый рядъ докладчиковъ, свидѣтелей и т. д. Рабочіе, большей частью, жалуются на недостатокъ работы, на ухудшеніе условій труда, жилищныхъ условій и т. д. и требуютъ ограниченія эмиграціи. „Работадатели“ всѣ въ одинъ голосъ поютъ дифирамбы возрастанію „національнаго богатства“ и высказываются рѣшительно противъ всякихъ мѣръ. См. „Нед. Хр. Восх.“ №№ 10, 14, 24 и т. д. 1903 г.

психики, выработавшейся въ рабской прикованности къ тачкѣ капитализма, упадокъ его классового инстинкта, возможность подпаденія подъ предательское руководство буржуазіи.

Послѣдняя уже поняла все значеніе ограниченія иммиграціи для рабочаго класса и, въ лицѣ своихъ наиболѣе дальновидныхъ и руководящихъ судьбами страны представителей (именно, крупной буржуазіи), обратила лозунгъ антиаліенизма въ новое орудіе противъ соціализма. Ея идеологи—продажные экономисты, писатели, политики увѣряютъ рабочій классъ, что источникъ его нищеты, невѣжества и рабства лежитъ не въ ея жаждѣ наживы и накопленія, а въ конкурренціи „чужихъ“ дешевыхъ товаровъ и „чужого“ дешеваго труда. Они пытаются направить мысль и волю рабочаго класса въ эту сторону и связать его судьбу съ протекціонизмомъ.

Вполнѣ увѣренная въ успѣхѣ своего хищническаго набѣга на міръ, не видя никакихъ препятствій для всевозрастающаго расширенія производства (т. е. роста ея богатства и могущества), крупная буржуазія съ тѣмъ большей готовностью „идетъ навстрѣчу“ рабочему классу, что ея потребности въ „человѣческомъ матеріалѣ“ охраняются здѣсь мрачнымъ карауломъ мѣстнаго, „національнаго“ трудового резерва. Взамѣнъ, этой „услуги“ она требуетъ отъ рабочаго класса патріотизма „національныхъ товаровъ“, таможенной охраны „національнаго рынка“, т. е. новаго косвеннаго налога, ложащагося всѣмъ своимъ бременемъ на плечи рабочаго класса. *)

Она готова снять съ рабочаго ручные кандалы съ тѣмъ, чтобы надѣть на него смирительную рубашку или намордникъ.

Этотъ предательскій маневръ становится серьезной угрозой рабочему классу, если его сознательный авангардъ оставитъ иммиграціонную политику въ рукахъ буржуазіи. **)

---

*) Параллелизмъ протекціонизма и антиаліенизма у буржуазіи не случайное явленіе. Интересна въ этомъ смыслѣ программа „соціальныхъ реформъ“—манифестъ, выпущенный мистеромъ Чемберленомъ (Бирмингамъ 1895 г.). Пунктъ 2: „Законъ преграждающій эмигрантамъ доступъ въ Англію“. Такимъ образомъ, англійскіе рабочіе будутъ ограждены отъ конкуррентовъ, могущихъ сбить заработную плату. „Русское Богатство“ 1900. 9. стр. 98.

**) Къ счастью, соціалистическія партіи обнаружили въ послѣднее время серьезный интересъ къ этому вопросу. Объ этомъ и о разногласіяхъ по этому вопросу между американсками и континентальными соціалистами см. стенографи-

Условія капиталистическаго производства, стоящія надъ рабочимъ классомъ, и интересы его планомѣрной классовой борьбы властно диктуютъ ему необходимость защиты своего рабочаго рынка. Этимъ самымъ онъ говоритъ рабочимъ, стоящимъ внѣ этого рынка, что ихъ будущее лежитъ не по линіи вторженія въ чужой рабочій рынокъ, а въ углубленіи и расширеніи классовой борьбы, которую они ведутъ со своей буржуазіей въ условіяхъ своего рабочаго рынка. Онъ рисуетъ имъ картину ихъ собственнаго будущаго.

Это будущее лежитъ по линіи защиты и укрѣпленія занятыхъ уже позицій на своемъ рабочемъ рынкѣ, въ размежевываніи до поры до времени сферъ непосредственныхъ экономическихъ интересовъ рабочихъ группъ разныхъ націй, съ одной стороны, и роста ихъ боевой солидарности, связывающую ихъ въ единную армію, идущую подъ общимъ знаменемъ противъ общаго врага, съ другой. *)

Въ Nationalitätenstaat'ѣ, гдѣ вторженіе капитализма застало уже опредѣленную группировку рабочихъ en masse по національ-

---

ческій протоколъ интернаціональнаго соціалистическаго конгресса въ Амстердамѣ (1904 г.) изд. „Forwärts“. Berlin; 1904. Въ отличіи отъ жестокой иммиграціонной политики буржуазіи, рабочій классъ будетъ стремиться не столько къ загораживанію пути передъ эмиграціонной волной, но главнымъ образомъ къ отклоненію ея по руслу завоеванія новыхъ рабочихъ рынковъ въ дѣвственныхъ малонаселенныхъ странахъ. Но вмѣсто колоніальныхъ авантюръ буржуазіи, рабочій классъ поставитъ болѣе дальновидную колонизаціонную политику, поддерживая территоріалистическія стремленія рабочихъ классовъ угнетенныхъ націй.

*) Найдется, вѣроятно, немало филистеровъ, воодушевленныхъ благочестивыми намѣреніями, которые усмотрятъ въ такомъ „размежевываніи“ измѣну призыву „пролетаріи всѣхъ націй, („странъ“, по древне-соціаллемократической терминологіи) соединяйтесь“! и аппелируютъ къ великимъ тѣнямъ. Эти люди готовы обратить боевой призывъ въ сентиментальную идиллію, за словами они готовы похоронить жизнь. Имъ я напомню чудесный діалогъ изъ Вѣчной Книги Фауста:

Мефистофель... И тутъ тоже для васъ самое лучшее слушать одного учителя и клясться только за его слова. Вообще, держитесь слова! Тогда вы черезъ надежныя двери войдете въ храмъ несомнѣнности.

Ученикъ. Но вѣдь въ словѣ должно быть заключено понятіе.

Мефистофель. Совершенно вѣрно! Только изъ-за этого незачѣмъ слишкомъ мучитъ себя,—ибо тамъ, гдѣ отсутствуетъ понятіе, всегда во время найдется слово. Словами можно отлично вести споры, словами—строить системы... перев. Вейнберга. См. стр. 62.

нымъ рынкамъ, процессъ „размежевыванія“ ведетъ къ тому, что рабочій классъ угнетенной націи, слабѣе другихъ представленной въ производствѣ страны и на ея товарномъ рынкѣ, рабочій классъ, слѣдовательно, занимающій менѣе выгодныя позиціи на рабочемъ рынкѣ, перестаетъ связывать свое „спасеніе“ съ вторженіемъ и упроченіемъ на болѣе укрѣпленномъ и защищенномъ рабочемъ рынкѣ другой національной пролетарской группы Противъ такого вторженія, какъ мы уже показали, вынужденъ бороться рабочій классъ этой другой національной группы. Ожесточенное сопротивленіе такой напоръ встрѣтитъ и со стороны буржуазіи господствующей націи, интересы накопленія и классового господства которой, находя неизсякаемый источникъ эксплуатируемой производительной энергіи въ „своемъ“ національномъ трудовомъ резервѣ, безъ ущерба для нея подскажутъ ей тактику „благодѣтельнаго покровительства“ „національному“ труду. Это излюбленный демагогическій пріемъ, обѣщающій ей несомнѣнныя выгоды: 1) симпатіи и вліяніе среди малосознательныхъ слоевъ рабочихъ, 2) возможность поддержки этими послѣдними колоніальныхъ авантюръ и таможенныхъ грабежей, 3) успѣхъ въ борьбѣ противъ „чужой“ націи, т. е. противъ конкуррирующей инородческой группы буржуазіи. *)

Рабочій классъ угнетенной націи видитъ себя естественно связаннымъ двойными узами со своимъ „національнымъ“ рабочимъ рынкомъ, на который устремлены его надежды и ожиданія.

Для него, стѣсненнаго въ своемъ ростѣ и развитіи тѣсными рамками производства „его“ буржуазіи, усиленно-изолируемой извнѣ, выступаетъ задача подъема производительныхъ силъ націи, созданія широкой базы свободнаго экономическаго и политическаго развитія. Выступаетъ во весь ростъ національная проблема рабочаго класса. Создаются специфическія отношенія между буржуазіей, ограниченной предѣлами своего національнаго товарнаго

*) Мы здѣсь указали на два главныхъ момента, отрѣзывающихъ рабочей группѣ угнетенной націи возможность вторженія въ рабочій рынокъ другой инонаціональной пролетарской группы. Этимъ самымъ мы нисколько не думаемъ игнорировать или пріуменьшить значеніе другихъ моментовъ, правда, временныхъ, исторически преходящихъ, но все таки достаточно продолжительныхъ и вліятельныхъ, какъ напримѣръ, болѣе высокій exixtenz-minimum, особый укладъ бытовой и культурной жизни, психики, взаимная отчужденность, историческія предубѣжденія, политическая приниженность, профессіональная рутина и традиціи и т. д.

рынка, и рабочимъ классомъ, судьба котораго тѣсно связана со своимъ національнымъ рабочимъ рынкомъ. Между трудомъ и капиталомъ, этими двумя могучими факторами производства завязывается тѣсный узелъ въ предѣлахъ націи. Эта связь ставитъ передъ ними специфическія политическія и культурныя задачи демократіи угнетенной націи. Этой связью, отражающей въ себѣ своеобразныя закономѣрныя *) колебанія народно-хозяйственной жизни націи, поддающіяся систематизаціи, классификаціи и научному прогнозу, характеризуется національное хозяйство въ Nationalitätenstaat'ѣ.

Н. Іонинъ.

*) Закономѣрныя постольку, поскольку закономѣрны постоянно-дѣйствующія причины, вызвавшія ихъ: условія развитія мірового рынка, децентрализація, конкурренція на товарномъ рынкѣ, групповыя расщепленія буржуазіи, конкурренція на рабочемъ рынкѣ и т. д.

Наши Критики.

I.

О національной эксплуатаціи евреевъ.

Съ особенной суровостью и поразительнымъ единодушіемъ критики наши обрушиваются на выдвигаемый авторами „Возрожденія“ тезисъ о національной эксплуатаціи евреевъ. Рѣшительно ни одинъ изъ многочисленныхъ критиковъ „Возрожденія“ не оставляетъ этого пункта безъ своего сугубаго вниманія, причемъ характерно то, что всѣ они, начиная отъ сіонистовъ, сіонистовъ-соціалистовъ и кончая бундовцами, поразительно сходятся между собой въ этой критикѣ, чуть ли не дословно повторяя другъ друга. Характерно также и то, что, доказывая всю нелѣпость критикуемаго ими положенія, они вмѣстѣ съ тѣмъ всячески стараются выдвинуть его въ качествѣ одного изъ самыхъ основныхъ столповъ, на которомъ зиждется вся теорія „возрожденцевъ“. Такъ и чувствуется, что критики наши нашли здѣсь безнадежно слабое мѣсто, которое они рѣшили использовать въ цѣляхъ наивящщей дискредитаціи противника.

Совершенно не раздѣляя взгляда критиковъ на то первостепенное значеніе, которое положеніе о нац. эксплуатаціи евреевъ будто бы занимаетъ въ общей теоріи „возрожденцевъ“, мы тѣмъ не менѣе намѣрены спеціально остановиться на этомъ пунктѣ, въ виду той единодушной, поистинѣ изумительной, поверхностности и крайне невдумчиваго отношенія къ разсматриваемому вопросу, которыя обнаружили здѣсь всѣ наши критики.

Только неистовая погоня „возрожденцевъ“ за новыми, оригинальными словами могла привести ихъ къ такому лишенному всякаго реальнаго содержанія словосочетанію, какъ національная эксплуатація,—рѣшили въ одинъ голосъ всѣ критики... „Потуги

возрожденцевъ на оригинальное употребленіе словъ и желаніе найти въ международныхъ отношеніяхъ моментъ эксплуатаціи, моментъ чисто-классовый,—всѣ эти „самобытныя“ теоріи, безаппелляціонно заявляетъ г. Я. Лещинскій въ своей статьѣ „Марксъ и Каутскій о еврейскомъ вопросѣ“ *), не выдерживаютъ ни малѣйшаго прикосновенія научной критики“. Въ междунаціональныхъ отношеніяхъ можно усматривать лишь моментъ конкурренціи, но отнюдь не моментъ эксплуатаціи. Допустимъ даже, что націи поставлены не въ одинаковыя условія борьбы, „что при разницѣ въ соціальномъ уровнѣ одна группа сумѣетъ успѣшнѣе бороться за свое существованіе, чѣмъ другая, сумѣетъ, легче ее вытѣснить. „Но тогда, заявляетъ бундовскій критикъ г. Гейликманъ, дѣло идетъ уже о конкурренціи, а не объ эксплуатаціи, если употреблять слова въ ихъ истинномъ значеніи. Нельзя, напр., отношеніе между группами буржуазіи опредѣлять какъ эксплуатацію, какъ нельзя называть конкурренціей, напр., борьбу между представителями труда и капитала“. **) Утвержденіе, будто разница въ соціальномъ уровнѣ двухъ борющихся группъ можетъ породить эксплуатацію одной группы другой, должно, по мнѣнію г. Гейликмана, привести васъ къ такому, напримѣръ, нелѣпому заключенію, что, „если у вашего сосѣда, положимъ, сгорѣлъ домъ то вы поневолѣ являетесь его эксплуататоромъ, такъ какъ имѣете возможность при той же затратѣ силъ подняться на высшій соціальный уровень.“ ***)

Что же касается собственно еврейской націи, то, по мнѣнію критиковъ, существуетъ цѣлый рядъ спеціальныхъ доказательствъ самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергающихъ всякую мысль о возможности эксплуатаціи евреевъ со стороны окружающаго населенія. И критики на перебой спѣшатъ другъ передъ другомъ съ предъявленіемъ этихъ доказательствъ. И, надо отдать имъ справедливость, они обнаруживаютъ при этомъ удивительное остроуміе и изобрѣтательность...

Если бы евреи представляли собой объектъ эксплуатаціи для другихъ народовъ, говорятъ критики, тогда прежде всего оказалось бы совершенно непостижимымъ явленіе антисемитизма. Въ

*) „Еврейскій Голосъ“ 1906 г.

**) „О Возрожденіи“; „Наше Слово“ № 4.

***) Ibid.

самомъ дѣлѣ, чѣмъ объяснить то, что, несмотря на эту громадную выгоду, доставляемую евреями, „антисемитическія традиціи очень живы въ широкихъ слояхъ народа“, не безъ ехидства вопрошаетъ г. Пасманикъ. Видно, прибавляетъ онъ со свойственной ему уничтожающей иронією, эти „слои народа“, совсѣмъ незнакомы съ теоріями „возрожденцевъ“. Имъ, вы понимаете, евреи даютъ возможность „безвозмезднаго присвоенія“, а они знать не желаютъ евреевъ“. *) „Характерная черта эксплуатаціи—говоритъ другой сіонистической критикъ г. А. И.,—это та, что эксплуатирующій заинтересованъ въ существованіи эксплуатируемаго, а между тѣмъ сапожникъ не-еврей, вытѣсняющій еврея, ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы послѣдняго вовсе не было на бѣломъ свѣтѣ“. **) Если еврейская нація эксплуатируется, повторяетъ за нимъ г. Гейликманъ, „то напрасно настоящія націи стремятся избавиться отъ евреевъ, напрасно не сокрушаются по повду массовой ихъ эмиграціи, напрасно не раскрываютъ черты осѣдлости, чтобы этотъ желаемый объектъ прибавочной стоимости сдѣлался достояніемъ не только незначительной части, но и всей господствующей націи“. ***) Кромѣ того, если еврейская нація эксплуатируется, говоритъ опять сіонистическій критикъ г. А. И, то оказывается также непонятнымъ стремленіе окружающихъ народовъ ассимилировать ее, т. е. стремленіе уничтожить то различіе, изъ сущности котораго вытекаетъ возможность ея эксплуатаціи. ****)

---

*) Книжка „Еврейская Жизнь“ № 5, стр. 98.

**) „Еврейская Жизнь“ № 4, стр. 171.

***) „О Возрожденіи“; „Наше Слово“ № 4.

****) Мы упускаемъ здѣсь цѣлый рядъ поразительныхъ по своей курьезности и нелѣпости доводовъ г. Пасманика противъ возможности эксплуатаціи евреевъ, вродѣ, напримѣръ, слѣдующаго: „Выходитъ, говоритъ г. Пасманикъ, что наиболѣе страдающей группой въ еврействѣ является буржуазія: если ее поэксплуатировать, то больше раздобудетъ, чѣмъ отъ эксплуатаціи полуголоднаго пролетаріата, котораго, по какому-то недоразумѣнію, даже не допускаютъ въ ряды настоящаго пролетаріата, что ни на есть создающаго не „своеобразную“, а реальную прибавочную стоимость“ (Ibid. стр. 99). Или вотъ еще одинъ перлъ! Если признать, что евреи дѣйствительно эксплуатируются окружающими народами, то по мнѣнію г. Пасманика, остается только руками развести при видѣ того, какъ „евреи такъ тянутся къ производительнымъ профессіямъ, и къ политической дѣятельности на пользу всѣхъ классовъ и народовъ, и къ культурѣ окружающихъ народовъ, т. е. такъ и жаждутъ „безвозмездно“ работать на эксплуататора“. (Ibid. стр. 99). Жаль,

Присмотримся поближе ко всѣмъ этимъ доводамъ.

Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что фактъ эксплуатаціи націи націей, вообще, вовсе не нами впервые отмѣченъ. Слѣдовательно, стремленіе наше во что бы то ни стало сказать непремѣнно новое, оригинальное слово, не можетъ въ данномъ случаѣ служить въ качествѣ психологическаго мотива, объясняющаго, почему мы прибѣгаемъ къ такому лишенному содержанія словосочетанію: прелесть новизны и оригинальности насъ не могла очаровать... Оказывается, что явленіе это уже давнымъ давно отмѣчено не болѣе и не менѣе какъ Карломъ Марксомъ и Фридрихомъ Энгельсомъ въ ихъ знаменитомъ Коммунистическомъ Манифестѣ, въ этомъ классическомъ документѣ, гдѣ каждое слово строго взвѣшено и нѣтъ ни одной лишней, зря брошенной фразы. Въ этомъ документѣ мы читаемъ, что „въ такой же мѣрѣ, въ какой будетъ уменьшаться эксплуатація одного класса другимъ, въ такой же мѣрѣ будетъ также исчезать эксплуатація одной націи другой“. Такъ-таки и сказано: эксплуатація одной націи другой... Согласитесь, что мы со своими „безсмысленными словосочетаніями“ оказались, однако, въ довольно недурной компаніи. Но согласитесь также, что послѣ этого благородное негодованіе г. Я. Лещинскаго должно, по справедливости, быть направлено не по адресу „возрожденцевъ“, а именно по адресу Карла Маркса и Фридриха Энгельса. И по дѣломъ имъ: пусть оставятъ „потуги на оригинальное употребленіе словъ и желаніе найти въ международныхъ отношеніяхъ моментъ эксплуатаціи, моментъ чисто классовый“...

Но оставимъ, однако, въ сторонѣ „хорошую компанію“ и перейдемъ къ существу вопроса. Посмотримъ, дѣйствительно ли является моментъ эксплуатаціи исключительно моментомъ классовымъ, или, можетъ быть, онъ въ той или другой мѣрѣ присущъ также и другимъ междугрупповымъ отношеніямъ людей? Не нужно, кажется, особенно далеко ходить, чтобы убѣдиться, что явленія эксплуатаціи имѣютъ мѣсто какъ въ отношеніяхъ различныхъ группъ внутри одного и того же класса, такъ и въ отно-

что г. Пасманикъ не пожелалъ облагодѣтельствовать всемірный пролетаріатъ и не преподнесъ ему этотъ мудрый совѣтъ избавиться отъ эксплуатаціи. Вѣдь выходитъ очень просто: „перестать тянуться къ производительнымъ профессіямъ“ и баста!.. Неправда-ли: какой удивительный умница г. Пасманикъ!..

шеніяхъ группъ, включающихъ въ свой составъ различные общественные классы. Вопреки заявленію г. Гейликмана, что „нельзя отношенія между группами буржуазіи опредѣлять, какъ эксплуатацію“, мы, вслѣдъ за Каутскимъ, утверждаемъ, что отношеніе, напримѣръ, денежныхъ капиталистовъ къ промышленнымъ нельзя опредѣлять иначе, какъ именно терминомъ эксплуатаціи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе, если не эксплуатаціей, можно охарактеризовать фактъ присвоенія денежнымъ капиталомъ части прибавочной стоимости, вырабатываемой капиталомъ промышленнымъ? Нужды нѣтъ, что прибавочная стоимость промышленнаго капитала въ свою очередь состоитъ цѣликомъ изъ эксплутаціи труда. Это обстоятельство не можетъ, однако, имѣть никакого значенія при опредѣленіи собственно взаимоотношеній этихъ двухъ различныхъ группъ буржуазіи въ моментъ противопоставленія ихъ исключительно другъ противъ друга: въ данномъ случаѣ, источникъ прибыли промышленнаго капитала для насъ безразличенъ. Такимъ образомъ, фактъ эксплуатаціи одной группы другой въ предѣлахъ одного и того же класса не можетъ подлежать сомнѣнію.

Не подлежитъ также сомнѣнію наличность момента эксплуатаціи въ отношеніяхъ международныхъ. И дѣйствительно, какъ иначе, если не эксплуатаціей, вы назовете ту дань, которую во время оно покоренные народы обыкновенно платили народамъ побѣдителямъ? Какъ иначе, если не эксплуатаціей подчасъ самого циническаго свойства, вы назовете современную колоніальную политику нашихъ великихъ и малыхъ державъ? Конечно, мы нисколько не намѣрены отрицать, что, скажемъ, изъ полумилліарда марокъ ежегоднаго дохода, который Англія получаетъ съ Индіи, самая львиная доля достается англійской буржуазіи, на долю же трудящихся массъ Англіи перепадаютъ сравнительно незначительныя крохи. Тѣмъ не менѣе, никто, думаемъ, не станетъ утверждать, что эксплуатацію Индіи Англіей можно охарактеризовать, какъ эксплуатацію одного класса другимъ, уже по одному тому, что какъ въ составъ эксплуатируемыхъ, такъ и въ составъ эксплуатирующихъ входятъ въ данномъ случаѣ самые различные классы. Безразлично, въ какой бы пропорціи не раздѣляли между собой добычу Индіи различные классы Англіи; безразлично, добровольно или же невольно участвуетъ тотъ или другой классъ

въ фактѣ присвоенія той или другой части этой добычи: фактъ эксплуатаціи одного народа другимъ не перестаетъ отъ этого быть фактомъ. Моментъ эксплуатаціи въ международныхъ отношеніяхъ, слѣдовательно, на лицо, и никѣмъ не можетъ оспариваться.

Столь же несомнѣненъ, хотя и не столь ярко и рельефно выступаетъ, фактъ нац. эксплуатаціи евреевъ со стороны окружающихъ народовъ. Никому, надо полагать, и въ голову не прійдетъ отрицать наличность непосредственной эксплуатаціи евреевъ въ системѣ двойныхъ поборовъ, обще-гражданскихъ и спеціально-еврейскихъ, которымъ евреи въ болѣе или менѣе жестокой формѣ испоконъ вѣку подвергаются въ странахъ разсѣянія. Мы не говоримъ уже о томъ, что самая значительная часть даже современныхъ спеціально-еврейскихъ налоговъ, вродѣ коробочнаго, свѣчного и иныхъ сборовъ, пропадаетъ для евреевъ совершенно даромъ, такъ какъ уходятъ на нужды, ничего общаго съ еврействомъ не имѣющія. Но уже самъ фактъ существованія спеціально-еврейскихъ поборовъ въ то время, какъ евреи, наравнѣ со всѣми другими гражданами, не обремененными никакими особыми, спеціально-національными поборами, участвуютъ во всѣхъ налогахъ общегражданскаго характера, знаменуетъ собой очевидный фактъ нац. эксплуатаціи евреевъ. Конечно, не мы будемъ возставать противъ введенія для отдѣльныхъ національностей въ разноплеменномъ государствѣ спеціально-національныхъ налоговъ на удовлетвореніе ихъ специфическихъ нуждъ и потребностей, но въ такихъ случаяхъ должна соотвѣтственно уменьшаться доля участія этихъ національностей въ общегосударственныхъ расходахъ. Иначе это превращается въ систему двойныхъ поборовъ, въ средство нац. эксплуатаціи.

Однако, говоря о нац. эксплуатаціи евреевъ, авторы „Возрожденія“ имѣли въ виду не такіе и подобные имъ акты организованнаго грабежа, которымъ евреи систематически подвергаются вотъ уже 2000 лѣтъ, но которымъ все-таки въ ближайшемъ будущемъ долженъ наступить конецъ. Они имѣли въ виду тѣ объективныя, стихійно-складывающіяся взаимоотношенія евреевъ и не-евреевъ, совершенно не зависящія отъ злой воли власть имущихъ, которыя тѣмъ не менѣе неизбѣжно, чисто-роковымъ образомъ должны порождать фактъ нац. эксплуатаціи евреевъ.

Два основныхъ момента характеризуютъ собой особую, спе-

цифическую природу еврейской жизни. Это, во-первыхъ, крайняя степень зависимости соціальной жизни евреевъ отъ соціальной жизни тѣхъ народовъ, среди которыхъ имъ приходится жить, а во-вторыхъ, соціальная слабость евреевъ по отношенію къ окружающему ихъ населенію. И то, и другое вытекаетъ изъ своеобразной структуры еврейскаго общества. Особенность строенія еврейскаго общества состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что евреи, не заселяя сплошными компактными массами отдѣльной территоріи, тѣмъ не менѣе въ нѣдрахъ чужихъ народныхъ организмовъ живутъ не разсѣянными, атомизированными единицами, а большими сплоченными группами, образуя собой опредѣленное коллективное цѣлое. Съ одной стороны, слѣдовательно, евреи представляютъ собой особый соціальный коллективъ, своего рода національный организмъ. Съ другой же стороны, жизнь этого организма, въ отличіе отъ другихъ народныхъ организмовъ, регулируется двойной внѣшней средой: не только естественной, но также и соціально-этнографической. Историческая жизнь тѣхъ народовъ, въ нѣдрахъ которыхъ евреи живутъ, образуетъ для послѣднихъ своеобразную, подвижную внѣшнюю среду, къ которой они вынуждены неизмѣнно приспособляться. *) Это положеніе чревато для евреевъ чрезвычайно важными послѣдствіями. Во-первыхъ, н е о б х о д и м о с т ь приспособляться, какъ извѣстно, не всегда означаетъ в о з м о ж н о с т ь приспособляться. Во-вторыхъ, самый процессъ приспособленія требуетъ значительной траты энергіи и времени. И то обстоятельство, что эта живая внѣшняя соціальная среда, въ отличіе отъ мертвой естественной среды, крайне подвижна, подвержена процессу безпрерывныхъ измѣненій, безпрестанной эволюціи, необходимо должно привести къ тому, чтобы вѣчно существовало извѣстное несоотвѣтствіе между внутреннимъ складомъ еврейской жизни и этой внѣшней соціальной средой. Это несоотвѣтствіе даетъ себя особенно рѣзко чувствовать въ переходныя эпохи, когда во внѣшней соціальной средѣ ускореннымъ темпомъ совершается процессъ ломки ста-

*) Въ современномъ капиталистическомъ обществѣ внутренняя жизнь даже территоріально-сплоченныхъ народовъ также въ извѣстной мѣрѣ регулируется внѣшней соціальной средой въ видѣ мірового рынка и международной политики, но у нихъ эта зависимость не носитъ такого подавляющаго характера и не имѣетъ такого всесторонняго, непосредственнаго значенія, какъ у евреевъ.

рыхъ устоевъ и нарожденія новаго строя. Но получаемая въ результатѣ такого рода несоотвѣтствія непроизводительная трата соціальной энергіи, относительно большой процентъ людей, выброшенныхъ за бортъ соціальной жизни, ни въ коемъ случаѣ, конечно, нельзя разсматривать, какъ явленіе эксплуатаціи. Самъ по себѣ, моментъ соціальной неприспособленности никогда не создаетъ „прибавочной цѣнности“. Въ этомъ же смыслѣ вполнѣ опредѣленно высказались авторы „Возрожденія“. И отмѣчая явленіе національной эксплуатаціи евреевъ, они, конечно, отнюдь не имѣли въ виду момента соціальной неприспособленности послѣднихъ. И, право, не хуже г. Гейликмана они понимали, что, если, положимъ, у вашего сосѣда сгорѣлъ домъ, то это обстоятельство можетъ быть только болѣе или менѣе непріятно вашему сосѣду, но здѣсь, разумѣется, и рѣчи быть не можетъ ни о созданіи прибавочной стоимости, ни о ея безвозмездномъ присвоеніи. Такимъ образомъ, всѣ усилія критиковъ доказать, что быть неприспособленнымъ не значитъ еще быть эксплуатируемымъ, оказываются совершенно напрасными и бьютъ мимо цѣли.

Въ чемъ же, однако, дѣло?

Дѣло въ томъ, что специфическія условія еврейской жизни порождаютъ, наряду съ соціальной неприспособленностью евреевъ, также и моментъ ихъ соціальной слабости. То обстоятельство, что евреи, составляя всюду незначительное меньшинство, въ то же время рѣзко выдѣляются изъ окружающей среды, образуя особое, коллективное цѣлое, неизбѣжно должно крайне неблагопріятно отразиться на ихъ борьбѣ за существованіе. Въ обществѣ, основанномъ на борьбѣ и конкурренціи, побѣждаетъ тотъ, кто соціально сильнѣе, кто въ своей борьбѣ опирается на болѣе могущественныя соціальныя коллективности. Такимъ образомъ, когда, скажемъ, еврей и не-еврей конкуррируютъ между собой, то, при прочихъ равныхъ условіяхъ, шансы на побѣду каждаго изъ нихъ опредѣляются относительной силой тѣхъ нац. коллективностей, къ которымъ они принадлежатъ, и, слѣдовательно, шансы еврея окажутся настолько слабѣе, насколько слабѣе національный коллективъ, къ которому онъ принадлежитъ, по сравненію съ національнымъ коллективомъ, въ составъ котораго входитъ его противникъ. Для того же, чтобы уравнять эти шансы, еврей, очевидно, долженъ интенсивнѣе напрягать свои силы, пускать въ

ходъ сверхсмѣтную энергію. Количество этой сверхсмѣтной энергіи, которая должна быть положена на чашку вѣсовъ еврея для того, чтобы уравновѣсить его шансы на побѣду по отношенію къ не-еврею, опредѣляются опять-таки разностью въ соціальной силѣ ихъ національныхъ коллективностей. Итакъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, еврей, для того, чтобы достигнуть тѣхъ же результатовъ, что и не-еврей, долженъ тратить опредѣленное сверхсмѣтное количество энергіи, расходуемое имъ на преодолѣніе того соціальнаго сопротивленія, которое онъ встрѣчаетъ въ обществѣ, благодаря своей принадлежности къ особой, чуждой и вмѣстѣ съ тѣмъ соціально-слабой національной коллективности.

Но теперь спрашивается: куда эта энергія уходитъ? Пропадаетъ ли она даромъ, совершенно непроизводительнымъ образомъ, или же она гдѣ-то осѣдаетъ, служа источникомъ своеобразной прибавочной стоимости? Сіонистическій критикъ г. А. И. отвѣчаетъ на это категорически и безаппелляціонно: „энергія, расходуемая на преодолѣніе и т. д. уже по простой логикѣ (?) не остается въ обществѣ, а пропадаетъ“. *) Бундовскій критикъ г. Гейликманъ, повторяя положеніе сіонистическаго критика, не полагается, однако, на то, что „простая логика“ сама выведетъ и поэтому пускается въ доказательство... „Очевидно, говоритъ онъ, если энергія тратится на преодолѣніе какого-нибудь препятствія, то она и поглощается въ видѣ непроизводительнаго тренія самимъ препятствующимъ тѣломъ, и отъ этого другая сила, дѣйствующая на тотъ же предметъ, новой энергіи не получитъ“. **) И, право же, цѣлесообразнѣе уже поступилъ не мудроствовавшій лукаво безаппелляціонный г. А. И., такъ какъ „доказательства“ г. Гейликмана оказываются черезчуръ уже предательскими... Въ самомъ дѣлѣ, если энергія, которая тратится на преодолѣніе какого-нибудь препятствія, поглощается самимъ препятствующимъ тѣломъ, то вѣдь это и есть все, что намъ и требовалось доказать. Г. Гейликманъ, хотя и увѣряетъ насъ, что эта энергія поглощается „въ видѣ непроизводительнаго тренія“, но позволительно спросить: съ какой точки зрѣнія можно считать эту энергію непроизводительной? Если съ точки зрѣнія какой-нибудь

*) „Еврейская Жизнь“ 1906 г. № 4, стр. 171.

**) „О Возрожденіи“; „Наше Слово“ № 4.

другой силы, дѣйствующей на препятствующее тѣло, то онъ совершенно правъ: другая сила новой энергіи отъ этого, дѣйствительно, не получитъ, но это къ предмету нашего разсужденія совершенно не относится. Для насъ же важно только выяснить, въ какомъ отношеніи находится энергія, расходуемая на преодолѣніе какого-нибудь препятствія, къ самому препятствующему тѣлу, такъ какъ въ данномъ случаѣ роль „препятствующаго тѣла“ выполняетъ ни что иное, какъ именно окружающее еврея не-еврейское общество. Г. Гейликманъ находитъ, что эта энергія не пропадаетъ даромъ для препятствующаго тѣла, а цѣликомъ поглощается имъ. Въ данномъ примѣрѣ это значитъ, что сверхсмѣтная энергія, затрачиваемая евреемъ на преодолѣніе того сопротивленія, которое онъ, какъ еврей, встрѣчаетъ въ не-еврейскомъ обществѣ, цѣликомъ осѣдаетъ въ послѣднемъ, что и старались доказать авторы „Возрожденія“.

Но оставимъ физическіи аналогіи и разсмотримъ непосредственно данное соціальное явленіе. Что мы собственно конкретно мыслимъ, когда говоримъ, что еврей, для того, чтобы достигнуть тѣхъ же результатовъ, что и не-еврей, долженъ, по сравненію съ послѣднимъ, тратить опредѣленное количество сверхсмѣтной энергіи? Это значитъ, что, напр., еврейскій рабочій долженъ быть лучшимъ рабочимъ, еврейскій инженеръ—болѣе свѣдущимъ инженеромъ, еврейскій профессоръ—болѣе ученымъ профессоромъ, еврейскій чиновникъ—болѣе дѣльнымъ чиновникомъ по сравненію съ ихъ конкуррентами изъ лагеря не-евреевъ, для того, чтобы занять то же самое соціальное положеніе, что и послѣдніе. Иначе говоря, это значитъ, что болѣе квалифицированный трудъ еврея-рабочаго, инженера, профессора, чиновника и т. д. оплачивается обществомъ по стоимости соотвѣтствующаго менѣе квалифицированнаго труда не-еврея. Такимъ образомъ, опредѣленный остатокъ неоплаченной соціальной энергіи еврея неизмѣнно осѣдаетъ въ окружающемъ обществѣ въ качествѣ своеобразной прибавочной стоимости. И нужно ли указать на то, что этотъ остатокъ неоплачиваемой энергіи, который еврей оставляетъ въ окружающемъ обществѣ, исключительно благодаря своей принадлежности къ еврейству, и нельзя охарактеризовать иначе, какъ національной эксплуатаціей?

Вся трудность обнаруженія этого явленія заключается въ

томъ, что оно съ большимъ трудомъ поддается непосредственному конкретному учету. Дѣло въ томъ, что въ реальной соціальной жизнь еврей выступаетъ не только, какъ еврей, но и какъ гражданинъ. Его еврейская субстанція самымъ причудливымъ образомъ переплетается съ его гражданской природой. Принадлежность къ данной національности, сочетаясь съ принадлежностью къ опредѣленному классу, профессіи, партіи, союзу и т. д. образуетъ тотъ сложный комплексъ соціальныхъ отношеній, который характеризуетъ конкретную, реальную соціальную личность. И поэтому оказывается почти невозможнымъ болѣе или менѣе точно учесть непосредственно, на опытѣ, изолированное дѣйствіе той или другой субстанціи въ отдѣльности. Для того, чтобы произвести подобный учетъ, вамъ приходится пользоватся методомъ изолирующей дедукціи, къ которому въ настоящемъ случаѣ и прибѣгли авторы „Возрожденія“. Они мысленно изолировали національный факторъ (принадлежность къ еврейству) отъ вліянія другихъ сочетающихся съ нимъ моментовъ и старались опредѣлить его дѣйствіе. Нѣкоторые критики попытались заклеймить этотъ методъ презрительной кличкой: „выводомъ изъ чистаго разума“. Но такое отношеніе къ этому давно получившему право гражданства плодотворному методу, примѣняемому въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ соціальной науки, обнаруживаетъ только то, что эти критики имѣютъ весьма смутное представленіе о соціальной наукѣ и пріемахъ ея изслѣдованія.

Въ данномъ случаѣ, наличность національной эксплуатаціи евреевъ, несмотря на невозможность точнаго конкретнаго учета ея, должна считаться незыблемо установленной до тѣхъ поръ, пока остаются незыблемыми слѣдующія очевидныя положенія: Во-первыхъ, что принадлежность даннаго индивида къ болѣе слабому соціальному коллективу неизбѣжно создаетъ для него извѣстныя затрудненія въ борьбѣ его съ конкуррентами, опирающимся на болѣе могущественные соціальные коллективы, и что затрудненія эти могутъ быть имъ преодолѣваемы только путемъ соотвѣтствующаго сверхсмѣтнаго напряженія своихъ силъ, соотвѣтствующей интенсификаціи своей соціальной энергіи. Во-вторыхъ, что въ современномъ обществѣ, основанномъ на борьбѣ и конкурренціи, линія борьбы направляется не только по различ-

нымъ соціальнымъ, но также и по національнымъ перегородкамъ. Въ-третьихъ, что еврейство представляетъ собой въ соціальномъ отношеніи болѣе слабый національный коллективъ по сравненію съ тѣми національными коллективами, среди которыхъ евреи разсѣяны и съ членами которыхъ они находятся непосредственно и безпрерывно во всевозможныхъ взаимоотношеніяхъ на почвѣ самыхъ разнообразныхъ интересовъ.

Но насъ спросятъ: какъ же все-таки примирить фактъ національной эксплуатаціи евреевъ съ антисемитическими и ассимиляторскими тенденціями въ не-еврейскомъ обществѣ? Не правы ли критики, утверждая, что оба указанныя явленія взаимно исключаютъ другъ друга?

На это мы отвѣчаемъ категорически: нѣтъ! Критики и на сей разъ оказались совершенно неправыми.

Начнемъ съ ассимиляціи. Стремленіе господствующей національности ассимилировать подчиненныя ей народности представляетъ собой явленіе довольно сложное. Сюда входятъ моменты идеологическіе, каковы: присущія всякой идеѣ, а слѣдовательно, и національной, прозелитическія тенденціи, стремленіе расширить кругъ соціальнаго единства, углубить область соціальнаго общенія. Сюда также входитъ моментъ государственно-административный: это стремленіе уничтожить опредѣленныя затрудненія въ государственномъ управленіи, неизбѣжныя при разнородности національнаго состава населенія. Самымъ же главнымъ и рѣшающимъ моментомъ слѣдуетъ, однако, считать стремленіе уничтожить центробѣжныя силы, разрывающія на части государство съ разноплеменнымъ составомъ населенія. И поэтому ассимиляціонныя тенденціи господствующей національности проявляются съ особенной настойчивостью въ тѣхъ государствахъ, гдѣ эти центробѣжныя силы даютъ себя особенно чувствовать, и проводятся онѣ обыкновенно съ наибольшимъ упорствомъ по отношенію къ тѣмъ народностямъ, со стороны которыхъ эта опасность наиболѣе угрожаетъ. Въ этомъ отношеніи еврейская нація, благодаря своей экстерриторіальности, никогда не представляла никакой опасности для тѣхъ государствъ, въ которыхъ она разсѣяна. Такимъ образомъ, главный стимулъ для ассимилированія евреевъ совершенно отсутствовалъ. И вслѣдствіе этого, по отношенію къ евреямъ, на всемъ протяженіи исторіи еврейскаго из-

гнанія, примѣнялась не система ассимиляціи, а система изоляціи. Евреевъ старались всячески изолировать, поставить рѣзкую грань между ними и окружающимъ населеніемъ. Если бывали чрезвычайно рѣдкія уклоненія отъ этой политики, являвшіяся обыкновенно результатомъ капризной воли того или другого монарха, то они, однако, нисколько не въ состояніи измѣнить общій характеръ картины. Даже въ католическихъ странахъ, въ эпохѣ наивящщаго торжества церковнаго принципа, когда, казалось, все совершалось подъ знаменемъ креста во имя обращенія невѣрныхъ въ лоно церкви, къ евреямъ примѣнялась совершенно особая политика. Мирная и насильственная проповѣдь крещенія евреевъ не столько имѣла своей цѣлью спасеніе еврейскихъ душъ, сколько представляла собою опредѣленную систему наилучшимъ образомъ грабить, эксплуатировать и угнетать евреевъ. И здѣсь преобладала тенденція изолировать, а не ассимилировать евреевъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерно явленіе марронства. Когда въ Испаніи церковная политика, благодаря цѣлому ряду причинъ, привела къ фактическому массовому крещенію евреевъ, противъ новообращенныхъ открыли систематическую безпощадную войну, имѣвшую своей цѣлью совершенно изолировать ихъ, ярко выдѣлить ихъ изъ окружающей среды. Костры святой инквизиціи пылали не столько во славу Христа для уничтоженія невѣрныхъ: при свѣтѣ ихъ пламени легко было отличать своихъ отъ чужихъ, легко было воздвигнуть нужную преграду. Дамокловъ мечъ инквизиціи, висѣвшій надъ всѣми обращенными, выполнялъ роль Каинова знака, отмѣчая ихъ печатью отверженія. Здѣсь, конечно, имѣлись въ виду не фантастическія блага неба, а реальные интересы земли: такимъ путемъ успѣшно боролись противъ вторженія новохристіанъ въ различныя сферы соціальной жизни. Вообще, система изоляціи евреевъ преслѣдовала двоякую цѣль: ограждать „коренное“ населеніе отъ еврейской конкурренціи и создать изъ евреевъ объектъ эксплуатаціи. Такимъ образомъ, положеніе о національной эксплуатаціи евреевъ находитъ здѣсь свое полное подтвержденіе.

Что же касается до антисемитизма, то усматривать противорѣчіе между нимъ и явленіемъ національной эксплуатаціи евреевъ могутъ только люди, совершенно не разобравшіеся въ томъ, о чемъ здѣсь рѣчь идетъ. Противопоставленіе антисемитизма нац. эксплуа-

таціи столь же нелѣпо, сколь нелѣпо дѣлаемое нѣкоторыми критиками противопоставленіе нац. конкурренціи нац. эксплуатаціи. Какъ антисемитизмъ, такъ и нац. конкурренція составляютъ основныя необходимыя предпосылки нац. эксплуатаціи. Не будь нац. конкурренціи, т. е. если бы линія соціальной борьбы и конкурренціи не имѣли тенденціи направляться по линіи нац. дѣленій, а также не будь антисемитизма, т. е. если бы фактъ принадлежности къ еврейству не воздвигалъ бы для евреевъ извѣстныхъ соціальныхъ преградъ въ окружающемъ не-еврейскомъ обществѣ, евреи не вынуждены были бы тратить сверхсмѣтную энергію на преодолѣніе этихъ преградъ, слѣдовательно, тогда не могъ бы имѣть мѣсто и фактъ нац. эксплуатаціи. Тутъ, какъ видите, передъ нами нѣтъ никакихъ непримиримыхъ противорѣчій, а наоборотъ, одно съ логической необходимостью вытекаетъ изъ другого. Борьба всегда остается борьбой. Каждая изъ борющихся сторонъ стремится использовать всѣ выгоды своей позиціи и усугублять слабое положеніе противника. При борьбѣ еврея съ не-евреемъ, послѣдній естественно стремится всячески использовать для своихъ цѣлей національный моментъ: антисемитическая идеологія ему какъ нельзя болѣе на руку, она укрѣпляетъ его позицію и расшатываетъ позицію противника. Конечно, вполнѣ правъ критикъ, утверждая, что „сапожникъ не-еврей, вытѣсняющій еврея, ничего не имѣлъ бы и противъ того, чтобы послѣдняго вовсе не было на бѣломъ свѣтѣ“. И хотя, надо полагать, этотъ самый сапожникъ не-еврей уже врядъ ли заинтересованъ въ томъ, чтобы и его еврейскихъ заказчиковъ „вовсе не было на бѣломъ свѣтѣ“, тѣмъ не менѣе онъ въ своей конкурренціи неизбѣжно будетъ опираться на антисемитизмъ, какъ на орудіе борьбы. Онъ будетъ требовать всякаго рода ограниченій для евреевъ, будетъ настаивать на примѣненіе всякаго рода мѣръ, дезорганизующихъ еврейскіе ряды: все это увеличиваетъ его шансы на побѣду. Но съ другой стороны, вполнѣ очевидно и то, что вытѣсняемый сапожникъ-еврей, для того, чтобы удержать ускользающую изъ-подъ его ногъ позицію, долженъ будетъ израсходовать опредѣленное количество сверхсмѣтной энергіи, которая и осядетъ въ окружающемъ обществѣ въ качествѣ своеобразной прибавочной стоимости.

II.

О національно-политической автономіи.

Пунктъ о національно-политическй автономіи занимаетъ безспорно въ программѣ Е. С. Р. П. то центральное мѣсто, которое ярко выдѣляетъ ее въ ряду программъ другихъ еврейскихъ партій какъ соціалистическихъ, такъ и не соціалистическихъ. Вполнѣ естественно, поэтому, что именно противъ этого пункта съ особенной настойчивостью ополчились всѣ наши критики, примыкающіе къ другимъ партійнымъ лагерямъ. Наша позиція здѣсь обстрѣливалась съ двухъ противоположныхъ пунктовъ. Съ одной стороны, доказывалось, что, если требованіе національно-политической автономіи и можетъ быть примѣнимо по отношенію къ такой экстерриторіальной націи, какъ еврейской, то оно, однако, совершенно не имѣетъ мѣста по отношенію ко всѣмъ другимъ населяющимъ Россію національностямъ, сконцентрированнымъ на опредѣленныхъ территоріяхъ. Еврейство, слѣдовательно, остается совершенно изолированнымъ въ этомъ требованіи. Безъ союзниковъ, безъ поддержки со стороны, сами евреи должны, конечно, оказаться безсильными осуществить его. При такихъ условіяхъ, утверждаютъ критики, требованію національно-политической автономіи должна быть отведена не сфера сущаго, а сфера должнаго. И уже само собой разумѣется, что только пресловутый возрожденскій идеализмъ можетъ допустить такого рода смѣшеніе сферъ...

Съ другой стороны, доказывалось, что, если требованіе національно-политической автономіи, пожалуй, и можетъ быть примѣнимо по отношенію ко всѣмъ тѣмъ населяющимъ Россію національностямъ, которыя сконцентрированы на опредѣленныхъ территоріяхъ, то оно, однако, совершенно не можетъ имѣть мѣста по отношенію къ такой экстерриторіальной національности, каковой является еврейская нація. И только „присущее возрожденцамъ стремленіе ко всякаго рода аналогіямъ и абстракціямъ“ могло побудить ихъ къ требованію національно-политической автономіи для еврейскаго народа, въ то время, когда въ конкретной

еврейской дѣйствительности не имѣется никакой реальной почвы для такого рода требованія. Слѣдовательно—опять-таки возрожденскій идеализмъ, игнорированіе реальной жизни, витаніе въ эмпиреяхъ и т. д. и т. д.

Мы не будемъ здѣсь противопоставлять эти возраженія другъ другу, хотя такого рода противопоставленіе и не лишено было бы нѣкотораго вполнѣ понятнаго интереса. Но для насъ въ концѣ концовъ не столь важно обнаружить тѣ или другія мелкія или крупныя противорѣчія нашихъ критиковъ, сколько важно выяснить по существу затрагиваемые ими вопросы. И поэтому мы постараемся разобрать по существу каждое изъ этихъ возраженій въ отдѣльности.

Тезисъ о непримѣнимости національно-политической автономіи по отношенію къ населяющимъ Россію территоріально сплоченнымъ національностямъ съ особенной энергіей отстаивается г. Пасманикомъ въ его уже не разъ цитированной нами статьѣ. *) Страницы, посвященныя этому вопросу, носятъ у него весьма громкое заглавіе: „Тенденціи россійской общественности“. **) Но слѣдуетъ отмѣтить, что заглавіе это претенціозно до смѣхотворности. Анализъ тенденцій россійской общественности сводится здѣсь, главнымъ образомъ, къ указанію на тотъ не подлежащій оспариванію фактъ, что въ программы различныхъ дѣйствующихъ въ Россіи партій пунктъ о національно-политической автономіи пока еще не включенъ. „Итакъ, каковы тенденціи общественности различныхъ національностей, обитающихъ Россію?“, вопрошаетъ г. Пасманикъ. И отвѣчаетъ: „Если раньше мы могли только догадываться, то теперь, когда всѣ національности получили наконецъ возможность высказываться свободно по этому (національному) вопросу, мы з н а е м ъ, чего онѣ хотятъ“. А знаемъ мы вотъ что: во-первыхъ, что въ средѣ великорусской національности ни одна изъ партій какъ буржуазныхъ или народническихъ, такъ и соціалистическихъ не выставляетъ требованія національно-политической автономіи. „Слѣдовательно, говоря объ объективныхъ тенденціяхъ общественной жизни Россіи, мы прежде всего должны исключить господствующую великорусскую народность. Остается одно: стремленіе подчиненныхъ національностей“.

*) „Сіонизмъ или Сеймизмъ“. Еврейская жизнь 1906 г. кн. №№ 5, 6.
**) Ibid кн. № 5.

Но и тутъ оказывается, что ни польскія, ни украинскія партіи не выставляютъ этого требованія. Они отстаиваютъ лишь территоріально-національную автономію. „Въ такомъ же смыслѣ“, увѣряетъ насъ г. Пасманикъ, „высказываются и представители другихъ національностей“. А коли такъ, то „слѣдовательно, тенденція русской жизни идетъ по направленію къ территоріальной автономіи разныхъ національностей“, и остается только поражаться, „откуда же „возрожденцы“ взяли, что „эволюція національныхъ отношеній“ пойдетъ у насъ по направленію къ довольно неопредѣленной національно-политической автономіи?“

Чтобы нѣсколько разсѣять недоумѣніе г. Пасманика, мы позволимъ себѣ указать ему на то, что для „возрожденцевъ“ „тенденціи россійской общественности“ вовсе не опредѣляются еще программными требованіями различныхъ партій въ настоящій моментъ. Вѣдь мы знаемъ, что, во-первыхъ, не всѣ программныя требованія различныхъ партій имѣютъ реальную почву подъ собой, что жизненность этихъ требованій опредѣляется не чѣмъ инымъ, какъ именно ихъ соотвѣтствіемъ какимъ-то внѣ ихъ лежащимъ объективнымъ тенденціямъ общественности, и что, наконецъ, сами партіи часто измѣняютъ тотъ или другой пунктъ своей программы опять таки въ цѣляхъ приспособленія ихъ къ объективнымъ тенденціямъ общественности. Слѣдовательно, не программныя требованія партій опредѣляютъ данныя тенденціи общественности, а наоборотъ. Въ данномъ случаѣ весь вопросъ и состоитъ въ томъ, насколько программныя требованія различныхъ дѣйствующихъ въ Россіи партій въ области междунаціональныхъ отношеній соотвѣтствуютъ объективнымъ тенденціямъ россійской общественности. И на это „возрожденцы“ отвѣчаютъ, что по отношенію къ пункту о національно-политической автономіи пока еще не достигнуто такого рода соотвѣтствія, но что, несомнѣнно, дальнѣйшая эволюція политической жизни Россіи заставитъ дѣйствующія здѣсь партіи сдѣлать соотвѣтствующія видоизмѣненія въ своихъ программахъ, если только эти партіи не захотятъ оставаться позади жизни, плестись во хвостѣ ея. Совершенно другой уже вопросъ, какимъ это образомъ случилось, что именно въ данномъ пунктѣ произошло такое несоотвѣтствіе между программными требованіями партій и объективными тенденціями

политической жизни? Впрочемъ, и на это имѣется вполнѣ удовлетворительное объясненіе. Мы не должны забывать, что современныя россійскія партіи выросли въ атмосферѣ самодержавной, бюрократической, а главное—строго централистической Россіи; а между этой послѣдней и той свободной и демократической Россіей, при которой мыслима будетъ реализація національно-политической автономіи, конечно, дистанція огромнаго размѣра. Неудивительно поэтому, что политическая мысль не могла здѣсь сразу такъ далеко шагнуть впередъ: вѣдь въ области междунаціональныхъ отношеній партіи не имѣли предъ собой того чрезвычайно богатаго опыта Западной Европы, который по отношенію къ другимъ сферамъ общественной и политической жизни въ значительной степени и диктовалъ этимъ партіямъ ихъ программныя требованія. Кромѣ того, національной вопросъ здѣсь исторически связанъ съ насильственнымъ захватомъ національной территоріи, и естественно, что политическая мысль на первое время должна была ассоціировать рѣшеніе національной проблемы исключительно съ территоріальной автономіей, усматривая въ послѣдней единственную панацею отъ всѣхъ національныхъ золъ и неурядицъ. То же самое мы видѣли въ Австріи 40 лѣтъ тому назадъ, при утвержденіи Австрійской конституціи. Тамъ также національный вопросъ всецѣло отождествлялся съ вопросомъ объ областной автономіи. Однако, дальнѣйшая политическая жизнь Австріи разсѣяла извѣстныя иллюзіи въ этомъ направленіи. И теперь такая могущественная партія въ Австріи, какъ соціалдемократія, насчитывающая до 83 представителей въ парламентѣ, выставляетъ вполнѣ ясно и опредѣленно требованіе персональной внѣ-территоріальной національной автономіи. *)

Впрочемъ, самъ г. Пасманикъ, очевидно, чувствовалъ, что тенденціи россійской общественности не исчерпываются всецѣло программными пунктами различныхъ партій, и онъ счелъ нужнымъ подкрѣпить свой тезисъ кое-какими разсужденіями. Эти разсужденія сводятся къ слѣдующему. Во-первыхъ, „9/10 всѣхъ обитателей Россіи въ дѣйствительности занимаютъ вполнѣ опредѣленныя территоріи“, и что, поэтому, національный вопросъ здѣсь „разрѣшается легче всего именно въ формѣ національно-

*) См. передовую статью въ лейбъ-органѣ австрійской соціалдемократической рабочей партіи „Arbeiterzeiteng“. Статья эта перепечатана въ „Фолксштимѣ“ № 13.

территоріальной автономіи". Во-вторыхъ, „нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что демократизація общественности съ многообразнымъ національнымъ составомъ создаетъ противорѣчивыя тенденціи: ассимиляціи и національзаціи различныхъ элементовъ"; первую тенденцію мы наблюдаемъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, она имѣла мѣсто во Франціи послѣ Великой революціи и т. д. „Обратные примѣры даютъ намъ, главнымъ образомъ, Австрія и отчасти Россія". Тѣмъ не менѣе, въ будущей демократической Россіи, завѣряетъ насъ г. Пасманикъ, „какъ разъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ различныя національности образуютъ запутанный узелъ, произойдетъ особенно сильное вліяніе ассимиляціи посредствомъ наиболѣе сильной, господствующей культуры". Такимъ образомъ, національный вопросъ тамъ вообще значительно упростится самъ собой. Въ третьихъ, „ожидать отъ государства, что оно будетъ создавать юридическія личности изъ національностей, значитъ не понимать основной тенденціи государства: его стремленія къ единству".

На этихъ разсужденіяхъ стóитъ остановиться.

Начнемъ съ послѣдняго довода противъ національно-политической автономіи, съ основной тенденціи государства къ единству. Неправда ли, читатель, этотъ ходъ мыслей вамъ нѣсколько знакомъ? Вѣдь идею о несовмѣстимости единства и цѣлости государства съ „автономными притязаніями" отдѣльныхъ населяющихъ Россію народностей отстаиваетъ не кто иной, какъ именно наши исконные охранители всевозможныхъ ранговъ и степеней. Для нихъ единство государства, дѣйствительно, немыслимо внѣ рамокъ бюрократической централизаціи, при которой вся до безконечности сложная и многообразная жизнь полуторастамилліоннаго населенія регулируется исключительно по прихотливому мановенію рукъ десятка всесильныхъ бюрократовъ. Для нихъ, дѣйствительно, всякій проблескъ автономной жизни, всякое проявленіе самостоятельности означаетъ неминуемый распадъ и разложеніе. Но да позволено намъ будетъ усомниться въ непогрѣшимости этихъ охранительскихъ разсужденій! Кому же это не извѣстно, что подъ видомъ государственнаго единства отстаиваются здѣсь совершенно другія цѣли и задачи, съ нимъ ничего общаго не имѣющія? Развѣ теперь можетъ кто-нибудь сомнѣваться въ томъ, что въ необычайно разнород-

номъ и разноплеменномъ государствѣ, какъ Россіи, предоставленіе отдѣльнымъ національностямъ возможности автономной жизни необходимо, помимо всѣхъ прочихъ соображеній, именно въ цѣляхъ охраненія государственнаго единства: только такимъ путемъ можно до извѣстной степени парализовать центробѣжныя тенденціи, грозящія разорвать на части этотъ конгломератъ насильственно спаянныхъ народовъ и земель. Вѣдь именно исходя изъ интересовъ единства Австрійскаго государства, именно въ цѣляхъ упроченія этого единства и отстаиваетъ Рудольфъ Шпрингеръ свою идею о національной автономіи.

Въ противоположность г. Пасманику мы утверждаемъ, что отрицать объективную необходимость національно-автономистическихъ тенденцій въ современномъ обществѣ значитъ совершенно не понимать основныхъ демократическихъ тенденцій этого общества. Въ самомъ дѣлѣ, автономизмъ и демократизмъ представляютъ собой, въ сущности, двѣ стороны одной и той же медали. Чѣмъ болѣе широкія массы, въ силу торжества демократическаго принципа, активно вовлекаются въ водоворотъ политической жизни, тѣмъ все ярче выступаютъ наружу тѣ глубокія своеобразія, которыя скрыты въ нѣдрахъ современнаго общества. Самый процессъ развитія политической активности массъ формируетъ и кристаллизуетъ отмѣченныя печатью индивидуальности соціальныя коллективности, которыя, благодаря отсутствію возможности самостоятельно проявить и широко развернуть таящіяся въ нихъ силы, по необходимости до того пребывали, такъ сказать, въ скрытомъ потенціальномъ состояніи. А по мѣрѣ того, какъ эти соціальныя коллективности формируются и кристаллизуются, онѣ требуютъ для своей нормальной дальнѣйшей жизни и развитія соотвѣтствующихъ автономныхъ политическихъ формъ. Это положеніе сохраняетъ особенно свою силу по отношенію къ такой пустившей многообразные глубокіе корни соціальной коллективности, каковой является національность. Дѣйствительно, процессъ демократизаціи общества предполагаетъ, что взаимоотношеніе людей, входящихъ въ составъ даннаго общества, все болѣе усложняется и интенсифицируется, а это, въ свою очередь, предполагаетъ соотвѣтствующее развитіе и усложненіе тѣхъ національныхъ формъ, которыя эти взаимоотношенія необходимо принимаютъ въ реальной конкретной жизни. Достаточно намъ указать на то, что одной

изъ національныхъ формъ, въ которыя неизмѣнно выливаются человѣческія взаимоотношенія, и является универсальное орудіе соціальнаго общенія—языкъ. Каждый шагъ по пути демократизаціи общества, по пути развитія и усложненія взаимоотношеній людей неизмѣнно сопровождается соотвѣтствующимъ развитіемъ національнаго языка. Оно столь же неизбѣжно, столь же объективно необходимо, сколь неизбѣженъ и объективно необходимъ самый процессъ демократизаціи общества. А развитіе національнаго языка означаетъ развитіе всей національной культуры—національной литературы, школъ, театровъ и т. д. А это, въ свою очередь, еще болѣе скрѣпляетъ и сплачиваетъ воедино членовъ данной націи, создаетъ такую стихійно-могучую національную атмосферу, которая способствуетъ дальнѣйшей націонализаціи всѣхъ другихъ сферъ соціальной жизни. Представьте себѣ конкретно, что, напр. въ Россіи, гдѣ мы имѣемъ до 17 ярко очерченныхъ національностей, насчитывающихъ каждая болѣе милліона членовъ, живущихъ болѣе или менѣе сплоченными компактными массами, что въ этой многоязычной и „много-культурной“ Россіи дѣйствительно достигнута настоящая свобода языка, школъ, союзовъ и ассоціацій, а также и извѣстная автономія областей, и что, такимъ образомъ, всѣ эти національности, которыя до того находились въ мертвящихъ тискахъ бюрократическаго централизма и представляли собой, поэтому, совершенно пассивную аморфную массу,—вдругъ получатъ свободу движенія и выйдутъ, въ качествѣ активныхъ членовъ, на широкую политическую арену! Что же тогда конкретно произойдетъ? Прежде всего, національная рѣчь зазвучитъ на собраніяхъ, въ союзахъ, въ школахъ, во всякаго рода государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, будутъ возникать всякаго рода національные союзы и ассоціаціи, національная среда покроется сѣтью національныхъ школъ, газетъ, театровъ, усиленнымъ темпомъ пойдетъ развитіе національной литературы! А все это неизбѣжно будетъ вести къ дальнѣйшему спаиванію національностей, къ дальнѣйшему все растущему скрѣпленію ихъ національнаго единства, къ развитію и усиленію ихъ національнаго самосознанія. Намъ кажется, что теперь для всякаго должно уже стать яснымъ до очевидности, что въ будущей Россіи неминуемо произойдетъ колоссальный, прямо небывалый расцвѣтъ національной культуры.

Говорить объ ассимиляціонныхъ тенденціяхъ, которыя яко бы должны имѣть мѣсто въ будущей Россіи и повести тамъ къ упрощенію національнаго вопроса можетъ только человѣкъ, совершенно не отдающій себѣ никакого отчета въ томъ, что вокругъ него происходитъ, и нисколько не выяснившій себѣ смысла и характера современныхъ демократическихъ движеній. Вѣдь одно только вѣяніе свободы выдвинуло національную проблему въ Россіи съ такой поразительной силой и остротой, что съ ней можетъ сравняться развѣ лишь вопросъ аграрный. Кто, напримѣръ, лѣтъ десять тому назадъ имѣлъ вообще хотя бы болѣе или менѣе отчетливое представленіе о всѣхъ тѣхъ населяющихъ Россію многочисленныхъ національностяхъ, которыя теперь такъ ярко выдѣляются здѣсь на общемъ фонѣ политической жизни и громко заявляютъ о своихъ національныхъ правахъ.

Да и вообще пора уже разъ навсегда уяснить себѣ ту непреложную истину, что вѣкъ ассимиляціи находится позади насъ. Тезисъ г. Пасманика, гласящій, что „демократизація общественности съ многообразнымъ національнымъ составомъ (?) создаетъ противорѣчивыя тенденціи: ассимиляціи и націонализаціи различныхъ элементовъ“ представляетъ собой въ сущности чистѣйшій продуктъ фантазіи. Новѣйшая исторія совершенно не знаетъ примѣровъ національной ассимиляціи, но зато она чрезвычайно богата многочисленными и самыми разнообразными примѣрами національнаго возрожденія, формированія и развитія національныхъ организмовъ, небывалаго роста національныхъ освободительныхъ движеній. Ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ общимъ, универсальнымъ.

Но, скажутъ намъ, вѣдь г. Пасманикъ также подкрѣпляетъ свой тезисъ примѣрами, С. А. Соединенныхъ Штатовъ и Франціи. На это мы отвѣчаемъ: что касается Америки, то нужно поистинѣ обладать смѣлостью г. Пасманика, чтобы съ такимъ апломбомъ заявлять, будто тамъ наблюдается процессъ національной ассимиляціи въ то время, какъ въ дѣйствительности тамъ происходитъ нѣчто, діаметрально-противоположное. А вѣдь здѣсь мы имѣемъ дѣло съ общеизвѣстными фактами. Кому, напр., неизвѣстно, что въ крупныхъ американскихъ центрахъ, куда по преимуществу направляется эмиграціонный потокъ изъ Европы, не только евреи, но также нѣмцы, итальянцы и т. д.

селятся въ особыхъ кварталахъ, живутъ болѣе или менѣе обособленной національной жизнью, развиваютъ свою національную литературу, имѣютъ собственную богатую періодическую прессу, собственные театры, достигшіе тамъ зачастую довольно высокой степени равитія? Неужели слѣдуетъ отнести эти факты къ явленіямъ ассимиляціоннаго порядка?... Что же касается Франціи, то, право, мы затрудняемся сказать, по какой ассоціаціи идей г. Пасманикъ приплелъ сюда этотъ примѣръ. Вѣдь Франція и до революціи состояла вовсе не изъ различныхъ національностей, а изъ разрозненныхъ элементовъ одной и той же національности, которые революція спаяла воедино. Этотъ примѣръ говоритъ лишь о могучемъ національизирующемъ дѣйствіи демократизаціи общественной жизни, но ни о чемъ больше. Попытки созданія національной амальгамы, дѣйствительно, были во Франціи, но уже потомъ, послѣ революціи, при императорской Франціи, а чѣмъ эти попытки кончились, хорошо извѣстно...

Нѣтъ, какъ хотите, а усматривать въ современномъ обществѣ ассимиляціонныя тенденціи возможно, развѣ лишь совершенно закрывъ глаза на силу, значеніе и характеръ его демократической тенденціи.

Намъ остается еще отвѣтить на самое главное возраженіе г. Пасманика, непосредственно направленное противъ національно-политической автономіи, заключающееся въ томъ, что будто „$^{9}/_{10}$ всѣхъ обитателей Россіи въ дѣйствительности занимаютъ вполнѣ опредѣленную территорію,“ т. е., выражаясь обыкновеннымъ человѣческимъ языкомъ, что для $^{9}/_{10}$ населенія Россіи національныя и территоріальныя границы совпадаютъ; и что, слѣдовательно, національный вопросъ здѣсь „разрѣшается легче всего именно въ формѣ національно-территоріальной автономіи“. Это возраженіе, безспорно, могло бы имѣть рѣшающее значеніе, если бы только декретируемыя г. Пасманикомъ предпосылки относительно совпаденія національныхъ и территоріальныхъ границъ въ Россіи соотвѣтствовали дѣйствительности. Но въ томъ то и дѣло, что эти предпосылки отнюдь не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Конечно, если взять мельчайшія территоріальныя единицы, вродѣ нынѣшнихъ уѣздовъ или того меньше, тогда, пожалуй, и можно было бы еще утверждать, что однородность національнаго состава внутри этихъ миніатюрныхъ территоріальныхъ

единицъ болѣе или менѣе близко подходитъ къ указанной г. Пасманикомъ нормѣ. Но вѣдь когда говорятъ объ областной автономіи, то подъ ней подразумѣваютъ нѣчто совершенно другое, ничего общаго не имѣющее съ поуѣзднымъ или всякаго рода другими мелкими административными дѣленіями. Областная автономія въ Россіи—не „х“ какой-нибудь, а величина извѣстная и вполнѣ опредѣленная. Хорошо извѣстно, что границы областей, домогающихся политической автономіи въ Россіи, довольно таки обширны и обыкновенно обнимаютъ цѣлыхъ нѣсколько губерній. И вотъ внутри этихъ-то границъ указанная однородность уступаетъ мѣсто поразительной разнородности и спутанности національнаго состава населенія. Чтобы показать, до чего доходитъ въ Россіи пестрота и разнородность національнаго состава населенія въ предѣлахъ даже такихъ сравнительно небольшихъ территоріальныхъ единицъ, каковыми являются нынѣшнія губерніи, мы приведемъ слѣдующія чрезвычайно любопытныя таблицы, составленныя на основаніи переписи 1897 года. *) [См. таблицы стр. 139—140; 141—142].

Разсматривая эти таблицы, нельзя, конечно, не согласиться съ Людвигомъ Гумпловичемъ, что „по сравненію съ Россіей смѣшеніе языковъ и народовъ въ Австріи просто, какъ таблица умноженія“. Оказывается, что въ одной только Европейской Россіи имѣется 8 губерній (плюсъ Кавказъ) съ населеніемъ въ 22.787,300 жителей, гдѣ ни одна изъ живущихъ тамъ многочисленныхъ національностей не составляетъ абсолютнаго большинства, и, помимо этого, еще 12 губерній съ населеніемъ въ 22.115.900 жителей, гдѣ ни одна національность не достигаетъ 70% общаго состава населенія. Складывая полученныя данныя, мы будемъ имѣть въ одной только Европейской Россіи (плюсъ Кавказъ) цѣлыхъ 20 губерній (+ Кавказъ) съ населеніемъ въ 44.903.200 жителей, гдѣ ни одна національность не достигаетъ 70% общаго состава населенія. Въ роли національныхъ меньшинствъ въ губерніяхъ, приведенныхъ въ таблицѣ I, окажутся слѣд.:

---

*) Въ таблицѣ II мы сдѣлали исключеніе только для Кавказа, гдѣ нами не указанъ національный составъ населенія по губерніямъ, въ виду сравнительной малочисленности населенія въ большей части этихъ губерній.

Великоруссы . . .	1.804,9	Чуваши	251,6
Малоруссы	1.939,9	Мордва	427,6
Бѣлоруссы	178,0	Башкиры	57,2
Поляки	314,4	Молдаване	147,2
Евреи	1.246,2	Нѣмцы	520,2
Татары	299,2	Остальные	463,3
Литовцы	279,7		
Латыши	264,0	Итого	8.193,4

Все въ тысячахъ.

Если прибавить сюда населеніе губерній изъ таблицы II, въ которыхъ вообще ни одна національность не имѣетъ абсолютнаго численнаго преобладанія и, слѣдовательно, не можетъ достигнуть тамъ національнаго господства, то мы получимъ слѣдующія цыфры, указывающія общее число національныхъ меньшинствъ во всѣхъ названныхъ губерніяхъ:

Великоруссы	5.692,3	Чуваши	814,2
Малоруссы	4.722,6	Мордва	464,9
Бѣлоруссы	920,8	Черемисы	203,3
Поляки	496,8	Башкиры	957,1
Евреи	2.044,1	Киргизы	250,8
Татары	2.856,6	Молдаване	1.048,9
Литовцы	854,6	Группа горцевъ . .	1.021,6
Латыши	863,0	Нѣмцы	757,1
Жмудь	444,9	Русскіе	833,1
Эсты	518,6	Остальные	2.516,7
Армяне	1.193,1		
Грузины	1.349,2	Итого . . .	30.824,3

Все въ тысячахъ.

Эти цыфры, конечно, довольно краснорѣчиво говорятъ сами за себя. Всякіе комментаріи здѣсь излишни.

Но вотъ теперь-то и спрашивается: можетъ ли областная автономія въ Россіи, при такой неимовѣрной сложности и спутанности національнаго состава населенія, дать сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ на національный вопросъ? Намъ кажется, что достаточно поставить этотъ вопросъ, какъ самъ собой напрашивается категорически-отрицательный отвѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что всѣ области, которыя уже теперь домогаются или въ ближайшемъ будущемъ будутъ домогаться автономіи, въ концѣ концовъ, получатъ полное удо-

ТАБЛ

Національности.	Виленская губ.		Витебская губ.		Черниговская губ.		Екатеринославская губ.		Херсонская губ.		Сѣдлецкая губ.	
	Абсол. число (тысячъ)	%	Абсол. число (тысячъ)	%	Абсол. число (тысячъ)	%	Абсол. число (тысячъ)	%	Абсол. число (тысячъ)	%	Абсол. число (тысячъ)	%
	1.591,2		1.489,2		2.297,9		2.113,7		2.733,6		772,1	
Великоруссы	78,6	4,9	198,1	13,3	495,9	21,6	365,0	17,3	575,4	21,1	19,5	2,5
Малоруссы					1.526,3	66,4	1.456,4	68,9	1.462,0	53,5	107,9	14,0
Бѣлоруссы	891,9	56,0	788,6	53,0	151,4	6,6						
Поляки	130,1	8,2	50,3	3,4							510,6	66,1
Евреи	202,4	12,7	174,2	11,7	113,3	4,9	99,2	4,7	322,5	11,8	120,1	15,6
Татары												
Литовцы	279,7	17,6										
Латыши			264,0	17,7								
Чуваши												
Мордва												
Башкиры												
Молдаване									147,2	5,4		
Нѣмцы							81,0	3,8	123,5	4,5		
Русскіе [1])												
Остальные	8,5	0,6	14,0	0,9	11,0	0,5	112,1	5,3	103,0	3,7	14,0	1,8

[1]) Относительно нѣкоторыхъ губерній не указано въ данныхъ Переписи число велико „русскіе“. Мы поэтому выдѣлили ихъ особо.

ИЦА I.

Сувалкская губ.		Люблинская губ.		Воронежская губ.		Симбирская губ,		Самарская губ.		Область Войска Донского		ИТОГО.
Абсол. число (тысячъ)	%	Абсол. число (тысячъ)	%	Абсол. число (тысячъ)	%	Абсол. число (тысячъ)	%	Абсол. число (тысячъ)	%	Абсол. число (тысячъ)	%	Абсолютное число (тысячъ)
582,9		1.160,7		2.531,3		1.527,8		2.751,3		2.564,2		22.115,9
24,5	4,2	47,9	4,1	1.603,0	63,3					1.712,9	66,8	5.120,8
		196,5	16,9	915,8	36,2					719,7	28,1	6.384,6
26,6	4,6											1.858,5
134,0	23,0	729,5	62,9									1.554,5
59,1	10,2	155,4	13,4									1.246,2
						134,0	8,8	165,2	6,0			299,2
304,5	52,2											584,2
												264,0
						159,8	10,5	91,8	3,3			251,6
						189,0	12,4	238,6	8,7			427,6
								57,2	2,1			57,2
												147,2
30,5	5,2	26,0	2,2					224,3	8,2	34,9	1,4	520,2
						1.041,2	68,1	1.895,6	68,9			2.936,8
3,7	0,6	5,4	0,5	12,5	0,5	3,8	0,2	78,6	2,8	96,7	3,7	463,3

руссовъ, малоруссовъ, бѣлоруссовъ отдѣльно, и очень часто обозначены общимъ именемъ

ТАБЛ

Національности.	Казанская губ.		Уфимская губ.		Астраханская губ.		Бессарабская губ.		Таврическая губ.	
	Абсол. число (тысячъ)	%	Абсол. число (тысячъ)	%	Абсол. число (тысячъ)	%	Абсол. число (тысячъ)	%	Абсол. число (тысячъ)	%
	2.170,7		2.196,6		1.003,5		1.935,0		1.447,8	
Великоруссы			834,1	38,0	409,3	40,8	156,7	8,1	404,5	27,9
Малоруссы					133,1	13,3	379,3	19,6	611,1	42,2
Бѣлоруссы										
Поляки										
Евреи							228,3	11,8	55,4	3,8
Татары	675,4	31,1	184,8	8,4	52,8	5,3			187.9	13,0
Литовцы										
Латыши										
Жмудь										
Эсты										
Армяне										
Грузины										
Чуваши	502,0	23,1	60,6	2,8						
Мордва			37,3	1,7						
Черемисы	122,7	5,7	80,6	3,7						
Башкиры			899,9	41,0						
Киргизы					250,8	25,0				
Молдаване							901,7	46,6		
Группа горцевъ										
Нѣмцы							60,0	3,1	78,3	5,4
Русскіе	833,3	38,4								
Остальные	37,3	1,7	99,3	4,4	157,5	15,6	209,0	10,8	110,6	7,7

И Ц А II.

Гродненская губ.		Ковенская губ.		Лифляндская губ.		Кавказъ.		Итого.	Итого (безъ Кавказа).	Общая сумма I и II таблицъ.
Абсол. число (тысячъ)	%	Абсол. число (тысячъ)	%	Абсол. число (тысячъ)	%	Абсол. число (тысячъ)	%	Абсолютное число (тысячъ)	Абсолютное число (тысячъ)	Абсолютное число (тысячъ)
1.603,4		1.544,6		1.299,4		9.586,3		22.787,3	13.201,0	44.903,2
74,1	4,6	72,9	4,7	68,1	5,2	1.867,7	19,4	3.887,4	2.019,7	9.008,2
362,5	22,6					1.296,7	13,5	2.782,7	1.486,0	9.167,3
705,0	44,0	37,8	2,5					742,8	742,8	2.601,3
161,7	10,0	139,6	9,0	15,1	1,2			316,4	316,4	1.870,9
278,5	17,4	212,0	13,7	23,7	1,8			797,9	797,9	2.044,1
						1.456,5	15,2	2.557,4	1.100,9	2.856,6
		574,9	37,2					574,9	574,9	1.159,1
		35,2	2,3	563,8	43,4			599,0	599,0	863,0
		444,9	28,8					444,9	444,9	444,9
				518,6	39,9			518,6	518,6	518,6
						1.193,1	12,4	1.193,1	—	1.193,1
						1.349,2	14,1	1.349,2	—	1.349,2
								562,6	562,6	814,2
								37,3	37,3	464,9
								203,3	203,3	203,3
								899,9	899,9	957,1
								250,8	250,8	250,8
								901,7	901,7	1.048,9
						1.021,6	10,7	1.021,6	—	1.021,6
				98,6	7,6			236,9	236,9	757,1
								833,3	833,3	3.770,1
21,6	1,4	27,3	1,8	11,5	0,9	1.401,5	14,7	2.053,4	651,9	2.516,7

влетвореніе своихъ политическихъ притязаній; конкретно говоря, представимъ себѣ, что Польша, Литва, Кавказъ, Украйна съ Новороссіей, Остзейскій край, Сибирь и, наконецъ, даже Туркестанъ получатъ самую, что ни на есть, широкую областную автономію. Преобладающими національностями въ этихъ областяхъ окажутся въ Польшѣ—поляки, въ Бѣлорусско-литовскомъ краѣ—бѣлоруссы, въ Украйнѣ съ Новороссіей—украинцы, въ Сибири—русскіе, въ Туркестанѣ—киргизы; въ Остзейскомъ краѣ и на Кавказѣ ни одна изъ живущихъ тамъ національностей не достигла бы преобладанія по той простой причинѣ, что ни одна изъ нихъ не составляетъ тамъ большинства. Но такъ какъ въ Россіи, помимо перечисленныхъ національностей, т. е. помимо великоруссовъ, поляковъ, украинцевъ, бѣлоруссовъ, киргизовъ, имѣются еще до 12 національностей, съ населеніемъ свыше милліона каждая, и множество другихъ болѣе мелкихъ національностей, то ясно, что, по крайней мѣрѣ, для этихъ національностей областная автономія ни въ коемъ случаѣ не представляетъ собою еще рѣшенія ихъ національной проблемы. Она не создаетъ для нихъ никакихъ автономныхъ формъ національной жизни; ихъ стремленіе къ автономной жизни и къ самоуправленію должно будетъ искать себѣ иного исхода, иныхъ путей.

Но даже тѣ немногія національности, которыя по прихотливому капризу исторіи поставлены въ положеніе господствующихъ—каждая въ своей области, обречены зато въ другихъ областяхъ раздѣлять общую невеселую участь національныхъ меньшинствъ. И здѣсь мы также имѣемъ дѣло не съ какими-нибудь мелкими ничтожными единицами, которыми можно было бы пренебречь, а съ величинами чрезвычайно крупными,которыхъ никакъ нельзя игнорировать. И опять таки въ качествѣ яркой иллюстраціи могутъ намъ послужить хотя бы приведенныя выше таблицы. За вычетомъ національностей, господствующихъ въ тѣхъ областяхъ, въ составъ которыхъ входятъ приведенныя въ таблицахъ губерніи, т. е. за вычетомъ русскихъ въ Симбирской, Самарской и Казанской губерніяхъ; великоруссовъ въ Воронежской, Уфимской и Астраханской губерніяхъ и Донской области; бѣлоруссовъ въ Витебской, Виленской, Гродненской и Ковенской; украинцевъ въ Екатеринославской, Херсонской, Черниговской, Бессарабской и Таврической губерніяхъ и, наконецъ, поляковъ въ Сѣд-

лецкой, Сувалкской и Люблинской губерніяхъ, у насъ, однако, получатся слѣдующія довольно таки выразительныя цыфры національныхъ меньшинствъ:

Великоруссы . .	4.448,9	Чуваши	814,2	Все въ тысячахъ.
Малоруссы . . .	3.732,2	Мордва	464.9	
Евреи	2.044,1	Черемисы	203,3	
Татары	2.856,6	Башкиры	957,1	
Литовцы	1.159,1	Киргизы	250,8	
Латыши	863,0	Молдаване . . .	1.048,9	
Жмудь	444,9	Группа горцевъ .	1.021,6	
Эсты	518,6	Нѣмцы	757,1	
Армяне	1.193,1	Остальные . . .	2.516,1	
Грузины	1.349,2			
Бѣлоруссы . . .	178,0	Итого . . .	27.319,7	
Поляки	496,8			

Итакъ, 10 лѣтъ тому назадъ, въ моментъ составленія переписи, при самой широкой областной автономіи въ Россіи, въ составъ національныхъ меньшинствъ только въ 20 губерніяхъ Европейской Россіи плюсъ Кавказъ вошли бы слишкомъ 27 милліоновъ человѣкъ, въ томъ числѣ до 9 милліоновъ великоруссовъ, бѣлоруссовъ, украинцевъ и поляковъ, т. е. членовъ тѣхъ самыхъ національностей, которыя сами являются господствующими, каждая въ своей области. Такихъ прямо таки колоссальныхъ чиселъ національныхъ меньшинствъ не знаетъ, конечно, ни одна страна стараго и новаго свѣта.

Что же, однако, будетъ происходить внутри указанныхъ автономныхъ областей? Тамъ національная борьба неизбѣжно разгорится съ небывалой силой, достигнетъ наивысшей остроты и напряженности. Въ тѣхъ областяхъ, гдѣ ни одна національность не составляетъ абсолютнаго большинства, борьба будетъ происходить преимущественно между тѣми національностями, которыя являются тамъ наиболѣе сильными и которыя могутъ потому претендовать на господствующее значеніе. Это будетъ хорошо знакомая изъ примѣровъ Австріи вѣчная борьба за національное господство, борьба, которая, чѣмъ дальше, становится все болѣе и болѣе ожесточенной. Эта борьба должна еще осложниться тѣмъ специфическимъ привиллегированнымъ положеніемъ, тѣми особыми

политическими притязаніями великорусскаго элемента этихъ областей, которыя неизбѣжно создаются фактомъ господствующаго значенія великорусской національности въ цѣломъ государствѣ. Въ эту борьбу будутъ также неизбѣжно вовлечены и болѣе мелкія національности, которыя, хотя и не могутъ претендовать на господство, но за то своимъ присоединеніемъ къ той или другой изъ борющихся сторонъ могутъ рѣшить участь борьбы. Такимъ образомъ, вся политическая атмосфера тамъ отравляется ядомъ непримиримой вражды, насыщается удушливыми парами національной междуусобицы, готовыми каждую минуту разразиться въ какую-нибудь политическую катастрофу. Не лучше обстоитъ дѣло въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ одна какая либо національность является господствующей. Именно потому, что въ автономныхъ областяхъ національныя меньшинства должны вообще представлять собой несравненно болѣе значительную политическую силу, чѣмъ въ централизованной Россіи; именно потому, что національныя меньшинства не разсѣяны незамѣтными группками въ сплошной массѣ господствующей національности, но въ предѣлахъ своихъ, хотя и небольшихъ, территоріальныхъ границъ они образуютъ сплоченное компактное ядро, — именно поэтому національный вопросъ долженъ будетъ пріобрѣсти тамъ особенно острый и интенсивный характеръ. Не будучи въ состояніи всецѣло оградить себя отъ аггрессивной націоналистической политики господствующей національности, національныя меньшинства окажутся, однако, настолько сильными, чтобы въ вѣчной борьбѣ съ послѣдней постоянно тормозить политическую жизнь области, воздвигая такимъ образомъ безпрерывныя препятствія по пути ея нормальнаго политическаго развитія. И опять-таки богатая опытомъ Австрія могла бы повѣдать намъ длинную и весьма скорбную повѣсть о крайне дезорганизующемъ и разлагающемъ значеніи такого рода борьбы.

Изъ этого положенія есть только одинъ выходъ. Только одна дорога ведетъ къ возможному сглаживанію національныхъ конфликтовъ, къ притупленію національныхъ противорѣчій, къ созданію хоть сколько-нибудь нормальныхъ условій для болѣе или менѣе мирнаго сожительства національностей. Это — путь крайняго суженія плоскости національнаго тренія посредствомъ строгаго разграниченія сферъ политическаго веденія общегосудар-

ственной, областной и національной жизни. Словомъ—этотъ путь лежитъ черезъ національно-политическую автономію.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько бы ни возмущались фактомъ вѣчныхъ національныхъ раздоровъ и междоусобицъ, мы должны тѣмъ не менѣе сознавать, что въ современномъ буржуазномъ обществѣ, насквозь пропитанномъ борьбой и конкурренціей, различныя національности, искусственнымъ образомъ спаянныя вмѣстѣ, за однимъ и тѣмъ же общественнымъ пирогомъ, должны неизбѣжно вести между собою борьбу не на жизнь. а на смерть. Эта борьба неминуемо должна становиться особенно острой и ожесточенной именно тогда, когда имъ приходится совмѣстно рѣшать судьбу внутренней жизни каждой отдѣльной національности. Съ одной стороны, „чужая душа—потемки“, чужая національность, если бы даже и захотѣла, не могла бы въ достаточной степени проникнуться специфическими нуждами и интересами чуждой національности. Если бы захотѣла... Но вѣдь эти слова звучатъ злой насмѣшкой надъ дѣйствительностью... Кому же неизвѣстно, что именно въ чужой слабости національности видятъ свою собственную силу, что именно на чужомъ несчастьѣ онѣ строятъ свое собственное счастье. Съ другой стороны, сфера національной жизни—это самая интимная, самая чувствительная область. Затрагивать ее—значитъ затрагивать самое больное мѣсто, значитъ вызывать самое интенсивное раздраженіе.

Такимъ образомъ, становится вполнѣ яснымъ и очевиднымъ для всякаго, не зараженнаго только духомъ безусловнаго централизма, что сфера національной жизни и должна быть выдѣлена изъ вѣдѣнія общегосударственныхъ и областныхъ учрежденій, и передана въ собственныя руки отдѣльныхъ національностей, которыя должны, поэтому, быть конструированы въ опредѣленные правовые союзы и надѣлены соотвѣтствующими прерогативами государственнаго характера. — Эта истина вполнѣ ясно сознана уже передовыми элементами Австріи. По этому же пути необходимо будетъ направляться политическая мысль въ Россіи. Туда ее стихійно будетъ толкать весь ходъ эволюціи политической жизни и междунаціональныхъ отношеній. Конечно, трудно опредѣлить, когда эта истина овладѣетъ окончательно умами массъ, еще труднѣе предсказать, когда она воплотится въ реальный фактъ живой дѣйствительности. Кто знаетъ, воспользуется ли

Россія поучительными уроками Австріи, или ей также суждено самостоятельно пережить тяжелый и затяжной кризисъ національныхъ распрей и междоусобицъ? Одно ясно и несомнѣнно: путь отъ безплодныхъ національныхъ распрей, отъ разъѣдающей, все и вся тормозящей національной вражды и ненависти къ мирному развитію и прогрессу лежитъ черезъ національно-политическую автономію. По этому пути должна пойти и, въ концѣ концовъ, неминуемо пойдетъ свободная демократическая Россія!

На этомъ мы пока закончимъ нашу статью. Остается еще разобрать важнѣйшій вопросъ о еврейской національно-политической автономіи. Но этому должна быть посвящена особая статья.

Ben-Adér.

Требованія момента и задачи евр. пролетаріата.

I.

Въ жизни каждаго народа бываютъ эпохи, когда политическія событія развертываются предъ нами съ такой несомнѣнной ясностью и очевидностью, что намъ стоитъ только прислушаться къ властному голосу жизни, чтобы понять требованія и задачи момента. Такой моментъ въ нашемъ политическомъ развитіи мы переживаемъ въ настоящее время. Изъ бурнаго періода нашего политическаго Sturm und Drang, когда головокружительная быстрота и ослѣпительная калейдоскопичность событій создали психолигическую аберрацію, въ которой ближайшія перспективы сливались съ отдаленными, мы вынесли богатый и цѣнный опытъ. Этотъ опытъ освѣщаетъ намъ путь нашей дальнѣйшей борьбы. Предметный урокъ, который исторія преподала намъ въ свѣтлые дни свободы, мы постигли лишь впослѣдствіи, когда въ тиши темной ночи наступившей реакціи мы стали чутко прислушиваться къ требованіямъ момента и внимательно взвѣшивать свои политическіе лозунги. И теперь, когда, сидя какъ будто у стараго разбитаго корыта, мы оглядываемся назадъ на пройденный путь, мы видимъ, на сколько неосновательны упреки, посылаемые по адресу „крайнихъ лѣвыхъ“,—упреки въ томъ, почему имъ не удалось поймать жаренныхъ голубей, которые пролетѣли мимо рта. Если мы заслуживаемъ упрека въ чемъ-нибудь, то какъ разъ въ томъ, что, дѣйствуя въ повышенной атмосферѣ революціоннаго энтузіазма и боевой активности, мы часто принимали призрачныя надежды за реальный политическій разсчетъ и наивно вѣря, что при существующемъ соотношеніи силъ можно однимъ львинымъ прыжкомъ очутиться по ту сторну пропасти, которая отдѣляетъ существующій режимъ отъ желательнаго, мы то и дѣло переоцѣнивали значеніе быстро дѣйствующихъ

средствъ. Но теперь нами уже изжиты всѣ иллюзіи, и мы протягиваемъ руку къ нашему старому испытанному орудію, которое завѣщано намъ исторіей революціонныхъ движеній и которое носитъ имя „организаціи массъ“.

Съ этой точки зрѣнія необходима переоцѣнка нашихъ методовъ борьбы и пересмотръ нашей тактики. Уже на завтра послѣ декабрскаго возстанія лозунгъ „назадъ къ массамъ“! въ смутныхъ и неясныхъ еще очертаніяхъ начинаетъ вырисовываться въ нашемъ сознаніи, и чѣмъ безнадежнѣе становятся наши пораженія въ послѣдующихъ „активныхъ выступленіяхъ“, тѣмъ болѣе этотъ лозунгъ приковываетъ къ себѣ умъ и сознаніе, и тѣмъ отчетливѣе и яснѣе опредѣляется его смыслъ и значеніе. Стало очевидно, что, ведя борьбу съ организованнымъ и безпощаднымъ врагомъ, нелѣпо класть въ основу своихъ стратегическихъ плановъ неподдающіяся предварительному учету надежды на стихійныя порывы неорганизованныхъ массъ, что всякая, хотя бы самая скромная оцѣнка своихъ силъ, можетъ оказаться преувеличенной, когда приходится оперировать такимъ иксомъ, величина котораго не стѣснена никакими предѣлами и всецѣло опредѣляется лишь въ процессѣ борьбы. И лозунгъ „назадъ къ массамъ!“ знаменуетъ собою отказъ отъ политики случайностей и эксромтовъ и поворотъ отъ стихійности къ организованности. По различнымъ тактическимъ линіямъ мы опять вернулись къ медленной, но вѣрной работѣ организаціи массъ и, такимъ образомъ, мы вплотную подошли къ очередной задачѣ переживаемаго момента, заключающейся въ томъ, чтобы создать такія массовыя организаціи, которыя были бы въ состояніи концентрировать энергію стихійнаго недовольства массъ и превращать ее въ организованную и сознательную въ своихъ цѣляхъ волю. Если въ революціонный періодъ, предшествовавшій 9-му января, вся наша дѣятельность, которая почти всецѣло протекла въ условіяхъ подпольной жизни, сводилась къ воспитанію и организаціи революціонныхъ к р у ж к о в ъ, то въ переживаемый фазисъ нашего политическаго развитія предъ нами выдвигается задача воспитанія и организаціи революціонныхъ м а с с ъ.

Являясь историческимъ продолженіемъ и логическимъ развитіемъ нашей доянварской дѣятельности, эта задача не является однако простымъ только расширеніемъ этой дѣятельности, выра-

жающимся въ ариѳметическомъ возрастаніи числа нашихъ адептовъ и въ широкомъ развертываніи нашихъ партійныхъ организацій. Она требуетъ творчества новыхъ организаціонныхъ формъ, въ которыхъ могли бы крѣпнуть и расти наши связи съ широкими внѣпартійными массами. И насколько своеобразенъ тотъ политическій строй, въ которомъ мы живемъ въ нашу переходную эпоху, настолько же своеобразны и также разнообразны должны быть организаціонныя нити, по которымъ могло-бы распространяться наше вліяніе и воздѣйствіе на массы. Мы должны проводить эти нити черезъ щели, которыя за послѣднее время открылись и которыя будутъ еще открываться въ бюрократическомъ режимѣ, должны быть использованы всѣ легальныя и полулегальныя возможности съ тѣмъ, чтобы вывести массы изъ хаоса растерянности и разброда, что-бы сплотить отдѣльныя и разрозненныя воли, которыя разсѣиваются, какъ пыль, при дуновеніи реакціи, и направлять ихъ на планомѣрныя и цѣлесообразныя дѣйствія.

Трудно, конечно, въ настоящій моментъ опредѣлить все разнообразіе политическихъ и экономическихъ формъ, въ которыя должна вылиться наша организаціонная связь съ народными массами—это тѣмъ труднѣе сдѣлать, что наши эти формы должны обладать въ достаточной степени эластичностью, чтобы сохранить равновѣсіе при постоянномъ колебаніи нашего политическаго барометра, при постоянномъ передвиженіи границъ политическихъ свободъ то въ одну, то въ другую сторону. Но какія бы формы ни приняла предстоящая дѣятельность въ массахъ, основныя линіи ея не должны уклоняться отъ направленія, которое опредѣляется золотымъ правиломъ соціалистической политики: отправляясь отъ нуждъ и потребностей повседневной жизни и борьбы народныхъ массъ, постепенно восходить къ ихъ историческимъ задачамъ. Въ этомъ отношеніи должны быть радикально измѣнены наши педагогическіе методы и пріемы. Если въ періодъ строительства революціонныхъ кружковъ, въ которые вербовались наиболѣе сознательные элементы, мы начинали съ абстрактнаго изложенія основоположеній соціализа, подкрѣпляя ихъ теоретическими выкладками и фактическими данными, то теперь, когда центръ тяжести нашей работы долженъ быть перенесенъ въ широкія народныя массы, наша пропаганда и агитація должны измѣнить свой ис-

ходный пунктъ. Мы должны сплачивать массы на почвѣ ея повседневныхъ сознанныхъ потребностей и стремленій и вести ее къ несознаннымъ еще ею историческимъ задачамъ путемъ постепеннаго расширенія ея политическаго кругозора и увеличенія размаха ея борьбы.

Въ такомъ видѣ намъ рисуется путь, который долженъ вывести соціалистическія партіи изъ переживаемаго ими состоянія вялости и апатіи. Ликвидація этого состоянія начнется съ того самого момента, когда мы приступимъ къ постройкѣ моста чрезъ ту идейную пропасть, которая отдѣляетъ революціонные кружки отъ нейтральныхъ и инертныхъ народныхъ массъ. Уже въ настоящее время, когда наши партійныя организаціи обнаруживаютъ упадокъ энергіи,—наша партійная дѣятельность, лежащая нѣсколько внѣ плоскости этихъ организацій и сосредоточенная на профессіональномъ и кооперативномъ движеніи, наоборотъ, идетъ усиленнымъ темпомъ. Но наша дѣятельность не должна замыкаться рамками экономическихъ организацій, она должна стать болѣе экстенсивной и все болѣе и глубже устремляться въ русло политической жизни, увеличивая число концентрическихъ круговъ, группирующихся, какъ около центра, вокругъ нашихъ партійныхъ организацій. Въ настоящемъ своемъ видѣ партійныя организаціи представляютъ собою лишь остовъ, скелетъ, и лишь когда этотъ скелетъ покроется плотью народныхъ массъ, прочно встанетъ на ноги то общественное тѣло, которое сумѣетъ устоять противъ всякихъ бурь и политическаго ненастья и приносить свои требованія сквозь плотно сомкнувшіеся ряды реакціи.

Но, спустившись въ гущу народной жизни, партіи встрѣтятся съ такими факторами, которые до сихъ поръ ими игнорировались. Центральный нервъ массовой жизни въ каждый моментъ вращается около какого нибудь наболѣвшаго вопроса, который, благодаря своей остротѣ и злободневности, болѣе чѣмъ другіе, хотя бы и болѣе важные вопросы, приковываетъ къ себѣ вниманіе народныхъ массъ и стимулируетъ волю. И именно потому, что такіе вопросы всегда затрагиваютъ какую нибудь насущную и реальную нужду, которая живо и непосредственно ощущается широкими слоями народа, они дѣйствуютъ съ элементарной силой на волю массъ и могутъ сыграть роль первоначальнаго импульса къ выходу массъ изъ состоянія пассив-

ности и инертности. Эти вопросы часто лежатъ на поверхности жизни, иногда же приходится ихъ проявлять, выводя ихъ наружу изъ подъ тонкой оболочки, которой они окутаны въ сознаніи массъ. Но такъ или иначе, для того, чтобы поднять народное движеніе вокругъ этихъ вопросовъ и направить его по желанному руслу, нужно внѣдриться въ жизнь, чувствовать въ каждый данный моментъ біеніе ея пульса и ощущать давленіе ея внутреннихъ пружинъ. И тутъ то намъ придется учитывать все пестрое разнообразіе національнаго и территоріальнаго состава Россіи, и прежде всего предъ нами выступитъ во всемъ его значеніи факторъ національный. Національный факторъ долженъ и можетъ стать въ нашихъ рукахъ могучимъ рычагомъ для поднятія широкихъ массъ на высоту политическаго и классового самосознанія. Еще можно было игнорировать этотъ факторъ въ то время, когда наша мысль вращалась въ плоскости теоретическихъ положеній и общихъ директивъ, когда съ высоты историческаго прогноза намъ виденъ былъ лишь общій фонъ картины неминуемаго политическаго переворота, къ которому страна должна дойти въ своемъ развитіи. Но по мѣрѣ того, какъ сокращается историческое разстояніе, отдѣляющее насъ отъ этого момента, когда мы вплотную подходимъ къ нему, картина переворота выступаетъ предъ нашимъ политическимъ взоромъ въ болѣе ясныхъ очертаніяхъ и въ болѣе опредѣленныхъ краскахъ. И если раньше мы искали исходную точку равнодѣйствующей силы, долженствующей опрокинуть бюрократическій режимъ, то въ настоящій моментъ мы должны найти исходныя точки составляющихъ силъ, завладѣть этими силами и направить ихъ въ сторону общей равнодѣйствующей. Конечно, силы эти въ потенціальномъ состояніи лежатъ, вообще говоря, въ развитіи широкихъ массъ, но искать ихъ приходится въ различныхъ плоскостяхъ, въ зависимости отъ той конкретной національной обстановки, въ которой протекаетъ соціальная жизнь этихъ массъ. Приходить къ несознательнымъ массамъ съ теоретическими обобщеніями и готовыми организаціонными принципами значило бы искать точку опоры во воздушномъ пространствѣ, строя свои разсчеты на преувеличенной оцѣнкѣ силы логическаго мышленія, какъ фактора массового движенія. Фиксировать вниманіе нейтральныхъ массъ и стимулировать ихъ волю

можетъ лишь конкретный соціальный антагонизмъ, съ которымъ имъ приходится сталкиваться въ своей повседневной жизни и борьбѣ. А эти антагонизмы такъ же разнообразны, какъ разнообразны тѣ условія національной жизни, которыя ихъ принуждаютъ. Каждый соціальный антагонизмъ, возникнувъ въ данной соціальной средѣ, сочетается съ цѣлымъ рядомъ факторовъ, характерныхъ для этой послѣдней, и вызываетъ сопутствующія явленія, которыя въ свою очередь опять-таки его индивидуализируютъ. Ужъ какъ ни общъ и универсаленъ антагонизмъ между наемнымъ трудомъ и капиталомъ, тѣмъ не менѣе съ развитіемъ профессіональнаго движенія самые упорные догматики должны были признать, что это движеніе въ значительной степени дифференцировалось, выдвинувъ въ каждой національной средѣ особыя проблемы тактическаго и принципіальнаго характера. И если такъ обстоитъ дѣло съ экономической борьбой, то что же сказать уже про такіе соціальные антагонизмы, которые и происхожденіемъ своимъ, и развитіемъ обязаны исключительно специфическимъ условіямъ данной національной жизни. Тутъ ужъ, конечно, придется отбросить общія мѣста, и каждая соціалистическая партія, дѣйствуя въ рамкахъ знакомой и близкой національной среды, должна выработать свою особую тактику для того, чтобы вовлечь массы въ сознательную общественную борьбу. Намъ скажутъ, что мы забываемъ объ единеніи силъ и проповѣдуемъ политику обособленія. Но мы заранѣе отвергаемъ этотъ упрекъ, который, по нашему мнѣнію, вытекаетъ либо изъ упорнаго непониманія, либо изъ недобросовѣстнаго отношенія къ вопросу. Объ единеніи силъ мы отнюдь не забываемъ. Мы настаиваемъ только на томъ, что раньше, чѣмъ объединять, необходимо создать объединяемыя начала, раньше, чѣмъ vereint schlagen, необходимо getrennt marschiren—„getrennt“ въ томъ смыслѣ, что каждая соціалистическая партія, имѣя предъ глазами общую цѣль, должна вести широкія массы къ этой цѣли различными путями въ соотвѣтствіи съ различными условіями національной жизни.

Такая „спеціализація занятій“ является, по нашему мнѣнію предварительнымъ условіемъ для созданія въ Россіи широкаго массового движенія.

Какія же задачи вытекаетъ изъ этого положенія для еврейскихъ соціалистическихъ партій? На этотъ вопросъ мы постараемся отвѣтить въ слѣдующей главѣ.

II.

Что еврейское рабочее движеніе переживаетъ въ настоящее время тяжелый кризисъ, это ни для кого не составляетъ тайны, и лишь закоронѣлые оптимисты изъ Бунда могутъ убаюкивать себя тѣмъ легкомысленнымъ утѣшеніемъ, будто этотъ кризисъ является лишь отраженіемъ общаго политическаго застоя, переживаемаго всей страной. Но кто не смотритъ на еврейскую дѣйствительность черезъ розовыя очки, являющіяся неотъемлемымъ достояніемъ Бунда, тотъ долженъ увидѣть картину распада, происходящаго на еврейской рабочей улицѣ. во всемъ богатствѣ ея густыхъ мрачныхъ красокъ. Рядомъ съ небывалымъ ростомъ эмиграціи и безработицы, рядомъ съ глубокими сотрясеніями и ударами, которымъ подвергаются экономическія позиціи широкихъ еврейскихъ массъ, благодаря экономическому кризису, все шире растетъ отчаяніе и политическій индифферентизмъ въ еврейской рабочей жизни. Мы не говоримъ уже о тѣхъ общественныхъ элементахъ, которые были занесены въ движеніе приливомъ революціонной волны и отхлынули отъ него съ первымъ отливомъ ея—тѣ были случайные гости на рабочей улицѣ, они „пришли, понюхали и ушли прочь“. Но даже среди старыхъ работниковъ, которые перенесли уже не одну бурю реакціи, господствуетъ уныніе и вялость, и много изъ нихъ уходитъ съ поля сраженія, унося съ собою горькое сознаніе своего безсилія бороться съ апатіей, охватившей широкіе круги рабочихъ массъ. Во многихъ мѣстахъ, а въ особенности въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краяхъ, организаціонная жизнь почти совершенно замерла: партійные институты бездѣйствуютъ, организаціонныя собранія, созываемыя для обсужденія теоретическихъ и практическихъ вопросовъ партійной жизни, посѣщаются весьма ограниченнымъ числомъ членовъ и проходятъ безъ того воодушевленія, которымъ они такъ отличались въ былое время, а „биржи“—этотъ своеобразный форумъ еврейскаго рабочаго движенія, гдѣ

кипѣла партійная жизнь и происходилъ живой обмѣнъ мнѣній по вопросамъ программы и тактики, въ данный моментъ волновавшимъ умы, мало кого теперь привлекаютъ. Эта оторванность массъ отъ партійной жизни создаетъ почти непреодолимыя затрудненія въ проведеніи партійныхъ директивъ, ибо самый идеальный организаціонный аппаратъ не въ состояніи выполнять свое назначеніе тамъ, гдѣ отсутствуетъ живая связь между нимъ и находящимися въ сферѣ его вліянія элементами.

Рядомъ и въ связи съ ослабленіемъ дѣятельности пролетарскихъ организацій, поднимаютъ голову буржуазныя еврейскія партіи, которыя усердно просовываютъ свои физіономіи черезъ щели, образовавшіяся въ рабочихъ партіяхъ, стараясь фиксировать психологію отчаянія, рабочихъ массъ, которая создаетъ самую благопріятную общественную атмосферу для распространенія идеологіи „реальной работы“ въ Палестинѣ или Гальвестонѣ. Объявляя крушеніе идеаловъ еврѣйскаго пролетарскаго движенія, вызывающее у нихъ крокодиловы слезы, наши буржуазные политики стараются дискредитировать дѣятельность еврейскихъ соціалистическихъ партій, которая-де постоянно питалась иллюзіями и несбыточными мечтами. И нужно сознаться, что ихъ благородный промыселъ никогда не достигалъ такого успѣха, какъ въ настоящее время.

Таково положеніе еврейскихъ пролетарскихъ партій, которое можетъ быть охарактеризовано двумя штрихами: апатія въ партійныхъ „низахъ“, и растерянность въ „верхахъ“. Гдѣ же выходъ изъ этого положенія? Тѣ, которые мыслятъ по методу post hoc, ergo propter hoc, считаютъ, что переживаемый кризисъ является слѣдствіемъ ликвидаціи подпольной жизни, и полагаютъ, что еврейскія пролетарскія партіи могли бы вновь развить прежнюю энергію, если бы онѣ вернулись въ родную атмосферу подполья, въ которой онѣ такъ пышно расцвѣли. Нужно ли говорить о томъ, что возвратъ въ „первобытное состояніе“ былъ бы явно регрессивенъ, какъ безусловный шагъ назадъ въ развитіи еврейскаго рабочаго движенія?! Но онъ не менѣе утопиченъ и такъ же немыслимъ, какъ немыслимо втиснуть вылупившагося цыпленка въ его прежнюю скорлупу. Организованный еврейскій пролетаріатъ, который въ теченіе долгихъ лѣтъ, предшествовавшихъ 9-му января, вырабатывалъ свое соціалистическое міросозерцаніе, который сомкнутыми рядами вступилъ въ періодъ

революціи съ яснымъ классовымъ самосознаніемъ и за этотъ періодъ прошелъ высшую революціонную школу, — этотъ пролетаріатъ не можетъ больше питаться интересами подпольной жизни. Онъ переросъ прежнія доянварскія формы движенія и не можетъ больше вернуться въ приготовительный классъ. Не желая быть больше ученикомъ, онъ могъ бы стать учителемъ и воспитателемъ широкихъ трудящихся массъ, чьимъ авангардомъ онъ долженъ явиться не только по своему классовому положенію, но и по фактической роли своей въ дѣлѣ ихъ организаціи и политическаго воспитанія. Что для этой роли онъ созрѣлъ, и что она въ данный моментъ является наиболѣе естественной формой проявленія его общественной энергіи, доказываетъ тотъ на первый взглядъ странный фактъ, что тотъ же пролетаріатъ, который пренебрегаетъ нашими кружковыми дѣлами, собраніями и биржами, развиваетъ интенсивную и плодотворную дѣятельность въ профессіональныхъ союзахъ, гдѣ ему приходится выступать въ качествѣ руководителя и передового отряда широкихъ рабочихъ массъ.

Еврейскій сознательный пролетаріатъ созрѣлъ для широкой массовой дѣятельности, которая въ настоящій моментъ является однимъ изъ существенныхъ и необходимыхъ условій, какъ его собственнаго дальнѣйшаго развитія, такъ и развитія всего общества. Пока не будетъ переброшенъ мостъ живого и тѣснаго общенія черезъ идейную пропасть, отдѣляющую сознательный пролетаріатъ отъ широкихъ трудящихся массъ, все сильнѣе будетъ сгущаться атмосфера нѣмой пассивности и покорности, и всей своей тяжестью она будетъ давить на политическую волю сознательнаго пролетаріата. Въ эту стадію развитія вступила общественная жизнь всей Россіи, и подавно общественная жизнь евреевъ, въ которой, благодаря безпримѣрной по своей жестокости еврейской политикѣ русскаго правительства, напряженность политической воли организованнаго пролетаріата съ одной стороны и подавленность широкихъ массъ—съ другой достигли крайнихъ своихъ предѣловъ. Здѣсь лежитъ по нашему мнѣнію психологическій корень разлада, переживаемаго еврейскимъ сознательнымъ пролетаріатомъ. Чувствуя свое количественное ничтожество среди милліонновъ загнанныхъ и забитыхъ массъ, онъ начинаетъ поддаваться разлагающему вліянію окружающей среды,

и это вліяніе можетъ имѣть для него роковыя послѣдствія, если онъ не повернетъ на путь широкой массовой дѣятельности, которая, имѣя прямой своей цѣлью политическое воспитаніе и организацію трудящихся массъ, вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпитъ его собственную политическую волю и поднимет его активность.

Путь этотъ открывается предъ нами, между прочимъ, въ національно-общинной политикѣ, которая, по нашему глубокому убѣжденію, должна стать одной изъ нашихъ очередныхъ задачъ. Но раньше чѣмъ перейти къ изложенію основныхъ принциповъ этой политики, мы позволимъ себѣ описать въ самыхъ краткихъ и сжатыхъ чертахъ правовое положеніе еврейской общины. Это тѣмъ болѣе необходимо, что у широкой читающей публики существуетъ самое туманное представленіе объ этомъ предметѣ.

III.

Еврейская община еще въ средніе вѣка сложилась въ автономную публично-правовую организацію, извѣстную подъ именемъ „кагалъ“. Въ теченіе многихъ столѣтій „кагалъ“ обладалъ очень широкой сферой компетенціи, въ которую между прочимъ входили значительная административная власть, право принудительнаго обложенія и право юрисдикціи. Такой компетенціей она пользовалась не только въ ту эпоху, когда евреи находились въ польскомъ подданствѣ, но и послѣ окончательнаго раздѣла Польши и присоединенія къ Россіи польскихъ областей, составляющихъ нынѣшнюю „черту еврейской осѣдлости“, „кагалъ“ въ теченіе полувѣка сохранялъ въ существенныхъ чертахъ старую организацію и свои вѣковыя права. Хотя грамотой 1785 года и „Положеніемъ о евреяхъ“ 1804 года были окончательно отняты у „кагаловъ“ судебныя функціи, зато положеніемъ 1835 года была расширена ихъ административная власть. Но въ 1844-мъ году въ еврейской политикѣ правительства Николая I наступаетъ новый курсъ, приведшій еврейскую общину къ ея современному правовому положенію. Большой любитель крутыхъ и прямолинейныхъ мѣръ, Николай I могъ бы однимъ почеркомъ пера окончательно упразднить всѣ общинныя организаціи. Но корыстолюбивое

русское правительство не могло рѣшиться на такую мѣру. Въ его рукахъ общинная организація была удобнымъ насосомъ для выкачиванія изъ евреевъ разныхъ смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ налоговъ и повинностей въ видѣ недоимокъ, „остатковъ“ и взносовъ, идущихъ на покрытіе какихъ-то миѳическихъ долговъ еврейскаго общества. *)

Общины избавляли казну и органы общественнаго самоуправленія отъ расходовъ по общественному призрѣнію и школьному образованію еврейскаго населенія, которыя находились въ вѣдѣніи общины. Нужно было, слѣдовательно, придумать такую хитросплетенную юридическую комбинацію, чтобы въ одно и то же время община была санкціонирована въ качествѣ носительницы обязанностей, и упразднена въ качествѣ субъекта правъ. И вотъ въ одинъ и тотъ же день (19-го декабря 1844 г.) подписываются два закона: Законъ о Кагалѣ и Высочайше утвержденное положеніе о коробочномъ сборѣ. Съ одной стороны, статья четвертая перваго закона гласитъ: „никакое особое еврейское управленіе существовать не должно, а потому всѣ кагалы и прикагалики уничтожаются, а дѣла ихъ немедленно передаются по принадлежности въ городскія думы и ратуши“; а съ другой стороны, статья вторая Положенія о коробочномъ сборѣ гласитъ: „коробочному сбору подлежатъ всѣ еврейскія общества“, а выше въ статьѣ первой этого Положенія говорится, что коробочный сборъ „предназначается на общественныя потребности евреевъ, какъ то: на облегченіе средствъ къ бездоимочному и исправному отбыванію повинностей; на уплату общественныхъ долговъ; на учрежденіе и содержаніе еврейскихъ училищъ и на предметы общественнаго призрѣнія и благотворительности“. Спрашивается, кто же долженъ заботиться о перечисленныхъ общественныхъ потребностяхъ евреевъ, коль скоро „никакое особое еврейское управленіе существовать не должно“? Какіе органы правительства или мѣстнаго самоуправленія призваны замѣнить упраздненное еврейское управленіе въ дѣлѣ взиманія коробочнаго сбора и распредѣленія его между различными еврейскими благотворительными и просвѣтельными учрежденіями? Въ отвѣтъ на эти вопросы

*) О происхожденіи и юридическихъ основаніяхъ этихъ долговъ. См. М Маргулисъ. Вопросы еврейской жизни; СПБ. 1889. Стр. 231—246.

вышецитированный законъ создаетъ слѣдующую весьма сложную систему управленія дѣлами еврейской общины: дѣла по отдачѣ въ откупное содержаніе коробочнаго сбора подвѣдомственны губернскому правленію; составленіе приходо-расходныхъ смѣтъ по дѣламъ каждой еврейской общины лежитъ на обязанности городскихъ думъ и ратушъ—по нынѣ существующему городовому положенію—на обязанности городскихъ управъ,—которыя представляютъ эти смѣты на утвержденіе губернскаго начальства; непосредственное же завѣдываніе еврейскими благотворительными и просвѣтительными учрежденіями остается въ рукахъ самой общины.

Эта хитрая механика, придуманная въ 1844-мъ году, создала такую юридическую путаницу, въ которой до сихъ поръ юристы еще не вполнѣ могли разобраться. Такъ напримѣръ, по вопросу о томъ, является ли еврейская община въ ея современномъ правовомъ положеніи юридическимъ лицомъ, разные юристы, изучавшіе вопросъ, высказывали противоположныя мнѣнія. Наконецъ въ 1891-мъ году сенатъ по одному частному дѣлу разъяснилъ, что совокупное содержаніе различныхъ статей закона, опредѣляющихъ юридическое положеніе общины, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что законъ признаетъ отдѣльное существованіе еврейскихъ обществъ, какъ въ селеніяхъ, такъ и городахъ. Но если законъ признаетъ за общиной права юридическаго лица, то какое учрежденіе является органомъ представительства этого лица? И на этотъ вопросъ вы не найдете яснаго отвѣта въ законѣ. Съ одной стороны законъ признаетъ, что органами управленія еврейской общины являются городскія общественныя учрежденія. Отсюда можно было бы заключить, что послѣднія являются представителями общины. Но другія статьи закона ясно указываютъ на то, что городскія общественныя учрежденія, управляя дѣлами общины, дѣйствуютъ не въ качествѣ представительныхъ органовъ послѣдней, а въ качествѣ органовъ власти, которой община подвѣдомственна. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ община должна имѣть свое представительство, какъ, напримѣръ, на судѣ, предъ администраціей, при заключеніи имущественныхъ сдѣлокъ и т. п., она должна избирать изъ своей среды довѣренныхъ лицъ, уполномачивая ихъ для даннаго случая особымъ общественнымъ приговоромъ. Такимъ образомъ, если не

считать этихъ случайныхъ представителей, избираемыхъ каждый разъ ad hoc, еврейская община является единственнымъ, можно сказать, коллективнымъ юридическомъ лицомъ, неимѣющимъ своего органа представительства. Что же касается органа управленія, то, какъ мы выше сказали, таковымъ является—вѣрнѣе таковой заступаетъ—городскія общественныя учрежденія. Но опять-таки необходимо прибавить, что послѣднія не могутъ дѣйствовать самостоятельно. Съ одной стороны они подчинены надзору губернскаго начальства, а съ другой—при составленіи смѣты расходовъ общины, а также табели предметовъ, подлежащихъ обложенію коробочнымъ сборомъ, городскія управы обязаны, согласно закону, совѣщаться съ осѣдлыми и зажиточными членами еврейской общины.

Вы видите, что довольно трудно распутать этотъ узелъ взаимно обусловливающихся юридическихъ противорѣчій, и неудивительно поэтому, что даже наиболѣе усердные ревнители закона должны были на практикѣ отступиться отъ него. Волей закона поставленныя во главѣ управленія дѣлами еврейской общины, городскія управы, состоя исключительно изъ христіанъ, не имѣютъ возможности слѣдить за многообразными нуждами еврейской общины и изыскивать способы ихъ планомѣрнаго удовлетворенія. Кромѣ того, избираемыя исключительно представителями христіанскаго населенія, которое вовсе не заинтересовано въ томъ, чтобы дѣла еврейской общины велись хуже или лучше, городскія управы тяготятся совсѣмъ своей ролью въ дѣлѣ управленія еврейской общиной, какъ лишней обузой, которая взвалена на нихъ закономъ. Вполнѣ естественно поэтому, что во всѣхъ дѣлахъ, касающихся еврейской общины, управы вполнѣ довѣряются тѣмъ „осѣдлымъ и зажиточнымъ членамъ еврейской общины“, съ которыми онѣ согласно закону обязаны совѣщаться. Такимъ образомъ, послѣдніе, превосходя членовъ управы своей опытностью и освѣдомленностью въ еврейскихъ дѣлахъ, превратились изъ номинальныхъ совѣтниковъ управы въ фактическихъ руководителей общины. Они составляютъ смѣты общинныхъ расходовъ, распредѣляютъ суммы коробочнаго сбора, и ихъ дѣйствія обыкновенно санкціонируются управой безъ возраженій. Во многихъ городахъ Сѣверо-Западнаго, а отчасти и Юго-Запад-

наго края функціонируютъ даже общинные совѣты, избираемые изъ представителей духовныхъ правленій синагогъ и молитвенныхъ домовъ для управленія общинными дѣлами, и управы обыкновенно руководствуются постановленіями этихъ совѣтовъ. Это ни для кого не тайна, ни для уѣзднаго, ни для губернскаго начальства, и несмотря на это, такой порядокъ, какъ наиболѣе естественный, пріобрѣлъ значеніе обычнаго права, нарушеніе котораго повлекло бы за собою лишь новыя обязанности и трудности для самой администраціи.

Но тутъ возникаетъ вопросъ, какое значеніе имѣлъ для общины фактъ перехода управленія отъ управы въ руки еврейскихъ представителей? Имѣлъ ли онъ своимъ послѣдствіемъ какія нибудь реформы въ общинномъ управленіи или введеніе болѣе раціональной системы удовлетворенія общинныхъ нуждъ. На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить отрицательно. Отъ перехода управленія общины въ руки еврейскихъ представителей выиграли и выигрываютъ лишь тѣ, которые стоятъ у кормила общиннаго управленія, т. е. „осѣдлые и зажиточные члены общины“; неимущіе же классы, чьи нужды и должны собственно удовлетворять общинныя учрежденія, рѣшительно ничего не выиграли отъ этой „перемѣны правительства.“ „Осѣдлые и зажиточные“ правители общины пользовались и пользуются своимъ оффиціознымъ положеніемъ для огражденія своихъ классовыхъ интересовъ въ ущербъ интересамъ еврейской бѣдноты. Мы не можемъ утверждать, что они ведутъ въ общинѣ сознательную классовую политику, базирующую на правильномъ пониманіи историческаго и политическаго значенія ихъ классового преобладанія—до такой сознательности наши доморощенные общинные политики еще не доросли. Но мы можемъ рѣшительно утверждать, не рискуя впасть въ преувеличеніе, что въ каждомъ конкретномъ случаѣ они хорошо понимали и усердно блюли свою выгоду, и что слѣпой классовый инстинктъ всегда толкалъ ихъ въ сторону упроченія своего положенія въ общинѣ на счетъ неимущихъ классовъ. Практика общинной жизни не оставляетъ никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Повсюду, гдѣ „зажиточные и осѣдлые“ держатъ въ своихъ рукахъ бразды общиннаго управленія, они съ удивительнымъ постоянствомъ и послѣдовательностью проводятъ одну и ту же политику: бремя общинныхъ

налоговъ перекладывается на плечи неимущихъ классовъ, а дѣятельность общины замыкается въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ которыхъ пользующіеся помощью общины должны постоянно чувствовать свое зависимое положеніе отъ зажиточныхъ попечителей общины.

Всѣ свои доходы общины, какъ извѣстно, черпаютъ изъ одного источника, которымъ является налогъ на кошерное мясо. Нечего говорить, что этотъ налогъ ложится всей своей тяжестью на бѣдные классы населенія, для которыхъ, благодаря налогу, мясная пища является большой роскошью, а въ послѣднее время, вслѣдствіе вздорожанія мяса вообще и параллельнаго повышенія ставокъ на кошерное мясо, мы имѣемъ дѣло съ настоящей Fleischnoht, распространенной по всей чертѣ осѣдлости. А между тѣмъ налогъ на мясо отнюдь не является единственнымъ и обязательнымъ налогомъ для общины. Помимо налога на кошерное мясо, такъ называемаго общаго коробочнаго сбора, закономъ предоставляется право каждой общинѣ вводить и другіе налоги, въ видѣ вспомогательнаго коробочнаго сбора, коему подлежатъ: „1) извѣстный процентъ съ дохода отъ отдачи въ наемъ принадлежащихъ евреямъ домовъ, лавокъ, амбаровъ, 2) извѣстный процентъ съ промышленности евреевъ (слѣдуетъ перечисленіе промышленныхъ предпріятій, подлежащихъ сбору), 3) извѣстный процентъ съ денежныхъ капиталовъ, остающихся послѣ умершихъ евреевъ...“ *) А § 6 цитируемаго положенія гласитъ: „Сборы общій и вспомогательный суть равно обязательны для еврейскихъ обществъ“. Чѣмъ же объясняется тотъ фактъ, что въ явномъ противорѣчіи съ закономъ и въ вопіющемъ противорѣчіи съ интересами неимущихъ классовъ общины упорно привязались къ общему коробочному сбору, и каждое увеличеніе расходовъ онѣ стараются удовлетворять исключительно на счетъ повышенія ставокъ на кошерное мясо? Тутъ возможно только одно объясненіе“. „Осѣдлые и зажиточные“ правители общины, которые вмѣстѣ съ тѣмъ являются и владѣльцами различныхъ категорій

*) См. „Общее положеніе о коробочномъ сборѣ съ евреевъ. Приложеніе къ ст. 816; т. IX; изд. 1899 г.

движимаго и недвижимаго имущества, подлежащаго обложенію налогомъ, усмотрѣли въ законѣ о прямыхъ налогахъ общины прямой ущербъ своимъ интересамъ, и съ дозволенія начальства сдали его въ архивъ. Въ настоящее время этотъ законъ преданъ почти полному забвенію, и большая публика, равно какъ и тѣ классы, которые заинтересованы въ его проведеніи, не подозрѣваютъ даже существованія такого закона, а со стороны буржуазныхъ руководителей общины игнорированіе его превратилось въ традицію, освященную исторической давностью.

Такая же судьба и по тѣмъ же причинамъ постигла и другой законъ, нормирующій отношенія общины къ нуждающимся въ ея помощи членамъ. Мы говоримъ о 797-ой статьѣ т. IX (изд 1899 г.), гласящей: „на еврейскія общества возлагается обязанность имѣть попеченіе о призрѣніи престарѣлыхъ, увѣчныхъ и больныхъ своихъ единовѣрцевъ, пещись объ отвращеніи бродяжничества (!) своихъ членовъ, учреждая заведенія, въ коихъ бѣдные могли бы находить работу и содержаніе“. И эта статья не гармонируетъ съ интересами буржуазныхъ правителей общины— еще бы! на основаніи этой статьи безработные могли требовать отъ общины „работы и содержанія“,—и вотъ ни одна община не считается съ ней, особенно съ послѣдней ея частью. А между тѣмъ еще никогда еврейская бѣднота не нуждалась такъ въ организованной помощи общины, какъ въ настоящее время. Еврейская безработица достигла колоссальныхъ размѣровъ, доходя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 40% общаго числа рабочихъ. И если христіанскіе безработные кое-гдѣ получаютъ помощь или работу отъ городскихъ или земскихъ учрежденій, то еврейскіе безработные и этой помощью не пользуются и оставлены совершенно на произволъ судьбы. Конечно, еврейская община безсильна бороться съ еврейской безработицей, и было бы неосновательно требовать отъ нея какихъ нибудь кардинальныхъ мѣръ въ этомъ вопросѣ. Но все таки при твердомъ желаніи, котораго, конечно, мы не ожидаемъ отъ настоящихъ главарей общины, послѣдняя могла бы изыскать средства, чтобы хоть нѣсколько облегчить тяжелое положеніе еврейскихъ безработныхъ.

Гораздо больше могла бы сдѣлать община въ дѣлѣ устройства информаціонныхъ бюро для эмигрантовъ, которое по смыслу

выше цитированной статьи также должно было-бы входить въ кругъ дѣятельности общины. О неимовѣрномъ ростѣ эмиграціи говорить не приходится—это общеизвѣстный фактъ. Этотъ ростъ эмиграціи въ связи съ ея хаотичностью до того обострилъ потребность въ информаціонныхъ бюро, что нѣкоторыя партіи дѣлаютъ карьеру на доставленіи информативныхъ свѣдѣній эмигрантамъ. Конечно, дѣло такой колоссальной важности, въ которомъ заинтересованы сотни тысячъ еврейскихъ семействъ, не можетъ остаться частнымъ предпріятіемъ, и при современныхъ условіяхъ еврейской національной жизни, община является единственной національной организаціей, которая, благодаря своей повсемѣстной распространенности и тѣсному соприкосновенію съ массами, могла бы поставить информаціонное дѣло на болѣе или менѣе солидныхъ началахъ.

На этомъ мы заканчиваемъ разсмотрѣніе вопроса о нашей общинной политикѣ. Мы не хотѣли дать здѣсь исчерпывающее изложеніе вопроса, мы хотѣли указать лишь на основныя линіи этой политики, которыя ясно намѣчаются при сопоставленіи юридической и фактической стороны вопроса о представительствѣ общины, о ея налоговой системѣ и о сферѣ ея компетенціи. Главной же нашей цѣлью было на нѣкоторыхъ фактахъ показать, какую важную роль играетъ община въ повседневной жизни широкихъ массъ, и какъ сильно послѣднія заинтересованы въ реорганизаціи представительства общины, въ расширеніи ея дѣятельности въ опредѣленномъ направленіи и въ замѣнѣ общаго коробочнаго сбора—вспомогательнымъ. Конечно, при настоящей дезорганизованнности и несознательности, массы навряд-ли способны выступать самостоятельно и добиваться проведенія намѣченныхъ реформъ и, по нашему глубоку убѣжденію, сознательный пролетаріатъ долженъ стать выразителемъ интересовъ массъ и взять на себя руководящую роль въ этомъ дѣлѣ. Это убѣжденіе вытекаетъ изъ положеній, развитыхъ нами въ первой и второй главѣ этой статьи. Здѣсь же мы бы хотѣли привести еще одно соображеніе, нелишенное значенія. Вопросъ объ общинѣ началъ интересовать буржуазныя еврейскія партіи. Какъ сіонисты, такъ и „народная группа“ рѣшили принять активное участіе въ дѣлахъ общины, и весьма вѣроятно, что при отсутствіи противодѣйствія со стороны пролетарскихъ партій они

своими либеральными требованіями привлекутъ на свою сторону массы, которыя всецѣло подпадутъ подъ ихъ вліяніе. Но можемъ ли стоять въ сторонѣ и безучастно наблюдать, какъ буржуазныя партіи будутъ дѣлить между собою идейную гегемонію надъ массами?

Надъ этимъ вопросомъ должна призадуматься каждая соціалистическая партія, которая не желаетъ ограничить свое идейное вліяніе узкими рамками партійныхъ организацій.

Базинъ.

Къ парламентскимъ выборамъ въ Австріи.

Политическая исторія Запада и Сѣверной Америки учитъ насъ тому, что торжество опредѣленныхъ демократическихъ институтовъ играетъ въ развитіи народной жизни ту сплачивающую роль, безъ которой немыслимъ идеалъ современнаго буржуазнаго государства,—„единаго и нераздѣльнаго государства". Бисмаркъ это хорошо понималъ и далъ объединенной Германіи всеобщее избирательное право, несмотря на то, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ и убѣжденныхъ противниковъ демократіи. Напрасно нѣкоторые усматриваютъ въ этой смѣлой и рѣшительной мѣрѣ Бисмарка какую-то заднюю мысль, направленную противъ прогрессистовъ и либераловъ; на самомъ дѣлѣ всеобщее избирательное право являлось въ рукахъ желѣзнаго канцлера тѣмъ молотомъ, которымъ онъ дробилъ хрупкій сепаратизмъ Баваріи и Саксоніи и ковалъ сильную и объединенную Германію. Ту же роль сплачивающей силы играетъ въ Швейцаріи референдумъ: въ Швейцаріи всеобщее избирательное право не можетъ явиться, въ виду специфическихъ условій соціально-экономической жизни этой страны, сильнымъ политически-централизующимъ факторомъ, и въ поискахъ централизующей силы политическая мысль остановилась на институтѣ референдума. „Каждое народное голосованіе,—пишетъ М. Панинъ,—мобилизуя народъ къ общему политическому дѣйствію, фиксируя его вниманіе на вопросахъ общегосударственной важности, развиваетъ въ немъ сознаніе общей связи, принадлежности къ единой швейцарской національности". Не трудно понять, что институтъ всенароднаго избранія президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ преслѣдуетъ ту же цѣль: этотъ институтъ безъ сомнѣнія является той политической школой, въ которой американецъ научается сознавать себя гражданиномъ не своего лишь штата, а всей американской республики.

Однако, далеко не всѣ государства прибѣгаютъ, въ видахъ большого сплоченія своихъ отдѣльныхъ частей, къ демократическимъ мѣрамъ; вмѣсто нихъ, обыкновенно предпринимаются различнаго рода репрессіи, преслѣдующія ту же цѣль, и Австрія является типичнымъ примѣромъ такого государства, гдѣ репрессивная политика, давая все болѣе и болѣе отрицательные результаты, вынуждена была уступить свое мѣсто болѣе цѣлесообразной и разумной политикѣ, пока, наконецъ, не восторжествовала и самая мысль о необходимости дарованія австрійскимъ народамъ всеобщаго избирательнаго права, какъ единственнаго средства спасенія цѣлости и нерасторжимости Цислейтаніи.

Но система всеобщаго избирательнаго права, функціонирующая, скажемъ, въ Германіи и во Франціи, могла бы вызвать въ разноплеменной Австріи такія крупныя измѣненія во всей государственной жизни, на которыя не могло идти ни одно австрійское правительство,—и въ законъ 26 января 1907 года о введеніи въ Австріи всеобщаго избирательнаго права вносятся различныя поправки, являющіяся, по выраженію проф. Раухберга, какъ необходимымъ слѣдствіемъ исторически сложившихся отношеній въ австрійской имперіи, такъ и результатомъ многихъ политическихъ соображеній.

Каковы же эти „поправки“?

Законъ 26 января исходитъ изъ принципа сохраненія и закрѣпленія опредѣленныхъ національныхъ отношеній въ томъ видѣ, въ какомъ они въ силу извѣстныхъ политическихъ, историческихъ и экономическихъ условій сложились въ настоящій моментъ. Нѣмецкой національности, напр., отводится въ политической жизни Австріи опредѣленное мѣсто, являющееся результатомъ многихъ и многихъ причинъ, и это мѣсто закономъ 26-го января закрѣпляется за нѣмцами безразлично, увеличится-ли отнынѣ ихъ количество, или уменьшится, возрастетъ-ли ихъ матеріальное благосостояніе, или падетъ, обогатится-ли ихъ культура, или обнищаетъ, станутъ ли они сильнѣе другой какой-либо австрійской національности, или, наоборотъ, слабѣе. Словомъ, каковы бы ни были измѣненія внутри Австріи, пока законъ 26 января сохранитъ свою силу, нѣмцы будутъ занимать въ австрійскомъ парламентѣ 233 мѣста изъ 516 мѣстъ, имѣющихся вообще въ рейхсратѣ. Само собою понятно, что такое предоставленіе

позиціи данной національности, въ особенности закрѣпленіе за нею этой позиціи, является очень существенной „поправкой“ ко всеобщему избирательному праву, основанному на механическомъ равенствѣ въ правѣ голосованія. Законъ 26 января, впрочемъ, и не думаетъ скрывать этой „поправки“: онъ ясно говоритъ, что не только количество голосующихъ опредѣляетъ подобающее данной національности мѣсто въ парламентѣ, но и культурное, и экономическое, и соціальное ея положеніе. О томъ же свидѣтельствуютъ и цифровыя данныя: въ то время, какъ на одного депутата въ нѣмецкихъ окр. приходится въ средн. 37 тыс. душъ населенія.

„ чешскихъ	„	„	„	52	„	„	„
„ польскихъ	„	„	„	46	„	„	„
„ русинскихъ	„	„	„	94	„	„	„
„ словинскихъ	„	„	„	44	„	„	„
„ итальянскихъ	„	„	„	34	„	„	„
„ румынскихъ	„	„	„	40	„	„	„

Все, что мы говорили о нѣмецкой національности, относится, разумѣется, и ко всякой другой національности Австріи.

Какимъ же образомъ, спрашивается, можетъ быть за нѣмцами обезпечено 233 мѣста? На этотъ вопросъ избирательный законъ даетъ очень опредѣленный отвѣтъ: въ основу дѣленія Австріи на избирательные округи, говоритъ онъ, положенъ національный принципъ, т. е. каждый избирательный округъ въ національномъ отношеніи однороденъ. Правда, въ каждомъ округѣ встрѣчаются и представители не господствующей въ данной мѣстности національности, но ихъ должно быть такъ мало, чтобы результатъ голосованія въ національномъ смыслѣ былъ наперед точно опредѣленъ и не могъ бы представлять никакихъ сомнѣній (dass national das Ergebnis nicht Zweifelhaft sein kann).

Но какъ можно достигнуть того, чтобы результатъ выборовъ былъ въ національномъ отношеніи наперед извѣстенъ, и чтобы національныя меньшинства не могли ни въ коемъ случаѣ его измѣнить? И на этотъ вопросъ не трудно найти отвѣтъ въ самомъ законѣ 26 января 1907 года: стоитъ лишь внимательнѣе разсмотрѣть племенной или національный составъ каждаго округа, равно какъ подчасъ весьма искусственное раздробленіе одной мѣстности на округи различныхъ національностей. Такъ Лейтмерицъ, гдѣ населеніе состоитъ въ огромномъ большинствѣ,

изъ нѣмцевъ, составляетъ 107-ой округъ нѣмецкой національности, но окрестности его, населенныя чехами, оторваны отъ нѣмецкаго Лейтмерица и отнесены къ 36-му чешскому избирательному округу. И нужно замѣтить, что Лейтмерицъ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія, и что въ Богеміи, напр., „національная черезполосность", т. е. изъятіе опредѣленныхъ мѣстъ изъ окружающихъ ихъ избирательной территоріи,—явленіе, встрѣчающееся очень часто. При такихъ условіяхъ, понятно, предвидѣть національность депутата не можетъ представлять большихъ затрудненій.

Но если въ Богеміи, гдѣ нѣмцы и чехи чередуются цѣлыми мѣстечками и живутъ болѣе или менѣе компактными массами, необходимо было установить національно-избирательную черезполосность для обезпеченія даннаго закономъ 26 января количества мандатовъ той и другой національности, то въ Моравіи, населенной обѣими національностями такъ, что нѣмцы и чехи живутъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, пришлось прибѣгнуть къ болѣе серьезной „поправкѣ", къ болѣе существенному измѣненію системы всеобщаго избирательнаго права, функціонирующей въ другихъ странахъ. Моравія была раздѣлена дважды на избирательные округи, какъ будто зарегистрованы на бумагѣ двѣ Моравіи: одна—чешская, другая—нѣмецкая; для чешскихъ избирателей вся провинція раздѣлена на 30 округовъ по чешскому „народному кадастру", а для нѣмецкихъ избирателей та же территорія подѣлена на 19 округовъ по нѣмецкому „народному кадастру". Каждый житель обязанъ до начала выборовъ, смотря по своему родному языку, записаться или въ нѣмецкій, или въ чешскій народный кадастръ, а затѣмъ голосовать въ той или другой національной организаціи. Такимъ образомъ, въ Моравіи, вмѣсто территоріально-ограниченныхъ избирательныхъ округовъ, созданы національно-однородныя группы, и голосованіе происходитъ не по территоріальному принципу, а по національному. Если въ другихъ мѣстахъ Австріи выборы по національнымъ куріямъ существуютъ лишь въ скрытомъ видѣ, то въ Моравіи національныя куріи выступаютъ съ такой очевидностью, отрицать которую могутъ развѣ одни лишь слѣпые.

Какъ и слѣдовало ожидать, при существованіи національныхъ курій, наименованіе и росписаніе избирательныхъ округовъ

въ Моравіи приводятся въ общемъ спискѣ округовъ два раза: такъ, городъ Брюнъ имѣется какъ въ спискѣ чешскихъ округовъ, такъ и нѣмецкихъ; то же самое имѣетъ мѣсто съ городомъ Ольмюцомъ и вообще со всѣми городами, селеніями и деревнями Моравіи, гдѣ разноплеменное населеніе живетъ въ разсыпную, а не болѣе или менѣе компактными массами.

Итакъ, искусственнымъ созданіемъ опредѣленныхъ національныхъ избирательныхъ округовъ въ Богеміи и введеніемъ въ Моравіи національнаго, народнаго кадастра законъ 26 января 1907 г. обезпечилъ за обѣими народностями этихъ земель опредѣленное, строго установленное и вполнѣ прочное національное представительство въ центральномъ законодательномъ органѣ Австріи, и казалось бы, что Галиція, населеніе которой состоитъ также изъ двухъ народностей — изъ польской и руссинской, — могла быть представлена въ парламентѣ на подобіе Богеміи, тѣмъ болѣе, что поляки и русины живутъ въ ней не въ разбросанномъ по всей странѣ видѣ, а цѣлыми волостями и мѣстечками, такъ что образованіе особыхъ національно-территоріальныхъ избирательныхъ округовъ не представляло бы здѣсь особыхъ затрудненій. „Богемскаго“ распредѣленія округовъ и требовали русинскіе депутаты, среди которыхъ Романчукъ занималъ самое выдающееся мѣсто; этого и требовала справедливость: восточная Галиція могла легко состоять изъ однихъ руссинскихъ округовъ, а западная изъ однихъ польскихъ; поляки восточной Галиціи легко могли бы быть отнесены къ какому-либо западному польскому округу, равно какъ русины западной Галиціи къ восточному русинскому округу. Противъ этого, однако, возстали поляки, и тутъ то съ особенной силой выступаетъ то положеніе, которое лежитъ въ самой основѣ австрійскаго избирательнаго закона, а именно—его стремленіе сохранить непоколебимо существующія національныя отношенія, окристаллизовать національный status quo, придать прочный и долговѣчный характеръ современному національному Besitzstand'у.

По отношенію къ русинамъ галиційскіе поляки издавна занимаютъ привиллегированное положеніе, — законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ не долженъ нарушить польскихъ привиллегій въ Галиціи. Съ этой цѣлью создается особое представительство для восточной Галиціи, гдѣ

поляки составляютъ меньшинство, и гдѣ при механическомъ равенствѣ въ правѣ голосованія польскіе голоса потонули бы въ морѣ русинскихъ голосовъ. Галиція раздѣлена на 70 округовъ, изъ которыхъ 34 такъ называемыхъ городскихъ, населенныхъ преимущественно поляками; эти 34 округа избираютъ по одному депутату въ рейхсратъ точно такимъ же образомъ, какъ всѣ остальныя коронныя земли австрійской имперіи; въ остальныхъ 36 округахъ существуетъ представительство меньшинства, и процедура выборовъ такова. Каждый округъ посылаетъ въ парламентъ двухъ депутатовъ и двухъ замѣстителей (Ersatzmänner), но каждый избиратель пишетъ въ своемъ избирательномъ бюллетенѣ имя лишь одного депутата и одного замѣстителя.

При подсчетѣ голосовъ могутъ получиться слѣдующіе результаты: 1) всѣ голоса поданы за одного кандидата, онъ тогда считается избраннымъ, и происходитъ новое голосованіе для выбора второго депутата такъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ округахъ, посылающихъ лишь одного депутата въ парламентъ; 2) одинъ кандидатъ получаетъ больше половины голосовъ, а второй больше $^1/_4$ всѣхъ поданныхъ голосовъ,—оба эти лица считаются избранными; 3) никто не получаетъ больше половины голосовъ,—выборы происходятъ вторично, такъ какъ никто не считается избраннымъ; если при вторичныхъ выборахъ никто не получаетъ больше $^1/_2$ всѣхъ голосовъ, то происходитъ перебаллотировка между тремя кандидатами и депутатами считаются тѣ два лица, которыя получаютъ больше всего голосовъ; 4) одинъ кандидатъ получаетъ больше половины всѣхъ голосовъ, но второй меньше $^1/_4$, первый считается избраннымъ, второй же долженъ баллотироваться вторично; если онъ вторично не получаетъ абсолютнаго большинства, то происходитъ перебаллотировка, и онъ избирается уже при обыкновенномъ, простомъ большинствѣ голосовъ. — Эта система выборовъ, какъ легко понять, очень выгодна полякамъ, которымъ стоитъ лишь собрать въ русинскихъ провинціяхъ $^1/_4$ всѣхъ голосовъ, чтобы имѣть въ парламентѣ польскаго депутата и отъ восточныхъ округовъ Галиціи. Неудивительно, поэтому, что и итальянцы, занимающіе въ части Далмаціи такое же положеніе, какое поляки занимаютъ въ части Галиціи, требовали для себя „польскихъ привиллегій“, но сербское населеніе Далма-

ціи, а главнымъ образомъ депутатъ, Ивчевичъ, сумѣло дать необходимый отпоръ „несправедливымъ требованіемъ“ итальянцевъ, и законъ 26 января формально устанавливаетъ привиллегіи лишь въ пользу поляковъ, другія же національности пользуются одинаковыми правами въ смыслѣ способа избранія представителей въ рейхсратъ.

Отсутствіе формально установленныхъ въ законѣ привиллегій не исключаетъ, разумѣется, фактическихъ привиллегій, и то обстоятельство, что въ итальянскихъ округахъ на одного депутата приходится 34 тыс. душъ населенія, а въ русинскихъ цѣлыхъ 94 тыс., ясно свидѣтельствуетъ о возможности имѣть усиленное представительство одной какой-либо національности, не прибѣгая ни къ какимъ спеціальнымъ мѣрамъ въ смыслѣ измѣненія самаго способа выборовъ народныхъ представителей.

Итакъ, закону 26 января удалось путемъ различныхъ „поправокъ“ къ системѣ всеобщаго избирательнаго права установить опредѣленное національное представительство въ разноплеменной Австріи, при чемъ въ цифрахъ это представительство выражается слѣдующимъ образомъ:

нѣмцы	получаютъ	233	мандата
чехи	„	107	мандатовъ
поляки	„	82	мандата,
русины	„	33	„
словинцы	„	24	„
сербо-хорваты	. . . . .	13	мандатовъ
итальянцы	„	19	„
румыны	„	5	„
	Всего . . .	516	мандатовъ.

Характерно, что изъ всѣхъ національностей, населяющихъ Австрію, одна лишь еврейская не значится въ общемъ спискѣ національностей, и этотъ пропускъ отразился не только на судьбѣ евреевъ, но и на общемъ составѣ рейхсрата. Въ Моравіи евреи, въ виду существованія тамъ національнаго кадастра, сдѣлались сразу совершенно излишнимъ, въ смыслѣ политическомъ, элементомъ: раньше еврейскіе голоса нерѣдко перевѣшивали избирательную чашу то въ нѣмецкую, то въ чешскую сторону, теперь

еврейскіе голоса потеряли всякое значеніе, такъ какъ законъ точно устанавливаетъ, что въ Моравіи 19 нѣмецкихъ и 30 чешскихъ округовъ, и какъ бы евреи ни вотировали, къ какой бы національной куріи они ни пристали, результатъ выборовъ отъ этого ни на іоту не измѣнится; раньше чехи громили тѣхъ евреевъ, которые, считая себя нѣмцами, голосовали за нѣмецкаго кандидата, а нѣмцы мстили евреямъ чешской культуры, теперь ни чехи, ни нѣмцы не имѣютъ основанія громить евреевъ. Жизнь властно требовала отъ евреевъ бороться за самостоятельную курію, за еврейскую національную курію, но моравскіе евреи, въ большинствѣ представители мелкой и средней буржуазіи, воображаютъ себя настоящими нѣмцами и чехами и слышать не хотятъ о томъ, чтобы имъ была предоставлена особая курія. Въ отместку за это духовное рабство, буржуазные евреи Моравіи вынуждены голосовать за соціалдемократа, такъ какъ всѣ буржуазные кандидаты въ Моравіи принадлежатъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ къ антисемитической партіи.

Мы говорили выше, что пропускъ еврейской національности въ спискѣ всѣхъ австрійскихъ національностей отразился и на самомъ составѣ рейхсрата. И дѣйствительно, сравнивая число мандатовъ, предоставленныхъ закономъ 26 января каждой національности, съ полученными каждою національностью мандатами, мы замѣчаемъ слѣдующую аномалію: вмѣсто 233 нѣмецкихъ мандатовъ въ дѣйствительности въ настоящее время имѣется всего 232. Куда же пропалъ одинъ нѣмецкій мандатъ? Cherchez le juif: дѣло въ томъ, что евреи, за исключеніемъ Галиціи, считаютъ себя повсюду нѣмцами, и въ Черновицахъ, напр., благодаря нѣмцамъ іудейскаго вѣроисповѣданія, легко было создать два нѣмецкихъ избирательныхъ округа, но когда во время выборовъ „истинные нѣмцы“ должны были выбирать между евреемъ—нѣмцемъ и румыномъ, ихъ выборъ палъ на румына, и нѣмецкая партія въ парламентѣ потеряла одинъ мандатъ, но за то провалила еврейскаго депутата изъ Черновицъ, — еврейскаго, разумѣется, лишь въ глазахъ „истинныхъ нѣмцевъ“, такъ какъ формально евреи въ Буковинѣ причислены къ нѣмцамъ.

Эта склонность евреевъ причислять себя къ той или другой національности особенно противна въ разноплеменной Австріи, гдѣ имъ приходится слыть не только за нѣмцевъ, но кое-гдѣ

за поляковъ, а то и за представителей другихъ національностей, Будучи вездѣ въ меньшинствѣ и испытывая преслѣдованія въ одинаковой степени со стороны всѣхъ австрійскихъ народностей, они силою обстоятельствъ вынуждены искать помощи у наиболѣе сильныхъ, у господствующей въ данной мѣстности національности,—вотъ почему они въ Галиціи, напр., являются поляками, а въ Зальцбургѣ нѣмцами. Но болѣе сильная національность, если даже и оказываетъ имъ честь принятія подъ свою высокую руку, не скрываетъ того, что они являются не коренными жителями страны и могутъ требовать для себя лишь милости, а не какихъ-либо правъ. Однако, когда сильнымъ выгодно, они „пришельцовъ“ прямо относятъ къ категоріи истинныхъ гражданъ и требуютъ занесенія еврейскихъ избирателей въ польскую курію, такъ какъ евреи-де въ Галиціи — настоящіе поляки. И вотъ во время выработки закона 26 января, въ исторіи человѣчества, впервые между христіанскими народами произошелъ споръ, споръ о томъ, къ какой христіанской національности слѣдуетъ отнести евреевъ, при чемъ всякій хотѣлъ—и это особенно замѣчательно!—перетянуть евреевъ на свою сторону: поляки говорили, что они поляки, русины утверждали, что среди евреевъ теперь много истинныхъ русинъ, а румыны, забывъ про родные еврейскіе погромы, увѣряли всѣхъ, что евреи питаютъ особую любовь къ румынамъ. И только тогда, когда законодатель склонился на сторону поляковъ и высказался въ пользу принадлежности галиційскихъ евреевъ къ польской національности, русины стали предлагать выдѣленіе евреевъ въ особую курію или образованіе изъ нихъ особыхъ избирательныхъ округовъ на томъ основаніи, что евреи не поляки, а просто евреи.

Что же дѣлали въ это время евреи? Огромное большинство афишировало свой мѣстный патріотизмъ и гордилось тѣмъ, что поляки публично называютъ ихъ поляками іудейскаго вѣроисповѣданія, въ знакъ благодарности они готовились отдать свои голоса въ пользу любого антисемита изъ польскаго кола. Однако, идея національнаго возрожденія не могла не вызвать и въ галиційскихъ евреяхъ сознаніе своего національнаго достоинства, и подъ вліяніемъ Натана Бирнбаума съорганизовалась „національная еврейская партія“, выбросившая новый для австрійскихъ евреевъ лозунгъ—борьбы за еврейскія національныя права. Поляки встрѣ-

тили „третью въ Галиціи національность“ крайне враждебно, и даже демократическая крестьянская партія требовала „уничтоженія въ корнѣ еврейскихъ націоналистовъ“. Однако, однѣми угрозами и руганью дѣлу нельзя было помочь, и польское коло заявило, что оно готово „отдать“ евреямъ 9 мѣстъ въ своемъ клубѣ, если только всѣ евреи будутъ голосовать за кандидатовъ кола и въ рейхсратѣ будутъ считаться съ коломъ, какъ съ защитникомъ и еврейскихъ интерессовъ. Само собою понятно, что „національная еврейская партія“ не соглашалась на эти требованія и вообще не хотѣла вступать ни въ какіе переговоры съ „панами“: признавать недвусмысленныхъ антисемитовъ защитниками еврейства и отдавать въ ихъ руки судьбу еврейскаго народа въ Галиціи,—могла ли серьезная національная партія объ этомъ говорить?

Разрывъ евреевъ съ польскимъ коломъ напрашивался самъ собою—этимъ объясняется, почему еврейскіе націоналисты во многихъ мѣстахъ шли нога въ ногу съ русинами и соціалдемократами, естественными врагами галиційской шляхты. Блокъ съ с.-д. еврейскимъ націоналистамъ было тѣмъ легче заключить, что въ программѣ интернаціональнаго соціализма имѣется достаточно матеріала для борьбы со антисемитизмомъ, а австрійскій соціализмъ въ частности утверждаетъ, что Брюнская программа, какъ нельзя болѣе, сочувствуетъ національному лозунгу, „третьей въ Галиціи національности“. Насколько эти заявленія соціалдемократическихъ кандидатовъ въ рейхсратѣ были искренни, мы не беремся судить; важно лишь то, что евреи во многихъ мѣстахъ вотировали за с.-д., а послѣдніе за еврейскихъ кандидатовъ. Что касается союза евреевъ съ русинами, то онъ явился слѣдствіемъ того, что, благодаря появленію еврейской національной партіи, отношеніе русинскаго народа къ евреямъ существенно измѣнилось: онъ сталъ понимать, что не еврейская масса виновата, когда нѣкоторые евреи изъ „верхняго дѣсятка“ продаются за чечевичную похлебку полякамъ.

Еврейская національная партія выставила кандидатовъ въ 24 округахъ: 20 въ Галиціи и 4 кандидатовъ въ остальной Австріи; въ этихъ 24 округахъ голосовало около 50 тыс. евреевъ, причемъ за кандидатовъ партіи подано было 30 тыс. голосовъ; избрано всего 4 еврея: Бенно Штраухеръ въ Буковинѣ, Штандъ, Малеръ и

Габель въ Галиціи. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что не мало кандидатовъ—евреевъ или еврейскаго происхожденія числится и у соціалдемократовъ, у либераловъ, у чеховъ, поляковъ и т. д.

Намъ приходится въ заключеніе сказать нѣсколько словъ объ общемъ значеніи закона 26 января 1907 года. Прежде всего нужно констатировать тотъ фактъ, что прежняя узкая національная нетерпимость во многихъ мѣстахъ исчезла, и, вмѣсто нея, на сцену выступила борьба классовыхъ интересовъ. Разумѣется, то, что создавалось вѣками, не можетъ исчезнуть въ одинъ моментъ, и теперь еще въ Австріи всѣ партіи, за исключеніемъ соціалдемократовъ, носятъ національные эпитеты, и мы имѣемъ въ рейхсратѣ польскихъ, чешскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ клерикаловъ, а не просто клерикаловъ, какъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи. Однако, устраненіе въ Моравіи отъ избирательныхъ урнъ представителей различныхъ національностей, вслѣдствіе существованія здѣсь національныхъ кадастровъ, образованіе однородныхъ — правильнѣе, почти однородныхъ — избирательныхъ округовъ въ другихъ частяхъ Габсбургской монархіи силою обстоятельствъ должны были вызвать въ странѣ группировку партій по классовымъ интересамъ, а не по національнымъ. Въ этомъ смыслѣ, можно сказать, оправдались надежды тѣхъ, которые видѣли въ законѣ всеобщаго избирательнаго права средство замѣнить въ рейсхратѣ борьбу національностей борьбою классовъ. Эта замѣна теперь на лицо. Говорятъ, что Францъ-Іосифъ выразилъ по этому поводу свою радость: престарѣлому императору хорошо знакома была по ея послѣдствіямъ борьба національностей, и онъ радовался ея прекращенію. Во всякомъ случаѣ перемѣна въ избирательномъ законѣ совершена къ лучшему: Австрія вступаетъ на путь истиннаго демократизма, а на этомъ пути во всякомъ случаѣ легче найти выходъ, чѣмъ на традиціонномъ пути насильственной ассимиляціи и грубой репрессіи.

Главный результатъ выборовъ—ослабленіе либераловъ и усиленіе крайней лѣвой въ лицѣ соціалдемократовъ и крайней правой въ лицѣ антисемитовъ; новый парламентъ являетя черно-краснымъ. Успѣхъ соціалдемократовъ, засѣдающихъ теперь въ рейсхратѣ въ количествѣ 83 человѣкъ, не представляетъ изъ себя чего-нибудь исключительнаго: с.-д. въ куріи всеобщаго голосованія имѣли какъ въ 1897 году, такъ и въ 1901, огромное

количество голосовъ, почти 30%, и если они были представлены 15—10 депутатами, то это объясняется тѣмъ, что вся курія всеобщаго голосованія посылала въ рейхсратъ всего 72 депутата,— теперь с.-д. получили представительство, соотвѣтствующее количеству поданныхъ за нихъ голосовъ. Почти то же приходится сказать и объ антисемитахъ: и они при существованіи куріальной системы выборовъ были представлены гораздо слабѣе, чѣмъ того требовало соотношеніе силъ въ странѣ. Партія Люэгера, какъ и партія Адлера, пожинаютъ теперь то, что онѣ раньше сѣяли, и если всходъ появился такъ поздно, то это объясняется тою искусственною системою выборовъ, которая функціонировала въ Австріи до 1907-го года.

Отмѣтимъ еще пораженіе младочеховъ въ Богеміи и торжество чешскихъ соціалдемократовъ. Эта перемѣна внушала многимъ націоналистамъ Чехіи опасеніе за судьбу „чешскаго вопроса“ въ рейхсратѣ: вѣдь у „соціалистовъ-космополитовъ“ не хватитъ чуткости для истинной защиты интересовъ чешской націи. Опасеніе оказалось напраснымъ: чешскіе с.-д. выпустили манифестъ „къ чешскому народу“, въ которомъ слышны были звуки „истыхъ сыновъ чешско-славянской націи“. Да было бы удивительно, чтобы тѣ, которые первые дали толчокъ соціалистической мысли въ направленіе измѣненія точки зрѣнія марксизма на національный вопросъ, одержавъ побѣду надъ младочехами, забыли, какую великую отвѣтственность возложилъ на нихъ чешскій народъ, продолжающій все еще оставаться угнетеннымъ народомъ.

С. Лозинскій.

„Демократическія начала“ въ проэктѣ польской автономіи.

I.

Группа польскихъ депутатовъ во второй Государственной Думѣ, образовавшая польское коло, оставила память о своей дѣятельности внесеніемъ „Проэкта основныхъ положеній автономнаго устройства Царства Польскаго“.

Внесенный 10 апрѣля 1907 г., когда еще не были совершенно помяты розы „конституціонныхъ иллюзій“, законопроэктъ не дождался очереди для своего разсмотрѣнія. 2 Іюня Дума была распущена, къ вящшему удовольствію черносотенныхъ рыцарей и погромныхъ дѣлъ мастеровъ, и планъ освобожденія Польши отъ ига россійской бюрократіи, былъ погребенъ въ архивахъ думской канцеляріи, такъ же основательно, какъ многіе другіе вольнолюбивые планы.

Теперь этотъ проэктъ мертвъ. „Облетѣли цвѣты“ нашей конституціи, которой „Русское Знамя“ не безъ остроумія противопоставляетъ статью 222 основныхъ законовъ. *) И вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ проэкты реформированія нашей соціально-политической жизни на новыхъ демократическихъ началахъ обратились въ своего рода окаменѣлости, которыя представляютъ интересъ лишь для археологовъ, какъ свидѣтельство творческаго размаха освободительной мысли.

De mortuis aut nihil aut bene. Примѣнительно къ этому теченію, о проэктѣ польской автономіи надобно было бы или молчать, или говорить, какъ о покойникѣ, въ почтительномъ тонѣ. Но съ одной стороны авторами проэкта являются преимуще-

*) Статья гласитъ: „Царствующій Императоръ, яко неограниченный Самодержецъ, во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ власть отрѣшать неповинующагося отъ назначенныхъ въ семъ законѣ правъ и поступать съ нимъ, яко прослушнымъ волѣ монаршей“.

ственно члены „народово-демократической“ партіи, играющей видную роль въ польской жизни, и слѣдов., въ проэктѣ отразилось то воззрѣніе на задачи государственнаго строительства, которое вообще характеризуетъ эту партію. Каковы бы ни были послѣдующія событія, ткань которыхъ вырабатывается въ Измайловскихъ ротахъ,—въ этомъ сердцѣ истинно-русскаго черносотенства,—народовые демократы въ Польшѣ будутъ дѣлать свое дѣло и подготовлять почву для осуществленія своихъ ближайшихъ цѣлей. Центральная мечта о полной автономіи, быть можетъ, надолго еще мечтой такъ и останется. Но вѣдь къ этой „мечтѣ“ примыкаетъ рядъ частныхъ пожеланій, рядъ конкретныхъ задачъ, возникающихъ въ процессѣ повседневной жизни и имѣющихъ свое немалое культурно-политическое значеніе. О томъ, какъ эти задачи будутъ разрѣшаться народовой демократіей, можно заключить въ общихъ чертахъ какъ изъ проэкта автономіи, такъ и изъ объяснительной записки, приложенной къ проэкту.

Съ другой стороны—близокъ моментъ созыва третьей Государственной Думы, и, какъ теперь уже явствуетъ изъ хода выборной кампаніи, изъ небольшаго числа мѣстъ, отведенныхъ представителямъ отъ Польши, самая крупная часть выпадаетъ на долю народовыхъ демократовъ. Что будутъ они дѣлать въ этой Думѣ, мы предсказывать не беремся.

Но поскольку они не измѣнятъ своихъ программныхъ требованій, хотя бы и сведенныхъ къ минимуму, они безъ сомнѣнія будутъ защищать главные принципы своего проэкта автономіи и стоять на стражѣ выраженныхъ въ проэктѣ національныхъ интересовъ. И въ переговорахъ съ правительствомъ (если допустить, что этотъ маловѣроятный фактъ найдетъ себѣ мѣсто), и въ переговорахъ съ партіями, если провидѣніе даруетъ Думѣ жизнь, народовые демократы будутъ руководиться основными линіями того воззрѣнія на „польскія задачи“, которое наложило свою печать на нынѣ „мертвый документъ“.

Полагаю, что совокупность этихъ обстоятельствъ даетъ намъ право пересмотрѣть „документъ“ и сдѣлать попутно тѣ выводы, которые изъ него вытекаютъ въ связи съ вопросомъ объ отношеніи народовыхъ демократовъ къ національной проблемѣ. Ограничиваемъ мы себя этой проблемой по той простой причинѣ, что

своеобразіе народово-демократической партіи сказывается въ національномъ вопросѣ если не наиболѣе рѣзко, то съ достаточной рѣзкостью для того, чтобы понять, съ кѣмъ мы въ лицѣ этой партіи имѣемъ дѣло. Общія политическія требованія народовыхъ демократовъ ничѣмъ не отличаются отъ требованій всѣхъ оппозиціонныхъ группъ Россіи. Гражданская свобода, уравненіе всѣхъ передъ закономъ, „конституціонныя гарантіи“, обезпечивающія прочность представительныхъ учрежденій,—вотъ эти требованія, поддерживаемыя народовыми демократами, какъ партіей, отстаивающей элементарныя права угнетеннаго народа. Но они и не характеризуютъ специфическаго зерна партіи. Лишь въ сферѣ тѣхъ отношеній, которыя существуютъ въ тѣсныхъ предѣлахъ польской жизни, и которыя вырисовываются въ результатѣ столкновеній интересовъ, присущихъ населяющимъ Польшу народностямъ, раскрывается истинное содержаніе этого зерна. Вотъ почему мы на немъ и останавливаемся. Судьба еврейской массы, живущей въ Польшѣ, имплицитно заключена въ этомъ зернѣ.

II.

Проэктъ автономіи Царства Польскаго составленъ lege artis. Въ немъ предусмотрѣны, какія „дѣла вѣдѣнію сейма подлежатъ“ и какія дѣла „изъ вѣдѣнія сейма изъемлются“; въ немъ предусмотрѣна „доля участія казны Царства Польскаго“ въ обще-государственныхъ расходахъ; въ немъ набросана схема отношеній между сеймомъ съ одной стороны, и короной и общеимперскимъ правительствомъ съ другой. Словомъ, въ 24 статьяхъ проэкта дана почти исчерпывающая картина тѣхъ конституціонныхъ гарантій, которыя необходимы для обезпеченія самостоятельной внутренней польской политики.

Объяснительная записка, приложенная къ проэкту, является въ нѣкоторомъ родѣ философско-правовымъ обоснованіемъ требованія автономіи. Два главныхъ мотива выдвигаются въ этой запискѣ, какъ оправдывающіе польскія притязанія. Первый говоритъ объ общей необходимости „осуществить начало политическаго равноправія и обезпечить за обществомъ право свободной организаціи для самостоятельнаго удовлетворенія всѣхъ его мѣ-

стныхъ нуждъ". Государственная власть должна всякому предоставить „право жить и развиваться сообразно съ своими прирожденными потребностями". Въ примѣненіи же къ Царству польскому это „право" формулируется въ автономіи, ибо „автономія Царства Польскаго объединяетъ интересы всего населенія края, такъ какъ должна содѣйствовать устройству края на широкихъ демократическихъ началахъ какъ въ политическомъ, такъ и въ соціальномъ отношеніяхъ, обезпечить за всѣми проживающими въ краѣ народностями и исповѣданіями присущія имъ права".

Второй мотивъ объяснительная записка усматриваетъ въ томъ, что „Царство Польское представляетъ собой страну однородную и рѣзко отличающуюся отъ остальныхъ частей государства". Однородность сказывается въ томъ, что Царство почти сплошь населено польскимъ народомъ, уступающимъ „только въ городахъ видное мѣсто еврейскому элементу" и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ „литовскому и малорусскому населенію". Рѣзкое отличіе сказывается въ соціально-правовой области, ибо, въ противоположность характеру русской общественной жизни, важнымъ признакомъ польской общественной жизни „является отсутствіе сословности и полное равенство всѣхъ жителей передъ закономъ".

Чрезвычайно пріятно „звучатъ" эти два выдвинутыхъ польскими народовцами мотива въ пользу автономіи. „Право свободной организаціи"... „право свободно жить и развиваться"... „объединеніе интересовъ всего населенія"... „устройство края на широкихъ демократическихъ началахъ"... Сколько „хорошихъ" словъ! И не мы, конечно, будемъ оспаривать ихъ значеніе и силу. Выброшенныя на поверхность жизни революціоннымъ движеніемъ, эти слова обратились въ лозунги, вокругъ которыхъ собиралась освободительная рать. Они пробили стѣну деспотизма и, если не смертельно, то глубоко ранили бюрократію. Они произвели тотъ огромный соціально-политическій „сдвигъ", которымъ начинается новая эпоха россійской исторіи. Отдѣльныя группы, цѣлые классы, народности, населяющія страну, подняты были этими „трубными" словами со своихъ мѣстъ и отдали свои лучшія жизни на борьбу за воплощеніе ихъ въ дѣло. Великими они были на зарѣ нашей революціи, великими же пребудутъ и впредь, ибо еще не бли-

зокъ, очевидно, моментъ ихъ полнаго признанія. Но народовые демократы дѣлаютъ изъ этихъ словъ употребленіе, не отвѣчающее ихъ истинному содержанію. Громкими лозунгами они прикрываютъ свои національно-эгоистическія вожделѣнія, свои желанія получить въ Царствѣ всю „полноту власти“, которою можно было бы подавить національныя стремленія другихъ не-польскихъ народностей и, главнымъ образомъ, народности еврейской.

Начать съ того, что въ проектѣ автономіи, составленномъ изъ 24 статей, только въ одной статьѣ 19-ой затронута національная проблема, которая является для Польши не менѣе жгучей, чѣмъ для всей Россіи. Въ этой статьѣ сказано, что „въ судебныхъ, административныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и въ казенныхъ и общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ“ „будутъ обезпечены права языковъ литовскаго и малорусскаго населенія“. Что касается „русскихъ“, то для нихъ „будутъ учреждены среднія и нисшія учебныя заведенія“, а въ сношеніяхъ съ администраціей и судомъ они вправѣ пользоваться русскимъ языкомъ и требовать отвѣтовъ на этомъ же языкѣ. Вотъ и все. Нѣсколькими строками объ обезпеченіи „права языковъ“ исчерпывается сложная національная проблема, имѣющая глубокое политическое и соціальное значеніе.

Но если народовые демократы сочли нужнымъ упомянуть въ своемъ проектѣ автономіи о „правѣ языка“ и сдѣлать такимъ образомъ уступку „миноритарнымъ“ націямъ, то почему же не упомянули они о „правѣ представительства“ для этихъ же націй какъ въ сеймѣ, такъ и въ другихъ учрежденіяхъ, являющихся органами коллективной воли населенія? Статья 8 проекта, не предусматривая подробностей способа и порядка выборовъ, гласитъ однако, что „сеймъ избирается населеніемъ края на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія“. Но эти начала сами по себѣ отнюдь не служатъ гарантіей того, что малорусское населеніе, составляющее лишь 2,5%, или литовское населеніе, составляющее 2,7% общаго населенія, будутъ имѣть своихъ представителей въ сеймѣ. Мало того, даже еврейское населеніе, численность котораго достигаетъ высокой сравнительно цифры (14,6% всего населенія), можетъ быть или пропорціонально слабо, или совсѣмъ не представлено въ сеймѣ, несмотря на начала всеобщаго и т. д. голосованія. Для достиженія такого эф-

фекта къ услугамъ еврейскихъ недруговъ имѣется недурно разработанная система „избирательной геометріи“, той самой науки, надъ примѣненіемъ которой къ Россіи недаромъ потрудились гг. Крыжановскій и Гурляндъ. Въ Царствѣ Польскомъ еврейскій элементъ занимаетъ видное мѣсто въ городахъ, и, казалось бы, въ случаѣ осуществленія народовческаго плана автономіи, евреямъ обезпечено представительство въ сеймѣ отъ этихъ именно городовъ. Но стоитъ лишь распредѣлить надлежащимъ образомъ избирательные округа, стоитъ произвести надлежащую перетасовку избирательныхъ участковъ, стоитъ связать города съ сельскими округами для того, чтобы видимое обезпеченіе сразу стало иллюзорнымъ. Достаточно вспомнить примѣры изъ австрійской избирательной политики, и тогда станетъ ясно, какъ можно при добромъ желаніи лишить цѣлую народность возможности имѣть свое представительство въ законодательномъ учрежденіи.

Имѣется ли у народовыхъ демократовъ въ дѣйствительности такое желаніе, нельзя прямо заключить изъ проэкта и объяснительной записки. Но одно неупоминаніе о „правѣ представительства“ наряду съ упоминаніемъ о „правѣ языковъ“ служитъ косвеннымъ, но несомнѣннымъ доказательствомъ существованія такой тенденціи. Народовые демократы не могутъ не знать, что не только языкъ является орудіемъ культурнаго развитія націи, не только пользованіе роднымъ языкомъ является осуществленіемъ „присущаго“ націи права. При условіяхъ современной государственной жизни такимъ же „присущимъ“ правомъ является и ясно выраженное право на политическое представительство. Тамъ, гдѣ разнородныя національныя тѣла соприкасаются другъ съ другомъ и входятъ въ извѣстныя взаимодѣйствія, гдѣ ихъ интересы скрещиваются,—тамъ необходимо, чтобы каждому тѣлу было, говоря словами объяснительной записки, предоставлено, „право жить и развиваться сообразно съ своими прирожденными особенностями“. О какихъ же такихъ „прирожденныхъ особенностяхъ“ идетъ здѣсь рѣчь? Если не разумѣть подъ ними какую-то неуловимую метафизическую сущность, то нужно признать, что для своего обнаруженія эти „особенности“ требуютъ извѣстную не только общекультурную, но и политическую обстановку. Обезсилить политическую мощь какой-нибудь одной народности путемъ искусственнаго подчиненія ея другой, болѣе

многочисленной народности, значитъ именно лишить ее „права жить и развиваться сообразно своимъ прирожденнымъ особенностямъ“. Это значитъ стремиться поставить преграду ея внутреннему росту. Народовые демократы такую преграду и ставятъ—или, правильнѣе, хотятъ поставить. Обходя молчаніемъ вопросъ о правѣ представительства націй, находящихся въ меньшинствѣ, они преслѣдуютъ здѣсь „полонизацію“ будущей политической и общественной жизни въ Царствѣ.

Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ проводимый въ проэктѣ автономіи мотивъ объединенія интересовъ „всего населенія края“ звучитъ явственно фальшиво. Также само собой разумѣется, что музыка „широкихъ демократическихъ началъ“, на которой народные демократы охотно играютъ, обращается въ музыку едва прикрытаго національнаго шовинизма.

Въ одномъ мѣстѣ объяснительной записки истинный обликъ народовческихъ вожделѣній обнажается съ неожиданной откровенностью. „Для представителей русской государственной власти,—говорится въ этомъ мѣстѣ,—до сихъ поръ непонятно, что общественная жизнь въ Польшѣ можетъ проявляться только въ національномъ духѣ и организованная на особый польскій ладъ!!. Что для представителей русской государственной власти непонятны элементарнѣйшія изъ элементарныхъ аксіомъ правовой жизни, не подлежитъ, конечно, спору. Ихъ умъ и сердце реагируютъ сочувственно на военныя положенія и скорострѣльную юстицію, но отнюдь не національныя какія-то права. Но и намъ „непонятно“, почему общественная жизнь въ Польшѣ должна проявляться только въ польскомъ духѣ. Въ переводѣ на простой языкъ это сокраментальное „только“ обозначаетъ исключительное преобладаніе польскихъ интересовъ—въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ понимаютъ народовцы—надъ всѣми прочими интересами. Но вѣдь въ Польшѣ имѣется значительная и плотная толща еврейства. Эту толщу никакой безсодержательной фразеологіей ни устранить, ни обезсилить нельзя. Другими словами, хотятъ или не хотятъ этого народовцы, но давленіе еврейской массы населенія на жизнь будетъ сказываться. Въ какихъ формахъ скажется это давленіе, здѣсь не мѣсто и не время разбирать. Но имѣя въ виду указаніе объяснительной записки на то, что еврейскому элементу принадлежитъ

„видное мѣсто“ въ городскихъ центрахъ Польши, необходимо допустить, что въ этихъ именно центрахъ давленіе еврейской толщи будетъ развиваться особенно сильно. А это значитъ, что характеръ и формы „общественной жизни“ въ польскихъ городахъ будутъ между прочимъ обусловливаться наличностью еврейскаго вліянія. „Общественная жизнь“ городовъ должна будетъ отразить въ себѣ цѣлый комплексъ національныхъ элементовъ культурныхъ, а отнюдь не присутствіе только „единаго и нераздѣльнаго“ польскаго элемента. Всѣ тѣ сложныя отношенія, которыя вырабатываются въ городахъ, какъ крупныхъ центрахъ не только матеріальнаго, но и духовнаго порядка, не могутъ явиться отраженіемъ одного польскаго „національнаго“ устремленія, ибо на ряду съ послѣднимъ будетъ существовать — и уже существуетъ—другое „національное“ устремленіе. Думая, что „общественная жизнь въ Польшѣ можетъ проявляться только въ польскомъ національномъ духѣ и организованная на особый польскій ладъ“, народовцы тѣмъ самымъ говорятъ, что они лелѣютъ планы утѣсненія, затушевыванія всякаго не „истинно-польскаго духа“, а слѣд. и „еврейскаго духа“; они признаютъ, что ихъ основная цѣль не далеко отстоитъ отъ черносотенной цѣли русскихъ „патріотовъ“.

„Для представителей центральной государственной власти,— развивается дальше въ объяснительной запискѣ мысль о „польскомъ духѣ“,—остается непонятнымъ, что начала свободы и равноправія, возвѣщенныя для всего государства, въ Польшѣ должны привести къ признанію за польской жизнью и польскими національными интересами права на полное и добросовѣстное уваженіе“. Безспорно. Ибо „начала свободы и равноправія“, помѣщенныя въ рамку конкретныхъ требованій общероссійской жизни, обращаются — въ той мѣрѣ, въ какой вопросъ касается національныхъ треній—въ начала національной свободы и національнаго равноправія. И эти послѣднія начала должны конечно встрѣтить „полное и добросовѣстное уваженіе“ не со стороны „власти“, которая, увы! глуха къ „красивымъ звукамъ“, а прежде всего со стороны „демократическихъ“ партій. Но народовцы не демократы, хотя и имѣютъ смѣлость такъ себя именовать. Категорическое „должно“ они выдвигаютъ впередъ, когда дѣло идетъ о „польскихъ національныхъ стрем-

леніяхъ", и даже отбрасываютъ назадъ, когда рѣчь заходитъ о „еврейскихъ національныхъ стремленіяхъ". Они менѣе всего обнаруживаютъ то „полное и добросовѣстное уваженіе" къ непольскимъ національнымъ правамъ, отсутствіе котораго ставятъ въ упрекъ представителямъ центральной государственной власти. Если бы они питали это „уваженіе", они не рискнули бы утверждать, что общественная жизнь въ Польшѣ должна быть исключительно польско-національной по „духу".

Правильно и честно проведенный принципъ демократизма требовалъ бы, чтобы въ проэктѣ автономіи было вполнѣ опредѣленно выражено, что живущія въ Польшѣ не-польскія національности будутъ имѣть свое представительство въ сеймѣ и въ другихъ представительныхъ организаціяхъ. Тотъ же принципъ требовалъ бы отъ народовцевъ признанія, что общественная жизнь въ Польшѣ отнюдь не должна носить на себѣ печати только польскаго духа или быть организована на одинъ только „польскій ладъ". Но народовцы—это „истинно-польскіе люди" и, какъ таковые, съ демократизмомъ ничего общаго не имѣютъ. Вѣдь то именно и характерно, что, внося свой проэктъ автономіи въ Государственную Думу и сопровождая его объяснительной запиской, народовцы (или—что одно и то же—думская группа „коло") не могли скрыть своей національстической основы. Какъ проэктъ, такъ и записка являются документами, опубликованію которыхъ конечно предшествовала тщательная обработка. Имѣя враговъ и справа, и слѣва, народовцы взвѣшивали излагаемые въ документахъ тезисы со всей подлежащей осторожностью. Они, безъ сомнѣнія, отдавали себѣ отчетъ и въ томъ огромномъ противодѣйствіи, которое окажетъ ихъ плану автономіи централистская тенденція россійской бюрократической государственности. Самая статья 19, въ которой признается право языковъ малорусскаго, литовскаго и русскаго продиктована желаніемъ пойти навстрѣчу неизбѣжному противодѣйствію со стороны ревнителей „русской" культуры. Она—дань, заблаговременно уплаченная противникамъ автономіи, съ цѣлью смягчить ихъ раздраженіе. И мы ни на минуту не сомнѣваемся въ томъ, что, если бы за спиной 200 съ лишнимъ тысячъ малоруссовъ, или литовцевъ, или русскихъ, населяющихъ Польшу, не стояла бы сила огромной и грозной государственной машины, враждебно настроенной къ польскимъ

притязаніямъ, то широкое „право языка“, обезпечивающее интересы незначительныхъ численно народностей, не получило бы признанія въ проэктѣ. Но „сила ломитъ и соломинку“. Этой силѣ нельзя было не уступить подъ опасеніемъ скомпрометировать все дѣло автономіи.

И при всемъ томъ, однако, проэктъ совершенно явственно пропитанъ тенденціей колонизаціи обширнаго края, тенденціей на мѣсто объединенныхъ интересовъ „всего населенія края“ поставить интересы польскаго населенія, организующаго соціально-политическій укладъ жизни на „особый польскій ладъ“. Народовцы не съумѣли спрятать этой тенденціи даже въ такомъ документѣ, который дѣлалъ ихъ „явленіе“ на политической аренѣ въ нѣкоторомъ родѣ историческимъ, который обязывалъ ихъ къ возможной дипломатической сдержанности, такъ какъ включалъ въ себя всю суть народово-демократическихъ аспираційй. Но если шовинистическая тенденція обнаружилась и въ такомъ документѣ, то легко представить себѣ, какъ сильно должно быть ея обнаруженіе въ случаяхъ не столь торжественныхъ, какъ обнародованіе проэкта предполагаемой автономіи. Легко понять, что тысячи вопросовъ, возникающихъ въ тѣхъ узлахъ жизни, гдѣ сплетаются и переплетаются разнорѣчивыя національныя стремленія, должны разрѣшаться народовцами въ смыслѣ обезпеченія исключительнаго господства за польскимъ ладомъ и духомъ въ ущербъ всякому другому ладу и духу.

Намъ, впрочемъ, нѣтъ нужды строить только догадки о томъ, какъ народовцы будутъ разрѣшать эти вопросы. Передъ нами чудесная иллюстрація народовческаго „демократизма“ въ бесѣдѣ, напечатанной въ № 22 „Свободы и Равенства“ за н. г. Бесѣда, которую имѣлъ сотрудникъ этого журнала съ В. В. Жуковскимъ, виднымъ членомъ польскаго коло и лидеромъ народовческой партіи, касалась внесеннаго въ Думу проэкта автономіи и „метода“, какимъ онъ разрѣшаетъ еврейскія нужды.

III.

Съ первыхъ же словъ эта бесѣда разрушаетъ ту красивую сказку объ объединеніи „интересовъ всего населенія края“, которую мы читали въ объяснительной запискѣ. Правда, г. Жуков-

скій твердо отстаиваетъ гражданское равноправіе евреевъ, но тутъ же прибавляетъ: „мы стоимъ на почвѣ упорной борьбы между противоположными національными интересами... мы нисколько не заблуждаемся относительно неизбѣжности для насъ долгой и упорной борьбы съ евреями; наши интересы въ общемъ не сходятся, а потому борьба неминуема“. Конечно, эта борьба, поясняетъ г. Жуковскій, должна происходить „при условіяхъ вполнѣ свободной конкурренціи“, т. е. „безъ помощи ограничительнаго законодательства и физическаго воздѣйствія“. Такая борьба, по мнѣнію г. Жуковскаго, пожалуй, даже привлекательна, такъ какъ, она „не озлобляетъ, а закаляетъ и способствуетъ укрѣпленію здоровыхъ силъ у борющихся сторонъ“.

Откровенность г. Жуковскаго весьма похвальна. Похвально то, что онъ однимъ движеніемъ сдергиваетъ завѣсу, сотканную изъ „чарующихъ лозунговъ революціи“ („широкія демократическія начала“ и т. д.) и на ея мѣсто водружаетъ знамя „противоположности“ національныхъ интересовъ и „долгой, упорной борьбы“ вокругъ этихъ несходныхъ интересовъ. Въ высшей степени похвально, что онъ сразу отсѣкаетъ голову у обветшавшей, но все еще живой иллюзіи, будто народово-демократическія тенденціи способны въ какой бы то ни было мѣрѣ успокоить еврейскія боли, и полнымъ ртомъ изрекаетъ — пусть злую — но зато политически реальную истину. Эта истина нѣсколько напоминаетъ рычаніе животнаго, оскалившаго зубы. Но куда какъ пріятнѣе знать, что намъ приходится имѣть дѣло съ животнымъ, собирающимся укрѣпить свои „здоровыя силы“, чѣмъ пребывать въ заблужденіи относительно настоящаго облика „сосѣда—друга“ и поддаваться усыпляющему дѣйствію его автономныхъ рѣчей.

Однако, говоря объ „условіяхъ вполнѣ свободной конкурренціи“, г. Жуковскій намѣренно забываетъ, что о свободной конкурренціи не можетъ быть и рѣчи, разъ въ проэктѣ автономіи не предоставлено напр. такое же право еврейскому разговорному языку, какое предоставлено малорусскому, наряду съ польскимъ. Точно также, возвѣщая, что предстоящая борьба должна быть „обставлена культурными пріемами“, г. Жуковскій намѣренно забываетъ, что среди этихъ пріемовъ отсутствуетъ такой важный элементъ, какъ право представительства отъ національности-меньшинства въ законодательныхъ учрежденіяхъ.

И эта забывчивость лидера партіи, претендующей на то, чтобы быть выразительницей „интересовъ населенія всего края“, уже не похвальна. Она дѣлаетъ ложной всю картину взаимоотношеній двухъ готовящихся къ борьбѣ національностей; она искажаетъ перспективу той обстановки, въ которой разыграются грядущія схватки. Пріятно, конечно, что, какъ обѣщаетъ г. Жуковскій, въ борьбѣ, которая „неминуема“, народовцы обойдутся безъ „физическаго воздѣйствія“, практикуемаго русскими черносотенцами. Но это отрицательное благо, которымъ будутъ „наслаждаться“ польскіе евреи, отнюдь не можетъ замѣнить собой положительныхъ благъ, являющихся незамѣнимыми орудіями—пріемами въ борьбѣ за жизнь. Для того, чтобы борющаяся сторона дѣйствительно закалила и укрѣпила свои „здоровыя силы“, требуется, чтобы этимъ силамъ былъ предоставленъ надлежащій просторъ во всѣхъ сферахъ политической и общественной жизни. Мы видѣли, что въ проэктѣ автономіи этого простора нѣтъ и въ помин̀ѣ. Тамъ напротивъ говорится объ исключительно польскомъ духѣ. Какую же цѣнность имѣютъ послѣ этого всѣ увѣренія г. Жуковскаго въ томъ, что тяжба евреевъ съ поляками будетъ удержана „въ культурныхъ рамкахъ конкурренціи“? Они не имѣютъ никакой цѣны, ибо заранѣе поляки—народовцы отмежевываютъ себѣ наилучшую позицію и ступаютъ на расчищенный отъ опасностей путь, ибо заранѣе у „конкуррентовъ“ отняты средства и способы, которыми они могли бы утвердить свое значеніе и „укрѣпить силы“.

Выдвигая почтенное начало конкурренціи въ политическо-соціальной борьбѣ, которое, въ силу присущаго ему характера, приведетъ къ „гармоніи борющихся интересовъ“, г. Жуковскій направляетъ все остріе его не противъ евреевъ—вообще, а противъ евреевъ-націоналистовъ“. „Что же касается евреевъ, признающихъ себя поляками, то съ ними, конечно, бороться, не придется, такъ какъ они—наши естественные союзники и сотрудники“, говоритъ далѣе В. В. Жуковскій. Съ послѣдними, очевидно, народовцы надѣются идти рука объ руку, и—чего добраго—въ союзѣ съ ними, съ этими, „поляками мойсеевaго исповѣданія“, бороться противъ евреевъ-націоналистовъ.

Въ этомъ афоризмѣ объ евреяхъ, „признающихъ себя поляками“, заключается едва ли не наиболѣе цѣнная сторона цити-

руемой бесѣды. Онъ показываетъ, что еще жива увѣренность народовцевъ въ томъ, что еврейская масса состоитъ изъ двухъ различныхъ частей—полонизированной и „національной“, различно смотрящихъ не только на отдаленныя, но и ближайшія задачи еврейства. Явственный слѣдъ этой увѣренности мы находимъ и въ объяснительной запискѣ къ проэкту автономіи. Указывая на то, что евреевъ въ краѣ насчитывается 14,6% населенія, записка смѣло заявляетъ, что „и изъ послѣднихъ (т. е. евреевъ) значительная часть считаетъ себя поляками“ и что „такимъ образомъ по племенному составу населенія, Царство-Польское—край однородный и особый“. Такимъ взглядомъ на еврейскую массу народовцы дмуаютъ теоретически оправдать свое національстическое притязаніе на представительство интересовъ „всего населенія края“. Въ самомъ дѣлѣ, нужно ли признаніе „права языка“ за еврейскимъ жаргономъ, разъ сами евреи „еще при Велепольскомъ признали своимъ языкомъ польскую рѣчь“? Нужно ли обезпеченіе права представительства для націи, значительная часть коей „считаетъ себя“ польской? Сеймъ имѣется въ виду избрать на началахъ всеобщаго, равнаго и т. д. голосованія. Въ этомъ голосованіи, которое на 80 процентовъ составится изъ польскихъ бюллетеней, потонутъ 14% съ лишнимъ еврейскихъ бюллетеней. Но это будутъ тонуть главнымъ образомъ „союзники и сотрудники“, которые не дѣлаютъ различія между своими и „польскими“ интересами, которые отождествляютъ свое дѣло съ „польскимъ“ дѣломъ въ той его формѣ, которую ему сообщаютъ народовцы. Что же касается тѣхъ, на взглядъ народовцевъ, немногочисленныхъ группъ, которые заражены „еврейскимъ національзмомъ“, то противъ нихъ „борьба неминуема“.

Однако, трудно допустить, чтобы г. Жуковскій не видѣлъ той ошибки, въ которую онъ впадаетъ, разсѣкая еврейскую массу на двѣ части. Трудно допустить, что г. Жуковскій дѣйствительно вѣритъ въ моральный авторитетъ и матеріальную силу „признающихъ себя поляками“ евреевъ. Не можетъ этотъ „реальный“ политикъ не видѣть, что революціонная встряска не прошла мимо даже этой еврейской разновидности, что она произвела чистку въ рядахъ послѣдней, что она развѣяла обманчивыя надежды, которыя имъ возлагались на „поляковъ-патріотовъ“. Въ настоящихъ условіяхъ дѣйствительности и наиболѣе обезпе-

ченная часть польскаго еврейства—промышленная и торговая буржуазія—таитъ въ себѣ недоброе чувство къ „истинно-польскимъ людямъ“, драпирующимся въ демократическую тогу для прикрытія своего наступательнаго движенія. Тѣмъ болѣе это приходится сказать относительно еврейскаго пролетаріата, относительно трудовой еврейской арміи, проснувшейся къ политической жизни. Эта армія отнюдь не является „союзникомъ и сотрудникомъ“ все-польскихъ патріотовъ, какъ не является ихъ союзникомъ и прошедшая суровую воспитательную школу еврейская интеллигенція. Поднялся общій уровень политическаго сознанія на протяженіи послѣднихъ лѣтъ, заполненныхъ борьбой за демократическіе принципы. И вмѣстѣ съ тѣмъ выплыло на поверхность и то сознаніе національнаго достоинства, которое дремало въ глубинахъ индивидуальной психологіи. Оно стало неопровержимымъ фактомъ, наличность котораго и объясняетъ собственно всю стремительность народовческаго натиска противъ „евреевъ-націоналистовъ“. Чего же думаетъ добиться г. Жуковскій, оговариваясь, что онъ стоитъ „на почвѣ упорной борьбы“ только съ упорствующими, не признающими себя поляками, евреями? Онъ думаетъ расщепить разнородную по своему классовому составу еврейскую массу и, привлекши на свою сторону одни элементы, оттолкнуть отъ себя другіе, примѣнить принципъ divide et impera. Онъ спекулируетъ на связанныхъ старыми традиціями евреевъ, которые, будучи „евреями по вѣрѣ“, стали поляками „по духу и ладу“. Но много ли этихъ традиціонныхъ евреевъ? Сами народовцы, надо думать, знаютъ, что рать ихъ не велика, что она, если и не таетъ, то во всякомъ случаѣ не растетъ, что значеніе и удѣльный вѣсъ ея въ еврейской массѣ во всякомъ случаѣ падаетъ съ каждымъ днемъ.

Ставъ на почву похвальной откровенности, г. Жуковскій разматываетъ весь клубокъ народовческо-націоналистической философіи и острыми нитями ея поражаетъ группы націоналистовъ, къ каковымъ онъ, кромѣ сіонистовъ, относитъ Бундъ и Еврейскую народную группу. „Мы,—говоритъ, оскаливъ зубы, народовческій лидеръ,—являемся хозяевами Польши, земля эта принадлежитъ намъ, это наша непоколебимая исходная точка, и отъ нея мы не отступимся“. „Пусть увѣряютъ евреи насъ, что болѣе чѣмъ пятисотлѣтнее проживаніе на польской землѣ уравниваетъ

ихъ въ правахъ на эту землю съ кореннымъ населеніемъ,—мы все таки продолжаемъ настаивать, что евреи, какъ нація, ни по праву давности, ни по какому иному праву не могутъ распоряжаться нашимъ достояніемъ".

Существуетъ, какъ извѣстно, точка зрѣнія, допускающая возможность существованія экстерриторіальной автономіи, т. е. національной автономіи для народностей, не живущихъ сплошными массами на данной территоріи. г. Жуковскому эта точка зрѣнія представляется „возвратомъ къ среднимъ вѣкамъ" и противорѣчащей „основамъ демократическаго государства". Для вящшаго устрашенія упрямыхъ автономистовъ, полагающихъ, что именно такого рода автономія и гармонируетъ съ демократическими основами, г. Жуковскій ссылается на народъ. „Народъ,—говоритъ онъ,—ревнивъ; онъ не любитъ конкуррирующихъ съ нимъ компаніоновъ и ни за что не отдастъ принадлежащаго ему".

Summa summarum, свою основную точку зрѣнія на занимаемую евреями позицію и на ту тактику, которой нужно держаться, чтобы не дать имъ сойти съ этой позиціи, г. Жуковскій резюмируетъ въ слѣдующихъ характерныхъ словахъ: „евреи, какъ евреи, существуютъ для насъ лишь въ качествѣ г о с т е й; ихъ нельзя притѣснять, но для гостей никто не устраиваетъ особыхъ государственныхъ институтовъ". Тутъ содержится центральное зерно всей народовческой идеологіи съ той ея стороны, съ которой она касается евреевъ. Пусть „ученые фантазеры, вродѣ уважаемаго профессора Гумпловича", утверждаютъ, что на польской территоріи евреи были еще до образованія польскаго государства. „Насъ эти утвержденія ни къ чему не обязываютъ" признается г. Жуковскій.

Итакъ, евреи-гости. Какъ таковые, они должны приспособляться къ уставу пріютившаго ихъ „чужого монастыря", но не помышлять объ измѣненіи этого устава. Народовцы—настоятели и духовники монастыря. Они вырабатываютъ внутренній режимъ, регулирующій жизнь и отливающій послѣднюю въ исключительно польскія національныя формы. И евреямъ, не признающимъ себя поляками, не засѣдающимъ, подобно „еврею по вѣрѣ", Стефану Натансону, о которомъ упоминаетъ въ особой бесѣдѣ г. Жуковскій, „въ одномъ изъ руководящихъ ко-

митетовъ національ-демократической партіи", приходится либо покориться, либо... вести „долгую и упорную борьбу". Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, какой изъ двухъ путей изберутъ тѣ, которыхъ г. Жуковскій нѣсколько туманно называетъ экстерриторіальными націоналистами, смѣшивая въ эту группу самые разнородные элементы: они уже избрали путь борьбы. Не только „ученая фантазія" Гумпловича подсказываетъ имъ, что ихъ мѣсто не въ углу, отведенномъ гостю, а во всѣхъ вертикальныхъ и горизонтальныхъ сѣченіяхъ жизни, — это подсказывается имъ инстинктомъ бытія и самосохраненія. Отказаться отъ тѣхъ правъ, которыя оспариваются народовцами, еврейская масса такъ же не можетъ, какъ не можетъ она отказаться отъ общеполитическихъ и общегражданскихъ правъ. Въ ряду потребностей, удовлетвореніе коихъ является настоятельной нуждой, имѣются и потребности національно-культурныя, добивающіяся признанія. Послѣдуетъ ли это признаніе оттого, что объемъ правъ, присвоенныхъ гостю, расширится, или оттого, что сузятся притязанія монастырскихъ настоятелей и духовниковъ,—все равно. Борьба будетъ длиться и не перестанетъ быть острой, пока не будетъ достигнута основная цѣль. А цѣль эта въ томъ, чтобы въ строѣ польской жизни демократическія начала восторжествовали надъ націоналистическими цѣлями, преслѣдуемыми народовцами.

Перчатка брошена. Приходится поднимать ее. „Гость" не довольствуется тѣмъ, что „хозяева" не притѣсняютъ его и не прибѣгаютъ къ „физическому воздѣйствію". Онъ опрокидываетъ самое дѣленіе на „хозяевъ" и „гостей", требуетъ полнаго равноправія положеній, считаетъ себя такимъ же господиномъ „пира", какимъ считаетъ себя г. Жуковскій. Это, быть можетъ, дерзко. Но во всякомъ случаѣ это менѣе дерзко, чѣмъ нагло-циничное утвержденіе, что „мы являемся хозяевами Польши". Народовцы замышляютъ, какъ говорятъ нѣмцы, „осѣдлать" евреевъ, чтобы установить однородный типъ культуры, построенной въ чисто польскомъ духѣ. Замыслу народовцевъ противостоитъ развивающаяся и растущая энергія націи, которая въ трудовыхъ своихъ низахъ и въ интеллектуальныхъ вершинахъ ищетъ простора и точекъ для своего приложенія. Сталкиваются противоположныя

стремленія. И такъ какъ исторически суждено быть бою, то да будетъ онъ!.. Въ бою крѣпнутъ „здоровыя силы“!..

Г. Жуковскій иронически замѣчаетъ, что евреи прогадали; ибо они шли „вездѣ и повсюду рука объ руку съ радикальными и демократическими элементами коренного населенія“, а эти элементы оказались „очень расплывчатой, не поддающейся учету“, ускользнувшей въ концѣ концовъ изъ рукъ. Г. Жуковскій предлагаетъ себя взамѣнъ этихъ элементовъ. Разсчитываетъ ли онъ на успѣхъ своего предложенія? Можетъ быть. Въ такомъ случаѣ онъ скорѣе узнаетъ—если до сихъ поръ онъ еще этого не почувствовалъ—что протянутая имъ рука „дружбы“ виситъ въ воздухѣ, не встрѣчая сколько нибудь надежной опоры. И тогда онъ отдернетъ ее съ проклятіемъ. Тѣмъ лучше. Ибо чѣмъ скорѣе народовческая тенденція освободится отъ остатковъ прельстительныхъ, ложно-демократическихъ румянъ, тѣмъ яснѣе предстанутъ черты ревниваго животнаго, не любящаго „конкурирующихъ съ нимъ компаньоновъ“. Еврейская же масса не пожалѣетъ объ отдернутой рукѣ. Какъ раньше, она и впредь будетъ идти „рука объ руку съ радикальными и демократическими элементами коренного населенія“.

* * *

Объяснительная записка къ проекту автономіи мотивируетъ автономію „требованіями жизни, требованіями нравственнаго свойства, требованіями юридическаго положенія и политической цѣлесообразности, наконецъ требованіями высшаго государственнаго порядка“. Какъ сумма этихъ мотивовъ, такъ и каждый изъ нихъ порознь совершенно достаточны для того, чтобы признать автономію неотложной. Но вѣдь тѣ же мотивы и въ томъ же порядкѣ могутъ быть приведены „гостями“ въ защиту своихъ „національныхъ“ домогательствъ. И реальная потребность жизни, и мораль, и точка зрѣнія цѣлесообразности, и государственный порядокъ—все это оправдываетъ право еврейской массы, населяющей Царство Польское, на „полное и добросовѣстное уваженіе“ къ своимъ интересамъ. Какъ же относится проектъ автономіи къ

этимъ интересамъ? Онъ ихъ игнорируетъ. Какъ относятся къ нимъ народовцы? Съ непримиримой враждебностью. Въ этомъ насъ убѣдила откровенная рѣчь г. Жуковскаго. Рѣчь является превосходнымъ комментаріемъ къ проекту, такъ какъ ставитъ всѣ точки надъ і—и выясняетъ недоразумѣнія. Она показываетъ, что въ основѣ своей проектъ построенъ на полу-высказанныхъ, полу-затаенныхъ антидемократическихъ началахъ.

И. Казиміровъ.

Профессіональное движеніе и національный вопросъ въ Австріи.

Необычайный ростъ профессіональнаго движенія за послѣдніе два года есть крупнѣйшее явленіе въ развитіи современнаго рабочаго движенія. Стихійный ростъ профессіональныхъ организацій, происходя снизу, изъ самыхъ глубокихъ нѣдръ рабочей массы, выдвигаетъ предъ соціалистической мыслью цѣлый рядъ новыхъ проблемъ, заставляетъ наполнять конкретнымъ содержаніемъ нѣкоторыя доселѣ абстрактныя формулы соціализма и, такимъ образомъ, глубже и разностороннѣе раскрываетъ соціальную личность рабочаго класса.

Въ Западной Европѣ необычайные успѣхи профессіональнаго движенія объясняются въ значительной степени огромнымъ промышленнымъ подъемомъ, *) въ Россіи же источникъ этого явленія приходится, очевидно, искать гдѣ то иначе. Если въ данный моментъ и можно констатировать нѣкоторый подъемъ въ отдѣльныхъ областяхъ индустріи, то вѣдь во всякомъ случаѣ, зарожденіе и расцвѣтъ профессіональнаго движенія въ Россіи (въ настоящій моментъ движеніе вслѣдствіе административныхъ репрессій и другихъ политическихъ условій отчасти пошло на убыль) совпадаютъ съ періодомъ крайней экономической депрессіи. Несомнѣнно, что у насъ въ Россіи ростъ профессіональнаго движенія еще долгое время будетъ совершаться непрерывно, если только будутъ ослабѣвать внѣшнія преграды на его пути, воздвигаемыя административнымъ гнетомъ и полицейскимъ произволомъ,—независимо отъ перемежающихся волнъ промышленнаго кризиса и подъема. Въ

*) Въ 1906 году общеевропейское производство чугуна—этотъ барометръ индустріи—превзошло производствс за 1899 г. на 48%. А 1899 годъ былъ рекордным годомъ промышленнаго расцвѣта 90-хъ годовъ.

самомъ дѣлѣ, при грандіозной численности рабочаго класса Россіи и при наличности самыхъ примитивныхъ, самыхъ варварскихъ, свойственныхъ ранней стадіи капиталистическаго развитія, формъ экономической эксплуатаціи,—не представляется-ли чрезвычайно скромной максимальная цифра профессіонально-организованныхъ рабочихъ—243.000 человѣкъ? Не ясно-ли, что еще до радикальнаго измѣненія основныхъ условій нашего экономическаго быта предъ россійскимъ профессіональнымъ движеніемъ открывается безграничный просторъ для его дальнѣйшаго развитія?

Этими причинами и объясняется лихорадочный ростъ профессіональныхъ союзовъ, несмотря на административныя преграды и препоны, на тысячи мелкихъ и крупныхъ ударовъ, на полицейскія гоненія противъ организаторовъ союзовъ. Рабочая масса не разбивается о стѣну запретовъ, а падаетъ, встаетъ и напираетъ съ новой силой. Въ нѣдрахъ великаго класса происходитъ малозамѣтная съ поверхности, но великая по результатамъ работа самоорганизаціи.

Какъ и въ другихъ вопросахъ классовой борьбы, наша соціалистическая мысль предъ лицомъ новыхъ очередныхъ проблемъ обращается за справкой къ теоріи и практикѣ классовой борьбы нашихъ западно-европейскихъ товарищей. Въ настоящей статьѣ мы предлагаемъ товарищамъ именно такого рода справку по одному изъ кардинальныхъ вопросовъ нашего рабочаго движенія—національному. Мы излагаемъ положеніе національнаго вопроса въ профессіональномъ движеніи классической страны національныхъ конфликтовъ—Австріи—и тотъ способъ его разрѣшенія, который дается въ общихъ чертахъ нашими австрійскими товарищами—единомышленниками.

Въ профессіональномъ движеніи національный вопросъ встаетъ прежде всего, какъ вопросъ организаціонный. Мало-мальски развитое профессіональное движеніе порождаетъ необходимость централизаціи и тѣснаго сплоченія всѣхъ профессіональныхъ организацій. Эта цѣль достигается помощью учрежденія высшихъ центральныхъ профессіональныхъ институтовъ страны (вродѣ австрійской Gewerkschaftskomission, нѣмецкой—Generalkomission и т. п.) и помощью областныхъ бюро. Вотъ здѣсь-то „gewerkschaftler'амъ“ и приходится столкнуться съ національнымъ вопросомъ, если территоріальная централизація профессіи союзовъ происхо-

дить въ разноплеменныхъ мѣстностяхъ, гдѣ приходится гарантировать національные интересы рабочихъ, не нанося въ то же время ущерба ихъ общей борьбѣ съ буржуазіей.

Самъ по себѣ профессіональный союзъ не знаетъ конфликта между „профессіональнымъ“ и „національнымъ“. Союзы конструируются только по профессіямъ или производствамъ, ибо ихъ цѣль— экономическая борьба рабочихъ, работающихъ при однихъ условіяхъ и борющихся за одни и тѣ же улучшенія. Въ мѣстныхъ союзахъ, союзахъ-ячейкахъ, національный вопросъ возникаетъ первоначально лишь при опредѣленіи языка агитаціи. Агитація на родномъ языкѣ имѣетъ огромное значеніе при организаціи неорганизованныхъ массъ, въ особенности среди угнетенныхъ національностей. Далѣе этотъ же вопросъ встаетъ въ позднѣйшей стадіи развитія союзовъ, когда союзы оказываются въ состояніи вести культурную дѣятельность, имѣющую не только культурно-просвѣтительное, но и политически-просвѣтительное значеніе. Но во всей своей остротѣ вопросъ становится лишь тогда, когда капиталистическое развитіе вызываетъ, съ одной стороны, потребность въ централизаціи и объединеніи профессіональнаго движенія, а, съ другой, сплачиваетъ и націонализируетъ рабочія массы угнетенныхъ націй и побуждаетъ ихъ къ борьбѣ за всестороннее національное раскрѣпощеніе. Національныя тренія, обостряющіяся вмѣстѣ съ ростомъ соціальныхъ противорѣчій среди буржуазіи различныхъ національностей, проявляются во всѣхъ областяхъ экономической, политической и культурной жизни, вырабатываютъ соотвѣтствующую политику у буржуазіи и побуждаютъ пролетаріатъ каждой націи, помимо общей пролетарской тактики, противопоставить свою особую національную политику политикѣ „своей“ буржуазіи внутри данной національной общины. Такимъ образомъ объединеніе по національностямъ вызывается политической необходимостью, продиктованной всей совокупностью національныхъ отношеній. Эти политическія условія побудили австрійскую соціалдемократическую партію съорганизоваться не по территоріальному, а по персонально-національному принципу, и по аналогіи съ политической организаціей въ умахъ австрійскихъ профессіоналистовъ возникаетъ мысль положить тотъ же принципъ въ основу областныхъ и общеимперскихъ профессіональныхъ организацій. Рабочіе, принадлежащіе къ національному

меньшинству, предъявляютъ требованія, касающіяся національности членовъ правленія союзовъ, языка литературной и устной агитаціи, распредѣленія суммъ на эту агитацію между различными націями и т. д.

Впервые вопросъ о двухъ принципахъ организаціи профессіональнаго движенія сталъ предъ теоретиками и практиками австрійскаго профессіональнаго движенія 11 лѣтъ тому назадъ. Чехи, съ одной стороны, и австрійскіе нѣмцы, съ другой, рѣшаютъ его въ теченіе этого десятилѣтія и до сихъ поръ не пришли еще ни къ чему. Эта въ полномъ смыслѣ слова національная братоубійственная война между товарищами по профессіональному движенію и по партіи (главари обѣихъ враждующихъ „армій"— соціалдемократы) показываетъ, какъ сложенъ и чреватъ неожиданностями этотъ вопросъ и сколько такта нужно будетъ россійскимъ профессіоналистамъ. Нельзя вѣдь забывать, что въ Россіи не восемь національностей, какъ въ Австріи, а больше ста.

Какъ же ставятъ вопросъ о взаимоотношеніи національности и профессіональнаго движенія наши австрійскіе товарищи? Въ чемъ корень ихъ спора?

Лучшимъ отвѣтомъ на это будетъ краткій очеркъ перипетій чешско-нѣмецкой борьбы въ австр. профессіональномъ движеніи.

Борьба эта, какъ уже сказано выше, продолжается, то ослабѣвая, то усиливаясь, слишкомъ одиннадцать лѣтъ. Начало ея относится къ второму конгрессу австрійскихъ профессіональныхъ союзовъ (Вѣна, 1895 г.). Уже на этомъ конгрессѣ чехи требовали образованія профессіональныхъ комиссій *) для каждой націи въ отдѣльности **). Они представляли себѣ раздѣленіе профессіо-

*) Профессіональной комиссіей называется въ Германіи и Австріи высшее учрежденіе всѣхъ профессіональныхъ союзовъ государства. Въ ней сосредоточено управленіе всѣми имперскими союзами. Ея делегаты являются представителями всѣхъ союзовъ государства.

По рѣшенію интернаціональныхъ профессіональныхъ конференцій такими учрежденіями являются: для Австріи—Reichsgewerkschafts-kommission въ Вѣнѣ; для Германіи—Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands; для Франціи—Confédération Générale du Travail.

**) Собственно чехи тогда требовали, чтобы въ вѣнской комиссіи, вмѣсто одного нѣмецкаго секретаря было два. Второй—чешскій долженъ былъ быть совершенно равноправенъ съ первымъ и независимъ. За это предложеніе высказывался и Викторъ Адлеръ.

нальнаго движенія на національныя группы по „персональному“ принципу. Всѣ рабочіе-чехи во всей Австріи, кромѣ своей принадлежности къ общему австрійскому профессіональному движенію, должны были подчиняться спеціально-чешской профессіональной комиссіи. Это бюро должно было вѣдать дѣла борьбы и агитаціи рабочихъ-чеховъ и сноситься съ обще-имперской профессіональной комиссіей, какъ равноправное учрежденіе. На интернаціональныхъ конференціяхъ чешская профессіональная комиссія должна была имѣть такого же представителя, какъ комиссіи всѣхъ другихъ государствъ. Конгрессъ заявилъ, что, охотно идя навстрѣчу требованіямъ чеховъ относительно языка агитаціи и культурныхъ запросовъ, онъ категорически высказывается противъ національнаго расчлененія профессіональнаго движенія.

Въ отвѣтъ на это чехи основали отдѣльную „чешско-славянскую комиссію въ Прагѣ“ (Prager Kommission). По первоначальному плану компетенція этой комиссіи должна была распространяться на всѣхъ чешскихъ рабочихъ Австріи, такъ что каждый рабочій-чехъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, долженъ былъ находиться подъ руководствомъ пражской комиссіи. Съ самаго начала дѣятельности комиссіи стало ясно, что нельзя „обнять необъятное“. Съ самаго начала эта комиссія превратилась въ комиссію чешскихъ рабочихъ Богеміи. Мало того, въ процессѣ роста профессіональнаго движенія эти чешскія группы Богеміи стали сливаться съ имперскими группами безъ различія національности. Такимъ образомъ, Пражская комиссія самымъ ходомъ вещей была превращена въ областной секретаріатъ (Landes-sekretariat), учрежденіе которыхъ было рѣшено конгрессомъ. Эти областные секретаріаты должны были вѣдать дѣла всѣхъ рабочихъ данной области, независимо отъ національности ихъ. Но этотъ, казалось бы, вполнѣ естественный процессъ не привелъ къ желанному результату. Пражская комиссія не сочла возможнымъ объявить себя областнымъ секретаріатомъ. Напротивъ, ея члены все время подчеркивали значеніе комиссіи, какъ высшей руководящей инстанціи чешскаго профессіональнаго движенія Австріи.

Такимъ образомъ, съ самаго начала въ этомъ конфликтѣ столкнулись два принципа: съ одной стороны, государственная централизація профессіональнаго движенія подъ руководствомъ

единой „имперской комиссіи“; съ другой—національное расчлененіе профессіональнаго движенія и учрежденіе во главѣ профессіональныхъ союзовъ каждой націи равноправныхъ національныхъ профессіональныхъ комиссій. Согласно послѣднему плану, общеимперская профессіональная комиссія должна была представлять высшее совѣщательное учрежденіе представителей національныхъ комиссій, причемъ рѣшенія ея не были бы обязательны для отдѣльныхъ національныхъ союзовъ. Эти принципы получили яркое конкретное выраженіе въ докладной запискѣ Пражской комиссіи Амстердамской интернаціональной конференціи секретарей профессіональныхъ комиссій. (Іюнь 1905 года) Къ этой запискѣ намъ еще придется возвратиться.

Вся эта борьба происходила, такъ сказать, въ „верхахъ“ движенія. За тотъ или другой принципъ боролись „главари“: Гюберъ у нѣмцевъ, и Немецъ, Штейнеръ—у чеховъ и друг.

Что же происходило въ это время въ „низахъ“? Что происходило въ самомъ движеніи, какъ шелъ процессъ роста союзовъ?

Дестилѣтіе 1895—1905 годовъ есть эпоха колоссальнаго подъема профессіональнаго движенія вообще въ Европѣ и, особенно, въ Австріи.

Изъ безправныхъ „бумажныхъ“ профессіональныхъ группокъ, разбросанныхъ по всей странѣ, ничѣмъ между собою не связанныхъ, австрійскіе союзы превратились въ мощныя, проникнутыя общей идейной и организаціонной связью, организаціи. Во главѣ всѣхъ профессіональныхъ союзовъ одной какой-либо области или территоріи стояло областное бюро, рѣшавшее всѣ вопросы, касавшіеся всѣхъ работъ данной области. Отъ высшей инстанціи — имперской комиссіи въ Вѣнѣ, была отнята спеціально профессіональная работа, и она превратилась въ совѣщательное учрежденіе областныхъ бюро. Однако рѣшенія Вѣнской комиссіи были обязательны для всѣхъ профессіональныхъ союзовъ. Представитель Вѣнской комиссіи на интернаціональныхъ конференціяхъ являлся представителемъ австрійскаго профессіональнаго движенія. Ростъ союзовъ за это время колоссаленъ. Въ 1901 году всѣ союзы насчитывали 119,000 членовъ,а къ концу 1905-го 323,099.

Обратимся теперь въ частности, къ „чешскому“ профессіональному движенію. Точно прослѣдить его развитіе можно съ 1896-го года, года основанія Пражской комиссіи.

Чешское профессіональное, какъ и соціалистическое движеніе, представляетъ яркій примѣръ борьбы пролетаріата угнетенной націи. Чешскіе рабочіе чрезвычайно легко поддаются соціалистической пропагандѣ, скоро и прочно организуются. Чешскій пролетаріатъ (большинство шестимилліоннаго чешскаго населенія Австріи) счастливо избѣгъ конфликта между „партіей“ и „союзомъ“, раздирающаго пролетарскіе ряды Германіи и Англіи. Всѣ профессіональные чешскіе союзы принадлежатъ одновременно къ соціалдемократической партіи. Движеніе растетъ мощно и быстро вширь и вглубь. „Докладная записка“ Пражской комиссіи, основанной въ концѣ 1898 года даетъ такія цифры для характеристики движенія:

Членовъ платящихъ взносовъ въ 1897 году было: 7,102
„ „ „ „ 1904 „ „ 21,182
Т. е. за 7 лѣтъ число ихъ утроилось.
Взносовъ было за 7 лѣтъ . . . 283.331 крона *)
изъ нихъ истрачено на: агитацію 12.848 „
Стачки 200.000 „

Въ конфликтахъ между трудомъ и капиталомъ поданы юридическіе совѣты:

устные въ 8,152 случаяхъ
письменные въ 1,513 случаяхъ.

Несомнѣнно успѣхъ движенія за семь лѣтъ колоссальный, и нѣтъ никакихъ основаній отрицать, что частью онъ обязанъ работѣ Пражской комиссіи. Впрочемъ, этого и не отрицали самые ярые противники чешскаго „сепаратизма“.

Итакъ, въ Австріи съ 1897-го года существовало двѣ центральныхъ профессіональныхъ комиссіи: одна—общеимперская въ Вѣнѣ, а другая—чешская въ Прагѣ. Какъ мы указали выше, послѣдняя фактически объединяла только чешскихъ рабочихъ Богеміи, т. е. выполняла тѣ функціи, которыя были возложены вторымъ общеимперскимъ съѣздомъ на Пражскій областной секретаріатъ. У нѣмецкихъ главарей движенія такъ же, какъ у нѣкоторыхъ изъ чеховъ, естественно возникала мысль о сліяніи. Были по этому поводу и совѣщанія, въ которыхъ со стороны чеховъ принималъ участіе Рушаръ.

*) Крона немного меньше 40 коп.

Однако это ни къ чему не повело, и на чешской конференціи (Брюннъ, Рождество 1904 года) снова рѣзко былъ поставленъ вопросъ о „германизаторскихъ“ тенденціяхъ и о Вѣнскомъ „централизмѣ“. Большинствомъ было рѣшено отстаивать полную самостоятельность чешскаго профессіональнаго движенія, не входить совершенно въ общеимперскія организаціи и стремиться превратить Пражскую комиссію въ центральный руководящій органъ чешскихъ профессіональныхъ союзовъ всей Австріи.

Такимъ образомъ, затихшая было борьба снова возгорѣлась и настолько сильно, что не допускала никакихъ компромиссовъ. Въ чешской профессіональной прессѣ и на собраніяхъ все чаще раздавались мнѣнія о томъ, что истинной подкладкой централизаторскихъ стремленій „нѣмецкихъ товарищей“ является желаніе „онѣмечить“ чешскихъ рабочихъ и затушевать предъ интернаціональнымъ пролетаріатомъ заслуги пролетаріата чешскаго. Указывалось, между прочимъ, что въ ежегодныхъ отчетахъ Вѣнской имперской комиссіи нѣтъ отдѣльныхъ свѣдѣній о числѣ организованныхъ рабочихъ-чеховъ и что самые отчеты (для Европы) составляются только на нѣмецкомъ языкѣ.

Эти обвиненія въ германизаторскихъ вожделѣніяхъ были настолько рѣзки и настойчивы, что А. Гюберу, представителю Австріи на Амстердамской интернаціональной конференціи секретарей профессіональныхъ комиссій пришлось выслушивать упреки отъ представителей другихъ государствъ и указанія, что такая политика не совмѣстима съ соціализмомъ.

На эту коференцію (іюнь 1905) явился представитель Пражской комиссіи А. Немецъ и ссылаясь, съ одной стороны на рѣшенія Штутгардтской и Дублинской международныхъ конференцій, *) а съ другой—на то, что Пражская комиссія является центральнымъ органомъ союзовъ вполнѣ самостоятельной области, просилъ равноправнаго представительства.

---

*) Ссылка Немеца на рѣшенія Дублинской и Штутгардтской конференцій, по нашему мнѣнію, не вполнѣ основательна. Изъ протоколовъ Штутгардтской конференціи (1902 годъ) видно только, что, согласно предложенію швейцарскаго делегата, было рѣшено, что въ каждомъ государствѣ можетъ существовать только одна профессіональная комиссія. Тутъ же Гюберъ, съ согласія чешскаго представителя, указалъ, что такой комиссіей для Австріи является Вѣнская имперская комиссія. Было рѣшено также въ отдѣльныхъ областяхъ учрежденіе спе-

Имъ была также представлена извѣстная „докладная записка“. Въ запискѣ перечислялись всѣ заслуги Пражской комиссіи предъ интернаціональнымъ рабочимъ движеніемъ. Указывалось, что за 7 лѣтъ ею съорганизовано большое число рабочихъ, что, ведя агитацію среди эмигрирующихъ рабочихъ, комиссія способствовала росту соціализма въ странахъ иммиграціи и т. д. и т. д.

Особенно важна та часть „записки“, гдѣ излагались мотивы, по которымъ чехи должны имѣть отдѣльное представительство.

„Ростъ нашей профессіональной организаціи,—говорилось

ціальныхъ Бюро на случай веденія большихъ стачекъ и борьбы съ локаутами. Представителю Пражской комиссіи, поэтому, было указано, что соглашеніе между Вѣнской комиссіей и Пражскимъ бюро должно происходить только для веденія большихъ стачекъ; въ остальномъ оба учрежденія вполнѣ автономы. Очевидно, этотъ пунктъ далъ чехамъ поводъ считать Пражскую комиссію учрежденіемъ равноправнымъ съ Вѣнскимъ.

А между тѣмъ, дальнѣйшіе дебаты не даютъ повода къ такому толкованію. Изъ протоколовъ видно, что послѣ прекращенія преній чехъ Рушаръ внесъ предложеніе объ учрежденіи равноправной Пражской комиссіи. Но предсѣдатель—Гюберъ не допустилъ обсужденія этого вопроса, заявивъ, что отношеніе къ Пражской комиссіи не касается интернаціональной конференціи, а есть внутренній вопросъ австрійскаго профессіональнаго движенія. Такимъ образомъ ясно, что рѣшеніемъ Штутгардтской конференціи было подчеркнуто подчиненное положеніе Пражской комиссіи. Чтобы хоть отчасти пойти навстрѣчу желаніямъ чеховъ, Гюберъ предложилъ секретарю Пражской комиссіи право представительства на слѣдующихъ основаніяхъ: имперское бюро посылаетъ двухъ делегатовъ, изъ коихъ одинъ является представителемъ нѣмецкихъ національностей. Но при этомъ оба делегата являются на интернаціональныхъ конференціяхъ представителями не отдѣльныхъ національныхъ группъ, а всего австрійскаго профессіональнаго движенія.

На дублинской конференціи (1903 г.) эти рѣшенія приняли еще болѣе опредѣленную форму. Разъ навсегда было единогласно постановлено, по предложенію Легина (Германія) и Кабрини (Италія), что представители на интернаціональныя конференціи посылаются отъ государства и отъ главной комиссіи, а не отъ отдѣльныхъ союзовъ. Между прочимъ, Португаліи было отказано въ представительствѣ, такъ какъ ея союзы не съорганизованы въ центральной комиссіи. Было рѣшено также взимать съ комиссій, посылающихъ представителей на интернаціональныя конференціи, въ пользу интернаціональнаго секретаріата 50 франковъ съ тысячи рабочихъ въ годъ. Это рѣшеніе выполнила для Австріи Вѣнская комиссія. Характерно, что Пражская комиссія не только не прислала представителя въ Дублинъ, но не прислала даже отчета и не собирала денегъ для поддержки международнаго секретаріата, представительства въ которомъ она такъ добивалось.

въ „запискѣ“,—обусловливается общей работой и солидарностью съ политической организаціей, и мы не хотимъ, чтобы наши профессіональные союзы были проникнуты чуждымъ духомъ и управлялись членами чуждыхъ національностей. Выступая въ защиту самостоятельнаго представительства, мы исходимъ изъ основного принципа соціалдемократіи—права націи на самоопредѣленіе. Исходя изъ того, что индивидуальность чешскаго рабочаго, какъ и всякаго другого сознательнаго пролетарія, не терпитъ продолжительнаго руководства со стороны члена чуждой націи, мы желаемъ устранить все то, что можетъ помѣшать необходимой солидарности всѣхъ рабочихъ Австріи“.

Далѣе указывалось, что агитація среди чешскихъ рабочихъ возможна только на чешскомъ языкѣ, который очень медленно уступаетъ свои позиціи нѣмецкому, что политика „нѣмецкихъ товарищей изъ Вѣны“ есть политика „неограниченнаго централизма“, который поведетъ къ такимъ же скернымъ результатамъ, какъ и аналогичная политика австрійскаго правительства.

Записка кончалась пожеланіемъ, чтобы, „Вѣнскіе товарищи“ и конгрессъ избѣгли „большой ошибки“ и дали чешскому пролетаріату возможность работать въ качествѣ равноправнаго члена рабочаго интернаціонала и занять въ немъ то мѣсто, которое „соотвѣтствуетъ его положенію, какъ самостоятельной націи и важнаго фактора въ интернаціональномъ рабочемъ движеніи“.

Характерна еще такая фраза „записки“; фраза, въ которой ясно вылилось оскорбленное чувство представителей угнетенной націи: „Мы ясно сознаемъ свои культурныя, соціальныя и политическія задачи и будемъ очень огорчены, если намъ будетъ отказано въ тѣхъ правахъ, которыя признаны за націями, менѣе развитыми въ индустріальномъ отношеніи, нежели наша, но ставшими самостоятельными, благодаря случайной прихоти какой-либо императрицы или мечу завоевателя“.

Національное чувство, которымъ проникнута записка и страстный тонъ ея произвели на конференціи самое отрицательное впечатлѣніе. Первымъ напалъ на нее „домашній“ врагъ, „нѣмецкій товарищъ изъ Вѣны“ А. Гюберъ. Онъ рѣзко подчеркнулъ сепаратизмъ чеховъ, указалъ на ихъ крайне-націоналистическую точку

зрѣнія и заявилъ, что исполненіе требованій Немеца внесетъ дезорганизацію въ австрійское движеніе.

„Въ Австріи,—сказалъ Гюберъ,—пять равноправныхъ національностей; значитъ, необходимо учредить пять профессіональныхъ комиссій. Между тѣмъ, по рѣшенію предыдущихъ конференцій, въ каждомъ государствѣ должна быть только одна такая комиссія". Далѣе, онъ указалъ, что въ Вѣнской комиссіи есть 3 секретаря-славянина и что интересы въ области языка соблюдаются самымъ тщательнымъ образомъ.

Послѣ рѣчи Гюбера пошли тѣ же разговоры, какіе произносились на международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ, когда рѣчь шла о представительствѣ „націй", а не государствъ. (Вспомните хотя бы заявленіе Р. Люксембургъ о томъ, что „соціалистическое Бюро не этнографическій музей").

Всѣ ораторы высказались противъ предложенія Пражской комиссіи. Представитель Бельгіи находилъ немыслимымъ раздѣленіе бельгійскихъ союзовъ на фламандскіе, французскіе и валлонскіе. Представитель Германіи Легинъ говорилъ, что пришлось бы, пожалуй, устроить въ Германіи комиссію польскихъ профессіональныхъ союзовъ. Англійскіе делегаты предложили даже не вносить „записку" въ протоколъ, а только „принять ее къ свѣдѣнію".

Напрасно Немецъ доказывалъ, что націонализмъ не игралъ никакой роли въ требованіяхъ чеховъ, что въ моменты національныхъ эксцессовъ чешскіе рабочіе боролись за національный миръ.

„Австрія,—говорилъ онъ,—не государство, а союзъ національностей. Если за чешскими рабочими признано право на самостоятельную политическую организацію *), то логически необходимо признать и самостоятельную профессіональную организацію, ибо между ними есть прочная внутренняя связь". Напрасно онъ предлагалъ, наконецъ, отложить обсужденіе своего предложенія

*) Рѣчь идетъ о знаменитой резолюціи Брюннскаго партейтага австрійской соціалдемократической партіи (1899 годъ), послѣ котораго австрійская с. д. р. п. представляетъ собою федерацію пяти (по числу наиболѣе значительныхъ націй Австріи) національныхъ соціалдемократическихъ партій. Протоколы Брюннскаго партейтага имѣются на русскомъ языкѣ. (Книгоиздательство „Серпъ" Кіевъ 1906 годъ.)

до слѣдующей конференціи. Всѣми голосами (воздержались делегаты Испаніи и Австріи) конференція отклонила предложеніе чеховъ. Было рѣшено также не пріобщать записку къ протоколу и пригласить Немеца, какъ гостя, но не какъ делегата.

Чешская попытка добиться автономіи посредствомъ обращенія къ международной конференціи потерпѣла, такимъ образомъ, полную неудачу. Пришлось снова начать борьбу у себя на родинѣ. Кампанію открылъ Немецъ. Онъ прочелъ въ Прагѣ рефератъ объ Амстердамской конференціи, въ которомъ рѣзко осуждалъ поведеніе А. Гюбера и обвинилъ всѣхъ нѣмецкихъ дѣятелей профессіональнаго движенія въ томъ, что они главной своей цѣлью ставятъ „онѣмечиваніе чешскихъ рабочихъ“. Отчетъ объ этомъ рефератѣ былъ напечатанъ въ чешскомъ профессіональномъ органѣ „Pravo Lidu“.

Въ отвѣтъ на это обвиненіе Гюберъ послалъ письмо въ редакцію „Pravo Lidu“, въ которомъ рѣзко отпарировалъ нападки Немеца, требовалъ доказательствъ своей „германизаторской политики“ и категорически подтвердилъ, что ни на пядь не отступалъ никогда отъ принципа національной автономіи. Это письмо не увидѣло свѣта на столбцахъ „Pravo Lidu“. Чехи не напечатали его, и оно появилось позже въ Вѣнской „Arbeiter Zeitung“.

Этотъ некорректный шагъ чеховъ, личныя нападки на Гюбера, съ одной стороны, и упреки въ „шовинизмѣ“ и „буржуазности“ съ другой,— являются самыми непріятными моментами нѣмецко-чешской борьбы въ профессіональномъ движеніи. На этомъ моментѣ мы больше останавливаться не будемъ.

Переходимъ къ послѣдней и наиболѣе характерной попыткѣ мирнаго разрѣшенія конфликта. Попытка эта была предпринята по иниціативѣ лойяльныхъ членовъ враждующихъ сторонъ, и ея характерность состоитъ прежде всего въ томъ, что, вмѣсто примиренія, она повела къ еще большей враждѣ, къ обостренію противорѣчій. Всѣ точки надъ і были поставлены „оскорбительно ясно“, какъ сказалъ бы Ницше, между двумя лагерями была рѣзко проведена демаркаціонная линія, ни та ни другая сторона не пошли на уступки ни на іоту.

Мы говоримъ о такъ называемой, Брюннской конференціи австрійскихъ профессіональныхъ союзовъ, которая была созвана послѣ того, какъ немного улеглись волны чешскихъ протестовъ

противъ „германизаторовъ“. 15-го октября 1905 года въ Брюннѣ съѣхались представители Пражской комиссіи и Вѣнскаго Имперскаго Бюро.

Первое представило сразу же вполнѣ выработанный и законченный планъ организаціи союзовъ, свою программу, отъ которой, какъ заявили чешскіе представители, они не желали отступать.

Въ отвѣтъ на это Имперская комиссія выставила свой планъ организацій, построенный, какъ и слѣдовало ожидать, на діаметрально противоположномъ принципѣ.

Естественно, что никакого компромисса, никакого соглашенія между двумя лагерями не произошло. Это еще не значитъ, что сами принципы не допускаютъ соглашенія; что миръ произойдетъ только тогда, когда одинъ принципъ совершенно подавитъ другой. Напротивъ, мы убѣждены, что правильное рѣшеніе вопроса лежитъ посреди нѣ между двумя крайностями. Такъ или иначе, но въ Брюннѣ перемиріе, столь необходимое для австрійскаго профессіональнаго движенія, не наступило. Крайній вѣнскій централизмъ, съ одной стороны, и столь же крайній чешскій автономизмъ столкнулись между собой, не подавивъ другъ друга.

„Программы“, которыми обмѣнялись въ Брюннѣ обѣ комиссіи, представляютъ выдающійся интересъ не только для исторіи профессіональнаго движенія въ Австріи, но и интересъ теоретическій. Въ нихъ нашли законченное выраженіе оба принципа организаціи профессіональныхъ союзовъ. Приводимъ обѣ программы цѣликомъ.

Программа Пражской комиссіи.

Чешская комиссія въ Прагѣ для устраненія разногласій между Вѣнской и Пражской комиссіями, для предупрежденія вреда движенію и борьбы въ отдѣльныхъ союзахъ, а также для обезпеченія равноправія рабочихъ, принадлежащихъ къ различнымъ національностямъ, предлагаетъ слѣдующія мѣры:

I. а) Признаніе и учрежденіе автономныхъ центральныхъ комиссій съ сферой дѣйствія, распространяющейся на всѣхъ членовъ одной національности.

б) Признаніе единой имперской комиссіи для всей Австріи, составляющейся изъ представителей вышеупомянутыхъ національныхъ комиссій; ея компетенція охватываетъ всѣ случаи и обстоятельства, выходящіе за рамки дѣятельности національныхъ комиссій. Эта имперская комиссія входитъ въ сношенія съ аналогичными учрежденіями другихъ государствъ и назначаетъ делегатовъ на интернаціональныя конференціи рабочихъ.

II. Представители союзовъ, объеденныхъ Пражской комиссіей, признаютъ слѣдующія формы организаціи: *)

1. Организація національныхъ профессіональныхъ ферейновъ и союзовъ.

2. Организація имперскихъ уніоновъ.

3. Организація имперскихъ союзовъ.

4. Организація имперскихъ ферейновъ и интернаціональныхъ картелей **).

а) Правленія имперскихъ организацій должны въ своей дѣятельности и прессѣ соблюдать полное національное равноправіе— цѣль австрійской соціалдемократической партіи. Отдѣльнымъ на-

*) При условіяхъ, которыя будутъ оговорены ниже.

**) Въ виду того, что не всѣ формы профессіональныхъ организацій имѣютъ на русскомъ языкѣ соотвѣтствующее названіе, будетъ нелишнимъ пояснить планъ Пражской комиссіи. Въ основу интернаціональнаго профессіональнаго движенія въ Австріи кладется ячейка—имперскій уніонъ, организующій рабочихъ всѣхъ національностей. Такіе имперскіе уніоны соединяются въ имперскіе же союзы, а послѣдніе въ ферейны. Это — организація по профессіямъ. Такимъ образомъ — имперскій ферейнъ и есть то, что по-русски могло бы значить: всероссійскій союзъ рабочихъ (напр. по металлу).

Интернаціональный картель соотвѣтствуетъ русскому центральному бюро профессіональныхъ союзовъ. Это—органы мѣстнаго объединенія профессіональныхъ союзовъ, цѣлью которыхъ является—„содѣйствіе выясненію вопросовъ, возникающихъ въ отдѣльныхъ союзахъ; сосредоточивать вокругъ бюро учрежденія, въ которыхъ они нуждаются; оказывать помощь возникающимъ и слабымъ союзамъ; служить для разъясненія и справокъ; содѣйствовать установленію связи между городами“. (См. „Вторая конференція профес. союзовъ“. Спб. 1906).

Въ такія бюро входятъ представители всѣхъ профессіональныхъ союзовъ даннаго города. По мысли Пражской комиссіи онѣ тоже „интернаціональны“.

Но зато въ каждомъ имперскомъ союзѣ и ферейнѣ, а, значитъ, области, городѣ и даже заводѣ группки рабочихъ одной національности и профессіи отрываются одна отъ другой и образуютъ одну всеавстрійскую національно-профессіональную организацію со своей „профессіональной комиссіей“. Такимъ образомъ образуются „національные ферейны и союзы“. (см. пункт. 1 „Программы“).

ціональностямъ, сообразно съ количествомъ съорганизованныхъ рабочихъ, дается право пропорціональнаго представительства въ президіумахъ профессіональныхъ съѣздовъ и интернаціональныхъ конференцій.

Имперская комиссія въ своихъ годовыхъ отчетахъ и извѣстіяхъ для интернаціональной прессы должна опубликовывать статистику своихъ членовъ по національностямъ.

б) Каждой національности должно быть гарантировано право, независимо отъ границъ области, обозначенныхъ въ статутахъ ферейна или союза, выбирать агитаціонные и стачечные комитеты. Вѣдѣнію послѣднихъ подлежитъ: редактированіе профессіональнаго органа на родномъ языкѣ; выборъ редактора, секретаря и почетныхъ уполномоченныхъ; рѣшеніе мѣстныхъ стачекъ, когда онѣ распространяются на членовъ одной національности и на такія профессіи, которыхъ нѣтъ въ другихъ областяхъ государства.

в) Правленія не должны чинить никакихъ препятствій учрежденію національныхъ мѣстныхъ группъ, когда въ томъ или другомъ мѣстѣ или городскомъ округѣ тридцать членовъ имперской организаціи, принадлежащихъ къ одной національности и профессіи, укажутъ ту профессіональную комиссію, въ которую они желаютъ платить установленный взносъ.

Въ отвѣтъ на эту декларацію Имперская комиссія, „послѣ основательнаго ея разсмотрѣнія“ вынесла слѣдующую резолюцію:

„Имперская комиссія, понятно, стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что на обязанности ея центральныхъ организацій лежитъ удовлетвореніе потребностей рабочихъ, касающихся ихъ родного языка.

Она объясняетъ далѣе:

1. Что, согласно постановленіямъ профессіональныхъ конгрессовъ, она будетъ строго проводить принципъ централизаціи профессіональнаго движенія.

2. Въ виду того, что предлагаемый Пражской комиссіей планъ организаціи самостоятельныхъ національныхъ профессіональныхъ союзовъ направленъ противъ принципа централизаціи, и его осуществленіе принесло бы тяжелый вредъ общему профессіональному движенію,—всѣ центральныя организаціи должны со всею рѣшительностью бороться противъ этихъ стремленій, противорѣчащихъ интересамъ пролетаріевъ всѣхъ національностей.

3. Согласно съ организаціонными статутами и потребностями профессіональной борьбы за улучшеніе соціальнаго положенія рабочаго класса, всѣ тѣ организаціи, которыя выдѣляются изъ мѣстныхъ, областныхъ или имперскихъ ферейновъ, должны считаться стоящими внѣ австрійскаго профессіональнаго движенія и организаціи не должны входить съ ними ни въ какія сношенія.

4. Стремленію Пражской комиссіи распространить сферу своего вліянія на всѣхъ чешскихъ рабочихъ въ Австріи и превратиться въ чешскую имперскую профессіональную комиссію необходимо воспрепятствовать всѣми мѣрами, ибо это стремленіе не только противорѣчитъ рѣшеніямъ всѣхъ интернаціональныхъ конгрессовъ, но вредитъ профессіональному движенію всѣхъ рабочихъ и препятствуетъ успѣху профессіональной борьбы.

5. Поведеніе представителя Имперской комиссіи на интернаціональной профессіональной конференціи въ Амстердамѣ, высказавшагося противъ допущенія делегата Пражской комиссіи, основано на рѣшеніяхъ штутгартской и дублинской конференцій и вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ постановленіямъ". *)

Такимъ образомъ Брюннская конференція только ярче обозначила конкретныя очертанія той пропасти, которая выросла за 10 лѣтъ между двумя высшими инстанціями чешскаго и австрійско-нѣмецкаго профессіональнаго движенія.

Послѣ конференціи враждующія стороны разъѣхались, ясно понявъ, что о перемиріи не можетъ быть и рѣчи. И стороны начали готовиться къ генеральному сраженію, которое произошло на „чрезвычайномъ конгрессѣ австрійскихъ профессіональныхъ союзовъ" 8-го, 9-го и 10-го декабря 1905 года въ Вѣнѣ.

Прежде, чѣмъ перейти къ преніямъ и результатамъ этого съѣзда, мы попробуемъ прослѣдить, какое оружіе могли привезти съ собою на съѣздъ противники.

Посмотримъ, были ли въ самомъ движеніи такіе факты, которые могли подтвердить справедливость требованій той или другой стороны.

Раньше всего мы должны искать иллюстрацій того пункта, который нѣмцы изъ Имперской комиссіи скромно называютъ

*) См. „Protokoll des ausserordentlichen oesterreichichen Gewerkschaftskongresses, abg. 8—10 dezember 1905 zu Wien". Wien. 1905.

„потребностями, вытекающими изъ различій въ языкѣ“, а чехи болѣе справедливо именуютъ культурными потребностями. И надо сознаться, что, несмотря на всѣ обѣщанія и увѣренія Имперской комиссіи, она далеко не всегда поступала въ этомъ отношеніи лойяльно. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ союзѣ чеховъ приказчиковъ все время распространялись печатныя произведенія на нѣмецкомъ языкѣ, причемъ правленіе мотивировало это тѣмъ, что приказчики всѣ должны знать нѣмецкій языкъ. Во многихъ союзахъ среди рабочихъ-чеховъ распространялась литература на обоихъ языкахъ, причемъ нѣмецкій текстъ былъ предпосланъ чешскому.

Въ это же самое время и въ этихъ же союзахъ нѣмцамъ давалась литература исключительно на нѣмецкомъ языкѣ. Статуты для большинства чешскихъ организацій присылалась на нѣмецкомъ языкѣ. И такіе случаи имѣли мѣсто въ такихъ областяхъ, гдѣ среди сплошного чешскаго населенія живетъ 2% нѣмцевъ. Враждебная рабочему движенію пресса подымала гвалтъ уже по адресу чешскихъ союзовъ, которые, дескать, онѣмечиваютъ чешскія области. Это, конечно, умаляло престижъ союзовъ въ глазахъ неорганизованныхъ рабочихъ. Вопреки здравому смыслу многіе имперскіе союзы издавали чешскіе профессіональные органы не въ тѣхъ центрахъ, гдѣ говорятъ на чешскомъ языкѣ, а въ Вѣнѣ. Стоимость органовъ увеличивалась отъ этого процентовъ на 40 и, кромѣ того, въ нихъ часто появлялись статьи, написанныя такимъ чешскимъ языкомъ, который не былъ понятенъ чехамъ и который давалъ обильную пищу остротамъ враговъ рабочаго класса.

Часто члены правленій адресовали организаціямъ циркуляры, написанные на безграмотномъ чешскомъ языкѣ. Характерны еще упреки чеховъ, что вѣнскія центральныя управленія тратятъ на агитацію среди чешскихъ рабочихъ несообразно малыя суммы по сравненію съ тѣми взносами, которые чехи дѣлаютъ въ центральныя кассы. Особенно громко стали раздаваться эти упреки послѣ того, какъ центральныя управленія не дали своего согласія на нѣсколько стачекъ, рѣшенныхъ мѣстными чешскими организаціями.

Словомъ, работа нѣмецкихъ руководителей въ чешскомъ пролетаріатѣ представляла въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обычную

картину руководства „сверху“ безъ детальнаго знанія среды. Для 1905-го года были справедливы слова Рушара, написанныя имъ на зарѣ чешскаго профессіональнаго движенія: „Незнаніе обстоятельствъ, незнаніе языка—были главными препятствіями. Вѣнская комиссія совершенно не знала положенія дѣлъ въ Моравіи и Богеміи; еслибъ она и знала ихъ, то и тогда она не могла бы успѣшно работать, ибо въ ея распоряженіи было слишкомъ мало силъ. Особенно ясна стала громоздкость аппарата, когда дѣло шло о какомъ-нибудь быстромъ мѣропріятіи.“ Всѣ эти обстоятельства, которыя могутъ показаться мелочами по сравненію съ великими задачами профессіональнаго движенія въ Австріи, этомъ государствѣ „возможныхъ невозможностей“ и національныхъ раздоровъ, играютъ очень важную роль. Всякая борьба, будь она мѣстная, государственная, ведись она за духовныя или матеріальныя блага—всегда принимаетъ тамъ національную окраску, разъ только она ведется между партіями различныхъ національностей. Всякое оскорбленіе національнаго чувства, какъ бы оно ничтожно ни было, разгорается у угнетенной національности, каковы чехи, въ цѣлый пожаръ.

Что же противопоставляли нѣмцы изъ Вѣнской комиссіи этимъ очевиднымъ фактамъ? Прежде всего въ ихъ аргументаціи были упреки въ шовинизмѣ, несеріозности, „нежеланіи считаться съ дѣйствительностью“, и черезчуръ усердномъ подражаніи буржуазнымъ націоналистическимъ партіямъ. Но увы! національный вопросъ въ Австріи есть самая реальная дѣйствительность, съ которой чехи справедливо считаются, и которую нельзя устранить изъ жизни тѣмъ, что запишешь ее въ счетъ буржуазныхъ партій.

Гораздо резоннѣе были соображенія защитниковъ Имперскаго Бюро о вредѣ раскалыванія, расчлененія австрійскаго профессіональнаго движенія, о необходимости строгой централизаціи, о нежеланіи внести національную обособленность въ каждый отдѣльный союзъ, въ каждую ячейку. Но съ этой аргументаціей намъ придется столкнуться при разборѣ протоколовъ съѣзда.

Всего на съѣздѣ присутствовало 239 делегатовъ отъ 64-хъ организацій, представлявшихъ 238,892 рабочихъ.

Докладчикомъ отъ Имперской комиссіи выступилъ ея секре-

тарь—Гюберъ. Въ своемъ рефератѣ онъ прежде всего рѣзко выступилъ противъ обвиненія въ „германскихъ тенденціяхъ". „Прежде чѣмъ обвинять въ такихъ тяжкихъ преступленіяхъ, нужно ихъ доказать", говорилъ онъ. Затѣмъ онъ подчеркнулъ, что чехамъ отказали въ представительствѣ на международной профессіональной конференціи, не какъ „націи", а какъ „организаціи", ибо въ одномъ государствѣ можетъ быть только одна профессіональная комиссія. На этомъ же основаніи было отказано въ отдѣльномъ представительствѣ центральному бюро Берлинскихъ профессіональныхъ союзовъ, насчитывающихъ 20,000 членовъ. Проектъ чешской комиссіи Гюберъ назвалъ „скверной копіей со статутовъ Австрійскихъ профессіональныхъ союзовъ".

Указавъ на то нелѣпое положеніе, при которомъ рабочіе одной небольшой фабрики будутъ принадлежать къ нѣсколькимъ профессіональнымъ организаціямъ и одинъ рабочій-чехъ, живущій на другомъ концѣ Австріи, будетъ подчиненъ Пражской комиссіи, Гюберъ задалъ чехамъ вопросъ: что будетъ высшей инстанціей всѣхъ союзовъ Австріи?

При теперешнемъ положеніи высшей инстанціей всѣхъ центральныхъ организацій является съѣздъ, образуемый ими; его рѣшеніе обязательно для всѣхъ союзовъ. Между тѣмъ, при осуществленіи плана Пражской комиссіи рѣшенія съѣзда будутъ пересматриваться на чешскомъ, польскомъ и т. д. профессіональныхъ съѣздахъ.*)

„Такъ раздувать національное чувство,—говоритъ Гюберъ,—значитъ играть съ огнемъ." Закончилъ докладчикъ тѣмъ, что Вѣнская комиссія не можетъ согласиться ни съ однимъ пунктомъ Пражской Программы.

Отъ имени Пражской комиссіи ему возражали Штейнеръ и Немецъ. Первый упрекалъ имперскіе союзы въ отсутствіи демократизма; онъ указалъ, что одни члены союзовъ имѣютъ больше правъ, чѣмъ другіе. Относительно политики „онѣмечиванія" онъ указалъ, что таковое дѣйствительно проводится, все равно „сознательно или безсознательно; по плану или по глупости". Онъ

*) Въ началѣ конгресса Ярошъ отъ имени чешскихъ рабочихъ, объединенныхъ Пражской комиссіей, заявилъ, что они не берутъ на себя отвѣтственности за рѣшенія конгресса и не считаютъ ихъ для себя обязательными.

привелъ нѣсколько случаевъ, когда чешскимъ союзамъ (каменьщиковъ и текстильныхъ рабочихъ) присылались нѣмецкіе статуты; когда областной секретаріатъ утвердилъ нѣмца, имѣвшаго 30 выборныхъ голосовъ, вмѣсто чеха, получившаго 3000. „Что бы вы сказали, обратился онъ къ нѣмцамъ, если бы для утвержденія редактора нѣмецкаго профессіональнаго органа, вамъ пришлось бы обращаться къ чехамъ?“

„Мы не согласны,—говорилъ онъ,—чтобы нашъ народъ остался безъ представительства; чтобы въ нашихъ органахъ писали люди, не понимающіе по-чешски, чтобы нѣмцы посылали въ Прагу своихъ уполномоченныхъ“. Въ заключеніе Штейнеръ, находя, что вопросъ еще не назрѣлъ, предложилъ отложить его обсужденіе до слѣдующаго конгресса.

Немецъ указалъ, что и Гюберъ не отрицаетъ громадной пользы, которую принесла Пражская комиссія; такъ что неизвѣстно, почему чешскій планъ организаціи кажется ему вреднымъ. Какъ на примѣръ германизаторскихъ пріемовъ, Немецъ указалъ на то, что отчетъ о движеніи для Европы былъ напечатанъ на нѣмецкомъ только языкѣ. „Получается такъ, какъ будто движеніе своимъ успѣхомъ обязано только вѣнцамъ“.

Чехъ Тетенка, делегатъ союза строительныхъ рабочихъ опровергалъ обвиненіе въ „германизаціи“. Въ президіумѣ союза строительныхъ рабочихъ 3 чеха, 2 нѣмца и 1 венгерецъ. Правленіе идетъ навстрѣчу интересамъ каждой націи, поскольку это не вредитъ общимъ интересамъ. Если союзъ издалъ только нѣмецкіе статуты, то это только потому, что у него не было лишнихъ денегъ. Онъ высказывается противъ Пражской программы.

Чехъ Банжъ, считая требованія Пражской комиссіи чрезмѣрными, признаетъ, однако, что въ Богеміи есть, на что пожаловаться. „При централизаціи,—говоритъ онъ,—всѣ деньги стекаются въ Вѣну, а если нужны средства для провинціи, то ихъ не оказывается“.

Чехъ Ярошъ высказывается за Пражскую программу. Кобаль отъ имени словинскихъ рабочихъ заявляетъ, что у нихъ есть національныя требованія, но высказывается противъ Пражской программы, находя ее необоснованной.

Вагнеръ называетъ политику, которую чехи хотятъ привить профессіональнымъ союзамъ, политикой самоубійства. „Вѣдь ка-

питалистъ,—говоритъ онъ,—не спрашиваетъ, когда эксплуатируетъ насъ, чехи мы или нѣмцы?“ Онъ рѣзко высказывается противъ „раскалыванія движенія“.

Чехъ Францъ „отъ имени подавляющаго большинства моравскихъ делегатовъ“ высказывается за единую организацію.

Въ такомъ духѣ высказывалось большинство делегатовъ, даже чеховъ, и Гюберъ въ заключительномъ словѣ имѣлъ полное основаніе сказать, что „центральная форма организаціи одержала блестящую побѣду“.

Результаты поименнаго голосованія (счетъ производился по числу голосовъ, которые делегатъ представлялъ) были слѣдующіе:

противъ программы чеховъ . .	197,202 голоса
за	2,364 „
воздержались	30,686 „
отсутствовали	8,640 „

Среди воздержавшихся больше всего было чешскихъ делегатовъ.

Вопреки своему первоначальному заявленію, чехи рѣшили подчиниться рѣшенію съѣзда.

Для того, чтобы пойти навстрѣчу требованіямъ чеховъ, Бееръ отъ имени Имперской комиссіи внесъ предложеніе реорганизаціи ея. Это предложеніе, единогласно принятое съѣздомъ, состоитъ въ слѣдующемъ:

„Имперская комиссія (въ Вѣнѣ) есть представительство всего профессіонально-организованнаго пролетаріата Австріи. Она состоитъ изъ 16-ти членовъ и шести кандидатовъ къ нимъ; затѣмъ—трехъ контролеровъ и двухъ кандидатовъ. Двѣнадцать членовъ должны всегда жить въ городѣ, гдѣ находится комиссія, а четыре выбираются изъ областныхъ секретаріатовъ Богеміи, Моравіи, Галиціи и Береговой земли. Выбранные на имперскомъ профессіональномъ съѣздѣ и утвержденные областными секретаріатами члены отвѣтственны только предъ профессіональными съѣздами.

Имперской комиссіи въ цѣломъ принадлежитъ право рѣшенія вопросовъ соціальной политики, интернаціональнаго представительства, центральной организаціи и т. д.“

Итакъ, чешская автономія потерпѣла еще разъ очень серьез-

ное пораженіе. Что касается „Вѣнскаго централизма“, то онъ не получилъ никакого ущерба отъ незначительной реорганизаціи Имперской комиссіи. Послѣдняя, съ великодушіемъ побѣдителя, пошла навстрѣчу „требованіямъ чеховъ въ области языка“. При близкомъ разсмотрѣніи это великодушіе не особенно велико: это даже гораздо меньше, чѣмъ скромная „культурная автономія“, однако чехи все-таки получили возможность „въ предѣлахъ существующей организаціи“ вести агитацію на родномъ языкѣ, издавать на немъ періодическія изданія и. т. д; и. т. д.

Желанный миръ однако не наступилъ. Знакомая значительной части россійскаго организованнаго пролетаріата „лойяльная оппозиція“ разрываетъ теперь профессіональные союзы Австріи. Національные раздоры перенесены въ каждую отдѣльную мѣстную организацію, что, конечно, далеко не способствуетъ интернаціональному единенію пролетаріата.

Что характернѣе всего, (характернѣе—въ Австріи, ибо въ Россіи борьба между евреями-искровцами и евреями-бундовцами—явленіе обычное) такъ это распри между чехами на почвѣ тяготѣнія то къ Вѣнской, то къ Пражской комиссіи. Въ концѣ 1906 года на одномъ собраніи сапожниковъ въ Вѣнѣ, на которомъ подавляющее большинство составляли чехи, была принята резолюція, въ которой основаніе „чешскаго союза сапожниковъ“ было заклеймено, какъ „измѣна рабочему классу и его организаціи“. *) Въ очень многихъ мѣстахъ рабочіе чехи дѣлятся на двѣ группы: принадлежащихъ къ имперскому союзу и принадлежащихъ къ чешско-славянскому союзу. Сообразно съ этимъ на чешскомъ языкѣ издаются параллельные и конкуррирующіе профессіональные органы.

Такимъ образомъ борьба за автономію приняла самыя нежелательныя формы и перенесена въ такія ячейки, которыя по самому существу своему, не должны имѣть ничего общаго съ національной борьбой. До настоящаго времени вопросъ стоитъ такъ же, какъ онъ стоялъ на другой день послѣ чрезвычайнаго съѣзда.

---

*) Рѣзкость выраженій можно объяснить тѣмъ, что какъ разъ, когда чехи основывали свой союзъ, происходила большая стачка сапожниковъ и время для раздѣленія было, конечно, неподходящее.

Нечего и говорить, что австрійскому профессіональному движенію этими распрями наносится непоправимый вредъ.

Такова неполная, набросанная въ самыхъ общихъ контурахъ исторія борьбы чешскихъ профессіональныхъ союзовъ. Происходящая въ пролетарской средѣ, длящаяся уже 11 лѣтъ, то разгораясь, то ослабѣвая, эта борьба представляетъ яркую иллюстрацію того, какъ трудно сглаживать національныя тренія, какъ они съ внезапной остротой обнаруживаются въ такихъ областяхъ, гдѣ ихъ меньше всего можно ожидать.

Мы попытаемся въ дальнѣйшемъ заглянуть въ корни явленія, прослѣдить его генезисъ, выяснить не поводы, а причину, подкладку чешскихъ требованій, уяснить себѣ, гдѣ кончается справедливое и гдѣ начинается чрезмѣрное въ домогательствахъ чеховъ. Выводы и значеніе этой борьбы для россійскаго профессіональнаго движенія, поскольку эти выводы не напрашиваются сами собой, мы намѣтимъ въ концѣ статьи.

Если мы спросимъ себя, къ какому моменту развитія австрійскаго профессіональнаго движенія относится первое появленіе національной вражды, первая жалоба на обиліе нѣмцевъ въ правленіяхъ профессіональныхъ союзовъ, на „германизаторскій духъ“, то историческая справка дастъ такой отвѣтъ: это случилось въ томъ фазисѣ развитія профессіональнаго движенія, когда оно изъ безкровнаго, „бумажнаго“ стало массовымъ, окрѣпшимъ. Начавшись въ нѣмецкихъ областяхъ, какъ областяхъ крупно-капиталистической индустріи, движеніе перешло въ области чешскія и и охватило сырыя массы чешскихъ рабочихъ. Піонерами профессіональнаго движенія самой силою вещей были рабочіе-нѣмцы. Они организовали союзы, они вошли въ управленія, секретаріаты и т. д. Когда процессъ стихійнаго развитія втолкнулъ малосознательныя массы чешскихъ рабочихъ въ профессіональные союзы, правленія ихъ почти вездѣ были наполнены нѣмцами. Неудивительно, что малосознательный рабочій чехъ, не особенно отличающій первое время „правленіе“ союза отъ „управленія“ и мало симпатизирующій угнетающимъ его нѣмцамъ - капиталистамъ, нѣмцамъ-судьямъ, нѣмцамъ-чиновникамъ, нѣмцамъ-офицерамъ и. т. д; и. т. д., питалъ очень мало симпатіи къ нѣмцу—члену

правленія профессіональнаго союза. *) Здѣсь, какъ намъ кажется, таится начало упрековъ въ „германизаціи“ и „чуждомъ духѣ“. На этомъ фонѣ каждая оплошность нѣмецкаго уполномоченнаго, каждый статутъ, не переведенный на чешскій языкъ, каждая нѣмецкая прокламація, казалось, вопила объ „онѣмечиваніи“, выростала въ цѣлую гору обвиненій и упрековъ. Національная борьба въ Австріи до сихъ поръ такой могучій факторъ государственной и общественной жизни, что всѣ эти мелочи играютъ рѣшающую роль въ спорѣ чеховъ съ нѣмцами. До сихъ поръ и безсознательные и многіе сознательные рабочіе чехи убѣждены, что всѣ шероховатости въ профессіональномъ движеніи обязаны своимъ существованіемъ руководителямъ—нѣмцамъ, которые не хотятъ (а если бы хотѣли, то не могутъ) удовлетворить справедливыя національныя требованія чеховъ. Чехи утверждаютъ, что руководители—нѣмцы забыли, что „чешскій рабочій не только несетъ на рынокъ свою рабочую силу, но и говоритъ на своемъ языкѣ, живетъ въ національной общинѣ, встрѣчается съ собратьями по національности и долженъ жить именно съ ними“. **)

На этой почвѣ выросла національная нетерпимость чеховъ, ихъ желаніе разъ навсегда выйти изъ-подъ нѣмецкой опеки, жить по собственной указкѣ, а не по чужой, создать собственное независимое чешское профессіональное движеніе. Этотъ сепаратизмъ питается каждой ошибкой, а ошибокъ, надо сознаться, нѣмцы руководители надѣлали немало.

Второй причиной требованій чеховъ является организаціонный строй австрійской соціалдемократической партіи.

Какъ извѣстно, она является федераціей шести націо-

---

*) Въ то время, когда сознательному рабочему вполнѣ ясно, что воля союза есть выраженіе коллективной воли всѣхъ его членовъ, безсознательный рабочій, не согласный случайно съ волей большинства, считаетъ эту волю насиліемъ, а комитетъ союза своимъ „повелителемъ“. Естественно, безсознательному чеху нѣмецъ въ правленіи союза кажется „чужимъ начальствомъ“. Подобное явленіе имѣло мѣсто и въ исторіи профессіональнаго движенія въ Англіи. Шотландскіе и ирландскіе рабочіе очень долго не хотѣли вступать въ англійскіе тредъ-юніоны, потому что они не желали „быть управляемыми англичанами“. Соединеніе состоялось только въ 1889 году. (См. „С. и Б. Веббъ. Англійскій тредъ-юніоны“. Стр. 63, нѣмецкаго изданія).

**) L. Winter. Nationalität und Gewerkschaft. Socialistische Monatshefte. 1906 B. 676.

нальныхъ с. д. партій. Принимая во вниманіе, что въ Австріи связь партіи съ профессіональными союзами очень прочна, нетрудно понять, какъ форма организаціи партіи наводитъ чеховъ на мысль о такой же организаціи союзовъ. Схема ихъ разсужденій чрезвычайно проста: „профессіональные союзы—это тѣло; политическая партія—это духъ; первые—форма, вторая—матерія. Въ одномъ тѣлѣ не можетъ жить шесть душъ сразу". И, признавъ цѣлесообразнымъ и единственно полезнымъ раздѣленіе партіи на шесть національныхъ партій, необходимо дать и союзамъ ту же форму организаціи. *)

Однако, несостоятельность этихъ разсужденій доказать нетрудно. Принципъ организаціи политической партіи рѣзко отличается отъ принципа организаціи союза. Если мы всѣхъ членовъ партіи, исповѣдующихъ одни соціально-политическіе взгляды раздѣлимъ на національныя группы, то тѣмъ самымъ мы создаемъ группировку внутри все же единой партіи. Національныя соціалистическія партіи связаны между собой общими политическими взглядами, общей борьбой за освобожденіе пролетаріевъ всѣхъ національностей. Кромѣ національности, нѣтъ точекъ расхожденія у членовъ партіи.

Не то въ профессіональномъ союзѣ. Въ немъ, будь онъ національно единый или разноязычный, рабочіе съ самаго начала дѣлятся по профессіямъ (Branchenverbände), производствамъ (Industrieverbände), сообразно условіямъ труда и т. д. Эти принципы группировки членовъ по цехамъ и профессіямъ составляютъ незыблемыя основы, самую сущность движенія. Всякій другой планъ организаціи, а въ частности отрываніе національныхъ группъ отъ родственныхъ имъ по профессіи, является дезорганизаторскимъ планомъ. Ни на минуту нельзя упускать изъ виду, что главную цѣль профессіональной борьбы составляетъ улучшеніе матеріальнаго быта рабочихъ. Въ этой борьбѣ, какъ учитъ опытъ, на первомъ планѣ стоитъ централизація финансовъ, централизація управленія, единая профессіональная политика. **)

*) См. Otto Bauer. Nationalitätenfrage und Socialdemokratie. Wien 1907. s. s. 546 u. s. w.

**) Не имѣя возможности останавливаться на этомъ вопросѣ отсылаемъ читателя къ классическому труду супруговъ Веббъ. Очень характерно, что англійскіе рабочіе одно время крѣпко стояли за полную автономію мѣстныхъ союзовъ. Только опытъ борьбы отучилъ англичанъ отъ „мѣстнаго патріотизма" и союзы стали объединяться въ имперскіе уніоны.

Единая рабочая армія должна имѣть единый штабъ. Этимъ штабомъ въ каждой странѣ должна быть единая Центральная профессіональная комиссія.

Итакъ, по нашему мнѣнію, главная цѣль профессіональнаго движенія—экономическая борьба, можетъ вестись тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ строже въ ней соблюденъ принципъ централизаціи. Другого принципа раздѣленія, кромѣ профессіи, союзы не должны примѣнять по самому существу своему.

Есть, однако, еще одна сторона дѣятельности профессіональныхъ союзовъ, на которую у насъ въ Россіи стали обращать вниманіе очень недавно. За послѣдніе полгода во всѣхъ почти союзахъ замѣтно стремленіе поднять умственный уровень членовъ. Фразами „просвѣтительная дѣятельность“, „культурная работа“ и т. д. пестрятъ порядки дня засѣданій профессіональныхъ союзовъ. Нечего и говорить, что распространеніе среди рабочихъ знаній изъ области исторіи, политической экономіи, этики, общественныхъ наукъ и т. д., кромѣ самостоятельнаго значенія, является самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для широкаго распространенія и развитія идей профессіональнаго движенія. Развитой рабочій умѣетъ понять и логически обосновать, почему въ его интересахъ соединяться со своими товарищами по профессіи и классу, почему онъ долженъ бороться противъ могущества капитала. „Каждый рабочій можетъ и долженъ быть сознательнымъ и убѣжденнымъ членомъ профессіональнаго союза, чтобы быть въ состояніи дѣйствовать въ духѣ своихъ убѣжденій на товарищей“. *)

Нетрудно понять, что въ этой культурно-просвѣтительной работѣ профессіональнаго союза члены одной національности сгруппируются вокругъ своей библіотеки, вокругъ руководителя, лектора, читающаго на ихъ родномъ языкѣ. Культурно-національная автономія, образованіе національныхъ секцій внутри единаго союза съ спеціальной цѣлью удовлетворять духовнымъ потребностямъ рабочихъ каждой національной группы въ отдѣльности вотъ—единственно-возможное рѣшеніе вопроса.

Въ тѣхъ крупныхъ центрахъ, гдѣ образованы центральныя бюро профессіональныхъ союзовъ, т. е. представительства всѣхъ

*) П. Умбрейтъ. Значеніе и задачи центральныхъ бюро профессіональныхъ союзовъ. С. П. Б., 1906.

союзовъ безъ различія профессій, можно слить воедино и національныя секціи союзовъ. Этимъ можно сберечь средства и сдѣлать болѣе продуктивной просвѣтительную работу.

Итакъ, до этого пункта вопросъ не представляетъ затрудненій. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о главной цѣли профессіональныхъ союзовъ—экономической борьбѣ,—рабочіе одного государства или области съ единымъ законодательствомъ и одинаковыми экономическими условіями, должны по возможности представлять единую профессіональную организацію съ единымъ управленіемъ и политикой. Централизаціи государственной и капиталистической рабочіе союзы должны противопоставить свою централизованную армію. Для завоеванія матеріальныхъ благъ, общихъ рабочимъ всѣхъ національностей, должна существовать единая интернаціональная рабочая армія.*)

Что касается культурно-просвѣтительной работы союзовъ, т. е. духовной стороны ихъ дѣятельности, то она всецѣло падаетъ на національныя секціи.

Централизація для достиженія интернаціональныхъ экономическихъ задачъ, національная автономія въ дѣлахъ культуры—вотъ формула рѣшенія вопроса.

Но есть въ работѣ профессіональныхъ союзовъ еще одна сторона, гдѣ эта простая формула не даетъ отвѣта на вопросъ. Какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ для достиженія экономическихъ, значитъ, интернаціональныхъ цѣлей, приходится употреблять національныя средства? Пояснимъ примѣрами возможность такихъ случаевъ.

На какомъ языкѣ долженъ говорить ораторъ, призывающій, скажемъ, къ забастовкѣ въ разноязычномъ союзѣ.**)

---

*) На амстердамской конференціи профессіональныхъ союзовъ делегатъ Венгріи заявилъ, что, если бы не препятствія, представляемыя законодательствомъ,—союзы Австріи и Венгріи давно слились бы въ одно цѣлое.

**) Всякому работавшему въ россійскомъ профессіональномъ движеніи знакома масса затрудненій, возникающихъ на этой почвѣ. Пишущему эти строки приходилось присутствовать на собраніяхъ профессіональныхъ союзовъ съ такимъ составомъ: 95% евреевъ и 5% русскихъ. И, несмотря на очевидную свою нелѣпость, проходили предложенія говорить на русскомъ языкѣ, ибо „еврей хоть что-нибудь понимаетъ по-русски, а русскій по еврейски ничего абсолютно“. Наконецъ, русскій языкъ государственный, общепринятый и т. д.

Выяснялась, можетъ быть безсознательно, руссификаторская тенденція, вполь-

Кто долженъ назначать редактора національной профессіональной газеты? Чье мнѣніе долженъ выражать національный профессіональный органъ—всего ли профессіональнаго союза или только данной національной группы?

Словомъ, вопросъ идетъ объ языкѣ устной и письменной агитаціи. Здѣсь тѣсно сплетаются національныя средства и интернаціональная цѣль работы союза. Именно здѣсь вся сущность спора, и рѣшеніе должно быть особенно осторожное. Предоставить національной секціи цѣликомъ вѣдѣніе агитаціей, назначеніе редактора органа и т. д. значитъ дать ей не только культурную, а полную автономію, т. е. итти противъ необходимой централизаціи. Съ другой стороны, лишить ее совершенно права вмѣшиваться въ дѣла агитаціи и пропаганды среди членовъ ея національности, значитъ, порвать связь между нею и родными ей массами неорганизованныхъ рабочихъ. И то, и другое—ошибки, вредныя для успѣха дѣла.

Необходимъ средній путь рѣшенія. Его можно охарактеризовать формулой: интернаціональное, централизованное веденіе дѣла и мѣстный національный контроль. На общія собранія каждая національная секція можетъ и должна посылать своихъ ораторовъ, но они должны подчиняться директивамъ правленія союза и говорить въ назначенныхъ имъ рамкахъ. Редакторъ профессіональнаго органа, на какомъ бы языкѣ онъ ни издавался, назначается правленіемъ имперскаго союза, но мѣстная національная секція выдѣляетъ изъ своей среды особую комиссію, контролирующую его дѣятельность. Если редакторъ не удовлетворяетъ требованіямъ, секція не имѣетъ права удалить его, а докладываетъ объ этомъ правленію союза. Конфликтъ разрѣшается на обще-профессіональномъ съѣздѣ.*)

Этимъ путемъ удовлетворяются справедливыя требованія національныхъ группъ въ союзахъ и сохраняется необходимая централизація движенія.

Мы не говоримъ, что это единственно-вѣрный путь, устра-

нѣ аналогичная той, за которую упрекаютъ чехи „товарищей изъ Вѣны“. Аналогію можно провести и дальше: за увѣренія представителей еврейскихъ рабочихъ партій, что 3/4 рабочихъ евреевъ ни слова не поймутъ по-русски, на нихъ сыпались упреки въ „шовинизмѣ“, „національнизмѣ“ и другихъ смертныхъ грѣхахъ.

*) См. Otto Bauer. Nationalitätenfrage und Socialdemokratie. Wien 1907 г.

няющій всѣ національныя тренія. Послѣднія необходимо будутъ имѣть мѣсто и при его осуществленіи. Нельзя забывать, что профессіональный союзъ—это демократическая организація, въ которой неизбѣжно давленіе большинства надъ меньшинствомъ, независимо отъ того, національное ли оно или нѣтъ. Мы говоримъ только, что этотъ планъ стремится сгладить обѣ вредныя крайности: полную централизацію, игнорирующую справедливыя требованія національныхъ группъ, и національную де-централизацію, раздробляющую цѣльное профессіональное движеніе и ставящую во главу угла второстепенный въ профессіональномъ союзѣ національный принципъ.

Всякій, стоящій на той точкѣ зрѣнія, что Россія есть и будетъ ареной такой борьбы національностей, предъ которой поблѣднѣетъ австрійская, пойметъ какъ важенъ для россійскихъ дѣятелей профессіональнаго движенія примѣръ чешско-нѣмецкой борьбы.

Пока эта борьба въ россійскихъ союзахъ только намѣчается, ее во многихъ даже разноязычныхъ городахъ и областяхъ нѣтъ. *) Но для внимательнаго наблюдателя, не пропустившаго ни одного явленія жизни союзовъ, не является никакого сомнѣнія, что эта борьба пока только таится въ глубинѣ движенія и появится на его поверхности, какъ только въ свободной Россіи разовьется демократическое массовое профессіональное движеніе,

*) Пишущему эти строки пришлось участвовать въ организаціи „національнаго рабочаго совѣта“ и на практикѣ убѣдиться во вредѣ подобныхъ учрежденій Въ „дни свободъ“ въ одномъ большомъ южномъ городѣ, какъ и во многихъ городахъ, былъ образованъ „городской совѣтъ рабочихъ депутатовъ“. По ошибкѣ семи членовъ „русскихъ“ партій этотъ „городской“ совѣтъ былъ учрежденъ въ заводскомъ предмѣстьи, очень далеко отъ города. Вмѣсто того, чтобы устроить два совѣта, городской и заводской, ихъ соединили въ одинъ, засѣдавшій внѣ города. Представителямъ городского ремесленнаго пролетаріата, въ подавляющемъ большинствѣ евреямъ, приходилось тратить на ходьбу на совѣщанія массу времени, поздно получать директивы и т. д. Кромѣ того, голосъ ремесленниковъ, ихъ специфическія требованія терялись среди громаднаго большинства представителей заводского пролетаріата. Наконецъ, разница между движеніемъ въ городѣ и на заводахъ, между революціоннымъ пыломъ и темпераментомъ городского-еврейскаго и заводского-русскаго пролетаріата было неодолимымъ препятствіемъ для общей выработки какихъ бы то ни было плановъ. Исходя изъ этихъ причинъ, работники городского (т. е. почти исключительно еврейскаго) профессіональнаго движенія совмѣстно съ представителями еврейскихъ партій (еврейской соціали-

какъ только въ нихъ войдутъ свѣжія „коренныя“ рабочія массы.

И уже существующіе профессіональные союзы, ячейки, организаціонныя ядра будущихъ великихъ всероссійскихъ союзовъ должны встрѣтить неминуемую національную сумятицу во всеоружіи знаній и опыта. А послѣдній учитъ насъ, что въ профессіональномъ движеніи будущей Россіи не должна имѣть мѣста ни насильственная руссификація, ни національный сепаратизмъ.

Строго централизованной, грозной въ своей великой солидарности и единомъ управленіи, уважающей всѣ національныя права и требованія своихъ гражданъ-членовъ россійская рабочая армія пойдетъ навстрѣчу своимъ великимъ задачамъ.

А. Неми.

стической и сіонистско-соціалистической) учредили „Еврейскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ“. Всѣ вышеупомянутыя затрудненія были устранены. Совѣтъ засѣдалъ безпрерывно всѣ дни забастовки, директивы доставлялись всѣмъ цехамъ своевременно, быстро издавались и распространялись листки...

Пульсъ—совѣтъ бился въ унисонъ съ лихорадочнымъ темпомъ еврейской пролетарской жизни, которой онъ вполнѣ выражалъ собою.

Но и отрицательная сторона учрежденія „Еврейскаго совѣта“ дала себя знать очень скоро.

Совершенно безсознательно мы расширили пропасть между еврейскимъ и не-еврейскимъ пролетаріатомъ. Это безсознательное, съ нашей стороны, „обостреніе отношеній“ уже съ агитаціонными цѣлями продолжалось нашими партійными противниками. На цѣломъ рядѣ заводскихъ митинговъ, вмѣсто того, чтобы прояснять классовое самосознаніе заводскихъ рабочихъ (которые пока въ этомъ весьма нуждаются), представители „единой, недѣлимой р. с. д. р. п“. говорили о „сепаратизмѣ“, „націонализмѣ“ и т. п. грѣхахъ еврейскихъ партій. Сѣмя вражды давало обильные ростки и затѣмъ съ успѣхомъ было использовано темными подстрекателями.

Пишущій эти строки нисколько не сомнѣвается, что образованіе „Еврейскаго совѣта“ было неумѣстнымъ шагомъ. Но и только. Въ то время великаго подъема нами, какъ и всѣми работниками революціи менѣе всего, конечно, преслѣдовались сепаратистскія цѣли. Нашъ единственный лозунгъ была цѣлесообразность организаціи, ея пригодность для борьбы. Только исходя изъ этихъ соображеній мы основали „совѣтъ“.

То, что съ нашей стороны было ошибкой, наши противники превратили въ свое преступленіе.

Штутгартскій Конгрессъ.

I.

Многіе посѣтители Штутгартскаго Международнаго Соціалистическаго Конгресса,—особенно, „гости“,—уѣхали, говорятъ, очень разочарованными. Они ожидали гораздо большаго: больше выраженія силы и мощи растущей арміи пролетаріата, больше энтузіазма со стороны борцовъ за обновленіе человѣчества, больше практическихъ и рѣшительныхъ выступленій и, въ то же время, больше интеллектуальнаго и нравственнаго творчества. Резолюціи, принятыя съѣздомъ, являются, по ихъ мнѣнію, топтаніемъ на одномъ мѣстѣ. Онѣ не подвинули ни на шагъ дальше дѣло международнаго соціализма.

Прессѣ уже приходилось считаться съ этимъ настроеніемъ разочарованія, оставленнымъ у нѣкоторыхъ Штутгартскимъ Конгрессомъ. „Товарищъ“, въ статьѣ г. Е. К., оправдываетъ конгрессъ тѣмъ соображеніемъ, что пора юношескихъ увлеченій, пора, такъ сказать, „звуковъ сладкихъ и молитвъ“, прошла для Интернаціонала. Наступило время трезвой работы, будничныхъ мелочей, и въ этомъ обстоятельствѣ,—быть можетъ, мало привлекательномъ для постороннихъ,—и кроется залогъ успѣха рабочаго движенія.

Мнѣ кажется, что Конгрессъ не нуждается въ такой защитѣ, и всѣ эти обвиненія суть только плодъ недоразумѣнія и недостаточнаго знакомства съ дѣломъ.

Сравниваютъ Штутгартъ съ Лондономъ, Цюрихомъ и Парижемъ. Но при этомъ забываютъ, что со временъ Парижа сама организація конгресса значительно измѣнилась. На предыдущихъ соціалистическихъ съѣздахъ центръ тяжести занятій лежалъ въ засѣданіяхъ пленума. Выдающіеся предводители международнаго соціализма выступали передъ делегатами, гостями и публикой

съ тѣмъ, что у нихъ, у каждаго, на душѣ наболѣло. Они громили старый отживающій міръ въ лицѣ представителей власти отдѣльныхъ странъ; они освѣщали всѣ жестокости властвующихъ классовъ за истекшій періодъ. Передъ пленумомъ они раскрывали свѣтлые горизонты будущаго, знакомили товарищей съ положеніемъ соціалистическаго движенія въ своей странѣ, у своего народа. Тутъ же, передъ пленумомъ, происходили боевыя схватки между различными теоретическими теченіями и разбирались фракціонныя и организаціонныя междуусобія. Человѣкъ, внимательно прослушавшій все, что говорилось на открытыхъ засѣданіяхъ съѣзда, уходилъ, обогащенный многими свѣдѣніями; его отношеніе къ тому или другому вопросу, къ тому или другому событію,—партійному или міровому,—прояснялось. Другъ или врагъ, онъ поражался той умственной энергіей, той лавиной пламеннаго чувства, которыя обнаруживались на конгрессѣ.

Нынѣ картина совершенно измѣнилась. Засѣданія пленума отодвинулись, по своему историческому значенію, почти совсѣмъ на задній планъ. Законъ дифференціаціи функцій восторжествовалъ и въ работахъ съѣзда. Рядомъ съ пленумомъ появился рядъ новыхъ образованій, въ которыхъ находитъ свое выраженіе умственная работа конгресса.

Это, во-первыхъ, литературныя публикаціи Интернаціональнаго Бюро. На Штутгартскомъ Конгрессѣ онѣ фигурировали въ видѣ трехъ внушительныхъ томовъ, гдѣ читатель находитъ отчеты о дѣятельности соціалистическихъ организацій въ различныхъ странахъ, отчеты о засѣданіяхъ самого Интернаціональнаго Бюро и, затѣмъ, резолюціи, предлагаемыя конгрессу, съ обширными комментаріями и докладами по нимъ. *) Если отчеты и раньше печатались къ съѣздамъ и раздавались делегатамъ, то текстъ ре-

*) 1) L'Internationale Ouvriere et Socialiste. Rapports soumis au Congrés Socialiste International de Stuttgart (18—24 août 1907) par les organisations socialistes d'Europe, d'Australie et d'Amérique sur leur activité pendant les années 1904—1907. Edition française publiée par le Secrétariat du Bureau Socialiste International. Préface d'Emile Vandervelde, томъ первый, 422 стр. 2) Тоже, томъ второй, Augmente d'une note complementaire sur le mouvement ouvrier et d'une étude sur l'organisation internationale de la Jeunesse Socialiste, 584 стр. 3) Antrâge und Beschluss-Eutwürfe nebst Begründungen an den Internationalen Socialistischen Kongress zu Stuttgart (18—24 August 1907). Dreisprachige Ausgabe des Internationalen Socialistischen Bureaus. XCVI + 608 стр.

золюцій и ихъ защита, со стороны вносившихъ ихъ, занимали вниманіе пленума.

Во вторыхъ, коммиссіи, выбранныя для обсужденія каждаго отдѣльнаго пункта порядка дня и для выработки возможно единогласной резолюціи. Первоначально служившія ареной для пробы силъ и опредѣленія позицій противниковъ, коммиссіи уже на Амстердамскомъ съѣздѣ превратились въ генеральную пробу сраженія и окончательно сдѣлались на Штутгартскомъ Конгрессѣ главнымъ полемъ борьбы, почти что единственнымъ и рѣшающимъ полемъ. Пленуму выносится результатъ, представляющій собою діоганаль взаимно пересѣкающихся идейныхъ силъ; и только ужъ очень безпокойная сила, подъ давленіемъ уже очень важныхъ соображеній, рѣшается на пленумѣ вновь выдѣлиться изъ алгебраической суммы и разности, въ которой она была учтена и потоплена въ засѣданіяхъ коммиссіи. Но, и въ этомъ случаѣ, ея судьба заранѣе предопредѣлена на собраніяхъ, имѣющихъ мѣсто, опять таки, внѣ пленума.

На Штутгартскомъ Конгрессѣ замѣчается болѣе серьезное отношеніе къ занятіямъ отдѣльныхъ національныхъ секцій. Ихъ мы должны считать третьимъ органомъ международнаго конгресса. Делегаты, посланные секціями въ коммиссіи, возвращались въ секцію, давали отчеты обо всемъ, происходившемъ тамъ, мотивировали то или другое отношеніе, въ которое секція должна стать къ тому или другому вопросу, къ той или другой резолюціи. Такимъ образомъ, на засѣданіе пленума товарищи приходили съ вполнѣ готовымъ рѣшеніемъ о томъ, къ какой изъ борющихся резолюцій пристать, и само пленарное засѣданіе превращалось лишь въ мѣсто, гдѣ дѣлаются (и, обыкновенно, плохо выслушиваются) оффиціальныя заявленія со стороны тѣхъ или другихъ народовъ, организацій или направленій, и гдѣ оффиціально производится подсчетъ голосовъ.

„Эмоціональныя функціи“ Конгресса, весь его гнѣвъ и вся его надежда, именно тѣ „звуки сладкіе и молитвы“, которые составляютъ для многихъ единственную прелесть соціалистическихъ конгрессовъ, естественно выдѣлились уже на Амстердамскомъ Конгрессѣ въ особыя, опять таки, внѣконгрессныя засѣданія: въ „народный митингъ“, или въ нѣсколько народныхъ митинговъ (въ Амстердамѣ ихъ было два) и въ банкеты.

Кромѣ того, въ связи съ конгрессомъ на этотъ разъ засѣдало еще два съѣзда, состоявшихъ исключительно изъ делегатовъ на тотъ же Интернаціональный Конгрессъ: „Междупарламентская коммиссія Интернаціонала“ и „Первая Международная Конференція Женщинъ-соціалистокъ“. Затѣмъ, въ связи все съ тѣмъ же Штутгартскимъ Конгрессомъ, имѣло мѣсто первое засѣданіе представителей всемірной соціалистической рабочей молодежи.

Необходимо ознакомиться со всѣми литературными публикаціями, со всѣми занятіями коммиссій и секцій, рѣчами на митингахъ и банкетахъ, засѣданіями параллельныхъ и спеціальныхъ съѣздовъ и собраній и тогда къ нимъ прибавить пленарныя засѣданія самого конгресса, для того, чтобы вынести тотъ или другой приговоръ о важности и значеніи работъ съѣзда.

Къ сожалѣнію, репортерскія и стенографическія функціи партійной прессы и партійныхъ секретарей еще не наладились, какъ слѣдуетъ, и многое изъ того, что происходитъ на самомъ конгрессѣ или на связанныхъ съ нимъ засѣданіяхъ, совершенно пропадаетъ для исторіи. Не далеко, надѣемся, то время, когда Интернаціональное Бюро будетъ издавать на все продолженіе конгресса свою собственную газету, которая съ фонографической точностью передастъ міру всѣ малѣйшія проявленія того поистинѣ грандіознаго, хотя и часто повторяющагося міроваго событія, имя которому Международный Соціалистическій Конгрессъ. Чисто информаціонная книга, составленная на основаніи такихъ полныхъ отчетовъ о какомъ либо отдѣльномъ съѣздѣ, была бы не только незамѣнимымъ историческимъ памятникомъ, не только источникомъ для изученія исторіи международнаго соціализма, но и евангеліемъ его, лучшимъ руководствомъ для проповѣди его идей.

Будь у насъ такія книги о конгрессахъ, онѣ бы показали намъ, что Штутгартскій Конгрессъ нисколько не уступаетъ своимъ предшественникамъ ни по важности, высказанныхъ на немъ мыслей, ни по качеству и глубинѣ, обнаруженныхъ на немъ страстей, а по нѣкоторымъ пунктамъ безспорно превосходитъ ихъ.

Я не имѣю претензіи составлять такую книгу о Штутгартскомъ Конгрессѣ. Для этого нѣтъ ни необходимыхъ матеріаловъ,

большая часть которыхъ на вѣки канула въ Лету, ни необходимаго времени. Руководимый спеціальными задачами нашего изданія, я выхватываю лишь одну главу изъ нея,—правда, на мой взглядъ, самую интересную,—которую можно было бы озаглавить: „Націонализмъ и интернаціонализмъ на Штутгартскомъ Конгрессѣ“. При свѣтѣ этой главы я коснусь поверхностно и другихъ важнѣйшихъ моментовъ и результатовъ съѣзда.

II.

Необходимо, всетаки, подѣлиться съ читателемъ парою эпизодовъ, относящихся къ внѣ-конгресснымъ проявленіямъ съѣзда, для того, чтобы онъ могъ судить, какая масса интереснаго, важнаго и глубокаго говорилось и внѣ стѣнъ его.

Начну съ „эмоціональной части“, съ тѣхъ „звуковъ сладкихъ и молитвъ“, назначеніе которыхъ — очищать и освѣжать душу сознаніемъ величія того единственно святаго дѣла, надъ которымъ работаетъ человѣчество, въ лицѣ международнаго соціалистическаго пролетаріата.

Не знаю, найдется ли въ исторіи всѣхъ предыдущихъ съѣздовъ эпизодъ, подобный рѣчи швейцарскаго делегата Грейлиха, произнесенной имъ на народномъ митингѣ, на отнынѣ историческомъ Капштатскомъ Лугу.

Старый, сѣдовласый работникъ интернаціональнаго соціализма, самъ вышедшій изъ нѣдръ пролетаріата, вспомнилъ въ своей рѣчи то время, когда онъ, сорокъ два года тому назадъ, въ томъ же самомъ Штутгартѣ, въ той же самой „Lieder-Halle“, въ которомъ происходятъ засѣданія съѣзда, вмѣстѣ съ немногими товарищами положилъ начало Интернаціоналу въ Германіи.

„Насъ только двое осталось изъ этой дружины: я, да Бебель; зато сама дружина увеличилась“, говорилъ онъ, окидывая взоромъ стотысячную толпу. „Въ рабочемъ классѣ заложены нами“, продолжалъ онъ, „сѣмена великаго и прекраснаго идеала человѣчества, идеала будущаго общества. Въ милліонахъ сердецъ этотъ идеалъ пустилъ глубокіе корни, и никакая полиція, никакія наказанія не могутъ вырвать ихъ. (Бурные аплодисменты). Глубоко въ человѣческомъ сердцѣ лежитъ зарытою тоска по счастью, тоска по обществу, въ которомъ не будетъ рабства, не будетъ эксплуатаціи,—по обществу, которое освободитъ всѣхъ трудолюбивыхъ людей отъ заботы, какъ справиться съ жиз-

ненной нуждой. Эта тоска глубоко скрыта даже у всѣхъ тѣхъ, которые теперь совершенно не сознаютъ этого. Даже среди нашихъ противниковъ находится не мало людей, которые потомъ осознаютъ свою тоску. И тогда исторія сдѣлаетъ крупный шагъ впередъ. (Бурные аплодисменты). Эта конечная цѣль нашихъ стремленій дѣлаетъ нашу силу твердой, какъ сталь. На мою долю выпало счастье видѣть своими глазами могучій ростъ рабочаго класса въ эти сорокъ лѣтъ. Какъ евреи, подъ предводительствомъ стараго Мойсея, который тоже былъ крамольникомъ, подстрекателемъ и зачинщикомъ стачки (бурная веселость), сорокъ лѣтъ должны были блуждать въ пустынѣ, прежде, чѣмъ они пришли въ обѣтованную страну, такъ и рабочее движеніе имѣетъ свой Ханаанъ. Оно завоюетъ ту святую землю, на которой человѣчество воспрянетъ къ участію въ святомъ культурномъ наслѣдіи человѣчества же. (Бурные аплодисменты) „Да здравствуетъ наша великая и святая конечная цѣль!“ (бурное „hoch!“).

Такова жизненная философія старика-борца-соціалиста. Пережившій, вмѣстѣ съ своимъ классомъ, въ вѣчныхъ стачкахъ съ буржуазіей весь ужасъ экономическаго гнета и эксплуатаціи, самъ испытавшій въ каждодневной борьбѣ, какія громадныя усилія необходимо было напрягать, какія жертвы приносить, чтобы отвоевать у буржуазіи хоть клочекъ житейскихъ благъ для рабочаго класса, онъ, сынъ народа, близкій его страданіямъ, нищетѣ и болѣзнямъ, стоя на краю могилы, завѣщаетъ своимъ товарищамъ вѣру въ человѣка, эту основу его вѣры въ соціализмъ; вѣру въ человѣка, какъ плодъ всѣхъ его многолѣтнихъ думъ и замѣтъ о жизни, какъ конечный выводъ всего его богатаго житейскаго опыта, какъ торжественный финалъ всей его жизни, посвященной борьбѣ за народное счастье...

Чѣмъ-то пророческимъ, древне-еврейскимъ вѣетъ отъ этой фигуры и отъ этой коротенькой рѣчи...

Если правда то, что Грейлихъ говорилъ объ общечеловѣческой тоскѣ по справедливому общественному строю, то она именно потому такъ бурно прорывается въ пролетаріатѣ,—что его классовое положеніе совпадаетъ съ нею и подчеркиваетъ ее. У буржузіи эта тоска все-таки заглушается и придушивается ея классовымъ положеніемъ и ея классовымъ интересомъ. Если эта тоска и лежитъ теперь „глубоко зарытою“ въ сердцѣ буржуазіи, то развѣ только въ видѣ прочно свернутой „въ три погибели“ спирали, скрученной и зажатой въ тискахъ классовыхъ вождѣленій. Конечно, въ тотъ моментъ, когда революціонныя побѣды пролета-

ріата сдѣлаютъ для нея очевиднымъ безплодность своего сопротивленія, освобожденная „пружина“ общечеловѣческой тоски выпрямится и сдѣлаетъ свое дѣло: она отниметъ у буржуазіи внутреннее сознаніе правоты своего дѣла и будетъ безпрестанно ей твердить: общечеловѣческая правда и общечеловѣческая справедливость—на сторонѣ соціалистическаго пролетаріата. Да и теперь эта тоска прорывается наружу у цѣлаго ряда отдѣльныхъ лицъ изъ буржуазіи, отрывающихся отъ своего класса и переходящихъ въ соціалистическій лагерь. Совершенно правъ, поэтому, Гэдъ, который, на послѣднемъ съѣздѣ французской партіи, указывалъ, въ своей рѣчи противъ узкаго пролетаризма Лягарделя, на роль и значеніе интеллигенціи въ соціалистической борьбѣ и въ соціалистическомъ обществѣ.

„Для будущаго общества“, говорилъ онъ, „мы должны имѣть химиковъ, инженеровъ, профессоровъ“ (живое одобреніе со всѣхъ сторонъ). Дезертиры буржуазіи, которые, подобно Лягарделю, отождествляютъ свое дѣло съ дѣломъ пролетаріата, нисколько не мѣшаютъ классовому характеру соціалистическаго движенія. Во всѣхъ революціяхъ господствующій классъ выставляетъ борцовъ за новый строй, какъ и наоборотъ, не мало защитниковъ стараго выдвигаетъ тотъ классъ, въ интересахъ котораго совершается революція“.

Но оставимъ буржуазію. Исторія въ свое время обнаружитъ справедливость или же, наоборотъ, романтическую взвинченность той жизненной философіи, которая воодушевляетъ людей, подобныхъ Грейлиху. Спросимъ себя, какъ теперь обстоитъ дѣло съ этой тоскою у самого пролетаріата, у его предводителей на аренѣ соціалистической борьбы? Не заслоняется ли она и у него тысячью мелочей повседневной жизни и повседневной борьбы?

Да, очень часто заслоняется. Въ особенности послѣдніе годы были мало благопріятными для проявленія этой тоски. Глубокая вѣра въ близкое безкровное торжество соціалистическаго дѣла, обезпеченное самимъ ростомъ пролетаріата,—торжество путемъ „штимцетеля“, не вызывала надобности въ другихъ мотивахъ и чувствахъ, кромѣ боевой энергіи и сознанія, что естественный ходъ вещей ведетъ все къ лучшему на этомъ худшемъ изъ путей. Пролетаріату въ это время не приходилось задумываться, ни надъ практическими мѣрами непосредственнаго осуществленія соціалистическаго идеала, ни надъ тѣми методами борьбы, какъ наносить непосредственные удары капиталистическому обществу.

На всѣ эти вопросы господствующее міровоззрѣніе давало научно-обоснованный отвѣтъ: развитіе капитализма, укрѣпленіе позицій рабочаго класса, политическая и экономическая классовая борьба пролетаріата.

Но этотъ отвѣтъ пересталъ удовлетворять значительную часть современнаго пролетаріата. Она начинаетъ спрашивать себя: въ чемъ же должна выражаться моя соціалистическая повседневная работа, помимо чисто классовой борьбы? И отвѣтомъ на этотъ вопросъ является—„тоска“, тоска по формамъ непосредственнаго революціоннаго нападенія на буржуазію и по программѣ положительныхъ реформъ общества въ соціалистическомъ духѣ.

Совершенно неожиданно прорвалась эта тоска по „положительной“, чисто соціалистической политикѣ на засѣданіи интерпарламентской коммиссіи, къ концу ея занятій.

Приведу этотъ поучительный эпизодъ цѣликомъ.

Трульстра (Голландія) поднялъ вопросъ, не наступила ли уже пора заняться выработкой своей собственной системы соціал-демократической политики. „То, чѣмъ мы въ настоящее время занимаемся въ парламентахъ, есть въ сущности буржуазная политика или, въ лучшемъ случаѣ, государственный соціализмъ. Весь споръ между ревизіонизмомъ и радикализмомъ имѣетъ своимъ основаніемъ то обстоятельство, что мы не имѣемъ своей собственной системы политики, что мы пока еще вынуждены работать политическими средствами буржуазнаго общества. Когда видишь, что во Франціи появилось сильное анархическое, по крайней мѣрѣ, антимилитаристское теченіе, которое находитъ себѣ послѣдователей и въ Германіи, (нѣмцы возражаютъ), то ясно, что и это вытекаетъ изъ того же недостатка собственной политической системы не только для далекаго будущаго, а уже для посредственнаго настоящаго. Вношу предложеніе—выбрать небольшую коммиссію для изученія этого вопроса“.

Вальянъ (Парижъ): То, что Трульстра намъ сказалъ, было очень интересно. Но я считаю невозможнымъ, чтобы уже теперь нарисовать картину будущаго строя. Жоресъ когда-то обѣщалъ дать что-то подобное (шутливое настроеніе). Но онъ забылъ свое обѣщаніе. (Жоресъ откликается: „Я никогда ничего не забываю“. Шутливое настроеніе) Тогда пусть это

Жоресъ дѣлаетъ за собственный страхъ и рискъ. Партія не можетъ принять на себя эту отвѣтственность. Мы внимательно выслушали Трульстру, но слѣдовать за нимъ не можемъ.

Жоресъ: Предложеніе Трульстры собственно не относится къ намъ. Если уже заняться этимъ вопросомъ, то необходимо отдать его на предварительное обсужденіе отдѣльнымъ націямъ, ибо здѣсь дѣло идетъ о важнѣйшихъ проблемахъ, интересующихъ соціальную демократію. Здѣсь дѣло идетъ, я думаю, не о томъ, чтобы набросать программу и архитектурный планъ будущаго общества, а о томъ, какъ осуществить наши минимальныя требованія. Во Франціи мы поставлены передъ вопросомъ: что же намъ предстоитъ дѣлать, когда буржуазный радикализмъ, находящійся теперь у кормила правленія, осуществитъ свои требованія или окажется непостояннымъ? Въ обоихъ случаяхъ на насъ лягутъ тяжелыя задачи. Каутскій въ своей книгѣ самымъ положительнымъ образомъ занимается разработкой законодательныхъ вопросовъ будущаго государства. Да и невозможно для насъ ограничиваться одной только критикой существующаго, мы должны раскрыть и положительныя перспективы. Уже прошлая парламентская конференція просила меня изложить подробнѣе мои предложенія относительно нашей политики будущаго. Къ счастью для развитія соціализма я тогда былъ боленъ. (Шутливое настроеніе) Но теперь я снова вполнѣ здоровъ (Шутливое настроеніе) и мнѣ кажется, что отдѣльныя парламентскія группы должны были бы заняться этимъ вопросомъ. (Гедъ: „Не парламентскія группы, а партіи въ цѣломъ!“) И противъ этого я ничего не имѣю. (Одобреніе).

Д-ръ Адлеръ (Вѣна): Мнѣ думается, что предложеніе Трульстры, быть можетъ, полезно для каждой отдѣльной парламентской фракціи, но врядъ ли плодотворно для международнаго его рѣшенія. Я не раздѣляю пессимизма Трульстры. Мнѣ думается, что пессимизмъ по отношенію къ парламентской дѣятельности наступаетъ лишь тамъ, гдѣ о возможности и значеніи парламентскихъ актовъ съ самаго начала имѣли фантастическія представленія. Кто былъ свободенъ отъ подобныхъ фантастическихъ представленій, тотъ и не будетъ разочарованъ по поводу того немногаго, что достигнуто пролетарскимъ меньшинствомъ въ парламентѣ. Онъ утѣшится тѣмъ

сознаніемъ, что законодательная работа всѣхъ странъ указываетъ на прогрессивную тенденцію, хотя кое гдѣ и не безъ попятныхъ шаговъ. Этимъ мы прежде всего обязаны парламентской дѣятельности соціалистовъ, не тому, что мы сами дѣлаемъ, а тому, что другіе волей не волей вынуждены дѣлать или не дѣлать. Жоресъ думаетъ, что демократія во Франціи уже находится у конца своего пути. Сомнѣваюсь, чтобы это было справедливо и для Франціи; во всякомъ случаѣ, это не вѣрно для другихъ странъ. Повсюду еще такая масса работы, что буржуазное общество еле-еле успѣваетъ развить изъ себя то, къ чему оно еще способно. И если Жоресъ спрашиваетъ для Франціи: что же дальше?—то я отвѣчаю: а ну, товарищъ Жоресъ, осуществляйте свою собственную программу—минимумъ; это принесетъ вамъ порядочно хлопотъ, и во всякомъ случаѣ, отниметъ достаточно времени, чтобы размышлять о дальнѣйшихъ шагахъ. Каждый имѣетъ свои пороки. Мой порокъ—близорукость, но я знаю, что и дальнозоркость не совсѣмъ добродѣтель. (Шутливое настроеніе). Намъ столько приходится возиться со злобами дня (а мое близорукое убѣжденіе состоитъ въ томъ, что именно работа надъ мелочами дня и является самымъ важнымъ для перехода общества въ соціалистическій строй), что я не опасаюсь, что эта болѣзнь приметъ особенно опасные размѣры. Конечно, если мы назначимъ коммиссію, которая должна будетъ привести въ порядокъ всѣ существующія объ этомъ предметѣ представленія или даже привести ихъ въ согласіе другъ съ другомъ, то тогда эта болѣзнь можетъ сдѣлаться опасной, но не для соціалистическаго движенія, а для самихъ членовъ коммиссіи. (Шутливое настроеніе). Тѣмъ не менѣе, я не отношусь отрицательно къ идеѣ Трульстры во всѣхъ ея пунктахъ. Было бы очень хорошо изучить тѣ загадки соціализма, которыя разсѣяны повсюду; но тогда не слѣдуетъ ограничиваться результатами дѣятельности соціалдемократіи, ибо эти загадки возникаютъ сами собою во всѣхъ областяхъ, безъ всякаго вмѣшательства съ нашей стороны. Книгу объ этомъ написать было бы интересно, но не межъ-парламентской коммиссіи обсуждать эти вопросы. Какъ человѣкъ, участвующій въ великой битвѣ, можетъ не видѣть самой битвы, такъ, я думаю, и съ нами: мы всѣ участвуемъ въ этой великой битвѣ, но не видимъ всей ея связи. И коммиссія этого не сможетъ увидѣть“.

По предложенію Вандервэльдэ, вопросъ отложенъ до слѣдующей конференціи.

Можно было бы привести еще больше замѣтокъ и впечатлѣній изъ области внѣконгрессныхъ работъ съѣзда. Слѣдовало бы остановить вниманіе читателя на Первой женской Соціалистической Конференціи, на этомъ первомъ смотрѣ растущей новой арміи, ищущей своихъ самостоятельныхъ путей, стремящейся опредѣлить свою особую роль въ освободительной борьбѣ пролетаріата и воодушевленной глубокой вѣрою въ важность и необходимость своего дѣла. „Кто привлекъ мужа къ своему дѣлу", говорила эстляндка Берглейнъ, „тотъ имѣетъ лишь полъ-человѣка; кто привлекъ и женщину, имѣетъ двухъ людей, а кто имѣетъ за себя и дѣтей, тому принадлежитъ будущее. Это будущее дастъ соціалдемократіи женское движеніе".

И подобными чувствами были воодушевлены всѣ участницы Конференціи, которая закончилась созданіемъ своего собственнаго Интернаціонала, пока въ видѣ информаціоннаго секретаріата. *)

Можно было бы ознакомить читателей со стремленіями „молодой гвардіи", рабочей соціалистической молодежи, имѣвшей свое засѣданіе, помѣстившей свой отчетъ въ уже упомянутыхъ публикаціяхъ Интернаціональнаго Бюро и поставившей себѣ, очевидно, цѣль—оправдать и осуществить слѣдующія слова Каутскаго, обращенныя имъ въ 1903 году къ австрійской рабочей молодежи:

„Буржуазія не имѣетъ больше теперь никакихъ идеаловъ, а буржуазная молодежь еще превосходитъ ее своею разочарованностью, усталостью, безнадежностью и презрѣніемъ къ людямъ

*) На конференціи были и представители еврейскаго женскаго рабочаго движенія въ Россіи. — Англичанинъ Burrows, представитель Соціалдемократической Федераціи, внесъ слѣдующую резолюцію: „Международная женская Соціалистическая Конференція высказываетъ свою сердечную симпатію русскимъ, латышскимъ и еврейскимъ женщинамъ—товарищамъ по поводу тѣхъ ужасныхъ преслѣдованій, которымъ онѣ подверглись со стороны русскаго самодержавія, и высказываетъ надежду, что недалеко то время, когда онѣ, бокъ-о-бокъ со своими товарищами, завоюютъ свое полное политическое и экономическое освобожденіе". Burrows объяснилъ, почему онъ именно вноситъ эту резолюцію. Тотъ фактъ, что онъ тридцать лѣтъ работалъ среди русскихъ и еврейскихъ пролетаріевъ и что Англія — единственная страна, охотно принимающая русскихъ бѣглецовъ, даетъ ему право сдѣлать это.

или же своею жестокостью и распущенностью. Пролетаріатъ, наоборотъ, является въ настоящее время классомъ революціоннаго идеализма, а та политическая роль, которая полвѣка назадъ выпала на долю студенчества, выпадаетъ теперь на долю рабочей молодежи. Она—источникъ, въ которомъ постоянно обновляется энтузіазмъ въ пользу нашего великаго дѣла; ею измѣряется самымъ яснымъ образомъ умственный и нравственный прогрессъ пролетаріата". *)

Повторяемъ: Штутгартскій Конгрессъ, по своему интересу и значенію, нисколько не уступаетъ своимъ предшественникамъ. Что же касается до неудовлетворительности его резолюцій, то не надобно забывать и того, что резолюціи международныхъ соціалистическихъ съѣздовъ уже давно перестали составляться по типу выборгскихъ воззваній, направляемыхъ въ пространство и создаваемыхъ людьми, которые и сами хорошенько не знаютъ, кто и какъ будетъ осуществлять ихъ требованія въ жизни. Резолюціи соціалистическихъ съѣздовъ, это—мотивированныя директивы, даваемыя всемірному пролетаріату пролетарскими партіями всего міра.

При всей ихъ юридической необязательности, при всемъ ихъ чисто моральномъ значеніи для партій, примыкающихъ къ Интернаціоналу (этотъ ихъ характеръ неоднократно подчеркивался на Штутгартскомъ Конгрессѣ), онѣ накладываютъ свою печать на дѣятельность и повседневную борьбу пролетаріата отдѣльныхъ странъ и народовъ. Онѣ предписываютъ, какія непосредственныя задачи ставить себѣ, къ какимъ методамъ борьбы прибѣгать, отъ какихъ задачъ или методовъ борьбы отказаться. Неудивительно, если какая либо партія руками и ногами отбивается отъ такихъ задачъ и методовъ борьбы, которые ей не по силамъ или которые идутъ въ разрѣзъ со всей установившейся тактикой ея выступленій, и неохотно отказывается отъ задачъ и методовъ борьбы, въ успѣшность и въ допустимость которыхъ, съ точки зрѣнія соціализма, она глубоко убѣждена. Вотъ почему

*) Изъ отчета о международномъ движеніи рабочей молодежи мы, между прочимъ, узнаемъ, что въ Болгаріи отдѣльныя секціи этого движенія называются „Борецъ", и что въ Софіи имѣется „Борецъ—Израелитъ", примыкающій къ общей организаціи. L'Internationale Ouvriere et Socialiste, Vol. II, p. 521.

такъ трудно создать резолюцію, которая удовлетворила бы всѣ партіи или хотя бы подавляющее большинство ихъ.

Интернаціоналъ начинаетъ сознавать свою силу и историческое значеніе своихъ резолюцій. Онъ можетъ съ гордостью констатировать, напримѣръ, что на внутреннюю политику Франціи, въ которой соціалистическая партія играетъ теперь выдающуюся роль, далеко не пропорціональную ихъ численной мощи, безспорно имѣла вліяніе извѣстная резолюція Амстердамскаго Конгресса, приведшая къ объединенію двухъ враждовавшихъ направленій. И не только на внутренней жизни Франціи ясно отразилось вліяніе Интернаціонала, но и на ходѣ всей современной міровой политики. Вполнѣ справедливо указалъ Вальянъ въ одной изъ своихъ рѣчей на тотъ фактъ, что буржуазная Франція готова была кинуться на помощь Россіи въ русско-японской войнѣ и навѣрное вмѣшалась бы въ свалку, если бы этому не помѣшали рѣшительные протесты французскаго пролетаріата, предводительствуемаго объединенной партіей. При такомъ историческомъ значеніи моральныхъ резолюцій Интернаціонала, неудивительна та осторожность, съ которою конгрессъ относится къ нимъ, и подчасъ неизбѣжна нѣкоторая расплывчатость и даже оппортунистичность ихъ характера.

III.

Перейдемъ, однако, къ нашей „главѣ“.

Національный вопросъ не стоялъ на ordre du jour конгресса. Но духъ его виталъ надъ всѣми работами его. Въ сущности, еще не было ни одного международнаго соціалистическаго конгресса который занимался бы такъ много національнымъ вопросомъ и который высказался бы относительно него съ такой полнотою и рѣшительностью, какъ Штутгартскій Конгрессъ.

И это не удивительно. Изъ пяти вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію и рѣшенію конгресса, три непосредственно связаны съ національнымъ вопросомъ, и вѣрное рѣшеніе ихъ предполагаетъ заранѣе установленное принципіальное отношеніе къ національной проблемѣ. Это,—во первыхъ, „Милитаризмъ и международные конфликты“, во-вторыхъ, „Колоніальная политика“ и,

въ третьихъ, „Эмиграція и иммиграція“. Только вопросы „Объ избирательномъ правѣ для женщинъ“ и „Объ отношеніяхъ партіи къ профессіональнымъ союзамъ“ могли пройти безъ всякаго касательства къ нему. *)

Резолюція объ избирательномъ правѣ женщинъ гласитъ:

Конгрессъ съ великой радостью привѣтствуетъ первую женскую соціалистическую конференцію и заявляетъ свою солидарность съ той позиціей, которую она заняла по отношенію къ избирательному праву женщинъ.

Конгрессъ отвергаетъ ограниченное избирательное право женщинъ, какъ фальсификацію и насмѣшку надъ принципомъ политическаго равноправія женскаго пола. Соціалистическія партіи борятся за единственно жизненное и конкретное выраженіе этого принципа: всеобщее избирательное право женщинъ для всѣхъ взрослыхъ, независимо отъ состоянія, налогового и образовательнаго ценза, исключающихъ членовъ трудового народа отъ использованія своихъ правъ. Женщины соціалистки должны свою борьбу за полное гражданское равноправіе женскаго пола вести не въ союзѣ съ буржуазными сторонницами женскаго равноправія, но сообща съ соціалистическими партіями, которыя отстаиваютъ избирательное право женщинъ, какъ одно изъ принципіальныхъ и практически важныхъ требованій, необходимыхъ для полной демократизаціи избирательнаго права вообще.

Соціалистическія партіи всѣхъ странъ обязаны энергично бороться за введеніе всеобщаго женскаго избирательнаго права. Ихъ борьба за демократизацію избирательнаго права въ законодательныя и административныя учрежденія государства и общины, которую онѣ ведутъ въ пользу пролетаріата, должна, поэтому, вестись въ особенности какъ борьба за женское избирательное право, каковое онѣ должны требовать и усиленно отстаивать, какъ въ агитаціи, такъ и въ парламентѣ. Въ странахъ, гдѣ демократизація избирательнаго права мужчинъ уже сдѣлала значительные успѣхи или полностью достигнута, соціалистическія партіи должны поднять борьбу за введеніе всеобщаго женскаго избирательнаго права и, само собою разумѣется, отстаивать въ связи съ нимъ, всѣ тѣ требованія, которыя оказалось бы нужнымъ выставлять въ интересахъ гражданскаго полноправія (vollen Bürgerrechts) мужскаго пролетаріата.

Международный соціалистическій конгрессъ не можетъ предписать ни одному народу то время, когда онъ долженъ начать движеніе въ пользу

*) Приводимъ въ выноскѣ резолюціи, принятыя съѣздомъ по обоимъ этимъ вопросамъ.

избирательнаго права. Но онъ заявляетъ, что, въ случаѣ возникновенія такого движенія въ странѣ, оно должно безусловно и исключительно вестись на почвѣ всеобщей соціалистической борьбы за всеобщее избирательное право всѣхъ взрослыхъ, безъ различія пола".—Резолюція принята всѣми голосами безъ одного.

Резолюція объ отношеніяхъ между политическими партіями и профессіональными союзами гласитъ:

I) Для полнаго освобожденія пролетаріата изъ цѣпей духовнаго, политическаго и экономическаго рабства въ равной мѣрѣ необходима (курсивы повсюду въ оригиналѣ Н. Г.) политическая и экономическая борьба рабочаго класса. Если задача соціалистическихъ партійныхъ организацій лежитъ преимущественно въ области политической борьбы пролетаріата, то задача профессіональныхъ организацій лежитъ главнымъ образомъ въ области экономической борьбы рабочихъ. Такимъ образомъ, партіямъ и профессіональнымъ союзамъ предстоитъ рѣшеніе одинаково важныхъ задачъ въ освободительной борьбѣ пролетаріата.

Изъ обѣихъ организацій каждая имѣетъ особую область, опредѣленную ея природой, которой она вполнѣ самостоятельно должна опредѣлить свои выступленія. Но рядомъ съ этимъ имѣется постоянно растущая область пролетарской классовой борьбы, въ которой успѣхи могутъ быть достигнуты только при единодушномъ сотрудничествѣ партійныхъ и профессіональныхъ организацій.

Борьба пролетаріата окажется, поэтому, тѣмъ успѣшнѣе и благопріятнѣе, чѣмъ тѣснѣе будутъ отношенія между профессіональными и партійными организаціями, причемъ необходимо постоянно имѣть въ виду единство профессіональныхъ выступленій.

Конгрессъ заявляетъ, что въ интересахъ рабочихъ лежитъ, чтобы во всѣхъ странахъ создались и прочно поддерживались тѣсныя отношенія между партіей и профессіональными союзами.

Партіи и профессіональные союзы должны въ своихъ выступленіяхъ нравственно помогать другъ другу и поддерживать другъ друга, а въ своей борьбѣ прибѣгать лишь къ такимъ средствамъ, которыя полезны для освободительной борьбы пролетаріата. Если существуетъ разница во взглядахъ на цѣлесообразность примѣняемыхъ методовъ, они должны сообща столковаться.

Профессіональные союзы лишь тогда смогутъ выполнить свой долгъ въ освободительномъ движеніи рабочихъ, когда они будутъ въ своихъ выступленіяхъ руководиться соціалистическимъ духомъ. На

партіи лежитъ обязанность помогать профессіональнымъ союзамъ въ ихъ стремленіи поднять и улучшать соціальное положеніе рабочихъ, и въ своихъ парламентскихъ выступленіяхъ помочь провести въ жизнь стремленія и требованія профессіональныхъ союзовъ.

Конгрессъ заявляетъ, что прогрессъ капиталистическаго способа производства, растущая концентрація производительныхъ силъ, растущее объединеніе предпринимателей, увеличивающаяся зависимость отдѣльныхъ предпріятій отъ совокупности буржуазнаго общества, должны осудить профессіональную дѣятельность на безсиліе, если она построена исключительно на заботѣ объ интересахъ товарищей по ремеслу (Berufsgenossen), на основѣ цеховаго эгоизма и на теоріи гармоніи интересовъ труда и капитала.

Конгрессъ полагаетъ, что профессіональные союзы тѣмъ успѣшнѣе смогутъ вести борьбу противъ эксплуатаціи и угнетенія, чѣмъ больше единства будетъ въ ихъ организаціи, чѣмъ лучше будутъ поставлены ихъ учрежденія помощи, чѣмъ богаче будутъ ихъ фонды, необходимые въ профессіональной борьбѣ, чѣмъ глубже будутъ понятія ихъ членовъ о взаимной связи и условіяхъ экономической жизни и чѣмъ выше будетъ стоять жертвоспособность и воодушевленіе, которыя съ наибольшей силою вытекаютъ изъ соціалистическаго идеала.

II) Конгрессъ обращается съ приглашеніемъ ко всѣмъ профессіональнымъ союзамъ, соотвѣтствующимъ постановленіямъ выставленнымъ Брюссельской конференціей 1899-го года и принятымъ на Парижскомъ конгрессѣ 1900-го года, послать своихъ представителей на международные конгрессы и поддерживать сношенія съ Международнымъ Соціалистическимъ Бюро въ Брюсселѣ. Онъ уполномачиваетъ Бюро вступить въ сношенія съ Международнымъ Секретаріатомъ Профессіональныхъ Союзовъ въ Берлинѣ, съ цѣлью взаимнаго освѣдомленія объ организаціи и движеніи рабочихъ.

III) Конгрессъ уполномачиваетъ Международное Соціалистическое Бюро собирать всѣ документы, которые могутъ облегчить изученіе отношеній между профессіональными союзами и соціалистическими партіями всѣхъ странъ, и дать отчетъ объ этомъ слѣдующему конгрессу.

Всѣ три части этой резолюціи приняты $212^1/_2$ голосовъ противъ $18^1/_2$.

Не случайно, поэтому, Бебель выбралъ темой для своей статьи въ праздничномъ номерѣ „Schwäbische Tagwacht“, посвященномъ Штутгартскому Конгрессу, вопросъ о томъ, „представляетъ ли національное и интернаціональное противоположности?“ („Sind national und intrenational gegensätze?“).

Въ слѣдующихъ словахъ Бебель резюмируетъ выводы, къ которымъ онъ приходитъ по вопросу объ отношеніяхъ интернаціонализма къ націонализму:

„Задача рабочаго класса всѣхъ культурныхъ странъ въ одно и тоже время національная и интернаціональная. Борясь въ предѣлахъ собственной націи, болѣе узкой родной страны, за проведеніе въ жизнь

мѣръ и учрежденій, дающихъ рабочимъ возможность улучшить свое жизненное положеніе, удовлетворить ихъ болѣе высокія культурныя потребности и, наконецъ, добиться правового и соціальнаго равенства всѣхъ, они должны стараться осуществить и въ международной области тѣже стремленія, потому что только такимъ путемъ можно гарантировать прочность улучшеній на своей собственной родинѣ. Національное и интернаціональное, такимъ образомъ, вовсе не суть понятія и стремленія, исключающія другъ друга; наоборотъ, они другъ друга дополняютъ. Подобно тому, какъ въ предѣлахъ собственнаго народа истинное благосостояніе всѣхъ соплеменниковъ зависитъ отъ того, хорошо ли живется каждой отдѣльной личности, такъ и въ предѣлахъ великой семьи народовъ благо одного народа зависитъ отъ блага всѣхъ другихъ". *)

Мысли, изложенныя въ статьѣ Бебеля, были какъ бы камертономъ, давшимъ съѣзду настоящій тонъ. Духомъ этихъ мыслей было проникнуто подавляющее большинство всѣхъ тѣхъ заявленій, которыя были сдѣланы на конгрессѣ по національному вопросу. И эти заявленія тѣмъ болѣе цѣнны, что они, конечно, были сдѣланы совершенно независимо отъ взглядовъ Бебеля.

Вопросъ о „національномъ" и „интернаціональномъ" не могъ не играть роли въ преніяхъ по поводу „Милитаризма и интернаціональныхъ конфликтовъ".

Вопросъ о милитаризмѣ сводится къ слѣдующему:

Отрицательное отношеніе международнаго соціализма къ милитаризму, который ложится такимъ тяжкимъ бременемъ на плечи трудящихся, не нуждалось въ пересмотрѣ, и не для этой цѣли вопросъ былъ поставленъ на ordre du jour. Конгрессъ имѣлъ дѣло съ болѣе спеціальной задачей—опредѣлить свое отношеніе къ той антимилитаристской и анти-патріотической агитаціи, которая была поднята во Франціи Эрвэ и которая, по своей сущности, требовала не только одобренія или порицанія со стороны международнаго пролетаріата, но и недвусмысленнаго рѣшенія, инсценировать ли подобную агитацію въ другихъ странахъ или нѣтъ.

Возникла эта агитація въ непосредственной связи съ революціонными событіями въ Россіи. Одно время стали циркулировать слухи о томъ, что Германія намѣревается переступить границы Россіи, чтобы тамъ силою оружія защитить отживающій строй. Французскій пролетаріатъ не могъ не встревожиться и не

*) Schwabische Tagwacht отъ 17-го августа 1907 года.

спросить себя: а что же германскіе соціалдемократы? Неужто эти милліоны соціалистовъ допустятъ это? Что-же они намѣрены дѣлать, чтобы помѣшать „Кайзеру“ выполнить свой планъ?

На эти вопросы французскій пролетаріатъ не находилъ отвѣта. Германская соціалдемократія ничѣмъ серьезнымъ не угрожала на случай, еслибы эти слухи оказались правдой. Приходилось задуматься надъ вопросомъ, какъ начать непосредственную борьбу съ милитаризмомъ. Эрвэ показалось, что онъ нашелъ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ мучительный вопросъ. Необходимо отказаться отъ воинской повинности, необходимо проповѣдывать въ арміи дезертирство и неповиновеніе, а въ случаѣ объявленія войны, заявить всеобщую стачку. Такъ какъ въ основѣ всякой вооруженной силы лежитъ идеологія „патріотизма“, необходимость защищать „отечество“ отъ нападенія „враговъ“, то прямолинейный, но односторонній умъ Эрвэ логически дошелъ до полнаго отрицанія всякаго націонализма и патріотизма. Надобно уничтожить націи и отечества; надобно, по крайней мѣрѣ, выбить эту дурь изъ головы пролетаріата, и тогда можно будетъ начать всемірную агитацію не только въ пользу замѣны постояннаго войска народнымъ вооруженіемъ, но и прямо въ пользу уничтоженія всякаго войска.

Таковы постулаты Эрвэ.

Въ резолюціи, внесенной въ коммиссію французской делегаціей, не было космополитическихъ тезисовъ Эрвэ. Она ограничивалась чисто антимилитаристскими тезисами, — и то, въ очень ослабленномъ видѣ,—которые собственно и подлежали обсужденію коммиссіи. Необходимо было рѣшить, могутъ ли теперь отдѣльныя національныя партіи поднять въ своихъ странахъ, среди своихъ народовъ, непосредственную борьбу противъ милитаризма не только путемъ агитаціи и пропаганды антимилитаристскихъ идей среди населенія,—это и безъ того входитъ въ программу дѣятельности всякой соціалистической партіи, не только путемъ отверженія военныхъ бюджетовъ,—это уже сдѣлалось общеобязательной тактикой парламентскихъ соціалистическихъ фракцій,—но и путемъ внѣпарламентской практической боевой дѣятельности: пропагандой и агитаціей среди арміи, призывами къ нарушенію воинской дисциплины, объявленіемъ всеобщей стачки на случай объявленія войны. Конгрессъ долженъ

былъ разсмотрѣть и рѣшить, насколько цѣлесообразны мѣры, предлагаемыя французской делегаціей, и какія другія мѣры могутъ быть предложены тѣмъ партіямъ, „кто можетъ вмѣстить“. Вотъ почему въ самой резолюціи не упоминается ни словомъ національный вопросъ. *)

Милитаризмъ и интернаціональные конфликты.

Конгрессъ подтверждаетъ резолюціи предыдущихъ международныхъ конгрессовъ противъ милитаризма и имперіализма и сызнова утверждаетъ, что борьба противъ милитаризма не можетъ быть отдѣлена отъ соціалистической классовой борьбы въ цѣломъ.

Войны между капиталистическими государствами являются обыкновенно слѣдствіемъ ихъ борьбы за преобладаніе на всемірномъ рынкѣ, ибо каждое государство стремится не только обезпечить за собою области своего сбыта, но и завоевать новыя, причемъ подчиненіе чужихъ народовъ и грабежъ земель играютъ главную роль. Эти войны вытекаютъ, далѣе, изъ безпрестанныхъ, все болѣе и болѣе возрастающихъ вооруженій милитаризма, который является главнымъ орудіемъ классоваго господства буржуазіи и, какъ экономическаго, такъ и политическаго подчиненія рабочаго класса.

Войнамъ способствуютъ предразсудки одного народа противъ другого, систематически питаемые среди культурныхъ народовъ въ интересахъ господствующихъ классовъ, дабы этимъ путемъ отвлечь пролетаріатъ отъ его собственныхъ классовыхъ задачъ, какъ и отъ обязанностей международной классовой солидарности.

Войны лежатъ, такимъ образомъ, въ самой сущности капитализма; онѣ прекратятся лишь тогда, когда будетъ устраненъ капиталистическій строй или когда величина жертвъ деньгами и людьми, требуемыхъ развитіемъ военной техники, и возмущеніе народовъ, вызванное вооруженіями, заставятъ устранить эту систему.

Естественнымъ противникомъ войнъ является въ особенности рабочій классъ, который преимущественно доставляетъ солдатъ и долженъ, главнымъ образомъ, нести матеріальныя жертвы. Войны идутъ въ разрѣзъ съ его цѣлью—созданіемъ, на основахъ соціализма хозяйственнаго строя, который осуществитъ солидарность народовъ.

Конгрессъ поэтому считаетъ обязанностью рабочихъ классовъ, и въ особенности ихъ представителей въ парламентахъ, раскрывая классовый характеръ буржуазнаго общества и основныхъ мотивовъ, поддерживающихъ національный антагонизмъ, всѣми средствами бороться противъ вооруженій на сушѣ и на морѣ и не вотировать средствъ на нихъ; равнымъ образомъ стремиться къ тому, чтобы рабочая молодежь была

*) Приводимъ здѣсь полный текстъ резолюціи, выработанной въ коммиссіи послѣ долгихъ дискуссій и горячихъ преній.

воспитана въ духѣ братства народовъ и соціализма и была преисполнена классовымъ самосохраненіемъ.

Конгрессъ усматриваетъ въ демократической организаціи военныхъ силъ, въ замѣщеніи постоянныхъ армій народнымъ вооруженіемъ, существенную гарантію въ пользу прекращенія наступательныхъ войнъ и устраненія трудностей, мѣшающихъ преодолѣнію національныхъ антогонизмовъ.

Интернаціоналъ не въ состояніи предписать опредѣленныя формы для выступленій рабочаго класса противъ милитаризма, естественно различныхъ для различныхъ странъ и соотвѣтствующихъ времени и мѣсту. Но онъ обязанъ по возможности усилить и привести во взаимную связь стремленія рабочаго класса противъ милитаризма и войны.

За время, протекшее отъ международнаго конгресса въ Брюсселѣ, пролетаріатъ въ своей неустанной борьбѣ противъ милитаризма, помощью отказа вотировать средства для морского и сухопутнаго вооруженія и помощью стремленій демократизировать военную организацію, фактически прибѣгалъ, съ все увеличивающимся давленіемъ и успѣхомъ, къ различнымъ формамъ выступленій, имѣвшихъ цѣлью помѣшать объявленію войны или заставить окончить ее, равно какъ и использовать возбужденіе общества, вызванное войною, для цѣлей освобожденія рабочаго класса: укажемъ, именно, на соглашеніе между англійскими и французскими профессіональными союзами послѣ дѣла Фашоды для охраненія мира и для возстановленія дружескихъ отношеній между Англіей и Франціей; на выступленія соціалистическихъ партій въ германскомъ и французскомъ парламентѣ, во время марокканскаго кризиса, и на манифестаціи французскихъ и нѣмецкихъ соціалистовъ, имѣвшихъ мѣсто съ тою же цѣлью; на общее выступленіе соціалистовъ Австріи и Италіи, собравшихся въ Тріестѣ, чтобы предупредить конфликтъ между этими обоими государствами; далѣе, на внушительное вмѣшательство соціалистическаго рабочаго класса Швеціи для того, чтобы помѣшать нападенію на Норвегію, наконецъ, на героическія жертвы и массовыя борьбы соціалистическихъ рабочихъ и крестьянъ Россіи и Польши, чтобы воспротивиться войнѣ, вызванной царизмомъ, положить ей конецъ и воспользоваться кризисомъ для освобожденія страны и рабочаго класса. Всѣ эти стремленія свидѣтельствуютъ о растущей силѣ пролетаріата и его растущей волѣ, обезпечить сохраненіе мира рѣшительными выступленіями.

Выступленіе рабочаго класса будетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ больше умъ будетъ подготовленъ непрестанной агитаціей и чѣмъ въ большей степени рабочія партіи различныхъ странъ будутъ объединены и предводительствуемы Интернаціоналомъ.

Конгрессъ убѣжденъ, что серьезное примѣненіе третейскихъ судовъ вмѣсто плачевныхъ соотвѣтствующихъ учрежденій, вызванныхъ къ жизни совроменными правительствами, могло бы, подъ давленіемъ пролетаріата, обезпечить за народами благодѣянія разоруженія, которое да-

ло бы возможность, обратить на дѣло культуры тѣ громадныя траты денегъ и силъ, которыя теперь поглощаются военными вооруженіями и войною.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда угрожаетъ объявленіе войны, рабочіе классы соотвѣтствующихъ странъ и ихъ парламентскіе представители обязаны употреблять, при помощи объединяющей дѣятельности Международнаго Соціалистическаго Бюро, всѣ силы, чтобы примѣненіемъ средствъ, которыя они найдутъ наиболѣе дѣйствительными, помѣшать объявленію войны. Эти средства должны естественно мѣняться, смотря по степени обостренности классовой борьбы и по общей политической ситуаціи.

Въ случаѣ, если война тѣмъ не менѣе будетъ объявлена, они обязаны настаивать на ея быстромъ окончаніи и всѣми силами стремиться къ тому, чтобы использовать экономическій и политическій кризисъ, вызванный войною, въ цѣляхъ возбужденія народа и, такимъ образомъ, способствовать устраненію капиталистическаго классоваго господства!

Резолюція была принята Конгрессомъ единогласно.

Но пренія не ограничивались этими сторонами дѣла. Приходилось заглянуть и въ тотъ идеологическій базисъ, на которомъ построенъ антимилитаризмъ Эрвэ. Приходилось высказаться о націонализмѣ по существу.

И компетентные вожди международнаго соціализма высказались.

Уже въ своей вступительной рѣчи противъ Эрвэ Бебель счелъ необходимымъ поднять полемику противъ его „антипатріотизма“. „Эрвэ думаетъ“, сказалъ онъ, „что отечество есть только отечество господствующихъ классовъ и, стало быть, должно остаться безразличнымъ для пролетаріата... Это еще большой вопросъ, кому принадлежитъ отечество. Вѣдь вся культурная жизнь развивается только на почвѣ роднаго языка, на почвѣ націи. Взгляните на Австрію, на борьбу поляковъ за ихъ національное возрожденіе. И въ Россіи, безспорно, подымется національный вопросъ (Роза Люксембургъ возражаетъ). Каждый народъ, страдающій подъ чужимъ господствомъ, даже когда оно приноситъ ему благодѣянія, подымается всей своей массой на борьбу за свободу и отодвигаетъ на задній планъ всѣ остальныя цѣли“.

Въ своемъ отвѣтѣ Бебелю и въ обоснованіе своихъ тезисовъ, Эрвэ повторилъ свою излюбленную мысль о томъ, что нѣтъ на-

родовъ и отечествъ, а есть только буржуазія и пролетаріатъ, волки и овцы. „Каждое отечество", говоритъ онъ, „представляетъ собою лишь дойную корову для капиталистовъ; оно-мачиха для всѣхъ пролетаріевъ, и изъ за него, право, не стоитъ, чтобы они другъ другу проломали головы. Волки позади различныхъ оградъ уже объединились, теперь задача—свести вмѣстѣ овецъ, помимо всѣхъ разно окрашенныхъ пограничныхъ столбовъ". Но въ продолженіе своей рѣчи, этотъ послѣдовательнѣйшій изъ всѣхъ современныхъ космополитовъ, не совсѣмъ выдержалъ свою роль. Онъ свысока отозвался о Бельгіи и давалъ ей понять, что ей нечего соваться въ вопросы, касающіеся международныхъ конфликтовъ. Онъ презрительно характеризовалъ народный характеръ нѣмцевъ и съ гордостью говорилъ о революціонныхъ традиціяхъ французскаго народа.

Это и дало возможность бельгійцу Трокле пустить стрѣлу въ обнаженную имъ ахиллесову пяту. „У сверхъ-интернаціоналиста Эрвэ очень уже неожиданно вырвалась гордость баррикадами и революціями своей Франціи". Ораторъ въ своей рѣчи указывалъ на то, что есть *два* патріотизма: одинъ—буржуазіи, а другой—пролетаріата. (Мысль эта, къ слову сказать, развивается и Каутскимъ въ его брошюрѣ: „Патріотизмъ и Соціалдемократія", которая была поднесена, какъ подарокъ всѣмъ делегатамъ Конгресса (Н. Г.) Пролетарскій патріотизмъ Эрвэ совершенно выпустилъ изъ виду.

Слѣдующіе ораторы не упускали случая самымъ рѣшительнымъ образомъ отгородиться отъ космополитизма Эрвэ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ полныхъ стенографическихъ отчетовъ этихъ въ высокой степени поучительныхъ преній. Но и то, что попало въ соціалистическую прессу, достаточно характеризуетъ истинные взгляды современныхъ вождей международнаго соціализма на этотъ предметъ.

Вальянъ, говорившій послѣ Троклэ, указывалъ на то, что „націи не только полезные, но даже *необходимые* элементы человѣческаго развитія". И онъ не ограничивался простымъ утвержденіемъ своей мысли, но останавливался надъ развитіемъ и обоснованіемъ ея. Еще разъ: жаль, что отчетъ такъ лакониченъ, какъ разъ по вопросу о національности.

Жоресъ, раздѣляющій антимилитаризмъ, но не антипа-

тріотизмъ Эрвэ, заявилъ: „Эрвэ хочетъ уничтожить отечества, какъ когда-то только что пробужденый пролетаріатъ хотѣлъ уничтожить машины. Мы хотимъ соціализировать, какъ отечества, такъ и средства производства для пользы пролетаріата. Ибо нація это—сокровищница человѣческаго генія и прогресса, и совершенно не подходило бы пролетаріату разбивать въ дребезги эти драгоцѣнные сосуды человѣческой культуры". Что касается вопроса о милитаризмѣ, то мы должны „открыто и ясно заявить буржуазіи, что мы признаемъ цѣлостность и независимость каждой страны и ни одну изъ нихъ не отдадимъ на эксплуатацію и угнетеніе со стороны врага; но въ то же время мы не позволимъ, чтобы одна часть пролетаріата устроила бойню другой".

„Неправда", говорилъ Фольмаръ, „что у насъ нѣтъ отечества. Мы имѣемъ отечество. Я говорю, не пускаясь въ тонкій анализъ того, что слѣдуетъ понимать подъ этимъ словомъ. Вся любовь къ человѣчеству не можетъ намъ помѣшать быть хорошими нѣмцами. Какъ бы далеко мы ни шли въ признаніи общности культурныхъ интересовъ всѣхъ народовъ, какъ бы сильно мы ни боролись противъ этого, мы въ такой же мѣрѣ отказываемся примкнуть къ утопическому воззрѣнію, будто было бы желательно, чтобы націи исчезли и чтобы на ихъ мѣсто появилась безразличная все-народная каша".

Коста: „Если мы не патріоты въ буржуазномъ смыслѣ этого слова, то мы патріоты въ лучшемъ соціалистическомъ смыслѣ этого слова, а именно въ томъ смыслѣ, что мы и не хотимъ, и не можемъ отказаться отъ прекрасныхъ и возвышенныхъ цѣнностей своей родины".

А. Браншингъ, какъ бы резюмируя все сказанное, предлагаетъ выразить благодарность Эрвэ,—благодарность за то, что „онъ далъ намъ поводъ показать наше полное единодушіе относительно того, что націонализмъ и интернаціонализмъ не суть противоположности, но наоборотъ взаимно дополняютъ другъ друга".

Совершенно правъ былъ поэтому Вандервельде, докладчикъ комиссіи по этому вопросу передъ пленумомъ конгресса,

когда онъ въ своемъ докладѣ резюмировалъ сущность происходившихъ преній по національному вопросу въ слѣдующихъ словахъ:

„Мы были совершенно единодушны относительно того пункта, который былъ такъ блестяще изложенъ въ рѣчахъ Бебеля и Вальяна, что самой предпосылкой для нашего интернаціолизма является существованіе свободныхъ и автономныхъ націй. Рабочій Интернаціоналъ не есть аморфная масса, безъ всякихъ группировокъ и расчлененій. Онъ—свободное объединеніе живыхъ организацій, союзъ не только самостоятельныхъ государствъ, но и націй, которымъ Интернаціоналъ вернулъ ихъ самостоятельность, какъ, напр., Польша (Бурное одобреніе). Мы признали полное право на національное расчлененіе послѣдовательнѣе и честнѣе, чѣмъ это могла бы сдѣлать какая бы то ни было буржуазная партія... Наша резолюція сызнова подтверждаетъ тотъ фактъ, что можно признать существованіе націй необходимымъ и въ то же время никоимъ образомъ не ослаблять международную связь рабочихъ. Необходимымъ результатомъ этого нашего убѣжденія было признаніе за каждой націей ея неотчуждаемаго права защищать свою независимость противъ какого бы то ни было внѣшняго нападенія“...

Какъ далеки мы отъ того времени, когда слова „Коммунистическаго Манифеста“: „пролетаріатъ не имѣетъ отечества“ толковались въ смыслѣ полнаго безразличія и даже враждебнаго отношенія къ интересамъ національной независимости! Теперь эти слова получаютъ совершенно другой смыслъ. „Пролетаріатъ не имѣетъ отечества“ потому, что его отечество захвачено буржуазіей и эксплуатируется ею исключительно въ свою пользу. Онъ не имѣетъ отечества, это значитъ: онъ долженъ завоевать его себѣ. Или какъ Дашинскій выразилъ эту мысль въ своей рѣчи на Капштатскомъ Лугу: „бездомному народу завоевать отечество, какъ мѣсто для проявленія человѣческаго достоинства и человѣческой радости,—вотъ задача соціализма“.

Отчетъ при этомъ отмѣчаетъ: „бурное, часто повторяющееся, долго длящееся одобреніе“. Поляку легче другихъ было найти подходящую формулу для этой части соціалистической задачи, потому что онъ—представитель угнетеннаго народа. Но и поляки врядъ ли еще могутъ съ полнымъ правомъ говорить о своей

бездомности въ національномъ отношеніи. Народъ, имѣющій свою территорію, еще не вполнѣ лишенъ отечества. Совсѣмъ другое дѣло—народы экстерриторіальные,—а среди нихъ евреи,—этотъ идеалъ народа-бродяги: они въ буквальномъ смыслѣ слова могутъ быть названы бездомными. Слова Дашинскаго, формулирующія, какъ мы уже видѣли, общее отношеніе международнаго соціализма къ вопросу о патріотизмѣ и объ отечествѣ ни къ кому такъ не подходятъ, какъ къ евреямъ.

Да, завоевать себѣ отечество! Во чтобы то ни стало! Это не только велѣніе еврейской національной нужды. Это — составная часть вѣрно понятой соціалистической программы. Пренія о патріотизмѣ, имѣвшія мѣсто по поводу вопроса объ антимилитаризмѣ, придадутъ еще больше бодрости тѣмъ еврейскимъ соціалистическимъ партіямъ, которыя еще до Штутгартскаго Конгресса ясно видѣли всю необходимость этой задачи для еврейскаго пролетаріата и для еврейскаго соціализма.

IV.

Только что охарактеризованное отношеніе Интернаціонала къ національному вопросу не могло не отразиться и на дискуссіяхъ по вопросу о колоніальной политикѣ.

Связь между колоніальной политикой и національнымъ вопросомъ ясна. По прекрасному опредѣленію Каутскаго капиталистическая колоніальная политика „означаетъ завоеваніе чужой заморской страны и насильственное удержаніе ея въ своей власти“. Если это такъ, то всякая колоніальная политика, какими культурными мантіями она бы ни прикрывалась, неотдѣлима отъ нарушенія основныхъ принциповъ международнаго соціализма, нарушенія права каждаго народа на самоопредѣленіе.

При рѣшеніи колоніальнаго вопроса на съѣздѣ столкнулись два теченія: одно, для котораго вышеупомянутое основное право не является безусловнымъ и которое, поэтому, склонно рѣшать этотъ вопросъ старо-марксистскимъ путемъ, оправдывая нарушеніе правъ народовъ интересами развитія капитализма и производительныхъ силъ. Отрицая насиліе въ дѣлѣ колоніальной поли-

тики, оно все таки допускаетъ „опеку“ „выше“-стоящихъ народовъ надъ „низшими“ и говоритъ о кокой-то соціалистической колоніальной политикѣ въ заморскихъ странахъ, захваченныхъ въ свои руки капиталистическими правительствами. Другое теченіе сильно модифицировало эту, въ былое время столь важную, единственно допустимую точку зрѣнія „интересовъ развитія производительныхъ силъ“ и настаивало на безспорномъ характерѣ насилія и нарушенія чужихъ національныхъ правъ, присущемъ современной колоніальной политикѣ.

Представителями перваго теченія на конгрессѣ выступали Давидъ, Бернштейнъ и Ван-Коль, который еще на Амстердамскомъ Конгрессѣ отстаивалъ необходимость колоніальной политики во имя развитія капитализма и необходимость капитализма во имя развитія соціализма. Представителемъ второго теченія выступалъ, главнымъ образомъ, Ледебуръ, извѣстный въ германской соціалдемократіи, какъ непримиримый врагъ ревизіонизма и горячій сторонникъ политической независимости Польши. Его сильно поддерживалъ на конгрессѣ Каутскій.

Къ сожалѣнію, отчетъ объ интересныхъ дебатахъ, происходившихъ въ комиссіи, слишкомъ суммаренъ. Но даже изъ одного того, что говорилось на пленумѣ, совершенно вырисовывается характеръ воззрѣній того и другого изъ боровшихся направленій.

Ванъ-Коль, выступившій передъ конгрессомъ въ качествѣ докладчика комиссіи, удивляется, какимъ образомъ такой мыслящій и теоретически образованный соціалдемократъ, какъ Ледебуръ, можетъ быть противникомъ капиталистической колоніальной политики. „Долженъ же онъ быть убѣжденъ, что капитализмъ въ Европѣ является необходимой и неизбѣжной ступенью развитія. Развѣ не то же самое справедливо и для колоній?.. Куда онъ дѣнетъ перенаселеніе Европы?.. Что онъ подѣлаетъ съ все растущей массой произведеній нашей промышленности, если онъ будетъ противиться, чтобы для нихъ были созданы новые рынки въ колоніяхъ?

Бернштейнъ секундируетъ Ванъ-Колю. Необходимо отказаться отъ утопической мысли, будто можно совершенно избавиться отъ колоній. Послѣднимъ выводомъ этой мысли было бы то, что Сѣверо-Американскіе Штаты надо было бы вернуть индѣй-

цамъ. Извѣстнаго рода опека культурныхъ народовъ надъ некультурными необходима, и она не перестанетъ быть необходимой и при соціалистическомъ строѣ. Это признавали и Лассаль, и Марксъ. Въ третьемъ томѣ „Капитала“ Марксъ пишетъ: „Земля не принадлежитъ никакому народу, она принадлежитъ человѣчеству и каждый народъ долженъ управлять ею для блага человѣчества“. А Лассаль гдѣ-то сказалъ: „Право каждаго народа на собственное развитіе не можетъ быть абсолютнымъ правомъ, какъ вообще нѣтъ абсолютнаго права. Оно зависитъ отъ того условія, чтобы такое развитіе было на лицо. Народы, которые не развиваются, могутъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ съ полнымъ правомъ быть подчинены народамъ, имѣющимъ культурное развитіе“.

Давидъ, послѣ возраженія Ледебура, сущность котораго мы приведемъ послѣ, повторяетъ мысли своихъ предшественниковъ. „И колоніи должны пройти черезъ капитализмъ, и тамъ не можетъ быть скачковъ изъ дикости въ соціализмъ. Отъ пути страданій, лежащаго черезъ капитализмъ, человѣчество нигдѣ не можетъ быть пощажено, а по теоріи научнаго марксизма этотъ путь представляетъ собою предпосылку для соціалистическаго хозяйства“.

Несмотря на этотъ Шейлоковскій вексель марксизма, предъявленный конгрессу, его наиболѣе компетентный и вѣрный рыцарь, Каутскій, высказался за точку зрѣнія Ледебура. Онъ отрицаетъ, чтобы демократія и соціальная политика могли имѣть что либо общее съ завоеваніями и господствомъ чужаковъ. Ссылаются на то, что мы должны пойти къ дикарямъ, какъ цивилизующая сила, какъ учителя и совѣтчики. Да, это мы должны. Мы заинтересованы въ томъ, чтобы поднять культурный уровень дикарей. Но колоніальная политика, съ ея завоеваніями и насиліями, достигаетъ какъ разъ обратныхъ результатовъ. Чрезвычайно распространенъ ложный взглядъ, будто дикари враждебно относятся къ тѣмъ средствамъ цивилизаціи, которыя даютъ имъ народы культурные. Опытъ показываетъ, наоборотъ, что они охотно воспринимаютъ средства цивилизаціи тамъ, гдѣ къ нимъ приходятъ съ дружественными намѣреніями. Но если къ нимъ приходятъ за тѣмъ, чтобы угнетать ихъ, подчинить ихъ и поставить ихъ подъ опеку, хотя бы съ самыми прекрасными намѣреніями, тогда

они дѣлаются недовѣрчивыми и отвергаютъ вмѣстѣ съ чужеземнымъ господствомъ и чужеземную культуру. Если мы хотимъ дѣйствовать цивилизующимъ образомъ на низшіе народы, то прежде всего необходимо, чтобы мы пріобрѣли ихъ довѣріе. А это мы можемъ добыть лишь тѣмъ, что мы имъ дадимъ свободу. Совершенно несправедливо сослался на Маркса Бернштейнъ. Вѣрно, Марксъ сказалъ: „земля принадлежитъ человѣчеству“. Но человѣчество теперь не занимается колоніальной политикой. Марксъ не говорилъ: „земля принадлежитъ капиталистическимъ націямъ“.

Саймонсъ изъ Соединенныхъ Штатовъ напоминаетъ о томъ, что „мы представляемъ себѣ соціалистическую систему, какъ братскій союзъ націй и расъ, но ни въ какомъ случаѣ не такъ, чтобы одна часть человѣчества господствовала, а другая подчинялась“.

На всѣ эти нападки докладчикъ Ванъ-Коль отвѣтилъ горячей и остроумной рѣчью. Спеціально пробиралъ онъ Каутскаго. То, что Каутскій говорилъ о мирномъ развитіи промышленности въ колоніяхъ, представляетъ собою, по его мнѣнію, чистѣйшую утопію. Пойти въ Африку съ машинами и инструментами и такимъ образомъ цивилизировать страну,—какая книжная теорія! Но когда вы привезете машину въ Африку, что дикари сдѣлаютъ съ нею? Быть можетъ, они начнутъ танцовать вокругъ нея и увеличатъ ею число своихъ фетишей. Но, можетъ быть, послать туда вмѣстѣ съ машинами европейцевъ? „Что они сдѣлаютъ съ европейцами, я не знаю. Сдѣлаемъ, я и Каутскій, опытъ. Пусть я и онъ, теорія и практика, пойдутъ рука объ руку къ дикарямъ съ машинами и инструментами. Быть можетъ, туземцы только разобьютъ наши машины; быть можетъ, они насъ убьютъ или даже сожрутъ, и тогда“,—тутъ Ванъ-Коль сталъ поглаживать свое внушительное брюшко,—„я боюсь, что мнѣ будетъ отдано преимущество передъ Каутскимъ“. Что же тамъ подѣлаютъ европейцы со своими машинами? Хотите ли вы, чтобы они, безоружные, пали тамъ жертвой? Не станемъ ли мы ихъ защищать съ оружіемъ въ рукахъ? А тогда—тогда Каутскій превратится въ имперіалиста. „Нѣтъ!“—воскликнулъ онъ въ заключеніе: „невозможно, глупо насаждать цивилизацію по методу Каутскаго тамъ, гдѣ нѣтъ правовой защиты ни для коренного, ни для

пришлаго населенія. Какъ мало имѣетъ право ученый отстраниться отъ реальной жизни, примѣръ тому мы видимъ сегодня на Каутскомъ, который въ колоніальномъ вопросѣ сдѣлался ревизіонистомъ, имперіалистомъ и утопистомъ.

Такъ говорилъ Ванъ-Коль. Мы нисколько не склонны утверждать, что вопросъ о клоніальной политикѣ, въ его отношеніи къ соціализму и націонализму, охваченъ и освѣщенъ конгрессомъ со всѣхъ сторонъ, и что принятая съѣздомъ резолюція является послѣднимъ словомъ международнаго соціализма. Колоніальная политика, какъ и вообще національный вопросъ,—т. е. вопросъ о мирномъ, братскомъ сожитіи народовъ на землѣ,—только недавно заинтересовала соціализмъ со своей практической стороны, врывающейся уже и теперь въ жизнь рабочаго класса. Мысль международнаго соціализма еще не разъ будетъ возвращаться къ этимъ вопросамъ и, вѣрная своимъ основнымъ принципамъ, должна будетъ вырабатывать конкретныя формы рѣшенія той проблемы, которую впервые рѣшительно и принципіально выдвинулъ пророкъ Исаійя. Но для настоящаго времени, въ виду жизненныхъ нуждъ, уже назрѣвшихъ для международнаго пролетаріата, было особенно важно настаивать на принципіальной сторонѣ дѣла, на установленіи незыблемой основы соціалистическаго правосознанія въ области международныхъ отношеній.

Вотъ почему, ни научныя ссылки Давидовъ и Бернштейновъ, ни практическій реализмъ и житейское остроуміе Ванъ-Коля, не могли опрокинуть соціалистическаго принципа, выраженнаго въ слѣдующихъ словахъ рѣчи Ледебура:

„Мы абсолютно отвергаемъ право опеки одного народа надъ другимъ и считаемъ невозможнымъ, чтобы Конгрессъ одобрилъ подобнаго рода опеку“

Въ смыслѣ этого основного принципа и была исправлена резолюція большинства колоніальной коммиссіи. Резолюція, принятая съѣздомъ, получила слѣдующую формулировку:

„Конгрессъ придерживается того взгляда, по которому капиталистическая колоніальная политика должна, по своей внутренней сущности, вести къ порабощенію, каторжному труду или вымиранію коренного населенія колоніальной области.

Цивилизаторская миссія, на которую ссылается капиталистическое общество, служитъ ей лишь мантіей для прикрытія ея завоевательныхъ

эксплуататорскихъ вожделѣній. Только соціалистическое общество доставитъ всѣмъ народамъ возможность развиться до полной культуры.

Вмѣсто того, чтобы увеличить производительныя силы, капиталистическая колоніальная политика разрушаетъ естественное богатство тѣхъ странъ, куда она вноситъ свои методы, порабощеніемъ и обнищаніемъ туземцевъ, какъ и убійственными и опустошительными войнами. Этимъ самимъ она замедляетъ или дѣлаетъ совершенно невозможнымъ развитіе торговли и сбытъ продуктовъ промышленности цивилизованныхъ государствъ.

Конгрессъ осуждаетъ варварскіе методы капиталистической колонизаціи и требуетъ, въ интересахъ развитія производительныхъ силъ, политики, обезпечивающей мирное культурное развитіе и ставящей сокровища земли къ услугамъ высшаго развитія всего человѣчества.

Онъ сызнова подтверждаетъ парижскую (1900) и амстердамскую (1904) резолюцію о колоніальномъ вопросѣ и снова отвергаетъ современный колонизаціонный методъ, который, являясь, по своему существу, капиталистическимъ, не имѣетъ никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ завоеванія чужихъ странъ, и порабощенія чужихъ народовъ, чтобы ихъ безпощадно эксплуатировать въ пользу незначительнаго меньшинства въ то время, какъ въ собственной странѣ увеличивается бремя, лежащее на пролетаріатѣ.

Врагъ всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и защитникъ всѣхъ угнетенныхъ, безъ различія расы, конгрессъ осуждаетъ эту политику грабежа и завоеванія, которая представляетъ собою лишь безстыдное примѣненіе права сильнаго и попираетъ ногами право побѣжденныхъ народовъ.

Колоніальная политика увеличиваетъ опасность военныхъ осложненій у государствъ, занимающихся колонизаціей, и увеличиваетъ ихъ налоговое бремя содержаніемъ войскъ и флотовъ.

Всѣ расходы по колонизаціи, также и тѣ, которые вызываются имперіализмомъ, какъ и тѣ, которые дѣлаются въ интересахъ экономическаго развитія колоній, должны были бы, съ финансовой точки зрѣнія, лежать на тѣхъ, кто единственно получаетъ пользу отъ ограбленія чужихъ странъ и чьи богатства обязаны своимъ существованіемъ этимъ чужимъ странамъ.

Конгрессъ, въ заключеніе, заявляетъ, что соціалистическіе депутаты обязаны объявить непримиримую борьбу во всѣхъ парламентахъ этой методѣ безпощадной эксплуатаціи и порабощенія, господствующей во всѣхъ существующихъ колоніяхъ.

Для этой цѣли они должны поддерживать реформы, улучшающія долю туземцевъ, должны помѣшать каждому нарушенію ихъ правъ, не допускать ихъ эксплуатацію и порабощеніе; они должны, далѣе, всѣми средствами, имѣющимися въ ихъ распоряженіи, работать на воспитаніи туземцевъ къ независимости“.

V.

Быть можетъ, ни одинъ вопросъ не столь связанъ съ проблемою о національности, о правѣ каждаго народа на самостоятельное развитіе и о равноправіи народовъ повсюду, гдѣ бы они ни жили, какъ вопросъ объ эмиграціи и иммиграціи. Въ силу экономическихъ и культурно-политическихъ причинъ часть одного народа врывается въ территорію другого. Не обращая вниманія на положеніе рынка труда, на состояніе рабочей организаціи, на перипетіи борьбы между трудомъ и капиталомъ, эта часть, съ ослѣпленіемъ голодныхъ, набрасывается на рынокъ труда, разрывая и безъ того слабо-сомкнутую цѣпь, которою рабочія организаціи этихъ странъ съ такимъ трудомъ окружили свои экономическія позиціи.

Долженъ ли рабочій классъ, во имя международной классовой солидарности, терпѣть это опасное для него нашествіе чужаковъ? не имѣетъ ли право соціалистическій защитникъ правъ кореннаго рабочаго класса заявить эмигрантамъ: „Страна эта принадлежитъ не вамъ, а имъ. Они ведутъ въ ней борьбу за то, чтобы сломить силу капитализма и приблизить царство соціализма. Все то, что ослабляетъ ихъ силу въ этой борьбѣ, идетъ въ разрѣзъ не только съ ихъ правомъ на свое отечество, но и съ интересами самого соціализма. Они, поэтому, имѣютъ полное право захлопнуть двери своей родины передъ носомъ пришельца, особенно, когда они видятъ, что этотъ пришлецъ, идетъ къ нимъ съ намѣреніемъ вырывать у нихъ изо рта ихъ кусокъ хлѣба“?

Не имѣютъ ли, съ другой стороны, эмигранты право возразить на это: „Соціализмъ, горячій защитникъ правъ народа на отечество“, тѣмъ не менѣе не признаетъ ни за какимъ народомъ право собственности на свою территорію. Какъ ни желательно и неотъемлемо право каждаго народа на свое отечество, оно можетъ быть осуществлено лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые не идутъ въ разрѣзъ со столь же неотъемлемымъ правомъ каждаго человѣка жить тамъ, гдѣ ему заблагоразсудится, гдѣ онъ будетъ чувствовать себя лучше. Съ правовой точки

зрѣнія для соціалиста нѣтъ „чужихъ“ и „своихъ“. Патріотизмъ и территоріализмъ суть безспорно постулаты соціализма, но они не исключаютъ, а наоборотъ, требуютъ, какъ своего дополненія, права каждаго народа на самостоятельное развитіе даже тамъ, гдѣ онъ лишенъ своей территоріи. Страна „дана“ человѣчествомъ, единственнымъ хозяиномъ земного шара, одному народу или группѣ народовъ, не въ собственность, а въ пользованіе, и она должна быть на равныхъ правахъ использована всѣми, кто живетъ въ ней, независимо отъ національности и происхожденія. Имѣть свое отечество—право народа; обладать имъ—счастье. Не имѣть его, или быть вынужденнымъ оставить его—не преступленіе, а несчастье. Никто не имѣетъ права оставить бездомнаго на улицѣ. Каждый долженъ дорожить своимъ домомъ, но—„jehi bethcho pothuach lo-rewochoh“: „да будетъ домъ твой открытъ для всѣхъ“. И бездомный долженъ войти въ него, не какъ гость, отъ котораго ждутъ угожденія хозяину, а какъ полноправный членъ семьи, который пользуется всѣми удобствами, созданными хозяевами для себя. Ибо—„chukoh achass tihjeh loch'em welager, ha-gov bethechochem“: „тотъ же законъ, что для васъ, долженъ быть и для чужого, живущаго среди васъ“. И ты не долженъ спрашивать его: на день ли ты пріѣхалъ сюда, или собираешься вѣкъ вѣковать? Быть можетъ, по нуждѣ онъ пріѣхалъ къ тебѣ, по своей волѣ онъ можетъ уйти отъ тебя. Одного только добивайся, чтобы онъ страну твою, данную тебѣ человѣчествомъ, почиталъ и объ ея благѣ заботился, наравнѣ съ тобою“...

На самомъ дѣлѣ, конечно, эмигранты такъ еще не говорятъ и менѣе всего склонны прибѣгать къ древне-еврейскимъ изреченіямъ. Имъ, голоднымъ и истерзаннымъ, не до принциповъ и не до соціалистическаго правосознанія. Но въ общественной и исторической жизни дѣло почти всегда происходитъ такъ, что прежде, чѣмъ люди начнутъ говорить, за нихъ вопіютъ тѣ обстоятельства, среди которыхъ имъ приходится жить. А эти обстоятельства въ нашемъ случаѣ таковы, что они, то и дѣло, склонны цитировать библію, пророковъ и наиболѣе гуманныхъ изъ отцовъ синагоги...

Такова сущность вопроса объ эмиграціи и иммиграціи при свѣтѣ соціалистическаго націонализма. Разсматривать его безъ

всякой связи съ національнымъ вопросомъ значитъ—скользить по поверхности, не забираясь въ его глубину.

Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія имѣла въ виду предложить конгрессу резолюцію, которая отводила въ своей практической части должное мѣсто національному моменту. Между прочими требованіями, которыя въ общемъ совпадали съ требованіями другихъ резолюцій, благопріятныхъ для эмигрантовъ, она выставляла: 1) доставленіе эмигрантамъ права на національное самоуправленіе въ школѣ, культурныхъ начинаніяхъ и во всемъ томъ, что касается ихъ, какъ членовъ данной національности, а не какъ жителей опредѣленной мѣстности или гражданъ опредѣленной страны; 2) передача всего эмиграціоннаго дѣла органамъ національнаго самоуправленія или,—тамъ, гдѣ таковыхъ нѣтъ,—органамъ мѣстнаго самоуправленія, подъ контролемъ и наблюденіемъ организованныхъ рабочихъ тѣхъ народовъ, изъ среды которыхъ рекрутируется эмиграціонная масса.

Къ сожалѣнію, работы коммиссіи по этому вопросу, насколько можно судить по имѣющимся краткимъ отчетамъ, не стояли на должной высотѣ. Е. С. Р. П. не могла участвовать въ преніяхъ коммиссіи. Ей приходилось бороться за свое право принадлежать къ Интернаціоналу, и въ тѣ дни, когда ея делегаты должны были находиться у его преддверья, были закончены въ коммиссіи по эмиграціонному вопросу всѣ генеральные дебаты, выслушаны и сданы въ подкоммиссію всѣ поступившія резолюціи. Поэтому, когда двери Интернаціонала, наконецъ, открылись передъ Е. С. Р. П., тѣмъ членамъ ея делегаціи, которые были командированы въ коммиссію по эмиграціонному вопросу соціально-революціонной подсекціей русской делегаціи, уже ничего не оставалось дѣлать, какъ вносить поправки въ практическую часть уже изготовленной резолюціи, чисто изъ принципа, безъ всякой мотивировки, предлагая одну мѣру за другою, зная заранѣе, что безъ предварительнаго обсужденія онѣ приняты быть не могутъ.

Тѣмъ не менѣе и изъ краткаго отчета прессы о генеральныхъ дебатахъ видно, что совершенно игнорировать національный вопросъ было невозможно. Тѣмъ болѣе, что онъ тамъ ярко выступилъ, въ видѣ р а с о в а г о вопроса. Австралійская делегація

внесла резолюцію, которая, по своему смыслу, если не по формѣ, стремилась запретить въѣздъ „желтой“ расы въ иммиграціонныя страны, на томъ основаніи, будто бы эта раса самой судьбой предназначена для „штрейкбрехерства“. Нѣкоторая часть американской делегаціи тоже была склонна принципіально согласиться на исключеніе „желтой“ расы изъ равноправной семьи трудящагося человѣчества. Только французская резолюція стойко отстаивала международный принципъ во всей его чистотѣ.

Резолюція, принятая коммиссіей, а затѣмъ и съѣздомъ представляетъ собою торжество интернаціонализма надъ узкимъ шовинизмомъ и эгоистическими интересами отдѣльныхъ рабочихъ партій. Но въ ней нѣтъ торжества того же интернаціонализма надъ его врагомъ слѣва, надъ космополитизмомъ. Коммиссія охотно включала въ резолюцію всѣ мѣры, благопріятныя эмигрантамъ, какъ людямъ и гражданамъ, но не включила ни одной, которая защищала бы ихъ національность. Изъ всѣхъ поправокъ, внесенныхъ въ резолюцію Е. С. Р. Партіей, была принята только одна: облегченіе натурализаціи.

Сама резолюція получила, въ концѣ концовъ, слѣдующую формулировку:

„Конгрессъ заявляетъ:

Эмиграція и иммиграція рабочихъ представляютъ собою явленія, которыя столь же могутъ быть отдѣлены отъ сущности капитализма, какъ безработица, перепроизводство, субкопеумилія рабочихъ, и служитъ средствомъ понизить долю рабочаго въ продуктѣ труда.

Конгрессъ не можетъ признавать какіе бы то ни было исключительные законы экономическаго или политическаго характера средствомъ борьбы противъ опасности, угрожающей рабочему классу со стороны эмиграціи и иммиграціи. Въ особенности онъ отвергаетъ ограниченіе свободы передвиженія, принципіальное исключеніе чужихъ націй или расъ и т. п.

Съ другой стороны конгрессъ признаетъ обязанностью организованнаго рабочаго класса бороться противъ пониженія его жизненнаго положенія массовой эмиграціей неорганизованныхъ рабочихъ, въ особенности же искуственнымъ ввозомъ штрейкбрехеровъ и т. п.

Конгрессъ привѣтствуетъ, поэтому, стремленіе пролетаріата каждой страны держать свое жизненное положеніе на возможно высокомъ уровнѣ.

Онъ сознаетъ всѣ трудности, которыя вытекаютъ для пролетаріата страны, стоящей на высокой ступени капиталистическаго развитія, изъ массовой эмиграціи неорганизованныхъ и привыкшихъ къ болѣе низкому жизненному положенію рабочихъ изъ странъ преимущест-

венно аграрной и кустарной культуры; сознаетъ и тѣ опасности, которыя возникаютъ для него изъ опредѣленныхъ формъ эмиграціи.

Конгрессъ сознаетъ необходимость бороться съ этими трудностями и опасностями.

Но въ идущемъ въ разрѣзъ съ пролетарской солидарностью исключеніи опредѣленныхъ расъ или націй изъ иммиграціи онъ не видитъ подходящаго для этого средства.

Какъ средство онъ рекомендуетъ слѣдующія мѣры:

I. Для странъ иммиграціи:

1) Запрещеніе ввоза такихъ рабочихъ, которые заключили контрактъ, лишающій ихъ возможность свободно распоряжаться своей рабочей силой и своей заработанной платой;

2) Законодательная защита рабочихъ посредствомъ сокращенія рабочаго дня, установленія минимума заработной платы, уничтоженія „потогонной системы“, и домашней индустріи, строгаго надзора за гигіеническими условіями жилищъ.

3) Уничтоженіе всѣхъ ограниченій, которыя исключаютъ или затрудняютъ иммиграцію опредѣленныхъ расъ или національностей; законодательное урегулированіе высылки чужестранцевъ, допустимой лишь по судебному приговору;

4) Облегченіе вступленія чужихъ въ профессіональные союзы страны и самая энергичная агитація среди иммигрантовъ въ пользу вступленія въ профессіональные союзы;

5) Поддержка профессіональныхъ организацій тѣхъ странъ, откуда эмиграція, главнымъ образомъ, рекрутируется.

II. Для странъ эмиграціи:

1) Самая энергичная профессіональная агитація;

2) Освѣдомленіе рабочихъ и общественнаго мнѣнія объ истинномъ состояніи условій и положенія труда въ странахъ иммиграціи;

3) Частыя соглашенія профессіональныхъ союзовъ съ профессіональными союзами странъ иммиграціи, съ цѣлью совмѣстныхъ выступленій по вопросамъ эмиграціи и иммиграціи;

4) Контроль надъ пароходными агентурами и эмиграціонными бюро, и когда окажется нужнымъ, законодательныя или административныя мѣры противъ нихъ, съ цѣлью помѣшать злоупотребленіямъ въ эмиграціонномъ дѣлѣ капиталистическихъ транспортныхъ предпріятій.

III. Реформа траспортнаго дѣла, въ особенности пароходнаго. Надзоръ за исполненіемъ предписаній инспекторами, облеченными дискреціонной властью, которые должны быть избраны изъ рядовъ профессіонально-организованныхъ рабочихъ въ странахъ эмиграціи и иммиграціи. Забота о вновь прибывшихъ эмигрантахъ, дабы они съ самаго начала не попали въ лапы къ кабатчикамъ и къ другимъ паразитамъ капитализма.

Такъ какъ транспортъ эмигрантовъ можетъ быть законодатель-

нымъ порядкомъ урегулированъ лишь на основѣ международнаго соглашенія, конгрессъ уполномочиваетъ Интернаціональное Бюро выработать законопроектъ реформы транспортнаго дѣла, нормирующій устройство и оборудованіе пароходовъ и объемъ воздуха въ помѣщеніяхъ, который долженъ минимально приходиться на каждаго эмигранта. Законопроектъ долженъ съ особенной силой настаивать, чтобы отдѣльные эмигранты уславливались о проѣздѣ непосредственно съ компаніей, безъ всякаго вмѣшательства какихъ либо посредниковъ. Этотъ законопроектъ долженъ быть сообщенъ Управленіямъ партій, въ цѣляхъ законодательнаго использованія его".

Однако, совершенно безъ заявленій въ пользу націонализма не обошлись работы съѣзда и по вопросу объ эмиграціи. Не то подъ вліяніемъ общаго проясненія соціалистической мысли на этотъ счетъ, не то подъ вліяніемъ тѣхъ націоналистическихъ поправокъ, которыя были внесены въ коммиссію представителями Е. С. Р. П., докладчикъ передъ пленумомъ, тов. Эллен богенъ, счелъ нужнымъ заявить въ своемъ докладѣ.

Рабочіе каждой отдѣльной націи не должны понимать международную солидарность въ томъ смыслѣ, что они должны предаться блѣдному (farblosen) интернаціонализму и отказаться отъ своей національности. Наоборотъ, рабочіе всѣхъ націй имѣютъ право и обязанность быть привязанными съ любовью и воодушевленіемъ къ культурнымъ сокровищамъ своей собственной націи (браво!). Они тѣмъ болѣе будутъ стремиться сохранить свои особенности, что сознаютъ, что именно сохраненіемъ своихъ особенностей націи могутъ больше всего принести пользы всеобщей культурѣ".

Тотъ, кто знакомъ съ недавнимъ отношеніемъ Элленбогена къ національному вопросу, долженъ былъ подумать, слушая это мѣсто: „И ты, Брутъ!... Кто же, въ такомъ случаѣ, будетъ противостоять напору истины? На будущемъ конгрессѣ не услышимъ ли мы подобныхъ рѣчей—чего добраго!—изъ устъ самой Розы Люксембургъ?!"

Нашъ отчетъ о Штутгардскомъ Конгрессѣ,—съ той спеціальной точки зрѣнія, съ которой мы смотримъ на него въ этой статьѣ, былъ бы не полонъ, если бы мы не коснулись, хотя бы въ самыхъ краткихъ словахъ, засѣданій самого Интернаціональнаго Бюро во время конгресса.

Право каждаго народа на самоопредѣленіе и равноправіе всѣхъ народовъ,—эти основные принципы соціалистическаго правосознанія въ области международныхъ отношеній,—были бы пустымъ звукомъ для Интернаціонала, если бы онъ не стремился осуществить ихъ полностью въ той сферѣ, гдѣ его рука—владыка: въ сферѣ своей собственной организаціи.

Въ старомъ Интернаціоналѣ,—въ „Международной Ассоціаціи Рабочихъ", этотъ организаціонный идеалъ былъ достигнутъ вполнѣ, и Международная Ассоціація Рабочихъ указывала на свою организацію, какъ на прообразъ будущихъ отношеній народовъ въ Федераціи Человѣчества.

Но старый Интернаціоналъ представлялъ собою, по своему историческому значенію, геніальной рукою созданную модель зданія, но не само зданіе. Само зданіе строится теперь, и не всѣ его части выводятся съ одинаковой правильностью и одинаковымъ архитектурнымъ изяществомъ. Нѣкоторыя части должны быть, хотя кое какъ, временно закончены, чтобы въ нихъ можно было жить и работать. Къ числу этихъ еще недостроенныхъ, но наскоро приготовленныхъ для жительства частей относятся и тѣ принципы, на основаніи которыхъ какой либо народъ можетъ участвовать въ Интернаціоналѣ, какъ отдѣльная самостоятельная секція его. Интернаціоналъ отказался отъ чисто государственнаго начала: въ немъ участвуютъ, въ качествѣ самостоятельныхъ секцій, и Польша, и Богемія, не имѣющія своихъ государствъ. Но до чисто народнаго принципа, лежавшаго въ основѣ стараго Интернаціонала, онъ еще не дошелъ. Господствующимъ является территоріальное начало, принципъ странъ. Но и этотъ „стиль" не вполнѣ выдержанъ.

Такъ, напримѣръ, островъ Куба,—страна, когда-то принадлежавшая Испаніи,—нынѣ принадлежитъ по праву завоеванія государству Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Кубанскіе делегаты просили позволенія у Интернаціональнаго Бюро примкнуть къ испанской секціи. Бюро отказало имъ въ этомъ. Казалось бы, что „право каждаго народа на самоопредѣленіе" должно было гарантировать кубанцамъ возможность самоопредѣляться на Конгрессѣ, какъ имъ угодно. Но Интернаціональное Бюро почему то отдало преимущество волѣ бога войны—передъ волею народа. Вѣроятно, однако, не сильна была воля

кубанцевъ къ самоопредѣленію, какъ испанцевъ. Ибо, если бы они настаивали на своемъ правѣ и перенесли дѣло на засѣданіе пленума, послѣдній врядъ ли упустилъ бы случай—протестовать противъ насильственнаго захвата Кубы Сѣверо-американской республикой.

За исключеніемъ этого случая, все поведеніе Интернаціональнаго Бюро въ дѣлѣ допущенія новыхъ организацій и народовъ въ Интернаціоналъ, было совершенно корректнымъ и безупречнымъ.

Представители армянской делегаціи „Дашнакцютунъ“ внесли предложеніе: организовать новую, армянскую секцію Интернаціонала, въ которую вошли бы и представители турецкой Арменіи. Интернаціональное Бюро, не имѣя принципіально ничего противъ этого, отложило этотъ вопросъ впердь до выясненія соціалистическаго характера работы въ турецкой Арменіи. Этимъ Интернаціональное Бюро въ высшей степени облегчило задачу „Дашнакцутюна“. Ему остается только выяснить передъ міровымъ пролетаріатомъ и Интернаціональнымъ Бюро истинный характеръ своей организаціи въ Турціи, и мы заранѣе можемъ порадоваться успѣху нашихъ армянскихъ товарищей. Интернаціональное Бюро предложитъ образовать отдѣльную армянскую секцію на тѣхъ же правахъ и по тѣмъ же мотивамъ, по какимъ существуетъ отдѣльная секція Польши, и Конгрессъ одобритъ это предложеніе.

„Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія“ и „Сіонисты-Соціалисты“ приняты, по рѣшенію Интернаціональнаго Бюро, въ Интернаціоналъ: послѣдніе съ совѣщательнымъ голосомъ, первая съ рѣшающимъ, связаннымъ съ правомъ послать своего представителя въ Интеренаціональное Бюро съ совѣщательнымъ голосомъ. Противъ допущенія этихъ двухъ еврейскихъ организацій въ Интернаціоналъ сильно боролась Россійская Соціалдемократія, съ „Бундомъ“ во главѣ. Главнымъ доводомъ противъ ихъ служитъ ихъ территоріализмъ, идущій будто-бы въ разрѣзъ съ соціализмомъ.

Такимъ образомъ, со вступленіемъ Е. С. Р. П. и С.-С. въ Интернаціоналъ еврейскій территоріализмъ получилъ санкцію соціалистичности со стороны самой компетентной и верховной инстанціи по вопросамъ международнаго соціализма: Международнаго Соціалистическаго Бюро.

VI.

Обозрѣвая все сказанное нами о современномъ отношеніи международнаго соціализма къ національному вопросу, поскольку оно выразилось на Штутгартскомъ Конгрессѣ, мы можемъ смѣло подтвердить то, въ чемъ мы всегда были глубоко убѣждены, что въ современномъ мірѣ существуетъ только о д н а сила, которая принимаетъ близко къ сердцу судьбы угнетенныхъ національностей, которая глубоко сочувствуетъ дѣлу ихъ полнаго и радикальнаго освобожденія, вплоть до завоеванія полнѣйшей національной независимости. Эта сила — соціалистическій Интернаціоналъ рабочаго класса, та самая сила, которая поставила себѣ цѣлью полное и всестороннее освобожденіе угнетеннаго человѣчества.

Эта сила еще не настолько могуча, чтобы взять на себя задачу освобожденія угнетенныхъ народовъ. Да и національное освобожденіе народа должно быть дѣломъ, прежде всего, самого угнетеннаго народа. Но эта все растущая сила, даже и въ настоящее время, вовсе ужъ не такъ слаба, чтобы ея симпатіи не играли никакой роли въ дѣлѣ наклоненія чашки вѣсовъ въ ту или другую сторону въ тотъ моментъ, когда исторія взвѣшиваетъ судьбы народовъ. Вотъ почему угнетеннымъ народамъ негдѣ и незачѣмъ искать себѣ другихъ союзниковъ помимо симпатій и содѣйствія международнаго пролетаріата. А задачи соціалистическихъ партій этихъ народовъ состоятъ, само собою разумѣется, въ томъ, чтобы пропитать жизнь и сознаніе своего народа принципами международнаго соціализма, стремиться къ тому, чтобы его національная борьба велась подъ знаменемъ правды международнаго соціализма, и чтобы его побѣда увеличила шансы конечнаго торжества этой правды.

Н. Гайдаровъ.

Изъ жизни и литературы.

„Жизнь“ и ея литературное отраженіе это, конечно, слишкомъ широкія понятія, и, начиная этотъ отдѣлъ на страницахъ „Серпа“, я обязанъ сдѣлать нѣсколько разъясненій въ смыслѣ точнаго указанія типа, области и, такъ сказать, предѣловъ изложенія моихъ очерковъ.

На этихъ страницахъ мнѣ придется говорить о „жизни и литературѣ“ въ той преимущественно области, гдѣ лежатъ вопросы, изслѣдуемые и разрабатываемые „Серпомъ“. Не существуетъ, конечно, ни одного вопроса современности, который не былъ бы намъ дорогъ и близокъ: соціально-политическое міровоззрѣніе есть въ конечномъ счетѣ слагаемое изъ всѣхъ моментовъ жизни и мысли. Но на поверхности, какъ и въ нѣдрахъ совершающихся жизненныхъ процессовъ, предъ нашимъ взоромъ ярко обнаруживаются нѣкоторыя спеціальныя проблемы, которыя еще не получили полнаго права гражданства въ кругу современныхъ политическихъ проблемъ, которыя еще ждутъ своей исторической оцѣнки съ соціологической точки зрѣнія, своего синтеза съ другими составными элементами соціалистическаго міровоззрѣнія.

Читатели, знакомые съ представляемымъ нами направленіемъ, знаютъ, что мы стремимся къ познанію исторической и соціально-политической цѣнности національной проблемы, къ анализу ея существа, къ извлеченію изъ нея практическихъ выводовъ, къ опредѣленію ея дѣйствительнаго мѣста въ конгломератѣ фактовъ и моментовъ, составляющихъ въ своей совокупности современное историческое движеніе. Реальныя событія дня учатъ, что жизнь и въ этой плоскости не замерла, не стоитъ на одномъ мѣстѣ; здѣсь есть свое движеніе, своя линія дѣйствія,

свои контуры и зигзаги... Изучать эту жизнь, слѣдить за ея литературными отраженіями, — значитъ прежде всего—накоплять факты, учитывать ихъ роль и вліяніе, улавливать ихъ закономѣрность и причинную взаимозависимость. А все это приведетъ въ итогѣ къ накопленію фактическаго и идейнаго матеріала, способнаго служить самымъ прочнымъ и цѣннымъ базисомъ для оріентировки въ текущей политической дѣйствительности и для выработки соотвѣтствующихъ программныхъ положеній и директивъ.

Съ этой точки зрѣнія я и перехожу къ обозрѣнію нѣкоторыхъ фактовъ и проявленій въ соотвѣтствующихъ областяхъ жизни и литературы послѣдняго времени.

I.

Конференція россійскихъ національно-соціалистическихъ партій.

Мало замѣтной и еще меньше освѣщенной на страницахъ нашей литературы,—не только буржуазной, но и соціалистической,—прошла состоявшаяся въ Апрѣлѣ нынѣшняго года въ одной изъ финляндскихъ деревень такъ называемая „Конференція національно-соціалистическихъ партій Россіи“. Общія ли политическія условія, недостатки ли въ самой организаціи конференціи, небрежность ли ея организаторовъ тому причиною, но фактъ тотъ, что до сихъ поръ конференція не вызвала, хотя бы въ соціалистическихъ сферахъ, интереса, сколько-нибудь равнаго ея дѣйствительному значенію. Въ самомъ непродолжительномъ времени выйдутъ протоколы конференціи. Изъ нихъ читатель вынесетъ самое правильное представленіе о содержаніи и значеніи ея работъ. Но мнѣ, въ виду важности этого серьезнаго и крупнаго явленія въ жизни соціалистической Россіи настоящаго года, хочется теперь же дать общую оцѣнку тому вкладу, который несомнѣнно внесенъ работами конференціи въ сокровищницу соціалистическаго пониманія національнаго вопроса и формъ національно-политическихъ движеній.

Излишне, конечно, говорить здѣсь о важности для соціализма національнаго вопроса, о зрѣющихъ въ этой области конфликтахъ, объ интенсивности дѣятельности, проявляемой національно-соціалистическими партіями Россіи на поляхъ россійскаго революціоннаго движенія, о необходимости, поэтому, для этихъ партій и для россійскаго соціализма вообще выработки опредѣленной программы по національному вопросу, воплощающей стройный, выдержанный съ точки зрѣнія соціалистическаго идеала и интересовъ соціалистическаго движенія, взглядъ на соотвѣтствующій типъ національныхъ отношеній. Не ясно ли, что въ такой разноплеменной странѣ, какъ Россія, политическое освобожденіе должно привести за собою и раскрѣпощеніе національное, уничтоженіе національнаго гнета и организацію національной жизни на демократическихъ началахъ. Но само собой разумѣется, что нац. свобода не съ неба къ намъ свалится, она требуетъ соотвѣтствующей упорной борьбы, планомѣрно направленной энергіи, а это, въ свою очередь, предполагаетъ наличность точнаго представленія о самомъ предметѣ стремленій, о цѣли движенія.

Примѣръ Австріи, анализъ формъ движенія ея соціалистическихъ партій служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Въ этой, также разноплеменной странѣ, національный вопросъ служитъ однимъ изъ жизненныхъ нервовъ соціалистическаго движенія, а требованіе національной автономіи занимаетъ одно изъ центральныхъ мѣстъ въ программѣ современной австрійской соціалдемократіи. Но аналогія между Австріей и Россіей не является полною, и положеніе національнаго вопроса въ программѣ и движеніи соціалистическихъ партій этихъ двухъ странъ не тождественно. Прежде всего, переживаемая Россіей эпоха политическаго угнетенія служитъ серьезнымъ тормазомъ къ раскрытію національныхъ освободительныхъ стремленій россійскихъ народностей и ея соціалистическихъ представителей. Къ тому же національныя различія и противорѣчія въ Россіи сложнѣе и глубже, чѣмъ въ Австріи. Наконецъ, имѣетъ значеніе,—и очень серьезное,—обстановка соціалистическаго движенія страны. Въ этомъ отношеніи одинъ уже фактъ существованія въ Россіи какъ соціалдемократической, такъ и соціалъ-революціонной партіи и, помимо нихъ, цѣлаго ряда національно-соціалистическихъ организацій то соціалъ-революціоннаго, то соціалдемократическаго типа, пред-

ставляетъ собою факторъ, значительно осложняющій дѣло и, во всякомъ случаѣ, препятствующій выработкѣ единой національно-соціалистической программы и внесенію необходимаго единства въ самое національно-соціалистическое движеніе страны.

Вліяніе этого факта сказалось и на самой организаціи первой соціалистической конференціи по національному вопросу. Рѣшеніе созвать такую конференцію было принято на послѣднемъ съѣздѣ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, по иниціативѣ присутствовавшаго на съѣздѣ въ качествѣ гостя представителя Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи. Вскорѣ послѣ этого съѣзда былъ составленъ организаціонный комитетъ, который долженъ былъ привести это рѣшеніе въ исполненіе. И вотъ для этого комитета, какъ и для иниціаторовъ предложенія и для съѣзда с. р., было съ самаго начала ясно, что, при всей желательности созыва совѣщанія для обсужденія національнаго вопроса изъ представителей всѣхъ безъ исключенія дѣйствующихъ въ Россіи соціалистическихъ партій, такой образъ дѣйствія оказывается, однако, фактически неосуществимымъ въ виду наличности дѣленія и въ средѣ національно-соціалистическихъ организацій по линіи соціалдемократизма и соціалреволюціонизма. Приглашенія были, поэтому, направлены исключительно къ національно-соціалистическимъ организаціямъ или находящимся въ блокѣ съ Партіей С. Р., или находящимся съ этой послѣдней въ тѣхъ или иныхъ—идейныхъ или дѣловыхъ—отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, новизна дѣла и значительные недостатки организаціи привели къ тому, что и въ этомъ ограниченномъ видѣ конференція не отличалась должнымъ составомъ: до нѣкоторыхъ партій и организацій не дошли приглашенія, иныя не успѣли прибыть. Оказались на лицо партіи: С.-Р., Р. Р. S., (революціонная фракція) Бѣлорусская Громада, Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія, Армянская Партія Дашнакцутюнъ, Грузинская Партія Соціалистовъ-Федералистовъ. Въ моментъ закрытія съѣзда прибылъ представитель Латышскаго Соціалъ-Демократическаго Союза.

Въ такомъ составѣ и было проведено нѣсколько дней интересной и напряженной работы.

Вводный теоретическій докладъ тов. Гайдарова, посвященный раскрытію понятія и существа національной проблемы въ рамкахъ соціалистическаго міровоззрѣнія, вызвалъ обширные

дебаты и значительныя разногласія, неизбѣжныя всякій разъ, когда мысль вращается въ кругу отвлеченныхъ положеній и абстрактныхъ истинъ.

Больше единомыслія оказалось при обсужденіи конкретныхъ вопросовъ и практическихъ задачъ.

Въ дебатахъ по поводу доклада тов. Лозова: „Объ огражденіи интересовъ національныхъ меньшинствъ“ при парламентскихъ выборахъ, опредѣленно сказалась въ рѣчахъ нѣкоторыхъ ораторовъ своего рода боязнь, какъ бы призывъ къ огражденію національныхъ меньшинствъ, внесеніе національнаго момента въ содержаніе политической борьбы не привело бы къ затемненію классоваго сознанія и ослабленію классовой борьбы пролетаріата. Защитникамъ національнаго принципа,—главнымъ образомъ представителямъ Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи,—стоило не мало труда разъяснить, что предложеніе объ огражденіи интересовъ національныхъ меньшинствъ является неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ изъ общаго демократическаго принципа объ огражденіи интересовъ меньшинства вообще,—что это положеніе приводитъ къ изъятію изъ области классовой борьбы элемента національныхъ конфликтовъ и ведетъ, слѣдовательно, какъ разъ къ обратной цѣли—къ просвѣтлѣнію классоваго самосознанія и къ цѣлесообразному направленію классовой борьбы пролетаріата въ сторону безпрепятственной защиты его экономическихъ и политическихъ интресовъ.

Въ результатѣ такихъ дебатовъ была принята слѣдующая резолюція по вопросу объ огражденіи интересовъ національныхъ меньшинствъ:

> „Конференція считаетъ необходимымъ въ избирательномъ законѣ для общегосударственнаго парламента, построеннаго на началахъ пропорціональныхъ выборовъ. обезпечить права народностей, составляющихъ меньшинство населенія, по скольку тѣ или другія мѣры, направленныя въ защиту составляющихъ меньшинство національностей не противорѣчатъ интересамъ классовой борьбы“.

Въ этой резолюціи важенъ, конечно, самый фактъ признанія интересовъ національныхъ меньшинствъ заслуживающими мѣръ особаго огражденія со стороны соціалистовъ. Но при этомъ резолюція не обошлась безъ характерной оговорки. Интересы національныхъ меньшинствъ признаются подлежащими огражденію постольку, поскольку такое огражденіе не рискуетъ оказаться въ про-

тиворѣчіи съ интересами классовой борьбы. Оговорка эта характерна въ томъ смыслѣ, что доказываетъ наличность у многихъ членовъ съѣзда даже въ моментъ принятія резолюціи все той же боязни мнимаго противорѣчія между дѣломъ огражденія національнаго меньшинства и интересами классовой борьбы. Повторяю, мы такого противорѣчія не видимъ, и самую оговорку считаемъ излишнею.

Центральнымъ пунктомъ работъ съѣзда явился докладъ М. Борисова и пренія по немъ. Здѣсь вопросъ объ отношеніи между соціализмомъ и націонализмомъ и о выработкѣ національно-соціалистической программы былъ поставленъ прямо, опредѣленно, рѣзко. И любопытенъ пріемъ, оказанный докладу съѣздомъ. Докладчикъ отъ имени Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи предложилъ съѣзду признать въ общихъ чертахъ основныя положенія національно-соціалистической программы этой партіи. Положенія эти, какъ извѣстно, сводятся къ признанію каждой націи особымъ экстерриторіальнымъ союзомъ съ публично-правовымъ характеромъ, признанію за такими союзами автономности въ смыслѣ права на національное самоуправленіе въ кругу опредѣленныхъ вопросовъ, данной національности касающихся, и въ конструированіи соотвѣтствующихъ органовъ національнаго самоуправленія въ формѣ національныхъ общинъ и національныхъ сеймовъ.

Докладъ вызвалъ горячія пренія по существу вопроса,— новаго и вмѣстѣ съ тѣмъ представляющаго огромное соціально-политическое значеніе. Дебаты вращались главнымъ образомъ вокругъ вопроса объ отношеніи указаннаго принципа національной автономіи къ автономіи областной, территоріальной, фигурирующей въ качествѣ основнаго требованія, въ программахъ многихъ національно-соціалистическихъ партій. Нѣкоторыми ораторами допускалась мысль о необходимости примѣненія принципа экстерриторіальной автономіи для націй экстерриторіальныхъ же, для тѣхъ націй, которыя нигдѣ не оставляютъ компактнаго большинства. На это представители главнымъ образомъ Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи резонно возражали, что не существуетъ въ Россіи націи, которая бы всюду, во всѣхъ пунктахъ своего пребыванія составляла большинство, и, поэтому, принципъ

экстерриторіальной національной автономіи пріобрѣтаетъ универсальное значеніе.

Въ результатѣ были поставлены на голосованіе двѣ резолюціи.

Одна, говорившая о важности поднятаго Еврейской Соціалистической Рабочей Партіей вопроса объ экстерриторіальной національной автономіи и о необходимости тщательнаго изученія этого вопроса, гласила:

„Принимая во вниманіе всю важность возбужденнаго Еврейской Соціалистической Рабочей Партіей вопроса о необходимости созданія экстерриторіальныхъ національныхъ союзовъ публично-правового характера; считая вопросъ этотъ чрезвычайно настоятельнымъ въ дѣлѣ разрѣшенія національнаго вопроса именно въ Россіи, которая представляетъ такое разнообразіе переплетающихся національныхъ элементовъ; но въ то же время находя, что вопросъ этотъ въ настоящій моментъ не вполнѣ еще вышелъ изъ области дискуссій, конференція находитъ необходимымъ рекомендовать всѣмъ соціалистическимъ партіямъ и организаціямъ подвергнуть этотъ вопросъ самому тщательному обсужденію, какъ на собраніяхъ, такъ и въ партійной литературѣ“.

Другая резолюція, опредѣлено указывавшая на принципъ экстерриторіальной національной автономіи, какъ на единственный практическій способъ разрѣшенія національнаго вопроса, была изложена въ слѣдующей формѣ:

Конференція находитъ, что рѣшеніе вопроса о національныхъ правахъ составляющихъ меньшинство народностей, не имѣющихъ своей территоріи, не можетъ быть достигнуто исключительно путемъ территоріальныхъ автономій и мѣстнаго самоуправленія, и что поэтому созданіе экстерриторіальныхъ органовъ національнаго самоуправленія публично-правового характера въ предѣлахъ Россійскаго государства является необходимой предпосылкой для рѣшенія національнаго вопроса и освобожденія трудящагося класса отъ необходимости вступать въ союзъ съ буржуазіей для защиты своихъ національныхъ правъ. Что касается до основъ этой организаціи, ея компетенціи и отношенія послѣдней къ компетенціямъ мѣстнаго и территоріальнаго самоуправленія, какъ и общегосударственныхъ учрежденій, то вопросъ этотъ долженъ детально обсуждаться на страницахъ соціалистической прессы въ связи съ другими вопросами, вытекающими изъ задачъ объединенныхъ трудящихся классовъ различныхъ народностей въ одну цѣлесообразно-организованную армію для борьбы съ буржуазіей за соціализмъ и свободу“.

Результаты голосованія получились слѣдующіе. Первая резолюція, трактовавшая о значеніи поднятаго вопроса, была принята единогласно; за вторую резолюцію, содержавшую кон-

кретное признаніе опредѣленнаго принципа экстерриторіальной автономіи, голосовали: Евр. Соц. Раб. Партія, бѣлоруссы, армяне и грузины; С.-Р. и Р. Р. S. воздержались отъ голосованія по этой второй резолюціи.

Такой исходъ голосованія весьма характеренъ, на что и указалъ въ своемъ послѣднемъ словѣ докладчикъ М. Борисовъ. Правильно было подчеркнуто то обстоятельство, что безусловными сторонниками принципа экстерриторіальной автономіи оказались: евреи, армяне, т. е. представители безусловно экстерриторіальныхъ націй; примкнули къ признанію этого принципа бѣлоруссы и грузины (послѣдніе, какъ это видно и изъ протоколовъ конференціи, не безъ серьезныхъ колебаній), такъ какъ и этимъ національностямъ областная автономія, въ концѣ концовъ, не сулитъ вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія ихъ нац. проблемъ. Воздержавшіеся же отъ голосованія, С.-Р. и Р. Р. S. принадлежатъ къ народностямъ, имѣющимъ всѣ основанія возлагать надежды на осуществленіе областной автономіи и склоннымъ, поэтому, усматривать въ послѣдней исключительную панацею отъ всѣхъ національныхъ золъ. Все это съ несомнѣнностью указываетъ на то, что принципъ экстерриторіальной національной автономіи вполнѣ соотвѣтствуетъ интересамъ національныхъ меньшинствъ или экстерриторіальныхъ націй. Но поляки изъ Р. Р. S. въ своемъ безграничномъ увлеченіи принципомъ территоріальной автономіи забыли о всей русской Польшѣ, о всемъ сѣверо—и югозападномъ краѣ, гдѣ поляки образуютъ меньшинство и гдѣ ихъ интересы, слѣдовательно, будутъ нуждаться въ спеціальной защитѣ даже при автономіи Польши, точно также эсъ-эры, воздержавшись отъ голосованія, забыли совершенно не только объ экстерриторіальныхъ національностяхъ, но также объ интересахъ нац. меньшинствъ, внутри каждой автономной области. Повторяю: всѣ націи носятъ въ себѣ элементъ частичной, если не полной, экстерриторіальности, и принципъ экстерриторіальной автономіи обладаетъ въ полной мѣрѣ атрибутомъ универсальности.

Были на конференціи подняты и обсуждены другіе вопросы. Тов. грузинъ Андреевъ прочелъ интересный рефератъ на тему объ аграрномъ вопросѣ въ связи съ интересами національностей, въ которомъ освѣщалось аграрное движеніе въ Грузіи и указывались національные моменты этого движенія.

Представители отдѣльныхъ партій представили доклады о фактическомъ положеніи національно-соціалистическаго движенія среди отдѣльныхъ національностей. Доклады содержатъ богатый матеріалъ для изученія національныхъ формъ современнаго россійскаго соціалистическаго и революціоннаго движенія.

На конференціи былъ принятъ цѣлый рядъ практическихъ предложеній:

1) О періодическомъ созывѣ съѣздовъ національно-соціалистическихъ партій не менѣе одного раза въ годъ;

2) Объ изданіи протоколовъ этихъ съѣздовъ;

3) Объ организаціи спеціальнаго секретаріата для осуществленія указанныхъ мѣръ и другихъ дѣлъ и дѣйствій, вытекающихъ изъ организаціи національно-соціалистическихъ съѣздовъ.

4) Объ информаціонныхъ отношеніяхъ между отдѣльными національно-соціалистическими партіями;

5) О разработкѣ плана изданія спеціальнаго періодическаго органа для разработки національнаго вопроса съ точки зрѣнія взглядовъ и рѣшеній національно-соціалистическихъ съѣздовъ.

Въ заключеніе конференція, обсудивъ современное политическое положеніе, постановила резолюцію съ осужденіемъ антисемитической и погромной политики правительства, стремящейся дезорганизовать стройные ряды всероссійскаго пролетаріата.

Резолюція гласитъ:

„Конференція заявляетъ, что она считаетъ священнымъ долгомъ собравшихся партій самымъ рѣшительнымъ и активнымъ образомъ бороться противъ антисемитической и погромной политики русскаго правительства и реакціонной части русскаго общества, которая, являясь самымъ дикимъ выраженіемъ варварства и насилія, вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ къ затемненію классоваго самосознанія трудящихся массъ и задерживаетъ классовое сплоченіе интернаціональнаго, борющагося пролетаріата и трудящихся массъ“.

Таковы были работы конференціи, немногочисленной по составу участвовавшихъ лицъ и партій, но плодотворной по содержательности работъ и трезвости обсужденія поставленнаго на очередь животрепещущаго вопроса національной политики.

Можно только пожелать, чтобы труды конференціи не заглохли, и чтобы создавшаяся организація съ любовью и умѣньемъ выполнила свое дѣло, столь необходимое для успѣховъ соціалистическаго движенія въ Россіи.

II.

Штутгартъ.

Въ настоящемъ сборникѣ, въ статьѣ тов. Гайдарова, читатель найдетъ отчетъ и характеристику дѣятельности Штутгартскаго Конгресса и оцѣнку его значенія съ нашей точки зрѣнія. Эта характеристика и оцѣнка сдѣланы съ такой полнотой и обстоятельностью, что мнѣ здѣсь, въ сущности, ничего прибавить не остается. Но я хочу нѣсколько остановиться на одномъ, имѣвшемъ мѣсто на Штутгартскомъ Конгрессѣ, чрезвычайно важномъ для насъ моментѣ, который однако не былъ отмѣченъ въ статьѣ тов. Гайдарова т. к. это не входило непосредственно въ задачу его разсмотрѣнія. Я разумѣю вопросъ о представительствѣ въ Интернаціоналѣ Е. С. Р. П. и также Сіонитско-Соціалист. Раб. Парт.

Читатель въ печатающемся здѣсь „Отчетѣ делегаціи Е. С. Р. П. на Штутг. Конгр.“ найдетъ матеріалъ для усвоенія не только фактической, но и принципіальной стороны даннаго вопроса. Мнѣ остается только подчеркнуть всю важность этого шага съ нашей точки зрѣнія и намѣтить необходимые выводы изъ создавшагося полсженія, равно какъ и логически вытекающіе изъ него дальнѣйшіе шаги дѣятельности. Какъ извѣстно, конгрессъ включилъ въ Интернаціоналъ представителей Е. С. Р. П. съ правомъ рѣшающаго голоса и представителей С. С. съ правомъ совѣщательнаго голоса. Озлобленная придирчивость С. Д, подстрекаемыхъ Бундомъ, до изнеможенія бившимся за пресловутое право „единственнаго представительства“ еврейскаго пролетаріата, не имѣла успѣха и дала только возможность голландскому соціалисту Ванъ-Колю въ тысячу первый разъ указать на „узкую тактику кастовой конкурренціи“, свойственной россійской соціалдемократіи.

Любопытна была нервная аргументація Бунда и шедшихъ за нимъ „ученыхъ евреевъ“ изъ россійской соціалдемократіи. Въ числѣ доводовъ противъ включенія Е. С. Р. П. въ Интернаціо-

налъ были, конечно, росказни и объ эклектизмѣ воззрѣній партіи, о ея „реакціонной“ политикѣ въ еврейскомъ рабочемъ движеніи, избирательной кампаніи и т. п. перлы изъ области партійныхъ инсинуацій, къ которымъ г-да бундовцы такъ охотно прибѣгали въ послѣднее время на столбцахъ „Folkszeitung'a“, „Hoffnung'a“, какъ только рѣчь заходила о Е. С. Р. П. Отвѣчать на эти нападки мнѣ теперь не приходится: это уже было сдѣлано нашими представителями на конгрессѣ и читатель прочтетъ объ этомъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ отчета. Бѣдные бундовцы въ моментъ конгресса, очевидно, не предусматривали, что въ самомъ скоромъ времени, въ томъ самомъ злополучномъ Витебскѣ, въ которомъ загорѣлся весь сыръ-боръ между нимъ и Е. С., обѣимъ партіямъ придется идти рука объ руку въ избирательной кампаніи для 3-ьей Думы... Но оставимъ эти мелочи и эти неприличія. Есть одинъ пунктъ въ аргументаціи Бунда, который представляетъ принципіальный интересъ, и о которомъ необходимо сказать нѣсколько словъ. Въ числѣ доводовъ противъ включенія упомянутыхъ еврейскихъ партій въ Интернаціоналъ фигурировало указаніе на то, что партіи эти не стоятъ прочно обѣими ногами на русской почвѣ, и что ихъ территоріализмъ стоитъ въ противорѣчіи съ основными требованіями и конечнымъ идеаломъ соціализма. Вопросъ о соотношеніи и взаимозависимости территоріализма и соціализма, какъ составныхъ элементовъ міровоззрѣнія партіи, представляетъ собою большой интересъ, и въ этой области, несомнѣнно, возможны споры и несогласія. Но та поверхностная позиція, которую въ этомъ спорѣ заняли Бундъ и С.-Д. то голословное осужденіе, которымъ они замѣнили желательный анализъ проблемы, поистинѣ изумительны. Представители пролетаріата данной національности, находящейся въ специфическихъ условіяхъ историческаго существованія, лелѣютъ идеалъ территоріальнаго объединенія разрозненныхъ національныхъ силъ, и въ отвѣтъ на это другая еврейская партія, иначе понимающая тенденціи національнаго развитія, желаетъ наложить veto на право соціалистическаго существованія своего соперника. Въ дѣйствительности, система соціалистическаго міровоззрѣнія въ настоящее время далеко не исчерпана до конца. Рамки его допускаютъ расширеніе входящихъ въ его составъ проблемъ, и вопросъ объ отношеніи территоріализма къ соціализму ни въ коемъ случаѣ не можетъ

явиться той гранью, которая отдѣляетъ соціалистическое отъ несоціалистическаго міровоззрѣнія. Соціализмъ, какъ ученіе объ основахъ и условіяхъ высшаго совершенствованія гармонически-развитой человѣческой личности, не можетъ налагать veto на исканіе путей къ историческому возрожденію національныхъ организмовъ, поскольку новые пути существованія и развитія обусловливаютъ собою ростъ производительныхъ силъ и поступательный ходъ общественныхъ отношеній, а съ этой стороны, территоріалистскій идеалъ безусловно неуязвимъ. Вопросъ, слѣдовательно, долженъ быть перенесенъ на другую почву,—почву изслѣдованія путей, средствъ и силъ къ осуществленію территоріализма. И въ этомъ отношеніи необходимо будетъ обратить вниманіе на тѣ модуляціи территоріалистическаго принципа, которыя, между прочимъ, играютъ столь видную роль въ системѣ воззрѣній Е. С. Р. П.

Какъ бы то ни было, двѣ національныя организаціи, выступающія въ качествѣ представителей пролетаріата еврейской національности, включены въ Интернаціоналъ. При всемъ симптоматическомъ значеніи этого явленія, странно было бы, конечно, на немъ остановиться, неправильно было бы этимъ шагомъ ограничиться. Отнынѣ на долю представителей пролетаріата такой экстерриторіальной націи, какъ еврейская, выпадаетъ опредѣленная—правда весьма трудная—задача. Извѣстно, что основой представительства въ Интернаціоналѣ различныхъ соціалистическихъ партій служитъ территоріальный принципъ. Интернаціоналъ считается съ государствами, а не съ народностями. Но этотъ прямолинейный взглядъ оказался на практикѣ не выдержаннымъ и отъ него допущены отступленія, самымъ крупнымъ изъ которыхъ является самостоятельное представительство польскихъ соціалистовъ.

Такая экстерриторіальная нація, какъ еврейская, разсѣянная по разнымъ странамъ земного шара, вносящая свою лепту въ политическую борьбу противъ существующаго строя разныхъ государствъ и на ряду съ этимъ выдѣляющая специфическій еврейскій пролетаріатъ, имѣющій свою особую классовую структуру и отличающійся общими основами соціально-экономическаго быта, несмотря на все разнообразіе частныхъ условій по отдѣльнымъ странамъ и государствамъ,—такая нація, въ лицѣ своихъ соціа-

листическихъ представителей, имѣетъ несомнѣнное право на свое самостоятельное представительство въ Интернаціоналѣ. Еврейство и его соціалистическая армія, какъ единое цѣлое, и еврейскій вопросъ, какъ міровая проблема—таковъ смыслъ той основной соціально-политической идеи, которая воодушевляетъ соціалистическій еврейскій пролетаріатъ, стремящійся къ своему политическому и соціальному освобожденію. И всѣ шаги дѣйствительныхъ представителей еврейскаго пролетаріата въ Интернаціоналѣ должны сообразоваться съ директивой, логически вытекающей изъ этой основной идеи еврейскаго соціалистическаго рабочаго движенія. Будущее покажетъ, насколько мы правы въ своихъ утвержденіяхъ и... ожиданіяхъ.

III.

Конгрессъ сіонистовъ.

Восьмой конгрессъ сіонистовъ, состоявшійся въ Гаагѣ въ августѣ настоящаго года и предшествовавшій ему четвертый всероссійскій съѣздъ сіонистовъ представляли собою значительный, можно сказать—историческій интересъ съ точки зрѣнія анализа эволюціи и тенденцій сіонистскаго движенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что главную массу, движущій элементъ и опорный пунктъ этого движенія составляютъ русскіе сіонисты. А между тѣмъ въ средѣ русскаго сіонизма за послѣднее время произошло нѣчто довольно серьезное.

Могучій потокъ великаго революціоннаго движенія, раскатившагося по всей странѣ и захватившаго въ свои желѣзныя объятія самые разнообразные элементы населенія, коснулся наконецъ и сіонистовъ, доселѣ стойкихъ въ своей неприступной твердынѣ политическаго индифферентизма. Подъ давленіемъ живыхъ и кричащихъ фактовъ реальной политической дѣйствительности сіонисты, наконецъ, сообразили, что „такъ дальше жить нельзя“. Текущія потребности политическаго дня обязывали къ отвѣту, индифферентизму долженъ былъ быть положенъ предѣлъ и результатомъ новаго настроенія, стихійно охватившаго сіонистовъ, явился Гельсингфорскій съѣздъ, на которомъ были при-

няты рѣшенія, повидимому весьма важныя для будущихъ судебъ сіонизма. Много говорилось въ русско-еврейской прессѣ по поводу этихъ рѣшеній. Именно эти рѣшенія въ свое время послужили основой для рѣзкой партійной полемики, возгорѣвшейся между сіонистами и адептами едва народившейся „Народной Группы". Полемика преслѣдовала избирательныя цѣли, и въ водоворотѣ хлынувшей агитаціи немногія соображенія по существу затронутыхъ вопросовъ тонули въ потокѣ передержекъ, извращеній, инсинуацій... Въ пылу партійной полемики злые и подъчасъ несправедливые критики сіонизма не замѣтили того несомнѣнно серьезнаго политическаго значенія, которое представляли собою основные выводы Гельсингфорскаго совѣщанія.

Значеніе это было съ нашей точки зрѣнія довольно велико и сводилось главнымъ образомъ къ тому, что отнынѣ,—по крайней мѣрѣ, принципіально, въ идеѣ,—сіонисты, до сихъ поръ сознательно стоявшіе спиною къ урагану несшагося по странѣ политическаго движенія, теперь рѣшили принять въ немъ активное и дѣятельное участіе. Такое рѣшеніе способно было служить къ облагороженію сіонизма, къ повышенію его политической цѣнности, къ вовлеченію въ его ряды болѣе здоровыхъ, жизнеспособныхъ въ политическомъ смыслѣ элементовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ такого рѣшенія, проводимаго въ жизнь, были бы до извѣстной степени заглажены грѣхи стараго буржуазно-дипломатическаго сіонизма, не сумѣвшаго сбросить съ себя шкуру политическаго рабства даже въ годины величайшихъ еврейскихъ народныхъ бѣдствій.

Отнынѣ открывалось для русскихъ сіонистовъ широкое поле мучительной, но плодотворной Gegenwartsarbeit, поле борьбы за злобы настоящаго дня, за текущія нужды и кровные интересы милліоновъ еврейскихъ массъ. Правильно говорилъ г. Жаботинскій, по этому поводу въ своемъ докладѣ на всероссійскомъ съѣздѣ. „Мы еще недавно бойкотировали голусъ, и масса привыкла понимать сіонизмъ, какъ полное отрицаніе всякой цѣнности за борьбою въ голусѣ. Событія распахнули предъ нами большія перспективы, новыя возможности, въ тоже время внутреннее развитіе нашего движенія привело насъ къ убѣжденію, что эти возможности должны быть использованы путемъ сплоченія евреевъ, для цѣлей сіонизма. Потому, въ Гельсингфорсѣ мы рѣшили от-

казаться отъ бойкота голуса и приняли широкую систему утилизаціи голуса". *)

Очевидно, для такой новой системы „утилизаціи голуса" требовались новые пути и силы партійнаго движенія, новыя формы борьбы, для чего въ свою очередь была необходимость въ новыхъ обще-партійныхъ директивахъ. Но были ли таковыя выработаны на послѣднемъ конгрессѣ? Если въ самомъ дѣлѣ, въ средѣ русскихъ сіонистовъ, составляющихъ, какъ я уже сказалъ, главную массу и опору общаго движенія, произошелъ такой рѣзкій переворотъ во взглядахъ на задачи текущей политической работы, то это, казалось, должно было бы отразиться на содержаніи работъ сіонистскаго конгресса, должно было побудить послѣдній къ пересмотру старыхъ рѣшеній и давно усвоенныхъ взглядовъ, тѣмъ болѣе, что въ другомъ центрѣ скопленія еврейскихъ народныхъ массъ, въ Галиціи, сіонисты,побуждаемые непосредственными нуждами мѣстной національно-политической борьбы, а отнюдь не воззрѣніемъ сіонизма, въ послѣднее время уже фактически вступили на путь активнаго участія въ политической жизни страны.

Сдѣлалъ-ли однако что-нибудь въ этомъ направленіи послѣдній всемірный сіонистскій конгрессъ? Учелъ-ли онъ факты и настроенія переживаемой главными массами еврейскаго народа эпохи? Сдѣлалъ-ли онъ отсюда надлежащіе выводы въ формѣ опредѣленныхъ, призывающихъ къ новой тактикѣ, рѣшеній?

Что всего этого не случилось, что на конгрессѣ говорилось о чемъ угодно, но только не о новыхъ требованіяхъ момента, не о новыхъ „перспективахъ" и „возможностяхъ", рисующихся въ воображеніи г-на Жаботинскаго,—это нынѣ извѣстно всѣмъ, кто хоть сколько-нибудь слѣдилъ за занятіями Гаагскаго конгресса. Неожиданно для всѣхъ, послѣ цѣлаго ряда лѣтъ широкаго политическаго фантазерства, въ моментъ смѣлыхъ стремленій къ государственному переустройству въ странахъ, гдѣ ютятся главныя массы еврейства, сіонистовъ охватила жажда „реальной работы", но не тамъ, въ „бойкотируемомъ голусѣ", а въ святой странѣ предковъ, которую необходимо де въ ожиданіи завѣтнаго чартера колонизировать и культивировать. И весь конгрессъ былъ

*) „Разсвѣтъ" № 32, стр. 10.

занятъ докладами, разсужденіями и дебатами по вопросамъ, касающимся такъ называемой „Палестинской работы“. Не только о Gegenwartsarbeit никто здѣсь пикнуть не смѣлъ: на этомъ конгрессѣ былъ также фактически похороненъ когда-то такъ громко, такъ побѣдоносно выступавшій политическій сіонизмъ. Читая отчетъ о конгрессѣ, то и дѣло спрашиваешь: Куда дѣвался прежній политичеекій размахъ сіонизма? Гдѣ былыя гордыя рѣчи о политической самостоятельности, о поддержкѣ державъ, о міровой роли и государственныхъ заслугахъ сіонизма? Одинъ изъ сіонистскихъ хроникеровъ конгресса г. А. Гольдштейнъ характезируетъ восьмой конгрессъ, „какъ конгрессъ работы“. Всѣ его занятія, рѣшенія и резолюціи проникнуты однимъ основнымъ стремленіемъ: намѣтить пути, создать условія и средства для непосредственной практической работы. *) Но вѣдь всѣ эти толки о реальной практической работѣ относятся къ Палестинѣ, гдѣ лишь въ будущемъ, по предположенію сіонистовъ, должна возникнуть и развиться еврейская жизнь. Каково, однако, отношеніе конгресса къ „реальной и практической“ работѣ на мѣстахъ, въ аду того кромѣшнаго голуса, гдѣ задыхаются еврейскія массы? Гдѣ тотъ мостъ, который долженъ быть переброшенъ между участіемъ въ текущей борьбѣ на мѣстахъ и будущимъ существованіемъ возрожденной обѣтованной страны? На эти роковые для сіонизма вопросы мы не находимъ отвѣта въ работахъ послѣдняго конгресса. По прежнему убаюкиваютъ себя утопіями и иллюзіями, по прежнему игнорируются реальныя нужды и ближайшіе интересы народныхъ массъ. За то мы знаемъ, что на этомъ же восьмомъ конгрессѣ д-ръ Эренпрайзъ, при аплодисментахъ сіонистской аудиторіи, заявилъ, что „политическая дѣятельность австрійскихъ сіонистовъ, если даже признать за нею великое воспитательное значеніе, принесла съ собою ослабленіе чисто-сіонистской идеи. Слѣдуетъ бояться, что съ расширеніемъ этой дѣятельности сіонизмъ можетъ быть отодвинутъ на задній планъ“.**) И даже на русскомъ съѣздѣ сіонистовъ нашелся такой экземпляръ, какъ г. Клаузнеръ, (правда, не нашедшій явныхъ сторонниковъ), который осмѣлился заявить, что

*) „Разсвѣтъ“ № 33, стр. 3.

**) „Разсвѣтъ“ № 32, стр. 36.

„нѣтъ ничего болѣе вреднаго для сіонизма, какъ санкція Gegenwartsarbeit въ видѣ обязательной". *)

Какъ же все это случилось? Какъ же это столь недавно громко возвѣщенная новая программа работы на мѣстѣ „подъ собственнымъ флагомъ" не привлекла совершенно вниманія всемирнаго сіонистскаго конгресса и вообще не привела ни къ какимъ новымъ политическимъ комбинаціямъ?

Отвѣтъ на эти вопросы легко найти, вникнувъ въ смыслъ слѣдующаго отрывка изъ рѣчи г. Жаботинскаго, произнесенной въ послѣднемъ засѣданіи IV всероссійскаго съѣзда сіонистовъ.

„Партія наша только что созрѣла,—только что засучила рукава для созидательной работы—и теперь, черезъ какихъ-нибудь 9 мѣсяцевъ послѣ Гельсингфорса, мы стоимъ какъ будто съ перешибленными руками. Если моментами бывали у насъ на съѣздѣ личныя столкновенія, если иногда слишкомъ ярко выступали наружу приватныя тренія, то причина ясна—такъ бываетъ только тогда, когда передъ партіей нѣтъ сейчасъ же большого реальнаго дѣла, которое заслоняло бы всѣ мелкія разногласія. Но надо умѣть ясно дать себѣ отчетъ, почему нѣтъ реальнаго дѣла". „...Мы только что выработали планъ широкой организаціи еврейства, переустройства общинной жизни, культурнаго подъема—передъ нами бездна еще непочатаго дѣла внутри еврейства, и руки зудятъ отъ жажды работы". „Мы успѣли взять большой размахъ, мы развили въ себѣ большіе политическіе аппетиты,—и передъ нами вновь глухая стѣна россійской реакціи. Широкое поле работы внутри еврейства предъ нами закрыто грубою внѣшнею силою. Трудно мечтать на ближайшіе годы о борьбѣ за полноправіе, о созданіи выборныхъ еврейскихъ институтовъ. Наступаетъ, не по нашей винѣ, безвременье". **)

Тирада эта весьма любопытна. Устами одного изъ лидеровъ партіи здѣсь невольно вскрыта подлинная политическая психологія сіонизма, охотно „засучивающаго рукава" при первой дѣйствительной или мнимой возможности „мирной" работы и немедленно опускающаго руки, какъ только „широкое поле работы" закрывается „грубой внѣшней рукой". Русскіе сіонисты забыли объ условіяхъ дѣйствительной политической работы на мѣстѣ. Они не поняли всей тяжелой отвѣтственности, принятой на себя партіей по силѣ постановленныхъ гельсингфорскихъ рѣшеній. Принимая эти рѣшенія, не надо было забывать, что участіе въ текущей политической борьбѣ—не то что безвредные

*) „Разсвѣтъ" № 32, стр. 15.

**) „Разсвѣтъ" № 33, стр. 11.

разговоры о сіонистическихъ идеалахъ, и что „глухая стѣна россійской реакціи“ всегда стоитъ на пути этой тяжелой и напряженной борьбы. Та грозная опасность, которая неожиданно разверзлась передъ политическимъ взоромъ г-на Жаботинскаго, всегда существовала, а истинные политическіе борцы все же стояли и понынѣ стоятъ „съ засученными рукавами“.

Очевидно, что для воплощенія въ жизнь гельсингфорскихъ резолюцій необходимы нѣкоторыя преобразованія внутри самаго сіонизма. Чтобы стать дѣйствительной политической силой, сіонизму необходимо измѣнить свой личный составъ, освободиться отъ тѣхъ негодныхъ въ политическомъ отношеніи элементовъ, которые пристали къ нему въ годы полнаго политическаго индифферентизма, царившаго въ сіонистскомъ лагерѣ.

И лишь тогда можно будетъ серьезно говорить объ осуществленіи рѣшеній Гельсингфорскаго совѣщанія, лишь тогда конгрессы сіонистовъ пріобрѣтутъ болѣе серьезный политическій интересъ.

V.

Кто мы?

Этотъ вопросъ невольно и повседневно ставится всѣми политическими организаціями. Вопросы о сущности и содержаніи политическаго міровоззрѣнія, о цѣляхъ и методахъ политической борьбы, объ отдѣльныхъ программныхъ положеніяхъ, объ отношеніи къ другимъ политическимъ партіямъ,—все это вопросы, естественно встающіе въ процессѣ текущей работы и требующіе для себя непосредственнаго и практическаго отвѣта. Тѣмъ болѣе такіе вопросы пріобрѣтаютъ значеніе для партій молодыхъ, еще не оформившихся, лишенныхъ сколько-нибудь прочныхъ политическихъ традицій и вынужденныхъ прокладывать себѣ самостоятельный путь среди поросшихъ зарослей старой политической рутины. Въ такомъ именно положеніи находится и Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія, имѣющая лишь два года отъ роду, и уже не разъ имѣвшая случай сталкиваться съ серьезными теоретическими проблемами и животрепещущими практиче-

скими задачами на пути своей сложной борьбы во имя своихъ національно-политическихъ идеаловъ. Вотъ почему всякій шагъ, какъ теоретическій, такъ и практическій, могущій послужить какъ-нибудь выясненію національно-политическаго міровоззрѣнія новой партіи, можетъ быть только привѣтствуемо.

Не мало вниманія, какъ извѣстно, удѣляютъ этой партіи представители болѣе старой еврейской организаціи—Бунда. Они, теряющіе съ каждымъ днемъ былую вѣру въ легенду о „единственномъ представительствѣ“ еврейскаго пролетаріата въ лицѣ Бунда, чувствуютъ, что почва все болѣе уходитъ изъ подъ ихъ ногъ, что на еврейской улицѣ зашумѣли новые глашатаи и прозвучали новые лозунги и волненіемъ великаго гнѣва разгорѣлись закаленные бундовскіе сердца. Нашимъ читателямъ извѣстны перлы бундовской критики, обрушившейся на голову Е. С. Р. П. Но среди шума и вихря этой несуразной бундовской критики невольно обращаетъ на себя вниманіе исключительныя въ своемъ родѣ на столбцахъ бундовскихъ органовъ, исключительныя по приличію содержанія и корректности тона, статья г. А. Литвака, помѣщенная въ № 8 газеты „Hoffnung“. Авторъ приводитъ нѣсколько фактовъ изъ новѣйшей е.-с.-овской литературы, ставитъ нѣсколько вопросовъ и заключаетъ статью словами: „Мы не смѣемся, мы не критикуемъ, мы спрашиваемъ только; мы хотимъ, чтобы теоретики Е.-С.-Р.-П. выяснили для себя и для другихъ эти важные вопросы“.

Какіе же это вопросы?

Однимъ изъ такихъ центральныхъ вопросовъ, несомнѣнно являющихся крупнымъ моментомъ теоретическаго міровоззрѣнія Е.-С.-Р.-П.,—моментомъ, отражающимся и на опредѣленныхъ шагахъ практической дѣятельности этой партіи, является вопросъ о совмѣстимости соціалдемократическихъ и соціалреволюціонныхъ элементовъ, существующихъ въ предѣлахъ этой партіи. Констатируя этотъ фактъ и иллюстрируя его на примѣрѣ двухъ литературныхъ работъ г. Житловскаго и г. Шимойни, нашъ критикъ по этому поводу умозаключаетъ: „Въ Е.-С.-Р.-П. существуетъ явленіе, отдѣляющее ее отъ всѣхъ другихъ партій. Во всѣхъ другихъ партіяхъ все вліяніе принадлежитъ большинству; все или почти все здѣсь рѣшается согласно волѣ большинства. Въ Е.-С.-Р.-П. дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ.

Все вліяніе удерживаетъ меньшинство. Антимарксисты С.-Р. образуютъ въ этой партіи меньшинство, и все же Е.-С.-Р.-П. тѣсно связана съ с.-р., делегаты Е.-С.-Р.-П. вступили на Штутгартскомъ конгрессѣ въ с-р.-овскую подсекцію; въ резолюціи, принятой Е.-С.-Р.-П. по поводу участья въ выборахъ, мы читаемъ чернымъ на бѣломъ, что при предстоящемъ соглашеніи съ С.-Р. или съ С.-Д., необходимо его заключить съ С.-Р., С.-Р. составляютъ въ Е.-С.-Р.-П. меньшинство, но это меньшинство играетъ роль большинства".

Итакъ, здѣсь затронутъ интересный вопросъ о дружественномъ сосуществованіи С.-Д. и С.-Р. въ предѣлахъ Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи, и о томъ преобладающемъ вліяніи, которое получили въ этой партіи С.-Р. элементы, несмотря на численное ихъ меньшинство.

„Но Е.-С.-Р.-П. не только соціалистическая партія, но и еврейская соціалистическая партія",—правильно замѣчаетъ г. Литвакъ, — „и, какъ таковая, она ищетъ отвѣта на еврейскій вопросъ", но и здѣсь мы обнаруживаемъ „двѣ души" въ міровоззрѣніи партіи. На этотъ разъ для иллюстраціи приводится соображеніе по вопросу о территоріализмѣ, принадлежавшее перу двухъ Е.-С-овскихъ авторовъ: г. Р-ра и г. Базина. Первый въ статьѣ „Куда мы идемъ?"; напечатанной въ „Stimme" говоритъ: „Единственнымъ рѣшеніемъ еврейской національной проблемы является территоріальная концентрація, скопленіе на одномъ кускѣ земли еврейскихъ массъ, и реальнымъ путемъ къ тому служитъ организація по территоріальному плану постоянной еврейской колонизаціи." Другой же авторъ, г. Базинъ, въ статьѣ: „Задачи пролетаріата въ еврейской общинѣ" требуетъ, чтобы община взяла на себя регуляцію еврейской эмиграціи и учрежденіе центральныхъ информаціонныхъ институтовъ. Это, по мнѣнію г. Базина, предохранитъ отъ опасности спекуляцій за счетъ территоріалистическихъ воздушныхъ замковъ и авантюръ территоріалистическихъ утопистовъ. Этихъ сужденій достаточно, чтобы г. Литвакъ призналъ въ разсужденіяхъ г. Р-ра и г. Базина выраженія территоріалистическаго и анти-территоріалистическаго міровоззрѣнія, свойственнаго представителямъ одной той же партіи.

Таковы два основныхъ вопроса, на которые требуетъ отъ

насъ отвѣта г. Литвакъ. Отвѣтъ не труденъ, особенно на послѣдній вопросъ; съ него я и начну.

Насколько мнѣ извѣстно, Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія покоится на соціально-политическомъ міровоззрѣніи, въ содержаніе котораго, въ качествѣ неотъемлемаго составного элемента, входитъ территоріализмъ, какъ одно изъ условій національнаго возрожденія еврейскаго народа. Правда, въ предѣлахъ этого территоріалистическаго міровоззрѣнія намѣчаются отдѣльныя контуры, формы, детали. На этой почвѣ между отдѣльными авторами могутъ возникать разногласія; но послѣднія не посягаютъ на основу, на самый принципъ территоріализма, остающагося конституивнымъ признакомъ міровоззрѣнія и программы Е.-С.-Р.-П.

За то для насъ ясно, что г. Литвакъ, очевидно, не разбирается въ основныхъ деталяхъ вопроса о территоріализмѣ, и что ему чуждо пониманіе своеобразной и характерной общей постановки вопроса, свойственной міровоззрѣнію Е.-С.-Р.-П. Признаки этого непониманія обнаруживаются уже въ самомъ противопоставленіи разсужденій г. Базина мыслямъ г. Р-ра.

Г. Базинъ выступаетъ съ осужденіемъ территоріалистическихъ авантюръ, утопій и спекуляцій, и въ этомъ г. Литваку уже мерещится признакъ анти-территоріализма. Онъ видимо не понимаетъ, что на ряду съ утопическимъ территоріализмомъ въ стилѣ буржуазныхъ сіонистовъ, разсматривающихъ территоріализмъ, какъ дѣло пріобрѣтенія „убѣжища“ путемъ ловкихъ дипломатическихъ ходовъ и филантропическихъ спекуляцій, существуетъ взглядъ на территоріализмъ, какъ на основную, стихійно-прорывающуюся тенденцію еврейской дѣйствительности, органически связанную съ объективнымъ ходомъ всей исторической жизни, со всей современной соціально-политической и національной борьбой и завоеваніями еврейскихъ массъ. Согласно этому взгляду, отстаиваемому Е.-С.-Р.-П., указанная тенденція ведетъ къ созданію той мощной національно-политической организаціи еврейства, которая возьметъ въ свои надежныя руки дальнѣйшія судьбы еврейскаго народа, и которой окажется подъ силу такая колоссальная задача, какъ способствованіе реализаціи территоріалистскаго идеала. Словомъ, г. Литвакъ, очевидно, не знаетъ, что рядомъ съ территоріализмомъ-прожекторствомъ, территоріализмомъ-техническимъ предпріятіемъ существуетъ пониманіе территоріализма, какъ заклю-

чительное звено въ длинной цѣпи многосложныхъ и реальныхъ историческихъ тенденцій. Съ этой точки зрѣнія, апелирующей къ основнымъ тенденціямъ реальной дѣйствительности и естественно осуждающей разсчеты на утопіи и спекуляціи, въ словахъ г. Базина не заключается ничего анти-территоріалистическаго, и г. Литваку не удалось, такимъ образомъ, уловить на страницахъ е.-с.-овской литературы отступленія отъ принциповъ территоріализма. Лишь недостаточная собственная оріентировка въ вопросѣ привела нашего критика къ маленькому недоразумѣнію.

Нѣсколько иначе и серьезнѣе обстоитъ второй затронутый нашимъ критикомъ вопросъ о соціалдемократическихъ и соціалреволюціонныхъ элементахъ въ Е.-С.-Р.-П. Такое сосуществованіе,—на первый взглядъ недопустимое съ точки зрѣнія россійскихъ партійныхъ нравовъ,—составляетъ, несомнѣнно, характерное отличіе Е.-С.-Р.-П. Въ литературѣ конкуррирующихъ съ нами партій этотъ фактъ не разъ приводился, какъ основаніе для обвиненія Е.-С.-Р.-П. въ эклектизмѣ воззрѣній, въ невыдержанности программы, туманности и смѣшанности понятій. Съ другой стороны, нѣкоторые представители Е.-С.-Р.-П. видятъ въ этомъ фактѣ въ высокой степени отрадное явленіе, какъ бы провозвѣстникъ чего-то новаго, будущаго единенія нынѣ разнородныхъ элементовъ въ предѣлахъ единой россійской соціалистической партіи. Такъ, по словамъ тов. Гайдарова на Штутгардскомъ конгрессѣ, „Е.-С.-Р.-П., которая показала первый примѣръ объединенія соціалистическихъ элементовъ съ различными міровоззрѣніями, будетъ служить примѣромъ и для русскихъ партій; это развитіе неуклонно ведетъ къ образованію объединенной Россійской Соціалистической Партіи“ *).

Но оставимъ въ сторонѣ помыслы о будущемъ и субъективныя оцѣнки настоящаго и обратимся къ объективному выясненію фактовъ, характеризующихъ настоящее положеніе дѣлъ.

Дѣйствительно ли совмѣщеніе соціалдемократическихъ и соціалреволюціонныхъ моментовъ мысли и методовъ дѣйствія въ предѣлахъ одной націи является условіемъ путанницы понятій и эклектизма поведенія? Не отрицая, что соціалдемократизмъ и соціалреволюціонизмъ представляютъ собою два самостоятельныхъ теченія соціалистической мысли, и что, по русскимъ историческимъ условіямъ, различіе этихъ теченій привело къ обо-

*) „Die Stimme“, стр. 32.

собленію двухъ самостоятельныхъ соціалистическихъ организацій, различныхъ по теоретическимъ программамъ и пріемамъ практической тактики, я не могу, однако, не замѣтить, что это общее положеніе терпитъ въ настоящее время цѣлый рядъ необходимыхъ ограниченій. Прежде всего утеряно единство соціалдемократическаго воззрѣнія. При всей общности марксистскихъ построеній и соціалдемократическихъ директивъ,—общности, создающей автономность соціалдемократической мысли и практики,—разсѣкающее нынѣ это теченіе дѣленіе на большевиковъ и меньшевиковъ является фактомъ, нарушающимъ былую стройность и выдержанность партіи. Образовалось какъ бы два теченія соціалдемократической мысли и двѣ школы соціалдемократической практики. Въ области чисто-теоретическихъ и философскихъ воззрѣній большевики, исповѣдующіе ученія реализма, эмпиріомонизма и т. п., утратили свое теоретическое родство съ меньшевиками, остающимися на почвѣ неприкосновенной доктрины экономическаго матеріализма. И въ этомъ отношеніи между большевиками, напр., принимающими теорію реализма, и соціалистами-революціонерами, стоящими на точкѣ зрѣнія критическаго идеализма, несомнѣнно ощущается больше духовной общности, чѣмъ между большевиками и меньшевиками. Окунемся-ли мы въ сферу центральной проблемы современнаго политическаго дня—аграрнаго вопроса, и мы не сможемъ не вспомнить тѣхъ открытыхъ упрековъ, которые раздались на объединительномъ съѣздѣ Р.-С.-Д.-Р.-П. изъ среды меньшевиковъ по адресу большевиковъ, обвиненныхъ въ эсъ-эризмѣ за ихъ пропаганду націонализаціи земли. Кто не знаетъ глубокихъ различій въ политической тактикѣ между меньшевиками и большевиками, и развѣ не извѣстно, что послѣдніе во многихъ случаяхъ, по вопросамъ о методахъ борьбы, объ открытомъ выступленіи, о политическихъ блокахъ не разъ оказывались въ дѣйствительности ближе къ С.-Р. чѣмъ къ меньшевикамъ. Я отнюдь не намѣренъ изобрѣтать новую теорію объединенія большевиковъ съ С.-Р. Но указанные факты любопытны и характерны. Они свидѣтельствуютъ, во-первыхъ, о томъ, что „эклектизма“, при внимательномъ разсмотрѣніи, наберется не мало и въ предѣлахъ единой Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи, и что, во-вторыхъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ и по опредѣленнымъ вопросамъ внутри соціалдемократи-

ческаго теченія обнаруживались струйки, явно ведущія въ мутныя, по мнѣнію меньшевиковъ, С.-Р. воды.

Но этого мало. Вопросъ объ эклектизмѣ партійныхъ воззрѣній имѣетъ и другую сторону. Своеобразными путями исторіи развитія русской соціалистической и революціонной мысли, соціалдемократизмъ и соціалреволюціонизмъ, образовали два основныхъ русла, по которымъ направляются разнообразныя теченія современнаго русскаго соціализма. Ошибочно, однако, предполагать, что и въ настоящее время, когда политическія тенденціи углубились, а политическая обстановка запестрѣла, всякая вновь образовавшаяся партія можетъ цѣликомъ пойти по одному или другому опредѣленному руслу. Естественнымъ ходомъ вещей должны возникнуть новыя политическія образованія, носящія временно смѣшанный характеръ, могущія однако, въ конечномъ итогѣ, привести къ желаннымъ синтетическимъ построеніямъ. Своеобразіе условій отдѣльныхъ областей и быта отдѣльныхъ народностей, среди которыхъ возникаютъ новыя политическія партіи, имѣетъ свое особое вліяніе въ этомъ направленіи. Характерно, что среди россійскихъ національно-соціалистическихъ партій,—польскихъ, украинскихъ, латышскихъ, эстонскихъ, литовскихъ, армянскихъ, грузинскихъ и т. п.,—замѣчается тяготѣніе то къ соціалдемократическому, то къ соціалреволюціонному типу воззрѣній и организацій, но въ строгомъ и полномъ видѣ ни тотъ, ни другой изъ основныхъ русскихъ типовъ въ этихъ программахъ не выдержанъ. Большей частью замѣчается лишь преобладаніе того или другого типа, въ нѣкоторыхъ случаяхъ есть смѣшеніе типовъ.

Лишь отрицаніе за еврейскимъ народомъ признаковъ отдѣльной специфической національности приводитъ къ несправедливому, на мой взглядъ, требованію самоопредѣленія еврейскихъ политическихъ партій въ терминахъ чистаго и исключительнаго соціалреволюціонизма или соціалдемократизма.

Требованіе это несправедливо и неестественно уже по одному тому, что въ программныхъ судьбахъ еврейскихъ партій отсутствуетъ прямое и непосредственное значеніе аграрнаго вопроса, по линіи котораго главнымъ образомъ складывались и крѣпли различія соціалдемократическихъ и соціалреволюціонныхъ воззрѣній. Съ другой стороны, для еврейскаго пролетаріа-

та, а слѣдовательно и для еврейскихъ соціалистическихъ партій, роль основной проблемы и жизненнаго нерва движенія играетъ своеобразный національный вопросъ, въ разрѣшеніи котораго ни соціалдемократизмъ, ни соціалреволюціонизмъ не выработали сколько-нибудь опредѣленныхъ типичныхъ рѣшеній. И если въ Россіи сравнительной свободой въ области сужденій по національному вопросу всегда отличалось и отличается соціалреволюціонное теченіе, то на Западѣ смѣлой иниціативой въ постановкѣ и разрѣшеніи національной проблемы прославилась австрійская соціалдемократія. Въ такой обстановкѣ, если подходить къ фактамъ дѣйствительности не съ доктринерскимъ допросомъ на тему: „соціалдемократъ?“ или „соціалреволюціонеръ?“, а съ стремленіемъ реальнаго изученія дѣйствительности, ея подпочвы и ея тенденцій, то фактъ совмѣщенія въ программѣ и дѣятельности Е.-С.-Р.-П. соціалдемократическихъ и соціалреволюціонныхъ элементовъ пріобрѣтетъ совсѣмъ иное, болѣе глубокое и еще ждущее изслѣдованія значеніе. И дешевые разговоры о „компилятивности“ и „эклектизмѣ“ мы можемъ съ спокойной совѣстью предоставить нашимъ критикамъ въ полное ихъ распоряженіе.

Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія представляетъ собою новое политическое образованіе, выросшее изъ нѣдръ многогранной и пестрой еврейской дѣйствительности и привлекшее въ свои ряды не мало элементовъ, пришедшихъ изъ другихъ лагерей и побывавшихъ подъ чужимъ флагомъ. Предъ нами на пути много важныхъ, новыхъ и серьезныхъ проблемъ, предъ нами вся многострадальная еврейская жизнь, въ глубинахъ которой зрѣютъ специфическія еврейскія нужды и громко вопіетъ голосъ угнетеннаго еврейскаго народа. И не о замыканіи себя въ идейныя цѣпи соціалдемократизма или соціалреволюціонизма должна идти рѣчь у еврейскаго пролетаріата и у его соціалистическихъ представителей. Своеобразіе бытовыхъ условій и историческихъ тенденцій создаетъ свою концепцію воззрѣній и комбинацію дѣйствій, и лишь трезвый, объективный анализъ реальныхъ фактовъ еврейской дѣйствительности и кровныхъ нуждъ еврейскаго пролетаріата опредѣлитъ реальный практическій путь Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи при пол-

ной свободѣ теоретической совѣсти еврейскихъ соціалистическихъ изслѣдователей.

Это не значитъ, конечно, чтобы еврейская соціалистическая мысль было по существу равнодушна къ проблемамъ соціалъ-демократизма и соціалреволюціонизма, выросшихъ въ горнилѣ русской исторической дѣйствительности. Живя въ Россіи, еврейскій пролетаріатъ неминуемо испытываетъ хотя бы отраженное вліяніе тѣхъ же историческихъ условій и тѣхъ же идейныхъ теченій. Но я хочу только сказать,—и этого нельзя упускать изъ виду,—что тѣ же проблемы на специфической національно-исторической почвѣ пріобрѣтаютъ болѣе сложное содержаніе и невольно теряютъ свой первобытный прямолинейный характеръ. И вотъ почему, отвѣтъ на вопросъ: „такъ?“ или „этакъ?“ въ этой обстановкѣ невольно наталкивается на реальныя затрудненія.

М. Борисовъ.

Критика и Библіографія

„Духовный“ національнизмъ г-на Дубнова.

(Критическая замѣтка)

С. М. Дубновъ. Письма о старомъ и новомъ еврействѣ (1897—1907). Систематически обработанное и дополненное изданіе. С.-Петербургъ, 1907. VIII+370.

Г. Дубновъ различаетъ три типа націй: „1) расовый типъ, 2) территоріально-политическій или соціально-автономный, 3) культурно-историческій или духовный“.*) Духовный типъ націи онъ считаетъ „болѣе высокой ступенью въ эволюціи народовъ, чѣмъ территоріальный“.**)

Къ сожалѣнію, авторъ нигдѣ не даетъ рѣзкаго опредѣленія той разницы, которая существуетъ между этими различными типами, и не останавливается на подробномъ теоретическомъ обоснованіи того, почему мы должны отдать преимущество духовному типу передъ территоріально-политическимъ или соціально-автономнымъ. Но изъ отдѣльныхъ мыслей, разсѣянныхъ по всей книгѣ, мы узнаемъ, что духовный типъ націи это—такой, который отстаиваетъ свое существованіе и развивается безъ помощи всякихъ внѣшнихъ средствъ, обезпечивающихъ національную самостоятельность и національное развитіе. Онъ справляется со своей задачей и безъ территоріи, и безъ общаго національнаго языка и безъ политической независимости. Только силою своей національной воли, силою своего духа, да соотвѣтствующимъ воспитаніемъ своего юношества и опредѣленной организаціей своей внутренней общинной жизни, нація этого типа прокладываетъ себѣ путь въ исторіи и остается вѣрнымъ этому пути. Второй, и неотдѣлимый отъ перваго, признакъ заключается въ томъ,

*) Стр. 1.
**) Ст. 367

что духовный типъ является сознательнымъ носителемъ опредѣленныхъ идейныхъ традицій, извѣстныхъ культурныхъ идеаловъ, ради сохраненія и развитія которыхъ онъ беретъ на себя крестъ внѣ территоріальнаго, чисто духовнаго существованія.

Истинный націонализмъ и заключается, по мнѣнію автора, въ подобнаго рода національно-духовномъ творчествѣ, освобожденномъ отъ всякихъ соціально-политическихъ и экономическихъ проблемъ.

Въ современной человѣческой исторіи имѣется пока одинъ народъ, взобравшійся на вершину національной эволюціи: еврейскій! Авторъ имѣетъ цѣлью своими письмами разъяснить сущность еврейской національной идеи, опредѣлить вытекающую изъ нея національную политику и формы національной организаціи еврейскаго народа и критикою различныхъ теченій еврейской общественной мысли доставить торжество той идеѣ „истиннаго націонализма, которая составляетъ оригинальную черту еврейства“,*) тому „высшему міросозерцанію“, „духовному націонализму“, который былъ выработанъ въ еврействѣ многовѣковой эволюціей.**)

Старое еврейство смотрѣло на еврейскій народъ, какъ на религіозную націю. Ассимиляторское еврейство видѣло въ немъ лишь религіозную группу лицъ. Истинный еврейскій націонализмъ приближается въ этомъ вопросѣ, по своему существу, ко взглядамъ стараго еврейства. „Точку зрѣнія ортодоксальной массы,—говоритъ авторъ—можно формулировать такъ: еврейство—религіозная нація, члены ея связаны между собою силою религіознаго императива или обрядовой дисциплины, и всякій серьезный нарушитель этой дисциплины выходитъ изъ народнаго союза. Такая точка зрѣнія по существу не противорѣчитъ понятію „духовной (или культурной) націи“: она только невѣрно отождествляетъ термины „духовный“ и „культурный“ съ „религіознымъ“.***)

Духовно-культурный націонализмъ еврейскаго народа долженъ быть продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ (въ духѣ общечеловѣческихъ стремленій) того же самого націонализма—религіознаго. „Главныя наши силы,—говоритъ авторъ,—должны быть направлены

*) Стр. 176.
**) Тамъ же.
***) Стр. 15.

къ укрѣпленію тѣхъ жизненныхъ устоевъ еврейства, за которые мы боролись и страдали въ теченіе тысячелѣтій". *)

Конечно, интересы общечеловѣческаго прогресса и дальнѣйшаго національнаго развитія требуютъ секуляризаціи еврейской національной идеи, отдѣленія національности отъ религіи. Но эта секуляризація не должна быть понята въ смыслѣ полнаго отказа и формальнаго отреченія отъ іудаизма: „мы только желаемъ, чтобы религія не господствовала, а не чтобы она была совершенно изъята изъ духовнаго капитала націи". **).

Іудаизмъ—не только религія; онъ—всеобъемлющее міросозерцаніе, „куда входятъ элементы религіозные, этическіе, общественные, мессіанскіе, политическіе, философскіе. ***). Основныя идеи іудаизма должны лечь въ основу и духовно-культурной національной идеи еврейства. Это сближаетъ насъ со старымъ еврействомъ, но въ тоже время и глубоко отличаетъ отъ него." „Различіе между нами и ортодоксами,—говоритъ авторъ,—въ томъ, что они признаютъ традиціонный іудаизмъ, какъ нѣчто разъ навсегда установленное въ своихъ формахъ, а мы признаемъ іудаизмъ эволюціонный, мѣнявшій и мѣняющій формы, непрерывно приспособляющійся къ условіямъ новой культуры". ****) И понятно, что традиціонное еврейство нисколько не обязательно для еврейскаго націонализма. „Можно быть,—говоритъ авторъ,—евреемъ по пророкамъ или Талмуду, по Маймониду или „Шулханъ-Аруху", по Мендельсону или Брешту, даже по Спинозѣ или Гейгеру, если бы только послѣдніе двое дошли до признанія еврейской національной идеи въ современномъ смыслѣ". *****)

Такимъ образомъ, мысль г. Дубнова можно формулировать въ слѣдующихъ словахъ: еврейскій народъ это—нація, вырабатывающая іудаизмъ. Въ этомъ—смыслъ и оправданіе ея автономной жизни, ея борьбы за отдѣльное національное существованіе. Выработка іудаизма даетъ въ разныя историческія эпохи различные продукты, но всѣ они проникнуты однимъ и тѣмъ же основнымъ признакомъ: принадлежностью къ іудаизму или, по крайней мѣрѣ,

*) Стр. 290.
**) Стр. 17.
***) Стр. 17.
****) Тамъ же.
*****) Стр. 18.

не принадлежностью къ какой бы то ни было другой религіозной сферѣ.

Г. Дубновъ не доходитъ до того, чтобы требовать формальной принадлежности каждаго еврея къ еврейскому вѣроисповѣданію. Онъ понимаетъ, что въ настоящее время необходимо считаться съ запросами свободной мысли, и несмотря на то, что онъ свой національнализмъ окрестилъ „духовно"-культурнымъ, онъ все-таки дѣлаетъ значительныя уступки современной „свѣтской" цивилизаціи. Одного только онъ требуетъ: чтобы евреи не переходили въ другую вѣру. „Еврей можетъ быть,—говоритъ онъ,—„іудеемъ" по религіи активно или пассивно, реально или номинально; онъ даже можетъ быть нулевымъ или „безъисповѣднымъ",—но отреченіе отъ іудейства при формальномъ переходѣ въ христіанство уже равносильно выходу изъ еврейской націи". *)

„Ибо оффиціальный переходъ въ другую вѣру означаетъ фактически, при положеніи діаспоры, выходъ изъ еврейской націи, если не для самого ренегата, то для его потомства, которое должно и по національности слиться съокружающимъне-еврейскимънаселеніемъ".**)

„Іудаизмъ" говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „будучи частью еврейской національной культуры, составляетъ аттрибутъ еврейской національной идеи, какъ начало эволюціонное, а не традиціонное. Отреченіе отъ него въ этой подвижной формѣ, путемъ оффиціальнаго перехода въ другую религію, фактически равносильно выходу изъ еврейской національной организаціи".***)

Зато, оставаясь въ предѣлахъ широко понятаго и развивающагося іудаизма, еврейскій народъ сможетъ идти наравнѣ со своимъ вѣкомъ, претворяя въ себѣ европейскую культуру и нисколько не угрожая этимъ основнымъ началамъ іудаизма. „Мы теперь стремимся,—говоритъ онъ,—къ сочетанію лучшихъ сторонъ общаго и еврейскаго просвѣщенія; мы усваиваемъ европейскую культуру и вмѣстѣ съ тѣмъ желаемъ сохранить все лучшее въ нашей національной культурѣ; мы смѣло критикуемъ іудаизмъ, не боясь его разрушить, ибо вѣримъ въ несокрушимую мощь его высшихъ религіозныхъ и этическихъ идеаловъ".****)

---

*) Стр. 19.

**) Тамъ же.

***) Стр. 27. Курсивъ нашъ.

****) Стр. 225.

Измѣненное отношеніе къ „старому“ еврейству въ вопросѣ о традиціонномъ іудаизмѣ связано у г. Дубнова съ еще болѣе радикальнымъ отношеніемъ къ завѣтнымъ чаяніямъ народа—избавиться когда нибудь отъ разсѣянія среди другихъ народовъ, зажить когда нибудь въ своей собственной странѣ. По глубокому убѣжденію г. Дубнова, часто повторяемому въ „Письмахъ“, „діаспора никогда не исчезнетъ, если не включить въ разсчетъ мессіанскаго „конца временъ“. *)

Отсюда дѣлается логически совершенно правильный и самъ по себѣ вѣрный выводъ, что цѣль національно-культурной работы для настоящаго времени должна заключаться во „внутреннемъ возрожденіи евреевъ во всѣхъ мѣстахъ, куда забросила ихъ исторія“ **) Ибо „всѣ разсѣянныя части еврейской діаспоры составляютъ единый, нераздѣльный народъ, связанный общими интересами“. ***)

Въ вопросѣ объ оцѣнкѣ діаспоры г. Дубновъ самымъ радикальнымъ образомъ расходится почти со всѣми націоналистическими теченіями стараго и новаго еврейства. Реабилитаціи діаспоры посвящается имъ много вниманія. Да оно и неизбѣжно для человѣка, считающаго „духовный типъ національности“ выше „территоріальнаго“. Не то, чтобы г. Дубновъ совершенно отрицательно относился къ стремленію сіонизма перенести центръ культурнаго творчества еврейскаго народа въ Палестину. Но онъ и этотъ наименѣе „территоріальный“ и наиболѣе „духовный“ сіонизмъ, во вкусѣ г. Ахадъ-Гаама, признаетъ лишь, какъ полезное подспорье для основной задачи—сохраненія и развитія еврейской націи въ самой діаспорѣ. „Силу историческаго фактора,—утверждаетъ онъ,—сохранитъ не тотъ сіонизмъ, который отрицаетъ діаспору и питаетъ несбыточную мечту о прекращеніи ея, а тотъ, который, въ ряду другихъ задачъ внутренняго національнаго возрожденія еврейства во всемъ мірѣ, ставитъ себѣ цѣлью: создать еще одинъ аккумуляторъ самобытной духовной энергіи для питанія діаспоры, которая всѣми силами борется за свое національное существованіе“. ****)

Эта ея борьба имѣетъ именно въ наше время всѣ шансы на успѣхъ. „Сохраненіе и усовершенствованіе нашего національнаго

*) Стр. 320.
**) Стр. 111.
***) Стр. 98.
****) Стр. 320

типа въ духѣ нашей исторической эволюціи „возможно“ при помощи тѣхъ средствъ, какія даетъ современная культура всѣмъ націямъ, борющимся за свое существованіе“. *)

Многія разноплеменныя государства уже давно заинтересованы въ огражденіи національныхъ правъ національныхъ меньшинствъ. Евреи, какъ національное меньшинство, тоже должны бороться за свои неотъемлемыя національныя права, добиваясь полной національной автономіи.

Но какой именно національной автономіи долженъ добиваться еврейскій народъ? Г. Дубновъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ слѣдующихъ словахъ, заключающихъ въ себѣ квинтъ-эссенцію его практическихъ національныхъ требованій отъ современнаго государства. „Мы должны,—говоритъ онъ,—различать два вида національнаго меньшинства въ разноплеменномъ государствѣ или Nationalitätenstaat; 1) территоріальная народность, составляющая меньшинство въ общемъ составѣ государства и большинство въ своей исторической области или провинціи (поляки въ трехъ имперіяхъ, чехи въ Австріи и т. п.); 2) нетерриторіальная народность или народная дробь, не составляющая большинства населенія въ данной провинціи (евреи во всѣхъ странахъ, поляки въ Литвѣ и т. д.). Для націй перваго типа нужна областная—сеймовая автономія, для націй второго типа общинно-культурная автономія“. **)

Къ сожалѣнію, г-нъ Дубновъ нигдѣ не разъясняетъ подробнѣе, почему территоріальнымъ народностямъ нуженъ сеймъ, а экстерриторіальныя могутъ ограничиться культурной автономіей общинъ. Казалось бы, какъ разъ наоборотъ. Территоріальная народность, опирающаяся въ своей борьбѣ за существованіе на такіе могучіе факторы сохраненія своей національности, какъ своя территорія и свой языкъ, могли бы, въ крайнемъ случаѣ, и вовсе обойтись безъ центральнаго сейма, ограничиваясь о б л а с т н о й-о б щ и н н о й автономіей. Націи же „второго типа“, именно потому, что онѣ лишены своей земли и своего языка (г-нъ Дубновъ неоднократно указываетъ на то, что у евреевъ нѣтъ единства языка) въ сильнѣйшей степени нуждаются въ центральномъ, объединяющемъ органѣ національной автономіи и ни въ коемъ случаѣ не могутъ ограничиться одними органами общиннаго самоуправленія; поэтому г. Дубновъ, оставаясь въ предѣ-

*) Стр. 110.
**) Стр. 83.

лахъ своего „духовнаго“ національнзма, долженъ былъ бы постулировать для нихъ культурно-сеймовую автономію.

Фактически онъ это и дѣлаетъ. Въ своемъ планѣ организаціи еврейскаго народа въ діаспорѣ, онъ, наряду съ еврейской національной общиной, признаетъ и „Ваадъ“, т. е. въ сущности тоже, что „сеймъ“, съ довольно обширными полномочіями и функціями, въ число которыхъ входитъ не только забота о созданіи учрежденій, поддерживающихъ національную культуру, но и „воздѣйствіе на экономическую жизнь, съ цѣлью подъема народнаго благосостоянія, путемъ поощренія кооперацій, профессіональныхъ союзовъ, урегулированіе эмиграціи и т. п.“*)

Однако, центръ тяжести размышленій г-на Дубнова лежитъ не въ томъ, какая форма автономіи нужна еврейскому народу, и нѣкоторая непослѣдовательность автора въ рѣшеніи этого вопроса, какъ и въ рѣшеніи нѣкоторыхъ другихъ, нисколько не мѣшаетъ стройности и согласованности его основныхъ принциповъ.

Объективно-правовыя условія національной автономіи недостаточны для сохраненія „духовно-культурной“ національности, націи „высшаго типа“. Отсутствіе естестественныхъ факторовъ сохраненія національности угрожаетъ и націи этого типа ассимиляціоннымъ воздѣйствіемъ окружающей среды. Необходимо этой націи постоянно быть на чеку и возмѣстить отсутствіе „внѣшнихъ предохранителей національнаго типа“ „усиленіемъ внутреннихъ предохранителей,“ а именно „напряженіемъ національной воли въ сторону автономнаго культурнаго развитія и энергичнымъ отпоромъ ассимилирующимъ воздѣйствіямъ окружающей среды,—процессъ, особенно характерный для исторіи еврейскаго народа въ діаспорѣ“.**) „Національная воля“,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—„воля къ жизни“ коллективной личности, представляющая результатъ и накопленной наслѣдственной энергіи, и пріобрѣтаемыхъ воспитаніемъ импульсовъ —вотъ въ чемъ наша жизненная сила. Напряженіе этой національной воли должно быть пропорціонально степени опасности „внутренняго завоеванія“ (т. е. ассимиляціи. Х. Ж.). „Для питанія же субъективнаго фактора воли, необходимо во всѣхъ областяхъ жизни поддерживать преемственность нашей исторической эволюціи, чтобы не

*) Стр. 315
**) Стр. 11

отрывать молодыхъ вѣтвей отъ стараго ствола; необходимо усилить національные элементы въ воспитаніи, защищать нашу внутреннюю общинную автономію и въ нормальномъ государствѣ вести активную національную политику".*) „Зная, что діаспора держится только напряженіемъ національной воли, они (т. е. націоналисты Х. Ж.) будутъ стремиться къ тому, чтобы постоянно укрѣплять эту волю, питать ее здоровою пищей нашей мощной многовѣковой культуры, претворяющей въ себѣ всѣ элементы культуры общечеловѣческой, и давать ей проявляться въ суверенной національной политикѣ, велѣніямъ которой должны подчиняться всѣ классовые, партійные и групповые интересы. И повторяю: этотъ суверенитетъ національной политики есть прямое выраженіе суверенитета народа, его національной воли, какъ она сказалась во всемъ ходѣ нашей исторіи. Суверенитетъ національной политики есть суррогатъ территоріальнаго единства для діаспоры, которой грозитъ длящаяся опасность „внутренняго завоеванія". Другіе народы даже угнетенные, но объединенные территоріей и общимъ языкомъ, не такъ нуждаются въ этомъ суррогатѣ, или нуждаются только въ моменты опасныхъ кризисовъ. Для господствующихъ народовъ „національная политика" есть позорное орудіе угнетенія зависимыхъ націй; для еврейства же этотъ лозунгъ имѣетъ совершенно иной смыслъ, иное содержаніе: это символъ единства разсѣяннаго народа, символъ культурной, духовной самообороны; это —честный путь борьбы за свою народную индивидуальность, ничѣмъ не огражденную, кромѣ духовныхъ факторовъ и внутренне-автономнаго строя жизни".**)

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ основной точки зрѣнія автора, по которой сущность еврейской національности состоитъ въ творчествѣ особой „духовной" культуры, является то, что сознательная національная воля къ жизни въ діаспорѣ должна быть направлена преимущественно или даже исключительно на удовлетвореніе духовно-культурныхъ потребностей націи, а не на удовлетвореніе ея соціально-экономическихъ нуждъ. Палестинскому движенію авторъ бросаетъ упреки въ томъ, что оно „стремилось къ разрѣшенію не столько національно-культурнаго, сколько соціально-экономическаго вопроса,"***) и на сіонистовъ, не сумѣвшихъ подняться до высотъ духов-

*) Стр. 327
**) Стр. 336
***) Стр. 158

но-культурнаго національнаго онъ смотритъ, „какъ на язычниковъ національной идеи".*) Въ область соціально-экономическихъ отношеній еврейскаго народа духовно-культурный національнаго г-на Дубнова отказывается вносить какія либо новыя рѣшенія. Вопросъ о томъ, чѣмъ живетъ еврейскій народъ, какъ онъ живетъ, нормальна ли вся атмосфера его соціально-экономической жизни, какъ отражается она на всѣ стороны его быта, на его отношенія къ окружающимъ народамъ въ діаспорѣ, на отношеніе окружающихъ народовъ къ нему,—всѣ эти и многіе другіе жгучіе вопросы еврейской матеріальной дѣйствительности совершенно исчезаютъ—и логически должны исчезать изъ духовнаго взора „духовно-культурнаго" національнаго. Разсѣянный по многимъ странамъ діаспоры, не имѣющій своей почвы подъ ногами, еврейскій народъ естественно долженъ отказаться отъ какой бы то ни было самостоятельности въ дѣлѣ рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ жизни: соціально-экономическихъ. Онъ долженъ примириться съ тѣмъ, что „соціально-экономическія бѣдствія составляютъ удѣлъ и многихъ территоріальныхъ народностей, и въ данномъ случаѣ намъ остается только ждать облегченія отъ той борьбы за новый политическій и соціальный строй, въ которой дѣятельное участіе должны принимать наравнѣ со всѣми народами, и евреи, какъ самый обездоленный членъ международной семьи".**)

Но на почвѣ какой платформы, какой соціально-экономической программы евреи, наравнѣ съ другими, должны бороться за новый политическій и соціальный строй? Изъ всей теоретической концепціи автора, стремящейся объединить волю всей націи къ отстаиванію своего чисто духовнаго существованія, прежде всего неминуемо вытекаетъ тотъ выводъ, что соціально-политическая программа, признающая основнымъ началомъ своей тактики классовую борьбу труда съ капиталомъ, является гибельной для историческихъ судебъ духовно-культурнаго еврейства. „Вмѣсто политики общенародныхъ интересовъ, которымъ грозитъ величайшая опасность,—негодующе восклицаетъ г-нъ Дубновъ,—насъ влекутъ на путь классовой политики, разъединяющей эти общіе интересы, ставя на ихъ мѣсто частные, экономическіе!" Боевой лозунгъ „пролетаріи всѣхъ странъ, объединяйтесь!", слышится изъ устъ евреевъ въ такіе моменты, когда для спасенія народа нужно

*) Стр. 180
**) Стр. 175

было бы неумолчно кричать; „евреи всѣхъ классовъ и партій, объединяйтесь!“ *) „Если политику классовой розни,—говоритъ онъ далѣе,—ведетъ пролетарская партія народа, объединеннаго только культурно-національными интересами и подвергающагося на каждомъ шагу опасности быть поглощеннымъ окружающими народами, то это не ошибка, не односторонность, а преступленіе, ибо оно влечетъ за собою распаденіе націи“.**)

Нація „высшаго“, т. е. духовно-культурнаго типа должна вести не классовую политику, а національную. „Національная политика, т. е. политика, направленная къ огражденію цѣлости народа и его самостоятельнаго культурнаго развитія,—говоритъ онъ,—является верховнымъ критеріемъ вездѣ, гдѣ этой цѣлости и внутренней свободѣ грозитъ опасность. Еврейская нація въ діаспорѣ, безземельная и раздробленная, имѣющая повсюду больше враговъ (сознательныхъ или стихійныхъ), чѣмъ друзей, и подвергающаяся, въ силу своего положенія, ассимилирующему вліянію чужихъ культуръ—находится въ указанномъ отношеніи въ состояніи перманентной опасности. Слѣдовательно, въ еврействѣ національная политика должна быть постояннымъ верховнымъ критеріемъ для всѣхъ партій и классовъ, не признающихъ принципа „сліянія“ или національнаго самоотреченія. Въ народѣ могутъ и должны существовать различныя политическія и общественныя, духовныя и классовыя группы, но всѣ онѣ должны подчиняться высшему руководительству національной политики. Формула „Salus populi suprema lex“ примѣнима къ еврейству въ ея буквальномъ смыслѣ: высшимъ закономъ или критеріемъ является именно „спасеніе“ (невредимость) народа, весь путь котораго въ діаспорѣ сплошь усѣянъ опасностями. Вся еврейская исторія въ діаспорѣ есть исторія непрерывной оборонительной войны націи за свое существованіе, какъ таковой, за свое внутреннее единство и автономію при внѣшней политической и территоріальной раздробленности. Въ этомъ и трагизмъ, и высокій героизмъ нашей исторіи: трагизмъ постояннаго „военнаго положенія“, требующаго напряженія всѣхъ силъ націи для самообороны, и героизмъ преодолѣнія величайшихъ препятствій въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ. Уничтожьте или значительно ослабьте это напряженіе оборонительной національной энергіи—и еврейство

*) Стр. 307,

**) Стр. 308.

очутится въ пантеонѣ умершихъ народностей или историческихъ мумій. А къ такому результату ведетъ замѣщеніе національной или общенародной (сверхклассовой) политики другимъ верховнымъ или равноцѣннымъ критеріемъ, какъ напримѣръ—классовой политики*).

Но если программы, основанныя на принципѣ классовой борьбы, должны быть изъяты изъ сферы еврейской національной политики, тогда „какая же въ данный моментъ та политическая платформа, на которой большинство активныхъ силъ еврейства, участвуя въ общегосударственной работѣ, революціонной и созидательной, могло бы систематически вести свою народную политику?“ **)

Читателю нетрудно догадаться, какой отвѣтъ даетъ г-нъ Дубновъ.

Это, — отвѣчаетъ онъ,—платформа политической демократіи или, точнѣе, той конституціонно-демократической партіи, къ которой примыкаютъ всѣ здоровые, политически зрѣлые элементы русскаго общества“. ***)

Такимъ образомъ, логическимъ завершеніемъ, вѣнцомъ всего зданія „духовно-культурнаго“ націонализма, сооруженнаго г-номъ Дубновымъ, является національно—еврейскій кадетизмъ на „эволюціонно-іудаистической“ подкладкѣ.

II.

Такова въ общихъ чертахъ сущность ученія г. Дубнова. Не знаемъ, заслуживаетъ ли оно болѣе подробнаго изложенія, разъясненія и критическаго разбора. Если это по какимъ либо обстоятельствамъ окажется нужнымъ, мы посвятимъ „Письмамъ“ болѣе подробную критическую статью.

Здѣсь же ограничимся нѣсколькими замѣчаніями. Г-на Дубнова многіе считаютъ отцомъ еврейскаго „автономизма“, творцомъ той національной теоріи, по которой еврейскій народъ на вѣки осужденъ жить въ діаспорѣ, здѣсь, въ странахъ изгнанія, долженъ добиваться своихъ національныхъ правъ и здѣсь же, разсѣянный и разорванный на клочья, долженъ отстаивать и развивать свою національную культуру. Въ одной изъ статей г-на В. Ж. мы нашли прямое указаніе на

*) Стр. 322/23.

**) Стр. 308/9.

***) Тамъ же.

то, что національная программа „Бунда“ создана подъ вліяніемъ писемъ г-на Дубнова.

Все это невѣрно. Идея самостоятельнаго національнаго существованія еврейскаго народа въ странахъ изгнанія возникла подъ вліяніемъ соціалистической мысли въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, какъ синтезъ сіонизма, отстаивавшаго національное возрожденіе еврейскаго народа, и международнаго соціализма, который для еврейскаго народа понимался немножко à la lettre: въ видѣ самостоятельнаго существованія „между народами“. Работы, хотя и немногочисленныя, но проникнутыя духомъ этого націонализма, появлялись въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ. Въ 1896 году, стало быть, еще за годъ до появленія „Писемъ“ г-на Дубнова, ко взглядамъ „діаспорнаго“ націонализма примкнула тогдашняя редакція заграничнаго органа „Бунда“, „Der judischer Arbeiter“. Шестой номеръ этого центральнаго органа былъ весь проникнутъ основными идеями „автономизма“. Въ этомъ же номерѣ бундовскій націонализмъ пытался рѣзко отграничить себя теоретически отъ сіонизма и проводитъ ту основную мысль, что для новаго націонализма, въ отличіе отъ стараго, рѣшающимъ принципомъ является не отечество, не страна, а самостоятельная народная культура.

Но если теоретики, примыкавшіе тогда къ „Бунду“, могутъ съ нѣкоторымъ правомъ претендовать на званіе „отцовъ“ культурнаго націонализма, въ отличіе отъ территоріальнаго, то они по вопросу о духовномъ націонализмѣ охотно оставятъ г-ну Дубнову не только пальму первенства, но и патентъ на единоличное владѣніе. Въ концепціи культурнаго націонализма „бундовцевъ“ и „бундовствующихъ“ не было и тѣни того „духовнаго“ націонализма, который логически сочетался у г-на Дубнова съ іудаизмомъ, кадетизмомъ и отрицаніемъ классовой борьбы. Тамъ не было и рѣчи объ обязательности для еврейскаго народа сохранять и развивать какія бы то ни было религіозныя, философскія или даже соціально-этическія „традиціи“, какія бы то ни было устои „многовѣковой культуры“.

Убѣжденные приверженцы принципа свободной личности и свободной критической мысли, они добивались для своего народа такихъ формъ національной жизни въ странахъ изгнанія, при которыхъ личность могла бы остаться въ предѣлахъ народа, а народъ могъ бы развивать свою національность даже въ томъ случаѣ, если бы и ей, и ему пришлось выбросить за бортъ, за негодностью, весь (буквально

весь!) тотъ духовный багажъ, который нашъ народъ влачилъ за собою въ продолженіе вѣковъ: весь іудаизмъ, со всей его религіей, философіей и нравственностью.

Это не значитъ, что они относились принципіально и безусловно отрицательно ко всему тому культурному наслѣдію, которое было выработано еврейскимъ народомъ. Пишущій эти строки, участвовавшій въ выработкѣ теоріи культурнаго націонализма, былъ и тогда убѣжденъ—и теперь остается при своемъ убѣжденіи—въ томъ, что не все гнило въ результатахъ творчества стараго еврейства. Онъ придерживался и придерживается того взгляда, что критическій пересмотръ нашего культурнаго наслѣдія обнаружитъ громадныя залежи такихъ духовныхъ богатствъ, которыхъ мы не только не должны будемъ стыдиться, но которыя положатъ на нашу интеллигенцію обязанность разработать ихъ и сдѣлать ихъ достояніемъ всего человѣчества. Но и для насъ ихъ цѣнность будетъ заключаться не въ томъ, что онѣ выработаны нашими предками, а въ тѣхъ глубокихъ общечеловѣческихъ началахъ, которыя заложены въ нихъ. Неотдѣлимыя для насъ отъ тѣхъ или другихъ оттѣнковъ чисто еврейской политики, наложившей на нихъ свою печать, онѣ, эти цѣнности, смогутъ быть перелиты въ другія національныя формы и войти въ составъ развивающейся человѣческой культуры.

Однако, какъ бы розово мы ни смотрѣли на цѣнность нѣкоторыхъ элементовъ старо-еврейскаго творчества, мы не можемъ ихъ навязывать не только человѣчеству, но и своему собственному народу. Ихъ побѣда въ борьбѣ человѣческихъ идей можетъ, даже для еврейскаго народа, быть достигнута лишь однимъ путемъ: идейной борьбой. Но даже побѣдивши, они не должны стать цензомъ, опредѣляющимъ принадлежность къ еврейской національности. Эта принадлежность должна быть, какъ у всѣхъ народовъ, абсолютно независима отъ какихъ бы то ни было взглядовъ и воззрѣній. Можно быть евреемъ не только „по Брешту или по Спинозѣ“. Можно быть евреемъ и по Іисусу Христу. Я могу быть послѣдователемъ „мистическаго эротизма“, скажемъ, по Шабатаю-Цви, но если мнѣ больше нравится г. Вячеславъ Ивановъ, я отъ этого не перестаю быть евреемъ. Всѣ оттѣнки философской, религіозной и соціально-политической мысли, вся гамма человѣческаго правдо-искательства и человѣческихъ заблужденій не могутъ быть исключены изъ сферъ еврейскаго творчества. Тотъ или другой обязатель-

ный для еврейскаго народа кругъ воззрѣній, какъ бы обширенъ онъ ни былъ, непремѣнно создаетъ обширную, внѣ его лежащую сферу запретныхъ плодовъ мысли, съ неотдѣлимыми отъ него инквизиторскими копаніями въ чужой совѣсти, съ беззаконнымъ вторженіемъ націи въ самую интимную сторону жизни личности.

Обязательное міросозерцаніе, даже когда оно сводилось бы къ исключенію „вредныхъ“ для народа воззрѣній, сохранило и увѣковѣчило бы тотъ же самый антагонизмъ между оффиціальными воззрѣніями народа и свободолюбивыми стремленіями личности, который господствовалъ до сихъ поръ почти во всей еврейской исторіи и который составлялъ наиболѣе трагическую и наименѣе симпатичную сторону ея. Это же обязательное міросозерцаніе неминуемо осудило бы націю на застой или даже регрессъ, если бы оказалось, что прогрессъ общечеловѣческой мысли идетъ не только въ разрѣзъ съ тѣми или другими формами и проявленіями этого міросозерцанія, но является абсолютно враждебнымъ самымъ его основнымъ принципамъ.

Тотъ или другой принудительный образъ мышленія, даже тотъ или другой продиктованный націи кругъ умственныхъ интересовъ, неминуемо долженъ привести къ тому, что личности наиболѣе революціонныя, наиболѣе радикально расходящіяся со своей средой, неизбѣжно должны будутъ оставить еврейскій народъ и пріобщиться къ другимъ, болѣе свободнымъ народамъ и культурамъ. А межъ тѣмъ, только такія личности являются ферментомъ культурнаго прогресса, выразителями всѣхъ ревслюціонныхъ началъ, подготовленныхъ всѣми сторонами исторической жизни народа. Съ ихъ уходомъ, вѣрными сынами націи окажутся лишь жалкія посредственности съ филистерскимъ горизонтомъ мыслей и чувствъ. Вся исторія еврейскаго народа доказываетъ справедливость сказаннаго и довольно ярко обнаруживаетъ это главное зло еврейской жизни въ діаспорѣ. Программа г. Дубнова не уничтожаетъ этого зла. Она не раскрѣпощаетъ еврейскую мысль отъ тѣхъ путъ и цѣпей, которыя были наложены на нее націей, во имя интересовъ національнаго самосохраненія. Г. Дубновъ стремится только къ тому, чтобы позолотить эти цѣпи, сдѣлать ихъ болѣе легкими, менѣе рѣжущими и придать имъ видъ національныхъ „браслетовъ“, которые каждый еврей долженъ носить съ гордостью.

Культурный націонализмъ „бундовствующихъ“ не грѣшилъ ничѣмъ подобнымъ. Ему казалось, что можно въ самой діаспорѣ

добиться нормальныхъ условій для развитія еврейской національности. Стоитъ только завоевать права національности для еврейскаго народа, стоитъ только, путемъ соотвѣтствующихъ, чисто еврейскихъ воспитательныхъ и культурныхъ учрежденій, поднять разговорно-еврейскій языкъ (т. наз. жаргонъ,) до степени литературно-научнаго, національнаго, и—дѣло сохраненія еврейской національности обезпечено на такихъ условіяхъ, которыя сдѣлаютъ излишнимъ приверженность къ опредѣленнымъ религіозно-философскимъ традиціямъ. Еврейская личность освободится отъ всѣхъ узъ, накладываемыхъ на нее націей во имя своего сохраненія. Они свободно сумѣютъ воспринять всѣ, безъ всякаго исключенія, направленія и оттѣнки общечеловѣческаго творчества, не боясь очутиться въ конфликтѣ съ интересами своей націи. Связанные воедино единствомъ языка, да тѣмъ естественнымъ стремленіемъ каждаго народа быть независимымъ отъ какой бы то ни было другой національности въ дѣлѣ рѣшенія культурныхъ проблемъ, евреи естественно, подобно всѣмъ другимъ національностямъ, т. е. безъ всякаго „героизма“ и „трагизма“, безъ особаго напряженія національной воли, будутъ жить національной жизнью, т. е. будутъ перерабатывать на свой ладъ весь тотъ могучій запасъ общечеловѣческой культуры, который долгое время былъ запретнымъ плодомъ для еврейской національности, потому что онъ угрожалъ ея самостоятельному существованію. Заинтересуйся большинство еврейскаго народа христіанствомъ, оно могло бы формально принять эту религію, нисколько не пострадавъ отъ этого въ національномъ смыслѣ. Христіанство, ставъ религіей значительной части еврейскаго народа, неизбѣжно приняло бы новый оригинальный отпечатокъ, соотвѣтствующій творческимъ формамъ еврейской психо-физической организаціи. Тѣмъ же отпечаткомъ была бы проникнута и всякая другая система взглядовъ, если бы она была воспринята изъ окружающей среды значительнымъ количествомъ евреевъ и разрабатывалась бы дальше еврейскими силами въ предѣлахъ еврейской національности. Еврейская соціалистическая интеллигенція могла бы свободно и смѣло развернуть знамя всемірнаго соціализма и передъ еврейскими трудящимися массами, вмѣстѣ съ ними забрать въ свои руки судьбы историческаго развитія еврейскаго народа и, путемъ классовой борьбы еврейскаго труда противъ еврейскаго капитала, путемъ участія во всемірномъ освободительномъ движеніи соціализма, доставить торжество его идеаламъ

и въ предѣлахъ еврейской національности. Въ семьѣ освобожденнаго человѣчества еврейскій народъ занималъ бы, какъ н а ц і я, то равноправное положеніе, которое гарантируется международнымъ соціализмомъ всѣмъ безъ различія народамъ.

Культурный націонализмъ „бундовствующихъ“ былъ, по своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ и идеаламъ, столь же далекъ отъ „духовно-культурнаго“ націонализма г-на Дубнова, насколько соціализмъ далекъ отъ кадетизма.

Не здѣсь мѣсто излагать тѣ многоразличные доводы, которые заставили національно-соціалистическую мысль еврейскаго народа отказаться отъ „діаспорнаго“ „голуснаго“ націонализма и дойти до тѣхъ, на мой взглядъ, очевидныхъ истинъ, что никакая свободная культурная самостоятельность немыслима тамъ, гдѣ нѣтъ почвы с в о е й земли подъ ногами; что всѣ стороны культуры сплетены между собою, что главнѣйшую роль въ нихъ играютъ соціально-политическія и экономическія отношенія, самостоятельное устройство которыхъ является необходимымъ базисомъ для самостоятельной культурной жизни вообще и что этотъ необходимый базисъ, въ свою очередь, немыслимъ б е з ъ с в о е й з е м л и, т. е. территоріи съ однороднымъ еврейскимъ составомъ населенія и съ правомъ устраивать основы экономической жизни такъ, какъ это соотвѣтствуетъ волѣ большинства еврейскаго народа. Не здѣсь также мѣсто подробно останавливаться на доказательствѣ того, что „третье“ „аггрегатное“ состояніе культурной націи—въ „газообразномъ“ или „духовномъ“ видѣ—неизбѣжно потребуетъ траты громадной массы энергіи на то, чтобы преодолѣть силу тяготѣнія къ болѣе крупнымъ національнымъ тѣламъ и удержать наиболѣе „кинетическія“ частицы въ предѣлахъ разрѣженнаго цѣлаго; что и тогда, несмотря на всѣ наши усилія,—часть еврейскаго народа—и л у ч ш а я его часть—неизбѣжно отколется отъ него, часть будетъ вѣчно качаться, какъ маятникъ, между двумя полюсами культурнаго притяженія, еще часть закупоритъ себя въ герметически закрытыхъ сосудахъ традиціоннаго іудаизма, а компромиссная посредственность выработаетъ нѣчто въ родѣ „духовнаго“ націонализма, безъ широкихъ перспективъ и идеаловъ, безъ крупнаго размаха оригинальнаго національнаго творчества и будетъ напрягать всю „національную волю къ жизни“ на то, чтобы избѣгать всевозможныхъ крайностей въ религіи, философіи и общественной мысли, плестись по буднямъ общественной и политической жизни во хвостѣ такой же компромиссной посредственности другихъ народовъ, а по

субботамъ,—съ такой же осторожностью плести свою „духовную“ паутину, которая должна оградить еврейскій народъ отъ „перманентной опастности“ быть поглощеннымъ другими.

Г-нъ Дубновъ видитъ въ этой „перманентной“ жизни надъ бездной особый „трагизмъ и героизмъ“ и усматриваетъ въ немъ отличительную черту еврейской исторіи, ея обаятельную красоту. Но г-нъ Дубновъ, повидимому, упускаетъ изъ виду одно чрезвычайно важное обстоятельство. Еврейскій народъ жилъ и продолжаетъ жить надъ бездной, одухотворенный одной страстной вѣрой: въ скорое избавленіе отъ такой жизни. Онъ претерпѣвалъ муки изгнанія, потому что былъ убѣжденъ, что этому изгнанію наступитъ конецъ, что онъ скоро вернется въ свою родную страну, гдѣ заживетъ свободной и самостоятельной жизнью, и покажетъ народамъ примѣръ, какъ осуществлять правду въ междучеловѣческихъ отношеніяхъ. Можно относиться къ этой нашей національной мечтѣ о всемірной миссіи еврейскаго народа на своей землѣ какъ угодно. Можно считать ее полуинстинктивнымъ сознаніемъ своего назначенія въ человѣческой исторіи, можно видѣть въ ней миражъ, навѣянный оскорбленнымъ національнымъ чувствомъ. Но только наличность этой мечты и этой вѣры придавала героическую и трагическую красоту историческимъ судьбамъ еврейства въ изгнаніи. Выньте изъ еврейской исторіи эту душу, лишите ее хотя бы ея мечты о національной независимости и вся еврейская исторія уже не является намъ въ героическомъ, а въ патологическомъ освѣщеніи, и весь ея героизмъ насъ такъ же мало воодушевляетъ, какъ мало воодушевляютъ насъ всѣ тѣ героическія самоистязанія, которымъ предаются фанатики въ религіозномъ изступленіи.

Г-нъ Дубновъ приглашаетъ еврейскій народъ продолжать „трагедить“ и „геройничать“, если можно такъ выразиться, не во имя идеаловъ совершенно независимой національной жизни, а во имя „эволюціоннаго іудаизма“. Читатель вправѣ требовать отъ него, чтобы онъ разъяснилъ намъ, что же это за штука такая, этотъ „эволюціонный іудаизмъ“, ради котораго стоитъ подвергаться „перманентной опасности“. Къ сожалѣнію, мы во всей книгѣ „Писемъ“ не нашли ни одной строки, которая указала бы на основы іудаизма, дорогія г-ну Дубнову, на вѣчныя черты, выдѣляющія іудаизмъ изъ всей совокупности умственныхъ теченій и дающихъ ему возможность,

эволюціонируя, вѣчно оставаться іудаизмомъ. По всей книгѣ „Писемъ“ „духовный націонализмъ“ г-на Дубнова, какъ духъ божій, витаетъ надъ бездной и, подобно этому же духу, упорно скрываетъ отъ смертныхъ свой ликъ. Мы не имѣемъ права сомнѣваться въ томъ, что въ мысляхъ г-на Дубнова іудаизмъ имѣетъ опредѣленный „образъ и подобіе“. Но недостаточно имѣть его въ мысляхъ! Теорія, требующая, чтобы еврейскій народъ сохранялъ себя во имя опредѣленнаго идейнаго содержанія, должна была бы прежде всего изложить это содержаніе, защитить его права на существованіе и дальнѣйшее развитіе; должна была доказать, что только еврейскій народъ способенъ выполнить эту миссію и лишь затѣмъ дѣлать тѣ практическіе выводы, къ которымъ она приходитъ. Правда, какъ бы прекрасенъ ни былъ этотъ дубновскій „образъ и подобіе“ іудаизма, онъ бы не могъ служить ни цѣлямъ реабилитаціи діаспоры, ни базисомъ для національной жизни. Ибо всякое опредѣленное идейное содержаніе дѣлаетъ своихъ приверженцевъ не дѣтьми одной націи, а адептами одной вѣры. Освобожденіе націи отъ обязательной религіи, и вообще отъ какихъ бы то ни было обязательствъ воззрѣній,—представляетъ собою главное условіе для ея свободнаго духовнаго развитія. Но зато вся теорія г-на Дубнова имѣла бы тогда нѣкоторый „образъ и подобіе“. Теперь же „духовный націонализмъ“ г-на Дубнова не только совѣтуетъ еврейскому народу вѣчно витать надъ бездной, но и самъ онъ не имѣетъ никакой теоретической почвы подъ собою.

Во всемъ ученіи г-на Дубнова только два элемента являются глубоко вѣрными и жизненными. Одинъ изъ нихъ—борьба съ ассимиляціей, которой авторъ посвятилъ много страницъ, полныхъ благороднаго ума и неподдѣльнаго горячаго чувства. Другой элементъ—требованіе національнаго возрожденія евреевъ на основахъ національно-правовой автономіи во всѣхъ странахъ изгнанія. Это требованіе дѣйствительно является, при извѣстныхъ условіяхъ, продолженіемъ исторической жизни еврейскаго народа. Этотъ народъ дѣйствительно показалъ міру чудо. Онъ прошелъ надъ бездной историческій путь, подобно акробату, по протянутой бичевѣ, съ балансомъ религіозной вѣры въ мессію въ рукахъ. Покуда подъ его ногами не будетъ прочной земли, онъ вынужденъ идти тѣмъ же путемъ. Еврейскій пролетаріатъ и соціалистическая интеллигенція, какъ самые передовые слои своего народа, не могутъ избѣгнуть той же печальной исторической необходимости. Но вмѣсто стараго совершенно изгнив-

шаго баланса религіозно-національной вѣры въ мессію, они даютъ въ руки родного народа новый балансъ—вѣру въ свои собственныя силы, которыя должны быть возстановлены въ діаспорѣ. Своими собственными силами народъ долженъ будетъ добыть себѣ свою „волю и землю". Продолжая тотъ же историческій путь въ діаспорѣ, они не идеализируютъ его, не превращаютъ „нужду въ добродѣтель", какъ это дѣлаетъ г-нъ Дубновъ. Они вполнѣ сознаютъ весь его „трагическій героизмъ", потому что и они воодушевлены тѣмъ же идеаломъ, что и „старое еврейство": идеаломъ полнаго національнаго возрожденія родного народа на его собственной землѣ. Безъ этого идеала „трагическій героизмъ" превратился бы въ „трагикомическій героизмъ" никому не нужнаго, безплоднаго и „перманентно-опаснаго"—акробатства.

Г-нъ Дубновъ былъ когда-то космополитомъ и, стало быть, ассимиляторомъ. Объ этомъ упоминается и въ его „Письмахъ". Теперь лучшія страницы его труда посвящены борьбѣ съ космополитизмомъ и ассимиляціей. Стало быть, онъ не принадлежитъ къ числу людей, разъ на всегда застывающихъ на какой нибудь догмѣ. Будемъ, поэтому, надѣяться, что и „духовный" націонализмъ—не послѣдняя станція въ развитіи г-на Дубнова. Можно быть увѣреннымъ, что если сила его критической мысли будетъ такъ же интенсивна, какъ глубоко его національное чувство, какъ искренія его печаль о положеніи нашего народа, онъ раньше или позже отдастъ свои недюжинныя дарованія на служеніе не „національной волѣ къ жизни"... надъ бездной, но національной волѣ къ нормальной человѣческой жизни въ собственной странѣ.

Х. Житловскій.

Marx-Studien. Blätter für Theorie und Politik des wissenschaftlichen Socialismus. Herausgegeben von **Dr. Max Adler** und **Rudolf Hilferding.** 2 Band. **Die Nationalitätenfrage und Socialdemocratie.** Yon **Otto Bauer.** Wien 1907.

Книга, замѣтку о которой мы намѣрены предложить читателю, принадлежитъ перу извѣстнаго австрійскаго соціалъ-демократа. Авторъ пытается дать отвѣтъ на всѣ вопросы соціалистической теоріи и практики въ національномъ движеніи.

Книгу можно раздѣлить на 2 части: теоретическую, куда примыкаютъ отдѣлы; „Нація“, „Національное государство“, „Государство національностей“, и практическую, распадающуюся на слѣдующіе отдѣлы: „Національная автономія“, „Тенденціи развитія національной борьбы въ Австріи, „Программа и тактика австрійской соціалдемократіи“.

Авторъ разсматриваетъ существующія національныя теоріи, классифицируя ихъ слѣдующимъ образомъ 1) метафизическія: національный матеріализмъ и спиритуализмъ, 2) психологическія: психологически-интеллектуальная и психологически-волюнтарная, 3) эмпирическая теорія, ограничивающаяся перечисленіемъ признаковъ, присущихъ націи. Всѣмъ этимъ теоріямъ Bauer противопоставляетъ свою, основанную на матеріалистическомъ пониманіи исторіи теорію, разсматривающую націю, какъ „соціальный коллективъ, объединенный общностью характера, выросшей на почвѣ общности судьбы“ (S. 135).

По мнѣнію Bauer'a, всѣ теоріи, разсматривающія сущность и природу націи, имѣютъ передъ собой одинъ общій отправной пунктъ, подлежащій ихъ объясненію и изученію. Это-національный характеръ—„сумма, присущихъ данной націи, физическихъ и духовныхъ признаковъ, съ одной стороны, объединяющихъ воедино ея членовъ, съ другой—отличающихъ ихъ отъ членовъ другой національности“. (S. 110) Кто отрицаетъ наличность національнаго характера, для того, по категорическому заявленію автора, не существуетъ націи (S. 2). Не менѣе рѣзко авторъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ: „различіе національныхъ характеровъ—фактъ, отрицать который можетъ только то доктринерство, которое усматриваетъ всюду угодное себѣ и не видитъ вещей, очевидныхъ для всѣхъ“. (S. 127).

Національный спиритуализмъ ищетъ субстанцію національнаго характера въ національномъ духѣ. Исторія націи—саморазвитіе національнаго духа, всемірная исторія—борьба народныхъ душъ, питающихъ, благодаря своимъ особенностямъ, другъ къ другу то дружественныя, то враждебныя чувства (S. 121). Слабой стороной этой теоріи и является то, что она помѣщаетъ точку тамъ, гдѣ современная научная мысль ставитъ вопросительный знакъ. Та конечная причина, къ которой она аппелируетъ для пониманія національнаго вопроса, сама должна быть понята въ связи съ цѣлымъ рядомъ причинъ и слѣдствій. Она занимается обобщеніемъ тамъ, гдѣ нужно

объясненіе. Тотъ же самый національный духъ, который приводится въ качествѣ конечной причины для объясненія данныхъ конкретныхъ свойствъ народной души, самъ, въ свою очередь, выводится путемъ обобщенія изъ тѣхъ же самыхъ, подлежащихъ объясненію, свойствъ народной души.

Національный матеріализмъ считаетъ націю „своеобразной матеріальной субстанціей, обладающей таинственной силой сама изъ себя вырабатывать общность національнаго характера“ (S. 121). Исторія есть, съ этой точки зрѣнія, исторія борьбы и смѣшенія неизмѣнныхъ рассовыхъ субстанцій. Но вѣрно замѣчаетъ даже Schallmayer, сторонникъ рассовой теоріи, что „недостаточно констатировать различіе расъ, нужно попытаться его объяснить“, а въ такомъ случаѣ раса, какъ ultima ratio, теряетъ свою цѣнность. Некритическое, субстанціональное пониманіе причинности, вмѣсто функціональнаго, лежитъ въ основѣ этой теоріи. Цѣлый рядъ фактовъ историческаго прошлаго и современности указываетъ на ея недостаточность. Такъ, въ самой обостренной національной борьбѣ между чехами и нѣмцами нельзя усматривать борьбы расъ уже по одному тому, что въ теченіе вѣковъ главные участники національной борьбы—интеллегенція, мелкая буржуазія и рабочій классъ, вступали въ непрерывные смѣшанные браки, и это не повело ни къ уничтоженію одной изъ этихъ національностей, ни къ образованію третьей націи.

Психологическія теоріи, какъ интеллектуальная, такъ и волюнтарная, недостаточны и невѣрны (См. главы: „Національное сознаніе и чувство“ и „Національная политика“). Первая считаетъ „націю—группой людей, которые сознаютъ общность своего происхожденія и свое отличіе отъ другихъ націй“ (S. 140). Вторая принимаетъ за конститутивный признакъ націи „стремленіе къ совмѣстной самостоятельной политической жизни“.

Недостаточность этихъ теорій сказывается въ томъ, что онѣ не даютъ отвѣта на основной вопросъ: почему это сознаніе своей принадлежности къ данной націи или стремленіе къ автономной жизни должно быть именно у членовъ данной группы, гдѣ тѣ узы, которыя связываютъ именно этихъ людей въ одинъ общій союзъ и заставляютъ ихъ одинаково сознавать и хотѣть? Но помимо своей недостаточности, эти теоріи просто невѣрны. Національное сознаніе или стремленіе къ автономной національной жизни могутъ отсутствовать у цѣлой націи или у нѣкоторыхъ ея частей, но это не значитъ, что

она не образуетъ націи, или что члены ея не ведутъ національной жизни. Сознаніе своей принадлежности къ опредѣленной націи не можетъ существовать безотносительно къ другимъ національностямъ. А между тѣмъ, можно ли, скажемъ, сомнѣваться въ принадлежности къ нѣмецкой національности того типичнаго нѣмца, который говоритъ по нѣмецки, сталкивается исключительно съ нѣмцами и, не имѣя представленія объ отличіи своей національности отъ другой, не сознаетъ своего національнаго единства съ другими членами своей національности, т. е. не имѣетъ національнаго сознанія? Еще болѣе очевидно, что стремленіе къ самостоятельной политической жизни можетъ существовать у данной націи только при наличности политическаго гнета со стороны другой національности. Но ясно, что національности, которыя живутъ самостоятельной политической жизнью и не испытываютъ никакого національнаго гнета и у которыхъ, вслѣдствіе этого, отсутствуетъ стремленіе къ автономной жизни, не перестаютъ отъ этого быть націями. Наконецъ, различные слои одной и той же національности, дающіе на вопросъ о политической самостоятельности своего народа различный отвѣтъ, не перестаютъ быть частями одного цѣлаго.

Мы опускаемъ здѣсь критику теоріи „національныхъ признаковъ“, указаній на то, что ни языкъ, ни общность происхожденія, ни религія, ни единая „государственная кровля“, ни территорія—не могутъ считаться конститутивными признаками національности. Несостоятельность этой теоріи не разъ доказывалась въ русской литературѣ, въ изданіяхъ различныхъ партій, хотя и до сихъ поръ изъ этого не дѣлаютъ всѣхъ, обязательно вытекающихъ отсюда выводовъ.

Отвергнувъ, такимъ образомъ, всѣ эти теоріи, Bauer конструируетъ свою національную теорію. Человѣку приходится вести борьбу за существованіе не единичными усиліями, а въ тѣсномъ общеніи съ другими людьми. Уже самая первобытная соціальная группа, связанная только узами кровнаго родства, образуетъ націю, какъ естественную группу (Die Nationale Naturgemeinschaft). Естественная наслѣдственность и является въ данномъ случаѣ тѣмъ факторомъ, который сохраняетъ единство данной группы, которая въ тоже время подвергается процессу видоизмѣненія, благодаря естественному отбору наиболѣе приспособленныхъ. „Но связанные общимъ происхожденіемъ, члены данной націи только до тѣхъ поръ сохраняютъ свое національное единство, пока они находятся въ

самомъ тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ, пока они постоянными взаимными браками сохраняютъ общность крови". (S. 114) Но постепенно соціальная жизнь данной группы усложняется, ей приходится создавать свою культуру, устанавливать свои правовые институты, вырабатывать свои религіозныя представленія, нравственныя понятія и т. д., и все это на почвѣ совмѣстнаго соціальнаго творчества и непрерывнаго взаимодѣйствія. Такимъ образомъ создается новая сфера соціальной общности— культура. Наслѣдственная передача культурныхъ цѣнностей и становится постепенно тѣмъ доминирующимъ факторомъ, который формулируетъ національность. Авторъ ярко иллюстрируетъ это на примѣрѣ крушенія національной культуры и связаннаго съ нимъ видоизмѣненія физіономіи всей данной національной группы (Гл. Die Naturgemeinschaft und Kulturgemeinschaft). Эта общность культурныхъ переживаній и вырабатываетъ тотъ національный характеръ, который подлежитъ нашему объясненію. Но свойства національнаго характера не витаютъ гдѣ-то въ безвоздушномъ пространствѣ, они образуютъ неотъемлемые составные элементы каждой данной конкретной личности, каждаго члена націи. Національное—это историческое въ насъ. (Die Nation ist das Historische in uns) (S 122). Въ каждомъ индивидуумѣ — нація проявляется, какъ часть его индивидуальныхъ особенностей, какъ его національность (S 125). Но это далеко не значитъ, что всѣ члены націи похожи одинъ на другого; это значитъ, что опредѣленная сумма національныхъ переживаній составляетъ одинъ изъ составныхъ элементовъ, образующихъ характеръ каждаго изъ членовъ націи.

Основнымъ конститутивнымъ признакомъ, характеризующимъ соціальную природу націи, является общность (Gemeinschaft) исторической жизни членовъ націи, фактъ ихъ совмѣстнаго соціальнаго творчества. Общность судьбы далеко не значитъ просто однородность судьбы. Такъ, напр. Германія въ 19-мъ вѣкѣ продѣлала ту же капиталистическую эволюцію, что до нея Англія. Силы, вызванныя къ жизни этимъ процессомъ и существенно вліявшія на характеръ людей, были, слѣдовательно, однородны въ обѣихъ странахъ. Но отъ этого нѣмцы далеко еще не стали англичанами. Общность судьбы отличаетъ націи отъ всѣхъ другихъ соціальныхъ коллективностей, скажемъ, напр., класса, для котораго характернымъ признакомъ является однородность судьбы. Пролетаріи всего міра

безспорно обладаютъ сходными чертами характера. Но эта общность классоваго характера, въ отличіе отъ общности національнаго характера, является результатомъ не общности судьбы, а однородности судьбы. Одни и тѣ же классы у различныхъ націй могутъ имѣть сходную судьбу, разрѣшать одни и тѣ же вопросы, пользоваться для этого одинаковыми средствами, но они изживаютъ это не съ соотвѣтствующими классами другой націи, но въ тѣсномъ общеніи съ членами своей національности. „Національный моментъ“,—говоритъ далѣе Бауэръ,—является такимъ неотъемлемымъ признакомъ членовъ данной націи, что смѣшно въ національномъ союзѣ усматривать искусственно установленный союзъ, наоборотъ, это самое органическое явленіе. Нація образуется не въ силу внѣшняго регулированія, но логически, а не исторически, предшествуютъ всякому регулированію“.

Такимъ образомъ, Бауэръ приходитъ къ своему, приведенному нами выше, опредѣленію націи . Нація есть соціальный коллективъ, объединенный общностью характера, выросшей на почвѣ общности судьбы *).

Bauer связываетъ состояніе и развитіе національности съ уровнемъ и развитіемъ ея производительныхъ силъ. Онъ выдѣляетъ слѣдующіе періоды развитія національности: 1) Періодъ первобытнаго коммунизма и кочевого земледѣлія — нація, какъ родовой союзъ; 2) Переходъ къ осѣдлому земледѣлію и развитіе частной собственности, вызвавшее расчлененіе прежней націи на рядъ группъ съ культур-

*) Тов. Житловскій въ своей книгѣ „Соціализмъ и національный вопросъ“, (гл. II часть 3-я стр. 38—39), устанавливаетъ тѣ же характерныя для сущности націи признаки: 1) моментъ обособленности и самостоятельности; („Національность есть группа лицъ, которая въ продолженіи длиннаго ряда лѣтъ рѣшала всѣ культурныя задачи для себя). У Bauer'а этому соотвѣтствуетъ моментъ общности судебъ (Schicksalgemeinschaft)., который содержитъ и моментъ обособленности и самостоятельности; (данная группа сообща, отдѣльно отъ другихъ, изживала свою историческую судьбу); 2) моментъ психо-физической оригинальности („національность есть такая группа лицъ, которая въ продолженіи долгаго сожитія въ одной и той-же психологической средѣ взаимовліянія и подражанія выработала въ себѣ извѣстные оттѣнки мышленія, воли и чувства—оттѣнки, передаваемые по наслѣдству“) У Bauer'а этому соотвѣтствуетъ общность національнаго характера (Charaktergemeinschaft) и „національное есть историческое въ насъ“. Вообще, чрезвычайно интересно сопоставить обѣ эти книги. Намъ кажется, что, если изъ книги Bauer'а выдѣлить часть политическую и историческую, то въ области теоретической—между этими обоими авторами будетъ очень мало пунктовъ расхожденія.

ными верхними слоями съ одной стороны, и некультурными низами— съ другой—продуктъ распаденія родового союза; 3) развитіе капитализма, уничтожающее партикуляристическія тенденціи распавшихся группъ, но все еще не допускающее нижнихъ слоевъ къ національной культурѣ; 4) соціалистическое хозяйство, уничтожающее пропасть между богатыми и бѣдными и дѣлающее національную культуру достояніемъ всѣхъ.

Расширеніе сферы общенія, обмѣнъ культурными цѣнностями между различными національными группами, по мнѣнію Бауэра, не только не ведетъ къ уничтоженію національнаго характера, наоборотъ, расширяя область національныхъ переживаній, еще болѣе индивидуализируетъ его. Bauer объясняетъ это существованіемъ національной апперцепціи. И поэтому все, что ведетъ къ интернаціональному объединенію, всѣ демократическіе процессы, расширяющіе и обогащающіе содержаніе жизни данной національности, все больше націонализируетъ ее. Всякое новое соціальное пріобрѣтеніе, попадая въ уже заранѣе опредѣленную индивидуализированную среду, не можетъ образовать съ ней механическаго соединенія, а наоборотъ, должно органически съ ней сростись, этимъ самымъ индивидуализируясь само, и способствуя дальнѣйшей націонализаціи той среды, которая претворяетъ его въ себѣ. Фактъ національной апперцепціи ведетъ не къ уничтоженію національнаго характера, а къ его видоизмѣненію и развитію. Bauer отмѣчаетъ это не только для эпохъ, когда можно уже говорить о развитой національной культурѣ, но и для тѣхъ періодовъ, когда культура была достояніемъ лишь избранныхъ верхнихъ слоевъ народа. Такъ, въ главѣ „Die ritterliche kulturgemeinschaft im Zeitalter der Grundherrschaft“ онъ, по поводу нѣмецкой рыцарской культуры, которая въ значительной степени была заимствована изъ Франціи, замѣчаетъ: „такъ изъ французскихъ обычаевъ въ Германіи получилось нѣчто глубоко отличное отъ нихъ“ (S. 48).

Въ спеціальной главѣ „Die Verwirklchhung der nationalen Kulturgemeinschaft durch den socialisumus“ авторъ говоритъ о будущемъ строѣ въ связи съ историческими судьбами націи. По мнѣнію Бауэра, расцвѣтъ національныхъ культуръ долженъ имѣть мѣсто именно при соціалистическомъ строѣ, когда самые широкіе слои населенія будутъ привлечены къ участію вънаціональной культурѣ, когда эксплуатація человѣка человѣкомъ смѣнится исключительной эксплуатаціей внѣшней природы, чѣмъ будетъ созданъ необходимый для духовнаго творчества уровень благо-

состоянія общества и, наконецъ, когда общеніе между націями сильно возростетъ. Соціализмъ является такимъ образомъ лучшей предпосылкой для развитія національности. „Вовлеченіе всего народа въ кругъ національной жизни, достиженіе идеала полнаго національнаго самоопредѣленія, все увеличивающаяся духовная дифференціація націи—это означаетъ соціализмъ". (s. 108) И все это будетъ достигнуто „несмотря на уравненіе матеріальной культуры". Объединеніе всего культурнаго человѣчества въ цѣляхъ общаго господства надъ природой, и расчлененіе человѣчества на автономныя національныя общества, которыя пользуются благами своей національной культуры и сознательно заботятся о ея дальнѣйшемъ развитіи, составляетъ конечную національную задачу интернаціональной соціалдемократіи. (s. 533)

Въ спеціальныхъ главахъ „Критика національныхъ цѣнностей" и „Національная политика" Bauer выясняетъ, какую позицію долженъ занять пролетаріатъ по отношенію къ тѣмъ національнымъ цѣнностямъ, которыя теперь ему преподносятся буржуазными партіями, и какова его роль въ національной политикѣ. Онъ проводитъ рѣзкое различіе между національно-эволюціонной политикой пролетаріата и той національно-консервативной политикой, которую преслѣдуютъ господствующіе классы, отстаивающіе сохраненье тѣхъ или другихъ національныхъ устоевъ только потому, что они національны, хотя, какъ продуктъ ихъ классоваго творчества, носятъ ихъ классовый характеръ и способствуютъ укрѣпленію ихъ классовыхъ позицій. Своей демократической, культурной и, главное, экономической борьбой пролетаріатъ открываетъ доступъ всѣмъ слоямъ націи къ культурѣ, которая, несмотря на большія позаимствованія культурныхъ цѣнностей другихъ націй, въ силу существованія національной апперцепціи, пріобрѣтаетъ національный характеръ. Bauer яркими чертами описываетъ всѣ противорѣчія національной политики буржуазныхъ партій, которая по истинному своему содержанію глубоко анаціональна.

Въ отдѣлѣ „Національное государство" авторъ выясняетъ исторію развитія идеи національнаго государства и лозунговъ: „Каждая нація образуетъ государство"; „Вся нація—единое государство".

Мы не будемъ останавливаться на главахъ, спеціально посвященныхъ историческому развитію Австріи, пробужденью національнаго сознанія и обостренью національной борьбы у такъ называемыхъ

неисторическихъ націй Австріи. Аналогичныя явленья мы можемъ отмѣтить въ достаточномъ числѣ въ жизни отдѣльныхъ національностей, населяющихъ Россію, гдѣ происходитъ теперь переоцѣнка національныхъ цѣнностей. Нужно отмѣтить, что Бауэръ придаетъ большое значенье развивающимся въ Россіи національнымъ движеньямъ. Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ заявляетъ: „Въ Австріи и Россіи національный вопросъ—сложнѣйшая проблема внутренняго управленья". Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „для кого остались мало убѣдительными факты изъ жизни австрійскихъ націй для сужденья по вопросу объ историческихъ судьбахъ неисторическихъ націй (Geschichtslose Nationen—кличка,данная мелкимъ народностямъ Австріи Энгельсомъ) въ Австріи, можетъ служить наглядымъ урокомъ то участье, которое приняли неисторическія націи, какъ Латыши, Эстонцы, Малороссы, въ русской революціи (S. 272). Мелкія народности Австріи, которыя при революціи 48-го года были на сторонѣ реакціи, хотя всѣ соціальные интересы побуждали ихъ стать на сторону революціи, толкались на этотъ опасный путь тѣмъ обстоятельствомъ, что стремившіеся къ національной самостоятельности нѣмцы, итальянцы, поляки и мадъяры думали только о своихъ интересахъ, игнорируя интересы болѣе мелкихъ угнетенныхъ національностей, а тѣ подъ угрозой національнаго раздробленья должны были искать опору въ далеко не расположенной къ нимъ реакціи. Къ этимъ словамъ Бауэра мы можемъ прибавить, что еслибы въ общемъ освободительномъ движеніи защита правъ этихъ національныхъ меньшинствъ занимала соотвѣтствующее мѣсто, ихъ активное участіе въ революціи было бы обезпечено. Ихъ сепаратизмъ былъ обусловленъ отнюдь не обостреньемъ, а лишь игнорированьемъ ихъ національныхъ интересовъ. Этотъ фактъ могъ бы кое-чему научить тѣхъ, кто, страшась сепаратизма, обостренія національныхъ конфликтовъ, занимается систематическимъ игнорированіемъ нац. нуждъ и интересовъ угнетенныхъ національностей.

Въ главѣ „Современный капитализмъ и національная вражда" авторъ путемъ подробнаго изученья экономическаго положенья всѣхъ народностей Австріи доказываетъ, что въ основѣ національной борьбы въ Австріи лежитъ та экономическая эксплуатація, которой подвергаются менѣе развитыя національности ихъ болѣе развитыми конкуррентами; націи съ болѣе высокимъ органическимъ строеньемъ капитала эксплуатируютъ націи съ болѣе низкимъ его строеніемъ.

Уровень національнаго развитія даннаго народа соотвѣтствуетъ уровню его экономическаго развитія.

Такъ у Чеховъ въ 1900 г. было 43,1% лицъ зан. сел. хоз. и лѣсов.
„ „ Словен. „ „ „ 75,4 „ „ „ „ „
„Сербо-кроат. „ „ „ 86,9 „ „ „ „ „
„ „ Румынъ „ „ „ 90,3 „ „ „ „ „
„ „ Руссинъ„ „ „ 93,3 „ „ „ „ „

Бауэръ полагаетъ, „что противорѣчія австрійскихъ національностей не есть слѣдствіе дурныхъ законовъ, плохого государственнаго строя: они имѣютъ свои конечные корни въ тѣхъ большихъ экономическихъ и соціальныхъ измѣненіяхъ, которыя вывели неисторическія націи на историческую арену, обусловили вѣчное національное передвиженіе и усилили національную вражду“ (S. 275). Но то громадное политическое вліяніе, которое пріобрѣла національная борьба въ современной Австріи, обусловливается тѣмъ правовымъ строемъ, при господствѣ котораго націи всюду, во всѣхъ сферахъ культурно-политической жизни, противостоятъ другъ другу и такимъ образомъ вынуждены бываютъ отстаивать свои національные интересы путемъ борьбы за политическую власть. Бауэръ поэтому приходитъ къ слѣдующему выводу относительно національныхъ требованій пролетаріата: „Пролетаріатъ долженъ стремиться къ такому строю, который далъ бы каждой націи возможность развивать свою культуру, вынуждая ее добиваться этой возможности въ борьбѣ за государственную власть и не усиливая одну національность путемъ господства большинства надъ меньшинствомъ (S. 318—319).

Въ общемъ, въ своей практической части авторъ передаетъ взгляды Springer'a, подкрѣпляя ихъ новыми фактами, но всецѣло примыкая къ предлагаемому послѣднимъ практическому рѣшенію. Въ своей критикѣ Брюннской резолюціи авторъ вполнѣ вѣрно указываетъ на то, что она мало вскрываетъ соціальные корни національнаго вопроса, но въ общемъ примыкая къ ея практическимъ выводамъ, вноситъ слѣдующую поправку въ 4-й пунктъ требованій. Вмѣсто формулировки брюннской резолюціи: „Права національныхъ меньшинствъ будутъ охранены спеціально изданнымъ государственнымъ парламентомъ закономъ“ здѣсь отсутствуетъ признаніе внутренней организаціи этихъ меньшинствъ—Bauer предлагаетъ слѣдующую формулу: Національныя меньшинства внутри каждой самоуправляющейся области образуютъ

публично правовыя единицы, которыя автономно заботятся о школьномъ дѣлѣ и оказываютъ помощь членамъ своей національности въ сношеніяхъ съ судомъ и администраціей.*)

Рѣзкій диссонансъ со всей книгой образуетъ глава „О нац. автономіи евреевъ?“. Эта небольшая глава какъ будто спеціально написана для того, чтобы обратить въ ничто всѣ основные принципы, развиваемые авторомъ на протяженіи сотенъ страницъ своей книги. Думаемъ, что самый ярый противникъ Бауэра, который пожелалъ бы самымъ злымъ образомъ насмѣхаться надъ его взглядами, не могъ бы придумать для этого ничего лучшаго, какъ включить въ его книгу эту злополучную главу.

Въ началѣ главы „Національная автономія евреевъ?“—уже этотъ вопросительный знакъ автора наводитъ на грустныя мысли.— Bauer говоритъ: „мы потому должны этому вопросу удѣлить мѣсто, что наша нац. теорія и развиваемый нами принципъ національной автономіи могутъ послужить для „сепаратистовъ“ орудіемъ въ ихъ борьбѣ противъ партіи“ (S. 366). И желая вырвать это орудіе борьбы изъ рукъ „сепаратистовъ“, онъ вынужденъ перемѣнить знаки

*) Мы должны отмѣтить у Бауэра недостаточно вдумчивое отношеніе къ вопросу о функціяхъ національной автономіи, о кругѣ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію соотвѣтствующихъ органовъ національнаго самоуправленія. Какъ. здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ своей книги онъ ограничиваетъ кругъ ихъ вѣдѣнія только вопросами національной культуры и осуществленьемъ права пользованія роднымъ языкомъ въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, путемъ соотвѣтствующей организаціи органами самоуправленія юридической помощи. Но въ одномъ мѣстѣ онъ заявляетъ: „единный kreis становится двойнымъ, лишь только національное меньшинство въ состояніи собственными силами заботиться не только о народной школѣ и юридической помощи, но можетъ само содержать, по крайней мѣрѣ, одно средн[illegible] учебное заведеніе и нужныя благотворительныя учрежденія, кк. напр. сиротскія дома и т. п.“ (S. 360). А вѣдь подчеркнутая нами функція безусловно выходитъ за кругъ національно-культурныхъ дѣлъ и организаціи юридической помощи. То же недостаточно вдумчивое отношеніе къ разсматриваемому вопросу мы замѣчаемъ у родоначальника теоріи національной автономіи Springer'a. Послѣдній, всюду говоря о національ.-культурной автономіи, въ одномъ мѣстѣ своей извѣстной книги: „Der Kampf Der Oesterreichischen Nationen in den Staat“ предлагаетъ и регулированье внутренней эмиграціи—задачу далеко выходящую за предѣлы національно-культурныхъ нуждъ—передать въ вѣдѣніе органовъ національной автономіи. Болѣе правильной намъ кажется точка зрѣнія, изложенная въ передовой статьѣ Arbeiter-Zeitung (см. переводъ въ Фолксштимме № 13), по которой кругъ вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію національной автономіи, опредѣляется самой націей.

у всѣхъ выставленныхъ имъ раньше положеній и такимъ образомъ окончательно вырываетъ почву изъ подъ своихъ собственныхъ ногъ. Если прежде, разсматривая „элементарную“ теорію національности, авторъ, говоря объ одномъ изъ выставляемыхъ ею національныхъ признаковъ—„общее мѣстожительство“, замѣчаетъ, что „въ нашъ вѣкъ пара, телеграфа, желѣзныхъ дорогъ и паровыхъ машинъ, оно имѣетъ все убывающее значеніе въ качествѣ образующаго національность фактора“ (S. 133), то по отношенію къ евреямъ онъ замѣчаетъ: „вѣрно, что евреи потому не могутъ сохранить свою національность, что они не имѣютъ своей области поселенія“. (S. 376). Если въ главѣ „Территоріальный принципъ“ онъ борется противъ возведенія этого принципа въ основу національной политики, если онъ выставляетъ требованіе, чтобы „національныя меньшинства въ самоуправляющихся областяхъ образовали публично-правовые союзы, которые бы автономно заботились о школьномъ дѣлѣ“ и т. д., если, вообще, принципъ персональной, внѣ-территоріальной нац. автономіи онъ выдвигаетъ, какъ основное требованіе всего австрійскаго пролетаріата въ національной политикѣ,—то на вопросъ: „долженъ ли еврейскій пролетаріатъ добиваться національной автономіи для своего народа?“,—онъ категорически отвѣчаетъ: „Національ. автономія не можетъ быть требованіемъ еврейскаго рабочаго“ „(S. 378—379). Если нѣмецкій рабочій, будучи заинтересованъ въ благопріятныхъ условіяхъ труда чешскаго пролетаріата, долженъ добиваться для него національ. автономіи, то, исходя изъ тѣхъ же принциповъ интернаціональной солидарности, онъ долженъ отказать въ этомъ еврейскому пролетаріату“ (S. 380). „Если эволюціонно-національная политика требуетъ только измѣненія національ. культуры, то отъ евреевъ она требуетъ отреченія отъ нея“ (S 380). И все это отреченіе требуется отъ еврейскаго рабочаго для того, чтобы онъ могъ найти доступъ въ ряды „дѣйствительно современнаго пролетаріата“. Оказывается, что такимъ препятствіемъ служитъ не только языкъ еврея, а вся его сущность (S. 378). „Во многихъ производствахъ и по сей день христіанскіе рабочіе не терпятъ своихъ еврйскихъ товарищей; это отвращеніе проистекаетъ не изъ политическаго антисемитизма, но изъ наивнаго инстинкта по отношенію къ чуждымъ неассимилированнымъ евреямъ“ (S. 378). Какое же отсюда Бауэръ выводитъ правило поведенія для еврейскаго пролетаріата?. Вы, конечно, ожидаете, что Bauer, преисполненный глубочайшаго не-

годованія и возмущенія противъ этихъ проявленій дикости и варварства со стороны пролетаріата—этого борца за правду и справедливость,—будетъ доказывать еврейскимъ рабочимъ всю необходимость самой рѣшительной, самой ожесточенной борьбы за свое національное и человѣческое достоинство? Вы этого ожидаете потому, что, не говоря уже о соціалистѣ, но просто у человѣка съ мало-мальски развитымъ сознаніемъ человѣческаго достоинства приведенные Бауэромъ факты не могутъ не вызывать чувства самаго глубокаго протеста. Совершенно независимо отъ вопроса о цѣнности еврейской національности, о важности ея сохраненія и т. д., сами по себѣ указанные факты не могутъ не толкать еврейскаго рабочаго именно въ сторону отстаиванія своего національнаго существованія, если только не предполагать, что еврейскій рабочій окончательно потерялъ образъ и подобіе человѣка и способенъ рабски благоговѣйно отрѣшиться отъ самого себя, отъ своей внутренней сущности въ угоду чужому своеволію и дикому насилію, словомъ, если только не предполагать, что евр. рабочій дѣйствительно заслуживаетъ не инстинктивнаго, а прямо-таки сознательнаго отвращенія. Какъ велико должно теперь быть ваше изумленіе и, конечно, негодованіе, когда въ отвѣтъ на поставленный выше вопросъ о правилѣ поведенія еврейскаго пролетаріата въ виду инстиктивнаго отвращенія къ нему христіанскихъ рабочихъ, вы отъ Бауэра слышите проповѣдь ассимиляціи, самоотреченія и, слѣдовательно, рабскаго преклоненія передъ проявленьемъ дикости и варварства. Стоя всюду на стражѣ человѣческаго и національнаго достоинства, Бауэръ совершенно забываетъ объ этихъ элементарныхъ принципахъ, когда рѣчь заходитъ о еврейской національности. Ея удѣломъ должно быть не отстаиванье своихъ неотъемлемыхъ правъ, а гнусное потворство дикому своеволію того, кто въ той или иной сферѣ является „хозяиномъ положенья“. Своеобразное отношеніе Бауэра къ еврейской національности сказываетя также въ его разсужденіи о еврейской культурѣ. Еврейская культура, которая будетъ преподноситься еврейскимъ дѣтямъ въ еврейскихъ школахъ—это историческій хламъ лишенной прошлаго націи, и это утвержденье свое онъ отстаиваетъ, несмотря на то, что самъ вынужденъ признать не скоропреходящими, но имѣющими глубокіе корни въ еврейской дѣйствительности, современныя національныя движенія среди евреевъ, проникшія во всѣ стороны еврейской жизни и создавшія новыя культурныя цѣнности во всѣхъ ея сферахъ. Если вы спросите,

почему эти новыя культурныя цѣнности не сумѣютъ стать достояніемъ еврейскихъ народныхъ школъ, почему вообще еврейская народная школа не сумѣетъ впитывать въ себя общечеловѣческія культурныя цѣнности, то напрасно вы бы искали у Бауэра отвѣта на этотъ вопросъ. Вѣдь еврейская пѣсенка у него заранѣе спѣта. Какъ культурная группа, еврейская нація скоро сойдетъ на нѣтъ и дальнѣйшая судьба ея вручается смѣшаннымъ бракамъ.

Трудно въ краткой замѣткѣ перечислить всѣ разбросанные въ этой главѣ перлы. Она свидѣтельствуетъ, что авторъ, хотя уже не можетъ умолчать о новыхъ теченьяхъ въ еврействѣ, тѣмъ не менѣе рѣшилъ путемъ словесныхъ заклинаній бороться противъ того зловреднаго духа, который вѣетъ отъ этихъ теченій. Характерно то, что эта книга появилась именно въ этомъ году, когда австрійское еврейство при выборахъ въ Рейсратъ такъ громогласно заявило всему міру, что оно готово самымъ рѣшительнымъ образомъ отстаивать свои національныя права и съ негодованьемъ отвергаетъ всякую проповѣдь самоотреченья и ассимиляціи. Въ пользу Бауэра можно сказать только то, что онъ не взялъ на себя смѣлости разрѣшать еврейскій вопросъ на всемъ земномъ шарѣ, а ограничилъ свою задачу предѣлами Австріи. И то хорошо!

Изъ остальныхъ главъ мы отмѣтимъ „Національный вопросъ въ профессіональныхъ союзахъ“, гдѣ авторъ, вполнѣ вѣрно замѣчая, что организація профессіональныхъ союзовъ подчинена другимъ законамъ, чѣмъ организація государства и партій,—требуетъ осуществленья въ нихъ національной автономіи, учрежденія національно-культурныхъ секцій и предлагаетъ свой планъ организаціи *).

Подводя итоги, мы можемъ сказать, что книга Bauer'a имѣетъ огромное симптоматическое значеніе. Авторъ, всюду настоятельно подчеркивая свое матеріалистическое пониманіе исторіи, преподноситъ намъ истины, діаметрально противоположныя тѣмъ, которыя до сихъ поръ утверждались по нац. вопросу сторонниками этого ученья. Мы глубоко убѣждены, что такое же правильное пониманіе установится въ концѣ концовъ и по отношенію къ національной проблемѣ еврейскаго пролетаріата, который до сихъ поръ даже въ пролетарской семьѣ отмѣченъ печатью исключенья. Распространеніе

*) Смотри подробно объ этомъ въ ст. „Нац. вопросъ и профессіональное движеніе въ Австріи“ Аркадія Неми, напечатанную въ этомъ сборникѣ.

взглядовъ этого автора среди русскихъ соціалистическихъ, особенно соціалдемократическихъ круговъ, которые до сихъ поръ въ теоріи нац. вопроса сохранили прежнюю невинность, сдѣлавъ лишь нѣсколько отступленій отъ своихъ взглядовъ на практикѣ—мы считали бы очень цѣннымъ, а потому возможно скорый переводъ этой книги на русскій языкъ мы бы только привѣтствовали.

М. Самуиловъ.

Статистическія упражненія г. Я Лещинскаго.

Критическія замѣтки.

(по поводу книги **Якова Лещинскаго: Der jüdischer Arbeiter in Russland).**

При бѣдности еврейской экономической литературы, трактующей спеціально о проблемахъ еврейской народно-хозяйственной жизни, эта книга представляетъ собой несомнѣнный интересъ и для еврейскаго читателя, и для критики. Она заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго разбора, чѣмъ это возможно въ рамкахъ „замѣтокъ". Практическія соображенія, однако, заставляютъ насъ отложить на нѣкоторое время такой обстоятельный разборъ и прибѣгнуть именно къ замѣткамъ. При этомъ мы намѣчаемъ себѣ для разбора только нѣкоторые отдѣльные пункты, главнымъ образомъ, статистическіе пріемы г. Лещинскаго.

Книга г. Лещинскаго претендуетъ на научное обоснованіе извѣстной теоріи С.-С.; здѣсь мы имѣемъ нѣчто вродѣ экономической библіи с.-с.-вской идеологіи. Въ общихъ чертахъ эта послѣдняя сводится къ слѣдующей схемѣ. Констатируются извѣстные факты: техническая и экономическая отсталость еврейскаго пролетаріата, его сосредоточенность въ „вымирающемъ" ремеслѣ и мануфактурѣ, на общемъ фонѣ крупно-капиталистической машинной индустріи, въ которой заняты исключительно не-еврейскіе рабочіе, слабость его экономическихъ и политическихъ позицій, крайне медленный процессъ пролетаризаціи еврейскихъ народныхъ массъ при колоссальномъ ихъ обни-

щаній. Эти факты путемъ абстрагированія отъ ихъ конкретнаго содержанія и при помощи дедукціи возводятся въ рангъ законовъ, регулирующихъ экономическую жизнь еврейскихъ массъ съ той „желѣзной“ необходимостью, какую марксисты приписываютъ законамъ развитія капиталистическаго общества. На этомъ основаніи доказываютъ и обосновываютъ тенденцію вытѣсненія еврейскаго пролетаріата изъ болѣе надежныхъ экономическихъ позицій въ отживающія формы общественнаго процесса производства. Эта тенденція, сохранять свою силу на всемъ протяженіи историческаго развитія капиталистическаго общества, принимаетъ, чѣмъ дальше, все болѣе и болѣе острый характеръ и грозитъ еврейскому пролетаріату въ діаспорѣ неминуемымъ вырожденіемъ.

Такой прогнозъ, однако, не внушаетъ этимъ теоретикамъ отчаяніе, но, какъ это ни странно, вдохновляетъ ихъ на путь территоріалистическихъ исканій. Здѣсь они видятъ оправданіе территоріализма, прочный залогъ его объективной необходимости.

Предоставимъ автору и его единомышленникамъ вѣрить въ спасительность логики „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“ и посмотримъ, какъ онъ доказываетъ свои положенія.

Авторъ дѣлитъ свою книгу на 2 части. Въ первой, бо́льшей и подробно разработанной, онъ цѣлымъ рядомъ статистическихъ данныхъ... право затрудняемся опредѣлить, доказываетъ-ли или же иллюстрируетъ свои положенія. Самъ авторъ о роли статистическаго метода въ своемъ изслѣдованіи ничего не говоритъ. Во второй части онъ пытается обосновать эти положенія методомъ дедукціи. Здѣсь онъ хочетъ освѣтить 2 центральныхъ проблемы: 1) Почему на не еврейскихъ предпріятіяхъ почти отсутствуютъ и всегда будутъ отсутствовать еврейскіе рабочіе. 2) Почему еврейскій индустріализирующійся капиталъ стремится освободиться отъ еврейской рабочей силы?

Трудно сказать, гдѣ авторъ видитъ центръ тяжести своего изслѣдованія: въ статистикѣ или дедукціи. Одно несомнѣнно: первая занимаетъ очень важное мѣсто въ его системѣ. Языкъ цыфръ, „безстрастный“ и „неумолимый“, видимо очень импонируетъ автору. Это видно и по той удивительной старательности, съ которой онъ кстати и не кстати собираетъ и нанизываетъ свои цыфры, и по тѣмъ комментаріямъ, пространнымъ и обобщающимъ, которыми онъ ихъ сопровождаетъ. Въ „Чертѣ“, особенно на „рабочей биржѣ“, очень богатой схоластикой и всякаго рода безплодными теоретическими

мудрствованіями и наивной до примитовности на счетъ всего того, что соприкасается съ точными методами опытнаго изслѣдованія, такое изобиліе „фаршированной статистики“ способно произвести большое впечатлѣніе. Самъ авторъ подпалъ подъ обаяніе этого невиданнаго на еврейской улицѣ зрѣлища и сдѣлался его первой жертвой. Тѣмъ настоятельнѣе чувствуется необходимость разсмотрѣть, хотя бы и въ общихъ чертахъ, именно эту часть изслѣдованія г-на Лещинскаго, чтобы разсѣять густой туманъ, навѣянный въ умахъ многихъ еврейскихъ читателей этой густой колоннадой цыфръ и пробудить интересъ къ свободному, непредубѣжденному изученію одной изъ важнѣйшихъ проблемъ нашей общественности.

Что характерно для г. Лещинскаго, это 1) отсутствіе всякаго критическаго отношенія къ статистическому „сырью“ и „полуфабрикатамъ“, которыми онъ пользуется, 2) совершенное неумѣніе пользоваться готовыми статистическими матеріалами. Ниже намъ придется иллюстрировать эти положенія на отдѣльныхъ примѣрахъ. Сейчасъ мы укажемъ на то обстоятельство, что въ книгѣ, оперирующей полусотней, если не больше, таблицъ и большимъ количествомъ источниковъ, читатель не найдетъ ни одного указанія на то, по какому методу собраны эти матеріалы, какую они имѣютъ научную цѣнность, какой степенью достовѣрности они обладаютъ, каковы колебанія приводимыхъ имъ данныхъ въ ту или другую сторону, для какихъ цѣлей они пригодны и т. д. Свалены въ одну кучу оффиціальныя изданія Департамента Торговли и Мануфактуръ, обработка таковыхъ у Петлина, данныя корреспондентовъ I.C.A. данныя Маслова, Короленки и т. д. Авторъ доходитъ даже до того, что сравниваетъ несравнимое: оффиціальные матеріалы Министерства Финансовъ и данныя I.C.A, и все это безъ малѣйшей оговорки, точно это самое обыкновенное дѣло. Онъ просто принимаетъ на вѣру всякую цыфру, лишь бы она служила поставленной имъ себѣ цѣли. Сказаннаго достаточно, чтобы понять источникъ тѣхъ его ошибокъ, несуразностей и непростительныхъ промаховъ, съ которыми намъ придется встрѣчаться дальше. Для характеристики пріемовъ г. Лещинскаго нѣтъ необходимости въ критической провѣркѣ всѣхъ его статистическихъ выкладокъ по всѣмъ вопросамъ, затронутымъ имъ. Въ этомъ отношеніи г. Лещинскій послѣдователенъ, вѣренъ себѣ, и съ

постоянствомъ, достойнымъ лучшей участи, повторяетъ одинъ и тотъ же кругъ ошибокъ. Любой вопросъ въ освѣщеніи г. Лещинскаго сразу рисуетъ его во весь ростъ.

Возьмемъ одинъ изъ тезисовъ г. Лещинскаго, играющій въ его системѣ очень видную роль.

Г. Лещинскій хочетъ показать, что „внутреннія губерніи“ стоятъ и теперь уже въ сравненіи съ „Чертой“ на болѣе высокой ступени развитія въ ремеслѣ, торговлѣ и промышленности.

Это ему необходимо для того, чтобы разсѣять „иллюзіи о будущей Аркадіи (для евревъ, Н. Іонинъ) въ центральныхъ губерніяхъ.“ „На центральныя русскія губерніи,—говоритъ онъ въ предисловіи къ своей книгѣ,—давно уже возлагаютъ свои надежды наши мѣщане всѣхъ классовъ, а также и писатели различныхъ лагерей. Эту иллюзію мы сочли полезнымъ разсѣять“.

Въ противовѣсъ этому г. Лещинскій хочетъ показать, что „и торговля, и индустрія въ центральныхъ губерніяхъ болѣе высокаго типа, чѣмъ въ «Чертѣ»“; и отсюда уже умозаключаетъ о „невозможности проникновенія туда (въ центральныя губ. Н. І.) чужого (читай еврейскаго Н. І.) труда“, о „невозможности эмиграціи во внутреннія губерніи“. Судя по тому, что онъ доказательству этого тезиса удѣляетъ много „краснорѣчивыхъ“ страницъ и таблицъ, что онъ, пользуясь всякимъ поводомъ, подчеркиваетъ его въ книгѣ много разъ, нужно полагать, что этотъ тезисъ для него особенно важенъ. Это и подчеркнула „критика“ *) изъ лагеря „своихъ“. Она умудрилась найти здѣсь „новые моменты, имѣющіе весьма существенное значеніе“, называетъ соотвѣтствующія страницы и статистическія сводки „положительно блестящими“.

Мы совершенно не согласны съ тѣмъ, что тезисъ объ экономическомъ превосходствѣ 32-хъ внутреннихъ губ. надъ „Чертой“, еслибы даже удалось его доказать, въ дѣйствительности укрѣпляетъ теоретическія позиціи г. Лещинскаго и его единомышленниковъ. Но объ этомъ мы подробно поговоримъ въ другой разъ, а пока будемъ исходить изъ точки зрѣнія г. Лещинскаго насчетъ важности теоретическаго значенія этого тезиса для отстаиваемой имъ теоріи, и посмотримъ, какъ онъ его статистически обосновываетъ.

Сама по себѣ, такая задача, какъ сопоставленіе 32-хъ внутрен-

*) См. апологію г. С. Гепштейна въ „Еврейской Жизни“ 1907, 2. страницы 146, 159.

нихъ губерній и „Черты“, по меньшей мѣрѣ, странна. И уже во всякомъ случаѣ, такое сопоставленіе должно быть сдѣлано съ большой осторожностью и большимъ умѣніемъ. Вѣдь и то, и другое, т. е. „Черта“ и 32 внутреннихъ губерніи не представляютъ собой ни однороднаго экономическаго цѣлаго, ни замкнутой экономической и политической системы. И здѣсь, и тамъ имѣются различные районы, болѣе или менѣе однородные внутри своихъ границъ, но рѣзко отличающіеся другъ отъ друга по своимъ технико-промышленнымъ, профессіонально-бытовымъ условіямъ. Въ существующей промышленной статистикѣ, главнымъ образомъ оффиціальной, приняты разные методы классификаціи въ общемъ болѣе или менѣе сходные между собой. И всѣ они кореннымъ образомъ отличаются отъ метода г. Лещинскаго.

Они исходятъ изъ сходства или различія разныхъ мѣстностей обширной и многообразной Россіи въ промышленномъ развитіи и стараются выдѣлить въ одно цѣлое области, представляющія собой по своимъ экономическимъ, исторически-бытовымъ и др. условіямъ одинъ общій, однородный типъ. Словомъ, въ основу классификаціи здѣсь кладутся опредѣленные моменты, характеризующіе въ томъ или другомъ отношеніи данныя мѣстности, какъ таковыя. Г-нъ же Лещинскій приступаетъ къ классификаціи съ чрезвычайно-оригинальнымъ критеріемъ:—съ „узакоеніями о евреяхъ“, какъ будто этотъ совершенно чуждый, чисто-внѣшній критерій можетъ въ какомъ-либо отношеніи характеризовать внутреннее положеніе разсматриваемыхъ мѣстностей

Такимъ образомъ то, что у г. Лещинскаго объединяется подъ одной рубрикой „Черта“,обычно дѣлится на Сѣверо-Западный,Юго-Западный и Южный районы (послѣдній часто на Малороссійскій и Новороссійскій), а „внутреннія губерніи“ опять-таки распадаются на Сѣверный Уралъ, Юго-восточный, Среднепромышленный и т. д. районы *). Вполнѣ естественно сопоставить, напр., Южный районъ, съ рѣзко-выраженнымъ крупно-капиталистическимъ характеромъ своей горнозаводской промышленности, съ Ураломъ, старымъ центромъ горнаго дѣла въ Россіи и т. д. Дѣлить же Россію однимъ взмахомъ на 2 половины, по принципу бюрократической практики въ еврейскомъ вопросѣ, безъ дальнѣйшихъ расчлененій этихъ 2-хъ крупныхъ моза-

*) Объ этомъ подробно у А. В. Погожева „Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи“ Спб. 1906 г. стр. 36—39.

ичныхъ группъ на составныя части, безъ соотвѣтствующихъ поправокъ, болѣе, чѣмъ „простовато“.

Но согласимся на минуту съ г. Лещинскимъ и пойдемъ по этому пути. Задача, предпринятая г. Лещинскимъ, очевидно не легкая, и для ея удачнаго выполненія ему потребовался цѣлый рядъ очень оригинальныхъ пріемовъ.

Онъ исключаетъ изъ поля своего разсмотрѣнія Польшу. *) Молча условившись раньше сопоставить 2 половины Россіи по принципу еврейской осѣдлости, онъ вдругъ измѣняетъ себѣ и исключаетъ изъ одной половины, именно еврейской, область съ наиболѣе давнимъ населеніемъ евреевъ. Чѣмъ же г. Лещинскій объясняетъ такой поворотъ? Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ объ этомъ вопросѣ говоритъ слѣдующее: „Почему мы выдѣлили Польшу? По нашему мнѣнію, положеніе еврейскихъ рабочихъ въ Польшѣ нуждается въ особомъ изслѣдованіи по слѣдующимъ причинамъ: а) исторически это положеніе въ извѣстной мѣрѣ отлично отъ положенія еврейскихъ рабочихъ въ Литвѣ и Украйнѣ, и особенно въ Новороссіи, b) своеобразное развитіе Польши, и понынѣ еще не утратившее своего особаго характера, наложило свою печать также и на судьбы мѣстныхъ еврейскихъ рабочихъ“. Это звучитъ хотя очень ученно, но тѣмъ не менѣе, въ данномъ именно случаѣ,—малодоказательно и крайне неубѣдительно. Что положеніе еврейскаго труда въ Польшѣ, какъ между прочимъ, и на Литвѣ, Украйнѣ или Новороссіи, можетъ быть съ пользой для дѣла подвергнуто спеціальному изслѣдованію, этого никто, конечно, отрицать не станетъ. Но какое это имѣетъ отношеніе сюда, гдѣ рѣчь идетъ не объ удобствахъ изученія области поселенія евреевъ въ Россіи (съ точки зрѣнія положенія еврейскаго труда) по отдѣльнымъ районамъ, отличающимся своими исторически-бытовыми и технико-промышленными особенностями, а о сравненіи 2-хъ величинъ: еврейской и не-еврейской Россіи, если можно такъ выразиться! Здѣсь, въ данномъ случаѣ, какъ уже указано выше, за основу дѣленія принятъ исключительно принципъ еврейской осѣдлости, и ничего больше. Такимъ образомъ, „аргументація“ г. Лещинскаго въ пользу исключенія Польши изъ области „еврейской“ Россіи

*) Г. Лещинскій исключилъ также Прибалтійскій край и Кавказъ (А Сибирь?) Мы совершенно не согласны съ его аргументаціей. Не останавливаемся на этомъ потому, что отъ такого исключенія положеніе не измѣнилось значительно.

является совершенно необоснованною, чисто голословной. Поневолѣ закрадывается сомнѣніе въ научной искренности его шага. Въ самомъ дѣлѣ, Польша—эта одинъ изъ богатѣйшихъ, наиболѣе развитыхъ промышленныхъ районовъ Россіи, занимающій тамъ 3-ье мѣсто (послѣ Московскаго и Петербургскаго районовъ) въ іерархической скалѣ капиталистическаго развитія. Въ зависимости отъ включенія или невключенія Польши въ такъ называемый „еврейскій районъ" должна значительно измѣниться вся картина экономическаго положенія этого района. Понятно, что автору выгодно именно послѣднее, (т. е. невключеніе) въ виду общаго пессимистическаго тона его изслѣдованія и болѣе чѣмъ мрачныхъ выводовъ его, въ извѣстномъ смыслѣ, заранѣе имъ предрѣшенныхъ. Подозрѣніе это естественно усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что такое расчлененіе области еврейскаго населенія, имѣющее свое оправданіе въ различіи судебъ еврейскаго труда въ различныхъ районахъ, совершенно не соотвѣтствуетъ общему духу ученія автора и его единомышленниковъ (сіонистовъ-соціалистовъ), подчеркивающихъ именно общность этихъ судебъ не только въ различныхъ районахъ Россіи, но и въ разныхъ частяхъ свѣта, въ далекомъ Лондонѣ и за океаномъ. Вѣдь они-то именно, выдвигая свое положеніе о вытѣсненіи или оттѣсненіи еврейскаго труда на худшія позиціи, въ вымирающее ремесло и мануфактуру, приписываютъ этому положенію общій универсальный характеръ, считаютъ его чуть ли не выраженіемъ закона имманентнаго развитія еврейскаго общества въ діаспорѣ безотносительно къ историческимъ, бытовымъ и т. д. индивидуальнымъ условіямъ той или другой страны, и, тѣмъ болѣе, отдѣльнымъ частямъ одной страны. Впрочемъ, и здѣсь г. Лещинскій оказывается непослѣдовательнымъ. Въ этой же книгѣ, въ своей полемикѣ противъ бундовскихъ соціологовъ, онъ разсматриваетъ положеніе еврейскаго труда на всемъ протяженіи Россіи, безъ всякой попытки расчленить ее. Г. Лещинскій увѣряетъ насъ, что въ своей книгѣ онъ слѣдовалъ принципу „стараться не сгущать и безъ того довольно мрачныя краски". Это, конечно, очень похвально. Но въ такомъ случаѣ, онъ совершенно напрасно продѣлалъ свою операцію надъ райономъ разселенія евреевъ. И поэтому мы, дорожа, подобно автору, указаннымъ принципомъ, намѣрены заполнить этотъ пробѣлъ и включить въ „еврейскій районъ" помимо собственно-„Черты" также и Польшу. Такимъ образомъ, въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи мы подъ „Чертой" будемъ

подразумѣвать исключительно 15 губ. Сѣверо-Западнаго, Юго-Западнаго и Южнаго краевъ, а подъ „еврейскимъ райономъ“—„Черту“ плюсъ Польшу.

Исключеніе „Польши“ дало г. Лещинскому большой козырь въ руки, который онъ не замедлилъ использовать для опредѣленныхъ выводовъ, подкрѣпивъ свои положенія цѣлымъ рядомъ оригинальныхъ статистическихъ пріемовъ.

Сопоставленіе „Черты“ и 32-хъ внутреннихъ губерній Россіи въ отношеніи ихъ промышленнаго развитія онъ даетъ въ видѣ четырехъ таблицъ (№№ I, II, III, IV), рисующихъ состояніе торговли и промышленности въ обоихъ районахъ въ 1889 и 1897 годахъ. Этимъ онъ, очевидно, думаетъ изобразить не только статику, но и динамику интересующихъ его явленій. Самъ по себѣ, такой научный методъ конечно вполнѣ правиленъ и закономѣренъ, но практическое примѣненіе его въ данномъ конкретномъ случаѣ чрезвычайно наивное, особенно въ виду такихъ обобщающихъ и рѣшительныхъ выводовъ, которые дѣлаются здѣсь авторомъ. Въ самомъ дѣлѣ, г. Лещинскій сравниваетъ здѣсь данныя всего за 8 лѣтъ. Конечно, если бы этотъ промежутокъ времени обозначалъ собою какіе нибудь яркіе предѣльные моменты въ экономическомъ развитіи страны (каковы напр. освобожденіе крестьянъ и ломка всего дореформеннаго экономическаго строя, промышленный подъемъ или кризисъ, таможенная война или измѣненія въ таможенной политикѣ и т. д.), и если бы требовалось именно опредѣлить дѣйствіе этихъ новыхъ моментовъ, тогда, пожалуй, даже такой минимальный срокъ могъ бы быть положенъ въ основу опредѣленныхъ сужденій и выводовъ. Но когда же рѣчь идетъ не о какихъ-либо отдѣльныхъ сторонахъ экономической жизни страны, а объ ея экономическомъ развитіи вообще, тогда 8 лѣтъ, случайно выдѣленныхъ изъ общаго процесса ея исторической эволюціи и не отмѣченныхъ никакими особенными характерными моментами,— это такая ничтожная величина, на которой никто, имѣя въ своемъ распоряженіи даже самыя точныя статистическія данныя, но обладая при этомъ болѣе или менѣе развитымъ научнымъ чутьемъ, не рѣшится строить ничего серьезнаго, рѣшительнаго. Г. Лещинскій однако другого мнѣнія по этому вопросу. Естественно, что и статистическіе пріемы у него свои, особенные.

Въ общей сводкѣ итоговыхъ данныхъ эти 4 таблицы можно резюмировать слѣдующимъ образомъ *):

ТАБЛИЦА 1.

Годъ.	Число фабрикъ и заводовъ.		Стоимость производства (въ тысячахъ р.).		Число рабочихъ.		Средняя сумма производства на одной фабрикѣ.			Среднее число рабочихъ на одной фабрикѣ.		
								Въ 32-хъ губ.			Въ 32-хъ губ.	
	Въ „Чертѣ“.	Въ 32-хъ внут. губерніяхъ.	Въ „Чертѣ“.	Въ 32-хъ внут. губерніяхъ.	Въ „Чертѣ“.	Въ 32-хъ губерніяхъ.	Въ „Чертѣ“ (абсолют. число въ тысячахъ р.).	Абсолют. число въ тысячахъ. р.	Больш. или меньше чѣмъ въ „Чертѣ“ въ проц.	Въ „Чертѣ“ (абсолют. число).	Абсолют. число.	Больш. или меньше, чѣмъ въ „Чертѣ“ въ проц.
1889	4060	12397	155407	564536	72204	583048	38,27	45,53	+ 19	17,78	47,03	+165
1897	9108	17144	425924	1405522	275243	1264320	46,76	81,97	+ 76	30,22	73,74	+143

ТАБЛИЦА 2.

Районъ.	Стоимость производства (въ тысяч. руб.).		Число рабочихъ.		Средняя производительность 1-й фабрики.			Среднее число рабочихъ на одной фабрикѣ.		
	1889 г.	1897 г.	1889 г.	1897 г.	1889 г. (абсол. въ тыс. р.).	1897 г. (абсол. въ тыс. р.).	% прироста за промежут. 1889—1897 г.г.	1889 г. (абсол. число).	1897 г. (абсол. число).	% прироста за промежут. 1889—1897 г.г.
32 внутр. губерн.	564536	1405522	583048	1264320	45,53	81,97	80	47,03	73,74	57
„Черта“.	155407	425924	72204	275243	38,27	46,76	23	17,78	30,22	67

Первая таблица должна показать экономич. превосходство внутр. губерній надъ „Чертой“ по всей линіи, причемъ отдѣльно за каждый изъ обозначенныхъ тамъ годовъ. Вторая таблица, нѣсколько видоиз-

*) Даемъ только цыфры для промышленности, отбрасывая данныя о торговлѣ, ибо центръ тяжести размышленій автора лежитъ именно въ первыхъ, а не въ послѣднихъ.

мѣненная, должна главнымъ образомъ подчеркнуть различіе въ темпѣ развитія каждаго изъ районовъ и косвенно служить той же цѣли.

Авторъ, констатируя на основаніи перваго сопоставленія данныхъ за 1889 г. тотъ, по его мнѣнію, доказанный фактъ, что средняя сумма выработанныхъ продуктовъ въ 1889 г. на 1 фабрикѣ въ „Чертѣ“ меньше соотвѣтствующей суммы во внутреннихъ губерніяхъ на 20%, а среднее число рабочихъ въ первомъ случаѣ почти втрое меньше, чѣмъ во второмъ, — при этомъ прибавляетъ: „это значитъ, что каждая фабрика въ «Чертѣ» была (въ 1889 г. Н. I.) почти втрое меньше, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ“.

При сопоставленіи данныхъ за 1897 г. онъ просто указываетъ на то, что „въ среднемъ“ каждая фабрика въ „Чертѣ“ вырабатываетъ продуктовъ на сумму почти вдвое меньше, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ и потребляетъ въ два съ половиной раза меньше рабочей силы. Темпъ же промышленнаго развитія „Черты“ вчетверо слабѣе такового во внутреннихъ губерніяхъ. Слѣдовало ожидать, по аналогіи съ предыдущимъ утвержденіемъ, вывода, что фабрика въ „Чертѣ“ впятеро меньше ея русской соперницы (въ $2^1/_2$ раза меньше рабочей силы, вдвое меньше производительности), но авторъ объэтомъ скромно умалчиваетъ, считая, очевидно, что успѣхъ и безъ того неожиданный, а побѣдителю подобаетъ скромность.

Раньше, чѣмъ перейти къ разбору этихъ таблицъ, намъ хотѣлось бы наглядно показать, какъ г. Лещинскому было выгодно исключить Польшу изъ сферы своего разсмотрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, если примѣнить статистическіе пріемы г-на Лещинскаго, оставляя пока на его совѣсти ихъ научную цѣнность, но прибавить къ „Чертѣ“ Польшу, тогда мы получимъ слѣдующую таблицу: *)

*) Данныя для „Черты“ и для 32 внутр. губ. за 1889 и 1897 г. взяты нами у г. Лещинскаго. Данныя для Польши за 1889 г. взяты изъ „Сводовъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи“ за соотвѣтствующій годъ. Данныя для Польши за 1897 г. тоже заимствованы изъ „Свода данныхъ“ за 1897 г., но не вычислены нами непосредственно, а взяты изъ двухъ источниковъ: цыфра фабрикъ и заводовъ и рабочихъ изъ Сборника I. С. А. (т. II стр. 113), а стоимость производства—изъ книги „Россія въ концѣ XIX вѣка“, изд. Минист. Финанс. подъ ред. Ковалевскаго. Въ соотвѣтствіи съ пріемами г. Лещинскаго данныя для Польши вычислены за 1889 годъ только по отношенію къ предпріятіямъ, необложеннымъ акцизомъ и безъ горныхъ заводовъ; данныя за 1897 г. относятся ко всѣмъ предпріятіямъ, включая и обложенныя акцизомъ и горные заводы. О достоинствѣ такого пріема—потомъ.

ТАБЛИЦА 3.

Годъ.	Число фабрикъ и заводовъ.		Стоимость производства (въ тысяч. р.).		Число рабочихъ.		Средняя производит. одной фабрики.			Среднее число рабочихъ на одной фабрикѣ.		
	Въ Еврейск. районѣ.	Въ 32-хъ губерніяхъ.	Въ Еврейск. районѣ.	Въ 32-хъ губерніяхъ.	Въ Еврейск. районѣ.	Въ 32-хъ губерніяхъ.	Въ Евр. район. абсол. число (въ тысяч. р.).	Въ 32 губ. Абсол. число (въ тысяч. р.).	Въ 32 губ. Больш. или меньше, чѣмъ въ Евр. районѣ, въ проц.	Въ Еврейск. районѣ	Въ 32 губ. Абсол. число	Въ 32 губ. Больш. или меньше, чѣмъ въ Евр. районѣ, въ проц.
1889	6492	12397	320757	564536	182103	583048	50	45	—10	28	47	+68
1897	13329	17144	851820	1405522	522284	1264320	64	82	+28	39	74	+90

Здѣсь соотношеніе между промышленнымъ развитіемъ 2-хъ районовъ: еврейской осѣдлости и внутреннихъ губерній выступаетъ въ совершенно иномъ свѣтѣ. Оказывается, что въ 1889 году въ первомъ районѣ „средняя“ производительность одной фабрики превышала таковую же во второмъ районѣ на 10%. И при такой болѣе высокой производительности она потребляла чуть ли не вдвое меньше рабочей силы. По понятіямъ г-на Лещинскаго, меньшее число рабочихъ на фабрикѣ означаетъ меньшій экономическій удѣльный вѣсъ ея („фабрика меньше“, какъ онъ своеобразно выражается). Въ нашемъ случаѣ это значитъ, что фабрика въ Еврейскомъ районѣ почти въ „вдвое меньше“, чѣмъ внѣ его. Онъ, очевидно, совершенно не подозрѣваетъ, что экономическое значеніе промышленнаго предпріятія опредѣляется не только размѣрами его оборотовъ и числомъ рабочихъ, но и техническимъ его строеніемъ, въ смыслѣ примѣненія машинъ, пара, двигателей и т. д., и что это послѣднее въ нашъ машинный вѣкъ начинаетъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе рѣшающее значеніе при экономической оцѣнкѣ предпріятій. Истина азбучная, но что дѣлать? Очевидно, г. Лещинскому и это полезно узнать. Въ данномъ случаѣ меньшее число рабочихъ на одной фабрикѣ Еврейскаго района озна-

чаетъ не ея бѣдность, а наоборотъ, ея превосходство. Это означаетъ почти вдвое большую производительность единицы рабочей силы на этой фабрикѣ, болѣе высокую технику ея. Оказывается, такимъ образомъ, что въ 1889 г. всѣ преимущества были на сторонѣ фабрики именно Еврейскаго района, а не наоборотъ. Почти такое же соотношеніе замѣчается и въ 1897. Правда, „средняя" оборота фабрики Еврейскаго района, по отношенію къ такой же „средней" въ 32 внутр. губ., нѣсколько, (28%) понизилась, но зато она сохранила и даже подняла „среднюю" производительность единицы рабочей силы.

Итакъ, фабрика „бѣднаго" Еврейскаго района немногимъ разнится въ размѣрахъ оборота отъ фабрики прославленныхъ крупно-капиталистич. губерній внутренней Россіи, а по своей техникѣ и производительности труда значительно ее опередило. Таковъ выводъ, который былъ бы единственно возможенъ въ данномъ случаѣ. Мы говоримъ „былъ бы", ибо на самомъ дѣлѣ это не такъ, или, вѣрнѣе, это не совсѣмъ такъ. Въ нашемъ разсужденіи мы исходили изъ признанія правильности и неоспоримости пріемовъ г-на Лещинскаго, мы пробовали, такъ сказать, сговориться съ нимъ на его же языкѣ. На самомъ же дѣлѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, эти пріемы, обнаруживая въ авторѣ большую дозу развязности и самонадѣянности, нисколько не соотвѣтствуютъ тому, что принято понимать подъ статистическими пріемами. Дѣло въ томъ, что разсматриваемыя нами явленія въ дѣйствительности оказываются гораздо болѣе сложными, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда и поэтому мы нисколько не думаемъ поддерживать нашъ предыдущій выводъ въ той категорической формѣ, въ какой мы, слѣдуя логикѣ г. Лещинскаго, противопоставили его рѣшительной и категорической формулѣ послѣдняго.

Нашъ выводъ, какъ и положенія г. Лещинскаго, долженъ быть тщательно провѣренъ при свѣтѣ анализа различныхъ, часто противорѣчивыхъ тенденцій, намѣчаемыхъ въ развитіи отдѣльныхъ частей тѣхъ многосложныхъ цѣлыхъ, которыми мы вынуждены оперировать по милости автора, и въ соотвѣтствіи съ этимъ придется внести необходимыя поправки. Лучше всего это сдѣлать на анализѣ выводовъ, добытыхъ г. Лещинскимъ, и къ этому мы сейчасъ приступимъ.

При первомъ самомъ общемъ взглядѣ на таблицу № 1 сразу бросается въ глаза одна явная нелѣпость. Въ самомъ дѣлѣ, на 1 фабрику приходится въ 1889 г.

ТАБЛИЦА 4.

Районъ.	Стоимость производства (въ тысячахъ р.).	Число рабочихъ.	На 1-го рабочаго (въ тысячахъ р.).
Въ „Чертѣ“. . .	38	18	2,1
Въ 32-хъ губерн.	45	47	0,95

Г. Лещинскій увѣряетъ насъ при этомъ, что фабрика „Черты“ „второе меньше“ таковой же по ту сторону кордона! Это настоящее открытіе! Хороша эта „втрое меньшая“ фабрика, развивающая вдвое высшую производительность труда, при незначительно-меньшемъ оборотѣ, всего на какіе нибудь 20%! Если допустить на минуту что такое положеніе возможно, то это, очевидно, можетъ означать только одно, а именно, что первая, т. е. фабрика „Черты“, стоитъ на очень высокой ступени техническаго развитія, гдѣ машинная работа преобладаетъ, вытѣсняя рабочаго, а вторая, т. е. фабрика „внутренней Россіи“ стоитъ, въ лучшемъ случаѣ, на уровнѣ ремесленной ручной техники или мануфактуры. Какъ же тутъ можно говорить о томъ, что первая „втрое меньше“ послѣдней? Но это еще не все! Тутъ-то и начинается самое странное въ этомъ явленіи. Въ современной капиталистической системѣ высшая техника, какъ общее правило, сосредоточиваетъ все большіе и большіе капиталы, оттѣсняя ручную технику къ среднимъ и мелкимъ предпріятіямъ. Въ данномъ же случаѣ мы имѣемъ передъ собой нѣчто совершенно-противоположное! И такъ какъ это поистинѣ изумительное положеніе относится не къ одной какой-либо отрасли производства, а къ излюбленной авторомъ „средней арифметической“ всего производства, то ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло, во-первыхъ, съ явнымъ, вопіющимъ нарушеніемъ, въ большомъ масштабѣ, основного закона капиталистическаго накопленія и концентраціи, который г. Лещинскій, надо полагать, опровергать не собирается, и, во-вторыхъ, съ ясно-выраженнымъ превосходствомъ организаціи производства въ „Чертѣ“ надъ таковой же организаціей внѣ ея, что для автора еще болѣе недопустимо. Если бы г. Лещинскій способенъ былъ критически отнестись къ статистическому матеріалу, онъ долженъ былъ бы задуматься надъ этой несообразностью, а не торжествовать

побѣду. И тогда, можетъ быть, онъ увидѣлъ бы, что онъ надѣлалъ рядъ ошибокъ, маленькихъ и большихъ, понятныхъ и нелѣпыхъ и невольно сталъ ихъ жертвой. Первое, что ему должно было прійти на мысль, это провѣрить свои же ариѳметическія выкладки. И тогда онъ замѣтилъ бы, что первая его ошибка относится, стыдно сказать, къ области четырехъ правилъ ариѳметики. Благодаря ошибкѣ въ суммированіи густой колонны чиселъ, изображающихъ стоимость производства по губерніямъ (внѣ „Черты“) за 1889 г. (табл. 1 ст. 6). онъ пріуменьшилъ соотвѣтствующую сумму производства на 43% (564,536 тыс. вмѣсто 804,116 тыс.) *). Исправимъ эту маленькую „неточность“, и тогда послѣдняя таблица предстанетъ передъ нами въ нѣсколько иномъ, болѣе правильномъ свѣтѣ.

ТАБЛИЦА 5.

Районъ.	Средняя производительность 1-ой фабрики. (въ тысячахъ р.).	Среднее число рабочихъ на 1-ой фабрики.	На 1-го рабочаго. (въ тысячахъ р.).	Годъ.
Въ „Чертѣ“. . .	38	18	2,1	1889-ый
Въ 32-хъ губерн.	65	47	1,4	

Размѣръ оборотовъ „средней“ фабрики въ 32 внутреннихъ губерніяхъ значительно, чуть ли не вдвое, превышаетъ таковой же на фабрикѣ „Черты“, а главное, производительность труда въ ней сильно поднялась. Она уже не такъ убого выглядываетъ со своей примитивной техникой въ сравненіи съ фабрикой „Черты“, хотя въ этомъ смыслѣ еще значительно отстаетъ отъ послѣдней. Если полученный нами, такимъ образомъ, результатъ, съ одной стороны, оказывается какъ-будто на руку г. Лещинскому, то зато, съ другой стороны, онъ всецѣло обращается противъ него, стоитъ только сопоставить данныя, характеризующія темпъ или интенсивность развитія каждой изъ двухъ фабрикъ за періодъ 1889—1897 г. Въ самомъ дѣлѣ:

*) Эта ошибка намъ тѣмъ болѣе непонятна, что достаточно самого поверхностнаго взгляда на этотъ столбецъ цыфръ, чтобы сразу увидѣть несоотвѣтствіе итога дѣйствительной суммѣ. Сумма производства лишь 3-хъ губ. (Владим., Моск. и Петерб.)=494,816 тыс. Что же остается на долю ост. 28 губ.?.

ТАБЛИЦА 6.

Районы.	Средняя производительность 1-ой фабрики.			Среднее число рабочихъ на одной фабрикѣ.			На 1-го рабочаго.	
	1889 г. абсол. число (въ тысяч. р.).	1897 г. абсол. число (въ тысяч. р.).	Приростъ за промежутокъ 1889—1897 г.г. (въ %).	1889 г.	1897 г.	Приростъ за промежутокъ 1889—1897 г.г. (въ %).	1889 г. (въ тысяч. р.).	1897 г. (въ тысяч. р.).
Въ „Чертѣ“.	38	47	23	18	30	67	2,1	1,6
Въ 32-хъ губ.	65	82	26	47	74	57	1,4	1,1

Смыселъ этихъ цифръ ясенъ: „Средняя“фабрика въ „Чертѣ“, по расширенію размѣровъ своихъ оборотовъ, идетъ параллельно таковой же внѣ „Черты“, а по прозводительности труда значительно и неуклонно опереживаетъ ее. Басня о томъ, что въ „Чертѣ“ „средняя“ фабрика развивалась за періодъ 1889—1897 г. „вчетверо слабѣе“, оказывается просто продуктомъ ариѳметической ошибки, невѣрнаго подсчета. Карточный домикъ г. Лещинскаго, получившій неожиданно подкрѣпленіе съ одной стороны, такъ же внезапно, при первомъ неосторожномъ прикосновеніи критики, теряетъ его по всѣмъ остальнымъ и безнадежно рушится. *)

Этимъ, однако, своеобразіе статистическихъ пріемовъ г. Лещинскаго далеко не исчерпывается, или, вѣрнѣе, съ этого момента, послѣ удаленія случайныхъ ошибокъ, это своеобразіе только и начинаетъ выступать во всемъ своемъ блескѣ, затмевая всѣ до сихъ поръ отмѣченные нами промахи его.

Во всѣхъ своихъ предыдущихъ разсужденіяхъ мы исходили изъ того, 1) что данныя, приводимыя г. Лещинскимъ, вполнѣ пригодны для той цѣли, которую онъ преслѣдуетъ, т. е. для сравненія ихъ итоговъ по отдѣльнымъ районамъ за одинъ и тотъ же годъ и за промежутокъ отъ 1889 до 1897 г., 2) что такая „средняя“ фабрика, ко-

*) Косвенно мы получили неожиданный результатъ: производительность труда въ періодъ 1889—1897 г. регрессировала въ обоихъ районахъ! Надъ этимъ, право, не мѣшало бы задуматься г. Лещинскому!.

торой оперируетъ г. Лещинскій, съ ея „средней“ производительностью, и „среднимъ“ числомъ рабочихъ, дѣйствительно выражаетъ собой степень экономическаго развитія даннаго района и, взятая за разные годы, на нѣкоторомъ разстояніи, можетъ рисовать полную картину динамики разсматриваемаго явленія. Само собою разумѣется, что эти положенія являются именно тѣми двумя основными предпосылками, безъ которыхъ все данное статистическое изслѣдованіе теряетъ всякую почву подъ собой. Падаетъ увѣренность въ ихъ правильности, рушится вмѣстѣ съ этимъ все покоющееся на нихъ теоретическое зданіе. Мы вступаемъ въ область всевозможныхъ случайностей и сюрпризовъ, въ лабиринтъ, гдѣ дѣйствительность самымъ причудливымъ образомъ сочетается съ фантазіей, гдѣ авторскій произволъ, субъективныя симпатіи и антипатіи заступаютъ мѣсто объективнаго изслѣдованія и научно-обоснованныхъ положеній. Посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло съ этими двумя предпосылками у г. Лещинскаго.

Начнемъ съ сопоставленія данныхъ за 1889 и 1897 годы. Здѣсь дѣло очевидное. Эти данныя несравнимы! Здѣсь нарушено основное, элементарное правило такого сравненія: однородность! Данныя за эти годы неоднородны. Для г. Лещинскаго было достаточно что и тѣ, и другія (за 1889 и 1897 г.) взяты изъ одного и того же источника: изъ „Сводовъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности Россіи“ (издаваемыхъ Министерствомъ Финансовъ), чтобы больше не задумываться надъ ихъ характеромъ, чтобы съ легкимъ сердцемъ принять ихъ, какъ однородныя. На самомъ же дѣлѣ, данныя за 1889 годъ относятся исключительно къ предпріятіямъ *необложеннымъ акцизомъ* (безъ винокуренныхъ, пивоваренныхъ, табачныхъ, свеклосахарныхъ, и свеклосахаро-рафинадныхъ заводовъ и безъ горныхъ), данныя же за 1897 г. относятся ко *всѣмъ* предпріятіямъ (включая и обложенныя акцизомъ и горныя). Г. Лещинскій, очевидно, и не подозрѣваетъ объ этомъ,—это лучшее, что мы можемъ предполагать—ибо онъ объ этомъ ничего не упоминаетъ и не предупреждаетъ читателя. Для того, чтобы сдѣлать эти данныя сравнимыми, нужно одно изъ двухъ: а) или къ даннымъ 1889 г. прибавить таковыя, относящіяся къ предпріятіямъ, обложеннымъ акцизомъ и горнымъ, б) или таковыя вычесть изъ итоговыхъ данныхъ 1897 года. Г. Лещинскій этого не сдѣлалъ!

Это, однако, не все. Данныя 1889 и 1897 г. несравнимы еще въ одномъ отношеніи,—и это гораздо важнѣе,—онѣ несравнимы даже послѣ послѣдней поправки, и не только въ суммарномъ, итоговомъ

видѣ, но даже для отдѣльныхъ, опредѣленныхъ отраслей производства (текстильной, обработки питательныхъ продуктовъ и т. д.), ибо за это время измѣнились методы ихъ регистраціи. Въ 1889 году единственнымъ признакомъ „фабрики“ и „завода“ служила только сумма производства. Регистрировались предпріятія съ годовой суммой производства не менѣе 1000 рублей. Такимъ образомъ, въ число „фабрикъ и заводовъ“ попала масса мелкихъ ремесленныхъ и кустарныхъ предпріятій, при этомъ, благодаря трудности подсчета такихъ мелкихъ предпріятій и неясности этого критерія, и также благодаря цѣлому ряду другихъ не поддающихся учету случайныхъ причинъ, они попали туда чрезвычайно неравномѣрно по разнымъ губерніямъ. Съ начала же 90-ыхъ годовъ Министерство Финансовъ ввело новую систему фабрично-заводской статистики. Признаны были подлежащими регистраціи „всѣ промышленныя заведенія (изъ „находящихся въ завѣдываніи фабричной инспекціи“), имѣющія не менѣе 15 рабочихъ, а равно и тѣ, которыя, при числѣ рабочихъ менѣе 15, имѣютъ паровойкотелъ, паровую машину или другіе механическіе двигатели и машины или заводскія и фабричныя устройства“ *).

Послѣдняя классификація, хотя и не совсѣмъ устранила путаницу въ опредѣленіи „фабрики“ (она оставила, напр., такой неопредѣленный, гибкій признакъ, какъ „заводскія и фабричныя устройства“), но всетаки значительно содѣйствовала очищенію оффиціальной промышленной статистики отъ массы мелкихъ предпріятій. Это можно наглядно показать въ слѣдующей таблицѣ. Было зарегистрировано предпріятій въ:

ТАБЛИЦА 7.

Производствѣ.	1890 г.	1893 г.	1897 г.
Мукомольномъ **)	7003	3426	5924
Салотопенномъ ***)	334	240	247
Свѣчно-сальномъ ***)	64	30	31

*) Циркуляръ отъ 7/VI 1895 г. Справочная книга для чиновъ фабричной инспекціи. Цитируемъ по книгѣ В. Ильина: „Экономическіе этюды и статьи“.

**) „Съ 1893 года регистрировались лишь мельницы, имѣющія не менѣе трехъ поставовъ, между тѣмъ какъ въ цифры 1887—1890 г. вошло по нѣкоторымъ

Мало этого! Не только за разные годы, при измѣнившихся пріемахъ регистраціи, но и за одинъ и тотъ же годъ итоговыя цыфры фабрикъ и заводовъ [1]) несравнимы по разнымъ районамъ, по разнымъ губерніямъ. Вотъ какъ ихъ аттестуетъ само Министерство Финансовъ въ своемъ оффиціальномъ изданіи: „Вслѣдствіе того, что дѣло собиранія статистическихъ данныхъ о промышленныхъ заведеніяхъ поручено лицамъ, необладавшимъ спеціальными техническими познаніями, притомъ данныя эти собирались по краткой и недостаточно ясной программѣ,—получался матеріалъ, на которомъ нельзя было основывать никакихъ болѣе или менѣе точныхъ выводовъ. Вѣдомости промышленныхъ заведеній, доставленныя въ министерство финансовъ за послѣднее время, заключали въ себѣ все одни и тѣ же изъ года въ годъ повторявшіяся сбивчивыя свѣдѣнія, не позволявшія опредѣлить точно даже количества выработанныхъ товаровъ". [2])

Позднѣе В. Ильинъ показалъ [3]), что и редакторамъ „Перечня фабрикъ и заводовъ", съ такимъ высокомѣріемъ отзывающимся о данныхъ, опубликованныхъ въ „Сводахъ данныхъ и т. д." до 1893 г., нечего хвастать своими успѣхами, что и въ „Перечнѣ" повторяются съ нѣкоторыми варіаціями тѣ же ошибки. Что же касается цыфръ „Сводовъ данныхъ", то уже г. Ильинъ и г. Туганъ-Барановскій въ 90-ыхъ годахъ—и г. А. В. Погожевъ въ наши дни достаточно ясно показали ихъ спутанность и неоднородность, особенно по рубрикѣ „число фабрикъ и заводовъ". „Всѣ имѣющіяся въ настоящее время, оффиціальныя статистическія свѣдѣнія,—говоритъ этотъ послѣдній,—страдаютъ полной неопредѣленностью понятій «фабрика, заводъ и ремесленное заведеніе», а также неполнотой и случайной регистраціей не только мелкихъ, но сравнительно даже крупныхъ промышленныхъ предпріятій. Изъ обзора нашей фабрично-заводской статистики, по

губерніямъ даже число вѣтряныхъ мельницъ". „Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности Россіи за 1897 годъ". VI примѣчаніе.

***) „Колебанія цыфръ по этой группѣ производствъ (обработкѣ животныхъ продуктовъ. Н. Іонинъ,) объясняется отчасти неоднородными пріемами регистраціи заведеній, въ число коихъ за 1887—1890 г. вошли нерѣдко и кустарныя производства". Ibid.

[1]) Иное дѣло цыфры производства и рабочихъ. Онѣ проявляютъ большую однородность и устойчивость, но объ этомъ послѣ.

[2]) „Перечень фабрикъ и заводовъ" Спб. 1897 г. Введеніе.

[3]) См. его вышеупомянутую книгу: „Экономич. этюды и статьи"; ст. „Къ вопросу о нашей фабрично-заводской статистикѣ".

общему отзыву, слѣдуетъ, что данными ея въ громадномъ большинствѣ случаевъ нельзя пользоваться безъ особой обработки и что главной цѣлью этой обработки должно быть отдѣленіе сравнительно годнаго отъ абсолютно негоднаго". *) Это „сравнительно годное" относится къ болѣе крупнымъ предпріятіямъ (отъ 50 рабочихъ и больше и отчасти къ группѣ предпріятій съ 15—50 рабочими). Только такое выдѣленіе крупныхъ и среднихъ предпріятій, болѣе тщательно и равномѣрно регистрируемыхъ по всѣмъ губерніямъ, гарантируетъ болѣе или менѣе однородность данныхъ оффиціальной фабрично-заводской статистики и, слѣдовательно, возможность сопоставленія и сравненія итоговыхъ данныхъ по губерніямъ или районамъ за соотвѣтствующій годъ. Г. Погожевъ попробовалъ дать сводную таблицу числа предпріятій и численности рабочихъ въ періоды 1897—1902 г. по оффиціальнымъ даннымъ**). Получилась разноголосица, изъ котораго г. Погожевъ сдѣлалъ единственно возможный выводъ: „Затруднительно путемъ какихъ-либо вычисленій и сравненій разобраться въ противорѣчивыхъ итогахъ русской промышленной статистики, которые по отдѣльнымъ губерніямъ представляются еще болѣе разнохарактерными и необъяснимыми" ***), (курсивъ нашъ).

Вотъ эта неравномѣрность регистраціи по отдѣльнымъ губерніямъ, особенно мелкихъ заведеній, дѣлаетъ невозможнымъ всякое сравненіе по-губернскихъ и по-районныхъ итоговъ безъ предварительной ихъ обработки. И если мы видимъ, напр., что въ „Чертѣ" число предпріятій, необложенныхъ акцизомъ, выросло съ 4060 въ 1889 г. до 7592 ****) въ 1897 г., т. е., почти вдвое, въ то время, какъ въ 32 внутр. губерніяхъ соотвѣтствующее число поднялось всего съ 12397 до 14031 *****), т. е. только на 12%, причемъ такому росту числа заведеній въ „Чертѣ" не соотвѣтствуетъ подъемъ производительности и увеличеніе числа рабочихъ тамъ, то мы à priori вправѣ утверждать,

*) А. В. Погожевъ. Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи. Спб. 1906. стр. 1—2.

**) Ibid. стр. 35.

***) Ibid. стр. 34.

****) Эта цыфра получена нами путемъ вычета изъ числа фабр. и завод., (8821) указаннаго г. Лещинскимъ (безъ горныхъ и табачн. предпр. см. табл. IV ст. 1) числа предпріятій, обложенныхъ акцизомъ, вычисленнаго нами по „Своду данныхъ" за 1897 г.

*****) Эта цыфра получена такимъ же образомъ.

что здѣсь мы имѣемъ дѣло именно съ результатами этой неравномѣрности въ регистраціи мелкихъ заведеній, благодаря чему въ „Чертѣ“ ихъ учтено (особенно въ 1897 г.) сравнительно гораздо больше, чѣмъ въ 32 внутреннихъ губерніяхъ. Въ пользу нашего утвержденія, помимо апріорнаго предположенія, говоритъ еще цѣлый рядъ другихъ прямыхъ и косвенныхъ доказательствъ. Это и подтверждаетъ г. Погожевъ: „При разсмотрѣніи отдѣльныхъ губернскихъ итоговъ,—говоритъ онъ,—группировка предпріятій по ихъ размѣрамъ (по числу рабочихъ въ каждомъ заведеніи) рѣзко обнаруживаетъ случайность регистраціи мелкихъ предпріятій... и, вѣроятно, даже многихъ предпріятій среднихъ. Въ однихъ губерніяхъ они занесены мѣстными регистраторами въ отдѣльныя вѣдомости съ большимъ усердіемъ (Витебская, Гродненская и др.), а въ остальныхъ или вовсе не указаны (Архангельская, Воронежская, Симбирская, Уфимская, Эстляндская) или же численность ихъ невѣроятно мала“. *)

Для г. же Лещинскаго характерно не только сопоставленіе этихъ неоднородныхъ данныхъ безъ всякихъ оговорокъ, но использованіе самой сомнительной неустойчивой группы изъ нихъ, а именно „числа фабрикъ и заводовъ“.

Излюбленный пріемъ г. Лещинскаго—это сопоставленіе „средней“ фабрики въ разсматриваемыхъ имъ половинахъ Россіи. Методъ „среднихъ“ цыфръ вообще, говоря, чрезвычайно сомнителенъ. Если онъ, при осторожномъ, умѣломъ обращеніи съ нимъ, можетъ служить вспомогательнымъ пріемомъ послѣ детальнаго анализа, въ качествѣ наглядной иллюстраціи, то онъ совершенно непригоденъ и вреденъ въ качествѣ единственнаго метода. „Средняя“, абстрактная цыфра скрадываетъ крайности и маскируетъ дифференціацію и борьбу противоположныхъ тенденцій внутри данной группы явленій. Вся искусственность и фиктивность этого метода, возведеннаго на степень единственнаго метода, выступаетъ особенно ярко тогда, когда, какъ въ нашемъ случаѣ, имѣешь дѣло съ неоднородной группой явленій, когда подъ одной рубрикой учитываются: 1) 2 свѣчно-сальныхъ „завода“, производящіе на 4 тыс. рублей въ годъ съ 5 рабочими (Екатериносл. губ.) и 2) рядомъ, 1 чугунно-литейный заводъ Макѣевскаго Общества съ 6000 рабоч. (А сколько можно было бы привести такихъ примѣровъ изъ Россійской оффиціальной статистики).

*) Ibid. стр. 33.

Исторически этотъ методъ „среднихъ“ цыфръ всегда служилъ конькомъ, на которомъ выѣзжали люди сомнительной въ научномъ смыслѣ чистоплотности, чтобы, смѣшавъ въ одну кучу отживающее и назрѣвающее, отрицать наличность техническаго и экономическаго прогресса въ данной средѣ. Чтобы не далеко ходить за примѣрами, напомнимъ хотя бы выводы, которые нѣкоторые дѣлали изъ данныхъ, собранныхъ въ книгѣ І. С. А. Г. Пасманникъ, напр., „анализировалъ“ цыфры еврейскаго ремесла „260 тыс. самостоятельныхъ мастеровъ и 240 тыс. учениковъ и подмастерьевъ“. Какъ же онъ произвелъ этотъ анализъ? Очень просто: дѣлилъ вторую цыфру на первую и получилъ „среднюю“—меньше одного рабочаго на мастерскую. Отсюда онъ не замедлилъ сдѣлать вывода, что, „очевидно“, еврейское ремесло стоитъ на самой примитивной ступени техническаго развитія и совершенно не затронуто капитализмомъ. Неправда ли, глубоко научный методъ изслѣдованій?..

Не лучше обстоитъ дѣло съ „средней“ фабрикой г. Лещинскаго! Основнымъ моментомъ образованія этой абстрактной величины является „число фабрикъ и заводовъ“. *) Послѣ всего сказаннаго нами выше о происхожденіи этой рубрики въ оффиціальной статистикѣ ясно, что всѣ данныя, образованныя при ея помощи, совершенно фиктивны и не могутъ имѣть ни малѣйшихъ притязаній на правильное изображеніе дѣйствительной картины даннаго явленія. Только фиктивностью увеличенія в д в о е числа фабрикъ и заводовъ въ „Чертѣ“ въ 1897 г. противъ увеличенія этого числа всего на 12 % въ 32 внутреннихъ губерніяхъ, какъ результатъ неравномѣрной регистраціи мелкихъ и среднихъ заведеній въ обѣихъ половинахъ, усиленнаго, до курьезности учета ихъ именно въ „Чертѣ“,—только этимъ можно объяснить то странное на первый взглядъ явленіе, что отношеніе роста „средней“ фабрики въ еврейскомъ районѣ къ таковому внѣ его въ періодъ 1889—1897 г. чуть ли не обратно пропорціонально отношенію интенсивности развитія производительныхъ силъ здѣсь и тамъ. Въ самомъ дѣлѣ, сопоставимъ данныя, приведенныя г. Лещинскимъ за 1889 и 1897 г.г.

Для этого мы подвергнемъ ихъ слѣдующей предварительной обработкѣ, безъ чего такое сопоставленіе дѣлается абсолютно немыслимымъ.

*) „Средняя“ производительность 1 фабрики получается отъ дѣленія стоимости всѣхъ произведенныхъ продуктовъ на число фабрикъ и заводовъ. Аналогичнымъ образомъ получается и „среднее“ число раб. на 1 фабрикѣ.

1) Данныя за 1897 годъ, относящіяся какъ къ 32 губерніямъ, такъ и къ Еврейскому району, для того, чтобы сдѣлать ихъ однородными съ данными за 1889г., приведемъ къ фабрикамъ и заводамъ, „необложеннымъ акцизомъ“. Для этой цѣли вычтемъ изъ итоговыхъ данныхъ *) 1897 г., данныя, относящіяся къ производствамъ, обложеннымъ акцизомъ **), и къ горнымъ заводамъ ***). 2) Въ Еврейскій районъ мы, по условію, вводимъ Польшу, съ соотвѣтствующимъ вычетомъ на тѣхъ же основаніяхъ ****). 3) Исправимъ крупную ошибку г. Лещинскаго въ подсчетѣ суммы производства въ 32 *****) внутреннихъ губ. (804,116 тыс. р. вмѣсто 564535 у г. Лещинскаго) ******) за 1889 г. и вмѣстѣ съ тѣмъ поправимъ также ошибку въ суммѣ „средней“ производительности 1 фабрики въ 32 вн. губ. за 1889 г. (65 вмѣсто 45 т. р.). Въ результатѣ, таблица № 2 предстанетъ въ слѣдующемъ видѣ.

ТАБЛИЦА 8.

Районъ.	Число фабрикъ и заводовъ.		Стоимость производства.			Число рабочихъ.			Средняя производительность 1-й фабрики.			Среднее число рабочихъ на 1-ой фабрикѣ.		
	1889 г.	1897 г.	1889 г. абсолют. число (въ тысячахъ р.).	1897 г. абсолют. число (въ тысячахъ р.).	% прироста за пром. 1889—1897 г.г.	1889 г.	1897 г.	% прироста за пром. 1889—1897 г.г.	1889 г. абсолют. число (въ тысячахъ р.).	1897 г. абсолют. число (въ тысячахъ р.).	% прироста за пром. 1889—1897 г.г.	1889 г. абсолют. число	1897 г. абсолют. число	% прироста за пром. 1889—1897 г.г.
32 внутрен. губерніи. .	12397	14031	804116	1171566	45,7	583048	875852	50	65	84	29	47	62	32
Еврейскій районъ. .	6492	10944	320757	581206	81	182103	321917	77	50	53	6	28	30	7

*) Взяты нами у г. Лещинскаго.

**) Вычислены нами по „Своду данныхъ“ за 1897 г.

***) Взяты нами у г. Лещинскаго.

****) Данныя для Польши, о предпріятіяхъ, обложенныхъ акцизомъ, и горныхъ заводахъ вычислены нами по „Своду данныхъ“ за 1897 г.

*****) Кстати, только въ 31-й Г. Лещинскій почему-то забылъ Смоленскую губ. и забылъ также предупредить объ этомъ читателя.

******) См. объ этомъ выше.

Здѣсь ясно и наглядно выступаетъ противорѣчіе между огромнымъ ростомъ производительныхъ силъ въ Еврейскомъ районѣ, съ одной стороны, и крайней неподвижностью его „средней“ фабрики, съ другой. Въ то время, какъ сумма производства поднялась за періодъ 1889—1897 на 81 % и число рабочихъ на 77, ростъ производительности и и числа рабочихъ „средней“ фабрики ничтоженъ (6 и 7 % %) Обратное замѣчается въ 32 внутреннихъ губерніяхъ. Объясненіе тутъ возможно одно: число фабрикъ и заводовъ является здѣсь предательскимъ. Эту цыфру нужно совершенно скинуть со счетовъ, если оперировать данными цыфрами, или весь матеріалъ подвергнуть тщательной обработкѣ въ указанномъ выше направленіи, для того чтобы другимъ путемъ получить правильное представленіе о промышленномъ развитіи обоихъ районовъ.

Но г. Лещинскому нужны непремѣнно „среднія“ цыфры, и, что всего печальнѣе, ничего другого, т о л ь к о о н ѣ о д н ѣ! Съ какимъ-то удивительнымъ упорствомъ, заслоняющимъ передъ нимъ здравый смыслъ, онъ пробѣгаетъ мимо всего остального, не замѣчая очевидныхъ противорѣчій. Данныя, приведенныя г. Лещинскимъ, какъ уже вѣроятно успѣлъ убѣдиться читатель, вообще невысокаго качества, но среди нихъ есть относительно болѣе годныя и правильныя: это—цыфры, относящіяся къ стоимости производства и числу рабочихъ. Всѣ изслѣдователи этого вопроса давно уже единодушно пришли къ тому заключенію, что въ оффиціальной статистикѣ это наиболѣе достовѣрныя цыфры. *) И это понятно: если включеніе или игнорированіе мелкихъ заведеній имѣетъ рѣшающее вліяніе на судьбы рубрики „числа фабрикъ и заводовъ“, ибо ихъ несравненно больше, чѣмъ крупныхъ предпріятій, то на измѣненіе суммы производства и числа рабочихъ ихъ вліяніе ничтожно: крупныя фабрики, несмотря на свою незначительную численность, сосредоточиваютъ преобладающую и все возрастающую часть общей суммы производства и общаго числа рабочихъ. По отношенію къ числу рабочихъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующей таблицы. Крупныя фабрики (отъ 100 и больше раб.) давали въ: **)

---

*) См. объ этсмъ у Ильина: „Экономическіе этюды и статьи“, также у Тугана-Барановскаго „Русская Фабрика“ стр. 338. Спб. 1898 г.

**) Таблица взята у Погожева: „Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи“. Спб. 1906 стр. 43. Данныя о стоимости производства тамъ отсутствуютъ.

Таблица 9.

1879	г.	4,4 %	всѣхъ	фабрикъ	66,8 %	всѣхъ рабочихъ.
1890	„	6,7 %	„	„	71,7 %	„ „
1894-5	„	10,1 %	„	„	74,0 %	„ „
1902	„	9	„	„	78,5 %	„ „

Еще выше оказывается причитающаяся на счетъ крупныхъ фабрикъ часть общей стоимости производства: на крупной фабрикѣ, технически лучше оборудованной, производительность труда гораздо выше въ сравненіи съ мелкой и средней фабрикой, т. е. на каждаго рабочаго приходится большее количество произведенныхъ цѣнностей. Положеніе это слишкомъ элементарно, чтобы доказывать его.

Отсюда ясно, что, если уже пользоваться суммарными данными, то уже гораздо надежнѣе обратиться къ цыфрамъ, относящимся къ стоимости производства и числу рабочихъ. Онѣ кроютъ въ себѣ меньше опасностей для правильнаго изображенія промышленной эволюціи, чѣмъ „средняя“ фабрика.

Если сопоставить ихъ по разнымъ районамъ, то результатъ получится иной. Въ нашемъ случаѣ оказывается, какъ это видно изъ таблицы № 8, что Еврейскій районъ развивается гораздо интенсивнѣе внутреннихъ губерній и быстро обгоняетъ ихъ: результатъ для г. Лещинскаго совершенно неожиданный!

Выше мы сказали, что г. Лещинскій прибѣгаетъ только къ методу „среднихъ цыфръ“. Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что бываютъ все-таки случаи, когда онъ дѣлаетъ исключенія изъ своего правила. Въ началѣ своего изслѣдованія, когда ему понадобилось показать быстрый ростъ промышленности въ Россіи вообще, и большую интенсивность этого роста въ сравненіи съ западной Европой въ особенности, ему и въ голову не пришло сравнить „среднія“ фабрики здѣсь и тамъ: онъ пошелъ по единственному, давно проторенному пути; сравнивалъ производства чугуна, желѣза, добычу каменнаго угля, числа веретенъ, и стоимость производства! За это его никто, конечно, упрекать не станетъ. Но зачѣмъ же, спрашивается, онъ прибѣгъ къ иной мѣрѣ для „Черты“?

Есть еще одинъ моментъ, когда г. Лещинскій отказывается прибѣгнуть къ „среднимъ“ цыфрамъ. Это тогда, когда онѣ, въ отличіи отъ его остальныхъ злополучныхъ „среднихъ“, претендуютъ на правильность и реальность. Въ числѣ „среднихъ“ цыфръ, характе-

ризующихъ состоянія промышленности извѣстнаго района, есть еще одна, болѣе надежная; это цыфра средней производительности труда или средняя сумма производства, приходящаяся на 1 рабочаго *). Зависимая отъ двухъ болѣе надежныхъ, какъ мы уже выяснили, величинъ, она обнаруживаетъ большую устойчивость, одновременно она вскрываетъ одну изъ наиболѣе интересныхъ сторонъ, опредѣляющихъ состояніе промышленности и ея эволюцію,—это степень техническаго прогресса, и потому, она, естественно, характернѣе другихъ. Эту „среднюю“ г. Лещинскій, какъ будто нарочно для того, чтобы закрѣпить за собой репутацію научной объективности, совершенно обошелъ... Если же къ предыдущей таблицѣ (№ 8) прибавить и эту „среднюю“, отбросивъ нехарактерныя данныя, мы получимъ слѣдующую картину:

ТАБЛИЦА 10.

Районъ.	Стоимость производства.			Число рабочихъ.			На 1 рабоч. (въ тысяч.).	
	1889 г. абсолют. число (въ тысячахъ р.).	1897 г. абсолют. число (въ тысячахъ р.).	% прироста за промежутокъ 1889—1897 г.г.	1889 г. абсолют. число	1897 г. абсолют. число	% прироста за промежутокъ 1889—1897 г.г.	1889 г.	1897 г.
32 внутрен. губерн. . .	804116	1171566	45,7	583048	875852	50	1,4	1,3
Еврейскій районъ. .	320757	581206	81	182103	321917	77	1,8	1,8

„Бѣдный“ Еврейскій районъ, насколько объ этомъ позволяютъ судить слишкомъ общія суммарныя данныя, развивается почти вдвое интенсивнѣе внутреннихъ губ., а по производительности труда онъ все время стоитъ значительно выше ихъ.

*) Эта „средняя“ есть частное отъ дѣленія суммы производства на число рабочихъ.

По отдѣльнымъ производствамъ картина еще ярче:

ТАБЛИЦА 11.

Текстильная промышленность.

Районы.	Число фабрикъ и зав.		Стоимость производства.			Число рабочихъ.			На одного рабочаго.		
	1889 г.	1897 г.	1889 г. абсол. число. (въ тысяч. р.).	1897 г. абсол. число. (въ тысяч. р.).	% прироста за промежут. 1889—1897 г.г.	1889 г.	1897 г.	% прироста за промежут. 1889—1897 г.г.	1889 г. абсол.чис. (въ тысяч. р.).	1897 г. абсол.чис. (въ тысяч. р.).	% прироста за промежут. 1889—1897 г.г.
Еврейск. районъ *).	972	1548	104360	230632	121	71857	136530	90	1,4	1,7	21
32 внутр. губерн.	1796	2671	378741	566848	50	353331	464626	31	1,1	1,2	9

ТАБЛИЦА 12.

Районы.	Выплавлено чугуна *).					Выплавлено желѣза *).				
	Число заводовъ.		Выплавлено.			Число заводовъ.		Выплавлено.		
	1889 г.	1897 г.	1889 г. абсол. число (въ тысяч. п.).	1897 г. абсол. число (въ тысяч. п.).	% прироста за промежут. 1889—1897 г.г.	1889 г.	1897 г.	1889 г. абсол. чизло (въ тысяч. п.).	1897 г. абсол. число (въ тысяч. п.).	% прироста за промежут. 1889—1897 г.г.
32 внутрен. губерніи. .	87	111	30266	53856	78	113	96	19507	23553	21
Еврейскій районъ . .	32	36	14107	58315	313	33	19	5330	6676	25

*) Данныя для 32 внутр. губ. и для „Черты“ 1897 г. взяты нами у Лещинскаго (Табл. IX, 6 и X, 6) съ поправкой для Гродненской губ. (см. кн. Лещинскаго табл. XXI), данныя для Польши, (за 1889 г. для всѣхъ 10 губ. Царства, а

ТАБЛИЦА 13.

Районы.	Добыто ископаемаго угля*).									
	Число рудниковъ.		Добыто.			Число рабочихъ.			На одного рабочаго въ тыс. пудовъ.	
	1889 г.	1897 г.	1889 г. абсол. число (въ тысяч. п.).	1897 г. абсол. число (въ тысяч. п.).	% прироста за промежут. 1889—1897 г.г.	1889 г. абсол. число	1897 г. абсол. число	% прироста за промежут. 1889—1897 г.г.	1889 г.	1897 г.
32 внутрен. губерніи . .	211	193	113844	211076	87	19338	22756	18	5,9	9,3
Еврейскій районъ . .	99	213	261871	467574	80	22589	40883	81	11,6	11,4

Что остается послѣ этого отъ тезиса г. Лещинскаго о „болѣе высокой ступени промышленнаго развитія, на которой находятся внутреннія губерніи въ сравненіи съ „Чертой"?!

Такова „статистика", г. Лещинскаго! Данныя, приводимыя имъ, обращаются противъ него же. Но, можетъ быть, слѣдуетъ все-таки признать заслугу автора въ томъ, что онъ впервые сгруппировалъ матеріалъ, (на что требуется много кропотливаго труда и энергіи) могущій быть полезнымъ для болѣе объективнаго изслѣдователя? Къ сожалѣнію, приходится отрицать за нимъ и эту заслугу: матеріалъ, приведенный имъ,—и объ этомъ мы считаемъ нужнымъ предупредить интересующихся вопросомъ,—чрезвычайно сомнительнаго свойства. Г. Лещинскій умудрялся съ удивительной небрежностью, мы бы сказали, съ какимъ-то мертвымъ равнодушіемъ, относиться къ нанизываемымъ имъ цыфрамъ. Мы уже указывали выше на нѣкоторыя „небрежности" въ подсчетѣ. Остановимся еще на двухъ группахъ оши-

за 1897 г. для 3-хъ главныхъ центровъ текстильной индустріи: губерніи Петроковской, Варшавской и Калишской) вычислены по „Сводамъ данныхъ и т. д." за 1889 и 1897 г. По тѣмъ же „Сводамъ" вычислены нами данныя для 32 внутрен. губерній и „Черты" за 1889 г.

*) Вычислено нами по „Сборнику статестическихъ свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи" за 1889 и 1897 г.

бокъ. Онѣ очень характерны и изобличаютъ полное непониманіе г. Лещинскимъ природы описываемаго имъ явленія [1]). По Витебской губ. онъ указываетъ.

ТАБЛИЦА 14.

Годъ.	Число фабрикъ.	Стоимость производ. (въ тыс. р.).	Число рабочихъ.
1889	352	5436	2284
1897	314	3878	4020

Сразу бросается въ глаза несуразность этихъ цыфръ за 1897 г. При такомъ паденіи стоимости производства (около 40%) одновременно такое небывалое увеличеніе числа рабочихъ, чуть ли не вдвое! Какая эта катастрофа должна была обрушиться на Витебскую губ., чтобы такъ измельчало тамъ и безъ того крайне-мелкое производство и чтобы къ этому, съ позволенія сказать, источнику пропитанія, вынуждена была бы обратиться такая армія рабочихъ! У г. Лещинскаго нечего искать объясненія: онъ, очевидно, не находитъ туть ничего страннаго. Ищемъ по разнымъ рубрикамъ (группамъ производствъ), изъ которыхъ слагаются вышеупомянутыя данныя. Оказывается, что по одной только группѣ мукомольнаго дѣла зарегистровано (по „Сводамъ данныхъ и т. д.“):

въ 1889 г. 285 завед., съ суммой произв. въ 4.176 тыс. р. и 494 раб.
„ 1897 „ 106/2*) „ „ „ „ „ 579/125 „ „ и 293 „

Въ 1897 г. стоимость продуктовъ по нѣкоторымъ производствамъ дана, въ отличіе отъ 1889 г., въ видѣ дроби, причемъ числитель и знаменатель суть величины различной природы, Первый представляетъ собою величину стоимости той части продуктовъ, которая выработана за собственный счетъ владѣльца предпріятія, (его же сырье), а второй изображаетъ собой денежную сумму, полученную имъ только за обработку чужого продукта, сырья. Чтобы привести числитель и знаменатель къ одной величинѣ, къ стоимости всей суммы выработанныхъ продуктовъ, нужно, въ нашемъ слу-

*) Цыфра въ знаменателѣ означаетъ, что въ данномъ предпріятіи мукомольное дѣло является побочнымъ.

чаѣ, увеличить знаменатель въ 10 разъ и прибавить къ числителю (579 + 1250 = 1829 тыс. р., *). Это обстоятельство нужно имѣть въ виду для пониманія дальнѣйшаго.

Обращаемся къ таблицѣ г. Лещинскаго (№ X, 1). Группа питательныхъ продуктовъ, въ которую мукомольное дѣло входитъ однимъ изъ слагаемыхъ, правда превалирующимъ, представлена такимъ образомъ:

1897 г. 129 завед. съ суммой произв. въ 778 тыс. и 348 раб.

Какимъ это образомъ сумма производства в с е й группы (778 т.), подсчитанная г. Лещинскимъ по „Своду данныхъ", оказалась меньше ч а с т и ея мукомольнаго дѣла? (1829 тыс. по „Своду данныхъ"). Остается предположить одно: онъ просто сложилъ числителя съ знаменателемъ, очевидно, не подозрѣвая смысла этихъ цыфръ и необходимости увеличенія знаменателя въ 10 разъ для того, чтобы получить число однородное съ числителемъ. Для провѣрки выпишемъ въ рядъ всѣ предпріятія, относящіяся къ этой группѣ, по „Своду данныхъ": При этомъ, согласно пріему г. Лещинскаго, будемъ всюду просто складывать числителя съ знаменателемъ.

ТАБЛИЦА 15.

Производство.	Число фабрикъ.	Стоимость производ. (въ тыс. р.).	Число рабочихъ.
Мукомольное	108	704 **)	293
Маслобойное	1	27	30
Паточное	3	11	6
Искуств. минер. водъ.	3	8	10
Крупяное	11	6 ***)	—
Конфектное	1	8	4
Маслоб. и сыроварен.	2	14	5
Итого . . .	129	778	348

*) См. объ этомъ „Сводъ данныхъ и т. д." за 1897 г. Введеніе. II примѣчаніе. Такое сокращеніе суммы производства въ 1897 г. въ сравненіи съ 1889 г. произошло отчасти потому, что измѣнились пріемы регистраціи (см. у насъ стр. 341 примѣчаніе 2) и масса мелкихъ мельницъ, учтенныхъ въ 1889 г., за 1897 г.. не регистрировались больше.

**) По предполагаемому псдсчету г. Лещинскаго (579+125).

***) Въ „Сводѣ данныхъ" 6/10 тыс. т. е., 106 тыс. р. г. Лещинскій отбросилъ совершенно знаменателя!

Мы получили тотъ же результатъ, что у г. Лещинскаго.

Удивительное совпаденіе!

Предположеніе наше блестяще оправдалось. Г. Лещинскій просто механически списываетъ цыфры, не интересуясь ихъ содержаніемъ. Если бы у г. Лещинскаго не было такого, прямо таки неряшливаго, отношенія къ этимъ цыфрамъ, то онъ долженъ былъ остановиться передъ такимъ страннымъ фактомъ, какъ сокращеніе производства мукомольныхъ мельницъ въ $5^1/_2$ разъ за какія-нибудь 8 лѣтъ! И тогда онъ имѣлъ бы много способовъ провѣрить эти цыфры. Рядомъ съ цыфрами, которыя онъ списалъ съ такимъ медвѣжьимъ усердіемъ, онъ могъ найти еще одну, подъ рубрикой: „количество выработанныхъ продуктовъ въ тысячахъ пудовъ". Оказывается, что въ 1897 г. на мельницахъ Витебской губ. выработано 2.733 тысячъ пудовъ муки. Предлагаемъ при этомъ г. Лещинскому элементарную задачу на 4 дѣйствія: зная количество выработанной муки (въ пудахъ) и ихъ стоимость (M704 ты. р. по его вычисленію), опредѣлить какова была цѣна пуду муки въ 1897 году? Можетъ быть онъ тогда поймѣтъ весь комизмъ своего положенія!

Такъ какъ такую операцію, какъ простое сложеніе числителя съ знаменателемъ (т. е. суммы производства и стоимости обработки) вмѣсто соотвѣтствующаго предварительнаго умноженія знаменателя, г. Лещинскій производилъ не только надъ данными Витебск. губ., но и всѣхъ другихъ губерній за 1897 г., то въ результатѣ и получилась такая, напримѣръ, нелѣпость: по „Свод. данныхъ и т. д." за 1897 г. стоимость продуктовъ однихъ только мукомольныхъ мельницъ въ „Чертѣ" выразилась въ цыфрѣ 97,353 тыс. р., у г. Лещинскаго стоимость продуктовъ всей группы обработки питательныхъ веществъ, необложенныхъ акцизомъ (и мукомольныхъ мельницъ въ томъ числѣ) въ „Чертѣ" же равна 91,483 тыс. р., т. е. часть больше цѣлаго на 6 милл. р. Интереснѣе всего то обстоятельство, что г. Лещинскій рядомъ съ этой таблицей питат. продуктовъ (X, I), до которой онъ дошелъ „собственнымъ умомъ", помѣщаетъ другую таблицу (XVII), цѣликомъ взятую изъ книгъ I. С. А. (т. II, стр. 57) спеціально о мукомольномъ производствѣ, совершенно правильную, совпадающую во всемъ съ данными „Свода данныхъ и т. д.", причемъ онъ не считаетъ нужнымъ опровергнуть одну или исправить другую. Да сличалъ ли онъ ихъ вообще?

Такъ какъ далѣе такую же операцію онъ продѣлываетъ и съ

цыфрами, относящимися и къ остальнымъ производствамъ, (текстильному, обработкѣ дерева и т. д.) *) ,то можно себѣ представить, насколько у него пріуменьшены цыфры, относящіяся къ стоимости производства, особенно въ „Чертѣ“ **).

Чтобы покончить съ характеристикой этого рода данныхъ г. Лещинскаго, приведемъ еще одну группу ошибокъ его изъ области непонятныхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

	а) Показано у г. Лещинскаго:	Должно быть: ***)
Черниг. губ. 1889 г.	181 фабр.	253
	19494 тыс. р. стоим. произв.	12055
	4538 рабочихъ	7995

б) По области Войска Донского показана цыфра рабочихъ въ горнозаводской промышленности въ 1897 году 10113, въ то время какъ по „Своду данныхъ“ въ одной только угольной промышленности въ этой Области ихъ было занято 18574 человѣка.

с) Всего рабочихъ въ горнозаводской промышленности за 1897 г.	
показано у г. Лещинскаго:	по нашему подсчету ****)
для 32 внутр. губ. 323147	не меньше 347 тыс.
„ Черты 70627	„ 85 „

и т. д. и т. д.

И послѣ такого „осторожнаго“ отношенія къ статистическому матеріалу, послѣ такихъ мудрыхъ выкладокъ, у г. Лещинскаго хва-

*) Здѣсь знаменатель нужно было бы увеличить соотвѣтственно въ 4 раза (по текст. произв.) и въ 2 раза (по группѣ обраб. дерева). По Гродненской губ., напримѣръ, г. Лещинскій указываетъ стоимость текстильнаго производства въ 10326 тыс. р., (табл. X. 6), а по „Своду данныхъ“—12855 тыс. р. $\frac{(9483)}{843}$ Послѣдняя цифра имѣется также у г. Лещинскаго въ таблицѣ XXI, взятой изъ книги I. C. A.

**) Что при такомъ подсчетѣ пострадала больше всего „Черта“, мы убѣдились, сравнивая данныя, приведенныя г. Лещинскимъ,съ цыфрами „Свода данныхъ“ за 1897 г. по отдѣльнымъ рубрикамъ (группамъ производствъ). Въ „Чертѣ“ система обработки чужихъ продуктовъ въ промышл. завед. примѣняется чаще и въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ во внутр. губерніяхъ.

***) По „Своду данныхъ“ за 1889 г., также у Петлина, откуда заимствовалъ г. Лещинскій.

****) По „Сборнику статистическихъ свѣдѣній о горно-заводской промышленности Россіи за 1897 г.“. Данныя, относящіяся къ этому вопросу въ „Сводѣ данныхъ“ за 1897 г., позаимствованы изъ этого же „Сборника“. Г. Лещинскій пользовался „Сводомъ данныхъ“.

таетъ наивности, (розовая ленточка къ пышному букету!) чтобы вычислять „среднее“ число рабочихъ на фабрикѣ „въ сотыхъ доляхъ рабочаго, опредѣлять „среднюю“ производительностъ одной фабрики съ точностью до одного рубля и т. д. (онъ забываетъ при этомъ, что въ погубернскихъ итогахъ послѣдняя цыфра дана въ тыс. р.). Какъ будто онъ дѣйствительно имѣетъ дѣло съ аптекарскими вѣсами! Какъ будто такая скрупулезная „точность“ возможна и нужна вообще! Болѣе злую иронію надъ самимъ собой трудно было выдумать!

Мы могли бы на этомъ, пожалуй, закончить наше разсмотрѣніе первой части книги г. Лещинскаго. Статистическіе „подвиги“ этого послѣдняго, надѣемся, выяснены и получили должную оцѣнку. Дальнѣйшее разсмотрѣніе его статистическихъ упражненій ничего не прибавитъ къ его лаврамъ. Если мы, однако, думаемъ еще останавливаться на нихъ, такъ это только потому, что по отношенію къ дальнѣйшей группѣ тезисовъ, статистически... иллюстрируемыхъ или доказываемыхъ (самъ авторъ этого не знаетъ) г. Лещинскимъ, этотъ послѣдній находится въ иномъ, прямо противоположномъ положеніи, чѣмъ по отношенію къ предыдущему, нами разобранному. Если раньше ему приходилось защищать явно-неправое дѣло (возможно, безсознательно для автора), то здѣсь, онъ ломается въ открытыя двери. Такимъ образомъ здѣсь слѣдовало бы ожидать отъ него безукоризненно-объективнаго отношенія къ фактамъ и изображаемымъ имъ явленіямъ: это ему выгоднѣе всего. Тѣмъ удивительнѣе его странное упорство въ примѣненіи совершенно недопустимыхъ статистическихъ пріемовъ и фанатическое ослѣпленіе, диктующее ему явныя натяжки, дутое обоснованіе въ общемъ праваго дѣла. Разсматриваемая нами группа тезисовъ относится къ положенію еврейскаго фабричнаго труда въ „Чертѣ“. Оно гласитъ: „Процессъ пролетаризаціи евр. массъ сильно тормозится и отстаетъ въ значительной мѣрѣ отъ такового же у окружающихъ націй. Еврейскіе рабочіе большей частью заняты въ низшихъ отрасляхъ производства, въ мануфактурѣ и ремеслѣ. Чѣмъ больше индустріализуется (т. е. переходитъ къ машинному производству извѣстная отрасль промышленности), тѣмъ меньше становится участіе въ ней евр. пролетаріата“. (стр. 86, 87). Здѣсь, въ отличіе отъ развитыхъ имъ выше положеній, г. Лещин-

скій отнюдь не является новаторомъ. Тезисы эти были формулированы уже въ 1902 г. Все же, что относится къ области статистическаго матеріала по этому вопросу, г. Лещинскій заимствовалъ изъ книгъ I. С. А. *), безъ всякой „отсебятины“ и, по обыкновенію, безъ всякаго критическаго отношенія. Скорѣе онъ является здѣсь комментаторомъ и популяризаторомъ. До него уже сдѣлалъ это г. Пасаманникъ**), и просматривая статьи послѣдняго, относящіяся къ этому вопросу, мы были поражены удивительнымъ сходствомъ обѣихъ популяризацій, какъ по общему тону изложенія, такъ и по манерѣ обращенія съ статистическимъ матеріаломъ, развязной и самоувѣренной, такъ, наконецъ, по особому сладострастно-болѣзненному упоенію, съ какимъ они подхватываютъ, разжевываютъ и истолковываютъ всякую цыфру, могущую хоть сколько нибудь прибавить черной краски ужаса и отчаянія къ мрачной картинѣ, изображающей положенія евреевъ въ Россіи.

Но прежде всего считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о книгѣ I. С. А., этомъ статистическомъ первоисточникѣ г. Лещинскаго. Данныя, приведенныя тамъ и относящіяся къ положенію еврейскаго фабричнаго труда, собраны корреспондентами I. С. А. Въ этомъ собираніи участвовало около тысячи лицъ! Тутъ есть духовные раввины и казенные (все народъ ученый!) и кто угодно, за исключеніемъ людей свѣдущихъ. Данныя эти собраны безъ всякаго метода, безъ всякаго общаго руководящаго начала. Не условились даже о томъ, что понимать подъ „фабрикой“ и „заводомъ“. Сами редакторы этого „Сборника“ жалуются на то, что „корреспонденты не дѣлали строгаго различія между фабрикой и ремесленнымъ заведеніемъ и часто относили, напримѣръ, къ фабрикамъ такія предпріятія, какъ производство искусственныхъ минеральныхъ водъ въ маленькомъ мѣстечкѣ или вѣтряныя мельницы, небольшія круподерни и т. п.“***) Благодаря этому, данныя, собранныя въ книгѣ I. С. А., такъ безсистемны, отрывочны и страдаютъ такими существенными дефектами, что въ сравненіи съ ними данныя оффиціальной статистики—образецъ научной достовѣрности. Нужно при

*) Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи т. II Спб. 1904 г. Изд. Еврейскаго колонизаціоннаго общества (I. С. А.).

**) „Еврейская Жизнь“ 1904 г. 11 и 12.

***) „Сборникъ матеріаловъ и т. д.“ т. II стр. 4. См. также объ этомъ стр. 81.

этомъ помнить, что данныя I. C. A. относятся не ко всей „Чертѣ“, а только къ одной части ея. Въ городахъ и мѣстечкахъ, откуда корреспонденты I. C. A. сообщили свѣдѣнія, живутъ 3.809.361 евр. Всего евреевъ въ „Чертѣ и Польшѣ“ 4.874.636. Слѣдовательно, обслѣдованіе не коснулось 22% еврейскаго населенія.

Всего еврейскихъ фабрикъ было въ „Чертѣ“ въ 1897 г.

по даннымъ оффиціальнымъ:		опрошено корресп. I. C. A.
въ Сѣверо-Зап. Краѣ	1402	1401
„ Юго-Зап. „	1143	786
„ Южномъ „	388	222

Изъ этой таблицы и изъ всего предыдущаго видно, что данныя I. C. A., съ одной стороны, пріуменьшены постольку, поскольку они относятся не ко всѣмъ еврейскимъ предпріятіямъ, а съ другой, преувеличены, поскольку они относятся не только къ „фабрикамъ и заводамъ“, учитываемымъ хотя бы въ оффиціальной статистикѣ, но и къ болѣе мелкимъ предпріятіямъ и также къ ремесленнымъ заведеніямъ и не только къ рабочимъ, но частично и къ служащимъ. Такъ какъ книга I. C. A. не даетъ намъ ни перечня евр. фабрикъ и заводовъ, ни хотя бы детальной группировки ихъ по производствамъ и по губерніямъ, то нѣтъ никакой возможности отдѣлить пшеницу отъ плевелъ, годное отъ негоднаго. Получить при этомъ опредѣленное, въ цыфрахъ, представленіе о положеніи евр. труда въ „Чертѣ“, о распредѣленіи евр. рабочихъ по районамъ и по группамъ производствъ, объ отношеніи численности евр. рабочихъ къ не-еврейскимъ совершенно невозможно. Есть данныя симптоматическаго характера. Это больше всего описательный матеріалъ, характерный и бытовой, позволяющій рисовать положеніе въ самыхъ общихъ контурахъ и ставить извѣстныя проблемы, но статистики, въ научномъ смыслѣ этого слова, совершенно нѣтъ.

Вернемся, однако, къ книгѣ г. Лещинскаго.

Изъ всего только что высказаннаго по поводу книги I. C. A. и изъ предыдушаго ознакомленія со статистическими пріемами г. Лещинскаго, читатель заранѣе можетъ имѣть представленіе объ этой части его изслѣдованія. Для насъ нѣтъ никакой необходимости шагъ за шагомъ итти вслѣдъ за авторомъ, чтобы раскрывать всѣ его ошибки и дать потомъ общую оцѣнку нарисованной имъ картины. Это было бы скучнымъ и лишнимъ повтореніемъ. Достаточно взять одинъ, два примѣра, типичные для автора.

Вотъ сводная таблица (№ XXIII), рисующая участіе евр. капитала и евр. труда въ прозводствѣ „Черты“ (кромѣ Херсонской губ.) по губерніямъ и по районамъ.

Здѣсь г. Лещинскій добросовѣство скопировалъ 3 таблицы изъ книги I. С. А. (т. II стр. 209, 211), но это нисколько не избавляетъ его отъ отвѣтственности за ошибки, допущенныя тамъ. Какъ общее правило, дѣлающее непригодной всю эту таблицу цѣликомъ, здѣсь въ каждой рубрикѣ, куда входитъ число рабочихъ евреевъ, нарушена однородность данныхъ. Сопоставляются данныя оффиціальной статистики, которыя при всѣхъ ихъ дефектахъ, все-таки выгодно отличаются тѣмъ, что они собраны по опредѣленной системѣ, и данныя корреспондентовъ I. С. А., собранныя съ сосенки и съ боренки, безъ всякаго метода и плана. Далѣе даже въ этихъ предѣлахъ допущены уже сознательныя ошибки. По Юго-Западному району евр. фабрикъ числится (по „Своду данныхъ“ за 1897) 1143. Обслѣдованіе корреспондентовъ I. С. А. коснулось только 786 евр. фабрикъ, т. е. на $^1/_3$ меньше ихъ настоящаго числа. Г. Лещинскій не стѣсняется тѣмъ не менѣе вычислить % евр. рабочихъ по отношенію къ общему числу ихъ и къ числу рабоч. на всѣхъ евр. фабрикахъ. Сколько было евр. рабочихъ на этихъ необслѣдованныхъ фабр., намъ неизвѣстно. У насъ нѣтъ никакихъ указаній, на основаніи которыхъ мы могли бы судить объ этомъ. Сдѣлаемъ предположеніе, что на этой трети всего числа евр. фабрикъ работала пропорціонально треть всего числа евр. рабочихъ. Тогда процентное отношеніе еврейскихъ рабочихъ ко всѣмъ рабочимъ даннаго района выразится: не цыфрой 8,8% на всѣхъ фабрикахъ, и 34%—на еврейскихъ фабрикахъ, какъ это мы находимъ у г. Лещинскаго, а соотвѣтственно цыфрами 13% и 51%. Конечно такое предположеніе совершенно произвольно. Цыфры, полученныя нами при этомъ, допускаютъ большія колебанія въ ту и другую сторону, но очевидно, онѣ будутъ ближе къ истинѣ, чѣмъ при простомъ игнорированіи этой трети фабрикъ. Лучше всего было бы совсѣмъ не добиваться при такихъ условіяхъ полученія суммарнаго процентнаго отношенія евр. рабочихъ къ общему числу ихъ и къ числу ихъ на евр. фабрикахъ (да еще съ точностью до 0,1, какъ этого хочетъ непремѣнно г. Лещинскій.). Эффекта отъ этого, конечно, будетъ меньше, но зато и меньше диллетанства и еще чего-то!..

Если въ Юго-Запад. районѣ выдѣлить еще особо сахарную промышленность, превалирующую здѣсь по высотѣ стоимости ея продук-

товъ и занятыхъ въ ней рабочихъ, (50 тысячъ изъ общаго числа 108 тыс.), какъ сосредоточенную большей частью внѣ городскихъ центровъ и отличающуюся своими особыми условіями производства, и разсмотрѣть только городскую индустрію, тогда соотвѣтствующія статистическія данныя окажутся гораздо болѣе благопріятными для евр. труда и его будущихъ перспективъ. Для полученія дѣйствительной картины положенія еврейскаго труда такое выдѣленіе нужно было бы сдѣлать, хотя бы рядомъ съ сравненіями итоговыхъ чиселъ. Это имѣетъ, помимо методологическаго значенія въ научномъ смыслѣ, также чрезвычайно-важное практическое значеніе для уразумѣнія той экономической среды, въ которой протекаетъ жизнь евр. труда, и съ которой такъ или иначе связаны судьбы его будущаго. Но г. Лещинскому важнѣе всего агитаціонное значеніе его цыфръ, ему до такихъ анализовъ и деталей чрезвычайно мало дѣла.

Все, сказанное выше по отношенію къ Юго-Западному району, относится еще въ большей степени и къ Южному. Здѣсь обслѣдованіе уже не коснулось цѣлыхъ 43% всего числа еврейскихъ фабрикъ. По Екатеринославской губ., наиболѣе промышленной, изъ 201 евр. фабрики есть данныя о евр. рабочихъ только относительно 78, т. е. всего 39% всего числа. Представляемъ читателю судить, какой степенью достовѣрности обладаетъ цыфра въ 626 евр. рабочихъ, указанная по этой губ., и вычисленныя на этомъ основаніи (и уже съ точностью до 0,01) процентныя отношенія числа евр. рабочихъ къ общему числу рабочихъ на всѣхъ и, въ частности, на еврейскихъ фабрикахъ и заводахъ!

И здѣсь, конечно, было бы очень интересно выдѣлить отдѣльно горнозаводскую промышленность, находящуюся въ особыхъ условіяхъ развитія въ этомъ районѣ, дающую больше половины стоимости всего производства и еще большій процентъ рабочихъ, и особенно добываніе каменнаго угля и желѣзной руды, какъ отрасль производства, находящуюся внѣ черты городовъ и мѣстечекъ. Но можно ли требовать отъ г. Лещинскаго, съ удивительной „научной безстрастностью“ констатирующаго наличность всего 626 евреевъ фабр. рабочихъ въ Екаринославской губ. *) и вычисляющаго на этомъ основаніи съ осо-

*) Въ самой бѣдной изъ бѣдныхъ губерній Сѣверо-Западнаго района, въ Ковенской губ., оказывается 1400 евр. рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ.

бымъ злорадствомъ соотвѣтствующія процентныя отношенія съ точностью до 0,01, такого самопожертвованія!.

Изъ вышесказаннаго ясно, какой степенью правдоподобія обладаютъ всѣ тѣ вычисленія г. Лещинскаго, основнымъ элементомъ которыхъ входитъ число фабрично-заводскихъ еврейскихъ рабочихъ и особенно тѣ, которыя относятся къ числу евр. рабочихъ на еврейскихъ фабрикахъ!.

Но г. Лещинскій умѣетъ доходить до курьезовъ. Число и составъ по районамъ евр. рабочихъ, очевидно, находится въ тѣсной зависимости отъ количества, состава и историческаго пребыванія евреевъ въ томъ или другомъ районѣ. По даннымъ, весьма не полнымъ и неточнымъ, корреспондентовъ I. С. А., въ городахъ и мѣстечкахъ „Черты“ числилось еврейскаго населенія:

	Всего.	% ко всему насел.
Въ Сѣв.-Западн. районѣ	1.213.054	57,9
„ Юго-Западн. „	978.406	38,1
„ Южномъ „	511.478	26,3

Вмѣсто того, чтобы въ этихъ цыфрахъ найти нѣкоторое объясненіе факту уменьшенія, абсолютнаго и относительнаго, числа евр. рабочихъ въ этихъ районахъ по мѣрѣ движенія съ сѣвера на югъ, г. Лещинскій дѣлаетъ изъ нихъ чрезвычайно-оригинальное употребленіе, не лишенное остроумія. Онъ констатируетъ, что въ Сѣверо-Западномъ районѣ, гдѣ промышленность носитъ еще большей частью характеръ мануфактуры, евреи образуютъ 57,9% городского населенія, въ Юго-Западномъ только 38,8% а въ Южномъ 26,3%; и дѣлаетъ смѣлый обобщающій выводъ: „чѣмъ больше развита промышленность, тѣмъ больше въ этой мѣстности количество не-еврейскаго населенія и тѣмъ меньшій процентъ образуютъ тамъ евреи“. (стр. 30).

Какой смыслъ имѣетъ этотъ выводъ? Очевидно—одинъ. Есть внутренняя зависимость между состояніемъ промышленности въ томъ или другомъ районѣ и количествомъ еврейскаго населенія тамъ. Болѣе высокой ступени индустріи соотвѣтствуетъ болѣе низкій процентъ евр. населенія и наоборотъ. Г. Лещинскій, самъ можетъ быть не сознавая этого, сдѣлалъ великое открытіе: „болѣе высокаго типа индустрія“, вытѣсняетъ не только еврейскаго рабочаго, но и еврейское населеніе, вообще!

Мы не удивимся, если критики изъ лагеря сіонистовъ провоз-

гласятъ за г. Лещинскимъ безсмертную заслугу въ дѣлѣ открытія новыхъ законовъ, регулирующихъ еврейскія передвиженія и разселенія. Намъ же позволительно спросить г. Лещинскаго: неужели разселеніе евреевъ въ этихъ районахъ происходило, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, такъ, что рѣшающимъ для него было состояніе промышленности? Какъ будто историческія условія разселенія евреевъ въ Литвѣ и Новороссіи одинаковы! Какъ будто не замѣчается совершенно противоположное: бѣгства съ сѣвера на югъ, опорожненіе Литвы и сгущенія Новороссіи!

Отъ курьезовъ до самыхъ грубыхъ натяжекъ, граничащихъ съ фальсификаціей, одинъ шагъ! Г. Лещинскому нужно во что бы то ни стало самыхъ бьющихъ эффектовъ; настоящее, дѣйствительное положеніе для его изысканнаго научнаго вкуса недостаточно! И онъ прибѣгаетъ къ самому вопіющему сравненію несравнимаго.

Для сопоставленія Сѣверо-Западнаго района, гдѣ еврейскій трудъ занимаетъ видное мѣсто (43% всѣхъ рабочихъ) съ Южнымъ, гдѣ евр. трудъ представленъ очень слабо, (по вычисл. І. С. А. и г. Лещинскаго 2,75%), и для вящщаго посрамленія перваго онъ даетъ слѣдующую таблицу:

ТАБЛИЦА 16.

Районъ.	% евр. раб.	Средняя производ. фабр.			Средн. число рабочихъ на 1 фабр.		
		1889 г. абс. чис. (въ т. р.).	1897 г. абс. чис. (въ т. р.).	% прироста за промежутокъ 1889—1897 гг.	1889 г.	1897 г.	% прироста за промежутокъ 1889—1897 гг.
Сѣверо-Зап. . . .	43	16,72	17,79	6	15,01	17,2	14
Южный	2,75	54,42	76,14	40	23,86	42,14	82

Отсюда видно, что въ то вермя, какъ въ Сѣверо-Зап. краѣ, переполненномъ евр. рабочими, „средняя“ сумма произв. на 1 фабрикѣ поднялась съ 1889 по 1897 г. всего на 6% и число рабочихъ на 14%, въ это самое время въ Южномъ районѣ замѣчается огромный прогрессъ въ этомъ отношеніи: соотвѣтствующія цыфры для него 40 и 82, (а еврейскій трудъ въ немъ почти отсутствуетъ!) Эффектно, не правда-ли?

Г. Лещинскій забываетъ разсказать читателю одну маленькую подробность, о которой намъ уже приходилось говорить выше. Цыфры 1889 г. относятся исключительно къ предпріятіямъ **необложенным**ъ акцизомъ (тутъ не вошли, значитъ, фабрики и заводы, обложенные акцизомъ, и горные заводы), цыфры же 1897 г., приведенныя здѣсь г. Лещинскимъ, относятся **ко всѣм**ъ предпріятіямъ, (включая и обложенныя акцизомъ, и горныя). Но въ то время, когда въ Сѣверо-Западномъ краѣ горнозаводская промышленность почти отсутствуетъ (для 1897 г. 3 завода съ суммой произв. 105 тыс. р. и 152 раб.), она въ Южномъ краѣ, наоборотъ, представляетъ собой бóльшую часть всего производства края (для 1897 г. 137 завод. съ суммой произв. въ 111.826 тыс. и 69244 раб., по даннымъ, приведеннымъ г. Лещинскимъ). Отсюда ясно, какой неожиданный громадный плюсъ получилъ Южный районъ, благодаря прибавленію къ нему данныхъ по горнозаводской промышленности, за 1897 г., отсутствующихъ въ данныхъ за 1889 г. Для сопоставленія этихъ районовъ, нужно, очевидно, привести къ одному знаменателю данныя за 1889 г. и 1897 г., т. е. сдѣлать соотвѣтствующія данныя однородными. Такъ какъ у насъ нѣтъ подробныхъ данныхъ о горнозаводской промышленность за 1889 г., то, очевидно, остается сравнить оба района за 1897 г. безъ горно-заводской промышленности *).

Тогда мы получимъ слѣдующую таблицу:

ТАБЛИЦА 17.

Районъ.	Средняя производительность 1 фабрики.			Среднее число рабоч. на 1 фабр.		
	1889 г.	1897 г.	% прироста за пром. 1889—1897 гг.	1889 г.	1897 г.	% прироста за пром. 1889—1897гг.
Сѣверо-Западный	16,7	17,8	6	15	17	14
Южный	54,4	39,5	— 28	24	19	— 21

*) Вычислено по даннымъ, приведеннымъ г. Лещинскимъ. Мы вычли только данныя для горнозаводской промышленности а) для простоты вычисленій, b) какъ самую большую группу производствъ, вздувающую остальныя довольно скромныя цыфры. Чтобы сдѣлать данныя за 1889 и 1897 г. безупречно однородными, нужно было бы изъ данныхъ 1897 г. по обоимъ районамъ вычесть еще данныя, относящіяся къ предпріятіямъ, обложеннымъ акцизомъ. Отъ этого, однако, значительныхъ измѣненій въ соотношеніи обоихъ районовъ не произошло бы.

Что говоритъ намъ эта таблица? Ничто иное, какъ то, что по даннымъ г. Лещинскаго *), Сѣверо-Западный край обнаружилъ нѣкоторый подъемъ за 1889—1897 г., а въ Южномъ краѣ замѣчаются признаки упадка. Нѣсколько измѣнилось бы положеніе вещей, если-бы мы избрали другой путь для полученія однородныхъ данныхъ въ 1889 и 1897 г., а именно, еслибъ мы къ даннымъ 1889 г. прибавили бы таковыя, относящіяся къ горно-заводской промышленности **) и къ производствамъ, обложеннымъ акцизомъ, за этотъ же годъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ рукой этихъ данныхъ въ полномъ ихъ объемѣ. Впрочемъ, до эффектовъ г. Лещинскаго дѣло и тогда далеко не дошло бы.

Что-жъ, спроситъ насъ г. Лещинскій, опровергли ли мы тезисы о положеніи евр. труда?

На этотъ вопросъ у насъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ, простой и честный: нѣтъ! Но мы могли бы сказать нѣчто большее: мы и не взялись ихъ опровергать. Они неопровержимы, поскольку они говорятъ о статическомъ положеніи еврейскаго труда. Другое дѣло, динамика! Тутъ мы во многомъ можемъ расходиться, какъ расходимся, между прочимъ, въ объясненіи происхожденія и значенія „статики“ еврейскаго труда. И сила ихъ несомнѣнности не въ тѣхъ статистическихъ упражненіяхъ, которыя привелъ для ихъ подкрѣпленія г. Лещинскій, популяризируя на своемъ языкѣ книгу I. C. A., а внѣ ихъ. Все же предпринятое г. Лещинскимъ для ихъ подкрѣпленія можетъ только „скомпрометировать“ эти положенія. Нѣтъ ничего смѣшнѣе, когда г. Лещинскій, съ серьезностью достойной лучшей участи, носится съ цыфрой 34 тысячи еврейскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ въ „Чертѣ“ и продѣлываетъ съ ней разныя ариѳметическія манипуляціи курьезнаго свойства. Мы положительно утверждаемъ, что съ такой же точностью можно принять эту цыфру равной 60 тыс. или 15 тыс., въ зависимости отъ того, будемъ ли

*) На самомъ дѣлѣ это не такъ! Получился такой плачевный результатъ для Южнаго края, благодаря чрезвычайно вздутой цыфрѣ мелкихъ предпріятій тамъ. Методъ „среднихъ“ цыфръ дорого обходится г. Лещинскому и часто измѣняетъ ему. Но вѣдь для г. Лещинскаго иного пути нѣтъ!

**) Въ Южномъ районѣ горнозаводская промышленность сильнѣе всего развилась за это время.

мы пользоваться тѣми невѣдомыми „методами“, которые служили путеводной нитью для корреспондентовъ I. С. А., но обслѣдуемъ „Черту“ исчерпывающимъ образомъ, (чего они не сдѣлали), или же подойдемъ съ научнымъ критеріемъ для опредѣленія понятія „фабрика“ и „заводъ“: тогда пришлось бы добрую половину учтенныхъ еврейскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ перечислить въ разрядъ ремесленныхъ, кустарныхъ рабоч. или же служащихъ. То, что придаетъ этимъ тезисамъ силу правдивости и неопровержимости, это слѣдующіе несомнѣнные факты; отсутствіе евреевъ рабочихъ: a) въ горно-заводской промышленности, b) въ производствѣ сахара, c) въ крупныхъ текстильныхъ предпріятіяхъ, d) на желѣзныхъ дорогахъ и т. д. Все это неоспоримые элементарные факты, наблюдаемые простымъ, невооруженнымъ глазомъ. Г. Лещинскій даже не подозрѣваетъ, что когда онъ, между прочимъ, приводитъ фактъ отсутствія въ 1897 г. фабрики, на которой работали бы 1000 евреевъ рабочихъ *), то этимъ такъ ярко характеризуется положеніе евр. фабричнаго труда, какъ этого никогда не сдѣлаютъ всѣ его дальнѣйшія выкладки сомнительнаго свойства и дешевые эффекты.

У г. же Лещинскаго, сквозь всю мнимо-научную суровость, проглядываетъ довольно ясно пылкій темпераментъ агитатора извѣстнаго типа со свойственной послѣднему вульгарностью и неразборчивостью въ пріемахъ. Но это для научнаго изслѣдованія какъ разъ очень вредно! И дѣло здѣсь идетъ не только объ охраненіи интересовъ науки. Такое соображеніе, можетъ быть, для него и неубѣдительно! Оно вредно съ точки зрѣнія того конечнаго эффекта, котораго онъ добивается. Ибо найдутся люди, которые, разочаровавшись въ пріемахъ г. Лещинскаго, отвергнутъ и совершенно независимые отъ нихъ правильные выводы или, вѣрнѣе, предпосылки его и вмѣстѣ съ водицей выплеснутъ и ребенка. И, наконецъ, нужно-жъ имѣть уваженіе передъ печальной еврейской дѣйствительностью, чтобы изъ-за плохоприкрытыхъ агитаціонныхъ соображеній не издѣваться надъ ней и не прикрыть густымъ слоемъ лака и безъ того довольно мрачную картину. Не довольно ли одной правды!?

Такова статистика г. Лещинскаго! Мы съ сожалѣніемъ констатировали отсутствіе у него элементарнаго знакомства съ методами

*) Въ Россіи фабрики съ 1000 раб. и больше сосредоточили въ своихъ стѣнахъ около половины всего числа рабоч. на крупн. фабр. (отъ 100 р.).

статистическаго анализа, крайнюю предубѣжденность, диктующую ему странные пріемы изслѣдованія, отчасти ложные выводы, отчасти искусственное освѣщеніе вѣрныхъ положеній, топтаніе на одномъ мѣстѣ, въ смыслѣ постановки проблемъ, и агитаціонный пылъ, замѣняющій научную логику. Въ смыслѣ пониманія еврейской экономической дѣйствительности эта часть книги въ лучшемъ случаѣ ничего не прибавляетъ къ тому, что уже извѣстно и изжито. Зато она грозитъ распространеніемъ въ „Чертѣ“ диллетантизма въ совершенно новой области, тамъ, гдѣ это менѣе всего умѣстно. Подраженіе, и часто скверномъ образцамъ, у насъ такъ популярно!

Остается еще другая часть книги г. Лещинскаго, его дедуктивныя положенія. Къ этой второй части мы надѣемся еще вернуться.

Н. Іонинъ.

Вл. Косовскій. Вопросы Національности. Книгоиздательство Трибуна. Вильна. 1907 г. 108 стр. Ц. 40 к.

Книжка г. Косовскаго представляетъ собой сборникъ небольшихъ его статеекъ, печатавшихся въ различныхъ изданіяхъ Бунда за послѣднія 5 лѣтъ. Авторъ предпосылаетъ книжкѣ нѣсколько словъ, въ которыхъ высказываетъ надежду, что помѣщаемыя имъ здѣсь статьи „до извѣстной степени помогутъ читателю разобраться въ сложныхъ и запутанныхъ проблемахъ, выдвигаемыхъ борьбой національностей въ современномъ обществѣ, и, въ частности, найти ключъ къ разрѣшенію еврейскаго нац. вопроса, поскольку разрѣшеніе его вообще возможно въ капиталистическомъ строѣ". Строки эти, написанныя хотя въ довольно скромномъ тонѣ, тѣмъ не менѣе свидѣтельствуютъ о крайне преувеличенномъ мнѣніи автора о значеніи и теоретической цѣнности своей книжки. Въ самомъ дѣлѣ, книжка брошюрочнаго формата, содержащая всего 108 страничекъ,—заключаетъ въ себѣ, помимо придисловія„ Отъ автора" и приложеній „Изъ резолюцій, принятыхъ на VI-мъ съѣздѣ Бунда", цѣлыхъ шесть статей! Изъ нихъ четыре послѣднихъ статьи, размѣромъ отъ 6 до 12 страничекъ, печатавшихся въ Бундовскихъ „Послѣднихъ Извѣстіяхъ" и ежедневномъ „Фолксцайтунгѣ", носятъ чисто газетный характеръ, и говорить объ ихъ теоретической цѣнности, о томъ, что онѣ помогутъ читателю разобраться въ сложной и запутанной нац. проблемѣ или же найти ключъ къ разрѣшенію, пожалуй, не менѣе сложнаго и не менѣе запутаннаго еврейскаго вопроса, болѣе чѣмъ смѣшно. Остаются двѣ первыхъ, сравнительно болѣе солидныхъ статьи: „Національно-культурная автономія" и „Національность и ассимиляціи". Центръ тяжести первой статьи составляетъ изложеніе дебатовъ и резолюцій Брюнскаго партейтага по національному вопросу, въ примѣненіи къ соотвѣтствующимъ резолюціямъ IV-го съѣзда Бунда. Новаго, своего авторъ статьи въ пониманіе вопроса ровно ничего здѣсь не вноситъ.

Вторая статья состоитъ изъ двухъ главъ. Содержаніе первой главы составляетъ преимущественно изложеніе взглядовъ Каутскаго, развиваемыхъ имъ въ статьѣ „Борьба національностей и государственное право въ Австріи". Вторая глава посвящена главнымъ образомъ полемикѣ между Бруно Бауэромъ и Марксомъ по еврейскому вопросу и критикѣ взглядовъ того и другого. Но достаточно указать на то, что соотвѣтствующія книги Бауэра, какъ и возраженіе на нихъ Маркса, появились въ свѣтъ слишкомъ 60 лѣтъ тому назадъ, что объектомъ ихъ наблюденія составляло исключительно тогдашнее германское еврейство, что, наконецъ, и Бауэръ, и Марксъ исходятъ изъ признанія существованія какой-то особой антисоціальной „сущности" еврейства, съ той лишь разницей, что первый надѣляетъ этой чисто метафизической сущностью лишь „израильское племя", а второй—все буржуазное общество,—достаточно все это принять во вниманіе, чтобы убѣдиться, что на изложеніи и критикѣ такого рода взглядовъ далеко не пойдешь въ выясненіи с о в р е м е н н а г о х а р а к т е р а какъ нац. вопроса вообще, такъ и еврейскаго въ частности.

Но если теоретическая цѣнность книжки г. Косовскаго крайне сомнительна, то она зато представляетъ несомнѣнный интересъ въ другомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что книжка эта является чуть ли не единственнымъ кладеземъ всей теоретической премудрости Бунда въ сферѣ указанныхъ злополучныхъ вопросовъ. Въ этомъ смыслѣ она чрезвычайно характерна, такъ какъ въ ней довольно ярко отражается специфическія особенности бундовской интеллигентской мысли: трусость, половинчатость, оппортунистичность... Тутъ вы находите пресловутое повѣствованіе о томъ, какъ бундовскіе интеллигенты боролись противъ „дьявольскихъ навожденій" націонализма, какъ они пытались „давать отсрочку" національному вопросу... Авторъ изо всѣхъ силъ старается оправдать нац. грѣхопаденіе Бунда: нѣтъ, молъ, здѣсь никакого злого умысла, совершилось оно лишь послѣ упорной борьбы, подъ неумолимымъ напоромъ дѣйствительности... „Что дѣлать! Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно". (Страницы 11—12). Тутъ вы также встрѣчаете обычное у бундовскихъ публицистовъ бравированіе своей безпечностью насчетъ будущихъ нац. судебъ еврейства. „Съѣзду (рѣчь идетъ о IV съѣздѣ Бунда. А. Р.), говоритъ г. Косовскій, не зачѣмъ было строить гипотезу насчетъ того, будутъ ли какія-нибудь національныя проявляніе и стремленія у евреевъ въ освобожденной Россіи. Ему не зачѣмъ было спорить о

томъ, растворятся ли евреи въ окружающихъ народахъ или сохранятъ свою нац. физіономію, воспримутъ ли культуру сосѣдей, или разовьютъ собственную, усвоятъ ли русскій, польскій и другіе языки или сохранятъ свой жаргонъ". (Стр, 26). И авторъ совершенно не замѣчаетъ, въ какое непримиримое противорѣчіе партія становится здѣсь съ самимъ собой, со всѣмъ духомъ своего ученія. Какъ соціалдемократическая организація, Бундъ въ своей дѣятельности непремѣнно долженъ исходить изъ о п р е д ѣ л е н н а г о п р о г н о з а относительно направленія тѣхъ общественныхъ тенденцій, на которыя онъ собирается воздѣйствовать своей практической политикой. Для всякаго соціалдемократа это представляетъ собой истину чисто азбучнаго свойства. Если Бундъ въ національномъ вопросѣ евреевъ отстаиваетъ о п р е д ѣ л е н н у ю п о л и т и к у—а противъ этого, смѣемъ думать, г. Косовскій спорить не станетъ—то онъ непремѣнно долженъ исходить изъ о п р е д ѣ л е н н а г о п р е д с т а в л е н і я относительно нац. будущности еврейства. Въ противномъ случаѣ, его нац. политика можетъ оказаться въ противорѣчіи съ объективными тенденціями еврейской жизни, и слѣдовательно—стать утопичной и реакціонной.

Эта трусость мысли сказалась вполнѣ также и въ разсужденіяхъ автора по вопросу объ ассимиляціи евреевъ. Изъ его поля зрѣнія совершенно ускользаетъ самая суть вопроса въ его современной постановкѣ. И поэтому его полемика съ ассимиляторами изъ лагеря „россійскихъ соціалдемократовъ" крайне неубѣдительна и бьетъ мимо цѣли. Вѣдь весь центръ тяжести спора между еврейскими ассимиляторами и націоналистами въ настоящее время заключается именно въ вопросѣ о томъ, к у д а н а п р а в л я ю т с я о б ъ е к т и в н ы я, н е з а в и с я щ і я о т ъ н а ш е й д о б р о й и л и з л о й в о л и, т е н д е н ц і и е в р е й с к о й о б щ е с т в е н н о с т и: в ъ с т о р о н у л и а с с и м и л я ц і и и л и ж е н а ц і о н а л и з а ц і и? Ассимиляторы утверждаютъ, что стихійнымъ образомъ совершается процессъ ассимиляціи евреевъ, что въ раскрѣпощенной Россіи процессъ этотъ пойдетъ еще гораздо болѣе ускореннымъ темпомъ, и что поэтому всякая національно-еврейская политика должна вести къ культивированію отживающихъ формъ, къ искусственному задерживанію роста и развитія общественной жизни евреевъ. Націоналисты же утверждаютъ діаметрально-противоположное. Стихійно совершается, говорятъ они, не процессъ ассимиляціи, а наоборотъ, процессъ націонализаціи всѣхъ сторонъ еврейской жизни. Къ этому ведутъ объективныя тенденціи

современнаго общества. И поэтому, всякая ассимиляціонная политика въ еврействѣ, безсильная повернуть въ сторону стихійно развертывающійся процессъ, можетъ только дезорганизовать еврейскіе ряды, но ничего болѣе.

Здѣсь, только здѣсь, въ сферѣ этого вопроса, и вращается теперь основной споръ между еврейскими ассимиляторами и націоналистами.

И вотъ спрашивается: что тутъ можетъ сказать намъ г. Косовскій, не имѣющій своего мнѣнія и, повидимому, считающій даже излишнимъ имѣть таковое по этому основному, кардинальному вопросу. Разумѣется,—ровно ничего. Но г. Косовскому все-таки захотѣлось вставить сюда и свое слово. Что же онъ сдѣлалъ? Стряхнулъ пыль съ давно забытыхъ книгъ Бруно Бауэра, встревожилъ тѣнь этого чистокровнаго антисемита, снялъ съ него антисемитскую одежду, облекъ его въ мантію ассимилятора, и этотъ-то созданный его воображеніемъ чрезвычайно своеобразный и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно „хрупкій“ типъ ассимилятора ему легко было уничтожить въ пухъ и прахъ...

Вотъ какъ г. Косовскій излагаетъ взгляды Бруно Бауэра на еврейскій вопросъ въ Германіи:

„Нѣмецкіе евреи находятся въ исключительномъ положеніи, они живутъ еще въ правовыхъ условіяхъ феодально-средне-вѣковаго гетто. Поэтому наряду съ общей политической эмансипаціей Германіи, они требуютъ еще уничтоженія своего гражданскаго безправія. Что имъ на это отвѣчаетъ Бауэръ? Вы, евреи—говоритъ онъ,—эгоисты, если требуете для себя, какъ евреевъ, особой эмансипаціи. Вы должны, какъ нѣмцы, работать въ пользу эмансипаціи человѣчества, и особый видъ вашего гнета и вашего позора воспринимать не какъ исключеніе изъ правила а, наоборотъ, какъ подтвержденіе его. Вы требуете уравненія въ правахъ съ христіанскими подданными? Въ такомъ случаѣ вы признаете закономѣрность христіанскаго государства, вы признаете режимъ общаго угнетенія. Почему вамъ не нравится ваше спеціальное иго, когда вамъ нравится общее иго? Съ какой стати нѣмцу интересоваться освобожденіемъ еврея и т. д. Ясно, что еврей, какъ еврей, ничего для себя требовать не долженъ; требовать онъ можетъ только какъ нѣмецъ и „человѣкъ“; если же онъ заговариваетъ о спеціальномъ гнетѣ, подъ которымъ онъ живетъ въ противоположность нѣмцу, то онъ—эгоистъ, сепаратистъ, относится безу-

частно къ общему освободительному движенію, примиряется съ абсолютизмомъ и пр," (Стр. 52)

И далѣе:

„Еврей,—разсуждаетъ Бауэръ—можетъ относиться къ государству только на еврейскій манеръ, т. е. какъ пришелецъ, какъ чужой, противопоставляя дѣйствительной національности (т. е. нѣмецкой) свою химерическую національность, дѣйствительному закону свой призрачный законъ, воображая себя вправѣ обособляться отъ человѣчества, принципіально не принимая никакого участія въ историческомъ движеніи, надѣясь на будущность, которая ничего общаго съ будущностью человѣка не имѣетъ, считая себя членомъ еврейскаго народа, а еврейскій народъ—народомъ избраннымъ".

И г. Косовскій тутъ же замѣчаетъ:

„Не напоминаетъ ли вамъ это разсужденіе, въ общемъ и главномъ, за вычетомъ нѣкоторыхъ несущественныхъ особенностей, философіи современныхъ ассимиляторовъ?" (Стр. 54).

Намъ кажется, что „это разсужденіе, въ общемъ и главномъ" напоминаетъ скорѣе „философію" Союза Русскаго Народа, или, въ лучшемъ случаѣ,—Союза 17-го Октября, чѣмъ философію современныхъ ассимиляторовъ... Разумѣется, такого рода „философію" не трудно разбивать. Но стоитъ ли? А главное—что это можетъ дать для выясненія вопроса объ ассимиляціи евреевъ въ указанной выше современной его постановкѣ?

Г. Косовскій даетъ слѣдующую общую характеристику ассимилятора на основаніи анализа взглядовъ Бауэра: „Ассимиляторъ не разсматриваетъ еврейской національности въ ея историческомъ развитіи; для него это не живой, развивающійся организмъ, внутренняя структура котораго, какъ у всякаго развивающагося организма, подлежитъ закону измѣненій. Для него еврейство—соціальная окаменѣлость, остатокъ давно минувшей исторической эпохи, почти не испытавшій на себѣ вліяніе времени". „Для него еврейство есть застывшее тѣло, завершившее циклъ своего развитія, поэтому онъ прежде всего ищетъ его „сущности" и находитъ ее въ томъ или другомъ произвольно выбранномъ признакѣ: одинъ усматриваетъ ее въ еврейской религіи, другой—въ исторіи еврейской культуры, третій—въ принципіальномъ воздержаніи отъ участія въ общественныхъ движеніяхъ, четвертый, наоборотъ, въ способности еврея играть роль фермента революціи, пятый—въ духѣ наживы, и пр". (Стр. 59—60).

Г. Косовскій, очевидно, забылъ двѣ вещи:

Во-первыхъ, что существуютъ ассимиляторы—и это именно тѣ ассимиляторы, о которыхъ только и можетъ быть серьезная рѣчь въ настоящее время—не признающіе за еврействомъ никакихъ нац. „сущностей“ и аппелирующіе при рѣшеніи еврейскаго вопроса именно къ „тенденціямъ историческаго развитія еврейской національности“... Во-вторыхъ, г. Косовскій совершенно упустилъ изъ виду, что если бы онъ самъ, при анализѣ вопроса объ ассимиляціи евреевъ, „разсматривалъ еврейскую національность въ ея историческомъ развитіи“, онъ прежде всего долженъ былъ бы задать себѣ вопросъ: куда ведетъ это историческое развитіе—въ сторону ли ассимиляціи, или наоборотъ?..

Въ заключеніе укажемъ еще на одну, характерную, для бундовскихъ публицистовъ, черту, чрезвычайно рельефно выступающую въ книжкѣ г. Косовскаго. Это болѣзненно-преувеличенное партійное самомнѣніе, граничащее чуть ли не съ маніей величія. Вотъ вамъ одинъ довольно любопытный образчикъ. Рѣчь идетъ о „нарожденіи еврейской буржуазной демократіи“. Чѣмъ, вы думаете, объясняетъ г. Косовскій это общественное явленіе? Да очень просто: „Подъ вліяніемъ дѣятельности Бунда постепенно накоплялись измѣненія въ умахъ и чувствахъ еврейскихъ либераловъ, въ томъ же направленіи дѣйствовала война и все, что съ ней связано, конституціонное движеніе и пр.“ (Стр. 81). На первомъ планѣ, значитъ, дѣятельность Бунда, а потомъ уже война, конституціонное движеніе и пр. Удивительно, что г. Косовскій возникновеніе самой-то войны, конституціоннаго движенія и пр. не объясняетъ опять-таки дѣятельностью Бунда...

А. Р—нъ.

Гр. Гертцъ. Соціализмъ и національный вопросъ (Задачи соціалистической культуры. Сборникъ статей. Спб. 1907 г.—Есть и отдѣльное изданіе).

Національный вопросъ давно поставленъ на очередь въ программѣ и дѣятельности австрійской соціалдемократіи и получилъ тамъ нѣкоторое развитіе въ литературѣ. Брошюра, названіе которой выписано, принадлежитъ перу молодого австрійскаго соціалиста, впервые

обратившаго на себя не малое вниманіе небольшой, но содержательной работой „Die Agrarfragen“, составившей одинъ изъ замѣтныхъ этаповъ критической соціалдемократической мысли въ области аграрнаго вопроса. Свойственными Гертцу достоинствами—вдумчивостью и критическимъ чутьемъ отличается и его брошюра по національному вопросу, написанная (какъ и вся серія работъ подъ общимъ названіемъ „Задачи соціалистической культуры“) спеціально для русскаго изданія.

„Дѣти одной матери, націонализмъ и соціализмъ, въ настоящее время ведутъ между собою ожесточенную борьбу“,—правильно замѣчаетъ Гертцъ и также справедливо указываетъ на то, что „связь между соціализмомъ и націонализмомъ до сихъ поръ еще никѣмъ не была подвергнута анализу, и въ то время, какъ литературу о соціализмѣ еле удается исчерпать въ объемистыхъ библіографическихъ трудахъ, о націонализмѣ было написано очень мало цѣннаго въ научномъ отношеніи“ (662). „До сихъ поръ еще никѣмъ не была подвергнута анализу“... это сказано пожалуй, слишкомъ сильно, но самый фактъ бѣдности литературы въ этой области здѣсь подчеркнутъ съ полной основательностью. Тѣмъ важнѣе, конечно, всякая новая работа, новая строчка.

Необходимо съ похвалою отмѣтить правильную постановку вопроса о націи уже при самомъ опредѣленіи этого понятія. Это понятіе, „какъ понятіе всякаго организма“, правильно замѣчаетъ Гертцъ,—„не допускаетъ яснаго и исчерпывающаго опредѣленія“. (663). И съ этой общей точки зрѣнія авторъ даетъ дальше характеристику основныхъ конститутивныхъ признаковъ понятія націи. Касаясь наиболѣе характернаго изъ этихъ признаковъ—языка, Гертцъ отмѣчаетъ историческіе факты, доказывающіе, что „государство и нація предшествуютъ языку“. Что касается территоріи, которая „въ настоящее время и является матеріальной основой національной жизни“, то „все же значеніе ея исторически относительно: оно обнаруживается въ такія эпохи, когда народное существованіе уже достигло извѣстной степени устойчивости“. Имѣютъ вліяніе „традиціи, воспоминанія о подвигахъ, о счастливыхъ или несчастныхъ событіяхъ народной жизни“, нельзя оспаривать значенія „за одинаковостью происхожденія“, но и эти, какъ и многіе другіе признаки обладаютъ лишь относительно-ограниченнымъ, а не абсолютно-опредѣляющимъ значеніемъ. „Языкъ, территорія, государство, традиція, религія, раса—

таковы основные моменты, объединяющіе націю, и необходимо, чтобы на лицо было не менѣе двухъ для образованія націи. А впрочемъ, все зависитъ отъ историческихъ условій". Въ итогѣ получается слѣдующее опредѣленіе понятія націи: „Во всемъ этомъ многообразіи нетрудно, однако, открыть нѣчто общее, истинное ядро націи, именно: желаніе вести общую и тѣсную жизнь въ теченіе долгаго времени (курс. автора), чувство естественной связи" (679).

Въ дальнѣйшемъ авторъ даетъ интересный историческій очеркъ формъ и эволюціи національнаго чувства у отдѣльныхъ народовъ и въ разныя эпохи, причемъ удачно отмѣчаетъ такіе моменты, какъ поворотъ національнаго чувства въ сторону политики, явившійся однимъ изъ результатовъ французской революціи (633), или ту особую окраску, которую пріобрѣтаетъ нѣмецкій партійный націонализмъ отъ своей тѣсной связи съ аграрно-капиталистическими и промышленно-капиталистическими интересами" (712). Свои нѣсколько абстрактныя разсужденія по національному вопросу Гертцъ заканчиваетъ ссылкою на идею автономіи, развитой Шпрингеромъ. Въ аргументаціи Гертца „программа національной автономіи" сводится къ тому, „чтобы всюду, гдѣ живетъ болѣе или менѣе значительная часть членовъ какой нибудь націи, были созданы національныя корпораціи, по общинамъ, округамъ, странамъ вплоть до имперской корпораціи, охватывающей всѣ отдѣльныя корпораціи и являющейся представительницей всей націи" (725).

Гертцъ не подвергаетъ сколько-нибудь подробному анализу и развитію ни принципа, ни системы національной автономіи, но въ его лицѣ этотъ принципъ, очевидно, пріобрѣтаетъ энергичнаго поборника. Это въ свою очередь служитъ характернымъ признакомъ переживаемыхъ настроеній въ этой области.

М. Эръ.

Л. Кульчицкій (Мазовецкій). Автономія и федерація въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ. Пер. съ польскаго А. Паткина съ дополненіями, измѣненіями и предисловіемъ автора спеціально для русскаго изданія. Москва 1907. Изд. Петровской библ, Стр. 211.—Ц. 75 к.

Появленіе книжки Кульчицкаго на русскомъ языкѣ съ соотствующими измѣненіями и дополненіями сравнительно съ прежнимъ изданіемъ нельзя не привѣтствовать, какъ явленіе вполнѣ своевре-

менное. Пробуждающійся интересъ къ національному вопросу, въ связи съ развивающимся національнымъ движеніемъ, не находитъ себѣ пока полнаго удовлетворенія въ соотвѣтствующемъ количествѣ литературы, крайне немногочисленной у насъ. Книга г. Кульчицкаго представляетъ собою не научное изслѣдованіе, а публицистическую работу, въ ясной и популярной формѣ охватывающую затрагиваемые вопросы.

Въ отд. I (стр. 7—90) содержится анализъ обоихъ понятій конституціонно-правового государства—личной и гражданской свободы, говорится о системахъ избирательнаго права и парламентскомъ строѣ, о политическихъ партіяхъ и т. п. Въ дальнѣйшихъ главахъ содержится описаніе сущности и организаціи автономныхъ учрежденій въ отдѣльныхъ странахъ и областяхъ: въ Австріи, Галиціи, Венгріи, Кроатіи, Англіи, Австраліи (стр. 91—122). Выводы изъ этого фактическаго анализа получаются такого рода, что „капитализмъ, нуждающійся въ извѣстной централизаціи, въ извѣстномъ объединеніи провинцій, колоній и территорій, связанныхъ между собою законополитическими узами;.., оставляетъ мѣсто для широкой автономіи и федераціи“(122), и что „предубѣжденіемъ является то утвержденіе, будто сильное государство съ сильнымъ центральнымъ правительствомъ для общихъ всѣмъ областямъ дѣлъ должно быть централизовано и не можетъ мириться съ автономіей или федераціей“.

Все это мысли, несомнѣнно правильныя, не разъ излагавшіяся на страницахъ нашей, серповской литературы. Интересный фактическій матеріалъ содержится и въ отдѣлѣ четвертомъ, посвященномъ описанію федераціи (128—183), гдѣ излагается подробно федеративная конституція Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Швейцарскаго Союза и другихъ мелкихъ государствъ. Отдѣлъ этотъ дополняетъ глава о „личной и реальной уніи (184—к·).

Но есть въ книгѣ г. Кульчицкаго и мысли изъ болѣе спорной области, и эти то мысли представляютъ, пожалуй, наибольшій интересъ.

Авторъ является убѣжденнымъ сторонникомъ, такъ называемой, экстерріторіальной національной автономіи, организація которой необходима для огражденія интересовъ національныхъ меньшинствъ. Но этотъ институтъ рисуется здѣсь въ нѣсколько туманномъ видѣ. Рѣчь идетъ, во первыхъ, объ автономныхъ учрежденіяхъ для удовлетворенія „культурно-національныхъ“ потребностей, безъ ближайшаго

опредѣленія послѣднихъ. Далѣе экстерриторіальная автономія предназначается для національныхъ „меньшинствъ“ при наличности автономіи территоріальной для большинства. При этомъ авторъ забываетъ то важное положеніе, что большинства въ одномъ мѣстѣ образуютъ меньшинство въ другомъ и слѣд., экстерриторіальность получаетъ значеніе универсальнаго принципа; образованіе національныхъ союзовъ со своими сеймами изображается авторомъ добровольнымъ актомъ отдѣльныхъ народностей, хотя сеймы пріобрѣтаютъ право принудительнаго обложенія (124—5). Относительно будущаго конституціоннаго строя авторъ высказываетъ нѣсколько интересныхъ соображеній. Централизмъ исключается. Предпочитается „полная автономія отдѣльныхъ частей государства въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ на ряду съ существованіемъ центральнаго парламента для общегосударственныхъ дѣлъ“, а въ общемъ „будущее конституціонное русское государство можетъ принять форму федераціи по образцу Германской Имперіи“ (189—190). Можно отличить нѣкоторую податливость этихъ указаній, равно, какъ и странность предложеній вродѣ тѣхъ, что автономіи должны быть лишены буряты и т. п. На практикѣ авторъ столкнулся съ затрудненіями при попыткѣ разграничить Россію по принципу территоріальной автономіи. Смѣшеніе историческихъ и этнографическихъ границъ, равно какъ и наличность національныхъ меньшинствъ заставляютъ прибѣгать автора подчасъ къ довольно искуственнымъ комбинаціямъ (193—200). Въ качествѣ поляка г. Кульчицкій удѣляетъ особую интересную главу вопросу объ автономіи Царства Польскаго (207—11). Въ общемъ книга г. Кульчицкаго представляетъ не мало матеріала для всѣхъ интересующихся вопросами автономіи и федераціи.

М. Эръ.

Яковъ Лещинскій. Еврейскій рабочій (въ Лондонѣ). Издательство Цукунфтъ. Вильна, 1907 г. Цѣна 20 к.

Авторъ задался цѣлью познакомить читающую по-еврейски публику съ положеніемъ еврейскаго рабочаго въ Лондонѣ. Двѣ черты особенно ярко и рельефно рисуютъ это положеніе: 1) Экономическая отсталость въ сферѣ приложенія евр. труда. Еврейскіе рабочіе заняты почти исключительно въ ремеслѣ и мануфактурѣ, организован-

ной капиталистически въ системѣ домашней промышленности. Здѣсь прочно свили себѣ гнѣздо самыя жестокія формы экономической эксплуатаціи, царство Sweating-System съ его нищенской заработной платой и произвольно-длиннымъ рабочимъ днемъ, не встрѣчающимся больше ни въ одной отрасли капиталистически-организованной индустріи. Еврейскіе рабочіе-эмигранты какъ бы перенесли съ собой тѣ формы труда, которыя угнетали ихъ на старыхъ покинутыхъ мѣстахъ „черты осѣдлости“ Галиціи или Румыніи. Безработица со всѣми ея послѣдствіями: нищетой, голодомъ и т. д. здѣсь самый обычный гость. Трудъ здѣсь почти не организованъ, благодаря разрозненности и нищетѣ рабочихъ, и совершенно беззащитенъ, какъ вслѣдствіе своей неорганизованности, такъ и вслѣдствіе непроникновенія туда фабричной инспекціи.

2) Изолированность еврейскихъ рабочихъ отъ окружающаго ихъ коренного пролетаріата. Еврейскіе рабочіе образуютъ свою общину, свой міръ, замкнутый экономически и культурно. И это совершается само собой, чисто стихійнымъ образомъ, въ силу различія въ экономическихъ и культурно-національныхъ условіяхъ жизни еврейскаго и не-еврейскаго пролетаріата. Здѣсь, въ еврейскомъ кварталѣ, вы находите особую, своеобразную сферу интересовъ. Уайтъ-Чепль скорѣе напоминаетъ собой улицу изъ „Черты“, со всѣми ея скорбями и рѣдкими радостями, чѣмъ кварталъ англійскаго Лондона.

По разсматриваему нами вопросу имѣются недурныя монографіи Соловейчика (Un proletariat méconu) и Г. Гальперна (Die Iüdischen Arbeiter in London). Цѣнныя указанія можно также найти у Бутса и отчасти у Гибсона. На русскомъ языкѣ имѣются нѣкоторыя компилятивныя статьи въ толстыхъ журналахъ. Отсутствіе популярной брошюры на еврейскомъ языкѣ несомнѣнно чувствовалось. Для еврейскаго рабочаго болѣе чѣмъ необходимо познакомиться съ условіями жизни и труда его же братьевъ, вырванныхъ изъ его рядовъ и заброшенныхъ въ Лондонъ. Здѣсь, можетъ быть, онъ знакомится съ своей же собственной судьбой въ ближайшемъ будущемъ. Много сторонъ его національной и экономической среды выступили бы для него въ совершенно-новомъ свѣтѣ. Онъ бы уразумѣлъ о б щ н о с т ь судебъ еврейскихъ рабочихъ въ старой „Чертѣ“ и въ новыхъ для него странахъ, за каналомъ и за океаномъ, и вытекающую отсюда проблему его будущаго.

Г. Я. Лещинскій пополнилъ этотъ пробѣлъ. Онъ воспользовался вышеуказанными матеріалами и далъ недурную популяризацію. От-

несся онъ къ своей задачѣ на этотъ разъ просто и искренно. Недурно у него вышла картинка Лондонской жизни и еврейскаго гетто, изложеніе сущности Sweating-System. Жаль только, что г. Лещинскій питаетъ слабость къ „учености“. Совершенно непонятно, зачѣмъ ему понадобились цитаты изъ Маркса, чтобы констатировать болѣе жестокую степень эксплуатаціи въ домашней промышленности вслѣдствіе меньшей силы сопротивленія рабочихъ, занятыхъ въ ней и т. п. Неужели безъ этого не ясно? Или г. Лещинскій хочетъ подкрѣпить анализъ Маркса 60-тыхъ годовъ?

Странное впечатлѣніе производитъ также философія евр. эмиграціи у г. Лещинскаго и ея эволюція отъ среднихъ вѣковъ по наше время. Объ этомъ нужно либо говорить серьезно (причемъ популярно!) и обстоятельно, либо не говорить вовсе. На полстраничкѣ, въ заключеніи, въ брошюрѣ о еврейскомъ гетто въ Лондонѣ, это врядъ ли умѣстно.

Въ общемъ брошюру нужно признать удачной и полезной. Языкъ, не безъ шероховатостей, руссицизмовъ и германизмовъ, все таки лучше и ровнѣе, чѣмъ въ обычныхъ изданіяхъ изъ лагеря „Цукунфтъ“. Пожелаемъ ей широкаго распространенія. Цѣна, 20 к., за брошюру въ 35 стр. слишкомъ высока.

Н. Іонинъ.

М. Г. Моргулисъ. Вопросъ, именуемый еврейскимъ. Петербургъ 1906 г. Цѣна 30 коп.

„Всестороннее“ изученіе еврейскаго вопроса съ „широкой точки зрѣнія“ привело автора къ заключенію, что „вопросъ, именуемый еврейскимъ, въ сущности не еврейскій вопросъ, а вопросъ всеобщаго невѣжества. Если бы всѣ угнетатели евреевъ хорошо знали исторію, основательно изучали бы еврейскую письменность и внимательно слѣдили бы за докладами и указами свѣтскихъ и духовныхъ владыкъ, то о еврейскомъ вопросѣ не могло бы быть и рѣчи“. И въ самомъ дѣлѣ, какой же можетъ быть „еврейскій вопросъ“, когда:

а) Евреи совершенно неповинны въ смерти Христа и въ гоненіяхъ на первыхъ христіанъ. Если бы противники евреевъ лучше знали исторію, то они знали бы и то, что во всѣхъ козняхъ противъ Христа и первыхъ христіанъ виноваты не фарисеи, какъ принято ду-

мать, а садукеи. Садукеи же составляли незначительную часть еврейства и были ненавидимы народомъ;

в) Обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови давно опровергнуто. Противъ этого обвиненія выступили „владыки церкви, коронованныя особы, ученыя корпораціи и много ученыхъ евреевъ и христіанъ“.—Авторъ посвящаетъ двѣ главы доказательствамъ безсмысленности и гнусности этого обвиненія;

с) Сами полтавскій и черниговскій губернаторы признали, что евреи ассимилируются и что, не будь черты осѣдлости, евреи быстро сошли бы со сцены—только невѣжды могутъ утверждать, что съ полученіемъ правъ укрѣпится еврейскій народъ;

d) Евреи любятъ Россію такъ же, какъ и коренные русскіе, не менѣе храбры, чѣмъ послѣдніе, и такъ же, какъ они, готовы жертвовать жизнью за отечество. Объ этомъ свидѣтельствуетъ... „телеграмма великаго князя главнокомандующаго“, помѣщенная въ „Прав. Вѣстникѣ“ за 1874 г. въ № 271. Въ этой телеграммѣ сообщается, что „рядовой Орловскаго пѣхотнаго полка Лейба Файгенбаумъ, состоявшій за наводчика въ числѣ прислуги у горнаго орудія, видя бомбу, упавшую возлѣ самаго орудія, готовую разорваться, быстро схватилъ ее, и, несмотря на то, что трубка горѣла, съ явной опасностью для жизни бросилъ ее черезъ брустверъ въ оврагъ“. Да и не только одинъ Лейба Файгенбаумъ оказался героемъ, но и „еврей врачъ Троцкій“ съ оружіемъ въ рукахъ „палъ при извѣстной вылазкѣ текинцевъ 28 декабря 1880 г. („Прав. Вѣстникъ“ 1881 г. № 4)—и, наконецъ,

е) „Часть еврейской интеллигенціи“ всегда изучала русскій языкъ, считая его своимъ роднымъ языкомъ; изучала русскую литературу и сама въ ней принимала участіе, училась въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и наравнѣ съ другими развивала въ Россіи науки, словомъ, „жила по русски“.

Изъ всего этого явствуетъ, что еврейскаго вопроса нѣтъ, а есть вопросъ русскихъ, нѣмцевъ, французовъ, не отличающихъ садукеевъ отъ фарисеевъ и обвиняющихъ поэтому евреевъ въ убійствѣ Христа; незнакомыхъ съ буллами „владыкъ церкви“ и указами „коронованныхъ особъ“ и потому вѣрящихъ въ то, что евреи употребляютъ христіанскую кровь; не читающихъ докладовъ полтавскаго и черниговскаго губернаторовъ и потому говорящихъ о „еврейской обособленности“; не слѣдящихъ за „Прав. Вѣстн.“ и телеграммами великаго князя главнокомандующаго и потому не знающихъ о геройствѣ

Лейба Файгенбаума и „еврея врача Троцкаго"; непосвященныхъ въ жизнь еврейской интеллигенціи, которая всегда жила „по русски" и потому отрицающихъ фактъ еврейской ассимиляціи. Вопросъ, именуемый еврейскимъ, есть не болѣе и не менѣе какъ вопросъ русскаго, нѣмецкаго etc. невѣжества.

Таковы результаты „всесторонняго" изученія еврейскаго вопроса „съ широкой точки зрѣнія", которые г. Моргулисъ опубликовалъ въ... **тысяча девятьсотъ шестомъ году!..**

А. Ф—овичъ.

Матеріалы къ исторіи еврейскаго рабочаго движенія.

А) Отчетъ Центральнаго Комитета Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи, представленный Интернаціональному Соціалистическому Конгрессу въ Штутгардтѣ.

I.

Еврейское рабочее движеніе развивалось въ двухъ направленіяхъ, въ тѣсной зависимости отъ метода рѣшенія національной проблемы вообще и еврейской національной проблемы въ частности.

Эти два направленія находили свое внѣшнее выраженіе въ двухъ организаціяхъ еврейскихъ пролетарскихъ массъ—въ „Бундѣ“ и „Пойалей-Ціонъ“ („Рабочіе-Сіонисты“).

Въ „Бундѣ“ первоначально господствовала *ассимиляторская* тенденція, которая перешла къ нему въ наслѣдство отъ еврейской *культуртрегерской* интеллигенціи. Но по мѣрѣ того, какъ „Бундъ“ все болѣе и болѣе проникалъ въ массовую жизнь, пуская тамъ свои корни, онъ постепенно націонализировался и сложился, наконецъ, въ самостоятельную еврейскую партію, которая выставила свою собственную программу рѣшенія національнаго (и еврейскаго) вопроса въ Россіи, сводящуюся къ требованію предоставить національностямъ (въ томъ числѣ и еврейской) право на автономное завѣдываніе своими чисто-культурными дѣлами.

„Пойалей-Ціонъ“ пришли къ подобнымъ результатамъ, отправившись отъ противоположнаго пункта. Они первоначально находились подъ идейнымъ вліяніемъ *сіонистской* интеллигенціи и были проникнуты соотвѣтствующимъ настроеніемъ. Въ основѣ ихъ дѣятельности лежала идея полнѣйшей изоляціи еврейскаго народа отъ всѣхъ другихъ народовъ и еврейскаго пролетаріата—отъ всего рабочаго класса Россіи. Но чѣмъ больше это направленіе проникало въ пролетарскія массы, тѣмъ болѣе оно подъ давленіемъ живой пролетарской дѣйствительности освобождалось отъ привитой ему идеи національной исключительности и изолированности. Постепенно и пойаэлей-ціонистская организація приближалась къ типу самостоятельнаго еврейскаго отряда интернаціональной рабочей арміи.

Возникновеніе „Пойалей-Ціонъ“, изъ рядовъ которыхъ вышла „Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія“, относится къ концу 90-хъ годовъ прошлаго вѣка. Приблизительно шесть лѣтъ тому назадъ состоялся первый (тайный) съѣздъ пойаэлей-ціонистскихъ организацій. Этотъ съѣздъ представляетъ собою первую попытку

пойаэлей-ціонистовъ выработать общія основы партійнаго міровоззрѣнія и создать литературно-пропагандистскій центръ. Эта попытка, однако, ни къ чему не привела. Какъ и раньше, пойаэлей-ціонистсткіе кружки и организаціи, разбросанные по всей чертѣ осѣдлости, продолжали пребывать въ состояніи разрозненности, предоставленные самимъ себѣ. Но съ теченіемъ времени такое изолированное существованіе должно было стать просто невыносимымъ. Это тяжелое положеніе усугублялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что во многихъ мѣстахъ—какъ, напр., на Югѣ и Юго-Западѣ Россіи, гдѣ еврейское рабочее движеніе долгое время развивалось исключительно подъ знаменемъ „Пойалей-Ціонъ“, а отчасти также въ Литвѣ и Польшѣ (составлявшихъ въ то время „районъ“ „Бунда“), преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „Бундъ“ еще не укрѣпился—передъ „Пойалей-Ціонистской организаціей стояла не только національная еврейская проблема: ей также приходилось принимать активное участіе въ повседневной работѣ въ области теоріи и практики общаго рабочаго движенія.

Такимъ образомъ естественно, что въ каждомъ отдѣльномъ районѣ постепенно возникали самостоятельные руководящіе пойаэлей-ціонистскіе центры. Преимущественно же это имѣло мѣсто въ тѣхъ городахъ, гдѣ не было недостатка въ теоретическихъ и практическихъ силахъ. На Югѣ такими центрами были Екатеринославъ, а впослѣдствіи Одесса; на Юго-Западѣ — Кіевъ; на Литвѣ — Минскъ, Двинскъ, Вильна и Витебскъ; въ Польшѣ — Варшава, а впослѣдствіи также Лодзь. Представители этихъ центровъ часто съѣзжались, чтобы совмѣстно разбирать возникшіе вопросы.

Конференція „Возрожденія“.

Изъ всѣхъ этихъ съѣздовъ наиболѣе важное историческое значеніе имѣла состоявшаяся въ 1903 году, такъ называемая, конференція „Возрожденія“. Эта богатая содержаніемъ конференція образовала поворотный пунктъ въ эволюціи еврейской соціалистической мысли. Всѣ теченія революціонной и соціалистической мысли, которыя встрѣчались въ пойаэлей-ціонистскомъ движеніи, были здѣсь представлены: соціалисты-революціонеры, соціалъ-демократы, просто соціалисты и сіонисты-соціалисты. Послѣ серьезнаго и живого обмѣна мнѣній, подробное изложеніе которыхъ нашло себѣ мѣсто въ „Отчетѣ конференціи Возрожденія“ были единогласно приняты слѣдующія резолюціи, въ которыхъ дѣйствующія въ еврейскомъ обществѣ партіи—соціалъ-демократія, „Бундъ“ и сіонисты — подвергаются критикѣ и также опредѣляются отношенія къ нимъ.

При опредѣленіи нашихъ отношеній къ господствующимъ направленіямъ въ германской, польской и русской соціалдемократіи, должны быть приняты во вниманіе ея слѣдующія характерныя черты:

1. Игнорированіе національной проблемы у угнетенныхъ національностей.

2. Упомянутая черта вытекаетъ изъ систематически грубаго толкованія историческаго матеріализма и невѣрно понятаго интернаціонализма; свою нравственную санкцію она получаетъ въ утилитарной этикѣ. Все это признаки соціализма господствующихъ націй.

Въ примѣненіи къ еврейскому народу эти общіе признаки принимаютъ конкретную форму слѣдующихъ воззрѣній:

1. Не существуетъ еврейской націи.

2. Евреи не имѣютъ права стремиться къ національной самостоятельности.

3. Утилитарный взглядъ на евреевъ, какъ на средство для тѣхъ народностей, среди которыхъ они живутъ.

Изъ этой характеристики вытекаютъ наши отношенія къ соціалистическимъ партіямъ:

1. Солидарность съ ними въ ихъ защитѣ политическихъ и экономическихъ интересовъ пролетаріата господствующихъ націй.

2. Борьба съ ними за ихъ отношеніе къ еврейскому національному вопросу, выражающееся въ проповѣди и поддержкѣ ассимиляціи.

Отношеніе къ Бунду вытекаетъ изъ слѣдующей его характеристики:

1. Бундъ недостаточно подчеркиваетъ различіе политическихъ и экономическихъ интересовъ еврейскихъ трудящихся массъ и русскаго пролетаріата и даетъ этому различію ложное, одностороннее историческое освѣщеніе. Это лишаетъ Бундъ возможности дать правильный историческій прогнозъ развитію еврейскихъ трудящихся массъ.

2. Бундъ не поставилъ еврейскаго вопроса, какъ самостоятельную національную проблему.

3. Бундъ не имѣетъ національнаго идеала.

4. Бундъ не даетъ себѣ отчета о конкретныхъ условіяхъ, нужныхъ для нормальной національной жизни и игнорируетъ историческія силы въ еврействѣ, ведущія къ такой нормальной жизни.

Отсюда вытекаетъ отношеніе къ Бунду:

1. Полная солидарность съ нимъ, поскольку онъ развиваетъ въ еврейской трудящейся массѣ политическое и классовое самосознаніе.

2. Борьба съ его воззрѣніями на національную проблему еврейскаго народа и пріемами рѣшенія еврейскаго вопроса.

Характеристика сіонизма:

1. Изъ отрицательной характеристики Бунда вытекаютъ всѣ положительныя черты сіонизма.

2. Сіонизмъ неправильно оцѣнилъ средства, ведущія къ достиженію цѣли.

3. Изъ этого вытекаетъ его реакціонная тактика, мѣшающая культурному развитію еврейской націи.

Этимъ обусловливается слѣдующее отношеніе къ сіонизму:

1. Борьба съ его реакціонной тактикой.

2. Содѣйствіе всѣми силами достиженію намѣченныхъ имъ идеаловъ.

Конференція „Возрожденіе“ установила три основныхъ принципа, на которыхъ должно базировать еврейское рабочее движеніе:

1. Соціализмъ, какъ конечная цѣль.

2. Революціонныя борьба противъ самодержавнаго и бюрократическаго режима, какъ Losungswort тактики и

3. Территоріализмъ, т. е. стремленіе къ пріобрѣтенію собственной свободной территоріи для еврейскаго народа, какъ радикальное и полное рѣшеніе еврейскаго вопроса.

Несмотря на общую солидарность въ этихъ трехъ основныхъ принципахъ, кон-

ференціи, тѣмъ не менѣе, не удалось ликвидировать идейный и организаціонный разбродъ, господствовавшій въ рядахъ „Пойалей-Ціонъ“. Этой задачи не удалось выполнить также и тѣмъ двумъ журналамъ—„Возрожденіе“ на русскомъ языкѣ и „Die Judische Freiheit“, на жаргонѣ, которые вскорѣ послѣ конференціи, согласно ея постановленію, стали выходить въ свѣтъ. Однако эти журналы много сдѣлали для выясненія теоретическихъ воззрѣній Пойалей-Ціонъ, и *не одинъ* рабочій обязанъ имъ своимъ политическимъ самоопредѣленіемъ и своимъ уразумѣніемъ историческихъ судебъ еврейскаго народа; они охотно читались и распространялись пойаэлей-ціонистскими организаціями. Но принципіально большинство послѣднихъ относилось отрицательно къ направленію „Возрожденія“. Объясняется это тѣмъ, что въ общихъ соціологическихъ вопросахъ эти журналы высказывались въ духѣ соціалреволюціонизма и критическаго марксизма въ то время, какъ пойаэлей-ціонистская масса въ своемъ общемъ историческомъ міропониманіи стояла на почвѣ ортодоксальнаго марксизма. Кромѣ того были еще и другія чисто внѣшнія, техническія трудности, которыя мѣшали сближенію и сліянію „возрожденцевъ“ и „Пойалей-Ціонъ“ въ одну еврейскую соціалистическую партію.

Партія Сіонистовъ-Соціалистовъ.

Въ концѣ концовъ періодъ полнаго разброда миновалъ. Стремленіе однородныхъ элементовъ къ объединенію привело наконецъ къ образованію въ началѣ 1905-го года партіи „Сіонистовъ-Соціалистовъ“ (С.-С.), объединившей подъ своимъ знаменемъ значительное число единомыслящихъ организацій. Учредительный съѣздъ этой партіи отказался принять окончательно какую-нибудь опредѣленную программу. Это должно было входить въ задачи ея перваго очереднаго съѣзда. Однако общее направленіе сіонистско-соціалистической партіи вполнѣ опредѣлилось вскорѣ послѣ обнародованія „Декларації“, извѣщавшей о конструированіи партіи. Это направленіе, покоившееся на основѣ марксистскаго міросозерцанія, было проникнуто глубокимъ и безнадежнымъ пессимизмомъ. Согласно ученію этой партіи, до осуществленія ея конечной цѣли, до пріобрѣтенія свободной страны для еврейскаго народа, невозможны никакія реформы и улучшенія еврейской жизни въ діаспорѣ. Оставаясь въ діаспорѣ, еврейскій пролетаріатъ не развиваетъ своихъ общественныхъ силъ, а постепенно вырождается. Импульсы для еврейскаго рабочаго движенія нужно искать въ обнищаніи и эмиграціи еврейскихъ массъ. Силы же, посредствомъ которыхъ должна быть реализована территоріалистическая конечная цѣль, таятся въ еврейскихъ буржуазно-территоріалистическихъ организаціяхъ. Путями и средствами этой реализаціи служатъ дипломатическіе переговоры между той же буржуазно-территоріалистической организаціей и европейскими правительствами, ведущими колоніальную политику. Задача же еврейскаго пролетаріата состоитъ исключительно въ томъ, чтобы пропагандировать идею территоріализма въ средѣ еврейской буржуазіи и контролировать ея территоріалистическую дѣятельность. Это достигается участіемъ сіонистовъ-соціалистовъ въ территоріалистическихъ конгрессахъ буржуазіи и совмѣстной работой съ ней въ другихъ учрежденіяхъ.

Однако дѣятельность этой партіи не совсѣмъ соотвѣтствовала ея теоріи.

Отрицая въ принципѣ всякую экономическую и революціонно-политическую дѣятельность въ странахъ разсѣянія, сіонисты-соціалисты тѣмъ не менѣе вынуждены были подъ давленіемъ насущныхъ жизненныхъ потребностей еврейскаго пролетаріата, принимать въ ней все болѣе и болѣе активное участіе. Такимъ образомъ, съ перваго момента выступленія этой партіи на политическую арену обнаруживалось явное противорѣчіе между ея теоріей и практикой. Это противорѣчіе не только удерживало „возрожденцевъ“ отъ присоединенія къ партіи, но и оттолкнуло отъ нея значительное число пойаэлей-ціонистскихъ организацій, которыя въ своемъ теоретическомъ развитіи пришли къ болѣе послѣдовательному примѣненію выводовъ соціалистическаго ученія къ условіямъ еврейской дѣйствительности. Изъ этихъ то элементовъ, т. е. изъ „возрожденцевъ“, состоявшихъ преимущественно изъ интеллигентовъ, приверженцевъ соціалреволюціоннаго ученія—съ одной стороны, и изъ значительнаго числа указанныхъ пойаэлей-ціонистскихъ организацій, стоявшихъ на точкѣ зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи—съ другой, образовалась вслѣдъ за тѣмъ Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія (иначе называемая „СЕРП“—по иниціаламъ своего русскаго имени, или короче „Е. С.“), къ которой вскорѣ примкнули нѣкоторыя дѣятели изъ партіи Сіонистовъ-Соціалистовъ.

Возникновеніе „Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи“.

Въ сентябрѣ 1905-го года состоялась конференція изъ дѣятелей „Возрожденія“ и „Пойалей-Ціонъ“, избравшая Организаціонный Комитетъ, которому было поручено объединить въ одну партію вышеупомянутыя организаціи и группы, не примкнувшія къ партіи Сіонистовъ-Соціалистовъ, и созвать учредительный съѣздъ вновь организующейся партіи. Онъ также долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы массы, входящія въ составъ этой партіи, выяснили себѣ и усвоили принципы новой программы. Равнымъ образомъ на него была возложена задача общаго руководства революціонной дѣятельностью тѣхъ организацій, которыя примкнутъ къ нему.

Въ трудное время приступилъ Организаціонный Комитетъ къ своей дѣятельности. Лихорадочная смѣна событій великихъ революціонныхъ дней и мѣсяцевъ требовала высшаго напряженія и сконцентрированія всей энергіи въ области практической революціонной борьбы. Въ то же время, въ результатѣ частыхъ революціонныхъ столкновеній съ правительствомъ, еврейскія пролетарскія массы были сильно дезорганизованы. Эта дезорганизація приняла угрожающіе размѣры, когда контръ-революція, организуя еврейскіе погромы, по своимъ звѣрствамъ превосходившіе всякое описаніе, вздумала потопить россійскую революцію въ еврейской крови. Къ тому же широкое профессіональное движеніе, которое, несмотря на преслѣдованіе революціонной дѣятельности со стороны правительства, какъ стремительный потокъ, охватило въ „дни свободы“ рабочія массы, поглощало всѣ организаторскія силы О.-К.

При всемъ томъ О.-К. все-таки удалось проводить въ массахъ опредѣленныя программныя резолюціи, созвать три районныхъ конференціи (южную, юго-западную и литовскую), на которыхъ были установлены прочныя организаціонныя связи какъ внутри каждаго района и между отдѣльными районами, такъ и между послѣдними и О.-К. Наконецъ, ему удалось также созвать въ апрѣлѣ 1906-го года учредительный

съѣздъ партіи, на которомъ былъ избранъ Ц.-К. На послѣдняго была возложена задача выработать проэктъ программы на основаніи основныхъ прогаммныхъ принциповъ, зафиксированныхъ съѣздомъ въ резолюціяхъ.

Такъ какъ этотъ проэктъ программы мы представляемъ въ приложеніи къ отчету [1]), мы ограничимся здѣсь изложеніемъ лишь нѣкоторыхъ характерныхъ чертъ, опредѣляющихъ физіономію партіи.

„Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія" разсматриваетъ себя, какъ одинъ изъ отрядовъ интернаціональной соціалистической арміи. Въ своей дѣятельности она неуклонно руководствуется резолюціями интернаціональныхъ соціалистическихъ конгрессовъ. Основнымъ моментомъ, характеризующимъ нашу партійную программу, является требованіе созыва экстерриторіальныхъ національныхъ парламентовъ („Сеймовъ"—отсюда и названіе „сеймистовъ", которое часто дается нашимъ товарищамъ), учрежденіе которыхъ, по убѣжденію партіи, должно вести къ правовому рѣшенію національнаго вопроса. Сфера компетенціи сейма не должна ограничиваться исключительно чисто культурно-просвѣтительными нуждами націи, но она должна простираться также на такіе политическіе и экономическіе вопросы, которые тѣсно связаны съ условіями историческаго развитія данной націи. Спеціально по отношенію къ еврейскому народу партія выдвигаетъ требованіе, чтобы среди другихъ функцій за еврейскимъ національнымъ сеймомъ было признано право организовать соотвѣтствующія мѣропріятія для концентраціи еврейской эмиграціи на свободной незаселенной территоріи. Въ этомъ партія усматриваетъ рѣшеніе не только эмиграціонной проблемы, но и всей національной проблемы своего народа.

Аграрная программа для Россіи осталась въ предѣлахъ партіи дискуссіоннымъ вопросомъ впредь до рѣшенія ближайшаго очереднаго съѣзда. Но уже сейчасъ въ партіи замѣчается тенденція въ пользу принятія аграрной программы партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ въ болѣе или менѣе полномъ объемѣ.

Что же касается другихъ экономическихъ, политическихъ и правовыхъ программныхъ требованій партіи, то онѣ врядъ ли отличаются отъ соотвѣтствующихъ программныхъ пунктовъ другихъ соціалистическихъ партій.

Съѣздъ одобрилъ тактику бойкота, которую проводилъ О. К. при выборахъ въ первую Думу. Онъ призналъ вполнѣ правильнымъ какъ занятую О. К. враждебную позицію по отношенію къ „самодержавной конституціи" 17-го октября, такъ и его недовѣрчивую тактику по отношенію къ буржуазно-либеральному конституціонализму кадетской партіи. Съѣздъ призналъ также выдвинутый О. К. принципъ соціалистической интерпартійности профессіональнаго движенія, одинаково отклонивъ, какъ принципъ дробленія профессіональныхъ союзовъ по партіямъ и, слѣдовательно, по націямъ (такое дробленіе является у насъ результатомъ тактики „Бунда", Соціалдемократіи Польши и Литвы), такъ и принципъ безпартійности, проводимый „меньшевиками".

Соотвѣтствующими резолюціями съѣздъ подчеркнулъ границы, отдѣляющія партію отъ „Бунда", который игнорируетъ тѣ политическіе и экономическіе интересы еврейскаго пролетаріата, которые неразрывно связаны съ его національной проблемой. Равнымъ образомъ съѣздъ отмежевался отъ партіи Сіонистовъ-Соціали-

[1]) Проэктъ этотъ напечатанъ въ первомъ сборникѣ „Серп." Москва 1907 г.

стовъ, которые вовсе отрицаютъ наличность національныхъ интересовъ у еврейскаго пролетаріата *въ Россіи* и которые признаютъ возможность коалиціи съ буржуазіей въ области территоріалистической политики.

На съѣздѣ были представлены 12500—13000 организованныхъ рабочихъ; 5000 изъ Литвы, 5000 изъ Юга и 2500—3000 изъ Юга-Запада.

II.

Мы приводимъ здѣсь нѣсколько цыфръ, характеризующихъ дѣятельность нашихъ организацій до того момента, какъ онѣ вступили въ партію. Къ сожалѣнію наши данныя не могутъ претендовать на исчерпывающую полноту, такъ какъ много архивныхъ матеріаловъ пропало при обыскахъ и арестахъ, а многіе товарищи, которые стояли у колыбели нашего движенія, вырваны изъ нашихъ рядовъ арестами, ссылкой и смертью отъ рукъ легализованныхъ убійцъ—хулигановъ и карательныхъ отрядовъ.

Прежде всего заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ вышеупомянутыя организаціи обязаны своимъ происхожденіемъ иниціативѣ самихъ рабочихъ. Это были бывшіе сіонисты, бывшіе бундисты или такъ называемые нейтралисты—на Литвѣ, бывшіе сіонисты или нейтралисты — на Югѣ и Юго-Западѣ. Экономическая борьба между наемнымъ трудомъ и капиталомъ вызвала на свѣтъ Божій эти организаціи.

Стачки.

Огромное число стачекъ, болѣе чѣмъ въ 20-ти городахъ и 30-ти цехахъ, было удачно проведено, благодаря иниціативѣ и руководству нашихъ организацій. По далеко неполнымъ даннымъ, имѣющимся въ архивѣ Центральнаго Комитета, на одномъ Югѣ и Юго-Западѣ бастовало подъ нашимъ руководствомъ не менѣе 50,000 рабочихъ различныхъ профессій. 90% этихъ стачекъ окончились побѣдой рабочихъ. Условія работы и жизнь въ этихъ районахъ были прямо ужасныя. Рабочій день въ 18 часовъ при ничтожной заработной платѣ и при неимовѣрно плохихъ гигіеническихъ и другихъ условіяхъ былъ тамъ почти общераспространеннымъ явленіемъ. Въ настоящее же время рабочій день нигдѣ не превышаетъ 12-ти часовъ (включая $1^1/_2$ часа обѣденнаго перерыва), нѣкоторые цехи добились 10-ти часового рабочаго дня, а приказчики—даже 8-ми часового. Заработная плата значительно повысилась, въ нѣкорыхъ случаяхъ на 400—500%. Но завоеванія въ этой области не отличались прочнымъ характеромъ и вслѣдъ за наступившей реакціей заработная плата вновь упала, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже ниже ея первоначальнаго уровня. Гораздо больше было сдѣлано въ области улучшенія гигіеническихъ условій труда; значительные успѣхи были достигнуты въ смыслѣ защиты женскаго и дѣтскаго труда.

Совершенно иную картину представляетъ въ этомъ отношеніи дѣятельность нашихъ организацій на Литвѣ. Въ то время, какъ на Югѣ и Юго-Западѣ наши организаціи являлись во многихъ городахъ единственными руководящими центрами мѣст-

ной экономической борьбы, Литва съ давнихъ поръ составляла районъ Бунда, который организовалъ здѣсь подъ своимъ знаменемъ значительныя массы. Естественно, что здѣсь дѣятельность нашихъ организацій сосредоточивалась главнымъ образомъ въ плоскости теоретическихъ дискуссій и пропаганды своихъ взглядовъ, и гораздо меньше въ области практической борьбы. Тѣмъ не менѣе и здѣсь наши организаціи насчитываютъ довольно значительные успѣхи въ области экономической классовой борьбы. Отнюдь не желая, въ угоду партійному политиканству, прибѣгать къ тактикѣ дробленія силъ пролетаріата, наши организаціи старались во многихъ мѣстахъ входить въ соглашеніе съ „Бундомъ“ и образовывать вмѣстѣ съ нимъ общіе стачечные комитеты. Лишь послѣ того, какъ „Бундъ“ отклонялъ подобнаго рода предложенія, наши организаціи вынуждены бывали выступать самостоятельно. Эта тактика „Бунда“ вредно отражалась на взаимныхъ отношеніяхъ между организаціями и на исходѣ стачекъ. *Организаціи двухъ партій конкуррировали между собою,* ни одна изъ нихъ не оказывала другой никакой помощи, и, такимъ образомъ, бывали случаи, относительно которыхъ Ц. К. обладаетъ провѣренными данными, когда стачки приводили къ печальнымъ результатамъ, лишь благодаря партійнымъ раздорамъ.

Несмотря на всѣ эти обстоятельства, мы можемъ констатировать на основаніи сохранившагося матеріала, что минимумъ 10,000 рабочихъ различныхъ цеховъ на Литвѣ провели свои стачки подъ руководствомъ нашихъ организацій.

Политическая борьба.

Политическая борьба была включена лишь послѣ долгой дискуссіи въ кругъ дѣятельности вышеупомянутыхъ организацій. Сторонники революціонной тактики одержали побѣду надъ приверженцами „чистаго экономизма“ лишь во времена Плеве, когда организованный послѣднимъ кишиневскій погромъ уничтожилъ здѣсь въ корнѣ всякую склонность къ политическому индифферентизму. Тогда приступили къ организаціи боевыхъ отрядовъ, задача которыхъ состояла въ томъ, чтобы вести непосредственную борьбу съ штрейкбрехерами, защищать массовыя собранія, митинги и манифестаціи отъ нападенія полиціи. Во время погрома они составляли ядро самообороны; а во время октябрьскаго возстанія они вмѣстѣ съ боевыми отрядами другихъ партій образовали авангардъ россійскаго пролетаріата въ его борьбѣ противъ самодержавія, вспыхнувшей тогда съ такой стихійной силой.

Манифестаціи и майскій праздникъ.

Первое мая праздновалось всѣми вышеназванными организаціями. Работа пріостанавливалась, созывались большія массовыя собранія, на которыхъ произносились рѣчи на соціалистическія и общеполитическія темы. Много неорганизованныхъ рабочихъ являлось по приглашенію на эти собранія, во многихъ мѣстахъ организовались въ этотъ день манифестаціи (послѣднихъ было не меньше 15—20), и раздавались первомайскія прокламаціи.

Противоправительственныя демонстраціи устраивались и по другимъ поводамъ.

Такъ, напримѣръ, виленская организація отпраздновала фактъ включенія политической борьбы въ кругъ своей дѣятельности уличной демонстраціей. Другая демонстрація состоялась тамъ по случаю годовщины смерти Т. Герцля. Политическія демонстраціи по различнымъ поводамъ имѣли мѣсто въ Екатеринославѣ, Бердянскѣ, Витебскѣ и др. Открытая и широко развертывающаяся политическая борьба противъ правительства стала возможной лишь въ октябрьскіе дни, и въ этой борьбѣ наши организаціи принимали активное участіе рука объ руку съ другими партіями, а часто на ихъ долю выпадала руководящая роль.

Къ глубокому прискорбію, и въ этой области не удалось координировать силы всѣхъ борющихся партій. Главнымъ препятствіемъ—или вѣрнѣе *единственнымъ* препятствіемъ, которое лежало на пути нашей коалиціи съ другими партіями, повсюду являлось *ультимативное требованіе* „Бунда", чтобы представители нашихъ организаціи не допускались въ коалиціонные комитеты. Дошло до того, что въ Екатеринославѣ, напримѣръ, мы вынуждены были рядомъ съ существовавшимъ общимъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ организовать отдѣльный Еврейскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, въ которомъ было представлено нѣсколько тысячъ еврейскихъ рабочихъ, не пожелавшихъ измѣнить партійному знамени во имя интересовъ общей борьбы

Тѣмъ съ большимъ удовлетвореніемъ мы останавливаемся на тѣхъ случаяхъ, гдѣ намъ удалось побудить конкуррирующія партіи образовать коалицію.

Такія коалиціи имѣли мѣсто: въ Харьковѣ, гдѣ мы были предоставлены въ коалиціонномъ комитетѣ; въ Павлоградѣ (вмѣстѣ съ С. Д. и С. Р.) исключительно для цѣлей самообороны; въ Маріуполѣ (вмѣстѣ съ С. Д. и Бундомъ)—въ продолженіе всей октябрьской революціи; въ Могилевѣ-Под. (вмѣстѣ съ С. Д., С. Р. и Бундомъ) въ октябрьскіе дни; въ Витебскѣ, Черкассахъ, Велижѣ, Вилкомирѣ—для цѣлей самообороны (въ Витебскѣ, Велижѣ, были по этому поводу выпущены прокламаціи за подписью С. Д., Бунда, С. Р. и нашей организаціи); въ Смоленскѣ всѣ организаціи (С. Д., С. Р., Бундъ и мы) совмѣстно руководили совѣтомъ рабочихъ депутатовъ. Коалиціи, въ которыя входили С. Р., С. Д. и мы, имѣли мѣсто также въ Крыму.

Самооборона.

Въ Вильнѣ мы организовали боевую дружину, въ которой числилось 3000 безпартійныхъ молодыхъ людей (евреевъ), во главѣ которой стояли руководители нашего боевого отряда. Въ Витебскѣ самооборона насчитывала до 500 участниковъ; въ Екатеринославѣ—2500—3000. *Не было ни одного болѣе или менѣе значительнаго пункта, гдѣ бы наши организаціи не принимали энергичнаго участія въ организаціи самообороны. Въ общемъ, нами организовано было въ самооборонѣ свыше 8000 человѣкъ, изъ которыхъ не менѣе 3000 принадлежали къ нашимъ организаціямъ.*

Жертвы контръ-революціонной вакханаліи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ во время октябрьской революціи и контръ-революціи были убиты всѣ члены руководящихъ комитетовъ нашихъ организацій и лучшіе

наши товарищи, какъ напр.; въ Симферополѣ, Ростовѣ-на-Дону, Юзовкѣ, Полоцкѣ и другихъ.

Въ общемъ, въ первомъ открытомъ столкновеніи съ правительствомъ мы понесли слѣдующія жертвы; около 100 убитыхъ, около 500 раненныхъ и около 1000 сосланныхъ и арестованныхъ.

Литературная дѣятельность.

Литературная дѣятельность нашихъ организацій въ описываемый періодъ была весьма слаба. Большей частью довольствовались устной пропагандой. Всего на всего было выпущено пол-дюжины брошюръ, 20 листковъ и около 100 прокламацій, — въ общей сложности около 500.000 экземпляровъ. Одна лишь группа „Возрожденія“ выпустила 5 номеровъ русскаго журнала того же наименованія и 2 номера жаргонной „Jüdische Freiheit“.

III.

Мы переходимъ теперь къ описанію дѣятельности „Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи“, послѣдовавшей послѣ ея учредительнаго съѣзда.

„Извѣщеніе“ объ образованіи партіи было выпущено въ одно время съ первомайскимъ листкомъ, и, такимъ образомъ, на долю нашихъ организацій выпала честь соединить свой партійный праздникъ съ праздникомъ интернаціональнаго пролетаріата. Эти два праздника близко стоятъ другъ къ другу по своему внутреннему смыслу. Учрежденіе партіи означаетъ сплоченіе разсѣянныхъ и изолированныхъ группъ въ одно цѣлое, подобно тому, какъ первомайскій праздникъ является символомъ объединенія пролетаріевъ всѣхъ народовъ въ одну армію. Оба явленія суть слѣдствія одного и того же стремленія къ объединенію и солидарности, являющагося предварительнымъ необходимымъ условіемъ для побѣды пролетаріата въ предстоящемъ рѣшительномъ бою.

Со времени избирательной агитаціи при выборахъ въ первую Государственную Думу дѣятельность всякой соціалистической, равно какъ и нашей, партіи въ Россіи состояла во-первыхъ, въ экономической борьбѣ, которая ведется исключительно черезъ посредство профессіональныхъ союзовъ, во-вторыхъ—въ политической борьбѣ, преслѣдующей, главнымъ образомъ, задачу разсѣиванія конституціонныхъ иллюзій, распространяемыхъ либеральной буржуазіей, и въ-третьихъ, въ кругъ дѣятельности партіи входитъ также работа въ крестьянствѣ и арміи.

Профессіональные союзы.

Уже было выше отмѣчено, что мы отстаивали принципъ интерпартійности въ профессіональномъ движеніи, одинаково выступая какъ противъ защитниковъ партійности, такъ и противъ сторонниковъ нейтральности профессіональныхъ союзовъ.

Эта позиція сближаетъ насъ съ С.-Р. и съ „большевиками". Но также „меньшевики" работаютъ вмѣстѣ съ нами, и мы сообща ведемъ борьбу противъ политики партійной изоляціи профессіональныхъ союзовъ, проводимой „Бундомъ". Такая совмѣстная работа съ С.-Р. и С.-Д. приводила почти во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ наша партія имѣетъ свои организаціи, къ отраднымъ результатамъ. Во многихъ мѣстахъ намъ удалось объединить въ союзы большую часть рабочихъ, принадлежащихъ къ различнымъ партіямъ и націямъ, съ безпартійными рабочими, а руководство этими союзами фактически находится въ рукахъ соціалистовъ.

Число профессіональныхъ союзовъ, въ которыхъ преобладаетъ наше вліяніе, достигаетъ теперь 75, изъ коихъ 25—30 находится исключительно подъ нашимъ руководствомъ. На всероссійскомъ съѣздѣ приказчиковъ „Еврейскіе Соціалисты" (сокращенное названіе нашей партіи) были представлены тремя депутатами. На этомъ же съѣздѣ присутствовалъ также представитель партіи, который, наравнѣ съ представителями С.-Д. и С.-Р., пользовался правомъ совѣщательнаго голоса. Также на съѣздѣ рабочихъ печатнаго дѣла участвовалъ, въ качествѣ делегата, одинъ нашъ товарищъ.

Какъ исключительный случай отмѣтимъ и то, что въ одномъ мѣстѣ, ввиду отсутствія русской соціалистической организаціи, намъ пришлось организовать и руководить профессіональнымъ союзомъ, состоящимъ исключительно изъ христіанскихъ рабочихъ, и вести среди нихъ соціалистическую работу.

Революція и Конституція.

Наша литературная и устная революціонная агитація имѣла большое воспитательное вліяніе на еврейскія рабочія массы и еврейскую бѣдноту. Полнѣйшее безсиліе Государственной Думы и безпомощность еврейскихъ депутатовъ послужили прекрасной иллюстраціей выдвинутаго нами въ агитаціи положенія, что въ Россіи нѣтъ еще конституціи, и что лишь строго проведенная революціонная тактика можетъ привести къ цѣли, и что, наконецъ, лишь въ тѣсномъ единеніи съ революціей можетъ быть подвинуто впередъ и дѣло освобожденія еврейскаго народа. Правительство же, съ своей стороны, старалось, какъ извѣстно, дѣйствовать „отрезвляющимъ образомъ" на умы и сердца евреевъ, которые послѣ пережитыхъ погромовъ, томились жаждой покоя. Варварская кровавая баня, устроенная въ Бѣлостокѣ во время засѣданій первой Думы, роспускъ Думы, Свеаборгъ и Кронштадтъ и, наконецъ, артиллерійская бомбардировка мирнаго и спокойнаго Сѣдлеца, — все это заставило вновь очнуться еврейскаго обывателя, и настроеніе еврейскихъ бѣдныхъ классовъ, а отчасти даже болѣе состоятельныхъ элементовъ, сильно отклонилось влѣво. Это явленіе характерно не только для евреевъ, но для всей Россіи, какъ это показалъ исходъ выборовъ во вторую Думу.

Наша партія рѣшила принять участіе въ этихъ выборахъ съ исключительной цѣлью использовать избирательную кампанію, какъ и дѣятельность въ самой Думѣ, для революціонной агитаціи. Эту же цѣль партія имѣла въ виду при опредѣленіи своей позиціи въ вопросѣ объ избирательныхъ соглашеніяхъ. Хотя мы никогда не пропускали случая, когда только это представлялось возможнымъ, развернуть свое партійное знамя во всю его ширь, мы однако считали необходимымъ постоянно подчеркивать передъ избирателями ту основную мысль, что въ данный моментъ дѣло

идетъ не о томъ, чтобы выступить въ защиту программы той или другой революціонной партіи, что теперь передъ страной стоитъ одна единственная альтернатива: либо послѣдовательная (доведенная до конца) революціонная борьба, либо же игра въ охраненіе и обереганіе еще не существующей конституціи.

Партіей были выставлены слѣдующіе лозунги избирательной кампаніи и условія соглашенія съ другими партіями: выступать самостоятельно тамъ, гдѣ есть шансы провести своего кандидата собственными силами; отдавать предпочтеніе С.-Р. предъ С.-Д. „Бунду"—предъ С.-С., вступать въ лѣвый блокъ противъ к.-д. Съ к.-д. же, равно какъ и съ еврейскими буржуазными избирательными комитетами, допускаются техническія соглашенія лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда существуетъ черносотенная опасность.

Къ сожалѣнію, не вездѣ эта партійная директива могла быть проведена въ своемъ чистомъ видѣ. Благодаря рѣшенію „Бунда" выступать вмѣстѣ съ к.-д. противъ „Еврейскихъ Соціалистовъ" и „Сіонистовъ-Соціалистовъ", мы вынуждены были въ рехъ мѣстахъ (Витебскѣ, Могилевѣ и на Волыни) вступить въ соглашенія съ еврейскими избирательныии комитетами съ цѣлью провести своихъ кандидатовъ противъ кандидатуръ „Бунда", причемъ наши кандидатуры поддерживались партіей С.-Р. Но зато почти во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ мы вели избирательную кампанію, мы участвовали въ лѣвомъ блокѣ (С.-Д., С.-Р., „Бундъ" и др.) или поддерживали послѣдній.—Избирательная декларація нашего Центральнаго Комитета была распространена въ количествѣ 10.000 экземпляровъ.

Одна и та же участь постигла всѣхъ еврейскихъ кандидатовъ, какъ соціалистическихъ, такъ и буржуазныхъ партій. Лишь „случайно" была избрана пара еврейскихъ депутатовъ.

Изъ нашихъ кандидатовъ два были „разъяснены" еще въ первой стадіи выборовъ; одинъ въ Екатеринославской губерніи забаллотированъ вмѣстѣ съ общимъ лѣвымъ спискомъ (С.-Р., С.-Д. и С.-С.), въ которомъ онъ фигурировалъ. Изъ двухъ же другихъ нашихъ кандидатовъ, которые прошли выборщиками и поддерживались всѣми прогрессивными элементами (отъ к.-д. и лѣвѣе), одинъ былъ исключенъ изъ списковъ по спеціальному предписанію департамента полиціи, а другой забаллотированъ вмѣстѣ съ общимъ оппозиціоннымъ спискомъ, благодаря противозаконнымъ избирательнымъ махинаціямъ администраціи и черносотеннаго духовенства.

Несмотря на все это, избирательная кампанія имѣла большое значеніе, какъ для хода революціи вообще, такъ и для развитія нашей партіи—въ частности. Наше партійное знамя и наши избирательные лозунги привлекли много десятковъ тысячъ избирателей.

Работа въ крестьянствѣ и арміи.

По многимъ причинамъ чисто-техническаго свойства наша дѣятельность въ этой области пока еще мало развилась. Если не считать Севастополя, гдѣ мы имѣемъ самостоятельную военную организацію, находящуюся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ общимъ „военно-революціоннымъ комитетомъ", то мы насчитываемъ небольшое количество пунктовъ, гдѣ мы помощью нашихъ товарищей-солдатъ распространяемъ

въ казармахъ революціонную литературу; лишь нѣкоторыя организаціи имѣютъ постоянныя связи съ крестьянами, которые пріѣзжаютъ въ близлежащія мѣстечки, „чтобы узнать про правду и справедливость".

Литература.

Наша издательская дѣятельность распадается на 4 отдѣла: Мы выпускаемъ:

1) брошюры на русскомъ языкѣ, посвященныя главнымъ образомъ освѣщенію національной проблемы съ соціалистической точки зрѣнія;

2) брошюры на еврейскомъ языкѣ, трактующія о вопросахъ соціализма и общей политики;

3) періодическое изданіе на русскомъ языкѣ

4) еврейскій еженедѣльный журналъ. (По конспиративнымъ соображеніямъ мы опускаемъ названія журналовъ и изданныхъ брошюръ). Кромѣ того, были выпущены прокламаціи и листки, какъ отъ имени Ц.-К., такъ и отъ имени мѣстныхъ организацій. Также печаталось и распространялось нашими организаціями „Выборгское воззваніе". Благодаря сотрудничеству лучшихъ еврейскихъ публицистовъ и литераторовъ въ нашихъ изданіяхъ, послѣднія обладаютъ общепризнанными достоинствами.

Число членовъ.

Вскорѣ послѣ сліянія вышеупомянутыхъ организацій число членовъ нашей партіи стало быстро расти, достигнувъ цифръ 15—16.000. Этотъ періодъ быстраго роста длился не болѣе полугода. Вслѣдъ за этимъ наступило обратное явленіе, вызванное какъ общей реакціей, такъ и условіями еврейской жизни. Изъ всѣхъ причинъ которыя обусловливаютъ паденіе числа членовъ у всѣхъ еврейскихъ партій, наиболѣе существенную роль играетъ *эмиграція*. Значительное число наиболѣе храбрыхъ и жертвоспособныхъ рабочихъ, окончательно разбитыхъ ударами судьбы, постигшей ихъ народъ, навсегда оставляетъ Россію. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ эмигрировали за океанъ не только руководители организацій, но болѣе половины (въ двухъ-трехъ мѣстахъ даже $^3/_4$) организованныхъ рабочихъ.

Сближеніе съ Партіей Соц.-Револ.

Сознавая необходимость прочной связи съ обще-россійской партіей, первая партійная конференція, состоявшаяся осенью 1906 года, поручила Ц. К. вступить въ переговоры съ партіей С.-Р. съ цѣлью заключенія съ ней постояннаго блока. Нашъ выборъ палъ на эту партію потому, что съ нею болѣе, чѣмъ съ какой нибудь другой обще-русской партіей. насъ соединяетъ солидарность въ вопросахъ тактики, ея аграрная программа ближе подходитъ къ нашимъ воззрѣніямъ по вопросу о границахъ предстоящей аграрной реформы, да и въ вопросѣ объ освобожденіи угнетенныхъ національностей она болѣе другихъ свободна отъ узкаго доктринерства.

Вскорѣ послѣ конференціи, Ц. К. приступилъ къ выполненію порученія, и въ

началѣ 1907 года вопросъ о блокѣ съ нашей партіей былъ поставленъ на очереди дня экстреннаго съѣзда партіи С.-Р., на который былъ приглашенъ, въ качествѣ гостя, представитель нашей партіи. Вопросъ былъ рѣшенъ принципіально въ положительномъ смыслѣ. Оба Центральные Комитеты должны совмѣстно выработать отдѣльные пункты договора о блокѣ.

Тѣмъ временемъ на мѣстахъ уже начинаетъ осуществляться сближеніе соотвѣтствующихъ локальныхъ организацій. Какихъ бы практическихъ результатовъ ни принесло въ будущемъ это сближеніе, его плодотворное вліяніе уже сейчасъ выражается въ томъ, что рабочія группы, жившія до сихъ поръ изолированно одна отъ другой, стали гораздо ближе другъ къ другу. Чувство солидарности, которое раньше было построено на теоретическихъ основахъ, пріобрѣтаетъ теперь подъ собой конкретную, реальную почву.

Секретаріатъ національныхъ соціалистическихъ партій.

Въ связи съ вышеизложеннымъ и въ заключеніе нашего отчета мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о нашемъ участіи въ конференціи и секретаріатѣ національныхъ соціалистическихъ партій. По иниціативѣ нашей партіи, партія С.-Р совмѣстно съ нами созвала конференцію тѣхъ національныхъ соціалистическихъ партій которыя близко стоятъ одна къ другой по своей программѣ и общему направленію, На конференціи, состоявшейся весною 1907 года, были представлены слѣдующія партіи: Партія Соц.-Рев., Польская Соціалистическая Партія, Еврейская Соціалистическая Рабочая Партія, Армянская Партія „Дашнакцутюнъ“, Грузинская Партія Соціалистовъ-федералистовъ, Бѣлорусская „Громада“. По закрытіи конференціи, прибылъ также делегатъ Латышскаго Соціалдемократическаго союза, который выразилъ свою солидарность съ рѣшеніями конференціи.

Послѣ серьезнаго обмѣна мнѣній по вопросамъ территоріальнаго и національнаго самоуправленія въ ихъ связи съ соціализмомъ и классовой борьбой, конференція постановила созывать ежегодно подобные съѣзды и образовать постоянный секретаріатъ, которому между прочимъ поручено созвать ближайшій съѣздъ національныхъ соціалистическихъ партій и предпринять нѣкоторые предварительные шаги, которые способствовали бы болѣе серьезному изученію намѣченныхъ вопросовъ.

Мы ни на минуту не сомнѣваемся, что эта первая попытка согласовать различныя національныя требованія соціалистическихъ партій разныхъ національностей послужитъ началомъ къ образованію столь горячо желанной и столь же необходимой великой *Россійской Соціалистической Федераціи.*

Къ отчету былъ приложенъ **проэктъ программы Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи**, напечатанный въ первомъ сборникѣ „СЕРП“ стр. 261—273.

Б) Отчетъ представленный Центральному Комитету Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи делегаціей на Интернаціональномъ Соціалистическомъ Конгрессѣ въ Штутгартѣ 1907 г.

Двѣ крупныхъ по своему значенію для партіи и еврейскаго пролетаріата задачи стояли предъ делегаціей: по вопросу о своемъ представительствѣ на Интернаціональныхъ Конгрессахъ и по эмиграціонному вопросу.[1]) Е. С. Р. П. выступаетъ впервые на Конгрессѣ; она должна была прежде всего завоевать себѣ признаніе Конгресса и формальное включеніе въ братскій союзъ международнаго пролетаріата. Партіи предстояло выдержать сильную борьбу; необходимо было преодолѣть ожесточенное сопротивленіе со стороны Россійской С.-Д., а, главное, со стороны Бунда. Еще въ своей знаменитой резолюціи о Сіонистахъ-Соціалистахъ Ц. К. Р. С. Д. Р. П. рѣшилъ протестовать противъ допущенія на Конгрессъ черезъ посредство П. С. Р. „неизвѣстныхъ" С.-Д-амъ партій. Наша борьба за элементарное право, за право представительства, такимъ образомъ, поневолѣ должна была сконцетрировать на себѣ главныя наши усилія въ Штутгартѣ. Какъ покажетъ дальнѣйшее изложеніе, она фактически отняла у насъ слишкомъ много времени, такъ что мы были лишены возможности въ достаточной мѣрѣ выполнить вторую изъ возложенныхъ на насъ задачъ—защиту партійной резолюціи объ эмиграціи.

Эмиграціонная проблема пріобрѣтаетъ для Е. С. Р. П., какъ представительницы еврейскаго рабочаго класса, особенно жгучій интересъ.

Въ этомъ вопросѣ наиболѣе рельефно выступаютъ своеобразные контуры нашей партійной позиціи. Е.-С. предлагаютъ свой особый методъ рѣшенія этого сложнаго мірового вопроса—въ связи съ специфическимъ положеніемъ еврейскаго рабочаго класса, принадлежащаго къ народу экстерриторіальному, и также въ связи съ его историческимъ національнымъ идеаломъ.

И мы глубоко убѣждены, что защита тезисовъ резолюціи, ихъ популяризація среди рабочихъ всѣхъ странъ и народовъ имѣютъ крупное значеніе не только для еврейскаго, но и вообще для всего международнаго пролетаріата.

Перейдемъ теперь къ изложенію того, какъ мы выполнили возложенныя на насъ обязанности.

---

[1]) Въ приложеніи къ этому отчету отпечатана резолюція Е. С. Р. П. по эмиграціонному вопросу. Статья къ обоснованію этой резолюціи напечатана въ Фолксштиме № 14. Объ отношеніи Е. С. Р. П. къ этому вопросу см. также выше ст. „Интернац. соціал. конгр. въ Штутгартѣ" стр. 227—267.

I. Вопросъ о представительствѣ.

Какъ уже сказано, насъ ожидало энергичное сопротивленіе Р. С. Д. Р. П., особенно Бунда, который изъ вопроса о допущеніи насъ и С.-С. въ Интернаціоналъ чуть ли не сдѣлалъ для себя вопроса жизни, будучи заранѣе увѣренъ въ своей побѣдѣ.

Наше положеніе осложнилось еще и тѣмъ, что во-первыхъ, какъ Конгрессъ, такъ и Бюро мало знали о насъ (отчетъ нашей партіи запоздалъ и распространялся уже на самомъ Конгрессѣ), а во-вторыхъ, „выступленія“ Бунда противъ насъ происходили большей частью тайно, за кулисами, путемъ „нашептываній“, замаливаній инсинуацій и т. п.,—куда мы и не могли да и не пожелали слѣдовать за нимъ. Мы спокойно наблюдали всѣ эти ухищренія, увѣренные въ политической мудрости Интернаціональнаго Бюро.

Вопросъ этотъ долженъ былъ пройти двѣ инстанціи: Россійскую Секцію и Интернаціональное Бюро. Еще на своемъ майскомъ засѣданіи, Бюро постановило передать вопросъ о включеніи въ Интернаціоналъ новыхъ россійскихъ партій на рѣшеніе Россійской Секціи, состоящей изъ двухъ субсекцій: С.-Д. и С.-Р. При такомъ положеніи можно было заранѣе предвидѣть, что секція къ соглашенію не придетъ: С.-Д. скажутъ „нѣтъ“, а С.-Р.—„да“. Полемика внутри секціи была лишней тратой времени. Но, связанные рѣшеніемъ Бюро, мы вынуждены были предстать предъ судомъ Секціи.

И здѣсь-то выступаетъ въ высшей степени характерная роль, разыгранная Р. С. Д. Р. П.

На первомъ утреннемъ засѣданіи Секціи обсуждались вопросы: о профессіональныхъ союзахъ, о распредѣленіи голосовъ между С.-Д. и С.-Р. и о С.-С. Вопросъ же о насъ, послѣдній по очереди, долженъ былъ быть отложеннымъ на вечернее засѣданіе. Мы предложили прямо перенести его въ Бюро, мотивируя свое предложеніе тѣмъ, что мнѣнія „объединенной“ Секціи заранѣе вѣдь опредѣлены, и жалко тратить дорогое время на напрасную процедуру. Въ отвѣтъ на это предложеніе, тов. Воиновъ оффиціально заявляетъ: „у делегаціи С.-Д. нѣтъ еще мнѣнія объ Е.-С.; имѣется только докладъ Бунда противъ васъ, и делегатамъ С.-Д. желательно выслушать тов. Е.-С. по этому поводу“.

Въ силу этого заявленія пунктъ 4 порядка дня—о Е.-С. переносится на вечернее засѣданіе Секціи.

Вечернее засѣданіе. Слово получаетъ членъ нашей делегаціи, тов. Гайдаровъ. Начавъ съ того, что, по его мнѣнію, полемика здѣсь излишня, онъ переходитъ къ характеристикѣ нашей партіи, держась все время строго формальной стороны вопроса. Въ немногихъ словахъ онъ излагаетъ исторію партіи, характеризуя группу „Возрожденія“ и физіономію „Пойалей-Ціонъ“ до объединенія съ этой группой. Онъ указываетъ далѣе на смыслъ ихъ объединенія, излагаетъ основные принципы пратіи, различныя внутреннія теченія и читаетъ нѣкоторыя выдержки изъ проекта программы Е. С. Р. П.

Вслѣдъ за этимъ приступаетъ бундистъ къ чтенію своего обвинительнаго акта. Первый нашъ грѣхъ: мы эклектики—въ партіи у насъ работаютъ совмѣстно С.-Д. и С.-Р., слѣдовательно, ясное дѣло, что мы мелкобуржуазны... Второй нашъ грѣхъ, повидимому, еще болѣе тяжкій. Е.-С. — территоріалисты. Они хотя и болѣе послѣдовательные соціалисты и революціонеры, чѣмъ С.-С., но все же

не стоятъ обѣими ногами на россійской почвѣ. Слѣдовательно, они опять таки мелкобуржуазны, реакціонеры, утописты и т. д. Но надо полагать, что прокуроръ отъ Бунда почувствовалъ, однако, всю недостаточность выдвинутыхъ имъ „признаковъ преступленія". Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно, въ концѣ Концовъ, серьезно принять во вниманіе обвиненіе въ эклектизмѣ, когда рѣчь идетъ о Конгрессѣ, на которомъ сидятъ рядомъ Бернштейнъ и Бебель, Давидъ и Каутскій.

Наконецъ, какое значеніе могло имѣть и второе обвиненіе, заключающееся въ томъ, что Е.-С. недостаточно прочно стоятъ на россійской почвѣ, въ то время, когда на этомъ же самомъ Конгрессѣ Польская Партія, входящая въ составъ трехъ различныхъ государствъ, представлена, какъ одно цѣлое, имѣющее свои особые специфическіе интересы и задачи, не исчерпывающіеся интересами и задачами тѣхъ государствъ, часть которыхъ они составляютъ.

Почувствовавъ всю шаткость своей позиціи, представитель Бунда пускаетъ въ ходъ „тяжелую артиллерію": клевету и инсинуаціи.

Въ Витебскѣ, молъ, Е. С. организовали трепачей (льна) и поддержали ихъ реакціонныя экономическія требованія. Значитъ, вся партія Е. С. занимается экономической деморализаціей рабочихъ съ цѣлью привлеченія массъ на свою сторону. При этомъ, разумѣется, не было сказано ни слова о дѣйствительномъ экономическомъ смыслѣ этого „профессіональнаго союза трепачей", содержаніи его требованій и ихъ приспособленности къ условіямъ льняного рынка. Не менѣе голословно, но еще болѣе характерно слѣдующее и послѣднее обвиненіе въ политической деморализаціи массъ со стороны Е. С. Рѣчь идетъ объ избирательной кампаніи во вторую Думу. Тутъ представитель Бунда выказалъ много ловкости, свое пораженіе, свое собственное позорное поведеніе онъ обратилъ въ побѣду, въ торжество. Бундъ, рѣшившій, какъ извѣстно, идти вмѣстѣ съ „достиженцами, народной группой и даже съ польскими помѣщиками (Минскъ) противъ соціалистовъ-С. С. и Е. С.—этотъ-же Бундъ упрекаетъ насъ, почему мы входили въ соглашеніе съ „еврейскими избирательными комитетами", на условіи проведенія въ Думу депутата Е. С., не спрашиваясь его, Бунда! На языкѣ этого своеобразнаго прокурора эта наша тактика означаетъ политическую деморализацію! Его рѣчь вызвала сильное возмущеніе.

Мы тѣмъ не менѣе рѣшили не входить здѣсь въ теоретическія пренія, держаться фактической и формальной стороны вопроса. Тов. Юдовичъ поставилъ факты на ноги, кратко и рѣшительно отвѣтилъ на всѣ эти нападки. Говорилъ еще и тов. Троцкій, который почему то счелъ себя вправѣ обучать Е.-С. такту. Съ серьезнымъ видомъ и въ учительскомъ тонѣ онъ сталъ доказывать, что Конгрессъ учрежденіе высокое, что раньше, чѣмъ войти въ него, надобно продемонстрировать свои силы. Е. С. Р. П.-какъ онъ понимаетъ, еще не скристаллизовалась. „Продемонстрируйте, какъ слѣдуетъ свои силы, опредѣлитесь, тогда и мы, пожалуй, поддержимъ васъ".

Послѣднее слово было предоставлено товарищу Гайдарову. Тов. Гайдаровъ прежде всего дѣлаетъ замѣчаніе pro domo sua. Его кандидатура въ госуд. Думу по Витебск. губ. была выставлена не общимъ еврейскимъ избирательнымъ комитетомъ, а именно рабочимъ евр. избирательнымъ комитетомъ, вмѣстѣ съ Соц.-Рев. Наоборотъ, общій евр. изб. ком. до самой послѣдней минуты всѣми силами боролся противъ его кандидатуры, и только впослѣдствіи, убѣдившись въ тщетности своей борьбы, выну-

женъ былъ признать эту кандидатуру. Затѣмъ онъ въ рѣзкой и острой формѣ обращается къ Троцкому, указывая ему на то, что „будь онъ самъ нѣсколько болѣе тактиченъ, онъ не сталъ бы учить такту нашу партію". Что же касается другихъ оппонентовъ, то развѣ,—говоритъ онъ,—можно серьезно считаться и, наконецъ, считаются ли сами оппоненты серьезно съ выдвинутыми имъ обвиненіями противъ Е.-С.? Какую цѣну могутъ имѣть всѣ эти обвиненія въ мелкобуржуазности, эклектикизмѣ и т. д., которыя имѣются у Бунда въ запасѣ на всѣ времена и для всѣхъ партій, не раздѣляющихъ бундовской догмы? Мы хотимъ поэтому стать на формальную почву. Троцкій говоритъ, что наша партія основана на эклектизмѣ, на теоретической „мѣшанинѣ". Но пусть тов. Троцкій укажетъ мнѣ на такой параграфъ въ статутахъ Интернаціонала, по которому партіи съ эклектическимъ міросозерцаніемъ, (я не хочу затрагивать здѣсь вопросъ, насколько вообще это обвиненіе въ данномъ случаѣ вѣрно) не могутъ быть включены въ интернац. соціалист. семью? Вѣдь то же самое вы когда то выдвигали и противъ Соц.-Рев. А теперь посмотрите: Соц.-Рев. съ ихъ эклектической кашей засѣдаютъ въ Интернаціоналѣ, который питается этой кашей, а нѣкоторые изъ его членовъ даже захлебываются ею... А можетъ быть, Е. С. Р. П., которая показала первый примѣръ объединенія въ одну партію элементовъ съ различнымъ соціально-философскимъ міровоззрѣніемъ, послужитъ образцомъ для тѣхъ россійскихъ партій, развитіе которыхъ неминуемо ведетъ къ образованію единой, объединенной россійской соціал. партіи". Заключительное слово тов. Гайдарова было блестяще и вполнѣ заслужило тѣ бурные апплодисменты, которыми оно сопровождалось.

Пренія закончены. И одинъ изъ членовъ делегаціи С.-Д. заявляетъ отъ имени делегаціи, что „послѣ выслушанія дебатовъ" С.-Д. высказываются противъ допущенія Е.-С. въ Интернаціоналъ. *Это заявленіе было сдѣлано безъ предварительнаго совѣщанія делегаціи.* Такъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ „выяснилось" для С.-Д-овъ, что они должны отвѣчать по вопросу, о которомъ они утромъ яко-бы опредѣленнаго мнѣнія не имѣли.

Р. С.-Д. подчеркнула этимъ лишній разъ свою общую тактику въ отношеніи къ еврейскому пролетаріату. Она показала, какъ недалеко она еще ушла отъ достопамятныхъ временъ покойной „Искры", когда она упорно отрицала необходимость самостоятельной организаціи евр. рабочаго класса и „самоотверженно" боролась противъ „реакціонно-сіонисткой идеи" еврейской національности.

Этотъ вопросъ—наряду со всѣми остальными—переносится въ Бюро. И тамъ послѣ доклада представителя С.-Р., тов. Рубановича, Бюро, по предложенію предсѣдателя Вандервельде, рѣшаетъ, безъ преній, принять Е. С. Р. П. въ Интернаціоналъ.

Наша цѣль достигнута. И мы должны быть въ значительной мѣрѣ обязаны своей побѣдой П. С. Р. Эта партія, обладающая большимъ политическимъ кругозоромъ, ведетъ широкую соціалистическую политику, прислушиваясь къ голосу жизни и къ требованіямъ угнетеннаго класса гонимаго народа.

Своимъ рѣшеніемъ о Е. С. и С. С. Бюро открыто перешло на сторону С. Р. и заявила устами тов. Ванъ-Коля недовольство недостойной тактиткой кастовой конкурренціи россійскихъ с.-д-ковъ

Еще пару словъ о нашихъ отношеніяхъ къ С.-С. На послѣднемъ совѣщаніи Ц. К. нашей партіи съ представителями Р. К. принято было рѣшеніе поддержи-

вать С.-С. въ ихъ борьбѣ за право участіе въ Интернаціоналѣ. Мы объ этомъ рѣшеніи нашей партіи сообщили делегаціи С.-Р. И въ извѣстной степени, несомнѣнно, нашей заслугой является дружеское отношеніе делегаціи С.-Р. къ С.-С.

Какъ на засѣданіи Секціи, такъ и въ Бюро, С. Р. заявили, что считая С. С. принципіально пріемлемыми для Интернаціонала, П. С. Р. только воздерживается отъ голосованія по этому вопросу, мотивируя это нежеланіемъ навязать С.-Д-ой субсекціи партію, ей нежелательную. Этимъ отстаиваніемъ ихъ пріемлемости С.-Р. способствовало внесенію тов. Ванъ-Колемъ предложенія, принятаго затѣмъ Бюро, о предоставленіи С.-С. права совѣщательнаго голоса.

Былъ моментъ, когда делегація С.-С. находилась въ большомъ затрудненіи, опасаясь отвода изъ-за чисто формальныхъ соображеній. Какъ партія, дѣйствующая въ Россіи, она должна войти въ одну изъ двухъ россійскихъ субсекцій, но С.-Д. ихъ не принимаютъ, а къ С.-Р. пойти они сами не рѣшались и, такимъ образомъ, они могли остаться висѣть въ воздухѣ. Представители С.-С. обратились къ намъ съ предложеніемъ, чтобы въ такомъ случаѣ мы заявили о своемъ согласіи принять ихъ въ свою делегацію съ совѣшательнымъ голосомъ. Мы, во исполненіе указанной выше общей директивы нашей партіи, согасились на ихъ предложеніе. Но рѣшеніе Бюро нашло для нихъ болѣе подходящій выходъ.

II. Эмиграціонный вопросъ.

Тутъ предстояло намъ широкое поле дѣятельности. Резолюція Ц. К., исходящая изъ національнаго характера эмиграціи и указывающая соотвѣтствующія этому методы борьбы съ эмиграціоннымъ зломъ, несомнѣнно влила бы новую свѣжую струю въ дисскуссію объ эмиграціонномъ вопросѣ, помогла бы разобраться въ этомъ запутанномъ соціальномъ явленіи. Наша резолюція имѣла еще то преимущество, что она счастливо избѣгла односторонности обоихъкрайныхъ теченій. Если резолюція европейцевъ (Франція, Голландія, Бундъ) стоитъ на точкѣ зрѣнія странъ эмиграціи и не считается съ отрицательными сторонами иммиграціи, то наоборотъ, австралійско-американская резолюція слишкомъ уже перегнула чашку вѣсовъ въ другую сторону. Они видятъ предъ собою одну лишь опасность иммиграціи и стремятся ставить ей всевозможнѣйшія преграды. Наша резолюція представляетъ собою въ гораздо большей степени, чѣмъ резолюція Эленбогена, (которая послѣ значительныхъ измѣненій и была принята)—синтезъ обоихъ этихъ теченій: не скрывая тѣневыхъ сторонъ эмиграціи, она вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на мѣры борьбы съ ними, но не тѣ, которыя предлагалъ американецъ Гильвитъ, а наиболѣ соотвѣтствующія точкѣ зрѣнія Интернаціонала.

Къ сожалѣнію, наша работа въ этомъ направленіи оказалась мало продуктивной, въ чемъ мы, однако, нисколько не повинны. Дѣло въ томъ, что вся работа на интернаціональныхъ Конгрессахъ фактически производится въ комиссіяхъ. Конгрессъ, большей частью, подтверждаетъ рѣшенія коммиссіи, въ лучшемъ случаѣ, онъ можетъ вносить небольшія поправки стилистическаго характера.

Процедура допущенія насъ на Конгрессъ продолжалась такъ долго, (три дня, на четвертый), что нашъ товарищъ пришелъ въ эмиграціонную коммисію слишкомъ поздно. Генеральные дебаты были давно закончены, уже была даже принята принципіально резолюція (австрійская), въ которой предстояло дѣлать лишь кой-какія измѣненія частичнаго характера. Новыхъ резолюцій уже нельзя

было вносить. Наше положеніе было очень критическое; единственное, что возможно было сдѣлать, это внести поправки и измѣненіе въ уже принятую резолюцію, но наши пункты и поправки были слишкомъ новы для коммиссіи и требовали самой серьезной дискуссіи, но объ этомъ и рѣчи не могло быть, къ тому же члены коммисіи были очень усталы и конечно спѣшили закончить скорѣе работу.

Мы считали невозможнымъ умолчать о нашихъ воззрѣніяхъ по этому вопросу. Наши взгляды, выраженные хотя въ декларативной формѣ, имѣли все-таки извѣстное агитаціонное значеніе. Слѣдующіе, наиболѣе существеные пункты нашей резолюціи, мы внесли въ видѣ поправокъ къ уже принятой резолюціи.

1) Организовать иммигрирующую массу въ національные профессіональные союзы на началахъ федеративной связи съ проф. союзами туземныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, пунктъ о привлеченіи иммигрирующихъ рабочихъ въ профессіональные союзы, фигурировавшій во всѣхъ резолюціяхъ въ общей, туманной формѣ, получилъ здѣсь реальную конкретную форму.

Мы указали именно на тѣ конкретныя мѣры, при помощи которыхъ привлеченіе иммигрирующихъ массъ въ профессіональные союзы можетъ стать фактомъ реальной дѣйствительности, а не только благочестивымъ пожеланіемъ. Мы указали, какимъ образомъ эти союзы должны организоваться въ національные секціи одного общаго федеративнаго союза, что фактически уже имѣетъ мѣсто въ Австріи.

Неожиданно для насъ, наше предложеніе вызвало большія недоразумѣнія. Французскіе и англійскіе делегаты, для которыхъ національный вопросъ совершенно не существуетъ и которые незнакомы съ національнымъ принципомъ въ профессіональномъ движеніи, сильно всполошились, обвиняя насъ, будто мы хотимъ расколоть рабочіе ряды и т. п, Встаетъ д-ръ Цетербаумъ (Галиція) и заявляетъ, что принципіально онъ съ нами согласенъ, что фактически организація профессіональныхъ союзовъ въ національныя секціи имѣетъ уже мѣсто въ Австріи, но дѣло въ томъ, что здѣсь центръ тяжести вопроса лежитъ не въ регулированіи междунаціональныхъ отношеній въ профессіональныхъ союзахъ, а въ привлеченіи рабочихъ къ профессіональному движенію вообще, и потому онъ предлагаетъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ дебатовъ, этотъ пунктъ отложить. (Большинство съ нимъ соглашается).

2) Предоставить эмигрантамъ право на національное самоуправленіе, въ компентенцію котораго должно быть включено регулированіе вопросовъ національной школы и культурныхъ потребностей, и также всѣхъ другихъ сторонъ общественной жизни, которыя связываютъ и объединяютъ эмигрантовъ, какъ членовъ опредѣленной націи, а не какъ жителей данной области или гражданъ данной страны.

Тотъ же Цетербаумъ опять заявляетъ, что принципіально онъ съ нами согласенъ, но онъ того мнѣнія, что подобный пунктъ подходитъ болѣе для резолюціи по національному вопросу, чѣмъ для резолюціи объ эмиграціи. Но независимо отъ его несомнѣнно болѣе или менѣе близкаго отношенія къ эмиграціонному вопросу, онъ не можетъ быть включенъ въ резолюцію, въ виду того, что ни въ соціалистической литературѣ, ни въ комиссіи онъ еще не дискуссировался, и поэтому онъ предлагаетъ его отклонить. (Большинство соглашается).

Чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе становилось невозможнымъ спокойно обсуж-

дать по существу предлагаемыя нами поправки. Замѣчается неимовѣрная торопливость и усталость; не прислушиваются ни къ тому, что предлага. ютъ и безъ преній кричатъ: „отложить“. Для болѣе яркой характеристики усталости и торопливости коммиссіи, достаточно указать на участь слѣдующаго внесеннаго нами пункта: облегчить эмигрантамъ процессъ натурализаціи. Тов. Гайдаровъ, предлагая этотъ пунктъ, прибавляетъ: „вотъ вамъ еще одинъ пунктъ для отклоненія“. „Отклонить, отклонить“ раздаются голоса со всѣхъ сторонъ. Пунктъ уже почти былъ отклненъ, но вдругъ выскакиваетъ Х. Раппопортъ и высказывается за принятіе этого пункта. Другой делегатъ (кажется Райхсбергъ) вспоминаетъ, что объ этомъ пунктѣ было и раньше говорено, но потомъ о немъ почему то забыли Пунктъ этотъ голосуютъ и онъ принимается тѣми же голосами, которые за минуту до того его отклонили. Такова была участь нашей резолюціи.

Вотъ въ общихъ чертахъ отчетъ нашей дѣятельности на Конгрессѣ. Подводя итогъ, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію.

А) Въ одномъ отношеніи мы себя можемъ чувствовать удовлетворенными— это въ вопросѣ о представительствѣ нашей партіи. Здѣсь мы многимъ обязаны С.-Р. Однако на этомъ мы не можемъ остановиться, а должны пойти еще дальше. Мы должны стремиться къ тому, чтобы Конгрессъ замѣнилъ принципъ представительства по государствамъ представительствомъ по націямъ. Мы должны стре. миться къ признанію Конгрессомъ спеціально еврейской секціи, гдѣ были бы представлены евр. пролетарскія партіи, которыя обѣими ногами стоятъ на почвѣ еврейской исторической дѣйствительности. Этого требуютъ интересы и достоинство еврейскаго пролетаріата. Это дастъ сильный толчекъ еврейскому пролетаріату на путь дальнѣйшей рѣшительной борьбы и подниметъ его значеніе, какъ внутри, такъ и внѣ еврейства. Такимъ путемъ всѣ ассимиляціонныя теченія, которыя въ скрытой или явной формѣ стремятся проникнуть въ среду еврейскаго пролетаріата получатъ свой послѣдній смертельный ударъ.

В) Если по пункту о нашемъ представительствѣ мы можемъ считать себя болѣе или менѣе удовлетворенными, то по отношенію къ другой, возложенной на насъ задачѣ, мы должны констатировать нашу неудачу. Наша резолюція, изъ-за причинъ, внѣ насъ лежащихъ, совсѣмъ не была поставлена на обсужденіе, наши поправки къ уже принятой резолюціи, по тѣмъ же причинамъ, не были серьезно разсмотрѣны. При болѣе благопріятныхъ условіяхъ мы могли бы ожидать совсѣмъ другихъ результатовъ: мы встрѣтили бы, по крайней мѣрѣ, серьезное отношеніе къ нашей резолюціи. Конечно, мы не должны обманывать себя. Побѣда досталась бы намъ не легко. Національный вопросъ на Конгрессѣ почти еще не былъ поставленъ. Все, что связано съ этимъ вопросомъ, остается пока чуждымъ Конгрессу.

Намъ, такимъ образомъ, предстоитъ широкое поле дѣятельности: поднять и разработать всѣ эти вопросы въ интернаціональной соціалистической литературѣ, какъ мы это дѣлали и дѣлаемъ въ еврейской и русской литературѣ. Это наша ближайшая работа, это также нашъ ближайшій долгъ. Въ настоящее время, когда престижъ Интернаціонала растетъ изъ года въ годъ, подобная пропаганда имѣетъ особенное значеніе. То, о чемъ грезили лучшія мыслители—борцы соціализма при

первомъ Интернаціоналѣ, принимаетъ реальныя очертанія, становится живымъ фактомъ. Интернаціоналъ пріобрѣтаетъ все большій авторитетъ въ глазахъ рабочаго класса всѣхъ странъ. Значеніе его поднимается также въ глазахъ внѣшняго міра. Мы видѣли уже, какое громадное вліяніе оказала амстердамская резолюція по вопросу о соціалистической тактикѣ на уничтоженіе министеріализма, на искорененіе оппортунизма и объединеніе соціалистическихъ партій одной страны (напр. Франціи).

Подобное же значеніе, несомнѣнно, будетъ имѣть и резолюція объ эмиграціи Она обязываетъ соціалистовъ Америки, Южной Африкѣ и Австраліи измѣнить свои враждебныя отношенія къ иммиграціи. Они, безъ сомнѣнія, будутъ агитировать въ этомъ направленіи среди своихъ рабочихъ и тѣмъ облегчатъ и безъ того тяжелую участь иммигрирующихъ. Мы заинтересованы въ томъ, чтобы Конгресъ въ вопросѣ объ эмиграціи сталъ цѣликомъ на нашу точку зрѣнія: это послужитъ благопріятной гарантіей не только для еврейской эмиграціи, но также и для будущаго нашего національнаго идеала, для территоріализма. Въ этомъ направленіи и мы должны напречь всѣ наши силы.

Резолюція по эмиграціонному вопросу, выработанная Ц. К. Е. С. Р. П. къ Штутгарскому Интернаціональному Соціалистичгскому Конгресу.

Потокъ эмиграціи изъ Европы въ заатлантическія страны, растущій изъ года въ годъ, имѣетъ свои корни въ капиталистическомъ строѣ и является результатомъ экономическихъ. политическихъ, религіозныхъ и національныхъ причинъ. Онъ можетъ прекратиться лишь съ послѣдней побѣдой пролетаріата, съ осуществленіемъ соціализма, заключающаго въ себѣ высшую свободу личности, и право всѣхъ безъ исключенія народовъ на землю и волю.

Основное зло эмиграціи для рабочихъ массъ въ странахъ эмиграціи состоитъ въ томъ, что эмиграціонный потокъ часто вырываетъ оттуда лучшихъ, болѣе энергичныхъ членовъ рабочаго класса, и тѣмъ значительно ослабляетъ его силы. Но гораздо больше страдаютъ отъ эмиграціи сами эмигрирующія массы и рабочіе въ странахъ иммиграціи, въ особенности тамъ, куда эмиграціонный потокъ направляется изъ странъ съ болѣе низкимъ экономическимъ и культурнымъ уровнемъ. Очутившись послѣ долгихъ мытарствъ на чужой сторонѣ, усталые, измученные происками агентовъ пароходныхъ кампаній и преслѣдованіями полиціи, безъ всякихъ средствъ къ существованію, незнакомые съ мѣстнымъ языкомъ, съ новыми условіями жизни, не умѣя защищать и охранять свои политическія и гражданскія права — эмигрирующія массы оказываются абсолютно безпомощными. Они попадаютъ въ руки хищнической буржуазіи, стремящейся ложными обѣщаніями и другими искусственными мѣрами увеличить товаръ—рабочую силу, поработить себѣ рабочій рынокъ и такимъ образомъ расшатать тѣ позиціи пролетаріата, которыя ему достались путемъ долгой, упорной борьбы. Эмигрирующія массы вынуждены бываютъ продавать свою рабочую силу за безцѣнокъ и довольствоваться худшими условіями труда въ формѣ домашней нндустріи, „швецинс-системъ“ и тому подобныхъ ужасныхъ видовъ эксплуатаціи. Такимъ образомъ эмиграція часто становится серьезнымъ тормазомъ въ профессіональной борьбѣ рабочаго класса въ странахъ иммиграціи.

Среди той части рабочихъ, у которой сознаніе классовой солидарности слабо развито, является стремленіе ограничить спеціальными законами иммиграцію опредѣленныхъ категорій рабочихъ.

Принимая во вниманіе, что подобныя мѣры безсильны ослабить эмиграціонный потокъ въ болѣе или менѣе значительной степени, что подобная ограничительная политика стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами и принципами интернаціональнаго пролет.—Конгресъ постановляетъ:

1) Никакая соціалистическая партія не должна ни въ коемъ случаѣ не только непосредственно участвовать въ движеніи, стремящемся законодательнымъ путемъ ограничить эмиграцію, но даже и косвенно ему содѣйствовать въ какой бы то ни было формѣ;

2) Уменьшеніе зла, приносимаго эмиграціей и иммиграціей, можетъ быть достигнуто только путемъ энергичной классовой борьбы пролетаріата за улучшеніе его положенія, упроченіе солидарности между рабочими разныхъ странъ и народовъ, поднятіе культурнаго и матеріальнаго уровня иммигрирующихъ массъ и планомѣрнаго урегулированія эмиграціи и иммиграціи. Къ этому должны быть направлены слѣдующія конкретныя мѣропріятія: а) Осуществить соціалистическую программу - минимумъ; прежде всего—установить законодательнымъ путемъ минимальную заработную плату и максимальный рабочій день, также подвергнуть контролю фабричной инспекціи и законодательной охраны труда домашнюю индустрію и низшее ремесло, в) Организовать иммигрирующую массу въ національные профессіональные союзы на началахъ федеративной связи съ профессіональными союзами туземныхъ рабочихъ, г) Облегчить эмигрантамъ натурализацію, е) Предоставить иммигрантамъ право на національное самоуправленіе, въ кругъ компетенціи котораго входило бы регулированіе вопросовъ національной школы, культурныхъ потребностей и также всѣхъ тѣхъ сторонъ общественной жизни, которыя связываютъ и соединяютъ эмигрантовъ, какъ членовъ опредѣленной націи, а не какъ жителей данной области или гражданъ данной страны, ж) Планомѣрно регулировать эмиграцію въ томъ смыслѣ, чтобы эмиграціонное теченіе направлялось частично изъ перенаселенныхъ городовъ въ незаселенныя мѣстности, гдѣ эмигранты получили бы возможность заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Для этой цѣли предоставить въ распоряженіе эмигрантовъ безплатные земельные надѣлы, даровой проѣздъ и распространить рабочее законодательство на аграрное хозяйство, з) Регулированіе эмиграціи должно быть передано государствомъ въ вѣдѣніе органовъ національнаго самоуправленія, а тамъ, гдѣ таковыхъ нѣтъ,—въ вѣдѣніе органовъ мѣстнаго самоуправленія. Это регулированіе должно производиться подъ строгимъ контролемъ и надзоромъ рабочихъ организацій тѣхъ народовъ, которые выдѣляютъ эмигрирующую массу, и) Создать эмиграціонныя бюро въ странахъ эмиграціи и иммиграціи и по пути слѣдованія эмигрантовъ, подъ контролемъ и надзоромъ рабочихъ организацій, к) Ввести строгій контроль надъ пароходными кампаніями и желѣзными дорогами, занимающимися перевозкой эмигрантовъ, л) Образовать при Интернаціональномъ соц. Бюро постоянный эмиграціон. секретаріатъ для координацій дѣйствій различныхъ рабочихъ эмиграціон. бюро, для оказанія юридической помощи эмигрантамъ и для дальнѣйшаго изслѣдованія сложной эмиграціонной проблемы.

Важнѣйшія опечатки.

Стран.	Строка.		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
84	12	сверху.	своей дѣятельностью и	въ своей дѣятельности
91	2	„	развилась	развивалась
„	9	„	націи, о	націи, какъ о
94	3	снизу	объектированному	объективированному
95	10	сверху	продуктовъ, части	продуктовъ, накопленія части
97	14	„	гдѣ	которое
100	15	„	цѣли	цѣпи
109	18	„	уже судьба	уже ихъ судьба
121	4	снизу	складомъ	укладомъ
132	14	сверху	національной территоріи	національныхъ территорій
135	1	снизу	національной культуры	національныхъ культуръ
145	5	„	претендонамъ вать	претендовать
154	4	сверху	принуждаютъ	вызываютъ
166	3	„	ли стоять	ли мы стоять
178	4	снизу	теченію	изреченію
185	14	„	не національныя	не на національныя
186	7	сверху	національныхъ элементовъ культурныхъ	національныхъ культурныхъ элементовъ
187	1	„	даже отбрасываютъ	сейчасъ же отбрасываютъ
188	7	„	колонизаціи	полонизаціи
194	15	„	національно - культурныя	національныя
195	6	„	учету“, ускользнувшей	учету величиной“, ускользнувшей
226	21	снизу	совѣтъ	совѣта
„	20	„	которой	которую
246	14	снизу	массовыя борьбы	массовую борьбу
249	17	„	противъ этого	за это
253	12	сверху	имѣющимъ культурное развитіе.“	достигшимъ культурнаго развитія“
254	4	„	это мы можемъ добыть	этого мы можемъ добиться
294	11	снизу	Брешту	Бешту
316	4	сверху	нижнихъ	нисшихъ
319	16	снизу	культуру, вынуждая	культуру, не вынуждая
343	3	„	12 %	13 %
345	12	„	12 %	13 %